

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 30-12-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 30-12-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Сапрыкина О.А. Языковая политика в странах португальской речи: институциональный аспект	1
Ильченко Н.М., Чернышева Е.Г. «Видимое есть символ»: Природа как одухотворенное начало в изображении русских и немецких романтиков	15
Шкалина Г.Е. Роман С.Г. Чавайна «Элнет»: единство марийского языка, фольклора и традиций	28
Котляр Е.Р., Резник О.В., Гоцанюк Н.Ю. Паттерн Л. Н. Толстого в культурном ландшафте Крыма	41
Пороль П.В., Пороль О.А. Из разысканий о «тихой девушке» в поэзии Н. Гумилева	55
Онуфриева Е.С., Тресорукова И.В. Речевые формулы ответа в новогреческом языке	63
Беляева Т.Н., Гусева Н.В. Система персонажей в романе марийского писателя М. Шкетана «Эренер» («Эренгер»)	79
Мезит А.Э., Катцина Т.А. Специальная лексика русского подъязыка социальной работы в стратификационном аспекте	87
Куц Н.В. Е. Ф. Розен против славянофильства: две статьи о «Московском сборнике» 1847 г.	96
Чжэнь Ч. Контент-стратегии китайских реалити-шоу в эпоху конвергенции СМИ	103
Чжан Ц., Шереметьева Е.С. Производный предлог «в счет»: специфика функционирования	112
Шеховцова Т.А. Функции корейских пословиц в политическом дискурсе англоязычных СМИ Южной Кореи	124
Юань С. Концепт «путь» как характеристика образа героя в романе А. А. Фадеева «Разгром»	144
Ян С. Лексические единицы, номинирующие женщин в поговорках о гендерном неравенстве русского языка	154
Cheng S. Экологическое сознание в творчестве писателей малочисленных народов России (на примере Ю. Рытхэу, Е. Айпина, Ю. Шесталова)	163
Куприн А.С. Поэтическая специфика «О гибели Британии» Гильды и «Гесперийских речений»: прагматический аспект и доминантный анализ. К 135-летию со дня рождения Б. И. Ярхо (1889–1942)	176
Голиков А.А., Акимов Д.А., Романовский М.С., Тращенко С.В. Аспекты создания корпоративной вопросно-ответной системы с использованием генеративных предобученных языковых моделей	190
Мукабенова Ж.А., Харчевникова Р.П., Монраев М.У., Сусеева Д.А., Биткеев П.Ц. Лингвокультурологический аспект цвета в калмыцком и корейском языках	206
Муталов Р.О. Постфиксальное выражение категории грамматического класса в атрибутивных формах даргинских языков	216
Чжао Я. Город будущего в романах В.Ф. Одоевского «Русские ночи» и «4338-й год»	225
Корнышева П.Е. Особенности монетизации интернет-СМИ: на примере интернет-	236

изданий Белгородской области

Короткевич Д.О. Языковые средства формирования образа главы зарубежного государства в американских СМИ (на материале The New York Times)	246
Табатабаи С., Булгарова Б.А. Сила мемов в кризис: потенциал эмоционального заражения мемов во время кризиса	259
Булгарова Б.А., Табатабаи С. Использование возможностей интернет-мемов для эмоционального заражения в качестве эффективной стратегии экологической коммуникации	281
Фэн В., Перфильев А.К., Ху П. Перевод медицинских терминов на китайский язык	306
Сунь С., Чжан Ч. Русская и китайская национальные личности: на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок с концептом «семья»	315
Барина Б.В., Харчевникова Р.П., Пюрбеев Г.Ц., Биткеев П.Ц., Монраев М.У. Калмыцкая метеорологическая лексика межсезонья в сравнении с близкородственными языками	328
Жикулина К.П. Siri и навык кодирования личностных смыслов в контексте английского речевого этикета	338
Майкова Т.А. К вопросу о применимости концепции единица перевода к машинному переводу	352
Дуктова Л.Г. Репрезентация культурных смыслов при использовании национальных культурных кодов в художественной литературе	361
Рахманихалилелахи Ж. Художественный конфликт в рассказе «Принц Ольденбургский» Фазиля Искандера	372
Ши Л. Эмоционально-оценочные коммуникемы в современной прозе	384
Захарова Н.В. Теория китайской повествовательной прозы в начале XX в.	396
Семёнов В.Б. Полижанровая структура поэмы Дж. Метэма «Аморий и Клеопа» (1449) и бестиарные мотивы в «энциклопедическом» эпизоде её сюжета	403
Ван Л. Специфика условных союзов в современном русском языке	419
Костоева А.М. Жанровые особенности исторических преданий ингушей	431
Зипунов А.В., Валганов С.В. От структуры научного текста к генезису авторской песни 1950-80-х гг.	439
Англоязычные метаданные	461

Contents

Saprykina O.A. Language Policy in Portuguese-speaking Countries: Institutional Aspect	1
Il'chenko N.M., Chernysheva E.G. "Visible is a symbol": Nature as an animated creature pictured by Russian and German romantics	15
Shkalina G.E. S.G. Chavain's novel "Elnet": the unity of the Mari language, folklore and traditions	28
Kotliar E.R., Reznik O.V., Gotsanyuk N.Y. L. N. Tolstoy's Pattern in the cultural landscape of Crimea	41
Porol P.V., Porol O.A. From the search for the "quiet girl" in N. Gumilev's poetry	55
Onufrieva E.S., Tresorukova I.V. Discursive formulas of response in Modern Greek	63
Belyaeva T.N., Guseva N.V. The system of characters in the novel «Erenger» by Mari writer M. Shketan	79
Mezit A.E., Kattsina T.A. Special vocabulary of the Russian sublanguage of social work in the stratification aspect	87
Kuts N.V. E. F. Rosen against Slavophilism: two articles on the "Moskovsky sbornik" of 1847	96
Zhen C. Content strategies of Chinese reality shows in the era of media convergence	103
ZHANG Q., Sheremeteva E.S. The derivative preposition "in the account": the specifics of functioning	112
Shekhovtsova T.A. The functions of Korean proverbs in the political discourse of the English-language media of South Korea	124
Yuan X. The concept of "way" as a characteristic of the image of the hero in the novel by A. A. Fadeev "The Rout"	144
Yang X. Lexical units nominating women in the paremias about the gender inequality of the Russian language	154
Cheng S. Ecological consciousness in the works of writers of small peoples of Russia (on the example of Yu. Rytheu, E. Aipina, Yu. Shestalov)	163
Kuprin A.S. The poetic specificity of Gilda's "On the Death of Britain" and the "Hesperica Famina": a pragmatic aspect and a dominant analysis. On the 135th anniversary of the birth of B. I. Yarkho (1889-1942)	176
Golikov A., Akimov D., Romanovskii M., Trashchenkov S. Aspects of creating a corporate question-and-answer system using generative pre-trained language models	190
Mukabenova Z.A., Kharchevnikova R.P., Monraev M.U., Suseeva D.A., Bitkeev P.T. The linguistic and cultural aspect of color in the Kalmyk and Korean languages	206
Mutalov R.O. Postfixal expression of the category of grammatical class in the attributive forms of the Dargin languages	216
zhao Y. The City of the Future in the novels by V.F. Odoevsky "Russian Nights" and "The 4338th year"	225
Kornysheva P. Features of Monetization of Internet Media: on the Example of Internet Periodicals of the Belgorod Region	236

Korotkevich D.O. Linguistic means of forming the image of the head of a foreign state in the American media (based on the material of The New York Times)	246
Tabatabai S., Bulgarova B.A. The Power of Memes in Crisis: the potential for emotional contagion of memes during a crisis	259
Bulgarova B.A., Tabatabai S. Leveraging the power of internet memes for emotional contagion as effective strategy for environmental communication	281
Feng W., Perfiliev A.K., Hu P. Translation of medical terms into Chinese	306
Sun X., Chzhan C. Russian and Chinese National Personalities: Based on the Material of Phraseological Units, Proverbs, and Sayings With the Concept of "Family"	315
Barinova B.V., Kharchevnikova R.P., Pyurbeev G.T., Bitkeev P.T., Monraev M.U. Kalmyk meteorological vocabulary of the off-season in comparison with closely related languages	328
Zhikulina C.P. Siri and the skills of encoding personal meanings in the context of English speech etiquette	338
Maikova T. On the Concept of Translation Unit in a Machine Translation Framework	352
Duktava L.G. Representation of cultural meanings when using national cultural codes in fiction	361
Rakhmanikhalilelakh Z. Artistic Conflict in the Short Story 'Prince Oldenburg' by Fazil Iskander.	372
Shi L. Emotional-evaluative communicemes in contemporary prose	384
Zakharova N.V. The theory of Chinese narrative prose in the early twentieth century.	396
Semenov V.B. The multi-genre structure of J. Metham's poem "Amoryus and Cleopes" (1449) and bestiary motifs in the "encyclopedic" episode of its plot	403
Wang L. The specifics of conditional conjunctions in modern Russian	419
Kostoeva A.M. Genre features of historical legends of the Ingush	431
Zipunov A., Valganov S.V. From the structure of the scientific text to the 1950s-80s bard song genesis	439
Metadata in english	461

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сапрыкина О.А. — Языковая политика в странах португальской речи: институциональный аспект // Litera. – 2023. – № 12. – С. 1 - 14. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.68932 EDN: XGHOQC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68932

Языковая политика в странах португальской речи: институциональный аспект

Сапрыкина Ольга Александровна

доктор филологических наук

профессор кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51

✉ olgasaprykina@mail.ru[Статья из рубрики "Язык"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.12.68932

EDN:

XGHOQC

Дата направления статьи в редакцию:

09-11-2023

Дата публикации:

02-12-2023

Аннотация: В статье рассмотрены особенности языковой политики в странах португальской речи. В языковой политике государства, по мысли автора, заложено решение языковых проблем национальной общности. С помощью языковой политики формируется языковая среда – область жизнедеятельности нации, в которой создается национально-культурная общность, составляющая основу государственного единства. В языковой политике выделяются такие векторы, как институциональный, образовательный и экономический. В данной статье речь идет об институциональном аспекте языковой политики в странах португальского языка. В области институциональной деятельности важнейшую роль играют законодательные документы и среди них первоочередную – Конституции государства. В конституциях и региональных документах, издаваемых в штатах или провинциях, определяется статус языка – является ли он государственным

или официальным. Материалом данного исследования послужили тексты основных законодательных документов стран португальского языка – государственных Конституций. В основу анализа были также положены акты Содружества стран португальского языка – Декларация об объединении и Устав. Кроме того, рассматривались цифровые издания актуализированных Орфографических словарей стран португальской речи как инструмент выработки единого орфографического стандарта. Автор отмечает, что языковая политика в странах португальского языка, являясь инструментом национального строительства и символом развития национальной культуры, в то же время является средством достижения политических целей и проявлением исторически маркированной идентичности. Опираясь на содержание официальных документов и анализируя деятельность рассматриваемых государств в данной сфере, а также обращаясь к истории создания и функционирования Содружества стран португальского языка, автор приходит к выводу о том, что этнически разнородные страны португальского языка сближаются в рамках не только экономического взаимодействия, но и национально-языковой политики: продолжается работа над единым Орфографическим словарем с учетом дифференциации в национальных и даже территориальных вариантах португальского языка. Языковая политика постоянно учитывает приоритеты молодежной политики, которая предполагает интеграцию молодежи с помощью новейших технологических ресурсов.

Ключевые слова:

португальский язык, португалистика, языковая политика, языковая среда, государственный язык, официальный язык, коофициальный язык, конституция, лузофония, Содружество португалоязычных стран

Введение

Современная языковая политика в странах португальской речи — продолжение идеологической и политической деятельности в многомерном пространстве лузофонии. Эта деятельность имеет историческое измерение и направлена на интеграцию стран, идентифицируемых как португалоговорящие в рамках Содружества стран португальского языка.

Актуальность данного исследования связана с важным направлением в социолингвистике, обращенной к вопросам существования языка в рамках различных государственных образований, с признанием статусов диалектов как исторической категории, их соотнесенности с национальным (официальным) языком и родными языками, а также взаимосвязи между языковыми и социальными структурами.

Разработка представленной проблемы актуальна еще и потому, что входит как составная часть в лингвовариантологию и этнокультурную лингвамиграциологию — новейшую дисциплину, в области которой ставятся вопросы функционирования языков в условиях интенсивных языковых контактов.

Материалом для данной работы послужили тексты основных законодательных документов стран португальского языка — государственных Конституций. В основу анализа были также положены акты Содружества стран португальского языка — Декларация об объединении и Устав. Рассматривались также цифровые издания актуализированных Орфографических словарей стран португальской речи.

Обсуждение мер языковой политики в период новейшей истории широко входит в португальский медийный, политический и публицистический дискурс. Создание языковой среды и языковая идеология — базовые темы медиаречи. В печатной и электронной версиях таких португальских, бразильских газет, как *Diário de Notícias*, *Público*, *Expresso*, *Folha de São Paulo*, *Veja* регулярно происходит обновление соответствующей информации.

1. Представление объекта и методов исследования

Под языковой политикой обычно понимаются «систематические рациональные меры, основанные на теоретическом анализе, применяемые ко всему обществу и направленные на решение языковых проблем с целью повышения всеобщего благоденствия» [3, с. 7-8]. Осуществление языковой политики связано с властью, которая избирает принципы поведения в отношении к языку. Меры языковой политики применяются в трех направлениях — институциональном, образовательном и экономическом.

Главная цель языковой политики — создание благоприятной для государства, власти, осуществляющей политическое общение, языковой среды. Языковая среда оформляется в пределах национальных государственных образований и, следовательно, зависит от государственного устройства.

Языковая среда — неотъемлемая область национальной культуры. В рамках языковой политики литературный язык является мощным средством формирования и конструирования национально-культурной идентичности.

Объектом данного исследования является статус португальского языка в странах, входящих в Содружество португалоговорящих стран.

Предмет работы — языки на территории лузофонного сообщества, имеющие статус официальных, коофициальных, родных и национальных (этнически исторических).

Подход к изучению языковой политики в данной статье разрабатывается на основе новейших социолингвистических изысканий в области языковой экологии, языкового национализма, языковой идеологии, билингвизма и мультилингвизма, перспектив сохранения языковых меньшинств, возможности возрождения языков (Э. Бешара, П. Бурдьё, М. А. Марусенко и др.)

2. Институциональный аспект языковой политики. Анализ и результаты исследования

В странах португальской речи действуют разные по содержанию, уровню и степени законодательного воздействия документы. Так, главными документами, в которых поставлен вопрос о языке, являются основные законы стран португальской речи — конституции. Большой степенью влияния обладают также общегосударственные законы, законы регионального уровня действия, акты, декреты, которые выпускаются государственными учреждениями.

В становлении законодательства о языке в странах португальской речи выделяется несколько этапов:

- разработка и принятие или обновление конституций и появление в них статей о языке;
- законодательные инициативы интеграционного характера, направленные на поддержку португальского языка;
- разработка, принятие документов, касающихся единого языкового стандарта (в области

орфографии).

В институциональном (государственном) отношении важно определение статуса языка. Такая необходимость часто возникает в неоднородных языковых сообществах.

В рамках языковой политики заслуживает внимания необходимость разграничить язык официальный и язык государственный.

П о д **государственным** языком понимается язык, «пользующийся в государстве законодательным статусом (в соответствии с конституцией или особым законом) обязательного в употреблении в официальных сферах жизни. Выполняет интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной областях, выступая в качестве его символа. Статус государственного языка обычно придается языку титульной нации. Государственным может быть объявлен один язык (в большинстве стран) или несколько» [\[4\]](#).

Официальный же язык — «основной язык государства, используемый в законодательстве и официальном делопроизводстве, судопроизводстве, обучении и т.д. в странах с многонациональным населением (например, Индия, Канада, Швейцария). В конституциях определяется, какой язык (языки) является официальным» [\[1, с. 368\]](#).

Из этих определений следует, что государственный и официальный языки похожи, но могут различаться на основании социолингвистической ситуации в стране. Если в многоязычном государстве подчеркивается статус официального языка, то преимущественно в моноэтнических государствах титульной (по конституции) нацией определяется роль государственного языка. С другой стороны, только по отношению к государственному языку выделяется его интеграционная функция и роль как государственного символа. Официальный же язык описывается как язык многонационального государства, наделенный различными официальными функциями.

Характеристику официального языка дал французский социолог и этнолог П. Бурдьё (1930–2002). Ученый, в частности, отметил: «Официальный язык неразрывно связан с государством. Это касается как его происхождения, так и его социальных узусов. Именно в процессе становления государства создаются условия для становления единого и подчиняющегося официальному языку языкового рынка: этот государственный язык, обязательный в официальных ситуациях и официальных пространствах (в школе, в административных учреждениях, в политических документах и проч.), обретает статус теоретической нормы, которая служит объективным критерием для оценки всех языковых практик» [\[2\]](#).

В области языковой политики уделяется внимание языковому планированию, которое связано с поддержкой и сохранением языков, созданием письменности бесписьменных языков, открытием двуязычных школ и разработкой соответствующего языкового законодательства.

В лузофонных странах принято деление на **официальный язык** (língua oficial), **коофициальные** языки (línguas co-oficiais), **родной язык** (língua materna) и **национальный язык** (língua nacional).

Сочетания официального, коофициальных, родных (автохтонных) и национальных языков образуют сложные конфигурации — профили. Языковые профили различаются в разных странах португальской речи.

В Португалии и в Бразилии, например, официальным языком считается португальский. В конституции Португальской республики (с населением 10,3 млн человек) в XI главе раздела «Основные принципы» говорится о том, что официальным языком в стране является португальский: *A língua oficial é o Português* [12].

В Федеративной республике Бразилии (население около 230 млн человек на 2023 г.) в разделе IV в 13 главе Федеральной конституции Бразилии официальным языком в стране признается португальский: *A língua portuguesa é o idioma oficial da república federativa do Brasil* [8]. Кроме того, в Бразилии официально принятым языком является также специальный язык глухонемых LIBRAS (*língua brasileira dos sinais*). В Бразилии уделяется большое внимание решению вопросов доступа глухих студентов к рынку труда. Эти вопросы постоянно обсуждаются не только в печати, но и в научной литературе [7].

В сфере языкового планирования в Бразилии уделяется большое внимание развитию языков автохтонных народов, в частности, языкам *каинганг* (группа языков же — в штатах Сан-Паулу, Парана, Санта Катарина и Риу Гранде ду Сул — около 26 тыс. человек) и *гуарани* (в основном, на границе с Парагваем; в целом на гуарани говорит около 5 млн человек). Не остаётся без внимания и практически исчезнувший в XX веке *лингва жерал*, который развился из *тупинамба*, превратившись в язык, называемый *ньенгату*.

Среди языков бразильских иммигрантов по степени важности и распространения выделяются немецкие диалекты *hunsrückisch* и *pomerano* (всего примерно около 900 тыс. чел.). В Риу Гранде ду Сул и в Санта Катарине до сих пор распространён *italian*, или венетский язык (общее число говорящих — около 1 млн человек). В Бразилии насчитывается около 180 автохтонных языков и примерно 30 языков иммигрантов.

Деятельность по поддержке миноритарных языков в Бразилии координируется Институтом по изучению и развитию в области языковой политики (Instituto de investigação e desenvolvimento em política linguística), который находится во Флорианополисе в штате Санта Катарина. При министерстве культуры Бразилии в рамках Национального Института исторического и художественного наследия (Instituto do Património Histórico e Artístico Nacional) проводятся описания миноритарных языков. В сфере деятельности этого института оказалось описание языка гуарани — мбайя. В 2010 году было подготовлено *Национальное описание языкового разнообразия* (Inventário nacional da diversidade linguística).

В Народной республике Ангола, где проживает около 25,8 млн человек, португальский язык признан официальным (государственным) языком наряду с национальными языками — *кимбунду* (язык банту 1,7 млн чел. — распространён в провинции Луанда), *умбунду* (язык банту — около 6 млн чел., или 23 % населения — в центре и на юге страны), *киконго* (распространён в эксклаве Кабинда, известен также как *фиоте* — 8,24% населения), *кокве* (456 тыс. чел.) и *кваньяма* (450 тыс. чел.). Статус португальского языка определен в I разделе в XIX статье Конституции республики Ангола (2010): «Официальным языком республики Ангола является португальский». Во втором параграфе той же статьи сказано о том, что государство признает и поддерживает изучение, преподавание и употребление других языков в Анголе, равно как и основных языков международной коммуникации: 1. *A língua oficial da República de Angola é o português*. 2. *O Estado valoriza e promove o estudo, o ensino e a utilização das demais línguas de Angola, bem como das principais línguas de comunicação internacional* [9].

После революции 1975 года в Мозамбике была принята Конституция, в первой редакции которой не определялся статус португальского языка. Вместе с тем министр образования Граса Машел заявила о том, что, несмотря на статус языка угнетателей, португальский язык в новом Мозамбике должен обрести новое измерение и сыграть важную роль в преодолении раскола, который вносили в общественную жизнь языки разных этнических групп.

Необходимые изменения относительно статуса португальского языка в Мозамбике были внесены в Конституцию только в 1990 году, когда португальский язык был признан единственным официальным языком нации-государства. Подобное возвышение португальского языка было вызвано тем, что в отличие от языков банту он не был связан ни с одной из стремящихся к власти народностей. Португальский язык как язык мощной литературной традиции в послереволюционном Мозамбике рассматривался как язык неангажированный, не вовлеченный в борьбу за власть в стране.

По свидетельству переписи населения 1997 года, самыми распространенными языками в Мозамбике являются *макуа* (24,8%), *тсонга* (шангана, ронга, тсва) (11,4%), *ломвэ* (7,9%) и *сена* (10%).

В колониальный период португальский язык давал возможность жителям страны добиваться более высокого общественного положения и повышать материальный статус. На португальском языке говорили, в основном, горожане. В деревнях главными средствами общения были банту-языки (90% от всех бывших в обиходе африканских языков).

Статус португальского языка как официального языка страны утвержден в *Конституции республики Мозамбик* (раздел 1 статья 10: *Na República de Moçambique a língua portuguesa é a língua nacional*). В девятой статье основного закона страны говорится также, что государство признает национальные языки и поддерживает их развитие и возрастающее употребление в качестве средств общения, а также в области образования граждан страны: *O Estado valoriza as línguas nacionais como património cultural e educacional e promove o seu desenvolvimento e utilização crescente como línguas veiculares da nossa identidade* [11].

В республике Кабо Верде в *Конституцию страны* 1992 г. (Constituição da República de Cabo Verde) в 90-е годы XX века вносились существенные изменения. В частности, в 1999 г. были установлены равные права двух языков — родного кабовердианского и португальского, официального. В 9 статье 1 главы Конституции сказано: 1. *É língua oficial o português*. 2. *O estado promove as condições para a oficialização da língua materna caboverdiana, em paridade com a língua portuguesa*. 3. *Todos os cidadãos tem o dever de conhecer as línguas oficiais e o direito de usá-las* [10].

Кабовердианский язык (также *кабувердьяну*) — разновидность контактного языка, так называемого креольского, возникшего на основе португальского языка. Является родным почти для 1 млн чел. На нем ведется преподавание в школах, осуществляется радио- и телевидение. На кабовердианском создается новейшая художественная литература.

В *Конституции Республики Гвинея Бисау* (1996) указано, что фундаментальной задачей государства является борьба с неграмотностью (16.2: *O Estado considera a liquidação do analfabetismo como uma tarefa fundamental* [19]), а также создание условий для сохранения культурной идентичности как основания национального самосознания и

достоинства (17.1: *É imperativo fundamental do Estado criar e promover as condições favoráveis à preservação da identidade cultural, como suporte da consciência e dignidade nacionais e factor estimulante do desenvolvimento harmonioso da sociedade. O Estado preserva e defende o património cultural do povo, cuja valorização deve servir o progresso e a salvaguarda da dignidade humana* [19]).

Наряду с официальным языком в Гвинее Бисау (1,8 млн чел.) распространены африканские (родные для некоторых народностей) языки — *баланта* (25%), *фула* (28%), *мандинга* (15%), *манжако* и *папел* (9%). В городах (Бисау, Болама, Кашеу) часть населения пользуется гвинейским креольским, имеющим две возрастные разновидности — молодежного креольского (*kiriol lebi*) и креольского старшего поколения (*kiriol fundu*).

В преамбуле Конституции Республики Сан-Томе и Принсипе (2003) отмечается, что «народ Сан-Томе на протяжении пяти веков вел трудную и героическую борьбу против колониального владычества за освобождение захваченного отечества, за завоевание суверенитета и национальной независимости, за восстановление погрязших прав» (*Durante cinco séculos o Povo São-tomense travou contra a dominação colonial, um combate difícil e heróico, pela libertação da sua Pátria ocupada, pela conquista da Soberania e Independencia nacional, pela restauração dos seus direitos usurpados e pela reafirmação da sua dignidade humana e personalidade africana*) [13]. Португальский язык является официальным и родным языком для подавляющего числа населения страны (98,4%). Наряду с португальским в Сан-Томе распространены лузокреольские языки — *форро* (70 тыс. человек — на форро осуществляется коммуникация в социальных сетях), *анголар*, *креольский кабовердианский* и *принсипенсе*.

В I разделе в 13 главе Конституции Демократической республики Восточный Тимор (2002) определяется официальный статус португальского и национальных языков, а именно — австронезийского языка народа тетум: 1. *O tétum e o português são as línguas oficiais da República Democrática de Timor-leste.* 2. *O tétum e as outras línguas nacionais são valorizadas e desenvolvidas pelo Estado.* («1. Языки тетум и португальский являются официальными языками Демократической республики Восточный Тимор. 2. Тетум и другие национальные языки поддерживаются и развиваются с помощью государства») [14].

В Республике Экваториальная Гвинея 20 июля 2010 года декретом президента страны португальский язык был провозглашен официальным языком страны. На этом основании Экваториальная Гвинея смогла стать полноправным членом Содружества стран португальского языка. Между тем в конституции страны 2012 года в 4 статье первого раздела сказано о том, что официальными языками Экваториальной Гвинеи считаются *испанский* и *французский*, а также те, которые определены законом: *Las lenguas oficiales de la República de Guinea Ecuatorial son el Español, el Francés y las que la Ley determine* [18].

3. Обоснования языковой политики в государствах португальского языка

Лузофония — мир португальского языка, существующего в разных национальных, региональных, территориальных и социальных вариантах, в разных модусах (письменном и устном), в разных регистрах и жанрах.

Термин *lusofonia* (лузофония) появился благодаря неологизму *lusófono* < *luso* + *fono* (лузофон). Этот термин был образован по аналогии с французским словом *francophone*, которое с 1949 года внесено в словарь *Le Petit Robert de la langue française*.

Лузофонным сообществом называют наднациональное объединение, возникшее на трех основаниях: общего языка — португальского, гетерогенного этнического состава населения и общности культурных традиций. Лузофонный мир формировался в процессе создания и существования Португальской империи, которая насчитывала почти пятьсот лет.

Теоретическим обоснованием лузофонии стала доктрина лузотропикализма, разработанная Бразильским историком и социологом Ж. Фрейре. В книге *Casa grande & senzala* бразильский ученый проводит мысль о том, что в основе формирования национально-культурной бразильской идентичности лежит расово-культурный синтез [\[17\]](#).

Фрейре наметил два пути генезиса этнокультурных и культурно-исторических общностей, вовлекающих расу и культуру, — **метисацию** и **креолизацию**. Под метисацией понимается этнический процесс смешения автохтонного населения с представителями других рас (или колонизаторов и привезенных рабов) в результате смешанных браков. Метисация начинается в колониальный период. В более широком смысле метисация — смешение обычаев, форм мышления, верований контактирующих народов. Креолизация (первоначально лингвистическое понятие — процесс и результат взаимодействия языков) — взаимопроникновение контактирующих языков и культур [\[5\]](#).

4. Деятельность Сообщества португалоговорящих стран в области языковой политики

Идеи Ж. Фрейре сыграли значительную роль в интеграционном движении в рамках лузофонии. Это стало очевидно, когда в лузофонном мире было создано Содружество стран португальского языка **Comunidade dos países d a língua portuguesa (CPLP)**. Инициатива организовать содружество появилась в 1983 году. Первым её сформулировал министр иностранных дел Португалии Жайме Гама, во время официального визита в Республику Кабо Верде. В 1989 году по предложению бразильского президента Жозе Сарнея состоялась первая встреча глав государств и правительств семи стран португальского языка — Португалии, Бразилии, Анголы, Мозамбика, Гвинеи Бисау, Кабо Верде, Сан Томе и Принсипе. С 1994 шла разработка принципов деятельности нового Содружества. И наконец, в 1996 г., когда были подготовлены Декларация и Устав организации, в Лиссабоне состоялось подписание учредительных документов. В 2002 г. Восточный Тимор после обретения независимости стал восьмым членом сообщества. В 2014 году в состав содружества вошла Экваториальная Гвинея, признавшая португальский язык одним из своих официальных языков на основании того, что на её территории распространены креольские языки на основе португальского. Входящие в Содружество страны с общим населением около 273 млн человек расположены на четырех континентах.

Устав Сообщества в 9 главе предусматривал открытие Международного института португальского языка **Instituto Internacional d a Língua portuguesa (IILP)**. Цель института состоит в планировании и выполнении программ, связанных с продвижением (*promoção*), защитой (*defesa*), обогащением (*enriquecimento*) и распространением (*difusão*) португальского языка. Португальский язык рассматривается как инструмент культуры, образования, информации и доступа к научному, технологическому знанию, а также как средство международного общения.

Устав Содружества был ратифицирован в странах португальской речи в 1997–1998 гг.

В Декларации Содружества сформулированы задачи организации: укреплять

национально-культурную и многонациональную идентичность, упрочить взаимные узы дружбы и сотрудничества на основе единого языка, имеющего в странах статус официального. В этой связи подчеркивается, что португальский язык — общее достояние, средство исторической связи, возникшей в процессе многовекового сосуществования. Португальский язык рассматривается в качестве базовой основы, с помощью которой происходит утверждение собственной национальной идентичности в каждой из стран португальской речи [\[16\]](#).

В деятельности международного института португальского языка важным направлением является разработка **Общего орфографического словаря** (*Vocabulário ortográfico comum da língua portuguesa*, VOC) [\[20\]](#). В 1990 г. было заключено международное соглашение об орфографии *Acordo Ortográfico da Língua Portuguesa*, задача которого состояла в том, чтобы закрепить орфографические формы (включая факультативные) и создать корпус слов, использующихся в странах португальского языка. Интересно, что в каждой стране своя версия словаря: в Бразилии VOLP (*Vocabulário ortográfico da língua portuguesa*), в Кабо Верде — VOCALP (*Vocabulário Cabo-Verdiano da Língua Portuguesa*), в Мозамбике — VONMoz (*Vocabulário Ortográfico Nacional de Moçambique*), в Португалии — VOP (*Vocabulário Ortográfico do Português*), в Тиморе — VO-TL (*Vocabulário Ortográfico de Timor-Leste*).

В 2012 г. Словарь впервые был представлен в штаб-квартире Сообщества, в 2013 г. обсужден на II конференции по вопросам будущего португальского языка. Наконец, в 2014 г. Словарь стал общим достоянием на X Встрече глав государств Сообщества в Дили. Самыми разработанными версиями словаря являются бразильская и португальская редакции. В подготовке бразильского орфографического словаря принял участие академик Э. Бешара [\[6\]](#). Португальскую редакцию готовили известные лингвисты М. Коррейя и Ж. Педру [\[15\]](#).

27 августа 2023 года в Сан-Томе состоялась XIV конференция глав государств Содружества. Особое внимание было уделено вопросам молодежи и проблемам сохранения окружающей среды. В декларации конференции были подчеркнуты обязательства стран-членов Сообщества по укреплению солидарности, братских отношений и сотрудничества. Единства усилий, направленных на укрепление и распространение португальского языка и благополучия народов. В качестве ассоциированного наблюдателя в Содружество вошел Парагвай, стремящийся к продвижению и распространению португальского языка. Исполнительным секретарем был переизбран представитель Тимора Закариаш да Кошта.

Выводы

Исследование языковой политики в странах португальской речи опирается на методологию, разрабатываемую в социолингвистике, лингвовариантологии, антропологии и этнографии, а также в лингвокультурологии. Языковая политика обладает целым инструментарием средств, ключевым среди которых является определение статуса языка в основополагающем государственном документе — Конституции страны.

В странах португальской речи, с точки зрения статуса языка, выделяются официальный, коофициальный, родной и национальный языки. Каждое государство уделяет особое внимание не только языку политической нации (в соответствии с гражданством), но и языкам политически значимых традиционных исторических этносов.

Созданное Содружество португалоговорящих стран развивает интенсивную деятельность в области не только экономического взаимодействия, но и национально-языковой политики. В сфере сближения государств продолжается работа над единым Орфографическим словарем с учетом дифференциации в национальных и даже территориальных вариантах португальского языка. Языковая политика постоянно учитывает приоритеты молодежной политики, которая предполагает интеграцию молодежи с помощью новейших технологических ресурсов. Особенности цифрового взаимодействия на основе португальского языка — актуальная проблема для будущих исследований.

Библиография

1. Большой юридический словарь. / Сост. Додонов В.Н., Ермаков В.Д., Крылова М.А. и др. М.: Инфра, 1999.
2. Бурдьё П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. 2005. № 2 (23). С. 10-21.
3. Марусенко М. А. Языковая политика Европейского союза: институциональный, образовательный и экономический аспекты. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014.
4. Чиркин В.Е. Государственный язык / Большая российская энциклопедия // URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2373578> (дата обращения: 01.10.2023)
5. Шемякин Я.Г. Метисация как основа цивилизационной идентичности латинской Америки // URL: https://etnos.kunstkamera.ru/science/konferencii_i_seminary/2018/american_simp2/tezy_dokladov/metisaciya (дата обращения: 01.10.2023)
6. Bechara E. (coord.) Vocabulário Ortográfico da Língua Portuguesa. 5.ª edição [adaptada ao VOC]. Rio de Janeiro: Academia Brasileira de Letras, 2017.
7. Borba J. E., Melo J. G. dos S., Vieira M. M. da S. Бразильский язык жестов – Libras как определяющий фактор доступа глухих студентов к рынку труда // Revista Científica Multidisciplinar Núcleo do Conhecimento. 2021. Vol. 06. Pp. 117-128.
8. Constituição da República Federativa do Brasil de 1988 // URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/Constituicao/Constituicao.htm (дата обращения: 01.10.2023)
9. Constituição da República de Angola // URL: http://www.governo.gov.ao/Arquivos/Constituicao_da_Republica_de_Angola.pdf (дата обращения: 01.10.2023)
10. Constituição da República de Cabo Verde // URL: <http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/cvi117271.pdf> (дата обращения: 01.10.2023)
11. Constituição da República de Moçambique // URL: <http://www.portaldogoverno.gov.mz/por/Governo/Legislacao/Constituicao-da-Republica-de-Mocambique> (дата обращения: 01.10.2023)
12. Constituição da República Portuguesa // URL: <https://dre.pt/constituicao-da-republica-portuguesa> (дата обращения: 01.10.2023)
13. Constituição da República Democrática de S. Tomé e Príncipe // URL: <https://www2.camara.leg.br/saotomeeprincipe/constituicao/constituicao-da-republica-democratica-de-s.tome-e#a2> (дата обращения: 01.10.2023)
14. Constituição da República Democrática de Timor Leste // URL: http://timor-leste.gov.tl/wp-content/uploads/2010/03/Constituicao_RDTL_PT.pdf (дата обращения: 01.10.2023)
15. Correia M., Ferreira J. P. (orgs.) VOP – Vocabulário Ortográfico do Português. 2.^a

edição. Coimbra: CELGA-ILTEC, Universidade de Coimbra, 2017.

16. Declaração Constitutiva da Comunidade dos Países de Língua Portuguesa – CPLP // URL:
<https://www.cplp.org/Files/Filer/Documentos%20Essenciais/DeclaraoConstitutivaCPLP.pdf> (дата обращения: 01.10.2023)
17. Freire G. Casa grande & senzala. Sao Paulo: Global Editora, 2003. // URL:
https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/229322/mod_resource/content/1/Gilberto%20Freyre%20-%20Casa-Grande%20e%20Senzala.pdf (дата обращения: 01.10.2023)
18. Ley Fundamental de Guinea Ecuatorial // URL:
https://www.guineaecuatorialpress.com/pdf/Ley_Fundamental_Guinea_Ecuatorial.pdf (дата обращения: 01.10.2023)
19. República da Guiné-Bissau. Assembleia Nacional Popular. Constituição da República // URL: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/pt/gw/gw001pt.pdf> (дата обращения: 01.10.2023)
20. Vocabulário ortográfico Comum da Língua Portuguesa // URL: <https://voc.cplp.org/> (дата обращения: 01.10.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья являет собой компилятивную форму озвучки темы языковой политики в странах португальской речи. Автор отмечает, что «современная языковая политика в странах португальской речи — продолжение идеологической и политической деятельности в многомерном пространстве лузофонии. Эта деятельность имеет историческое измерение и направлена на интеграцию стран, идентифицируемых как португалоговорящие в рамках Содружества стран португальского языка», «главная цель языковой политики — создание благоприятной для государства, власти, осуществляющей политическое общение, языковой среды. Языковая среда оформляется в пределах национальных государственных образований и, следовательно, зависит от государственного устройства». Статья не имеет сложной концептуальной основы, большая часть тезисов декларативна. Например, «в странах португальской речи действуют разные по содержанию, уровню и степени законодательного воздействия документы. Так, главными документами, в которых поставлен вопрос о языке, являются основные законы стран португальской речи — конституции. Большой степенью влияния обладают также общегосударственные законы, законы регионального уровня действия, акты, декреты, которые выпускаются государственными учреждениями», или «государственный и официальный языки похожи, но могут различаться на основании социолингвистической ситуации в стране. Если в многоязычном государстве подчеркивается статус официального языка, то преимущественно в моноэтнических государствах определяется роль государственного языка. С другой стороны, только по отношению к государственному языку выделяется его интеграционная функция и роль как государственного символа. Официальный же язык описывается как язык многонационального государства, наделенный различными официальными функциями», или «согласно концепции плюрицентрических языков Конрада Бранна в соответствии с языковыми функциями национальный язык может быть определен как хтонолект (язык данной местности), хоралект (язык одного из регионов), демолект (язык всего народа данной местности) и политолект (официальный язык)» и т.д. Материал не соответствует

т.н. стандарту научной раскладки, ибо в нем нет должной аналитики и аргументации. Поверхностная оценка, отсылка, схематизм, вот набор свойств данного исследования. Работе явно не хватает серьезной аналитической базы, серьезной процедуры оценки «языковой политики в странах португальской языковой системы». Ссылочно-цитатный блок имеется, но и он имеет явно формальный характер. Например, «в Федеративной республике Бразилии в разделе IV в 13 главе Федеральной конституции Бразилии официальным языком в стране признается португальский: «A língua portuguesa é o idioma oficial da república federativa do Brasil». Кроме того, в Бразилии официально принятым языком является также специальный язык глухонемых LIBRAS (língua brasileira dos sinais)», или «деятельность по поддержке миноритарных языков в Бразилии координируется Институтом по изучению и развитию в области языковой политики (Instituto de investigação e desenvolvimento em política linguística). При министерстве культуры Бразилии в рамках Национального Института исторического и художественного наследия (Instituto do Património Histórico e Artístico Nacional) проводятся описания миноритарных языков. В сфере деятельности этого института оказалось описание языка гуарани — мбайя. В 2010 году было подготовлено Национальное описание языкового разнообразия (Inventário nacional da diversidade linguística)», или «статус португальского языка как официального языка страны утвержден в Конституции республики Мозамбик (раздел 1 статья 10: «Na República de Moçambique a língua portuguesa é a língua nacional»). В девятой статье основного закона страны говорится также, что государство признает национальные языки и поддерживает их развитие и возрастающее употребление в качестве средств общения, а также в области образования граждан страны: «O Estado valoriza as línguas nacionais como património cultural e educacional e promove o seu desenvolvimento e utilização crescente como línguas veiculares da nossa identidade» и т.д. Работа не имеет четкой выраженной концепции, цель и задачи не прописаны должным образом. Тема работы по существу не раскрыта, приведенный информационный срез нельзя считать явным научным достижением. Выводы по тексту скудны, сверх точечны, условны: «таким образом, языковая политика в странах португальского языка является инструментом национального строительства (гражданство), символом развития национальной культуры, средством достижения политических целей и проявлением исторически маркированной идентичности. Этнически разнородные страны португальского языка сближаются в рамках не только экономического взаимодействия, но и национально-языковой политики». Материал нуждается в серьезной доработке, расширении аналитического звена, работе нужен концептуальный ценз! В данном виде статья «Языковая политика в странах португальской речи: институциональный аспект» не может быть допущена к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Языковая политика в странах португальской речи: институциональный аспект», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к проблематике национальных языков части государств третьего мира, бывших колоний, которые в наши дни являются развивающимися странами, все больше влияющими на мировую политику. Автор обращается к «лузофонии» — мир португальского языка, существующего в разных национальных, региональных, территориальных и социальных вариантах, в разных

модусах (письменном и устном), в разных регистрах и жанрах.

В статье рассматриваются вопросы языковой политики.

К сожалению, автор не указывает объем практического корпуса, отобранного для проведения исследования и иллюстрации теоретических положений, представленных в статье.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. В исследовании использованы теоретический анализ, описательный метод исследования, анализ, интерпретация и обобщение. Однако в статье не хватает данных, которые могут быть легко верифицируемы, например, количественные статистические данные, полученные путем анализа корпуса.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке, что не позволяет в полной мере оценить новизну исследования и выделить научную лакуну.

В вводной части не четко поставлены задачи исследования и его цель, что не позволяет сопоставить их с результатами. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых представлено труды как на русском, так и иностранном языках.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по португальскому языку, а также курсов по междисциплинарным исследованиям и в практической деятельности преподавателей. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Языковая политика в странах португальской речи: институциональный аспект» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после внесения правок, а именно: 1) усиления вводной части исследования, обращению к историографии вопроса, 2) описанию методологии и языкового корпуса исследования, 3) приведению большего количества данных для подтверждения гипотезы.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья представляет собой попытку комплексного и обстоятельного исследования таких социолингвистических аспектов государственной деятельности и символической политики как языковая политика на примере стран с португальским

языком и различными вариациями его диалектов. Объектом исследования выступают ключевые нормативные и политико-правовые источники изучаемых государств, включая конституции и прочие доктрины, связанные с государственной политикой в области языка, утверждающие статус португальского языка в Сообществе португалоговорящих стран. Источниковую базу при этом составили помимо нормативных документов и цифровые издания орфографических словарей. Автор четко и последовательно обосновывает выбор методологии и ключевого подхода к изучению языковой политики, разрабатываемого в русле социолингвистики и ориентирующегося на сохранения мультилингвистической среды, поддержание языковых меньшинств в структуре общей национальной идентичности. Представленная научная статья тщательным образом структурирована, содержит основные дефиниции и описание используемых понятий, что делает ее удобной для восприятия даже читателем-не специалистом в области лингвистики или языковой политики. В этом отношении статья выполнена на высоком научном уровне и соответствует всем требованиям, предъявляемым к публикациям в изданиях *Nota Bene*. Ее научная теоретическая и прикладная значимость не вызывает сомнений, как и тот факт, что она представляет потенциальный интерес для читательской аудитории журнала *Litera*. Исследования стран, ориентирующихся в меньшей степени на европейскую политику идентичности в том числе в области языка представляют все больший интерес для отечественной науки в условиях доминирования агрессивных глобальных дискурсов, стремящихся навязать единство и подавить многообразие и уникальность различных сообществ и культурных групп под видом «демократизации» и вестернизации. Автор включает в анализ достаточно широкий перечень стран из разных континентов, сопоставляет ключевые подходы элит к выстраиванию языковой политики. В этом в значительной степени помогает библиографическая база, в которую помимо фундаментальных теоретических работ входят источники на португальском языке. Описываются общие тенденции в укреплении сотрудничества не только в области языковой политики, но и в сфере молодежной политики с целью укрепления основ культурной идентичности. Единственным замечанием методического характера к публикуемой статье может быть отсутствие артикулированной цели и задач исследования, хотя несомненно в ней содержится обстоятельный анализ языковой политики в изучаемых странах. Автор мог бы расширить поле исследований, обратив внимание например на внешнеполитические экспликации португальского языка, его продвижение зарубежом в непортугалоязычных странах, какой статус он имеет в мире и т.д.

Несмотря на представленное замечание, статья написана хорошим научным языком, обладает богатым тезаурусом и может быть рекомендована к публикации без внесения каких-либо существенных и значимых дополнений.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ильченко Н.М., Чернышева Е.Г. — «Видимое есть символ»: Природа как одухотворенное начало в изображении русских и немецких романтиков // Litera. — 2023. — № 12. — С. 15 - 27. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69146
EDN: XNQPXQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69146

«Видимое есть символ»: Природа как одухотворенное начало в изображении русских и немецких романтиков

Ильченко Наталья Михайловна

ORCID: 0000-0003-2541-5061

доктор филологических наук

профессор, кафедра русской и зарубежной филологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

603002, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1, каб. 406

✉ ilchenko2005@mail.ru

Чернышева Елена Геннадьевна

ORCID: 0009-0000-9612-331X

доктор филологических наук

профессор, кафедра русской классической литературы, Московский педагогический государственный университет

119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

✉ el.chernysheva@yandex.ru

[Статья из рубрики "Вечные образы"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69146

EDN:

XNQPXQ

Дата направления статьи в редакцию:

25-11-2023

Дата публикации:

02-12-2023

Аннотация: Актуальность исследования связана с проблемой национальной

идентичности, национального кода, воплощенного среди прочих сфер духовной жизни и в литературе. Картина мира романтиков складывалась на фольклорно-мифологической основе и литературной традиции. Система символических мотивов – «младенчества» и «доземной жизни», сродства душ, соединения в смерти и др. – стали важными составляющими в произведениях эпохи романтизма. Объектом исследования является корпус произведений, связанных натурфилософскими идеями о Природе как живой сущности. Предметом изучения выступает национальная самобытность романтизма, проявившаяся в особенностях восприятия Природы. Представляя натурфилософскую систему осмысления жизни, писатели опирались на философию Ф. Шеллинга о тесной взаимосвязи духа, человеческой свободы и Природы. Немецкие и русские романтики рассматривали Природу как символ, связывали с ней художественные образы и создавали свою картину мира. В процессе анализа использовался комплексный литературоведческий подход, сочетающий историко-литературный, историко-генетический, сравнительно-типологический методы, что позволило установить специфику воплощения представлений о Природе писателями России и Германии эпохи романтизма. Показано, что происхождение идеальных женских образов русские романтики связывают с Небом (чаще всего – в его сакральном понимании: женщина-ангел), а немецкие – с Землей (в ее натурфилософском прочтении: женщина-цветок). Женщина-ангел и женщина-цветок помогают героям в понимании сущности бытия, смысла жизни. Используемые природные символы (небо, земля, звезды, вода, цветок и др.) и иные символические образы (мелодия, звук, песня, поцелуй, картина, икона и др.) передают особенности мистического мироощущения авторов. Новизна исследования видится в анализе доминантных образов, позволяющих определить «самостоятельность лица» романтиков России и Германии, опирающихся на представления о зависимости человека от Природы в рамках сложившейся национальной традиции. Романтики стали создателями своей собственной «поэтический» натурфилософии. Такой подход позволил бы уточнить понимание специфики архетипических женских образов, присутствующих в этнокультурном пространстве. Восприятие мироздания как одухотворенного бытия наследуется современными писателями

Ключевые слова:

романтизм, сюжет, мотив, Природа, образ, символ, небо, ангел, цветок, поэтика

Романтики воспринимали Природу как неповторимую систему, а жизнь как ее единую глубинную духовно-мистическую сущность. Опираясь на открытие идеи Ф. Шеллинга о тесной взаимосвязи духа, человеческой свободы и Природы («природа никого добровольно не отпускает из-под своей опеки, и нет прирожденных сынов свободы» [\[1, с. 51\]](#)), они подхватили его идею идеальной сущности Природы, бессознательно-духовного творческого ее начала, восходящей системе ступеней ее развития от низших форм к высшим. Им близко было и понимание диалектики Природы, размышления о сущностном единстве сил, обуславливающих открытые естествознанием многочисленные природные связи, о единстве Природы как таковой. Комментируя положения натурфилософии Ф. Шеллинга, исследователи отмечают значимость мысли о том, что «отдельные существа живут не сами через себя, не сами для себя, но природою и для природы» [\[2, с. 261\]](#). Вслед за Ф. Шеллингом романтики открывают принцип взаимного превращения феноменов Природы. Писатели-романтики рассматривают Природу с точки зрения разных аналогий, стремясь постичь ее дух. «Шеллинг описывал жизнь природы как медленное

пробуждение ее духа, и понятно, как радостно приветствовали его поэты, которые в образах природы, в фантастических образованиях внешнего бытия находили отражения настроений и судеб души» [\[3, с. 253-254\]](#). Немецкие, а вслед за ними и отечественные романтики рассматривали Природу как символ, связывали с ней емкие художественные образы и создавали свою картину мира.

Материалом для исследования стали произведения русских (В. А. Жуковский, Н. И. Греч, К. С. Аксаков, И. В. Киреевский, Н. А. Полевой) и немецких (Новалис, Я. и В. Гримм, К. Brentano, Э. Т. А. Гофман) романтиков, в которых нашли отражение представления о Природе как живой одухотворенной сущности.

В основе мифологии Ф. Шеллинга лежит мысль о том, что в начале своей истории люди обладали высшей истиной. С течением времени она была утрачена, но воспоминание о ней существует у каждого народа: «Она (мифология) есть мир и, так сказать, почва, на которой только и могут расцвести и произрастать произведения искусства. Только в пределах такого мира возможны устойчивые и определенные образы, через которые только и могут получить выражение вечные понятия» [\[4, с. 113\]](#). Своеобразным «резюме немецкой романтической эстетики», «результатом глубокого проникновения в романтическую мысль, итогом творческого сомышления» А. В. Михайлов справедливо назвал сочинение Д. В. Веневитинова «Утро, полдень, вечер и ночь» [\[5, с. 422\]](#). Русский романтик полагает, что в Природе заключается источник вдохновения. «Всякое явление – эмблема», которая становится символическим отражением вселенной [\[6, с. 135\]](#). В повести Н. А. Полевого «Живописец» главный герой размышляет: «Человек был создан из добра и любви, с ними все соединилось у него в первобытной его жизни. Кто был добр, тот любил; кто любил, тот был добр» [\[7, с. 193\]](#). По Полевому, первобытный человек и Природа составляли неразрывное целое, их объединяла любовь.

Языческие представления восточных славян наряду с языком, как и всей жизнедеятельностью, привели к формированию самостоятельного этноса примерно в IV-VI вв. В славянском пантеоне большинство богов связано с небом – Род, Сварог, Перун, Дажьбог, Хорс и др. Ко времени принятия христианства языческие представления не стали единой системой, поэтому и вследствие религиозно-культурного взаимодействия язычества и христианства произошло «соединение»: Перун – Илья-пророк, Мокош – Параскева-пятница, Велес – св. Власий и др. В русской романтической прозе нашло отражение мифологическое представление восточных славян о таинственной связи человека с небом, которое в своеобразной религиозно-мистической парадигме существовало и в православии. В волшебной сказке И. В. Киреевского «Опал» чудесная и странная музыка, звучащая на звезде, заставляет героя оказаться в состоянии «счастливого воспоминания чего-то дожизненного» [\[8, с. 220\]](#). Герой повести К. С. Аксакова «Облако» вспоминает о «доземной жизни». Он часто смотрит на дорогу, которая в вечерних сумерках как будто сливается с небом, «она еще тянется, туда, далеко, далеко, душа стремится за нею и летит, летит, а перед ней все даль туманная – это чудное состояние, какое-то безотчетное, безграничное стремление, какое-то Sehnsucht» [\[9, с. 492\]](#). Сюжет этой «фантастической повести» завершается переселением Лотария в виде облака на небо.

В пронизанном идеальными устремлениями стихотворении М. Ю. Лермонтова «Ангел» отразилось воспоминание о колыбельной (которую пела мать) и отсутствуют характерные для Лермонтова коррелирующие с «ангельской» темой мотивы богоборчества и демонизма: «И звуков небес заменить не могли / Ей скучные песни земли» [\[10, с. 374\]](#).

Небо и земной «мир печали и слез» противопоставляются, душа помнит о небе и стремится туда вернуться. И. В. Киреевский представляет душу звездой, которую сорвали с неба и заключили в перстень. Описание «инога мира» в повести «Опал» дается в рамках сказочной традиции. В этом мире горы из бриллиантов, серебряные утесы, колонны из мрамора и золота; вода рассказывает волшебную сказку. «Вместо облаков летали прозрачные образы людей, как будто снятые волшебным жезлом с картины какого-нибудь великого автора, они, легкие, вздымались до неба и, плавая в стройных движениях, купались в воздухе» [\[8, с. 217\]](#).

Идея о запредельном происхождении души (в христианском прочтении) присутствует в повести Н. А. Полевого «Блаженство безумия». Антиох называет человека в связи с христианскими представлениями «отпавшим ангелом божием», образ развивается в «райско-природной» образной системе, включающей и традиционные гендерные ипостаси: «Он носит семена рая в душе своей и может рассадить их на тучной почве земной природы и на лучших созданиях бога – сердце женщины и уме мужчины!» [\[11, с. 96\]](#). Герой повести Н. А. Полевого уверен, что знал Адельгейду в «том мире, где прежде, до Италии, мы жили некогда...» [\[11, с. 116\]](#). Италия, с точки зрения романтиков, «обетованная страна искусства», однако русский романтик именует ее здесь «муравейником», потому что есть «очарованные райские сады», они невидимы, но «на одно мгновение делаются иногда видимыми человеку» [\[11, с. 116\]](#).

В песне аксаковской девушки-облака говорится о красоте земли, но «лазурные поля» неба героине дороже: «А ты к себе мольбой напрасной / Счастливец неба не мани - / Не бросят родины прекрасной, / Нет, не сойдут к тебе они» [\[9, с. 489\]](#).

По мнению романтиков, человек не теряет своей внутренней связи с небом. Алимари, один из героев романа Н. И. Греча «Черная женщина», рисует оригинальную картину мира: «Души людей живут пищею небесною, невидимыми узами совокуплены с вечным источником жизни...» [\[12, с. 318\]](#), а «с высоты небес сходят некие голоса» и помогают человеку в земной жизни [\[12, с. 57\]](#). Близкого себе человека он находит в лице Кемского, на долю которого выпадает много жизненных испытаний. Пережив в трехлетнем возрасте потрясение, он соприкоснулся с мистическим миром и спокойно воспринимает появление призрака черной женщины, обычно предупреждающей его об опасности. Философски размышляя об устройстве вселенной, Кемский говорит, что «явления природы, и тихие и грозные, и приятные и ужасные, действуют на меня равно, возбуждая мысль о вечности, о неизменной силе творческой природы, о благодати Провидения» [\[12, с. 28\]](#). Характерно, что о героях произведений и об их авторах говорится как о посланниках другого мира. Например, о душе Алимари Кемский думает, что та спустилась «из другого мира, в котором она обитала до переселения в нынешнее свое жилище» [\[12, с. 67\]](#). О Новалисе, авторе романа «Генрих фон Офтердинген», тоже говорили как о «существе, прилетевшем из другого мира» [\[13, с. 337\]](#).

Представления о «доземной жизни» часто соотносятся с детскими воспоминаниями. К. С. Аксаков идеализирует детство, показывает внутреннюю связь человека с миром в эту счастливую пору, когда не только все кажется чудесным, но чудеса присутствуют в жизни. Детство воспринимается им как своеобразная духовная родина человека, «непостижимое время младенчества»: «Я, по крайней мере, твердо уверен, что я летал в детстве» [\[9, с. 490\]](#). Поэтому Лотарию в минуты радости и восхищения «вспоминались лета детства», герой уверен, что «младенчество имеет таинственное, для нас теперь

потерянное значение» [\[9, с.489\]](#). Музыка помогает ему вспомнить что-то таинственное, ускользающее в «тумане времени».

Второе рождение с героем повести Н. А. Полевого «Живописец» происходит благодаря иконе Ахтырской Божией матери, неразрывно связанной с восприятием им Природы. «В первый раз в жизни природа, дотоле мертвая, механическая, заговорила со мною. Стоя на коленях, я молился, глядел на небо, на эти цветные облака, и мне казались они сонмами святых, образами богоматери...» [\[7, с. 156\]](#). Аркадий осмысливает творчество в духе христианско-платонической традиции: художник творит не абсолютно новое, а выделяет первообразы, которые способен созерцать. «В то мгновение я был первобытным человеком, тем девственным человеком, который вздумал перенести образ человека и природы в искусство» [\[7, с. 157\]](#). Творческий дар – не личная заслуга: «Я, дитя, восторженное порывом к божественному, проникнутое пророческим голосом матери, который обрек меня быть живописцем... я безотчетливо перелетел в область первобытной фантазии человека: я создавал себе, что узнал я после; создавал много такого, чего не знаю еще и теперь!» [\[7, с. 157\]](#). После этого Аркадий наполняется религиозным чувством и воспринимает образа как поставленные богом «в жилище человека, чтобы напоминать ему о небе» [\[7, с. 157\]](#), а иконостас – как «мир, который создало искусство человека, напоминая ему о высоком назначении художника как изобразителя божественного» [\[7, с. 157-158\]](#).

У немецких романтиков тайным смыслом наделен образ земли, «язык цветов и растений». В романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» Сильвестр говорит Генриху о растениях как о «непосредственном языке почвы»: «Каждый новый листок, каждый своеобразный цветок являет какую-нибудь тайну, пробившуюся наружу» [\[14, с. 154\]](#). Сильвестр продолжает: каждой весной земля обновляется «таинственным зеленым ковром любви»: «его странные письма понятны лишь тому, кто любим... Он будет вечно и ненасытно читать, и с каждым днем ему будет раскрываться новый смысл, новые все более и более чарующие тайны любящей природы» [\[14, с.155\]](#).

Одно из объяснений пристрастия немецких романтиков к земле можно найти в натурфилософском мистицизме Я. Беме: «И хотя животное тело подлежит истлению, однако сила его остается жить, из силы вырастают прекрасные розы и цветочки» [\[15, с. 316\]](#). О значимости процессов, «происходящих на земле и внутри нее», о взаимосвязи Солнца, воздуха, магнетизма, земных недр, земной растительности и иных природных феноменов, связанных с человеком, с его духом, писал Ф. Шеллинг в знаменитой книге «Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки». Человек самой возможностью осуществления господства над Природой «все-таки обязан самой природе» [\[1, с. 37\]](#).

И. Г. Михневич, комментируя философию природы Ф. Шеллинга, обращает внимание на то, что развитие всех вещей происходит из «первоначального семени»: отдельные существа живут не сами чрез себя, не сами для себя, но природою и для природы» [\[2, с. 261\]](#).

Многочисленны у немецких романтиков образы женщины-цветка. Голубой Цветок-Матильда (Новалис. Генрих фон Офтердинген), роза Аврелия (Гофман. Эликсиры сатаны), Гамахея, родившаяся из тюльпанной чашечки (Гофман. Повелитель блох), подруга королевича, превращенная в гвоздику (Я. и В. Гримм. Гвоздика) и др. – таков

не полный перечень образов женщины-цветка. Она обычно прекрасна и совершенна, с ее помощью герой постигает смысл жизни.

Роза и лилия – самые часто используемые цветы немецких романтиков. Лицо Матильды в «Генрихе фон Офтердингене» Новалиса «казалось лилией, обращенной к восходящему солнцу» [14, с. 95]. Она «с детской грацией» дает Генриху «розу, которую носила на груди» [14, с. 107]. Использование сравнения Матильды с лилией – традиционно: означает чистоту и целомудрие. Владение восточным языком цветов проявляется в жесте героини: цветок (роза – символ любви), поданный от груди, от сердца (или приколотый после подарка мужчины) означает любовь. Лицо Матильды Генрих увидел в лепестках голубого цветка, ставшего символом неземного счастья, которого ищет человек.

«Произведениям искусства, - как пишет Ф. Шеллинг в «Философии искусства», - должна быть свойственна такая же, если не большая реальность, чем творениям природы, образам, которые имеют такое же необходимое и вечное бытие, как людские поколения и растения, обладая одновременно индивидуальной и родовой жизнью и таким же бессмертием» [4, с. 113]. Эти идеи бессмертия, вечной мистической связи природы, человека и его творящего духа, искусства, разделялись романтиками и претворялись в их произведениях.

Своеобразная натурфилософская система осмысления мироздания представлена в сказке К. Брентано «Мирточка». Из тучной земли, которую жена горшечника переносила передником в кадку с поля, выросло миртовое деревце, которое оказывается позднее в фарфоровом дворце. Принц Веджвуд очарован деревцем, из которого появилась прекрасная девушка: «на голове изящный венчик, сплетенный весь из миртовых цветов» [16, с. 87]. Мирточка не сразу стала женой принца. Пройдя через испытание смертью, девушка-цветок вернулась в прекрасном подвенечном платье. Ее обидчицы были наказаны: «расступилась земля и сгнули злодейки, а на месте том поднялась трава дикая, коринник пальчатый» [16, с. 92]. Миртовое дерево было перенесено в поле, под ним похоронены «родители» Мирточки, а потом и они с принцем обрели там покой. Дерево, растущее из земли, растет на земле, дает силу для роста и «говорит» внешним обликом. Поэтика сказки порождает мысли о мистическом единстве жизни и смерти, диалектике природного и человеческого.

Цветы помогают Э. Т. А. Гофману создать свою модель вселенной. В «Золотом горшке» приводится рассказ Линдгорста о любви юноши Фосфора к огненной Лилии – «прапрапрабабушке» архивариуса-саламандра. «Огненная лилия» - олицетворение Атлантиды, мира блаженства и гармонии. «Великолепная лилия», выросшая из золотого горшка, стала символом любви Ансельма и Серпентины. Волшебная Атлантида наполнена цветами: «Пламенные гиацинты, тюльпаны и розы поднимают свои прекрасные головки» [17, с.296]. Значимы слова Э.Т.А. Гофмана из дневника: «А я, несчастный, скоро уже через каких-нибудь несколько минут, я сам покину этот прекрасный зал, который далеко не есть то же самое, что имения в Атлантиде, окажусь в своей мансарде, и мой ум будет во власти жалкого убожества скудной жизни, и, словно густой туман, заволокут мой взор тысячи бедствий, и никогда уже, верно, не увижу я лилий» [18, с.215]. Лилия – своеобразный синоним сказочно-волшебной страны для автора, проводник в нее, иными словами - символический образ. По легенде лилия произошла от молока, ее естественный цвет – белый. Однако куст пламенных красных лилий оказывается халатом Линдгорста. Первоначальное значение теряется, а новая окраска, форма цветов и стеблей приобретают символический смысл.

В сказках братьев Гримм образ цветка как значимого символа используется не единожды. Героиням даются имена в соответствии с названием цветов – «Шиповничек», «Белоснежка и Алоцветик» и др. Подобные имена носят и гофмановские героини: женой Перегринуса становится Розхен («Повелитель блох»), фея фон Розеншен обладает способностью очаровывать, а Бальтазар в стихотворении о любви соловья к алой розе под цветком воспекает возлюбленную Кандиду («Крошка Цахес»). В «Королевской невесте» господин Дапсуль предупреждает дочь, что «хитрый дух» (в немецкой мифологии - хтоническое существо), чтобы соединиться с человеком, «садится в цветок» [\[19, с. 168\]](#).

«Язык цветов» у немецких романтиков проявляет себя и через аромат и звуки. Герой гофмановской новеллы «Эпизод из жизни трех друзей» рассказывает об «интересном предчувствии», связанном с «цветочным запахом». С девушкой, пленившей воображение молодого человека, соединяется «сладкий запах роз», а со стариком – «страшный пронзительный запах гвоздик»: «Роза и гвоздика сделались для меня символами жизни и смерти» [\[20, с. 110\]](#). Принц Веджвуд из сказки К. Брентано догадывается о присутствии Мирточки по «сладкому аромату».

Посланниками мира Природы в произведениях романтиков становятся различные стихийные духи – саламандры, ундины, сильфиды и другие мистические представители иного мира. Героиня повести К. С. Аксакова «Облако» говорит: «Знай, что из каждого царства природы приходят в мир чудные создания, и когда перед тобою пронесется девушка с чудным, с вдохновенным взором, с небесной прелестью на лице, - знай: это гостья между вами, это создание из другого, чудесного мира» [\[9, с.496\]](#). Шеллингская философия тождества (в самом общем прочтении – это тождество духа и Природы, осуществляемое благодаря разуму, равновеликость бытия и сознания) своеобразно звучит в следующих словах героини К. С. Аксакова, Эльвиры: человек нашел существа, подобные себе - в воде, в лесу, "по небу летали вольные облака – он и в них отыскал жизнь и создания, ему подобные..." [\[9, с.495\]](#).

Идеальными женскими образами у русских романтиков оказываются посланницы неба. В царственном покое сияющего неба привольно и легко живут облака, которые не покинут своей прекрасной родины даже ради разнообразных красот земли: «Но если в их груди эфирной / Забьется к смертному любовь, / Они покинут край свой мирный, / Приют беспечных облаков, / И жизнь дыша единой,/ Бросают милую семью, / И в край далекий, на чужбину, / Они несут любовь свою» [\[9, с.480\]](#). Земля-«чужбина» не может сравниться с «чудным» небом, но Эльвира его покидает для спасения Лотария. Девушка-облако Эльвира играет роль ангела-хранителя Лотария в земной жизни. О воспитаннице госпожи Линденбаум Лотарий сразу говорит: О, это верно ангел-хранитель мой» [\[9, с.488\]](#). Эльвира говорит отцу: «я буду его ангелом-хранителем... я оживила его душу» [\[9, с.495\]](#).

В повести Н. А. Полевого «Живописец» художник Аркадий увидел «милое создание» - «неземную» Вериньку, представляющую небо в его, скорее, сакральной, чем природной ипостаси; ради нее он готов расстаться с жизнью, дарованной матерью-природой. Он слышит только одно слово, ей произнесенное, и уже готов, чтобы эти звуки украсили его «прошедшую жизнь» и «уладили смерть»: «Мать моя», - скажу я природе и засну, как засыпает дитя на лоне своей матери, и эти звуки будут мне предвестником того, что услышу я в небе!» [\[7, с. 189\]](#). Аркадий воспринимает Вериньку «ангелом-хранителем», «чудным, настоящим ангелом!» [\[7, с. 201, 215\]](#). Танатологические «ноты», в целом

характерные для романтиков, и сама идея прощания с матерью-природой здесь обусловлены любовно-мистической мотивировкой. В том же мистическом контексте героиня «Косморамы» В. Ф. Одоевского превращается в «белое облако», чтобы спасти возлюбленного из пламени: «В эту минуту только я заметил пред собою как будто белое облако... всматриваюсь... в этом облаке мелькает лицо Софьи... она грустно улыбалась, манила меня» [\[21, с.521\]](#).

В каком бы облике «неземные» женщины ни явились у русских романтиков, они по сути своей или хотя бы в восприятии героев-идеалистов тяготеют к ангельской природе. Образ женщины-ангела – это не общериторическое сравнение ее с ангелом, а представление об идеальном женском образе, близком к ангелу христианскому; соответственно, репрезентативны сюжеты, связанные с его воплощением. В этих образах могут присутствовать языческие представления: культ древнейшего славянского бога Рода сохранился и после принятия христианства. Род стал покровителем семьи. Этот мифологический персонаж сопровождали рожаницы. «Культ рожаниц, как и других женских персонажей... связан с женской средой, представлениями о продолжении рода и судьбе новорожденного, которому рожаницы определяют долю» [\[22, с.407\]](#). С другой стороны, по учению церкви, каждому в минуту крещения дается Богом ангел-хранитель. Он сопровождает человека, охраняет его. Ангел – небесный посланник, он выступает посредником между небесной (духовной) сферой и земным (материальным) миром. «В христианстве ангелы и серафимы считаются существами женского пола, а херувимы – мужского» [\[23, с.120\]](#). Эта специфика нашла отражение и в анализируемых произведениях русского романтизма. Не случайно Ю. М. Лотман в книге «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)» среди женских типов выделяет женщину-ангела [\[24, с.46-74\]](#).

«Ангельскую» охранительную функцию выполняет призрак черной женщины в романе Н. И. Греча. Тайна призрака отчасти раскрывается: сначала ею оказывается женщина, ставшая монахиней после смерти жениха; жена Кемского воспринимается как призрак после своей мнимой смерти. Однако автор романа не исключает, что необъяснимое присутствует в жизни: «в человеке есть что-то такое, чего не разгадали мудрецы... только не все видят, не все этому верят» [\[12, с. 56\]](#). С образом Наташи связано обращение к «Пречистой девице», «заступнице»; ее появлению предшествует молитва. Например, Кемский видит Наташу, когда тусклая лампада перед иконами «запылала». Наташа сравнивается с «ангелом небесным» и воплощает собой спасение [\[12, с. 209\]](#).

В. А. Жуковский в стихотворном переводе повести Ф. де де Мотт Фуке «Ундина» подчеркивает небесное происхождение «водной девицы»: «и видит жена, что наш милый / Ангел смеется»; «каким-то / Райским виденьем сияла она»; старики называли ее «небесным / Ангелом, дочкой родною» [\[25, с.117, 135, 153\]](#).

Осознавая, что возлюбленные являются посланницами «другого мира», герои размышляют о сродстве душ. Так, герой повести К. С. Аксакова говорит об Эльвире: «мне кажется, что я ее видел где-то, что я ее давно знаю, что наши души близки друг другу» [\[9, с. 490\]](#). Антиох, персонаж «Блаженства безумия» Н. А. Полевого, мучительно вспоминающий, где он раньше видел Адельгейду, несколько раз восклицает: «Я знал ее где-то; она была тогда ангелом Божиим!» [\[11, с.107\]](#). «... я признавал с первого взгляда в Адельгейде что-то знакомое, родное, что я старался вспомнить только: где я знал Адельгейду?» [\[11, с. 107, 115\]](#). Герой другой повести Н. А. Полевого, «Живописец»,

встретился с Веринькой на кладбище и сразу заключил: «душа ее уже давно мне знакома, и все родное ей было родным и мне» [7, с. 191]. При этом Аркадий не видел ее лица, но уже знал: «душа ее сказала мне на могиле матери ее, на могиле моего благодетеля» [7, с. 192]. Объясняя другу свою любовь к девушке, которая, как ему представляется, его «околдовала», потому что они были очень разными, Аркадий убежденно говорит: «В то же самое мгновение, когда одна душа таким образом является в мир, подглядывает ее другая душа и узнает в ней свое родное, небесное» [7, с. 216].

Символическое значение в анализируемых произведениях имеет поцелуй, выражающий не столько природную, эротическую семантику, сколько духовно-мистическую, связанную с прощанием с земным миром. Он выражает целую гамму смыслов (эмоций, интенций, осмысленных устремлений), это «сильное чувство, братство, любовь, супружеский союз; почитание, поклонение» [26, с. 141]. В славянской мифологии принято целоваться при прощании с покойником: «целуют его на расставанье, прощаются с ним, потому что дольше ждать ему нечего, а пора и в дорогу» [22, с. 386]. Прощаясь с Лотарием, Эльвира «крепко, крепко прижала его к сердцу, поцеловала в лоб и удалилась» [1, с. 496]. Гульбранд просит Ундину о поцелуе со словами: «и пускай бы / В нем умереть!» «С небесным она поцелуем / В руки его приняла, но из них уже не пустила / Боле его» [25, с. 218, 219]. О поцелуе просит девицу Музыку царь Нурредин. «И в то мгновение, как уста ее коснулись уст Нуррединовых, а перстень с его руки перешел на руку девицы, в то мгновение, продолжавшееся, может быть, не более одной минуты, новый мир вдруг исчез вместе с девицей...» [8, с. 221].

Финалы романтических произведений И. В. Киреевского и К. С. Аксакова трагичны только на первый взгляд. Герои, разочаровавшиеся в суетности земной жизни, обретают счастье. Лотарий через смерть получает возможность соединиться с «легким облачком» - Эльвирой, возвратившейся на небо после того, как была раскрыта ее тайна. Герой был грустен и молчалив, пока однажды его не нашли мертвым, «а по небу удалялись два легкие облачка» [9, с. 496]. В повести Н. А. Полевого «Блаженство безумия» Антиох говорит о предстоящем «таинственном союзе» с Адельгейдой, хотя и не знает, как он произойдет: «останемся ли мы в мире или, говоря по-человечески, умрем – ведь мне все равно» [11, с. 117]. Герой повести «Живописец» умирает в Италии. Его возлюбленная выходит замуж и счастлива в семейной жизни. Однако на картине Аркадия она была изображена в образе ребенка, облокотившегося о колено Спасителя и благословляемого им. Мамаев говорит, что сюжет картины «растерзал» его: «в лице малютки, благословляемого Спасителем, я узнал черты Вериньки, возведенные к идеалу невинности первых лет детского возраста», себя же Аркадий изобразил в образе «измученного страстями пастуха» [7, с. 235]. «Казалось, этот человек слышал в словах Спасителя решение загадки, мучившей его всю жизнь; казалось, он хотел бы погрузиться в прежнее невинное младенчество... Он возводил к небесам взор надежды и страха» [7, с. 234]. Вера, младенчество, дети (которые, согласно Евангелию от Матфея, предстают Царствию Небесному), ангельский облик и/или ангельская сущность – такой спектр «небесного» мета-образа воплощен в повести Н. А. Полевого как вполне типичный для романтиков.

Завершение земной природной жизни, гибель героев – типичный мотив романтических произведений. Сказочный план новеллы Э. Т. А. Гофмана «Повелителя блох» сюжетно завершается гибелью героев. Девица Дертье Эльвердинк, она же принцесса Гамахея – дочь сказочного короля Секакиса и Царицы цветов и бывший иенский студент Георг

Пепуш – сказочный Цехерит, он же чертополох – исчезают в земной жизни, чтобы соединиться в мифологическом пространстве: «Посреди красивого боскета за ночь вырос высокий *Cactus grandiflorus*, его цветок поник, увянув в утренних лучах, а вокруг него любовно обвивался лилово-желтый тюльпан, умерший тою же смертью растения» [\[27, с. 894\]](#). Семантика цветка здесь далека от того, что обозначает цветок в общепринятом смысле. Попадая в индивидуальную картину мира, семантика слова не только может изменяться, но и иронически переосмысливаться. Тюльпан – символ любви, по персидской легенде (он был завезен в Вену из Персии) родился из крови и слез девушки, отправившейся в пустыню в поисках возлюбленного. У Гофмана девушка-тюльпан в земной жизни – легкомысленна и непостоянна. Чертополох – символ долговечности и упорства (т.к. срезанное растение не сразу гибнет), в христианстве – символ земных страданий, мученичества. Гофмановский герой в реальном пространстве претерпевает отчуждение, оказывается несдержанным и обидчивым. Соединение героев в смерти символизирует обретение ими счастья.

Вслед за Ф. Шеллингом, провозгласившем мифологию вечным образом и источником искусства, точно выразил суть мифологической традиции в духовной жизни и целостном развитии народа И.В. Киреевский: «Мифология народа есть то наследство, которое он получает из прежнего единства и с которым он отделяется от общности человечества» [\[28, с.244\]](#). Мифопоэтика романтиков, основанная на идеях Ф. Шеллинга, скрепляет романтическую картину мира. Воплощая свое представление о Природе, о строении мироздания, о духе человека и духовной наполненности сущего в общей системе бытия, романтики стали создателями своей собственной «поэтической» натурфилософии, образно приоткрывая то, что, по их представлениям, скрывается за видимым, какие смыслы таятся за явным.

Понимание мироздания как одухотворенного бытия, отраженного в художественном мире романтиков, наследуется некоторыми литераторами и в XX веке. Характерен в этом смысле лишь один пример. Г. Гессе принадлежит цитата: «Всякому человеку попадают то там, то тут на жизненном пути открытые врата, каждому когда-нибудь приходит мысль, что все *видимое есть символ* и что за символом обитает дух и вечная жизнь» [\[29, с. 354\]](#). В его сказке «Ирис» цветы, по-прежнему ежегодно появляясь на поверхности земли, таят в себе загадку. Герой по имени Ансельм не смог выбрать верный путь и упустил «маленькую Ирис». После долгих странствий он видит «чашечку огромного цветка», «в его голубую чашечку Ансельм входит легким шагом», спускается в «тайную тайных голубых недр», «вниз, на родину» [\[29, с. 367\]](#). В отечественном культурном сознании значимым по-прежнему остается образ женщины-ангела, выполняющего охранительную функцию. Об этом можно судить по текстам современной массовой литературы, по своему репрезентативных в указанном аспекте, например, по текстам песен (О. Орловой «Прощай, мой друг»; С. Осиашвили «Ты не ангел»; В. Баранова «Милая, милая...» и др.), сценариям кинофильмов («Чокнутые», реж. А. Сурикова, снятый по одноименной повести В. Кунина) и др.

Традиция романтического восприятия мира как одухотворенной субстанции, как Природы, находящейся в мистическом всеобщем движении, присутствующая в литературе XX – XXI веков, требует дальнейшего рассмотрения.

Библиография

1. Шеллинг Ф. В. Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки. СПб.: «Наука», 1998. 518 с.

2. Михневич И. Г. Опыт простого изложения системы Шеллинга // Фридрих Шеллинг: pro et contra / Сост., вступ. Ст. В. Ф. Пустарнакова, примеч. М. А. Ходанович. СПб: РХГИ, 2001. С. 244-276.
3. Виндельбанд В. От Канта до Ницше / Перевод с нем. А. И. Введенского. М.: «КАНОН-пресс», «Каучуково поле», 1998. 496 с.
4. Шеллинг Ф. В. Философия искусства / Под общей редакцией М. Ф. Овсянникова; Перевод с нем. П. С. Попова. М.: Изд. «Мысль», 1999. 608 с.
5. Михайлов А. В. Эстетические идеи немецкого романтизма // Эстетика немецких романтиков. СПб: Издательство С.-Петерб. Университета, 2006. С. 401-435.
6. Веневитинов Д. В. Утро, полдень, вечер и ночь // Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза / Издание подготовили Е. А. Маймин, М. А. Чернышев. М.: Наука, 1980. С. 134-137.
7. Полевой Н. А. Живописец // Искусство и художник в русской прозе первой половины XIX века: Сб. произведений / Сост. и автор комментариев Карпов А. А.; авт. вступит. статьи Маркович В. М. Л.: Изд. Ленинградского университета, 1989. С. 122-236.
8. Киреевский И. В. Опал //Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820-1840). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 211-222.
9. Аксаков К. С. Облако // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820-1840). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 484-496.
10. Лермонтов М. Ю. Стихотворения // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений. Том первый. М.: Художественная литература, 1975. 648 с.
11. Полевой Н. А. Блаженство безумия // Полевой Н. А. Избранные произведения и письма / Сост., подг. текста, вступ. Ст., примеч. А. А. Карпова. Л: Художественная литература, 1986. С. 89-133.
12. Греч Н. И. Черная женщина //Три старинных романа. Книга вторая. М.: «Современник», 1990. С.6-318.
13. Коган П. Очерки по истории западноевропейских литератур. Том первый. Изд. 7-е. Петроград: Книгоиздательское товарищество, 1921. 384 с.
14. Новалис. Гейнрих фон Офтердинген / Перевод З. Венгеровой и В. Гиппиуса. Петербург: Издательство «Всемирная литература», 1922. 174 с.
15. Беме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении / Перевод А. Петровского. СПб: Издательство «Азбука», 2000. 412 с.
16. Брентано К. Мирточка / Перевод М. Корнеевой // Сказки немецких писателей / Сост. А. К. Славинская. Л.: Лениздат, 1989. С. 82-94.
17. Гофман Э. Т. А. Золотой горшок / Перевод Вл. Соловьева // Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений: В 8 т. М: ТЕРРА, 2009. Т.1. С. 217-298.
18. Гофман Э. Т. А. Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы / Перевод с нем. Состав. К. Гюнцеля. М.: «Радуга», 1987. 484 с.
19. Гофман Э. Т. А. Королевская невеста / Перевод А. Соколовского // Гофман Э. Т. А. Серапионовы братья. Сочинения в 2-х томах. Минск: Navia Morionum, 1994. Т.2. С. 158-196.
20. Гофман Э. Т. А. Эпизод из жизни трех друзей / Перевод А. Соколовского //Гофман Э. Т. А. Серапионовы братья. Сочинения в 2-х томах. Минск: Navia Morionum, 1994. Т.1. С. 85-116.
21. Одоевский В. Ф. Косморама // Сильфида. Фантастические повести русских романтиков. М: Современник,1988. С. 480-524.

22. Славянская мифология. Энциклопедический словарь /Отв. редактор С.М. Толстая. Изд. 2-е. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
23. Баешко Л. С., Гордиенко А. Н., Гордиенко А. Н. Энциклопедия символов / Под ред. О. В. Перзашкевича. М.: Эксмо, 2007. 304 с.
24. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб: «Искусства-СПб», 1994. 399 с.
25. Жуковский В. А. Ундина // Фуке Ф. де ла Мотт. Ундина. М.: Наука, 1990. С. 104-222.
26. Пасквинелли Б. Жест и экспрессия /энциклопедия искусства/ Перевод с итальянского И. Е. Прусс. М.: «Омена», 2009. 368 с.
27. Гофман Э. Т. А. Повелитель блох / Перевод М. Петровского // Гофман Э. Т. А. Песочный человек / Сост., предисловие примечания Р. Грищенкова. СПб: Издательский дом «Кристалл», 2000. С. 747-895.
28. Киреевский И. В. Речь Шеллинга //Киреевский И. В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 238-248.
29. Гессе Г. Ирис / Перевод С. Ошерова // Сказки немецких писателей / Сост. А. К. Славинская. Л.: Лениздат, 1989. С. 352-367.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья ««Видимое есть символ»: Природа как одухотворенное начало в изображении русских и немецких романтиков», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей реализации образа природы в творчестве романтиков.

Работа является сравнительно- сопоставительной, а которой автор сравнивает особенности реализации потенциала концепта природа как в немецкой лирике, так и у русских писателей. Немецкие, а вслед за ними и отечественные романтики рассматривали Природу как символ, связывали с ней емкие художественные образы и создавали свою картину мира.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии. Статья является новаторской, одной из первых в российской науке, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Так, теоретической базой работы являются комплексные подходы: концепция диалога, положения рецептивной эстетики и историко-функциональный подход.

Материалом для исследования стали произведения русских (В. А. Жуковский, Н. И. Греч, К. С. Аксаков, И. В. Киреевский, Н. А. Полевой) и немецких (Новалис, Я. и В. Гримм, К. Брентано, Э. Т. А. Гофман) романтиков, в которых нашли отражение представления о Природе как живой одухотворенной сущности.

Теоретические измышления недостаточно проиллюстрированы языковыми примерами. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений,

исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 29 источника, среди которых представлены работы исключительно на русском языке, в том числе переводные. Считаем, что обращение к трудам зарубежных исследователей на языке оригинала, несомненно, обогатило бы работу с учетом заявленной темы.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Отметим, что в статье нарушен общепринятый порядок алфавитного выстраивания источников согласно ГОСТа.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, поэтике, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья ««Видимое есть символ»: Природа как одухотворенное начало в изображении русских и немецких романтиков» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Шкалина Г.Е. — Роман С.Г. Чавайна «Элнет»: единство марийского языка, фольклора и традиций // Litera. — 2023. — № 12. — С. 28 - 40. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69202 EDN: WQJRIQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69202

Роман С.Г. Чавайна «Элнет»: единство марийского языка, фольклора и традиций

Шкалина Галина Евгеньевна

доктор культурологии

профессор, кафедра культуры и искусств, Марийский государственный университет

424020, Россия, республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлёвская, 44, оф. 302

✉ gshkalina@mail.ru[Статья из рубрики "Фольклор"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.12.69202

EDN:

WQJRIQ

Дата направления статьи в редакцию:

26-11-2023

Дата публикации:

03-12-2023

Аннотация: Статья содержит анализ жанрового содержания и поэтики романа классика марийской литературы Сергея Григорьевича Чавайна «Элнет» в единстве марийского языка, фольклора и культурных традиций народа мари. Произведение рассмотрено как «языковая метафора» в контексте мировоззренческих вопросов эпохи, как интеллектуальный роман в марийской национальной литературе. Выявлена авторская концепция, связанная с архетипическим образом реки Элнет, символически вынесенным в заглавие произведения, показана ее связь с идейным замыслом писателя, а также с марийской национальной и мировой культурной традицией, выявлен ее литературно-художественный контекст. Значительное внимание уделено в статье рассмотрению этого образа как выражения традиционной веры предков, ядром которой является поклонение природе и возвращение человеческого в человеке в лоне «вмещающего и кормящего

ландшафта» (термин Льва Гумилёва). Статья посвящена комплексному и междисциплинарному исследованию классического романа марийской литературы. Содержание собственно литературного текста романа рассмотрено в широком социокультурном контексте сквозь призму мифологических, философских, эстетических воззрений народа мари. В статье доказывается, что имя Сергея Григорьевича Чавайна – одно из самых судьбоносных для марийской нации; автора романа «Элнет» волновали состояние интеллектуального, культурного статуса нации, ее мироустроительный горизонт; писатель и сегодня остаётся «певцом народа», ярким символом национальной жизни. Впервые в региональной науке ставится вопрос об основных уровнях марийского мира, созданного в романе «Элнет» Сергеем Григорьевичем Чавайном, ярко прослеживаемых в заглавном образе – образе Элнета. Они определены в статье следующим образом: 1) Элнет как приток Волги, одна из красивейших рек на территории Марийского края; 2) Элнет как отчизна, Ойкумена; 3) Элнет как «золотой» мир чудесных марийских песен; 4) Элнет как вещей Путь народа мари. История мари, понимаемая С. Чавайном, – это Дорога, уводящая в даль за распахнутой дверью, одновременно это духовный процесс, питаемый богатым культурным наследием, токами настоящего, мечтой о свершениях.

Ключевые слова:

Марийская литература, роман, Чавайн, фольклорный интертекст, Интеллектуальный роман, Марийский мир, Этноэстетика, этнопоэтика, Культурологический контекст, Архетип

Литература как художественный текст отражает явления культуры, чутко реагирует на любые изменения в ней, касается это положительной динамики её ценностей или отрицательной. Она является такой художественной информацией, которая получает интерпретативное воплощение в конкретном материальном продукте, поведенческом акте, оценочном суждении.

В начале XX в. марийский мир засиял именами первых авторов, пишущих на родном языке. Самые яркие страницы марийской поэзии, прозы, драматургии, публицистики в этот период связаны с именем Сергея Григорьевича Чавайна. «Только в троякостности родного языка, фольклора и традиций вижу тот прочный фундамент и условия, без которых не может развиваться и стать хоть сколько-нибудь значительной любая национальная литература», – писал видный венгерский ученый, исследователь литературного творчества народов Поволжья и Приуралья Петер Домокош [\[4, с. 99\]](#).

Вне всякого сомнения, все названные ученым компоненты «значительно» присутствуют в творчестве С.Г. Чавайна. Начиная с его литературного псевдонима – Чавайн. В детстве Серёжа носил фамилию отца – крестьянина из деревни Изи Корамас (Малый Корамас) Себеусадской волости Царевококшайского уезда Стрелкова Григория Михайловича. Сегодня это Моркинский район Республики Марий Эл. Мама – Анисимова Татьяна Анисимовна – была одарённым рассказчиком, знала много народных сказок и песен, к которым приобщила сына. Мальчика крестили в храме Рождества Христова и Покрова Пресвятой Богородицы в с. Арино, построенном в 1752 г. Сначала это была деревянная церковь, а в 1828 году на его месте возвысился каменный двухпрестольный храм. В Казанскую учительскую семинарию Сергей поехал с фамилией Григорьев, но вскоре стал Сергеем Чавайном — взял литературный псевдоним.

Вот какую легенду сегодня рассказывают жители деревни Чавайнур в Моркинском районе Республики Марий Эл. По преданию, один из его предков Чавай жил в XVI в. недалеко от деревни Малый Корамас. У него был свой *илем* (хутор). В 1552 г. Чавай участвовал в сражениях под Казанью в войске Ивана Грозного. За отвагу русский царь предложил Чаваю высокую должность, если тот примет крещение. Но марийский богатырь отказался. У Чавая было трое сыновей: Васлий, Стопан, Ямблат. Старшие – Васлий и Стопан – были крещены и отправлены в Москву на служение царю. После взятия Казани Иван Грозный обещал Чаваю хорошие угодья в собственность, а также не облагать большими повинностями и не посылать воевать. Однако вскоре самые лучшие земли Чавая были захвачены царскими вельможами, увеличились всевозможные поборы, а молодых ребят забирали в рекруты. Так начались черемисские войны против царя. В одном из боёв погибли сыновья Чавая – Стопан и Ямблат. А Васлий остался служить в царской свите.

Таким образом, псевдоним Чавайн означает принадлежащий к роду Чавая – легендарного марийского богатыря, жившего в XVI веке.

В описании литературного творчества С.Г. Чавайна ключевым является слово «первый»: первое авторское марийское стихотворение «Ото» («Роща») – декабрь 1905 г.; первый рассказ «Йыланда» («Йыланда») – 1908 г.; первая пьеса «Кайыклудо» («Дикая утка») – 1910 г.; первое крупное эпическое произведение – пьеса «Дезертир-влак» («Дезертиры») – 1920-е гг.; в 1934 г. Чавайн первым из мари стал членом Союза писателей СССР; в этом же году он был избран в состав Правления Горьковского краевого отделения Союза писателей.

С.Г. Чавайн был первым марийским автором, осознавшим красоту и силу родного слова и вдохновенно реализовавшим его возможности в художественной литературе. Он возглавил флагманское направление зарождающейся марийской литературы в 20–30 гг. XX века в одном ряду с П. Еруслановым, В. Васильевым (□пымарий), Ф. Егоровым, Т. Ефремовым и др., рожденными «похожими историческими обстоятельствами – эпохой господства просветительских идей; революционными событиями, пробудившими национальное самосознание народа и формирующейся марийской интеллигенции, усилившими в обществе дух освобождения и творчества» [5, с. 4]. «Педагог по призванию и образованию, человек всестороннего дарования, он обладал прекрасными музыкальными данными: замечательно пел, хорошо играл на гитаре, балалайке, а ещё лучше — на скрипке. Он страстно любил и глубоко понимал природу, отлично знал фольклор, народную и классическую музыку, тонко воспринимал живопись. По воспоминаниям родных и близких, рисовал часто, увлечённо и весьма неплохо» [3, с. 6]. Словом, ренессансная личность.

На литературную историю народа мари в 1920–1930 гг. существенное влияние оказали два знаменательных события, благотворно повлиявшие затем на весь ход национальной жизни. Вначале – I Всероссийский съезд мари, состоявшийся в июле 1917 года в г. Пёрё (Бирск). Среди жизненно-важных вопросов делегаты съезда обсудили темы народного образования, печатных изданий, народного творчества, религии и т.д. Поворотным стержнем форума стало восстановление самоназвания **м а р и** вместо прежнего официального этнонима *черемис*. Все документы съезда были оформлены с названием *мари*. «I Всероссийский съезд мари стал важнейшим событием в истории марийского национального движения. Он явился своеобразным итогом периода становления марийского национального движения...За ним последовал целый ряд собраний мари — уездных, губернских и II Всероссийский» [10, с. 23].

Второе событие — исторический Декрет об образовании автономной области марийского народа, подписанный В.И. Лениным 4 ноября 1920 г. С.Г. Чавайн встретил эти и последующие факты национального движения с большой радостью, воодушевлением. У него начинается новый подъем в творчестве. В 1920-е годы пьеса «Дезертир-влак» («Дезертиры») стала первым крупным эпическим произведением в марийской литературе. Были написаны новые пьесы, рассказы, драмы, поэмы.

С начала 1930-х гг. Сергей Григорьевич работает над романом «Элнет». В 1934 г. в журнале «У вий» («Новая сила») он писал: «Сейчас я пишу пьесу «Марий рото» («Марийская рота»). Затем думаю написать большой роман. Условно я назвал его «Корно» («Путь»). Возможно, потом название придется изменить... Роман должен состоять из трех частей». В начале 1936 г. в газете «Марийская правда» С. Г. Чавайн писал: «Сейчас я пишу роман «Элнет» из трех частей... Первая часть охватывает 1911–1914 гг.; во второй буду писать о революции, гражданской войне и начале НЭП-а; содержание третьей части – НЭП и нынешнее время».

Подчеркнем, что ко времени появления романа «Элнет» в марийской прозе уже были произведения в подобном жанре. Это «Эре□ер» М. Шкетана и «Савик» Н. Игнатьева. Но литераторы утверждают, что роман Чавайна «Элнет» занимает в этом ряду особое место. «С. Г. Чавайн создает качественно иное произведение, в котором главное – разрешение мировоззренческих вопросов, то есть писатель делает попытку создания не иллюстративного, а интеллектуального романа» [\[7, с. 11\]](#).

Река Элнет... В культурных традициях народов мира река является символом жизни, аллегорией Времен – Больших и Малых. В трактовке К. Г. Юнга река является наиболее древним и устойчивым архетипом. В ряде случаев река может быть знаком судьбоносных изменений, как, например, Стикс в греческой мифологии в значении перехода в тот мир. Пройдя реку Иордан, евреи вошли в историю. Метафора реки означает также факт осознания — проникновения в суть таинственного. У христиан омовение в реке является обрядом крещения; архетип потока – в даосизме и буддизме. Это и символ стихии, плодородия в традициях многих народов мира. В марийских мифопоэтических представлениях существует отражение образа реки как космических вод. Под небесной рекой – *Юмын э□ер* – мари понимали Млечный путь. К этой реке *Юмынўдыр* (Дочь Бога) приводила на водопой *Юмын кўтў* (Небесное стадо). Вода в марийских нарративах, подобно источнику, струится из сакральных мест, а затем течет реками ко всем концам земли. Следы космической, мироустроительной роли рек «читаются» в марийской традиционной вышивке. Сакральная гидронимия у мари предполагает, с одной стороны, сакрализацию реально существующих рек, с другой стороны, соотнесение этих реальных рек с их небесным мифологическим прообразом – космической рекой.

В русской классике интересна семантика реки у А.С. Пушкина. В поэме «Медный всадник» автор поэтизировал реку на конкретном примере Невы:

Люблю тебя, Петра творенье,

Люблю твой строгий, стройный вид,

Невы державное течение,

Береговой ее гранит... [\[11\]](#).

Пушкин, сказавший в этой же поэме о финском рыболове как о «печальном пасынке природы», был любимым поэтом Чавайна. Это отмечают все исследователи творчества

марийского класика. Ещё в 1910 году Сергей Григорьевич составил хрестоматию для марийских школ, куда вошли стихотворения А. Пушкина в переводе составителя. В 1937 году он написал для марийского театра пьесу-инсценировку по повести А. Пушкина «Дубровский». Верный друг С. Чавайна, марийский ученый-этнограф, фольклорист Яныш Ялкайн называл поэта «марийским Пушкиным» [9, с. 71-72].

Таким образом, можно говорить об архетипической поливалентности образа реки в мировой культурной традиции. «Слово – не вещь, а вечно подвижная, вечно изменчивая среда диалогического общения, – писал М.М. Бахтин. – Оно никогда не довлеет одному сознанию, одному голосу. Жизнь слова в переходе из уст в уста, из одного контекста в другой контекст, от одного социального коллектива к другому, от одного поколения к другому поколению. При этом слово не забывает своего пути и не может до конца освободиться от власти тех конкретных контекстов, в которые оно входило» [1, с. 225]. Важнейшей категорией для М. М. Бахтина является Автор, который «никогда не может отдать всего себя и все свое речевое произведение на полную и окончательную волю ... адресатам ... и всегда предполагает ... какую-то высшую инстанцию ответного понимания» [1, с. 366], которое «восполняет текст: оно активно и носит творческий характер» [1, с. 498].

«Язык создает свой мир. Возникает вопрос о степени адекватности мира, создаваемого языком, миру, существующему вне связи с языком, лежащему за его пределами» – писал Ю. М. Лотман [2, с. 12]. Мир, созданный в романе «Элнет» Сергеем Григорьевичем Чавайном – марийский. Он видимый и невидимый одновременно. Выделим основные уровни этого мира.

1. Элнет – приток Волги, одна из красивейших рек на территории Марийского края.

Берега её – это и корабельные леса, сыгравшие роль в строительстве российского флота ещё при Петре I, и богатые заливные луга словно «блинная земля»: «Элнет п□нчет – сорта р□дет, Корамас нурет – мелна осет!», – тыге мурат Корамас □дыр-влак. Корамас нур манме дене нуно огыт шойышт: Корамас нур – пеш кумда. Элнет ик велне Корамас л□ман куд ял уло, Элнет вес велне, коло вич ме□ге коклаште, Элнет чодра ше□гелне ко ял уло... Элнет в□д — кугу в□д. Тудын серыштыже шуко ял, шуко чодра уло. Тi кундемыште Элнет п□нчер деч сылне чодра уке, Корамас нур гай чапле мландат шагал. Лач сорта р□дыжат марий шемерлан ок волгалтаре, мелна осыжат шагал т□кна [12, с. 161]. («Элнетская сосна – восковая свеча, корамасские поля – блинная земля!») Так поют корамасские девушки. Широко раскинулись корамасские поля. По одну сторону Элнета целых шесть деревень называются Корамас и на другом берегу, за элнетским лесом, в двадцати пяти верстах, еще два Корамаса... Элнет-река— большая река. Много деревень стоит по ее берегам, далеко тянутся леса. Да только нет на всем Элнете места красивее, чем Элнетский бор, и мало такой хорошей земли, как корамасские поля... Только корамасским беднякам не светят восковые свечи, да и блинов достается им очень мало [15, с. 13].

Живой зеленый цвет природы в поэтике Чавайна завораживает. Всегда молодая и свежая, вечно рождающаяся, настоящая жизнь живой природы. Её метафорично он воспел в своём первом стихотворении на марийском языке «Ото» («Роща»), облетевшем впоследствии весь мир на разных языках народов мира. Чавайну тогда было чуть больше 17 лет:

Ик тымык ото уло мемнан элыште,

Шога тудо ото кугу ер серыште.

Тушто ладыра деч ладыра пушенге кушкеш,

Тушто мотор деч мотор саска шочеш,

Тушто, ужар лышташ лонгаште, шўшпык мура,

Тудо ото гыч ерышке яндар памаш йога.

Тушто шудыжат ужаргырак,

Тушто пеледышат сылнырак.

Тудо отым мый йўратем,

Тушто пушенге руышым мый вурсем [\[16\]](#).

На наш взгляд, самый удачный из существующих переводов стихотворения «Ото» на русский язык, максимально близкий к марийскому оригиналу по тональности, сделан А. Спиридоновым, автором марийского национального эпоса «Югорно» («Вещий путь»):

В краю моём есть роща тихая одна,

Стоит над озером, вся в нём отражена.

Её деревья стройные раскидисты, густы.

Здесь самые прекрасные рождаются плоды,

Здесь в глубине поёт весёлый соловей,

Сбегаёт в озеро по камушкам ручей,

Здесь самая зелёная трава,

Цветы милы и шёлкова листва.

Люблю её простую красоту.

И проклиная всех, кто губит рощу ту! [\[13\]](#).

«Ото» С. Чавайна – это семиотическое пространство марийской духовной традиции. Человек как культурное существо противостоит миру природы, понимаемой как внекультурное пространство. Граница между этими двумя мирами проходит внутри человеческой психики и деятельности. Природа наделена гармонией. Ей противостоит дисгармония человеческой души. Автор намекает на вечную тему противостояния в человеке добра и зла, на вопросы необходимости познания человеком тайн природы. Молодой поэт, творец с новым взглядом в новой зарождающейся стране жаждет добра, с азартом проклиная «рубящего рощу» злодея. «Ото» 1905 года у Чавайна это план-проспект поэта на творческий жизненный Путь, что приведёт его через 30 лет к развёрнутому художественному трактату – роману «Элнет», первоначально так и названном автором «Путь». Итак, «пересечения смысловых пространств, которые порождают новый смысл, связаны с индивидуальным сознанием. При распространении на все пространство данного языка эти пересечения образуют так называемые языковые метафоры» [\[2, с. 26\]](#). Роман «Элнет» метафоричен насквозь.

2. Для автора Элнет – это отчизна, Ойкумена. Автор любил свой народ сыновней любовью. Называл его богатырским. В романе «Элнет» с привязкой к главной героине Чачи приводится самая полная архаичная версия сказки «Нёнчык патыр» («Богатырь из теста») [12, с. 163–168]. Нёнчык патыр – один из любимейших сказочных персонажей марийского народа. Он выступает в триаде богатырей, в которой оказывается самым умным, сильным, отважным и побеждает различных врагов. Не кичится своей силой, в соответствии со своим именем мягок, доброжелателен, уступчив.

Элнет – это вера предков, ядром которой является поклонение природе, а человеческое в человеке возвращается в лоне «вмещающего и кормящего ландшафта» (термин Льва Гумилёва). Чтобы не навредить природе, он встраивается в разные уровни мироздания, не строит больших селений, адаптируется к своеобразным условиям жизни: в лесу ли, у воды или на возвышенности. Все герои романа «Элнет» пронизаны именно таким пониманием природы. Уже с первых строк романа, знакомясь с охотником Сакаром, читатель оказывается в волшебном зимнем лесу: *Изи тайыл почеш мунчалтен вошышжла, Сакар ече вуйжо дене нолго воштырым шуралтыш. Нолго воштыр кож укшым перыш, кож укш гыч Сакарын вуйышкыжо мамык гай пушкыдо лум кырпак камвозо, й[ш]т[ш] лум, сога к[ш]ргыш пурен, Сакарын могыржым чыгылтыш, ш[ш]ргышкыж[ш] шыжалтын шулыц шинчав[ш]д гай яндар в[ш]д лийын, эр лупсла ш[ш]рг[ш] мучко чыпчалте. Сакар вуйжым н[ш]лта ш[ш]ргыжым шокшыж дене ниялтыш, кож вуйышко ончале, тунамак кож укш ло[ш]га гыч, тыгыде к[ш]рен лышташ гай койын, п[ш]гыльм[ш] ш[ш]м йогымым ужо. Сакар изи ваштар. руалтен кучыш, ваштар йыр савырнен, ечыжым тайыллан тореш ыштен шогале. Пычалжым кок кидше денат пе[ш]гыдын кучыш. Сакарын име гай п[ш]с[ш] шинчаже кож ук ло[ш]гашке керылте, п[ш]гыльм[ш] ш[ш]м йогымо корно дене кож мучко шерын к[ш]заш т[ш]п[ш]але. кож деч к[ш]шнырак, укш вожнышто, ошемалтше кужу почшо дене леведалтын, шем пылыш мучашыжым шогалтен, кок ончыл йолжо дене п[ш]гыльмым ишен кучен, ур шинча, п[ш]гыльм[ш] н[ш]шмым с[ш]вызен кочкеш* [12, с. 151] (Съезжая по некрутому склону в низинку, Сакар задел лыжей ильмовый куст. Упругий высокий прут хлестнул вершиной нависшую над ним еловую ветку, и на Сакара посыпался мягкий, пушистый снег. Он попал за воротник, запорошил разгоряченное лицо и сразу растаял, превратившись в прохладные, словно утренняя роса, капли. Сакар отер рукавом мокрые лоб и щеки, поднял голову и увидел, как сквозь густые ветви ели струятся чешуйки, похожие на маленькие коричневые листья. Он ухватился правой рукой за подвернувшийся на пути клен, описал около него полукруг и остановился, поставив лыжи поперек склона. Сакар снял с плеча ружье, а его острый охотничий взгляд побегал вверх по направлению падающих чешуек. Почти на самой верхушке, закрывшись пушистым дымчатым хвостом и подняв торчком уши с черными кончиками, сидела белка и шелушила шишку, зажав ее в передних лапах [15, с. 13]).

Православный миссионер Сергей Нурминский писал: «Лес – это волшебный мир черемисина. Около лесу вертится всё его мировоззрение. Весь сказочный мир черемис вертится около леса и его обитателей, все загадки и поговорки около его же...» [8, с. 34]. Не умевший читать и писать, лесной житель знает о лесных ягодах, грибах, диких пчёлах, зверях и птицах так, как автор книг по биологии и зоологии, строит мосты через реки, как дипломированный инженер.

3. Элнет – это «золотой» мир чудесных марийских песен.

«Песенные тексты романа, непосредственно заимствованные из фольклора или переработанные автором, а также созданные самим Чавайном по подобию содержания и стилистики народнопоэтических произведений, придают художественному повествованию

романтическую возвышенность, поэтичность, драматизм и национальную специфику, усиливают авторскую концепцию мира и характера персонажа» [\[6\]](#). Например, сельский учитель Григорий Петрович Веткан, уставший от проверки тетрадей учеников, хватает скрипку и играет «Лесную сказку». «Он очень любил этот вальс, особенно вторую часть, которая напоминала ему марийские песни. Он часто и подолгу наигрывал на скрипке мелодии любимых песен. Вот и сейчас мелодия вальса незаметно перешла в марийский напев. Григорий Петрович тихо запел» [\[15, с. 46\]](#):

Кудывече гочет ончалъымат,

Уремын-уремын койдале.

Урем гычет ончалъымат,

Пасуын-пасуын койдале.

Пасу гычет ончалъымат,

Олыкын-олыкин койдале.

Олыкышкет ончалъымат,

Ломберын-ломберын койдале.

Тендан олык — мемнан орлык,

Кунам ломбыжо пеледеш?

Ужар ломбыжо ок пелед гын,

Мо ден олыкда сылнештеш?

Мемнан илыш — тулык илыш,

Лачак мурына веле улдалеш.

Мемнан мурына огеш лий гын,

Мо ден илышна сылнештеш? [\[12, с. 184\]](#)

(Когда за ворота я поглядел,

То улицу нашу увидел.

Когда я с улицы вдаль поглядел,

За улицей поле увидел.

Когда я с поля вдаль поглядел,

То луг я зеленый увидел.

На луг зеленый я поглядел,

Черемушник частый увидел.

Вам-то луга, а нам-то – беда.

Когда же черемуха будет цвести?

Что же украсит ваши луга,
 Черемуха если не будет цвести?
 Наша-то доля – сиротская доля,
 Значит, и песни нам грустные петь.
 Что же украсит нам горькую жизнь,
 Если и песен не будем мы петь? [\[15, с. 46\]](#)).

Затем марийский учитель Григорий Веткан с гордостью, но тут же с сожалением говорит: *Могай сьлне муро... Кеч мутшым нал, кеч семжым нал – яндар ш□ртнь□. А ме, марий влак, шкенам мурынам аклен огына мошто. Ме, марий интеллигент влак, марий мурым мураш вожылына. Эх, йомшо турня-влак!..* [\[12, с. 184\]](#) (Какая красивая песня... Что слова, что напев – чистое золото. А мы, марийские интеллигенты, не ценим своих песен, даже, бывает, стесняемся их петь... Эх, журавли, отбившиеся от стаи!.. [\[15, с. 46\]](#)).

Подчеркнем, что в марийской духовной традиции идея природы как основа всего чувственного опыта понимается ещё более абстрактнее и изощрённее, чем идея Бога. Этот многовековой опыт оформился в старинной марийской песне: *Пич чодыра – мыйын ачам, ужар олык – мыйын авам, канде кава, волгыдо эр ўжара – мыйын йōратыме йолташем-влак* (Дремучий лес – отец мой, зеленый луг – мать моя, голубое небо, яркая зарница – любимые мои друзья) [\[17, с. 86-123\]](#). Передаваемые из поколения в поколение традиционные обряды, песни каждый раз при повторении обновляют жизнь, возвращаясь вновь и вновь к её истокам. При этом человек и сам возрождается, освобождаясь от каждодневных тягот суетной жизни, возделывая свою душу. Посредством ритуалов в изначальное состояние переводится всё, что со временем «изнашивается» – космос, общество, человек. Любой факт создания – это повторение сотворения мира, даже если этот мир ограничивается скромным домиком или незатейливой песенкой.

4. Элнет — это вещий Путь народа мари. В 1910 г. молодой поэт Сергей Чавайн написал стихотворение «Молан мые шочынам?» («Зачем я рожден?»):

*Кўшнō-кўшнō, тўнямбалне,
 Мыйын ушем вошт коштеш;
 Ужар-канде пыл йымалне
 Тыге куткыж йыр пōрдеш.
 Кўшыч кошташ чонештен
 Кугу Пўрышō мыланем
 Кугу шулдырым пуэн,
 Манын, мые муралтем.
 Пеш пычкемыш вет тўняште!
 Ом шыплане, олат лўд:*

Тулем уло гын шинчаште,
Ок чактаре мыйым йӱд.
Кечывалжат, шучко йӱдшат –
Ен-влак ӧрыт – мый йолгем;
Чыла вере, кеч-куштат
Шокта мыйын раш йӱкем.
Чылам палыме алем уло:
Ожно лиймым мый шинчем.
Лийшаш ончык мо гын уло,
Тудым чыла мый палем.
Виём уло, куатем, –
Йӱд пычкемышым поктем;
Тулем уло, ситарем,
Волгыдыжым мый кондем.
Кӱшнӧ-кӱшнӧ, тӱнямбалне.
Мыйын ушем вошт коштеш:
Ужар-канде пыл йымалне
Тыге куткыж йыр пӧрдеш [\[14, с. 65–66\]](#)

(Высоко над миром реет
Мысль моя, сильна, вольна,
Там, где небо лишь синее,
Как орел, парит она.
Гордую пою я песню:
«Мне природа-мать дала
Для полета в поднебесье
Крылья мощные орла!»
Мир еще окутан тьмою,
Но неведом сердцу страх.
Ночь не властна надо мною:
Свет горит в моих глазах.
День ли, ночь ли – я сияю,

И народ весь удивлен:

Голос мой не умолкая

Раздается... Всюду он!

Есть во мне познания сила,

Все объемлет мысль моя –

Знаю я, что раньше было,

И что будет, знаю я.

Мрак ночной я разгоняю,

Для меня преграды нет,

Я горю не угасая,

Я несу народу свет.

Высоко над миром реет

Мысль моя, сильна, вольна,

Там, где небо лишь синеет,

Как орел, парит она).

«Творческий огонь в моём сердце зажегся не для моей личной славы, а ради моего народа, ради его просвещения. Горе народа было моим горем, его радости моими радостями. Никогда не думал я обособить себя от народа, от его судьбы. Всё доброе, хорошее в моём творчестве родилось из любви к марийским трудящимся, из желания помочь им скорее построить социализм», – говорил Чавайн в 1935 г. Эти же мысли он подтвердил в письменном «объяснении» на допросе, когда его арестовали в мае 1937 г.: *Я сейчас работаю не за страх, а за совесть. Я считаю себя вполне советским человеком. Я ничего не хочу, только дайте мне спокойно работать. Я своей личностью не дорожу. Я пожил на свете – мне 49 лет – видел горе и радость. Есть у меня одно большое чувство. Это любовь к своему народу. Если любовь к своему народу есть преступление, то карайте меня* [\[10, с. 93–94\]](#).

Имя Сергея Григорьевича Чавайна – одно из самых судьбоносных для марийской нации. Он и сегодня остаётся «певцом народа», ярким символом национальной жизни. Имя Сергея Чавайна объединяет разных представителей мари – луговых и горных, восточных и северо-западных, ибо его поэтика, этноэстетика, новаторское творчество отражают духовные ценности народа, вызывают глубокие патриотические чувства, коллективную память и коллективное сознание, продвигают национальную идентичность на международной арене. Состояние интеллектуального, культурного статуса нации, ее мироустроительный горизонт очень сильно волновали автора романа «Элнет». История мари, понимаемая С. Чавайном, – это Дорога, уводящая в даль зараспахнутой дверью, одновременно это духовный процесс, питаемый богатым культурным наследием, токами настоящего, мечтой о свершениях.

Библиография

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож.

- лит., 1975. 504 с.
2. Лотман Ю. М. Семиосфера. С.-Петербург: «Искусство-СПБ», 2000. 704 с.
 3. Васинкин А. А. «Изначальная песня» // Сергей Чавайн. Роца: стихотворение. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. 1998. С. 3–12.
 4. Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1993. 288 с.
 5. Кудрявцева Р. А. Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2011. 324 с.
 6. Кудрявцева Р. А. Марийские народные песни в художественной структуре романа С. Г. Чавайна «Элнет» // Litera. 2023. № 3. С. 147–175. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39788 (дата обращения: 4.10.2023).
 7. Муравьев Вл. Первый марийский писатель // С. Г. Чавайн. Элнет: роман / перевод с марийского Вл. Муравьева. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1988. С. 3–12.
 8. Нурминский С. А. Очерк религиозных верований черемис // Православный вестник. 1862. № 3. С. 21–39.
 9. Певец народа: воспоминания и документальные очерки о С. Г. Чавайне. Йошкар-Ола: Мар. кн. Изд-во, 1988. 200 с.
 10. Путь национального самоопределения народа мари. 100-летию образования Республики Марий Эл посвящается / авт.- сост. Е. П. Кузьмин, Р. И. Чузаев. М.: РК «Галерея», 2019. 112 с.
 11. Пушкин А. С. Медный всадник // URL: <https://www.culture.ru/poems/5072/mednyi-vsadnik> (дата обращения: 13.10.2023).
 12. Чавайн С. Г. Возымыжо кум том дене лукталтеш. 3 том: Пьеса-влак. «Элнет» роман. Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий издательство, 1981. 428 с.
 13. Чавайн С. Г. Летнее утро: стихи / перевод с марийского А. Я. Спиридонова. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. 1988. 16 с.
 14. Чавайн С. Г. Чумырен лукмо ойпого. I том / К. К. Васин ден Г. С. Чавайн чумыренит. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2008. 336 с.
 15. Чавайн С. Г. Элнет: роман / пер. с мар. Вл. Муравьева. Йошкар-Ола: Мар. кн. Из-во, 1988. 259 с.
 16. Чавайн С. Роца: стихотворение / сост. А. В. Селин, А. Т. Тимиркаев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. 1998. 72 с.
 17. Шкалина Г. Е. Священный мир марийский. Йошкар-Ола: Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2019. 303 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Роман С.Г. Чавайна «Элнет»: единство марийского языка, фольклора и традиций», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей языка писателя, развивающего национальную литературу одного из народов, населяющий Российскую Федерацию, а именно Сергея Григорьевича Чавайна,

который является одним из создателей марийской литературной традиции. Автор изучает особенности поэтики С. Г. Чайвана, обращаясь к аксиологическому анализу произведений, что позволяет выявить приоритетные ценности в духовной картине мира народа. В рецензируемой работе автор скрупулёзно разбирает мифологичность текстов и те образы, которые создает писатель в своих произведениях. К сожалению, автор не указывает насколько велик языковой корпус, отобранный для проведения исследования, а также методологию проведения выборки. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами на марийском языке с параллельным текстом на русском, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 17 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке, не считая художественных произведений. Считаем, что обращение к зарубежным источникам по смежной тематике, несомненно, обогатило бы рецензируемую работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Отметим, что в статье нарушен общепринятый порядок алфавитного выстраивания источников согласно ГОСТа.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Роман С.Г. Чавайна «Элнет»: единство марийского языка, фольклора и традиций» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Котляр Е.Р., Резник О.В., Гоцанюк Н.Ю. — Паттерн Л. Н. Толстого в культурном ландшафте Крыма // Litera. – 2023. – № 12. – С. 41 - 54. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69161 EDN: WWCQXU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69161

Паттерн Л. Н. Толстого в культурном ландшафте Крыма

Котляр Елена Романовна

кандидат искусствоведения

доцент кафедры декоративного искусства, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

295015, Россия, республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, 8, ауд. 337

✉ allenkott@mail.ru

Резник Оксана Владимировна

доктор филологических наук

профессор, кафедра библиотечно-информационной деятельности и межкультурных коммуникаций; Крымский университет культуры, искусства и туризма

295017, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Киевская, 39, оф. 8

✉ oreznik2005@yandex.ru

Гоцанюк Наталья Юрьевна

начальник отдела продвижения и взаимодействия в , Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский университет культуры искусств и туризма»

295017, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Киевская, 39, оф. 8

✉ allenkott@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69161

EDN:

WWCQXU

Дата направления статьи в редакцию:

28-11-2023

Дата публикации:

05-12-2023

Аннотация: Культурный ландшафт как понятие является не гомогенным образованием, а, подобно мозаике, включает в себя паттерны культур как этносов, так и государственных и иных образований, религий, профессиональных традиций, искусства, литературы, науки. Отдельную роль имеют выдающиеся личности, привнесшие свой вклад в культуру данной местности. Крымский культурный ландшафт отличается богатством и многообразием, что естественно для полиэтнического региона с богатейшей многовековой историей. В культурный ландшафт Крыма внесли свой вклад многие выдающиеся деятели культуры и искусства, как, например, художники И.К. Айвазовский, М.А. Волошин, К.Ф. Богаевский, поэты и писатели А. Мицкевич, А. С. Пушкин, И. Шмелев, архитекторы А. Н. Бекетов, П.Я. Сэферов и Н.П. Краснов, композитор А. Караманов, этнограф и социолог Н.Я. Данилевский и многие другие. Предметом исследования данной статьи является вклад в культурный ландшафт Крыма выдающегося литератора, деятеля культуры и философии, Льва Николаевича Толстого. Методы исследования: метод историзма в ретроспективе деталей культурного ландшафта Крыма, метод историографии в уточнении понятия культурный ландшафт, ассоциативно-художественный метод в сопоставлении написанного Л.Н. Толстым о Крыме и его вкладе в культурный ландшафт. Научная новизна исследования состоит в осмыслении вклада Л. Н. Толстого в культурный ландшафт Крыма. Выводы: 1. Культурный ландшафт Крыма богат и многообразен благодаря как уникальной природно-климатической зоне, так и географическому расположению полуострова на пути с востока на запад, что с древнейших времен обусловило полиэтничность, полилингвальность, поликонфессиональность крымской культурной ойкумены. 2. На формирование крымского культурного ландшафта повлияли не только сообщества, но и выдающиеся личности, жившие и/или посещавшие полуостров в разное время. Вклад в крымскую культуру известного писателя, философа, просветителя Л. Н. Толстого состоит в его глубоком философском осмыслении местного культурного колорита, выразившегося в цикле "Севастопольские рассказы", а также в дневниках писателя, где он говорит о Крыме как месте, красота и гармония которого олицетворяют философскую гармонию мысли, понимание человеком и его вечное стремление к добру и свету как цели жизни.

Ключевые слова:

культурный ландшафт, Крым, Лев Николаевич Толстой, культурная значимость, локация, топографические реалии, русская литература, крымский текст культуры, Севастополь, мемуары

К трем основным направлениям в культурологическом познании является определение многоаспектной сути культуры, законов ее развития, особенностей и форм ее проявления. В культурогенезе каждого региона особое место занимает самоидентификация этнических и религиозных групп в процессе онто- и филогенеза, не нарушающая, однако, целостности единого социокультурного пространства [\[2, с. 6\]](#).

Д. С. Лихачевым был введен в научный тезаурус термин *экология культуры*, с пониманием его как идеи сбережения социокультурного пространства путем признания самоценности всех типов культуры, его составляющих [\[7, с. 94\]](#).

Идеи целостности и единства культуры, базирующейся на взаимодействии и интеграции

этносов и цивилизаций как уникальных субъектов культуры, несмотря на выявление отдельных «культурно-исторических типов», содержатся в работе русского культуролога и социолога, одного из фундаторов цивилизационного подхода в истории, Николая Яковлевича Данилевского (1882–1885): «Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» [31]. *Культурно-историческим типом или цивилизацией* Данилевский назвал общность науки, искусства, религии, политического, гражданского, общественного и экономического развития групп этносов на обозначенной территории, основным параметром близости которых является родственность языков. Среди закономерностей детерминации культурно-исторических типов, описанных автором, значимым является следующее утверждение: «Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, – когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств» [2, с. 113].

Рассуждения Д. С. Лихачева и Н. Я. Данилевского относятся к поликультурным регионам (в том числе и к Крыму), в которых культуры каждой из многочисленных этносов и групп близкородственных народов представляют собой уникальное целое, при этом не нарушая границ собственной этнической идентичности. Обращение к понятию диалога культур Крыма невозможно без обращения к концепту «культурный ландшафт».

Термин *культурный ландшафт* опирается на ряд концептов, выдвинутых учеными, анализировавшими его с разных сторон. На основании понятия *ноосфера*, обозначенного российским ученым-энциклопедистом Владимиром Ивановичем Вернадским (1863–1945), Д. С. Лихачев ввел термин *гомосфера*, охарактеризовывая его как «сферу влияния и воздействия на окружающий мир человеческой деятельности» [7, с. 91]. В исследованиях Д. С. Лихачева, касающихся экологии культуры, называемый им *исторический ландшафт* описывается как природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате длительного взаимодействия человека и природы, его хозяйственной и социокультурной деятельности [7, с. 144].

С начала 1990-х годов особое внимание в мировой науке уделяется культурным ландшафтам как специфическому комплексному наследию, обеспечивающему взаимодействие, взаимопроникновение и взаимозависимость культурных и природных компонентов. В «Оперативном руководстве по осуществлению Конвенции о всемирном наследии» ЮНЕСКО появилось определение «культурный ландшафт» и было установлено его место в ряду значимых объектов. В данном документе термин «Культурный ландшафт» фигурирует как результат «совместного творения человека и природы», указывается определяющая роль во взаимодействии человека и среды его обитания экономических, социальных и культурных факторов. Применительно к Крыму это определение является логичным и отвечающим таким параметрам, как четкая определенность геокультурного региона, а также наличие в нем отличительных культурных элементов.

Советский и российский ученый-географ и специалист по теории классификации Владимир Леопольдович Каганский (род. 1954) описал культурный ландшафт в качестве архетипа с присущим ему рядом аспектов, к которым помимо факторов географии, преобразования людьми окружающей природы, относятся семиотический, этический, сакральный и эстетический компоненты. «Культурный ландшафт – земное пространство,

жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей, если это пространство одновременно цельно и структурировано, содержит природные и культурные компоненты, освоено утилитарно, семантически и символически» [5]. По мнению В. Л. Каганского, культурный ландшафт по своей сути диалектичен, так как сочетает в себе природные и культурные компоненты, при этом сочетая непрерывность и прерывность, позитивное соседство автономных компонентов, переходные контактные зоны, сосуществование различных страт населения. Автором была приведена метафора, в которой культурный ландшафт представляется «ковром мест», «иконическим текстом», для постижения которого необходима смена точек зрения и динамика в пространстве [5].

Соответственно, можно говорить о культурном ландшафте, в частности, полиэтнического Крыма, как о мозаике, в которой общая картина создана с помощью множества отдельных разнообразных компонентов (языков, бытовых и религиозных традиций, культуры освоения природы, семиотики искусства, архитектурных традиций и пр.) [11].

Определение термина «культурный ландшафт» невозможно без обращения к междисциплинарным исследованиям, в частности, к регионалистике. Предметом таких исследований является анализ развития конкретных направлений культуры в рамках заданного географического пространства, обусловленного климатическими, ландшафтными, территориально-административными границами. Особый интерес для исследований по региональной культуре представляют полилингвальные, полиэтнические, поликонфессиональные регионы.

В работах географа, культуролога, основателя «Центра гуманитарных исследований пространства Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева», Дмитрия Николаевича Замятина (род. 1962) представлено междисциплинарное направление исследований, называемое *гуманитарной географией*, первоначально развивавшееся в рамках антропогеографии, а позже – в рамках экономической и социально-экономической географии. Это направление науки представляет собой синтез когнитивной географии, культурного ландшафтоведения, образной (имагинальной) географии, сакральной географии, мифогеографии [4]. К понятиям имагинальной географии относятся такие термины, как региональная идентичность (региональное самосознание), образно-географическое пространство, ментально-географическое пространство, локальный миф, культурный ландшафт. Автор представляет «географический образ» в качестве системы взаимосвязанных символов, архетипов и стереотипов, характеризующих обозначенную территорию и напрямую зависящих от развития ее культуры.

Функции культурного ландшафта периодически трансформируются – от конкретного места до туристического маршрута, обусловленного значимостью первоисточника. К категориям культурных ландшафтов относятся узнаваемость, персонализация, культурная значимость, локация, актуализация данного региона в исторический период.

Д. Н. Замятин акцентировал внимание на роли в формировании географического образа различных *текстов культуры* (термин введен в тезаурус основных понятий культурологии А. Я. Флиером, на основе работ известного русского культуролога и семиотика Юрия Михайловича Лотмана (1922–1993) [9], а также филолога, востоковеда, философа Александра Моисеевича Пятигорского (1929–2009). Речь идет как о вербальных (литература), так и невербальных текстах, в частности, изобразительного искусства, музыки, архитектуры, а также на важном значении в данном процессе локальных мифов.

По словам доктора философских наук Дианы Сергеевны Берестовской (1934–2020) «Крым – поликультурное пространство, несводимое к одному основанию, к этнической одномерности» [2, с. 121]. История Крыма, благодаря своему географическому расположению на пути «из варяг в греки», на пересечении торговых путей, с древних времен связана с постоянной сменой этнических групп, государственных образований, торговых и иных профессиональных связей, оставивших свой след в культуре Крыма.

Российский философ, математик и политолог Олег Аршавинович Габриелян (род. 1956) считает уникальной характеристикой Крыма его автономность, обусловленную не только полуостровным характером места – *топоса*, но и его внутренней сущностью, идеей, устойчивой структурой бытия – *логосом*. Приводя исторические примеры, доказывающие логичность автономии Крыма, О. А. Габриелян отмечает, политекстуальность онтологической сути Крыма, «эта ойкумена с ее многообразием культурных миров породила различные крымские «тексты»: литературные, архитектурные, топонимические, демографические и многие другие» [2, с. 21]. Вместе с тем, автор обращает внимание на то, что ни один из этих текстов не стал подавляющим, доминантным.

Ю. М. Лотман на основе теории французских структуралистов выдвинул теорию *семиосферы* – пространства с четкими границами, состоящего из отдельных культурных пластов. Семиосфера, по Лотману, характеризуется континуумом различных текстов, понятных с точки зрения друг друга. Таким образом, внутреннее разнообразие и неоднородность наполнения семиосферы составляют ее уникальную целостность [9]. В одной из своих публикаций Ю. М. Лотман утверждал: «Подобно тому как биосфера с помощью солнечной энергии перерабатывает неживое в живое (Вернадский), культура, опираясь на ресурсы окружающего мира, превращает не-информацию в информацию» [10]. Так же и представитель культуры превращает непосредственно или опосредованно окружающий мир в культурный ландшафт.

Таким образом, совокупность представлений, сложившихся в общественном мнении о том или ином культурном ландшафте, предстает в виде совокупности культурных текстов, как вербальных, так и визуально-аудиальных, сакрально-философских, ценностных. Крымский текст культуры в этом смысле отличается большим количеством разнообразных факторов, включая как описания природы, так и многочисленных исторических событий, связанных в том числе с важными культурно-религиозными маркерами (как, например, принятие христианства князем Владимиром в Херсонесе, основание монастырей, мечетей, медресе, кенас и т.д.). С течением времени тот или иной ландшафт связывается у определенной части населения с историческими, культурными персоналиями, возникает вопрос сохранения конкретных культурных реалий, маркированных предшествующими поколениями [11].

Диалог культур, взаимное изучение текстов культур друг друга, как взаимодействие, приводит к пониманию и принятию друг друга (толерантности) и одновременно к формированию собственной идентичности, т.е. является необходимым условием оптимального развития как каждого из субъектов, так и дальнейшего развития культурного ландшафта в целом.

Важными аспектами данного исследования являются выделение отдельных текстов и кодов культур и их элементов в общем полилингвальном пространстве крымской ойкумены, а также фиксация их визуальной и содержательной трансформации в результате неизбежного взаимовлияния в процессе длительного сосуществования в непосредственной близости.

К одному из значимых паттернов культурного ландшафта в целом, и Крыма в частности, относится роль выдающихся персоналий, внесших свой вклад в культуру региона. Личности отдельных деятелей культуры имеют, с одной стороны, ярко выраженный индивидуальный характер, а с другой, их объединяет впечатление как от удивительной природы Крыма, так и от богатства его культурного наследия, которое они дополнили своей культурной и творческой деятельностью [\[15\]](#). В разное время Крым становился темой и вдохновением для известных поэтов Адама Мицкевича (1798–1855), Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837), Максимилиана Александровича Волошина (1877–1932), писателей Антона Павловича Чехова (1860–1904), Алексея Максимовича Горького (1868–1936), Ильи Львовича Сельвинского (1899–1968), Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950), этнографов Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885), Евсея Исааковича Пейсаха (1903–1977), художников Ивана Константиновича Айвазовского (1817–1900), Константина Алексеевича Коровина (1861–1939), Константина Федоровича Богаевского (1872–1943), композиторов и музыкантов Алемдара Сабитовича Караманова (1934–2007), Александра Афанасьевича Спендиарова (1871–1928), Ильеса Темировича Бахшиша (1913–2000), архитекторов Алексея Николаевича Бекетова (1862–1941), Николая Петровича Краснова (1864–1939), Павла (Богоса) Яковлевича Сэферова (1873–1914) и многих других деятелей культуры.

Ряд деятелей культуры посещали Крым по стопам предшественников, посетивших его ранее, и обнародовавших свои заметки, описания и произведения искусства, посвященные Крыму. Так, в дореволюционной России первыми обозначились географические доминанты, связанные с именем Александра Сергеевича Пушкина. Поэт посещал Крым, ориентируясь, в свою очередь, на посвященные полуострову строки Адама Мицкевича. Нельзя также отрицать влияние на путешественников романтической литературы, в частности, лироэпического произведения «Паломничество Чайльд Гарольда» Джорджа Гордона Байрона (1788–1824), которое явилось для читателей XIX века неким образцом поэтического путешествия. Это произведение послужило для молодых путешественников источником идеи посещения мест, упоминаемых писателями, и в свою очередь сформировало моду на описание своих впечатлений в эпистолярном или мемуарном наследии.

С увеличением социальной мобильности в периоды социальных потрясений и изменений можно заметить возрастающую роль демиургов – личностей лидеров, значение которых трудно переоценить. Эти лидеры формируют новые идеи в общественном сознании, провоцируют развитие общества, его ценностные изменения. К таким лидерам безусловно можно отнести личность выдающегося писателя, просветителя, философа, публициста Золотого и Серебряного веков русской культуры, Льва Николаевича Толстого (1828–1910), крымские страницы биографии и творческого наследия которого, несомненно, занимают значимое место в крымском культурном ландшафте. Цельность культурной персоналии писателя позволяет перейти от локального термина «толстовские места» к более значимым категориям, связывающими воедино культуру, литературу, историю и туризм.

Литературовед В. В. Курьянова в своей монографии «Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого» отмечает, что «произведения любого писателя, отбираемые по региональному принципу, всегда (или почти всегда) можно разделить на две большие группы: 1) произведения, где описывается или упоминается данная местность (её топонимы, реалии) и 2) произведения, имеющие косвенное отношение к определённому географическому пространству...» [\[6\]](#). Так же, на наш взгляд, крымские реалии можно разделить на две группы с культурологической точки зрения: места, связанные с

конкретными фактами биографии Льва Николаевича Толстого – место службы, место лечения, место посещения и т.п., и второй тип – места, нашедшие отражение в творчестве указанного автора. Такая классификация обуславливает соединяет реальное и ассоциативное восприятие выбранных ландшафтов [\[6\]](#).

К первой группе «толстовских» культурно-исторических ландшафтов следует отнести, прежде всего, те, которые связаны с Крымской войной и «Севастопольскими рассказами» (1884–1885 гг.) [\[14\]](#). Крым в творчестве Л. Н. Толстого традиционно воспринимается как «севастопольские страницы». Севастопольская природа и морские пейзажи в произведении предстают как среда для происходящих в «Севастопольских рассказах» драматических событий. Ряд исследователей-литературоведов выявляют Крым, как «экстралитературный фон, который оказал существенное влияние на литературное творчество Л. Н. Толстого» [\[14\]](#).

Одним из наиболее ярких эпизодов службы Л. Н. Толстого в Крыму можно считать Чернореченское сражение. Толстой наблюдал результаты ошибок командования, анализируя их, чтобы затем описать события прежде всего как офицер, а не турист или исследователь. Уникальность подхода писателя и глубина его философской мысли проявляется не только и не столько в фиксации событий, очевидцем и участником которых он стал, но в пронзительном гуманизме, который присущ его рассуждениям о судьбах и простых солдат и офицеров. Писатель точно подмечает обострение как положительных, так и отрицательных черт героев, что характерно для остросоциальных трагических периодов. Героизм, присущий восторженному юношескому максимализму Володи Козельцова, отличается от зрелого восприятия событий его старшего брата, Михаила, но особый трагизм заключается в том, что оба они погибают, став жертвами французов, хотя эти жертвы не приносят в конечном итоге победы. Сражение у Трактирного моста (р. Чёрная) связано с реальным мостом и виадуком, которые сохранились лишь частично. Данное место требует культурного сопровождения, а также реставрации.

Толстой также достаточно долго пробыл в Эски-Орда (Лозовое). Установленный в связи с этим памятник практически не виден туристам. Остановка советской эпохи, отражающая картинку Крымской войны, в настоящий момент требует реставрации и переноса памятника. Статичный и вместе с тем подробный пейзаж призван создавать определённую картину действительности. К «толстовским» реалиям данного периода можно отнести и деревню Керменчик – ныне с. Высокое, где расположена маленькая крепость XIV в., деревню Фатисага (Голубинка), Байдарскую долину, Бахчисарайский дворец, где, возможно, также был писатель. В дневниках Л. Н. Толстого упоминаются крымские топонимы: Симферополь, Бахчисарай, но они лишены какой-либо оценочности. Отдельного рассмотрения заслуживает Гаспра: пребывание там Л. Н. Толстого в 1901 году было продолжительным и эмоционально насыщенным. Роль и значение Крыма, как прекрасного места эстетического умиротворения, лечащего и тело и душу, с точки зрения писателя становятся более очевидными, если вспомнить, как он упоминается в других произведениях Толстого. Так, в повести «Дьявол» Крым выступает как антитеза имени главного героя, место желанного покоя: «Я бы советовал вам ехать. Покойней будет и тебе и ей. И знаешь ли, мой совет ехать в Крым. Климат акушер там прекрасный, и в самый виноградный сезон вы попадёте» [\[12, с. 245\]](#).

Выявление таких, не отражённых напрямую в путеводителях, реалий также обусловлено воссозданием толстовского паттерна крымского ландшафта. Точно неизвестно, когда писатель уехал из Крыма первый раз. Дом в г. Симферополе, где в квартире врача,

краеведа и общественного деятеля Николая Владимировича Плешкова (1823–1900) останавливался Л. Н. Толстой, украшен мемориальной табличкой.

Второй вектор формирования «крымского паттерна» Л. Н. Толстого обусловлен тонким, поэтически-возвышенным восприятием эстетики Южного берега Крыма, когда внимание автора переносится с узко специфических реалий военного времени непосредственно на мелкие, но значимые для отдельного человека детали личной биографии. Л. Н. Толстой воспевал крымскую природу, как целительную для тела и души, изображая жизнь идиллическую: «В Крыму они провели прекрасно два месяца. Евгению было столько новых впечатлений, что все прежнее стёрлось, ему казалось, совсем из его воспоминания. В Крыму они встретили прежних знакомых и особенно сблизились с ними; кроме того, сделали новые знакомства. Жизнь в Крыму для Евгения была постоянным праздником и, кроме того, ещё была поучительна и полезна для него». [\[12, с. 247\]](#). Толстой замечает, что его герой возвращается домой другим, новым человеком, свободным «от прежних ужасов» [\[12, с. 248\]](#), счастливым.

Во второй раз, в 1885 году Лев Николаевич вновь приехал в Крым, сопровождая на юг больного друга, известного шахматиста, отпрыска княжеского рода Сергея Семеновича Урусова (1827–1897), с которым писатель познакомился во время Крымской войны в Севастополе. На этот раз они остановились в Симеизе, где жил представитель одной из самых мощных предпринимательских династий России Сергей Иванович Мальцов (1810–1893). Л. Н. Толстой находился здесь мало, больше путешествуя по Крыму: Алушка, Ялта, Севастополь. Писателем был задуман рассказ «Ильяс» (см. публикации в журнале «Крымский архив», 2014). Данный период жизни никак практически не зафиксирован в мемориальной форме на территории Крыма, а опрос туристов свидетельствует о том, что многие вообще не знают о «мирных», т.е. не связанных с Крымской войной, эпизодах жизни писателя.

В третий раз Л. Н. Толстой приехал в Крым для того, чтобы самому подлечиться после болезни. Известно, что в Крыму его навещали выдающиеся русские писатели А. М. Горький и А. П. Чехов, также находившиеся на лечении на крымском курорте и оставившие свой значимый след в культурном ландшафте Крыма. Толстой отмечал: «Рад, что и Горький и Чехов мне приятны, особенно первый» [\[13, с.140\]](#).

С Крымом были связаны пронзительные по своей чистоте дневниковые заметки автора, относящиеся к концу его жизни, содержащие обобщенно-философские заключения о красоте окружающего мира и стремлении к истине, чистоте и возвышенности. Отдельного упоминания заслуживает следующая запись: «Нынче, кажется, 1 декабря. Вчера было очень хорошо» [\[13, с. 140\]](#). Неточная хронология («кажется») и одновременно восторженная оценка окружающей природы, дарящей душевный комфорт вопреки физическому недугу.

«26 декабря 1901. Гаспра. Стало было лучше, потом опять хуже. Поехал в Ялту ночевать и там заболел сердцем. [\[13, с. 141\]](#) В этом контексте Л. Н. Толстой делает необычное на первый взгляд заключение: «Так ясно видна ближайшая задача жизни. Она в том, чтобы жизнь, основанную на борьбе и насилии, заменить жизнью, основанной на любви и разумном согласии» [\[6, с.141\]](#). Прекрасные пейзажи Большой Ялты, величественные скалы, шум моря и кипарисов придавали писателю силы и надежду на выздоровление и новые свершения.

Ещё одно парадоксальное, на первый взгляд, заключение связано с новым годом:

«Нынче 22 января 1902. [Гаспра.] Почти все время был болен, то есть приближался к смерти. И довольно хорошо жил» [\[13, с.142\]](#). Эта цитата говорит о глубине восприятия писателем окружающего ландшафта, когда даже осознание возможной скорой смерти не мешает ему наслаждаться прекрасной природой, вдыхая чистый морской воздух и созерцая красоту вокруг.

Именно в Крыму, в Гаспре, Л. Н. Толстой выразил следующее суждение: «Ах, как благодетельна болезнь. Она, хоть временами, указывает нам, что мы такое и в чем наше дело жизни» [\[13, с.143\]](#). В этом выражении отражается глубина философской мысли автора, о том, что истина познается в сравнении, и перед лицом болезни и смерти многие цели, казавшиеся важными ранее, теряют актуальность, а вечность, добро и красота становятся осязаемыми.

Последние записи достаточно реалистичны: «25, 26, 27 мая 1902. Гаспра. Три дня был на воздухе, сначала четыре, пять и нынче шесть часов. Понемногу оправляюсь. Это были потуги смерти, то есть нового рождения, и дан отдых» [\[13, с.145\]](#).

Не имея на юге собственности, граф Толстой воспользовался приглашением графини Софьи Владимировны Паниной (1871–1956). 8 сентября 1901 года Лев Николаевич с семьей приехал в Гаспру и оставался здесь до сентября 1902 года – об этом можно увидеть экспозицию в музейной комнате санатория «Ясная Поляна». Но домовая церковь, которую посещал Л. Н. Толстой, была снесена. По свидетельству родственников, вначале писателю стало лучше, но вскоре Лев Николаевич простудился и серьезно заболел. В разгар болезни положение было настолько тяжелым, что лечащие врачи потеряли надежду на выздоровление. В семье обсуждали вопрос о погребении. Считаясь с волей Льва Николаевича, который не хотел, чтобы у близких были хлопоты с его телом, решили, что погребение должно быть в Крыму. С этой целью по соседству был куплен небольшой участок земли. Он не понадобился, но эта история прочно вошла в хронологию формирования культурного имиджа толстовского ландшафта.

Таким образом, проведя анализ «толстовских мест» в культуре Крыма, можно констатировать следующее:

Культурный ландшафт Крыма, являющийся синтезом уникальных природных зон и многовекового культурного наследия этносов, языков, государственных образований, религиозно-философской составляющей, представляет собой, таким образом, пеструю мозаику из самостоятельных культурных паттернов, обогащающих общую картину его восприятия.

Отдельная роль в формировании культурного ландшафта вообще и Крыма в частности принадлежит выдающимся деятелям культуры, чья яркая индивидуальность добавляет в него неповторимых красок и уникальности. К таким деятелям культуры, безусловно, принадлежит и великий писатель, гуманист, просветитель Лев Николаевич Толстой. Толстовский паттерн крымского культурного ландшафта состоит как из мест Крыма, которые в разное время посетил писатель, так и упоминаемых им в художественных произведениях, а также мемуарах и дневниках.

Крымский «толстовский» ландшафт обладает уникальной культурной ценностью, так как различные места Крыма, упоминаемые автором, становятся средой, в которой происходят исторические события, где фигурируют герои художественных произведений писателя, а также реальные личности из его окружения.

Вторым аспектом вклада Л. Н. Толстого в культурный ландшафт Крыма становится

философское осмысление автором природной эстетики уникального географического пространства, его ассоциация с добром, вечностью, истиной, красотой, то есть непосредственная связь с духовными ценностями, и, что самое важное, передача этой осознанной мудрости через мастерство слова читателям.

Роль Льва Николаевича Толстого в культуре и литературе трудно переоценить, тем более важным представляется сохранение памяти о местах, где он жил и творил. В связи с этим актуальным направлением культурного туризма представляется восстановление и сохранение указанных мемориальных (связанных с памятью о выдающейся личности) реалий как материальное культурное наследие.

Библиография

1. Белкина С.В. Культурное наследие Крыма как фактор развития регионального туризма: дис. на соискание учёной степени кандидата культурологии. Симферополь, 2021. 210 с.
2. Берестовская Д. С. Культурные ландшафты Крыма: коллективная монография. Симферополь: ИТ «Ариал», 2016. 380 с.
3. Данилевский В. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М. : Институт русской цивилизации, 2011. 813 с.
4. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития. // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 126-138.
5. Каганский В. Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 160–169.
6. Курьянова В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого. Симферополь. Бизнес-Информ, 2015. 220 с.
7. Лихачев Д. С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре М.: Российский Фонд культуры, 2006. 336 с.
8. Лосева И. Н., Капустин Н. С., Кирсанова О. Т., Тахтамышев В. Г. Мифологический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 576 с.
9. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
10. Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн : Александра, 1992. Т.1 Статьи по семиотике и типологии культуры. 450 с.
11. Прохоров Д. А., Храпунов Н. И. Краткая история Крыма. Симферополь : Доля, 2013. 400 с.
12. Толстой Л. Н. Севастопольские рассказы // Собрание сочинений в 8 т. Т. 1. М. : Лексика, 1996.
13. Толстой Л. Н. Дьявол // Собрание сочинений в 22 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 12. С. 211-255.
14. Толстой Л.Н.. Дневники. 1901 г. // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 тт. М.: Художественная литература, 1985. Т. 22. С. 130-141.
15. Шишкина А. А. Культурный ландшафт: основные концепции. Философия. Культурология. // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки», 2011. № 1 (21). С. 151-157.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет и объект исследования статьи для журнала «Litera» автор лаконично, но емко обозначил в заголовке «Паттерн Л. Н. Толстого в культурном ландшафте Крыма», раскрыв объем концептуального содержания использованных терминов посредством детального погружения в концептосферу теории культурного ландшафта, развивающейся в российской культурологии.

Автор последовательно раскрыл междисциплинарное проблемное поле сохранения культурных ландшафтов, сформированное на пересечении экологии, типологии, семиотики и географии культуры, разъяснив читателю объем и содержание понятия «культурный ландшафт» (объект исследования), а также указав на семиотическую нагрузку понятия «паттерн» (схемы-образа места) применительно к описанию культурного ландшафта.

Паттерн Л. Н. Толстого (предмет исследования) автором раскрыт на основе анализа эмпирического материала как совокупность мест в культурном ландшафте Крыма, связанных с пребыванием Льва Николаевича в Крыму, а также отраженных им в художественных образах и философских рассуждениях. Автор коснулся физического состояния материальных объектов культурного ландшафта Крыма, составляющих паттерн Л. Н. Толстого, указав на необходимость их сохранения и дальнейшего изучения.

В целом предмет исследования раскрыт автором на высоком теоретическом уровне.

Методология исследования опирается на авторизованный комплекс приемов смежных дисциплин, составляющих междисциплинарное проблемное поле сохранения культурных ландшафтов, включая семиотический анализ знаковых мест культурного ландшафта Крыма, связанных с именем и творчеством Л. Н. Толстого, их картографирование (уточнение топонимики и географии) и культурологическую атрибуцию. Автор не уделяет внимания формализации программы исследования в силу совмещения научной и просветительской целей публикации, но она ясно прослеживается в логике изложения полученных результатов.

Актуальность выбранной темы автор разъясняет посредством раскрытия проблемы экологии культуры в поликультурном регионе, каким является Крым.

Научная новизна исследования, выраженная дескрипцией паттерна Л. Н. Толстого в культурном ландшафте Крыма и авторизованным комплексом методических приемов, не вызывает сомнений. Автор внес уникальный вклад как в теорию культурного ландшафта, так и в дидактическое картографирование культурного ландшафта Крыма. Помимо научной ценности представленный текст располагает просветительским потенциалом и может быть использован в туристическо-экскурсионной практике.

Спецификой стиля автора является совмещение просветительской и научно-исследовательской нагрузки текста, что следует отнести к сильной стороне работы. Вместе с тем, из общей гармоничной стилистики выпадает самый первый абзац, составленный с логическими и стилистическими погрешностями: 1) в суждении «Одним из основных направлений в культурологическом познании является определение многоаспектной сути культуры, законов ее развития, особенностей и форм ее проявления» нарушена логика соотношения единичного и множественного: три последовательно перечисленных фундаментальных направлений российской культурологии (у каждого из перечисленных направлений свои объекты) не могут быть «одним из основных направлений»; 2) в суждении «Среди этих данных особое место занимает самоидентификация социальных страт (этнических, религиозных, профессиональных и т.д.) в процессе онто- и филогенеза, включающая религиозные, морально-этические, эстетические нормы, а также особенности семиотики культуры каждой группы» следующие нарушения логики: а) у выражения «среди этих данных»

отсутствует смысл, поскольку оно указывает на отсутствующие в тексте «данные»; б) «социальные страты» — теоретическая абстракция, результат мыслительной (аналитической) процедуры стратификации общества, а абстракциям не свойственна проблема самоидентификации; в) для описания диалектического единства онто- и филогенетических процессов в культуре в конце прошлого века А. Я. Флиер обосновал применимость термина «культурогенез»; 3) в целом мысль абзаца читается с трудом и никак не связана с содержанием статьи. Рецензент рекомендует автору иначе сформулировать мысль, раскрывая комплексность проблемы сохранения культурных ландшафтов.

Структура повествования одновременно подчинена логике изложения результатов научного исследования и просветительно-дидактического обеспечения популяризации и сохранения культурного ландшафта Крыма.

Библиография, учитывая опору автора на анализ эмпирического материала, хорошо отражает проблемное поле исследования и оформлена в соответствии с редакционными требованиями. Полагая высокую вероятность продолжения развития темы исследования в последующих публикациях, рецензент рекомендует автору в дальнейшем не игнорировать возможность помещения достигнутых результатов в более широкий контекст международных теоретических дискуссий за счет оценки развития тематики зарубежными учеными, поскольку тема формирования и сохранения культурных ландшафтов различных территорий остается чрезвычайно актуальной и продолжает активно освещаться коллегами из многих стран мира. Кроме того, рецензент не обнаружил в тексте ссылки на первый пункт библиографического списка: это вероятнее всего обидная техническая описка, но её необходимо исправить.

Апелляция к оппонентам корректна и вполне достаточна.

Статья, безусловно, представляет большой интерес для читательской аудитории журнала «Litera» и после небольшой доработки может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Litera» автор представил свою статью «Паттерн Л.Н. Толстого в культурном ландшафте Крыма», в которой проведено культурологическое и философское осмысление роли личности в формировании культурного текста определенной территории. Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что с увеличением социальной мобильности в периоды социальных потрясений и изменений возрастает роль личности лидеров, значение которых трудно переоценить. Эти лидеры формируют новые идеи в общественном сознании, провоцируют развитие общества, его ценностные изменения. К таким лидерам автор относит выдающегося писателя, просветителя, философа, публициста Золотого и Серебряного веков русской культуры, Льва Николаевича Толстого (1828–1910), крымские страницы биографии и творческого наследия которого, несомненно, занимают значимое место в крымском культурном ландшафте. Цельность культурной персоналии писателя позволила автору перейти от локального термина «толстовские места» к более значимым категориям, связывающими воедино культуру, литературу, историю и туризм.

Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что в период всеобщей глобализации и стирания граней идентичности, связанный с активным взаимодействием с помощью современных средств коммуникации, развитие этнических культур как в многонациональной России, так и в мире в целом сталкивается с рядом проблем. С

одной стороны, это проблема сохранения идентичности и дальнейшего развития национальных традиций, касающихся религии, языка, народного искусства, а с другой – проблема толерантности, конструктивного диалога и взаимодействия между представителями разных народов, направленного не на разрушение общества вследствие межнациональных разногласий, а на созидание и развитие современного общества и государства, основанного на единстве принципов гуманистической морали. Теоретическим обоснованием исследования послужили труды таких всемирно известных исследователей как Д.С. Лихачев, Н.Я. Данилевский, В.Л. Каганский, Ю.М. Лотман, А.Я. Флиер, В.В. Курьянова и др. Методологическую базу исследования составил комплексный подход, содержащий как общенаучные методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, так и исторический, социокультурный, биографический и художественный анализ. Эмпирическую базу составили произведения и воспоминания Льва Николаевича Толстого. Целью данного исследования является изучение влияния творческого и жизненного пути Л.Н. Толстого на формирование культурного ландшафта Крыма.

Анализируя степень научной проработанности проблематики, автор большое внимание уделяет освещению идеи единства социокультурного пространства и культурного единства, целостности, основанной не на синтезе, а на взаимодействии и интеграции уникальных субъектов культуры: этносов и цивилизаций, опираясь на труды Д.С. Лихачева и Н.Я. Данилевского. Взгляды Д.С. Лихачева и Н.Я. Данилевского автор проецирует на культуру многонациональной России и Крыма в частности, где культуры каждого из многочисленных этносов или групп близкородственных народов представляют собой уникальное целое, при этом не нарушая внутренних культурных границ этнической идентичности. Для рассмотрения диалога этнических культур Крыма автор обращается к концепту «культурный ландшафт». Взяв за основу труды Д.С. Лихачева и В.Л. Каганского, автор раскрывает сущность культурного ландшафта как архетипа, включающего в себя ряд аспектов, к которым помимо географических особенностей, взаимодействия и преобразования человеком окружающей среды, относятся образы и символы ландшафта (семиотический компонент), эстетический, этический и сакральный компоненты.

Заслуживает внимание и проанализированные автором представления Д.Н. Замятина о таком междисциплинарном направлении исследований, как гуманитарная география, первоначально развивавшемся в рамках антропогеографии, а позднее – в рамках экономической и социально-экономической географии. Данное направление науки включает в себя культурное ландшафтоведение, образную (имагинальную) географию, когнитивную географию, мифогеографию, сакральную географию. К понятийному аппарату имажинальной географии относятся такие термины, как локальный миф, региональная идентичность (региональное самосознание), культурный ландшафт, образно-географическое пространство, ментально-географическое пространство.

Автором уделено внимание и анализу понятия и сущности визуального семиозиса как важного компонента художественной культуры и семиотики в целом как философского течения. Также автором на основе трудов Ю.М. Лотмана, А.Я. Флиера и других выдающихся российских культурологов представлен анализ теории культурного текста, а также единого механизма формирования семиотического пространства в контексте культуры.

Исходя из цели исследования, автор подразделяет крымские реалии на две группы с культурологической точки зрения: места, связанные с конкретными фактами биографии Льва Николаевича Толстого – место службы, место лечения, место посещения и т.п.; и второй тип – места, нашедшие отражение в творчестве указанного автора. Такая классификация обуславливает соединяет реальное и ассоциативное восприятие

выбранных ландшафтов.

К первой группе «толстовских» культурно-исторических ландшафтов следует отнести, прежде всего, те, которые связаны с Крымской войной и «Севастопольскими рассказами». Второй вектор формирования «крымского паттерна» Л. Н. Толстого обусловлен тонким, поэтически-возвышенным восприятием эстетики Южного берега Крыма, когда внимание автора переносится с узко специфических реалий военного времени непосредственно на мелкие, но значимые для отдельного человека детали личной биографии.

Как замечает автор, крымский «толстовский» ландшафт обладает уникальной культурной ценностью, так как различные места Крыма, упоминаемые автором, становятся средой, в которой происходят исторические события, где фигурируют герои художественных произведений писателя, а также реальные личности из его окружения.

В завершении автором представлены выводы по проведенному исследованию, включающие все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье. Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение роли выдающихся деятелей культуры в формировании культурного ландшафта вообще и Крыма в частности представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список состоит из 15 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике. Можно сказать, что автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, показал глубокие знания изучаемой проблематики. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Пороль П.В., Пороль О.А. — Из разысканий о «тихой девушке» в поэзии Н. Гумилева // Litera. – 2023. – № 12. – С. 55 - 62. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69122 EDN: VQFNHQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69122

Из разысканий о «тихой девушке» в поэзии Н. Гумилева

Пороль Полина Вадимовна

ORCID: 0000-0001-6706-4533

кандидат филологических наук

старший преподаватель кафедры Русского языка и общеобразовательных дисциплин Оренбургского государственного университета

117198, Россия, г. Оренбург, пр. Победы, 13

✉ olgaporol@mail.ru**Пороль Ольга Анатольевна**

ORCID: 0000-0001-9145-3336

доктор филологических наук

доцент кафедры Русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета

46000, Россия, г. Оренбург, пр. Победы, 13

✉ olgaporol@mail.ru[Статья из рубрики "Поэтика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.12.69122

EDN:

VQFNHQ

Дата направления статьи в редакцию:

26-11-2023

Дата публикации:

07-12-2023

Аннотация: Обращение Н. Гумилева к теме Китая прослеживается в ряде его поэтических текстов, вершиной которых можно назвать цикл стихотворений

«Фарфоровый павильон» (1918). В исследовании рассматривается один из доминирующих китайских образов в поэзии Н. Гумилева – образ китайской девушки, отчетливо прослеживающийся среди созданного поэтом пространства поэтических текстов – как китайского, так и русского. Особое внимание уделено интерпретации поэтических произведений, проанализирована семантика и функционирование образа китайской девушки в восприятии поэта. При исследовании авторы статьи обращаются к культурным и историческим реалиям Китая, его философии и мифологии. Китай и Россия в сознании Н. Гумилева разделены и, одновременно, в ряде произведений слиты воедино. Рассуждения и выводы авторов статьи основываются на критических исследованиях, сопоставлении двух культур. Анализ поэтических произведений проведен в семантическом аспекте с применением поиска текстовых параллелей. Исследование выполнено с помощью структурно-семиотического метода. Новым в работе стало выявление и интерпретация образа китайской девушки в поэзии Н. Гумилева. В ходе исследования были проанализированы следующие поэтические произведения: «Царица» (1909), «Я верил, я думал...» (1911), «Девушке» (1912), «Луна на море» (1918), «Дорога» (1918), «Три жены мандарина» (1918). В цикле «Фарфоровый павильон» образ китайской девушки встречается девять раз. Выявлен генезис «тихой девушки» в рассматриваемых стихотворениях. Обнаружено, что образ китайской девушки соответствует «канонам изображения» Ничто («Царица»). Образ китайской девушки символизирует итог существования человека в мире без Бога, без бытия в высшем его смысле («Я верил, я думал...»). В стихотворении «Луна на море», как и в последующих стихотворениях цикла «Фарфоровый павильон» («Соединение», «Поэт», «Дом»), Н. Гумилев придерживается китайской традиции, сравнивая женский образ с луной.

Ключевые слова:

поэзия, Гумилев, Китай, образ, эстетика, рецепция, китайская традиция, интерпретация, мифология, девушка

Тема Востока, Китая, его искусства и учений – одна из главных тем творчества Н. Гумилева, интересовавшая его на протяжении всей жизни, начиная от одного из самых ранних стихотворений «О превращениях Будды» [\[2, VII, с. 22\]](#), написанном в двенадцатилетнем возрасте, и заканчивая так и оставшейся незавершенной и ставшей судьбоносной для поэта «Поэмой Начала» (1921). Китай в поэзии Н. Гумилева представлен довольно разнопланово – это и эстетическое любование деталями китайского быта, и образы мифологии, и обращение к поэтам Китая и т.п. Ранее тема Китая была рассмотрена нами в работе «Китай в рецепции поэтов Серебряного века (поэтика и эстетика)» [\[9\]](#), а также в ряде последующих исследований, дополняющих ее [\[4, 8, 10\]](#). Цель настоящей статьи – проанализировать образ китайской девушки в стихотворениях поэта, раскрыть семантику этого образа в восприятии автора.

В 1909 году Н. Гумилев создает стихотворение «Царица» (А. Ахматова считала, что стихотворение «Царица» посвящено ей), в котором соединены образы женского начала России и Китая (Тибета). Обратимся к отдельной лексике и выражениям стихотворения, создающим портрет царицы:

- лоб в кудрях отлива бронзы
- как сталь, глаза остры

- светла, как *древняя Лилит*
- черты алмазного лица
- рот, вырезанный строго
- я в тебе увидел *Бога*
- лениво улыбнулась

Важно заметить, что в раннем произведении «Царица» проявилась отличительная черта всей поэтики Н. Гумилева – понимание современности при неременном обращении к древности, сосуществование прошлого и настоящего. Поэт описывает статую восточной богини («Тебе задумчивые бонзы / В Тибете ставили костры»), оживающую в конце стихотворения («И ты лениво улыбнулась / Стальной секире палача»). С. Л. Слободнюк отмечает несоответствие деталей стихотворения реальности: «Для Тибета все же более привычна фигура ламы, а не бонзы, хотя и тот, и другой – восточные монахи <...> А если говорить о «древней Лилит», которая, по определению Гумилева, «светла», то возникает вопрос: «Заслуживает ли мать исполинов и бесчисленных злых духов, ночное привидение, преследующее детей, такого эпитета? (Добавим, что Лилит по-еврейски означает «ночная»). Реальные атрибуты земной действительности создают иллюзию достоверности мифа, который творит поэт <...> «Светлая Лилит» не изощренный оксюморон, а фигура, воплощающая в себе одну из форм бытия добра и зла в мире поэта» [\[11, с. 175-176\]](#).

Обращение к китайскому образу царицы, безмятежному, отрешенному, безучастному и к жизни, и к смерти («И ты лениво улыбнулась / Стальной секире палача») соответствует канонам изображения Ничто, небытия и пустоты, его китайских истоков в русской поэзии Серебряного века.

В стихотворении «Я верил, я думал...» (1911) образ китайской девушки становится центральным, передающим, как и образ фарфорового колокольчика, весь драматизм душевного состояния поэта, его одиночество в мире:

И вот мне приснилось, что *сердце мое не болит,*
Оно – колокольчик фарфоровый в желтом Китае
 На пагоде пестрой... *висит и приветно звенит,*
 В эмалевом небе дразня журавлиные стаи.
 А *тихая девушка* в платье из красных шелков,
 Где золотом вышиты осы, цветы и драконы,
 С поджатыми ножками *смотрит без мыслей и снов,*
 Внимательно слушая *легкие, легкие звоны.*

(«Я верил, я думал...») [\[2, II, с. 92\]](#).

«Тихая девушка в платье из красных шелков» изображается поэтом безучастной («без мыслей и снов»), способной слушать внимательно «*легкие, легкие звоны*» уставшего от боли сердца. Снова звучит известная в поэзии Серебряного века тема небытия,

разработанная в творчестве В. Брюсова, К. Бальмонта, В. Хлебникова и др., тема отрешенности (*без мыслей и снов*), тема Ничто, отчасти взятая из даосизма.

Примечательно, что образ китайской девушки возникает в последней строфе стихотворения, где поэт подводит итог существования человека в мире без Бога, без бытия в высшем его смысле. Бытие отступает перед вещным миром, фокус сужается, оставляя только одну фигуру девушки, детализируя даже рисунок вышивки платья – происходит победа быта над бытием: Создатель – я – поэт, чародей, Властитель вселенной – сидящая девушка с «поджатыми ножками» «в платье <...>, где золотом вышиты осы, цветы и драконы».

Стихотворение «Я верил, я думал...» было посвящено Сергею Маковскому – поэту, художественному критику, редактору журнала «Апполон», близкому другу, который оставил ценные воспоминания о Н. Гумилеве.

В цикле «Фарфоровый павильон» (1918) образ китайской девушки встречается девять раз. Впервые – в стихотворении «Луна на море» упоминаются «богдыханские жены»:

Смотря, как тучи легкие проходят

Сквозь лунный столб, что в море отражен,

Одни из них мечтательно находят,

Что это поезд *богдыханских жен...*

(«Луна на море») [\[3, с. 273\]](#).

Словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дает следующее определение именованию «богдыхан»: «неофициальное название китайского императора у русских в 16-17 вв.» [\[6, с. 50\]](#). Это именование довольно часто можно встретить в русской литературе XX века (К. Бальмонт, В. Хлебников, Ф. Сологуб, Б. Пильняк и другие). В «Луне на море», как и в последующих стихотворениях цикла («Соединение», «Поэт», «Дом») Н. Гумилев придерживается китайской традиции, сопоставляя женщину с луной (миф о Чаньэ). Интересным представляется в тексте стихотворения сопоставление:

тучи – *богдыханские жены*

тучи – *тени набожных людей*

тучи – *караваны лебедей*

Намеренно или интуитивно поэт словно соединил традиционные представления России и Китая: *богдыханские жены* – *караваны лебедей*, в Китае лебедь не символизирует женское начало, как это известно в русской культуре (например, царевна Лебедь в известной сказке А.С. Пушкина).

В пятом стихотворении цикла «Фарфоровый павильон», «Дорога», встречается образ «милрой», которой «Когда она родилась, ноги / В железо заковали ей». Несмотря на то, что приведенный образ очевидно восходит к исторической реалии бинтования ног девочкам в Китае, стихотворение проникнуто исконно-русскими образами и посвящено оно русской девушке – Марии Кузьминой-Караваевой. Мария была двоюродной племянницей Н. Гумилева, молодых людей объединяло светлое чувство. Однако, Мария сообщила поэту, что тяжело больна, поэтому не вправе кого-либо полюбить, и действительно, вскоре она умерла в Италии, куда отправилась на лечение. Это событие

прослеживается в последних строках стихотворения:

Когда она родилась, сердце

В железо заковали ей,

И та, которую люблю я,

Не будет никогда моей

(«Дорога») [\[3, с. 275\]](#).

Интересно заметить, что Марии Кузьминой-Караваевой посвящено и стихотворение «Девушке» (1912), где также прослеживаются китайские мотивы:

И вам чужд тот безумный охотник,

Что, взойдя на нагую скалу,

В пьяном счастье, в тоске безотчетной

Прямо в солнце пускает стрелу.

(«Девушке») [\[2, II, с. 56\]](#).

Исследователи находят в этих строках отсылку к Ветхому Завету, в то же время строит обозначить еще один возможный семантический пласт – стихотворение может восходить к китайскому мифу о стрелке Хоу И, который «расстрелял» девять солнц и, тем самым, спас людей от смертельной жары.

Следующее стихотворение в цикле «Фарфоровый павильон» – «Три жены мандарина», несколько ироничное, объясняющее «взаимоотношения» в семье, исторические особенности китайских семейных уз. Стихотворение построено в форме нисходящей градации: Законная жена – Наложница – Служанка.

Законная жена

Есть еще вино в глубокой чашке,

И на блюде *ласточкины гнезда*,

От начала мира уважает

Мандарин законную супругу.

Наложница

Есть еще вино в глубокой чашке,

И на блюде гусь большой и жирный.

Если нет детей у мандарина,

Мандарин наложницу заводит.

Служанка

Есть еще вино в глубокой чашке,

И на блюде разное варенье.

Для чего вы обе мандарину,

Каждый вечер новую он хочет.

Мандарин

Больше нет вина в глубокой чашке,

И на блюде только красный перец.

Замолчите, глупые болтушки,

И не смейтесь над несчастным старцем.

(«Три жены мандарина», 1918) [\[3, с. 275-276\]](#).

Каждый женский образ в стихотворении характеризуется по тому или иному «кушанию». Описывая «законную супругу», поэт прибегает к упоминанию традиционного китайского деликатеса – «ласточкины гнезда». Образ наложницы связан уже с более повседневной и менее эстетической едой – «гусь большой и жирный». Служанка в стихотворении ассоциируется с «разным вареньем». Если вспомнить, какое особенное внимание китайский народ уделяет приготовлению пищи и разнообразию блюд, подобные параллели – описание героя с помощью еды – кажутся вполне закономерными и Н. Гумилев тонко это замечает.

В свете всего сказанного, остается заметить, что образ китайской девушки в поэзии Н. Гумилева содержит следующую семантическую наполняемость:

- безмятежность, отрешенность, безучастность к жизни и к смерти, что соответствует канонам изображения Ничто, небытия и пустоты в русской поэзии Серебряного века («Царица»);
- равнодушие к драматизму душевного состояния лирического героя, к его одиночеству в мире («Я верил, я думал...»);
- небытие, забвение, «тихая девушка ... без мыслей и снов» («Я верил, я думал...»);
- отождествление с луной, что соответствует китайской традиции («Луна на море», «Соединение», «Поэт», «Дом»);
- соединение русских и китайских черт («Дорога»);
- отождествление с китайскими блюдами («Три жены мандарина»).

Рассмотренная нами тема, наверное, оказалось бы не до конца разработанной, если бы мы оставили без внимания тот факт, что «тихая девушка» в стихотворении Н. Гумилева «Я верил, я думал...» сильно отличается от тихого образа пушкинских героинь, что противоречит многовековой русской литературной традиции. Надмирному, неземному, высокому традиционно принадлежит категория покоя: «Все тихо, просто было в ней»; «Проходит долгое молчанье, / И тихо наконец она: „Довольно; встаньте. Я должна...”» («Евгений Онегин»), «Но царица молодая, / Тихомолком расцветая, / Между тем росла, росла, / Поднялась – и расцвела» («Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»), «... она <Марья Ивановна> воротилась, обливаясь молча тихими слезами»; «„Прощайте, Петр Андреич!”» – сказала она тихим голосом («Капитанская дочка») и т.д. [\[7, с.82\]](#).

Выражение «тихая девушка» в стихотворении Н. Гумилева означает прежде всего пустоту, сон, забвение и разрушение всех прежних надежд и мечтаний.

Библиография

1. Бронгулеев В. В. Посредине странствия земного: Документальная повесть о жизни и творчестве Н. Гумилева: Годы 1886-1913. М.: Мысль, 1995. 351 с.
2. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10 т. М.: Воскресенье, 2001.
3. Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1988. 632 с.
4. Коваленко А. Г., Пороль П. В. Китайский текст в стихотворении Н. Гумилева // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. №3, 2021. С. 529-536.
5. Лукницкая В. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архивасемьи Лукницких. Л.: Лениздат, 1990. 302 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1994. 907 с.
7. Пороль О. А. Идеино-смысловые доминанты в позднем творчестве А. С. Пушкина // Пушкинские чтения - 2020. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXV Международной научной конференции. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 73-84.
8. Пороль П. В. Китай в поэзии Н. Гумилева // Николай Гумилёв - "Золотое сердце России". Коллективная научная монография по итогам проведения в Санкт-Петербурге 15-17 апреля 2021 г. Пятых международных Гумилёвских чтений. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2023. С. 264-270.
9. Пороль П. В. Китай в рецепции поэтов Серебряного века (поэтика и эстетика): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Москва, 2020. 183 с.
10. Пороль П. В. Рецепция образа Китая в цикле стихотворений Н. Гумилева "Фарфоровый павильон" // Пушкинские чтения - 2020. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXV Международной научной конференции. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 194-203.
11. Слободнюк С. Л. Элементы восточной духовности в поэзии Н.С. Гумилева // Н. Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1994. 678 с.
12. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.: Академический проект, 1999. 512 с.
13. Owen S. On the discussion of couplets in Chinese verse // Traditional Chinese Poetry and Poetics: Omen of the Word, Madison: The University of Wisconsin Press, 1985. С. 91-96.
14. The Silver Age in Russian Literature. London: Palgrave Macmillan, 1999. 200 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Из разысканий о «тихой девушке» в поэзии Н. Гумилева», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения специфики творчества Николая Гумилева, одного из величайших поэтов России начала XX века, а именно тему Востока, которая проходит сквозной нитью через многие произведения.

Цель настоящей статьи – проанализировать образ китайской девушки в стихотворениях поэта, раскрыть семантику этого образа в восприятии автора. Исследование выполнено в русле теории литературоведения, опирается на теории отечественных научных школ. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом на русском языке. Практическим материалом послужили произведения Гумилева. А именно: стихотворения «Царица», «Я верил, я думал...», цикл «Фарфоровый павильон» и др. В качестве методологии применены специфические методы филологического анализа. Совокупность методов позволила систематизировать наработки предшественников и описать эмпирические данные. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Библиография статьи насчитывает 14 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и иностранном языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических работах в области отечественного литературоведения. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания филологических дисциплин на профильных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Из разысканий о «тихой девушке» в поэзии Н. Гумилева» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Онуфриева Е.С., Тресорукова И.В. — Речевые формулы ответа в новогреческом языке // Litera. — 2023. — № 12. — С. 63 - 78. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69250 EDN: URDYKU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69250

Речевые формулы ответа в новогреческом языке

Онуфриева Елизавета Сергеевна

ORCID: 0000-0003-3395-4516

кандидат филологических наук

преподаватель кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, д. 1, стр. 51

✉ lisa.onufrieva@gmail.com

Тресорукова Ирина Витальевна

ORCID: 0000-0001-8899-5716

кандидат филологических наук

доцент кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета Московского
государственного университета имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, д. 1, стр. 51

✉ itresir@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69250

EDN:

URDYKU

Дата направления статьи в редакцию:

01-12-2023

Дата публикации:

08-12-2023

Аннотация: Статья посвящена исследованию на материале новогреческого языка особого типа фразеологизмов – речевых формул ответа. Речевые формулы ответа –

идиомы, используемые в речи в качестве реакции на высказывание партнера по коммуникации и воспроизводящие какие-либо фонетические особенности этого высказывания, – составляют один из наиболее лингвоспецифичных пластов фразеологии и представляют трудность для правильной интерпретации и перевода. Интерпретация речевых формул ответа осложняется тем, что они составляют часть фразеологического фонда, слабо представленную в словарях. Речевые формулы ответа зафиксированы в разных языках мира, например, в славянских или романских. Цель статьи заключается в описании малоизученного материала новогреческих формул ответа, установлении их типов и специфических особенностей, а также выявлении типовых коммуникативных ситуаций их использования. Материалом для статьи служат случаи употребления речевых формул ответа в произведениях художественной литературы, текстах интернета, фильмах и сериалах на новогреческом языке наряду с данными словарей. В ходе исследования применяются методы структурно-семантического, контекстологического и сопоставительного анализа. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что в новогреческом языке существуют структуры, соответствующие определению речевых формул ответа. В статье выделены восемь типов новогреческих формул ответа в соответствии с типом реплики-стимула: реакции на вопрос; реакции на обращение; реакции на согласие или несогласие; реакции на мнение или оценку; реакции на сообщение; реакции на приветствие, прощание, пожелание; реакции на благодарность; реакции на побуждение. Показано, что ключевую роль в случае с новогреческими формулами ответа играет конкретное лексическое наполнение реплик-стимулов. Особый интерес в аспекте сопоставительного анализа речевых формул ответа в разных языках представляет, по мнению авторов, факт наличия в новогреческом языке формул ответа, имеющих форму проклятия или пожелания зла.

Ключевые слова:

речевые формулы, дискурсивные формулы, формулы ответа, ответная реплика, иницирующая реплика, рифма, фонетическое сходство, проклятие, фразеология, новогреческий язык

1. Введение. Понятие речевых формул ответа и их основные характеристики

Речевые формулы ответа (РФО) выделены в классификации фразеологизмов А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского как особый тип идиом, представляющих собой «второй из двух иллокутивно связанных речевых актов», иллокутивно вынуждаемый первым речевым актом и повторяющий какие-то из его фонетических особенностей [\[1, с. 92-93\]](#). В русском языке к РФО относятся такие выражения, как *[— Ну?] — Баранки гну!*, *[— Где?] — У тебя на бороде!*, *[— Кто?] — Дед Пихто!*, в испанском — *[— ¿Qué pasa?] — ¡Un burro por tu casa!*, *[— ¿Dónde?] — ¡A la casa del Conde!*, в новогреческом — *[— Τι?] — Τυρί και ψωμί!*, *[— Γιατί?] — Γιατί έχει η γάτα ένα αυτί!*.

Подобные структуры привлекают внимание исследователей, занимающихся вопросами фразеологии [\[1, с. 92-93\]](#); [\[2, с. 72\]](#); [\[3, с. 173\]](#), паремиологии и фольклора [\[4, с. 89\]](#); [\[5-6\]](#); [\[7, с. 80\]](#), анализа дискурса [\[8-9\]](#). В отношении выражений такого типа используются также термины «диалогические идиомы» [\[10\]](#), «ассонансные фразеорефлексы» [\[11\]](#), «ответные фразеореплики» [\[12\]](#), «шуточные ответы» [\[4, с. 89\]](#); [\[5\]](#), «рифмованные псевдоответы» [\[8, с. 983-984\]](#), «λαϊκά αυταπαιτήματα» 'народные отзывки' (перевод здесь и

далее выполнен авторами статьи) [6]; [7, с. 80], «αντιλαβές» 'антилабы' [13]; [14, с. 65–66], [14, с. 174–175] и др. Необходимо отметить, что приведенные термины соотносятся между собой не в полной мере. Так, С. Скарцис относит к категории «антилаб» не только новогреческие фразеологизмы типа [— *Καλά.*] — *Καλάμια και παλούκια* (букв. '[— Хорошо.] — Тростник и колья'), но и неидиоматичные однословные реплики [— *Καλημέρα.*] — *Καλημέρα* ('[— Доброе утро.] — Доброе утро'), [— *Ευχαριστώ.*] — *Παρακαλώ* ('[— Спасибо.] — Пожалуйста') [14, с. 175].

В существующих работах изучается место структур, соотносимых с РФО, в составе фразеологического фонда языка как особого типа фразеологизмов [1, с. 92–93], [2, с. 72], [3, с. 173], специфика их внутренней формы, основанной на семантически немотивированном фонетическом уподоблении реплике собеседника [15], возможность использования идиоматичных ответных реплик как средств реализации «педагогической агрессии» [8], дискурсивной тактики поругания [9], языковой игры [10, 16] и пр. С точки зрения Ш. В. Хайрова, перспективным является «сопоставительный анализ таких конструкций в различных языках в прагматическом аспекте на фоне типичных речевых практик» [10, с. 241].

РФО могут представлять собой реакции на вопросы, а также на другие типы речевых актов, например, сообщение или приветствие (см. примеры из русского языка, приводимые А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским: [— *Говорят...*] — *Кур доят!*, [— *Привет!*] — *Привет от старых штиблет!* [2, с. 72]). Важным является то, что все подобные выражения функционируют как зависимые речевые акты, для появления которых необходимо не только намерение самого говорящего, но и наличие определенной иницирующей реплики, служащей стимулом для их употребления.

Помимо иллокутивной зависимости от реплики-стимула, РФО имеют звуковое сходство с ее конкретным лексическим наполнением. Характерным для РФО является наличие рифмы с лексическим составом иницирующей реплики (см. греческое [— *Γιατί;*] — *Γιατί η γάτα έχει ένα αφτί!*, [— *Jatí?* — *Jatí i gáta éxi éna aftí!*], букв. '[— Почему?] — Потому что у кошки одно ухо!'), повтор отдельного слова иницирующей реплики ([— *Είμαι μικρός.*] — *Μικρό είναι το μάτι σου!*, [— *Íne mikrós.* — *Mikró íne to máti su!*], букв. '[— Он маленький.] — Маленький твой глаз!') или начального слога слова ([— *Κύριε!*] — *Κεριά και λιβάνια!*, [— *Kírie!* — *Keriá ke livánia!*], букв. '[— Господин!] — Свечи и ладаны!').

Значение РФО можно свести к идее неуместности предшествующего речевого акта собеседника. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, характеризуя РФО как фразеологизмы с практически идентичным семантическим содержанием, объясняют возможность одновременного сосуществования в языке такого множества синонимичных конструкций тем, что образ не менее важен для коммуникации, чем содержание [2, с. 143]. Как правило, фразеологизмы рассматриваемого типа обладают яркой образной внутренней формой, превалирующей над их элементарным значением, придающей им экспрессивность и отличающей их от возможных синонимов. Так, в новогреческом языке в качестве реакции на вопрос *γιατί;* ([*jatí?*], 'почему?') могут быть использованы разнообразные РФО (например, *για να ρωτάς εσύ* [*ja na rotás esí!*], букв. 'чтобы спросил ты', *γιατί η γάτα έχει ένα αφτί* [*jatí i gáta éxi éna aftí!*], букв. 'потому что у кошки одно ухо'), совпадающие по своему значению (указание на неуместность реплики собеседника), однако различающиеся образом, лежащим в основе внутренней формы, и стилистическими характеристиками.

Необходимо отметить общую сниженность стилистической окраски РФО, значительно ограничивающую возможную сферу их использования. Нередко РФО содержат в своей внутренней форме отсылки к абсурдным ситуациям (например, [*— Γιατί;*] — *Γιατί πετάει το γατί!*, [*— Jatí? — Jatí petái to γατί!*], букв. '[— Почему?] — Потому что летает котенок!'), тем или иным проявлениям физиологии ([*— Πού;*] — *Εκεί που κλάνει η αλεπού!*, [*— Pu? — Ekí pu kláni i alepú!*], букв. '[— Где?] — Там, где пукает лиса!') или насильственным физическим действиям ([*— Με λένε Γιάννη.*] — *Τ' άντερά σου στο τηγάνι!*, [*— Me léne Jáni. — Τ' άντερά su sto tiyáni!*], букв. '[— Меня зовут Яннис.] — Твои кишки на сковородку!'). Дополнительным фактором снижения стилистической окраски является и обязательное для РФО наличие рифмы или иного типа звукового сходства с иницирующей репликой.

РФО зафиксированы в разных языках мира (см. соответствующие исследования на материале славянских [\[10; 17\]](#) или романских языков [\[18–20\]](#)). Некоторые исследователи склонны считать подобные структуры универсальным явлением [\[17\]](#), однако другие указывают на то, что использование этих структур характерно не для всех языков. Так, Ш. В. Хайров, говоря о диалогических идиомах в славянских языках, отмечает: «Предварительно собранный материал показывает, что они действительно употребляются в данной рифмованной и ритмической форме во всех славянских языках, однако в различных пропорциях, а если брать языки других групп, то есть и такие, например, английский, где эта форма может отсутствовать вовсе» [\[10, с. 242\]](#).

Несомненно, РФО являются одним из наиболее лингвоспецифичных пластов фразеологии каждого языка и вследствие этого представляют большую трудность для правильной интерпретации и адекватного перевода на другой язык.

Так, в русском языке, по всей видимости, отсутствуют фразеологические соответствия разнообразным греческим РФО, используемым в качестве реакции на отказ, таким как [*— Όχι.*] — *Οχιά να σε φάει / να σε καταπιεί!* ([*— Óxi. — Oxiá na se fáι / katapií!*], букв. '[— Нет.] — Гадюка пусть тебя съест / проглотит!'). Факт наличия в новогреческом языке структур, соответствующих определению РФО и имеющих форму проклятия, представляет особый интерес в аспекте сопоставительного анализа РФО в различных языках. Хотя в русском языке и существуют идиомы-перформативы, выражающие речевой акт проклятия, они не обладают необходимыми для РФО фонетическими характеристиками и относятся к другому классу речевых формул (см. [\[2, с. 72\]](#)).

Для английского языка, как указывалось выше, использование РФО нехарактерно в целом [\[10, с. 242\]](#). Показательно, что фраза *Έτσι θέλει το καττίβ* ([*Étsi théli to kattín*], букв. 'потому что так хочет котенок'), используемая на Кипре как ответ на неуместный вопрос *γιατί;* ('почему?' [*jatí*]), при переводе песни кипрской музыкальной группы «Monsieur Doumani» была переведена на английский язык буквально: *Παράίτα, μεν γυρεύκεις εξηγήσεις, τζαι μεν ρωτάς με ποιος, ούτε γιατί, / κάτσε στ' αυκά σου, χώνεψε το, έτσι ένι, διότι "έτσι θέλει το καττίβ". — Stop asking for explanations, and don't ask who or why / Don't react, get used to it, that's the way it is, because 'that's what the kitten wants'* (перевод песни доступен на официальном сайте группы [<https://monsieurdoumani.bandcamp.com/track/thats-what-the-kitten-wants>]). Очевидно, что в подобных случаях перевод должен сопровождаться дополнительным лингвокультурологическим комментарием.

Специфичными для конкретного языка и культуры могут также являться слова и реплики, способные стать «триггером» для использования в речи той или иной РФО. Ярким примером здесь могут служить культурноспецифичные формы обращения, не имеющие

прямого лексического или функционального аналога в другом языке. Так, например, РФО *Móra kai kasída (va se piási / va sou 'rthi)!* ([*Móra ke kasída (na se piási / na su rthi)!*]), букв. 'кошмар и плешивость (чтобы с тобой случились / чтобы на тебя нашли)') используется в новогреческом языке в качестве реакции на употребление фамильярного обращения *μωρέ / μωρή* ([*moré / morí*]), не имеющего прямого лексического соответствия в русском языке.

Интерпретация РФО осложняется тем, что они составляют часть фразеологического фонда, слабо представленную в словарях. На это обращает внимание и В. Т. Бондаренко, исследуя ответные фразеологические реплики в русском языке: «[О]б относительно полной представленности в словарях и особенно о лексикографической характеристике ответных фразеореplik говорить пока еще не приходится» [12, с. 645].

Цель нашей работы заключается в определении типов новогреческих РФО, выявлении специфических особенностей этого вида фразеологизмов в новогреческом языке, а также анализе типовых коммуникативных ситуаций их использования.

Задачами исследования являются следующие:

- выявить в новогреческом языке структуры, соответствующие определению РФО;
- изучить контексты, в которых употребляются новогреческие РФО, и проанализировать иллокутивный тип и лексический состав инициирующих реплик;
- проанализировать коммуникативные ситуации, в которых употребляются новогреческие РФО отдельных групп, и выделить типовые ситуации их использования.

Материалом для исследования служат случаи употребления РФО в произведениях художественной литературы, текстах интернета, фильмах и сериалах на новогреческом языке, а также данные словарей, главным образом онлайн-словаря греческого сленга *slang.gr* [21] и «Словаря народного и периферийного языка» Г. Катоса [22].

2. Типы речевых формул ответа в новогреческом языке

Анализ контекстов, в которых употребляются новогреческие РФО, позволяет выделить несколько групп таких выражений в новогреческом языке в соответствии с типом инициирующей реплики.

· Реакции на вопрос

(1) — **Γιατί** με κλωτσάς, *мастро-Βαγγέλη; του λέω*. — **Για τ' αντι!** μου λέει άγρια. *То κατάλαβες πως μας έγινες φόρτωμα;* (Π. Νιρβάνας, «Το άχτι της γενιάς μου»)

` — **Почему** ты меня бьешь, *мастро-Βανгелис?* — говорю ему я. — **Из-за валика!** — говорит он мне злобно. — Ты понял, что стал нам обузой?

[— *Jatí me klotsás, mastro-Vangéli? — Ja t' andí!*]

· Реакции на обращение

(2) — *Ω, την κυρία Ευθαλία!* — **Κερίά και Λιβάνια!** *Δεσποινίς!* (фильм «Н хартоπαίχтра»)

` — А, **госпожа** Эфталия! — **Свечи и ладан!** Я барышня!

[— *O, tin kiría Efthalía! — Keriá ke livánia!*]

· Реакции на согласие, несогласие, отказ

(3) — *Na σου πω για το θρίλερ, μετά τι έγινε;* — **Όχι.** — **Οχιά να σε καταπιεί!** (сериал «Οι απαράδεκτοι», эпизод «Χρόνια πολλά»)

‘— Рассказать тебе про триллер, что потом было? — **Нет.** — **Чтоб тебя гадюка проглотила!**’

[— *Όχι!* — *Οχιά na se katapií!*]

· Реакции на мнение, оценку

(4) «Πού τον βρήκατε αυτόν το **μικρό;**» «**Μικρό είναι το μάτι σου, στην ηλικία σου είναι [...]**» (Α. Παπαδημητρίου, «Παράλληλοι δρόμοι»)

‘«Где вы нашли этого **маленького?**» «**Μαλєνџкий твой глаз,** он твоего возраста [...]’

[— *Pu ton vríkate aftón to mikró?* — *Mikró íne to máti su!*]

· Реакции на сообщение

(5) — *Είπα εγώ πέντε φορές το όνομα «Κωνσταντίνος»;* — **Έξι!** — **Ο κόλος σας να φέξει!** Άντε πηγαίνετε από δω! (сериал «Κωνσταντίνου και Ελένης», эпизод «Τι είναι αυτό που το λένε αγάπη»)

‘— Это я произнесла пять раз имя «Константинос»? — **Шесть!** — **Чтобы ваша задница сверкнула!** Давайте, идите отсюда.’

[— *Έξι!* — *Ο κόλος sas na féksi!*]

· Реакции на приветствие, прощание, пожелание

(6) ΟΣΜΑΝ: *Τι! Ζητάς και μεροκάματο;* Άντε πήγαινε στο σπίτι και πες της κόρης μου να σου βάλει να φας [...]. **Αντίο!** ΚΑΡΑΓΚΙΟΖΗΣ: **Άντε να σου βγουν τα μάτια και τα δύο.** (Ε. Σπαθάρης, «Ο Καραγκιόζης Γιατρός»)

‘ΟΣΜΑΝ: — Что? Ты еще и денег просишь? Иди-ка домой и скажи моей дочери покормить тебя [...]. **До свидания!** ΚΑΡΑΓΙΟΖИС: **Чтоб у тебя глаза повылезали.**’

[— *Αδίο!* — *Na su vγun ta mátia ke ta díο!*]

· Реакции на благодарность

(7) Η Καμίλλη έγινε κατακόκκινη και έκανε προσπάθεια να χαμογελάσει. Είπε και «**μερσί**». — **Η μύτη σου τουρσί,** είπε η Ευτέρπη πολύ σιγά, όμως όλοι την άκουσαν, και η Κλειώ την κλώτσησε κάτω απ' το τραπέζι. (Μ. Ιορδανίδου, «Λωξάντρα»)

‘Камилла густо покраснела и сделала попытку улыбнуться. Она добавила: «**Мєрси**». — **Твой нос замаринован,** — очень тихо произнесла Эвтерпи, однако все ее услышали, и Клио пнула ее под столом.’

[— *Mersí!* — *I míti su tursí!*]

· Реакции на побуждение

(8) — *Του χρόνου θα τακτοποιηθούνε όλα.* — Αλήθεια; **Ορκίσου!** — **Μα το βρακί σου!** (Γ. Καηκουρίδης, «Δε πουγιέται IV»)

‘— В следующем году всё наладится. — Правда? **Поклянись! — Твоими трусами!**’

[— *Orkísu! — Ma to vrakí su!*]

В большинстве исследованных нами контекстов появление РФО в речи служит для прямого и даже грубого указания на неуместность конкретных слов собеседника или его действий и поведения в целом. Используя РФО, говорящий демонстрирует свое неприятие неуместного или нежелательного вопроса со стороны партнера по коммуникации, неуместного обращения в свой адрес, неудовлетворительной реакции на просьбу, неадекватной оценки какого-либо объекта или ситуации и пр. Поводом для использования РФО могут стать также особенности речевого поведения собеседника, например, неоднократное, раздражающее повторение им каких-либо слов.

Н. Г. Брагина и И. А. Шаронов, рассматривая использование рифмованных псевдоответов как один из способов реализации «педагогической» агрессии, отмечают: «Выбирающий “эмпатийную” стратегию пытается нейтрализовать ошибку собеседника, а выбирающий стратегию “педагогической” агрессии акцентирует на ней внимание, чтобы научить собеседника быть впредь осторожнее и внимательнее» [8, с. 976].

Использование РФО может быть вызвано не только коммуникативной ошибкой собеседника, но и некооперативностью самого говорящего — его нежеланием участвовать в коммуникации, враждебностью по отношению к собеседнику или отсутствием доверительных отношений с ним.

Безусловно, степень агрессии в каждой конкретной коммуникативной ситуации определяется не столько фактом использования РФО и их стилистическими характеристиками, сколько условиями коммуникации и характером отношений между коммуникантами. В греческой бытовой коммуникации РФО могут использоваться в игровой форме, например, в общении детей между собой или общении родителей с маленьким ребенком. Тем не менее, подобные структуры являются потенциально конфликтными коммуникативными стратегиями, о чем свидетельствуют и их словарные толкования. Так, даже выражение *γιατί η γάτα έχει ένα αυτί* ‘потому что у кошки одно ухо’, распространенное в детской речи (онлайн-словарь сленга slang.gr сообщает, что это одно из общеизвестных выражений, с которым современные носители греческого языка знакомятся еще в дошкольном возрасте [21]), имеет в словаре Г. Катоса определение «агрессивный или иронический ответ тому, кто с удивлением спрашивает нас “почему” [...], когда мы не хотим давать больших объяснений» [22]. Выражение *για να ρωτάς (εσύ)* ‘чтобы спросил ты’ интерпретируется в онлайн-словаре slang.gr так: «Мы говорим это в раздражении, когда у нас больше нет ответа и мы хотим заткнуть собеседнику рот и прекратить разговор» [21].

Обращает на себя внимание, что, как уже отмечалось выше, многие новогреческие РФО имеют форму проклятия или пожелания зла — в полной или редуцированной форме. Это характерно для большинства типов новогреческих РФО, за исключением тех, которые являются реакцией на вопрос. См., например: [— *Κύριε!*] — *Κερίά και λιβάνια (να σου ανάψουν)*! ([— *Kírie!*] — *Keríá ke livánia (na su anápsun)*!), букв. ‘[— Господин!] — Свечи и ладан (чтобы тебе зажгли)!’] или [— *Όχι.*] — *Οχιά (να σε φάει / να σε καταπιεί / να σε βαρέσει ανάμεσα στα μάτια)*! ([— *Όχι!*] — *Oxiá (na se fáι / na se katapií / na se varési anámesa sta mátia)*!), букв. ‘[— Нет!] — Гадюка (чтобы тебя съела / проглотила / ужалила между глаз)!’].

Подтверждение этому наблюдению мы находим и в некоторых словарных толкованиях

греческих РФО. Так, РФО *κερίά και λιβάνια* 'свечи и ладан' интерпретируется в словаре Д. Димитракоса как «проклятие, обычно [используемое] в качестве гневного ответа тем, кто повторяет слово "господин"» [23, с. 4328], а РФО *μόρα και κασιδα* 'кошмар и плешивость' интерпретируется в словаре Г. Катоса как «мягкое проклятие в адрес кого-то, кто ответил нам оскорбительным, пренебрежительным или безразличным [обращением] *μωρέ*» [22].

С. Трахилис, используя в отношении структур, соотносимых с РФО, термин «антилаба», пишет: «Антилаба — частое явление среди проклятий, встречается же она тогда, когда проклинаящий, пребывая в гневе из-за услышанного ответа или слова, хватается за это же самое слово или за какое-либо созвучное ему и, отталкиваясь от этой отправной точки, выстраивает проклятие. Таким способом тому, кто пребывает в гневе или негодовании, предоставляется, с одной стороны, подручная зацепка для их словесного выражения, а с другой стороны, созвучие, или парехеза, звучит в каком-то смысле как пощечина в ответ на пощечину, удар в ответ на удар» [13, с. 376]. На типичность использования «мягких, смешных проклятий или бранных фраз» в качестве антилаб в современном греческом языке обращает внимание и С. Скарцис [14, с. 66].

Изучение иллокутивных типов реплик, служащих стимулом для употребления греческих РФО, важно для того, чтобы продемонстрировать широкий диапазон функционирования РФО в диалогической речи на греческом языке, а также показать, что состав этого подкласса фразеологизмов в греческом языке не ограничивается только лишь реакциями на вопросы, а включает в себя и реакции на высказывания других типов: информативные сообщения, оценочные высказывания и пр.

Важно подчеркнуть, что стимулом для использования одной и той же РФО могут служить реплики разного типа. Так, например, РФО *Μπαρμπαριά και Τούνεζι* ([*Barbariá ke Túnezí*], букв. 'Берберы и Тунис') может использоваться и в качестве реакции на обращения *μπάρμπας* ([*bárbas*], 'дядя'), *μπαμπάς* ([*babás*], 'папа'), и в качестве реакции на оценочное *βάρβαρος* ([*várvaros*], 'варвар'). См. фрагмент из книги А. Севастакиса «Πολιорκίες»: — *Βάρβαρε άνθρωπε... — Τσακίσου να ντυθείς, που θα με πεις και βάρβαρο! Μπαρμπαριά και Τούνεζι! Αχάριστη!* '— Варвар, а не человек... — Пошла вон одеваться, будет еще она называть меня варваром! **Берберы и Тунис!** Неблагодарная!'. Выражение *κερίά και λιβάνια* ([*keriá ke livánia*], букв. 'свечи и ладан') используется, согласно словарю Афинской академии, «как выражение недовольства, негодования по поводу раздражающего повторения обращения "*κύριε*" ['господин'], "*κυρία*" ['госпожа'] или слова "*και*" ['и']» [24, с. 817]. Аналогичные сведения о выражении *κερίά και λιβάνια* приводятся в словаре Триандафиллидиса: «разгневанный ответ кому-либо, кто повторяет с раздражающей частотой слова "*και*" ['и'] и "*κύριε*" ['господин']» [25]. При этом слова *κύριε* [*kírie*] / *κυρία* [*kiría*] объединяет со словом *και* [*ke*] только звуковой облик — наличие слога [*ki*] / [*ke*].

Из этого можно сделать вывод, что ключевую роль в случае с РФО играет не тип предыдущего высказывания, а конкретное лексическое наполнение этого высказывания и в частности — присутствие в реплике собеседника определенных лексических «триггеров». По своей природе РФО представляют в первую очередь звуковые ассоциации с конкретными словами или сочетаниями слов, закрепленные в сознании носителя языка.

Н. Пиотоянники в статье, посвященной школьным фразочкам-«затычкам», так пишет про выражение [— *Έξι!*] — *Ο κόλος σου να φέξει!* ([— *Éksi!* — *O kólos su na féksi!*], букв. '—

Шесть! — Чтобы твоя задница сверкнула!'): «Спроси мы случайно одноклассника с часами, через сколько минут будет звонок, и ответь он — “Через шесть”, эта фраза вылетала из наших уст, прежде чем мы успевали подумать. Ну же, приятель, ты и сам испытываешь судьбу. Скажи “семь”, скажи “пять”, назови любое другое число, в конце-то концов!» [\[26\]](#).

Важность произнесения партнером по коммуникации определенного слова-«триггера» для активации РФО мы видим и в других ситуациях детской коммуникации, когда говорящий сам просит своего собеседника произнести нужное слово вне какого-либо контекста. Говоря о РФО [*— Αεροπλάνο!*] — *Πατάω γκάζι και σε κλάνω!* [*— Aeropláno! — Patáo gázi ke se kláno!*], букв. ‘— Самолет! — Нажимаю на газ и пукаю в тебя!’) Н. Пиотоянники пишет: «Разумеется, никто не произносил слово “самолет” просто так ни с того ни с сего. Всегда предшествовал мини-диалог типа “Скажи «самолет»”, “Зачем?”, “Ну скажи один раз”, и после сотни уговоров собеседник шел тебе навстречу, и ты на седьмом небе от счастья отвечал то, что так сильно хотел сказать» [\[26\]](#).

Итак, РФО в большей степени демонстрируют связь с отдельным конкретным словом или сочетанием слов, входящим в состав реплики собеседника и обладающим соответствующим ассоциативным потенциалом. При этом причины использования РФО в каждом конкретном случае могут различаться.

3. Новогреческие формулы ответа, используемые в качестве реакции на вопрос

В этом разделе мы рассмотрим новогреческие РФО, являющиеся реакцией на вопрос, и проанализируем коммуникативные ситуации, в которых они употребляются. Реакции на вопрос составляют обширную группу РФО в современном греческом языке. Приведем пример некоторых из них:

• [*— Γιατί;*] — *Για να ρωτάς (εσύ)!*

[*— Jatí? — Ja na rotás (esí)!*], ‘— Почему? — Чтобы спросил ты!’

• [*— Γιατί;*] — *Γιατί κλάνει το γατί!*

[*— Jatí? — Jatí kláni to yatí!*], ‘— Почему? — Потому что пукает котенок!’ (В корпусе текстов eITenTen19 содержится также два контекста, в которых эта РФО употреблена как реакция на вопросительное *δηλαδή*; [*διλαδί?*], ‘то есть?’)

• [*— Γιατί;*] — *Γιατί η γάτα έχει ένα αφτί!*

[*— Jatí? — Jatí i gáta éxi éna aftí!*], ‘— Почему? — Потому что у кошки одно ухо!’

• [*— Γιατί;*] — *Για το αντί (του αργαλειού) (που έχει δύο / τέσσερις / οχτώ τρύπες) (στο αντί)!*

[*— Jatí? — Ja to andí (tu argalíú) (pu éxi dío / téseris / oxtó trípes) (sto aftí)!*], ‘— Почему? — Из-за валика (ткацкого станка) (, у которого две / четыре / восемь дырок в ушке)!’ (В газете «Τρίβολος» от 17.03.1935 (место издания — о. Лесбос) встречается вариант [*— Γιατί;*] — *Για τ’ αντί που τλίγιν του πανί!*, [*— Játí? — Ja t’ andí pu tliyín tu paní!*], ‘— Почему? — Из-за валика, куда наматывают ткань!’ [http://dspace.cplm.gr/bitstream/handle/123456789/15589/TRIVOLOS_17_03_1935.pdf].

Это выражение упоминает и П. Пападеллис, описывая говор жителей деревни Анемотья (о. Лесбос) [\[27\]](#)

• [*— Τι;*] — *Τυρί (και ψωμί!) / Ψωμί και τυρί!*

[— *Ti?* — *Tirí (ke psomí) / Psomí ke tirí!*], '— Что? — Сыр (и хлеб) / Хлеб и сыр!'

•[— *Ti éinai autó;*] — *Manitári magikó!*

[— *Ti íne aftó?* — *Manitári magikó!*], '— Что это? — Волшебный гриб!'

•[— *Ti les;*] — *Ψωμί κι ελιές!*

[— *Ti les?* — *Psomí ki eliés!*], '— Что ты говоришь? — Хлеб и оливки!'

•[— *Πού;*] — *Εκεί που κλάνει η αλεπού!*

[— *Pu?* — *Εκί pu kláni i alerú!*], '— Где? — Там, где лиса!'

•[— *Ποιος;*] — *Αυτός! (Ένα μηδέν)*

[— *Píos?* — *Aftós! (Ένα miθέν!)*], '— Кто? — Он! (Один ноль)'

Представленные РФО различаются по своему происхождению, стилистическим характеристикам, образу, лежащему в основе внутренней формы, а также частотности употребления.

Так, РФО [— *Γιατί;*] — *Για το αντί!* ([— *Jatí?* — *Ja to andí!*], '— Почему? — Из-за валика!) фиксируется в словарях уже в XIX в. В сборнике устойчивых выражений «Ο πρακτικός λόγος» (1876 г.) выражению *Για το αντί* дается следующее толкование: «Мы высмеиваем этим ответом глупцов, которые просят у нас объяснения ("почему?") вещам, не требующим объяснения. Αντί ['товарный валик'] — это одна из частей ткацкого станка» [28, с. 103]. Рассматриваемое выражение можно встретить в различных греческих литературных произведениях начала XX в., однако в настоящее время оно, по всей видимости, устарело и практически не используется. На сайте греческого веб-форума «Ретромания» фраза *Για το αντί* была названа пользователями в числе выражений, которые, по их мнению, больше не прозвучат: [www.retromaniax.gr/threads/Ρετρό-λέξεις-φράσεις-που-δε-θα-ξαναπούμε.3191/page-16].

Другая РФО — [— *Ti éinai autó;*] — *Manitári magikó!* ([— *Ti íne aftó?* — *Manitári magikó!*], '— Что это? — Волшебный гриб!') — обязана своим появлением серии рекламных роликов ароматизатора для дома Airwick, транслировавшихся по греческому телевидению в 1990-е гг. (см. например: [https://www.youtube.com/watch?v=TzKlaGMq7bk]). В рекламе демонстрировался ароматизатор, напоминавший по своей форме гриб, и звучал слоган *Μαγικόμανιτάρι* 'волшебный гриб'. На связь выражения [— *Ti éinai autó;*] — *Manitári magikó!* с рекламой продукции Airwick указывает онлайн-словарь slang.gr, сообщающий также, что это выражение используется детьми дошкольного возраста [21].

Использование некоторых других РФО ограничено конкретными регионами. Так, РФО [— *Γιατί;*] — *Γιατί έτσι θέλει το καττί(ν)!* ([— *Jatí?* — *Jatí étsi théli to kattí(n)!*], '— Почему? — Потому что так хочет котенок!') и [— *Πού;*] — *Στην τρύπα του αλουπού!* ([— *Pu?* — *Stin trípa tu alurú!*], '— Где? — У лисы в норе!') используются на Кипре.

Интерес представляют также рифмованные ответы, представляющие собой авторские окказионализмы. В романе М. Лундемиса «Ένα παιδί μετράει τ' άστρα» мы встречаем рифмованный ответ [— *Γι' αυτό;*] — *Για του σκύλου το καφτό!*, [— *J'aftó?* — *Ja tu skílu to kaftó!*], букв. '— Поэтому? — Из-за горячего у собаки!'. Окказионализмом является и выражение [— *Ti;*] — *Ti και τίκφινик!*, [— *Ti?* — *Ti ke tíkfinik!*], букв. '— Что? — Что и

тыквенник!» в романе З. Затели «Και με το φως του λύκου επανέρχονται».

Целью вопросительных реплик-стимулов является получение информации об объективном мире: цели, причине чего-либо, объекте, субъекте, локации и пр. Как малоинформативные реплики, «семантические пустоцветы», — по образной характеристике Т. М. Шкапенко [11, с. 51], — РФО не содержат информации об объективном мире. Н. Политис называет греческое выражение *Για τ'αντί πώχει τέσσερες τρύπαις* 'из-за валика, у которого четыре дырки' ничего не сообщающим ответом [29, с. 324–325].

Анализ собранных нами контекстов, в которых используются РФО рассматриваемой группы, позволяет выделить несколько типовых ситуаций их использования.

•Говорящий не владеет запрашиваемой информацией и не может дать ответ по существу вопроса

(9) — **Γιατί**, πατέρα, κελαηδούνε τα πουλιά; — **Για το αντί που έχει δύο τρούπες**, αποκρίθηκε ο πουολόγος. — Όχι, αλήθεια, πες μου! Ξανάπε η Ζαφειρούλα. Ο κυρ-Αναστάσης δεν αποκρίθηκε άλλο. Έμεινε όμως συλλογισμένος, και ύστερ' από πολλή ώρα [...] ακούστηκε να λέει, σα να μιλούσε μονάχος του: — **Γιατί κελαηδούνε τα πουλιά;... Μηγάρις ξέρω κι εγώ γιατί κελαηδούνε τα πουλιά;** (Γ. Ξενόπουλος, «Κελαϊδισμοί»)

— **Почему**, отец, поют птицы? — **Из-за валика, у которого две дырки**, — ответил птицелов. — Нет, правда, скажи мне! — повторила Зафирула. Кир-Анастасис больше не ответил. Однако он задумался, и спустя долгое время послышался его голос, как будто он говорил сам с собой: — Почему поют птицы? Неужто я знаю, почему поют птицы?.

П. Пападеллис сообщает, что выражение *Για τ'αντί που τλίγουν(j) του πανί* 'из-за валика, куда наматывают ткань' представляло собой неодобрительный ответ на вопрос и использовалось теми, кто «кто желал уклониться, выразить протест или **не знал, что ответить**» [28].

•Говорящий владеет информацией, запрашиваемой собеседником, однако считает, что ответ на вопрос сам по себе является очевидным или должен быть уже известен собеседнику

Это наиболее распространенная ситуация использования РФО первой группы. Ее мы встречаем в наибольшем числе контекстов, отобранных нами для анализа.

(10) «Λοιπόν, πάρε φόρα και βάρα». «**Πού;**» «**Εκεί που κλάνει η αλεπού!** Στο κεφάλι μου ωρέ! Πεθαίνω απ' τον πόνο λέμε!» (Α. Κортώ, «Νεοελληνική Μυθολογία»)

«Значит, размахнись и бей». «**Куда?**» «**Туда, где пукает лиса!** По голове же, ну! Умираю от боли ведь!»

В данном случае мы видим, что говорящий, использующий РФО, выражает свое недовольство наивностью, недогадливостью своего партнера по коммуникации, тем, что тот не способен самостоятельно оценить происходящее и задает вопрос, ответ на который очевиден из самой ситуации.

В других контекстах недовольство говорящего, использующего РФО, можно связать с тем, что собеседник, задавая вопрос, уже знает на него ответ. Тем самым нарушается условие искренности, как одно из важных требований успешности речевого акта. Характерно использование слова *τάχα* 'деланно' в примере (11):

(11) — *Εσύ δε θα βαφτείς έτσι! — Και γιατί; τάχα η Σοφία, ενώ περιεργαζόταν μάλλον θετικά το μαύρο ζικζάκ πάνω στο βλέφαρό της. — Γιατί πετάει το γατί! Ρωτάς, βρε βλαμμένο; Θες να βρω κάνα μελά εγώ;* (Β. Μάστορη, «Φι-Γάμα-Πι»)

‘— Ты так не накрасишься! — А **почему?** — деланно спрашивает София, скорее одобрительно разглядывая черный зигзаг на своем веке. — **Потому что летает котенок!** Ты еще спрашиваешь, ненормальная? Хочешь, чтобы у меня проблемы были?’

В рассматриваемом типе коммуникативной ситуации после употребления РФО говорящий, как правило, дает и информативный ответ на вопрос, заданный собеседником (примеры 10—11). Информативного ответа может не последовать в том случае, если говорящий считает, что уже сообщил собеседнику нужные сведения, и не желает повторять:

(12) — *Ακούστε, μαντάμ, εγώ θα σας μιλήσω τώρα σαν γυναίκα προς γυναίκα. Εγώ είμαι η γυναίκα του Σπύρου. — Τι; — Турί και ψωμί! Αυτό που άκουσες!* (сериал «Οι απαράδεκτοι», эпизод «Ποια Ελένη;»)

‘— Послушайте, мадам, сейчас я буду с вами говорить как женщина с женщиной. Я жена Спироса. — **Что?** — **Хлеб и сыр!** Что слышала!’

Ср. толкование фразы *Τυρί και ψωμί!* в словаре Г. Катоса: «иронический ответ кому-то, кто удивляется, говор "что?" в ответ на то, что мы ему сообщаем» [22]. Словарь slang.gr указывает на возможность употребления РФО *Τυρί και ψωμί* в случае запоздалой реакции собеседника или его рассеянности: «классический ответ, когда после долгого рассказа о каком-либо происшествии, собеседник, который по сути не слушает, в конце спрашивает рассказчика "а? что?"» [21].

•Говорящий владеет запрашиваемой информацией, однако считает, что у собеседника нет полномочий ее запрашивать, или сам ограничен в возможности ответить

(13) — *Γιατί, παλιόπαιδο, δεν πήγες μαζί; τον ηρώτησεν η Σειραινώ το Κουρτεσάκι. — Για να ρωτάς εσύ, απήντησε θρασύς ο Πάπος.* (Α. Παπαδιαμάντης, «Το ενιαύσιον θύμα»)

‘— **Что же** ты, дрянной мальчишка, с ними не поехал? — спросила его Сирайно Куртесаки. — **Чтоб ты спросила,** — дерзко ответил Папос.’

В данном случае говорящий находится в ситуации вынужденного общения. Используя РФО, он дает своему собеседнику понять, что вопрос является неуместным, так как собеседник не находится с говорящим в доверительных отношениях и, следовательно, не имеет полномочий запрашивать информацию.

•РФО используется для шутки или игры

На греческом сайте *Είμαι μαμά*, посвященном вопросам материнства, в комментариях к статье «Десять вещей, которые мы хотим сказать своим детям, но не говорим», читатели рассказывают о своем опыте использования выражений типа [— *Γιατί;*] — *Γιατί η γάτα έχει ένα αφτί!* ‘[— Почему?] — Потому что у кошки одно ухо!’ в общении с детьми: «Они [дети] тоже очень смеются над этим и понимают, что я говорю им это в шутку, и потом специально задают мне вопросы, чтобы я так отвечала, и смеются» (см. статью «Δέκα πράγματα που θέλουμε να πούμε στα παιδιά μας, αλλά δεν τα λέμε»: [https://eimaimama.gr/2013/06/deka-pragmata-pou-theloume-na-poume-sta-paidia-mas.html/]). Очевидно, что в ситуации игры реальный запрос на получение информации со стороны спрашивающего может отсутствовать.

4. Заключение

В статье было продемонстрировано, что в новогреческом языке существуют структуры, соответствующие определению РФО. Изучение контекстов, в которых используется данный тип фразеологизмов в новогреческом языке, позволило выделить восемь типов реплик, провоцирующих их использование в речи: вопросы; обращения; реплики согласия или несогласия; реплики, выражающие мнение или оценку; сообщения; реплики приветствия, прощания, пожелания; реплики, выражающие благодарность; побудительные реплики.

Несмотря на широкий диапазон функционирования РФО в коммуникации и разнообразие типов речевых актов, предшествующих их употреблению, ключевую роль для РФО играет конкретное лексическое наполнение иницирующих реплик и в частности — присутствие в этих репликах определенных лексических «триггеров».

В большинстве случаев, если исключить случаи игрового использования РФО, часто не требующего какого-либо контекста, использование подобных фразеологизмов служит для указания на неуместность слов собеседника. На примере РФО, являющихся реакциями на вопрос, в статье было выделено несколько типовых коммуникативных ситуаций, в которых используются новогреческие РФО.

Важным результатом исследования стало наблюдение, что многие РФО в новогреческом языке имеют форму проклятия или пожелания зла — в полной или редуцированной форме. Это явление, по всей видимости, следует считать лингвоспецифическим.

Библиография

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 312 с.
3. Ройзензон Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд: [б. и.], 1973. 223 с.
4. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 235 с.
5. Бойцова О. Ю. «Конь в пальто»: структура и функции шуточных ответов // Живая старина. № 3, 2010. С. 9-11.
6. Βαρβούνης Μ. Γ. Ὑβριστικά, βωμολοχικά καὶ σκωπτικά λαϊκά ἀνταπαντήματα // Λαογραφία. № 41, 2007. Σ. 139-144.
7. Δουλαβέρας Α. Ν. Λαογραφία τοῦ ἐντεχνού λαϊκοῦ λόγου. Παράδοση καὶ νεωτερικότητα. Τόμος Α'. Θεσσαλονίκη: Κ. & Μ. Σταμούλης, 2020. 396 σ.
8. Брагина Н. Г., Шаронов И. А. «Педагогическая» агрессия в русской бытовой коммуникации // Russian Journal of Linguistics. Т. 23, № 4, 2019. С. 975-993.
9. Чесноков И. И. Дискурсивная тактика поругания: косвенные формы объективации // Вопросы психолингвистики. № 3 (21), 2014. С. 98-107.
10. Хайров Ш. В. – Кто? – Конь в пальто! Диалогические идиомы в славянских языках: языковая игра и речевая агрессия // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония – 2019. Материалы международной конференции. М.: Институт языкознания РАН, 2019. С. 241-247.
11. Шкапенко Т. М. Функционально-прагматические особенности ассонансных фразеорефлексов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. № 8, 2014. С. 49-54.

12. Бондаренко В. Т. Ответные фразеологические реплики русской речи как объект лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры. №. 2 (24), 2009. С. 644-648.
13. Τραχίλης Σ. Η αντιλαβή εις τας κατάρας και παροιμίας // Λαογραφία. № 8, 1921. Σ. 376-378.
14. Σκαρτσής Σ. Α. Μικρομορφές της λαϊκής λογοτεχνίας. Αθήνα: Ελληνικά Γράμματα, 1999. 230 σ.
15. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. № 6, 2009. С. 21-34.
16. Бондаренко В. Т. Ответные реплики как источник языковой игры // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. Т. 25 (64), № 2 (1), 2012. С. 286-289.
17. Блинова О. В. Диалогический пинг-понг: русские, украинские, польские рифмованные формулы ответа // Материалы международной конференции «Сознание и речевая деятельность: социо- и лингвокультурологические аспекты». 26 – 27 февраля 2014 года. СПб.: Университетские образовательные округа, 2014. С. 113-119.
18. Ortega Madrid J. Fraseología burlesca en el habla de Cartagena // Revista de folklore. № 420, 2017. P. 23-44.
19. Luque Nadal L. Sobre los límites de la fraseología. Dichos y locuciones pragmático-conversacionales de carácter burlesco en español // Language Design. № 10, 2008. P. 87-106.
20. Salvanyà J. Els jocs de llengua en la infantesa: les rimes // Llengua nacional. № 74, 2011. P. 11-12.
21. Онлайн-словарь греческого сленга Slang.gr. URL: <https://www.slang.gr/> (дата обращения 06.12.2023).
22. Κάτος Γ. Λεξικό της λαϊκής και της περιθωριακής μας γλώσσας. Θεσσαλονίκη: Κέντρο Ελληνικής Γλώσσας, 2016. URL: <http://georgakas.lit.auth.gr/dictionaries/index.php/anazitisi/g-katou> (дата обращения 06.12.2023).
23. Δημητράκος Δ. Μέγα λεξικόν όλης της Ελληνικής γλώσσας. Σε 15 τόμ. Αθήνα: Δομή, 1964. 8056 σ.
24. Χρηστικό λεξικό της Νεοελληνικής Γλώσσας / Επιμ.: Χ. Γ. Χαραλαμπίκης. Αθήνα: Εθνικό Τυπογραφείο, 2014. 1819 σ.
25. Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής. Θεσσαλονίκη: Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών του Αριστοτελείου Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης, 2017. URL: https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/ (дата обращения 06.12.2023).
26. Πιοτογιαννάκη Ν. Αν έριχνες κι εσύ αυτές τις «τάπες» στο σχολείο, έχεις ζήσει γαμάτα παιδικά χρόνια! // Neopolis.gr. 10.05.2021. URL: <https://www.neopolis.gr/tapes-sto-scholio/> (дата обращения 06.12.2023).
27. Παπαδέλλης Π. Εισαγωγή στη ντοπιολαλιά της Ανεμώνιας. URL: <https://panagiotisparadellis.blogspot.com/2016/06/h.html> (дата обращения 06.12.2023).
28. Καβαδίας Γ. Ο πρακτικός λόγος. Κέρκυρα: Κάδμος, 1876. 104 σ.
29. Πολίτης Ν. Γ. Μελέται περί του βίου και της γλώσσας του ελληνικού λαού. Παροιμίες. Τόμ. Β'. Αθήνα: Π.Δ. Σακελλάριος, 1900. 701 σ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Оценка и анализ коммуникативного события являются неотъемлемой частью лингвистической науки. В сегменте рецепции работ смежной тематической направленности в принципе достаточно, однако, новый взгляд на вариант «речевых формул ответа» явно необходим. Как отмечается в начале рецензируемого труда, цель исследования «заключается в определении типов новогреческих РФО, выявлении специфических особенностей этого вида фразеологизмов в новогреческом языке, а также анализе типовых коммуникативных ситуаций их использования». Вектор достаточно объективно сформулирован, направление задано целенаправленно, собственно, это и определяет актуальность статьи. Материалом для исследования служат случаи употребления РФО в произведениях художественной литературы, текстах интернета, фильмах и сериалах на новогреческом языке, а также данные словарей, главным образом онлайн-словаря греческого сленга [slang.gr](#) и «Словаря народного и периферийного языка» Г. Катоса. Спектр в данном случае продуман, концептуальность хода исследования прозрачна. Работа дробится на т.н. смысловые блоки, таким образом материал представленный к публикации воспринимается более точно. Статью отличает достаточно обширная иллюстративная база: например, «анализ контекстов, в которых употребляются новогреческие РФО, позволяет выделить несколько групп таких выражений в новогреческом языке в соответствии с типом инициирующей реплики. Реакции на вопрос ... (1) — Γιατί με κλωτσάς, μάστρο-Βαγγέλη; του λέω. — Για τ' αντί! μου λέει άγρια. Το κατάλαβες πως μας ёγινες φόρτωμα; (П. Νιρβάνας, «Το άχτι της γενιάς μου»). '— Почему ты меня бьешь, мастро-Вангелис? — говорю ему я. — Из-за валика! — говорит он мне злобно. — Ты понял, что стал нам обузой?' [— Jatí me klotsás, mastro-Vangéli? — Ja t' andí!]. Реакции на обращение... (2) — Ω, την κυρία Ευθαλία! — Κερίά και λιβάνια! Δεσποινίς! (фильм «Η χαρτοπαίχτρα»). '— А, госпожа Эфталия! — Свечи и ладан! Я барышня!'. [— О, tin kiría Efthalía! — Keriá ke livánia!]. Реакции на согласие, несогласие, отказ... (3) — Να σου πω για το θρίλερ, μετά τι ёγινε; — Όχι. — Οχιά να σε καταπιεί! (сериал «Οι απαράδεκτοι», эпизод «Χρόνια πολλά»). '— Рассказать тебе про триллер, что потом было? — Нет. — Чтоб тебя гадюка проглотила!'. [— Όχι! — Οχιά να σε καταπιί!]]» и т.д. По ходу работы аналитический ценз не утрачивается, а только наращивается, должный фактор аргументации имеет расширительный характер: «в большинстве исследованных нами контекстов появление РФО в речи служит для прямого и даже грубого указания на неуместность конкретных слов собеседника или его действий и поведения в целом. Используя РФО, говорящий демонстрирует свое неприятие неуместного или нежелательного вопроса со стороны партнера по коммуникации, неуместного обращения в свой адрес, неудовлетворительной реакции на просьбу, неадекватной оценки какого-либо объекта или ситуации и пр. Поводом для использования РФО могут стать также особенности речевого поведения собеседника, например, неоднократное, раздражающее повторение им каких-либо слов». Материал уместно использовать при изучении специфики новогреческого языка, да и вообще теории коммуникации. Считаю, что стиль работы соотносится с собственно научным типом. Например, это проявляется в следующих фрагментах: «безусловно, степень агрессии в каждой конкретной коммуникативной ситуации определяется не столько фактом использования РФО и их стилистическими характеристиками, сколько условиями коммуникации и характером отношений между коммуникантами. В греческой бытовой

коммуникации РФО могут использоваться в игровой форме, например, в общении детей между собой или общении родителей с маленьким ребенком. Тем не менее, подобные структуры являются потенциально конфликтивными коммуникативными стратегиями, о чем свидетельствуют и их словарные толкования», или «изучение иллокутивных типов реплик, служащих стимулом для употребления греческих РФО, важно для того, чтобы продемонстрировать широкий диапазон функционирования РФО в диалогической речи на греческом языке, а также показать, что состав этого подкласса фразеологизмов в греческом языке не ограничивается только лишь реакциями на вопросы, а включает в себя и реакции на высказывания других типов: информативные сообщения, оценочные высказывания и пр.» и т.д. Выбранная методология работы продуктивна, конструктивна, аналитична. Цитации вводятся в текст с учетом формальных требований: «Н. Пиотоянники в статье, посвященной школьным фразочкам-«затычкам», так пишет про выражение [— 'Εξι!] — Ο κόλος σου να φέξει! ([— Έksi! — Ο κόλος su na féksi!], букв. '— Шесть! — Чтобы твоя задница сверкнула!'): «Спроси мы случайно одноклассника с часами, через сколько минут будет звонок, и ответь он — "Через шесть", эта фраза вылетала из наших уст, прежде чем мы успевали подумать. Ну же, приятель, ты и сам испытываешь судьбу. Скажи "семь", скажи "пять", назови любое другое число, в конце-то концов!». Считаю, что основная цель исследования достигнута, поставленный ряд задач – решен. Фактор коммуникативного звена учитывается полновесно, что придает работе целостность. Автор формирует по ходу исследования нужный диалог с потенциально заинтересованным читателем, причем как подготовленным, так и неподготовленным. Оценочный предел аргументов выдержан: «в данном случае мы видим, что говорящий, использующий РФО, выражает свое недовольство наивностью, недогадливостью своего партнера по коммуникации, тем, что тот не способен самостоятельно оценить происходящее и задает вопрос, ответ на который очевиден из самой ситуации». Примечательно, что в финале труда определены функциональные приметы «формул ответа», что наиболее важно и ценно: «несмотря на широкий диапазон функционирования РФО в коммуникации и разнообразие типов речевых актов, предшествующих их употреблению, ключевую роль для РФО играет конкретное лексическое наполнение иницирующих реплик и в частности — присутствие в этих репликах определенных лексических «триггеров». В большинстве случаев, если исключить случаи игрового использования РФО, часто не требующего какого-либо контекста, использование подобных фразеологизмов служит для указания на неуместность слов собеседника. На примере РФО, являющихся реакциями на вопрос, в статье было выделено несколько типовых коммуникативных ситуаций, в которых используются новогреческие РФО...». Библиографический список полновесен, формат издания учтен. Рекомендую рецензируемую статью «Речевые формулы ответа в новогреческом языке» к открытой публикации в научном журнале «Litera» ИД "Nota Bene".

Litera

Правильная ссылка на статью:

Беляева Т.Н., Гусева Н.В. — Система персонажей в романе марийского писателя М. Шкетана «Эренгер» («Эренгер») // Litera. – 2023. – № 12. – С. 79 - 86. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69259 EDN: TVMJCD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69259

Система персонажей в романе марийского писателя М. Шкетана «Эренгер» («Эренгер»)

Беляева Татьяна Николаевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра финно-угорской и сравнительной филологии, Марийский государственный университет

424039, Россия, республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Дружбы, 77, кв. 113

✉ beljaeva1978@rambler.ru

Гусева Надежда Васильевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра финно-угорской и сравнительной филологии, Марийский государственный университет

425221, Россия, республика Марий Эл, пос. Знаменский, ул. Черепанова, 6а, кв. 84

✉ ovechkinanadezhda@rambler.ru

[Статья из рубрики "Литературный герой"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69259

EDN:

TMVJCD

Дата направления статьи в редакцию:

03-12-2023

Дата публикации:

10-12-2023

Аннотация: Данная статья посвящена анализу соотнесенности персонажей друг с другом, их индивидуальной характеристике в одном из первых крупных прозаических произведений марийской литературы – в романе Якова Павловича Майорова (псевдоним

Шкетан) «Эренгер» (1933). Выявлены художественная значимость литературных героев в раскрытии идейно-тематического содержания произведения, его проблематики, способы выражения характеров (портретное описание, внутренние диалоги, монологи и т.д.). Такие герои, как Эвай Петр, Ванька Савельев, Веруш, Орина, Шамрай Шумат, Клавдия Алгаева, Якуш Ведыр, находясь в центре внимания прозаика и обладая твердым характером и сильной волей, активно преобразуют действительность. Через действия, совершаемые поступки, внешние и внутренние проявления личности главного героя Эвая Петыра выражена основная авторская концепция мира и человека в нем. В этом большом художественном полотне отразились история, быт, культура марийского народа начала XX века; духовный облик и характер советских людей. Использование культурно-исторического метода позволило проанализировать историю марийского народа указанного периода через призму судеб его героев. Писателю удалось раскрыть индивидуальное своеобразие черт характера каждого героя произведения, психологически тонко обрисовать его внутренний мир, мысли и переживания. Раскрывая судьбу типических героев разных социальных слоев: общественную формацию коммунистов (Эвай Петр, Шамрай, Сакар, Шимай Егор), сельскую интеллигенцию (Клавдия Алгаева, Вачай, Яндышев), кулаков и торговцев (Якуш Ведыр, Кури Микал, Карантай Миклай, Карантай Каре, Сардай Серге, Герман Ведыр, братья Жмаковы), бедных крестьян, первыми поддержавших советскую власть (Окшак Микита, Лырифон Кузьма, Шайык Семон, Микитан Вома) и т.д., М. Шкетан повествует о жизни марийского народа в период до октябрьской революции 1917 года и в первое десятилетие Советской власти. Широкий охват общественно-политических, социальных проблем и глубокое освещение жизненных процессов во всей сложности и многогранности, яркая система персонажей определили художественную значимость произведения. Главная особенность в изображении характеров героев романа в том, что их жизнь показана в творческой взаимосвязи: воздействуя друг на друга, меняя общественный строй, уклад жизни, они меняются сами.

Ключевые слова:

марийская литература, роман, система персонажей, главный герой, тематика, нэп, классовая борьба, внутренний монолог, Майоров Шкетан, классик литературы

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-00388

Характерной особенностью марийской литературы 1930-х годов является бурный рост прозаических жанров. Очерки, повести и рассказы становятся действенным средством отображения современности. Малые и средние жанры, кратко и точно отражавшие наблюдения над всеми сторонами жизни, становятся своеобразными лабораториями художественно-публицистического мастерства национальных классиков. Своеобразную летопись исторических событий начала XX века составляют произведения М. Шкетана: рассказы «Юмын языкше» («Божий грех»), «Чодыра лоҥгаште» («В лесной глуши»), «Карпуш», очерк «Ме тоштым сеҥена» («Мы старое победим») и др. Мерилом зрелости писателя явился роман «Эренгер». В нем, как и в других романах марийских писателей, напечатанных в этот период в национальной литературе: («Вурс мардеж» = «Стальной ветер» [\[3\]](#), «Савик» [\[2\]](#) Н. Игнатьева, «Элнет» С. Чавайна [\[12\]](#), «Удырамаш корно» = «Доля женская» Шабдара Осыпа [\[13\]](#), «Кучедалме тулеш» = «В огне борьбы» А. Эрыкана [\[15\]](#) и др.) в полной мере отразилась общественная и политическая жизнь народа во

всех его типических проявлениях. Всё предшествующее творчество писателя подготовило к написанию данного жанра. Работу над романом М. Шкетан начал одновременно с другим классиком Н. Игнатьевым в 1930-1932 гг. Его отдельные части были напечатаны в журнале «У вий» в 1931 году, но полностью роман был издан лишь в 1933 году. В живых реалистических образах автор раскрыл самые существенные стороны жизни народа мари до Октябрьской революции, обозначил социально-экономическую необходимость перехода к коллективизации. В романе с большой живостью и художественной силой показаны условия жизни народа в первое десятилетие Советской власти, борьба капиталистических и социалистических элементов в период НЭПа, перемены в сознании, быту простых людей. Широкий охват общественно-политических, социальных проблем и глубокое освещение жизненных процессов во всей сложности и многогранности, яркая система персонажей определили художественную значимость произведения.

Название романа «Эренгер» складывается из двух частей: *эр* (что в переводе утро) и *э́р* (в переводе – река). В этом значении социалистическое строительство, изображенное в произведении, приобретает символический смысл. «М. Шкетан изображает утро социализма в марийском крае. Роман является новаторским творением, своеобразной энциклопедией народной жизни, реалистически изображающей вклад народа мари в социалистическое устройство деревни» [\[4, с. 201\]](#). К сожалению, писатель успел показать лишь как нэповская деревня постепенно превращается в социалистическую, а замысел отображения колхозного строительства не реализовался из-за его преждевременной смерти. «В ходе кампании против “троцкистов”, “буржуазных националистов” над М. Шкетаном (его называли «литератором, идейно нам чуждым», «антисоветчиком и контрреволюционером» [\[4, с. 206\]](#)) также нависла угроза ареста, что подорвала и без того слабое его здоровье» [\[8, с. 678\]](#).

В романе показано создание первых потребительских коопераций, комитета взаимопомощи, кредитных и мелиоративных товариществ. Безусловно, изменения в сфере политики, экономики коснулись и переустройства быта крестьян, повышения его культуры, что, в свою очередь, естественно, обострило и классовую борьбу между кулаками и бедняками, старой и новой интеллигенцией. Так вырисовываются типические образы разных социальных групп. Но каждый шкетановский герой наделен и индивидуальными чертами характера.

Через образ главного героя, Эвай Петыра, показан идейный и интеллектуальный рост человека из масс в процессе плодотворной организаторской работы коммунистической партии и пролетариата. Это один из первых в национальной литературе образов коммуниста, активного организатора, борца за социалистическое преобразование марийской деревни, и, впоследствии, как центральная руководящая и направляющая сила советского общества. Типическое в нем – неразрывная связь с народом, беззаветная преданность делу партии. Писатель умело воспроизводит процесс рождения и формирования нового советского человека. Идейно-политический рост героя происходил на фронтах гражданской войны в рядах Красной Армии, на Уральском заводе: «*Тошто радаман ял илыш завод илыш дене нигунамат келшен огеш керт. Ял илышым вашталташ, ялымат заводыш савыраш кулеш*», – *манын, Потыр шоналтен*» [\[14, с. 331\]](#) («*Старый деревенский уклад жизни не сравнить с жизнью на заводе. Нужно изменить уклад жизни в деревне, надо деревню превратить в завод*», – *размышлял Петыр*») (Здесь и далее перевод с марийского наш). Подобное «перевоспитание», духовное перерождение личности в условиях социалистической революции характерно

для большинства советских писателей: «Судьба героя марийского классика Эвая Петра, сражавшегося за свободу и будущее марийского народа на фронтах гражданской войны, где и произошла перестройка его характера, напоминает героев книг А. Серафимовича "Железный поток" [9], Д. Фурманова "Чапаев" [11], А. Фадеева "Разгром" [10]» [5, с. 141-142]. Горьковская традиция (просматривается схожесть с образами Павла Власова, Андрея Находки, Степана Кутузова), к примеру, «проявляется в том, что коммунист раскрывается как прекрасная человеческая личность, жизнь которого может и должна служить примером и образцом подражания для других» [6, с. 114]. Кроме того, пропаганда и прославление рабочего класса в переустройстве жизни объединяет роман М. Шкетана с романом М. Горького «Мать» [1]. Повествование в обоих произведениях начинается с описания картины завода, но в центре внимания марийского классика – жизнь в нэповской деревне, классовое размежевание, ненависть к собственническим стремлениям крестьян-единоличников и необходимость переделки мелкособственнической психологии.

В судьбе героя романа есть и автобиографическое: в начале 1917 года М. Шкетан был мобилизован в царскую армию. После трехмесячной подготовки был отправлен на шесть месяцев на юго-западный фронт. Великую Октябрьскую революцию встретил в окопах, поэтому был непосредственным свидетелем упорной борьбы большевиков против временного правительства, эсеров, меньшевиков. «В автобиографии он писал, что из армии вернулся, познав большевистский путь» [7, с. 56].

Преобразование главного героя романа раскрывается через внутренние монологи и диалоги, его воспоминания, при помощи приема ретроспекции: «Ынде тудым завод туныктен. Ялыште илымыш годым тудо шкат йыҥысен коштыш кресаньыкла ачаж дене келшен огыл, тудын тошто радамже деч тошто шот денак утлаш точен, ял гыч куржын. Тошто ял олмеш у ялым ышташ тыршыме деч Потыр шылын» [14, с. 33]. («Теперь его завод учил. Живя в деревне, он не соглашался с вечно ноющим отцом, поэтому и сбежал от старого быта, ушел из деревни. Вместо того, чтобы в старой деревне построить новый уклад»).

В романе большое внимание уделено речевой характеристике героев, отражающей типические и индивидуальные особенности характеров. Речевая манера (деловитость, конкретность, использование политической терминологии) Петра указывает на его руководящую должность: «– Йолташ-влак! – Потырын йукшо шергылтеш. – Савельевым ынде шылталышда, тудын титакшым тужвак луктын ончыктышда. Мыят шке шонымем ойлен пуынем. Моктанаш-орлаш манме ынже лий: вигак каласаш – Савельевым титакше пеш шуко уло. Тудо шке пашаштыже партийын туҥ корнымым кучен моштен огыл, ял илышыште йорло ден пояным ойыркален огыл» [14, с. 143] («– Товарищи! – разнёсся голос Петра. Поругали Савельева, указав на его вину. Я тоже выскажусь. Не подумайте, что хвастаюсь, говорю прямо – Савельев во многом виноват. Он не придерживался партийной линии, не разделял бедных и богатых»). Но Петр не одинок в своем деле. Вернувшись домой, он объединяет вокруг себя коммунистов (Шамрай, Сакар, Шимай Егор, секретарь канкома партии), молодежь и принимается за активную общественно-политическую деятельность. В его образе писатель подчеркнул многогранность жизни советского человека, его разносторонние интересы: он хорошо разбирается в политике, литературе и искусстве. Главное его отличие от других идеализированных героев произведений, написанных в 1920-е годы, – совершает ошибки, но всегда честен душой и верен своей идее. Поэтому сын зажиточного мужика (Петр) с пролетарской закалкой стоит гораздо выше Кадыргана Сакара, сельского батрака, бывшего каторжника (был

посажен за убийство кулака, сын которого надсмехался над его любимой девушкой), хотя и члена партии, до конца не сумевшего подавить в себе стихийного бунтаря. Теперь же он работает заведующим на той мельнице, где раньше был батраком. Его прошлые страдания придают силы в борьбе против кулачества. В этом смысле роман, как и большинство произведений 1930-х годов, «воспевает» коммунистическую партию в борьбе за обновление жизни людей. В этом смысле финал произведения тоже весьма символичен: крестьяне организованно вышли на осушку болота. «Этим автор подчеркивает, как социалистический труд неизбежно придет на смену старому, единоличному труду» [\[6, с. 115\]](#).

Наряду с истинными большевиками М. Шкетан изобразил «коммунистов-перерожденцев, извращенно толковавших новую экономическую политику партии, грубых администраторов»: секретарь эренгеровской партиячейки Ванька Савельев, руководящие работники кантона Мамаев и Колбин [\[4, с. 205\]](#).

Глубокий психологизм в изображении внутреннего мира, переживаний и размышлений всех основных героев произведения, соединение драматического и лирического – характерная особенность романа М. Шкетана. Выразительные образы женских персонажей свидетельство этому. Так, Верук, любимая девушка Петра, выбрала лучшие национальные черты марийской женщины: простота, душевное обаяние, ум, проницательность. Через личные ошибки она приходит к ясному осознанию своей роли в общественной, семейной жизни и становится верной помощницей Петра.

Своеобразен образ сельской девушки-красавицы Орины, смело бросившей вызов старым житейским представлениям: *«Орина, кок кидшыге ше-гекекыже ваш ыштен, капка ме-ге воктен комдыкла э-ертен, о-жым овартен шогалын, шке декыже ужмыла мурен шоген. Орза тусан, корго тул дене йулышо шинчажым Потырын шинчашкыже тусарен ончен. <...> Кызыт Потыр ончылно шарлалт шушо ош локама пеледыш гай чуриян, станеш пордымо гай яндар капан удыр лийын шогалын»* [\[14, с. 26\]](#) («Орина, скрестив обе руки сзади за спиной, прислонившись спиной к калитке, приподняв грудь, поет, словно созывает к себе. Изнутри сияющими синими глазами пристально всмотрелась в глаза Петра. <...> Сейчас перед Петром предстала девушка с расцветшим как белый цветок шиповника лицом и словно выточенной стройной фигурой»). Красивая, привлекательная девушка, на время увлекшаяся Петром, по сути, оказалась настоящей хищницей. Ей обманом удалось побудить продавца сельпо Пагула совершить растрату. Пылко влюбленный Пагул, человек с не сложившимся характером, поздно «раскусив» ее намерения, покончил жизнь самоубийством. При этом Орина, желая, чтобы односельчане поскорее забыли ее позорное поведение, привлекает избача и готовится уехать вместе с ним в город учиться на артистку. По мнению большинства ее односельчан, она способна лишь приносить несчастья тем, кому придется столкнуться с ней на жизненном пути.

М. Шкетану в романе удалось показать перестройку сознания «старой» марийской интеллигенции через образ учителя Яндышева: *«Яндышев гай шо-го марий учитель яллаште ятыр уло. Нуно шке илышыштан огыт опкеле, нигунамат вуйым огыт ший. Мом куштат – ыштат»*. [\[14, с. 59\]](#) («Таких пожилых учителей, как Яндышев, в деревнях много. Они не сожалеют о пройденной жизни, никогда не жалуются на судьбу. Что попросят, то и сделают»). После долгих колебаний и размышлений и он включается в активное строительство новой жизни. *«Мардеж почеш мый илем, мардеж ваштареш кает гын, пугырнаш кулеш, мардеж почеш мый пугырныде ошкылам. Ошкылам гына – ом курж. Те куржыда, корныдамат огыда уж»* [\[14, с. 62\]](#) («Я иду по ветру. Когда шагаешь против ветра, приходится наклоняться, а я иду по ветру, не наклоняясь. Я лишь шагаю – не бегу. А вы

бежите, даже дорогу не видите»). Новая, сформировавшаяся из народных масс, интеллигенция в лице учительницы Клавдии Алгаевой, начинающего писателя и избача Шамрая Шумата, гидротехника Вачая имеет прогрессивные взгляды: деревенскую рощу для языческих молений предлагают перепланировать в сад, построить сельский дом культуры, ясли, осушить болото. Это люди, за которыми, по мнению автора, стоит будущее, те, которые подчиняют себе природу, ведут за собой народ и служат его интересам.

Следует отметить, что образы кулаков не схематичны, не плакатны. Мотивы поступков жестокого потомственного Якуша Ведыра, всячески старающегося приспособиться к новой обстановке; стяжателя Кури Микала, ставшего более хитрым, осторожным, глубоко продуманы и объяснены. Все их усилия (антипропаганда Советской власти среди сельского населения, покушение на жизнь самых активных коммунистов деревни, поднятие цен на зерно и т.д.), направленные против большевиков, тщетны.

Главная особенность в изображении персонажей романа в том, что их жизнь показана в творческой взаимосвязи: воздействуя друг на друга, меняя общественный строй, уклад жизни, они меняются сами.

Таким образом, основой романа послужил большой фактический материал о жизни деревни, собранный писателем за годы работы в редакциях журналов и газет, в земельном фонде, в ревизионной комиссии и т.д. Неудивительно, что у многих персонажей романа есть реальные прототипы. При этом любой из героев романа своеобразен, индивидуален, его характер раскрывается через различные типы и виды монологов, диалоги, поступки, через отношение к семье и работе. Писатель всегда стремится психологически тонко обрисовать внутренний мир, мысли и переживания своего героя. Главные (Эвай Петр, Ванька Савельев, Веруш) и второстепенные (Орина, Шамрай Шумат, Клавдия Алгаева, Якуш Ведыр, Братья Жмаковы и др.) герои не только формируют сюжет, но и развивают действие, раскрывают идею и проблемы произведения, влияют на других персонажей, что создает динамику и напряжение в произведении. Каждая группа персонажей типизирует какой-либо социальный слой населения: Эвай Петр, Шамрай, Сакар, Шимай Егор – коммунисты, Шамрай Шумат, Клавдия Алгаева, Вачай, Яндышев – сельскую интеллигенцию, Якуш Ведыр, Кури Микал, Карантай Миклай, Карантай Каре, Сардай Серге, Герман Ведыр, братья Жмаковы – кулаков и торговцев, Окшак Микита, Лырифон Кузьма, Шайык Семон, Микитан Вома, Порис Кргори – бедных крестьян, первыми поддержавших советскую власть и т.д. Раскрывая судьбу героев, писатель повествует о жизни целого народа.

Роман «Эренгер» М. Шкетана большое художественное полотно, в котором отразились история, быт, культура марийского народа начала XX века; духовный облик и характер советских людей.

Писатель всегда находился в гуще жизни и своевременно откликался на все важнейшие общественно-политические события современной ему действительности. Роман «Эренгер» является не только свидетельством писательского мастерства, умения видеть ведущие тенденции и перспективы развития общества, но и доказательством того, что марийская литература не только окрепла, но и перешла на новый, более высокий, уровень своего развития.

Библиография

1. Горький, М. Мать: роман. Москва: Современник, 1984. 288 с.
2. Игнатъев, Н. В. Савик: мыскара роман. Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий

издательство, 1979. 112 с.

3. Игнатъев, Н. В. Стальной ветер: романы, повесть / Перевод с марийского В. Муравьева. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1981. 302 с.
4. История марийской литературы / Отв. редакторы К. К. Васин, А. А. Васинкин. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989. 432 с.
5. Марий литератур: очерк, литературный портрет, эссе / Научный редактор К. К. Васин. Книгам Г. М. Пирогов чумырен. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1994. 304 с.
6. Очерки истории марийской литературы. Часть I. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1963. 424 с.
7. Очерки истории марийской литературы. Часть II. Йошкар-Ола, 1960. 412 с.
8. Писатели Марий Эл: биобиблиографический справочник / Сост. А. Васинкин, В. Абукаев. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 2008. 752 с.
9. Серафимович, А. С. Железный поток: повесть. Москва: Сов. Россия, 1979. 175 с.
10. Фадеев, А. А. Разгром: роман. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. 159 с.
11. Фурманов, Д. А. Чапаев: повесть. Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1929. 77 с.
12. Чавайн, С. Г. Элнет: роман / Пер. с марийского А. А. Кременского; Ил.: В. М. Козьмин. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1959. 104 с.
13. Шабдар Осып. Ёдырамаш корно: роман / Послесл. С. Черных. Йошкар-Ола: Кн. лукшо марий изд-во, 1975. 223 с.
14. Шкетан, М. Роман, повесть, ойлымаш-влак / В. С. Захарова ямдылен. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2001. 368 с.
15. Эрыкан, А. Кучедалме тулеш: роман. Йошкар-Ола: Кн. лукшо марий изд-во, 1958. 187 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметная область рецензируемой статьи ориентирована на изучение системы персонажей в романе М. Шкетана «Эренгер». Как отмечает в начале труда автор, «характерной особенностью марийской литературы 1930-х годов является бурный рост прозаических жанров. Очерки, повести и рассказы становятся действенным средством отображения современности. Малые и средние жанры, кратко и точно отражавшие наблюдения над всеми сторонами жизни, становятся своеобразными лабораториями художественно-публицистического мастерства национальных классиков. Своеобразную летопись исторических событий начала XX века составляют произведения М. Шкетана: рассказы «Юмын языкше» («Божий грех»), «Чодыра лоҥгаште» («В лесной глуши»), «Карпуш», очерк «Ме тоштым сеҥена» («Мы старое победим») и др.». Должная информационная отсылка уместна, она корректирует вектор данного сочинения. Считаю, что концепция оценки системы персонажей в романе М. Шкетана продумана, выверена. По ходу статьи уместно вводятся справочные фрагменты: например, «работу над романом М. Шкетан начал одновременно с другим классиком Н. Игнатъевым в 1930-1932 гг. Его отдельные части были напечатаны в журнале «У вий» в 1931 году, но полностью роман был издан лишь в 1933 году. В живых реалистических образах автор раскрыл самые существенные стороны жизни народа мари до Октябрьской революции, обозначил социально-экономическую необходимость перехода к коллективизации. В романе с

большой живостью и художественной силой показаны условия жизни народа в первое десятилетие Советской власти, борьба капиталистических и социалистических элементов в период НЭПа, перемены в сознании, быту простых людей. Широкий охват общественно-политических, социальных проблем и глубокое освещение жизненных процессов во всей сложности и многогранности, яркая система персонажей определили художественную значимость произведения» и т.д. Методология анализа имеет традиционную направленность, серьезных нарушений не выявлено. Цель работы достигается ступенчато, полновесно; задачи решаются по ходу корректировки материала. Думаю, что даже неподготовленный читатель сможет найти в работе должную научную правду: «Название романа «Эренгер» складывается из двух частей: эр (что в переводе утро) и эрер (в переводе – река). В этом значении социалистическое строительство, изображенное в произведении, приобретает символический смысл. «М. Шкетан изображает утро социализма в марийском крае. Роман является новаторским творением, своеобразной энциклопедией народной жизни, реалистически изображающей вклад народа мари в социалистическое устройство деревни». Стиль сочинения соотносится с собственно-научным типом: «в романе показано создание первых потребительских коопераций, комитета взаимопомощи, кредитных и мелиоративных товариществ. Безусловно, изменения в сфере политики, экономики коснулись и переустройства быта крестьян, повышения его культуры, что, в свою очередь, естественно, обострило и классовую борьбу между кулаками и бедняками, старой и новой интеллигенцией. Так вырисовываются типические образы разных социальных групп. Но каждый шкетановский герой наделен и индивидуальными чертами характера», или «в судьбе героя романа есть и автобиографическое: в начале 1917 года М. Шкетан был мобилизован в царскую армию. После трехмесячной подготовки был отправлен на шесть месяцев на юго-западный фронт. Великую Октябрьскую революцию встретил в окопах, поэтому был непосредственным свидетелем упорной борьбы большевиков против временного правительства, эсеров, меньшевиков. «В автобиографии он писал, что из армии вернулся, познав большевистский путь» и т.д. Вариация анализа романного конструкта М. Шкетана объективна, материал можно использовать в режиме освоения марийской литературы, изучения творчества М. Шкетана. Итог по работе также вполне серьезен, выводы соотносятся с основным блоком: «следует отметить, что образы кулаков не схематичны, не плакатны. Мотивы поступков жестокого потомственного Якуша Ведыра, всячески старающегося приспособиться к новой обстановке; стяжателя Кури Микала, ставшего более хитрым, осторожным, глубоко продуманы и объяснены. Все их усилия (антипропаганда Советской власти среди сельского населения, покушение на жизнь самых активных коммунистов деревни, поднятие цен на зерно и т.д.), направленные против большевиков, тщетны», «роман «Эренгер» М. Шкетана большое художественное полотно, в котором отразились история, быт, культура марийского народа начала XX века; духовный облик и характер советских людей. Писатель всегда находился в гуще жизни и своевременно откликался на все важнейшие общественно-политические события современной ему действительности. Роман «Эренгер» является не только свидетельством писательского мастерства, умения видеть ведущие тенденции и перспективы развития общества, но и доказательством того, что марийская литература не только окрепла, но и перешла на новый, более высокий, уровень своего развития». Основные требования издания учтены, научная новизна работы налична. Считаю, что статья «Система персонажей в романе марийского писателя М. Шкетана «Эрер» («Эренгер»)» может быть рекомендована к печати в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Мезит А.Э., Катцина Т.А. — Специальная лексика русского подъязыка социальной работы в стратификационном аспекте // Litera. – 2023. – № 12. – С. 87 - 95. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.68702 EDN: SNMPYY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68702

Специальная лексика русского подъязыка социальной работы в стратификационном аспекте

Мезит Анна Эдуардовна

ORCID: 0000-0001-5166-6986

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка как иностранного, Сибирский федеральный университет

660041, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а, оф. 3-29

✉ prezidentishe@yandex.ru

Катцина Татьяна Анатольевна

доктор исторических наук

доцент, кафедра теории и методики социальной работы, Сибирский федеральный университет

660041, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Свободный, 79

✉ katsina@list.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.68702

EDN:

SNMPYY

Дата направления статьи в редакцию:

14-10-2023

Дата публикации:

11-12-2023

Аннотация: В статье рассматривается словарный состав русского подъязыка социальной работы с позиций стратификационного терминоведения, выявляются и характеризуются разновидности терминологической лексики, а также специальные

наименования, функционирующие в нижнем регистре подъязыка. Объектом исследования является подъязык сотрудников социальной работы. Предметом исследования является лексический состав специального подъязыка социальной работы. В ходе исследования были использованы следующие методы: метод выборочной расписки специальных текстов, социолингвистический метод, функционально-семантический метод и метод лингвистического описания. Автор рассматривает изучаемую лексику с позиций генезиса, формально-структурного критерия, мотивированности, по признаку соотношения с логическими категориями. В результате исследования выделены стратификационные разряды специальной лексики русского подъязыка социальной работы, проведена классификация специальных единиц по генезису, с позиций формально-структурного критерия, по признаку мотивированности и соотношения с логическими категориями. Выявлено, что ключевыми функциями специальной лексики в изучаемом подъязыке являются номинативная и когнитивная. В процессе исследования делается вывод о «зрелости» специальной лексики подъязыка социальной работы и ее высокой лингвистической информативности. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые (в рамках проблем современного языкознания) осуществлен комплексный анализ лексики русского подъязыка специальной работы, выделены стратификационные разряды профессиональной лексики подъязыка социальной работы.

Ключевые слова:

подъязык, специальная лексика, типология специальной лексики, разряды специальной лексики, термин, профессиональный жаргонизм, эпоним, мотивированность, профессиональный дискурс, терминоведение

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 22-18-20109, <https://rscf.ru/project/22-18-20109/>, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности

В течение полувека лингвисты изучали специализированную лексику различных подъязиков в контексте истории, ономазиологии, когнитивной лингвистики, социолингвистики, теории поля и других научных подходов [\[3, 12, 15-16, 21\]](#).

Изучение лексики русского подъязыка социальной работы является актуальным и важным. Это обусловлено тем, что данный подъязык содержит целый ряд специфических терминов и слов, которые используются профессионалами в области социальной работы для обозначения концепций, методов и процессов, связанных с работой с клиентами и предоставлением социальной помощи. Изучение лексического состава подъязыка социальной работы позволяет понять особенности коммуникации в этой сфере, а также выявить специфические тенденции и изменения, которые происходят со временем. Все это имеет практическое значение для профессионалов в области социальной работы (социальный работник, педагог, специалист пенсионной службы, специалист миграционной службы, инспектор по делам несовершеннолетних, геронтолог), поскольку помогает им лучше понимать и использовать специальную терминологию в своей работе, а также способствует развитию и улучшению профессионального образования и практики в этой области.

Социальная работа является неотъемлемой частью современного общества и играет важную роль в поддержке и разработке социальных программ, направленных на

улучшение жизни населения. В современной России социальная работа имеет высокую значимость, учитывая сложности, с которыми сталкиваются различные группы населения, такие как мигранты, бездомные, люди с ограниченными возможностями и другие уязвимые категории. Социальные работники выполняют важные функции, связанные с оказанием психологической, материальной и юридической помощи, устранением социальной изоляции и поддержкой социальной интеграции этих групп. В мире социальная работа также является востребованной профессией, особенно в развивающихся странах, где существуют серьезные социальные проблемы, такие как бедность, насилие, детская трудовая эксплуатация и другие формы социального неравенства. Социальные работники международных организаций и неправительственных организаций играют ключевую роль в борьбе с этими проблемами, разрабатывая и реализуя стратегии по защите и улучшению жизни наиболее уязвимых групп населения. Они помогают содействовать развитию гражданского общества, обеспечивая доступ к основным услугам, таким как образование, здравоохранение и социальная защита, и способствуя усилиям по достижению устойчивого развития. Отдавая приоритет социальной компетенции и эмпатии, социальная работа стала необходимой составляющей для решения сложных социальных проблем в современном мире.

В задачи данной статьи входит рассмотрение специальной лексики русского подязыка социальной работы в стратификационном аспекте, а также демонстрация ее лингвистической информативности. Специальная лексика этой значимой для общества отрасли прежде становилась объектом внимания лингвистов [\[1, 4, 10\]](#), однако в стратификационном аспекте лексика русского подязыка социальной работы не изучалась. Предмет исследования – лексический состав специального подязыка социальной работы. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые осуществлен комплексный анализ лексики русского подязыка специальной работы, выделены стратификационные разряды профессиональной лексики русского подязыка социальной работы.

Источниками настоящего исследования являются данные словарей [\[5, 13, 17\]](#); ГОСТов [\[6-9\]](#); а также сведения, полученные в результате структурированных интервью сотрудников Министерства социальной политики Красноярского края и Управления социальной защиты населения администрации Кировского района города Красноярска.

Для изучения лексических особенностей подязыка сотрудников социальной работы были использованы следующие методы: выборочная расписка специальных текстов, социолингвистическое интервьюирование; функционально-семантический метод и метод лингвистического описания.

С целью выявления терминологического аппарата исследования приведем определения ведущих лингвистов терминов «профессиональная лексика» и «специальная лексика». Л. Хоффман утверждает, что «профессиональная лексика – совокупность всех языковых средств, применяемых в конкретной профессиональной сфере» [\[22, с. 51\]](#). Л. Н. Лубожева считает, что применение термина «профессиональная лексика» «более адекватно по отношению к лексическим единицам, характеризующим различные отрасли наук, производства и трудовой деятельности» [\[14, с. 213\]](#). В словаре лингвистических терминов профессиональная лексика описывается как «лексика, свойственная данной профессиональной группе, используемая в речи людей, объединенных общей профессией» [\[19, с. 396\]](#).

А. В. Суперанская полагает, что «специальная лексика всегда принадлежит к какой-либо специальной сфере человеческой деятельности» [20, с. 43]. З. И. Комарова специальной лексикой называет всю совокупность «лексических средств, кроме общенародных и общенаучных, употребляемых в специальных областях человеческой деятельности: науке, технике, промышленном производстве, сельском хозяйстве, искусстве, культуре, спорте и т.д.» [11, с. 6].

Под специальной лексикой подъязыка социальной работы мы понимаем совокупность наименований профессиональных понятий и представлений.

Специальная лексика подъязыка социальной работы отличается большим стратификационным разнообразием.

Основными семиотическими единицами верхнего регистра языка для специальных целей являются термины. Без них невозможно существование научных теорий, которые влияют на развитие такой области научного знания, как социальная работа. С помощью терминов фиксируются научные понятия и передается информация: *работник социальной службы; социальная реабилитация; опека.*

Еще одна разновидность терминологической лексики – предтермины или языковые знаки, не отвечающие одному из основных требований, предъявляемых специальным номинациям – требованию краткости и экспрессивной нейтральности: *независимая жизнь для лиц с ограниченными возможностями; социальное служение религиозных организаций; средняя продолжительность предстоящей жизни; индивидуальная программа реабилитации и абилитации.*

Предтермин, не подвергшийся замене и используемый длительное время для обозначения специального понятия, называется квазитермином. К этому разряду специальной лексики относятся наименования: *центр для детей и подростков с ограниченными умственными и физическими возможностями социально-реабилитационный; учреждение социальной помощи для лиц без определенного места жительства и занятий; несовершеннолетний, находящийся в социально опасном положении.* Квазитермины фиксируются ГОСТом на правах кодифицированных единиц [7].

Термин, который проник в общенародный язык без изменения объема значения, называют детермином. В общенациональном языке детермин обозначает только общие представления, а не научные понятия, такими словами являются: *беженец; инвалид; социальная адаптация; безработный* и мн. др.

Еще одну группу специальной лексики образуют эпонимы, то есть термины, которые, с одной стороны, содержат в своем составе имя собственное, а с другой стороны, обозначают серийные объекты, которые изготавливаются по одному и тому же образу много раз: *фордизм; социал-дарвинизм; коэффициент Джини; эффект Януса* и др.

Эпонимы представляют собой термины, которые несут не только семантическую информацию, но и имеют глубокие историко-культурные корни, связанные с определенными личностями или местами. Использование ассоциативных эпонимов способствует более эффективному запоминанию и пониманию научной информации, вызывает эмоциональную реакцию у специалистов, связанную с именами выдающихся ученых или мест, где произошли важные научные открытия, помогает усвоению сложных концепций и идей, а также упрощению общения и обмена знаниями между

специалистами различных научных областей. Например, *шкала Гутмана* – это один из трех основных типов шкал измерения аттиюда, названа по имени разработчика Н. Гутмана [21]; *болезнь Паркинсона* – это дрожательный паралич, хроническое прогрессирующее заболевание, развивающееся обычно в возрасте от 45 до 70 лет, названа по имени английского врача Дж. Паркинсона (J.Parkinson), описавшего болезнь в 1817 г. [18].

Нижний регистр подъязыка образуют неофициальные единицы, которые используются в устной неформальной речи работников отрасли. Например, профессионализмы – это специальные наименования, которые имеют нейтральный или стилистически окрашенный оттенок и чаще всего употребляются специалистами при обсуждении профессиональных тем: *ипсущка* – индивидуальная программа предоставления социальных услуг; *срочка* – срочная социальная услуга, *бытовка* – социально-бытовая услуга; *бэпэшник* – получатель социальных услуг на безвозмездной основе; *платник* – получатель социальных услуг на платной основе; *частичник* – получатель социальных услуг за частичную плату; *федерал* – категории граждан, обеспечение которых льготами и мерами социальной поддержки осуществляется на основании федеральных законов; *поставщик* – поставщик социальных услуг; *пэсэушник* – получатель социальных услуг.

В число экспрессивно окрашенных специальных наименований отрасли социальной работы относятся профессиональные жаргонизмы: *соповцы* – семьи, находившиеся в социально-опасном положении; *тушка* – территориальное управление министерства социального развития.

В составе профессиональной жаргонной лексики русского подъязыка социальной работы выявлены также интержаргонизмы, которые функционируют в специальном значении в двух и более групповых и профессиональных жаргонах: *межвед* – межведомственное взаимодействие, *допник* – дополнительное соглашение к договору, *кирпич* – печать.

Рассмотренные стратификационные разряды специальной лексики отрасли социальной работы по своему генезису образуют две большие группы: исконные специальные наименования общеславянского, восточнославянского и собственно русского происхождения: *опека* (с др.-русс. *пекуся* «забочусь»); *призрение* (с ст.-сл. яз. преф. производное от *зрѣти* «смотреть, наблюдать»); заимствованные из других языков: *иммигрант* (с лат. *immigran*); *наркомания* (с греч. *narcomania* от греч. *narke* – сон, оцепенение и *mania* – страсть); *деменция* (с лат. *dementia*).

По формально-структурному критерию специальная лексика русского подъязыка социальной работы подразделяется на однословные – *патронаж*; *приют*; *геронтофобия*; двухсловные – *физическое насилие*; *сиротские дома*; *нуклеарная семья*; *синдром Дауна* и многословные наименования – *дом-пансионат с сестринским уходом*; *органы опеки и попечительства*; *социальное служение религиозных организаций*. Характерными явлениями в формальной структуре специальной лексики изучаемого подъязыка являются усечение однословных терминов и аббревиация многословных терминов: *ОВЗ* – ограниченные возможности здоровья; *МСЭ* – медико-социальная экспертиза; *ДИПИ* – дома-интернаты для престарелых и инвалидов. Такие аббревиации помогают сэкономить место и время при письменном и устном общении, ускоряя передачу информации и облегчая коммуникацию между специалистами в области социальной работы.

По классификационному признаку мотивированности в составе терминологической лексики изучаемого подъязыка выделяются наименования с прозрачной внутренней формой: *безработный*; *библиотерапия*; *самообеспечение*; *трудотерапия* и т. д. Их

лексическое значение складывается из значения элементов их структуры: *нетрудоспособность < не способен, к труду* Частично мотивированными являются многие лексические единицы, образованные семантическим способом: *потребительская корзина; телефон доверия; третий возраст* и т. д. Немотивированными можно назвать термины *аберрация; депривация; субсидиарность* и т. д.

Терминологическая лексика русского подъязыка социальной работы по классификационному признаку соотношения с логическими категориями подразделяется на следующие группы:

- 1) работник социальной службы: *психосоциальный терапевт; инспектор по делам несовершеннолетних; геронтолог* и др.;
- 2) клиенты социальной службы: *беженец; безработный, безнадзорный, гражданин, привлекавшийся к уголовной ответственности; гражданин пожилого возраста* и др.;
- 3) явлений: *опекунство; бездомность; старение* и др.;
- 4) процессов: *психотерапия; реабилитация; иппотерация; реадaptация* и др.;
- 5) принципов: *социального участия; социальной эффективности; социального партнерства; государственной ответственности; соединения правового и этического регулирования* и др.;
- 6) услуг: *социально-правовой патронаж; материальная помощь; психологическое консультирование; психодиагностика и обследование личности; психопрофилактическая и психологическая работа* и др.;
- 7) качеств: *долгосрочная / массовая / скрытая / техническая / частичная (безработица), нуклеарная / бинуклеарная / многопоколенная / неполная (семья)* и др.;
- 8) места: *дом-пансионат с сестринским уходом; психоневрологический интернат; геронтологический центр; социальная гостиница* и др.

Таким образом, классификация специальной лексики в изучаемом подъязыке свидетельствует о том, что теория и практика социальной работы имеют междисциплинарный характер и антропонаправленность по своей природе. Исследование показывает, что в области социальной работы существует множество специализированных терминов, которые варьируются по стилю и сложности. Это говорит о том, что эта область языка достаточно развита. Дальнейшее изучение словаря специализированного языка позволит узнать больше о его мотивации, концептуализации и категоризации профессиональных знаний, а также о профессиональной языковой картине мира.

Библиография

1. Большак А. В. Функционально-семантические основы терминологии социальной работы: на материале английского и русского языков: дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 229 с.
2. Большая психологическая энциклопедия <https://psychology.academic.ru/> (дата обращения: 10.08.2023).
3. Борхвальдт О. В. Лексика золотопромышленности в аспекте исторического терминоведения русского языка: дисс. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2000. 517 с.

4. Бурсина О. А. Терминология социальной работы: структура, семантика и функционирование: на материале англоязычной литературы для социальных работников: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2014. 23 с.
5. Глоссарий социальной работы. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2008. 220 с.
6. ГОСТ Р 52143 Социальное обслуживание населения. Основные виды социальных услуг. <https://docs.cntd.ru/document/1200107237> (дата обращения: 10.08.2023).
7. ГОСТ Р 52495 Социальное обслуживание населения. <https://legalacts.ru/doc/gost-r-52495-2005-natsionalnyi-standart-rossiiskoi-federatsii/> (дата обращения: 10.08.2023).
8. ГОСТ Р 52884 Социальное обслуживание населения. Порядок и условия предоставления социальных услуг гражданам пожилого возраста и инвалидам. <https://docs.cntd.ru/document/1200061326> (дата обращения: 10.08.2023).
9. ГОСТ Р 57760 Социальное обслуживание населения. Коммуникативные реабилитационные услуги гражданам с ограничениями жизнедеятельности. <https://docs.cntd.ru/document/1200156935> (дата обращения: 10.08.2023).
10. Жигунова Ж. Г. Английская терминология социальной работы в диахронии и синхронии: дисс. ... канд. филологических наук. Омск, 2003. 155 с.
11. Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск: Урал, 1991. 156 с.
12. Коровушкин В. П. Основы контрастивной социолектологии: дисс. ... доктора филологических наук. Пятигорск. 2005. 646 с.
13. Лексикон социальной работы. Волог. гос. пед. ун-т. Вологда: Русь, 2001. 295 с.
14. Лубожева Л. Н. «Профессиональная» или «терминологическая» лексика // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2008. № 1. С. 210–213.
15. Мамаева Т. В. Подъязык охотничьего промысла XIX – начала XX вв. в свете теории поля // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 3. С. 250–254.
16. Мезит А. Э. Подъязык и профессиональная языковая картина мира работников гидроэнергетической отрасли (функциональный и лексикографический аспекты): дисс. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2018. 249 с.
17. Основные термины и понятия по направлению подготовки «Социальная работа». Словарь-тезаурус. 2019. 330 с.
18. Психологическая энциклопедия <https://vocabulary.ru/termin/parkinsona-bolezn.html> (дата обращения: 10.08.2023).
19. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. Москва: ОНИКС 21 век; Мир и Образование, 2003. – 623 с.
20. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. Москва: Наука, 1989. – 246 с.
21. Фельде О. В. Языки для специальных целей в историко-лингвистическом аспекте // Вестник Бурятского университета. 2013. № 10. С. 50–55.
22. Hoffmann L. Kommunikationsmittel Fachsprache: Eine Einfuhrung. Berlin: Akademie-Verlag. 1976. 498 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Основной вопрос, который исследуется в рецензируемой статье – это специальная лексика подъязыка социальной работы. На мой взгляд, уровневая оценка языковой системы на данный момент достаточно продуктивна и концептуальна. Следовательно, материал имеет должную новизну, он актуален и будет интересен как профессионалам, так и тем, кто только начинает активно изучать вариации разверстки естественной знаковой системы. Собственно это и отмечает автор в начале своего труда, «изучение лексики русского подъязыка социальной работы является актуальным и важным. Это обусловлено тем, что данный подъязык содержит целый ряд специфических терминов и слов, которые используются профессионалами в области социальной работы для обозначения концепций, методов и процессов, связанных с работой с клиентами и предоставлением социальной помощи. Изучение лексического состава подъязыка социальной работы позволяет понять особенности коммуникации в этой сфере, а также выявить специфические тенденции и изменения, которые происходят со временем». Вариантный методологический подход к изучению специализированной лексики поднимает на должный уровень, поддерживает т.н. научную новизну работы. Текст имеет хорошо сформированный вид, структура тяготеет к собственно научному изысканию, даже без дробности на части, материал воспринимается последовательным, логичным. Примечательна для статьи и практическая направленность: «все это имеет практическое значение для профессионалов в области социальной работы (социальный работник, педагог, специалист пенсионной службы, специалист миграционной службы, инспектор по делам несовершеннолетних, геронтолог), поскольку помогает им лучше понимать и использовать специальную терминологию в своей работе, а также способствует развитию и улучшению профессионального образования и практики в этой области». Замечу, что материал может продуктивно быть использован и далее, в режиме расширения указанной проблемы. Задачи, предмет исследования прописаны объективно, точно, автор таким образом подготавливает читателя к серьезному диалогу. Стиль работы соразмерен научному типу, нарочитое использование терминов, понятий, необходимых категорий не затрудняет воспринимать текст в нужном русле. Стандарт цитаций вводимый в работу верен: «с целью выявления терминологического аппарата исследования приведем определения ведущих лингвистов терминов «профессиональная лексика» и «специальная лексика». Л. Хоффман утверждает, что «профессиональная лексика – совокупность всех языковых средств, применяемых в конкретной профессиональной сфере». Л.Н. Лубожева считает, что применение термина «профессиональная лексика» «более адекватно по отношению к лексическим единицам, характеризующим различные отрасли наук, производства и трудовой деятельности». В словаре лингвистических терминов профессиональная лексика описывается как «лексика, свойственная данной профессиональной группе, используемая в речи людей, объединенных общей профессией». Основной блок профессиональных терминов частотен (и это неплохо), ориентир на социальную работу поддерживается в иллюстративном режиме.

Методология стратификационного типа позволяет автору утверждать, что «терминологическая лексика русского подъязыка социальной работы по классификационному признаку соотношения с логическими категориями подразделяется на следующие группы: 1) работник социальной службы: психосоциальный терапевт; инспектор по делам несовершеннолетних; геронтолог и др.; 2) клиенты социальной службы: беженец; безработный, безнадзорный, гражданин, привлекавшийся к

уголовной ответственности; гражданин пожилого возраста и др.; 3) явлений: опекунство; бездомность; старение и др.; 4) процессов: психотерапия; реабилитация; иппотерация; реадaptация и др.; 5) принципов: социального участия; социальной эффективности; социального партнерства; государственной ответственности; соединения правового и этического регулирования и др.; 6) услуг: социально-правовой патронаж; материальная помощь; психологическое консультирование; психодиагностика и обследование личности; психопрофилактическая и психологическая работа и др.; 7) качеств: долгосрочная / массовая / скрытая / техническая / частичная (безработица), нуклеарная / бинуклеарная / многопоколенная / неполная (семья) и др.; 8) места: дом-пансионат с сестринским уходом; психоневрологический интернат; геронтологический центр; социальная гостиница и др.». Усложнить и расширить данную работу можно было бы введением сложного обзора критической литературы, срез позволили бы полновесно оценить важность подобного исследования (если автору удастся это – будет хорошо). Выводы по тексту созвучны с основным блоком, причем рисуемая перспектива, на мой взгляд, это задел на будущее: «классификация специальной лексики в изучаемом подъязыке свидетельствует о том, что теория и практика социальной работы имеют междисциплинарный характер и антропонаправленность по своей природе. Исследование показывает, что в области социальной работы существует множество специализированных терминов, которые варьируются по стилю и сложности. Это говорит о том, что эта область языка достаточно развита. Дальнейшее изучение словаря специализированного языка позволит узнать больше о его мотивации, концептуализации и категоризации профессиональных знаний, а также о профессиональной языковой картине мира». Основные требования издания выдержаны, список источников полновесен, задачи исследования решены. Считаю, что рецензируемая статья «Специальная лексика русского подъязыка социальной работы в стратификационном аспекте» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Куц Н.В. — Е. Ф. Розен против славянофильства: две статьи о «Московском сборнике» 1847 г. // Litera. – 2023. – № 12. – С. 96 - 102. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69230 EDN: TETLOE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69230

Е. Ф. Розен против славянофильства: две статьи о «Московском сборнике» 1847 г.

Куц Николай Викторович

аспирант, кафедра истории русской литературы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ nikolaikuts@yandex.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69230

EDN:

TETLOE

Дата направления статьи в редакцию:

04-12-2023

Дата публикации:

11-12-2023

Аннотация: Предметом исследования является восприятие бароном Е. Ф. Розеном – поэтом, драматургом и критиком, автором либретто к опере М. И. Глинки "Жизнь за царя" (1836) – идей славянофильства и панславизма во второй половине 1840-х гг. Объектом исследования послужили две анонимные рецензии на славянофильский "Московский литературный и ученый сборник", вышедший в 1847 г., об авторстве которых объявил сам Розен в ходе печатной дискуссии с С. П. Шевыревым по поводу вышедшей в том же году книги Н. В. Гоголя "Выбранные места из переписки с друзьями". В качестве материала также привлекаются и другие печатные выступления Розена на страницах газеты "Северная пчела" и журнала "Сын отечества". Основные методы исследования: герменевтический и культурно-исторический. Тексты Розена рассматриваются в связи с общественно-политической обстановкой 1840-х гг. Научная новизна исследования

заключается во введении в научный оборот двух ранее не атрибутированных Розену текстов. Основные выводы проведенного исследования таковы: 1) в 1847 г. Розен относился к идеям славянофильства и панславизма резко отрицательно, но в 1848 г., по-видимому, на фоне известий о революциях в Западной Европе, сближался со славянофилами в рассуждении об особом начале русского народа, "неразмышляющем чувстве нравственности", противостоящем западноевропейскому рационализму; 2) расхождения Розена со славянофилами объяснялись его просветительским "западничеством", опиравшимся на Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина; 3) определенный отпечаток на взгляды Розена накладывала официальная идеология николаевского царствования; 4) мощную цивилизующую роль барон отводил самодержавному правительству.

Ключевые слова:

Розен, Шевырев, Погодин, Хомяков, славянофильство, литературная критика, полемика, Пушкин, Карамзин, Аксаков

Барон Егор Федорович Розен (1800–1860) – поэт, драматург и критик, в 1830-е гг. бывший довольно близок к Пушкину – к началу 1840-х гг. утратил связи с пушкинским окружением. Большая часть их оборвалась вскоре после смерти великого поэта, в чем признавался сам Розен в статье 1847 г. «Ссылка на мертвых»: «Смерть посредника развязала узел моих сношений с его друзьями и приятелями» [\[6, с. 271\]](#). Непросто в это время складывались отношения Розена и с его московскими знакомыми: М. П. Погодиным, С. П. Шевыревым и А. С. Хомяковым, – с которыми Розен познакомился в 1828 г., участвуя в «Московском вестнике» [\[5, с. 2402\]](#). Шевырев был постоянным корреспондентом Розена на протяжении 1830–1840-х гг., в переписке с Погодиным еще в 1841 г. барон делился замыслом трагедии о царевице Алексее Петровиче («Борьба Петра с сыном – такой сюжет, на который можно бы положить всю жизнь свою» [\[1, с. 15\]](#)) и хвалил погодинского «Петра», но к концу 1840-х гг. Розен окончательно отдалился от круга московских приятелей.

Принципиальные разногласия между ними выявились в ходе дискуссии Розена с Шевыревым по поводу гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847). Она велась на страницах «Северной пчелы» и «Сына отечества», в которых в это время сотрудничал Розен, с одной стороны, и журнала «Москвитянин» – с другой. В ходе полемики выяснилось, в частности, что Розен был автором двух анонимных рецензий на славянофильский «Московский литературный и ученый сборник», вышедший в 1847 г. Свое авторство подтвердил сам Розен, не без основания полагавший, что негативное отношение к нему Шевырева было вызвано неудовольствием по поводу суровой критики его «Истории русской словесности» в «Сыне отечества» [\[9, с. 227\]](#). Статья об издании лекций Шевырева, опубликованная в журнале в январе 1847 г. вместе с редакционным вступлением о критике, написанным Розеном, не имела подписи, и в кругу «Москвитянина» в ее авторстве подозревали разных лиц: Шевырев – Н.И. Надеждина, Погодин – Розена. Но, вопреки ожиданиям Розена, его отречение от этой статьи и признание в авторстве рецензий на «Московский сборник» только подлило масла в огонь: Шевырев в полемическом ответе замечал, что узнал об этом «с сокрушением», и что никогда не считал прежнего друга способным писать такие рецензии [\[11, с. 110\]](#).

Обратимся теперь к тексту статей о «Московском сборнике», помещенных в №№ 9 и 10

«Сына отечества» за 1847 г. и проясняющих историософские взгляды Розена. В них критик последовательно разбирает ученые и литературные статьи и полемизировал с основными положениями славянофильства, или «московской схоластики», как называл это течение сам Розен. Понятие «московская схоластика» он трактовал довольно широко, подразумевая под ним как основные идеи славянофильства и панславизма, так и присущее «Москвитянину» «гоголефильство», на которое нападал барон.

Как в позднейших статьях о творчестве А. А. Бестужева-Марлинского и о повести К. К. Павловой «Двойная жизнь», Розен восстает против идеи о «мысленном и бытовом раздвоении» русского общества, разрыве – по К. С. Аксакову – между «публикой» и «народом» и заключает: «Мнимый славянизм – совершенно одинокое, разобщенное явление, не возбуждающее ни малейшего участия в нашей публике. <...> Общество не вразумляется и вразумиться не может в толки этого славянизма и считает их чистомечтательными. <...> Никакая славянская диалектика не уверит нашего общества, что оно оторвано от народа» [\[7, с. 2\]](#).

В Петре Великом Розен видит выразителя «духовной жизни и гигантской нравственной силы» русского народа, демиурга, который «проникнул Русь своим бессмертным гением» и «соделал ее способною совершать все великое и прекрасное, ожидаемое славянофилами», – и представляет его явление как вознаграждение за века скудного умственного и политического развития Руси, как конечный результат древней истории русского народа, без которого она была бы, как пишет Розен, «тягостна для нашего чувства», хотя и производила таких мужей, как «Иоанн III, Борис Годунов, Алексей Михайлович» [\[7, с. 4-5\]](#). Розен сравнивает славянофилов, отрицающих такой взгляд на Петра, с евангельскими книжниками и фарисеями, не признававшими Христа и упорствовавшими «в безрассудных ожиданиях другого исполнения завета» [\[7, с. 5\]](#). Славянофилы, по Розену, «также не видят, что «уже был славянский полубог и положил вековые основания, на которых уже полтора века столь чудесно высится ум и сила нашего отечества» [\[7, с. 5\]](#).

Обнаруживая в сборнике сильные панславистские тенденции – в «Письмах из Вены» Н. Ригельмана и статье Погодина о Праге, – Розен высказывается о них с особенным неприятием, считая их чуждыми русскому народу западнославянскими веяниями. По поводу наблюдения Погодина, сравнившего девиз «одной чешской партии»: «Мы не славяне, а чехи!», – с подобными суждениями в России, он замечает: «Можем ли мы не дорожить именем Святой Руси перед тою мелкопоместною славянщиною, центром которой называете вы чешскую Прагу? Просвети Бог сего ультра-славянофила!» [\[7, с. 14\]](#). Рассуждая, что южные и западные славянские народы – это «частицы, которые, конечно, по воле Провидения, не вошли в состав великого мира славянского, называемого Россиею», Розен показывает себя пангерманистом [\[4, с. 14\]](#): он полагает, что западно- и южнославянские народы рано или поздно «предназначены слиться с миром германским, без сомнения, для пользы сего последнего», так же, как «частицы германского мира» присоединены к России «не без какой-либо благой вышей цели» [\[7, с. 14\]](#).

В русле имперской идеологии и в связи с собственным культурным самоопределением Розен широко трактует понятие национальности. Заметив в статье А. Попова «Шлецер. Рассуждение о русской историографии» подспудное неприязненное отношение к немцам, он пишет: «Нам всегда жаль, когда видим мелочное, сокровенное неблаговоление к тем иностранцам (по рождению или фамилии), которые, вписавшись со славою в русскую историю, суть не только *русские*, но и занимают место между *лучшими* природными

русскими. И что же такое *природные* русские? Русская земля не родила ни одного русского; народ не создан, как человек, из глыбы земли, но составлен и продолжает составляться из скопления разнородных племен, принявших и принимающих одну общую форму, называемую национальностью. <...> Нет и не может быть относительно русской народности никакого различия между теми, которые одинаково служат русскому царю, едят русский хлеб, говорят и пишут русским языком и действуют для славы и пользы России. Зависть к так называемому не-русскому – недостойна величия нашего отечества» [7, с. 14-15].

Подробно комментируя статью А. С. Хомякова «О возможности русской художественной школы», Розен отмечает, что она «отличается решительно эксцентрическим славянофильством» [7, с. 7]. В возражениях Розена на тезис Хомякова о народном характере искусства заметны классицистические симпатии: «Искусство, в своей чистоте, есть атрибут общечеловеческого, по теории, извлекаемой из всей истории художеств. За исключением только одного народа – эллинского – у всех других народно-индивидуальное в искусстве есть только частная, в истории художеств, конечно, интересная черта, но в отношении к идее и истинной цели их нечто излишнее, ошибочное» [7, с. 8]. Розен сожалеет, что ум и начитанность Хомякова применяются «исключительно к неосновательной постоянной идее славянофильства», и замечает об авторе статьи, переходя на литературную «личность», что «славянофильство соделало его в последнее время бесплодным относительно поэтического творчества», а жизнь в поместье с крестьянами не развила его литературного дарования: «Сколь бесплодно для искусства сие общение с народом, это подтверждает пример господина Хомякова, даровитого поэта, творившего прежде кое-что хорошее: с тех пор, как он сделался славянофилом, он – сколько известно – ничего не творит, а только мудрствует, благодаря европейскому образованию, без которого он был бы боярином времен Василия Темного и знал бы только свои права по местничеству» [7, с. 12].

В художественной части сборника Розен выделял стихи К. К. Павловой и Н. М. Языкова, находя последние «водяными», а первые – написанными без внутреннего поэтического побуждения только из желания «угодить славянофилам». Из всего обзора художественной стороны сборника наиболее примечательны возражения Розена на критику К. С. Аксаковым (под псевдонимом Имрек в «Трех критических статьях») повести В. Ф. Одоевского «Сиротинка» (о крестьянской девочке, воспитанной в петербургском приюте, вернувшийся в родную деревню и ставшей «учить добру крестьянских детей»). Розен замечал о «Сиротинке» Одоевского, что сюжет ее «до высшей степени» естествен: «Деревенское невежество невольно подчиняется влиянию крестьянства же, возрожденного воспитанием» [8, с. 18]. Он предполагал, что Аксаков, «оскорбившийся» этим произведением, является «горячим заступником деревенщины в первобытном виде ее» по той причине, что он «есть, вероятно, русский помещик, живущий и всегда живший в господском доме» [8, с. 18]. Считая, что «господин Имрек» не знает истинного положения дел в деревне, Розен обращается к собственному опыту жизни в крестьянских домах – на постое во время службы в гусарском полку, – «частенько вместе с земледельцем и семьей его». В очередной раз литератор опровергает мнение об оторванности дворянства – и в частности, самого князя В. Ф. Одоевского – от низших сословий и критикует замеченное им у Аксакова противопоставление «общества» и «народа»: «До сих пор мы думали, что собирательное имя народ содержит в себе все сословия народа, от крестьянина до князя-вельможи; но из слов господина Имрек <...> явствует, что под названием народа славянофилы понимают один только класс чернорабочих, и что он-то есть “могущественный хранитель жизненной великой тайны”»

[8, с. 19]. Розен признавался, что сам, познакомившись «с этим классом» народа, полюбил «его прекрасные свойства и удивительные способности» и искренне считает русский народ «первым народом в мире», но подчеркивал, что, говоря о преимуществах русского народа, имеет в виду не один только «класс чернорабочих». В этой же антикритике Розен развивает идею о постепенном распространении просвещения от высших слоев общества к низшим: «Ни у кого в свете познание само собою не развивается, а надобно трудиться, учиться у того, кто больше знает и поэтому выше нас! Неучение – тьма! А великая тайна жизни дышит светом. <...> Благодаря отеческой попечительности правительства весь русский народ в непродолжительном времени будет грамотным; и тогда мы с вами потолкуем о классе чернорабочих» [8, с. 19].

Несмотря на принципиальные расхождения Розена со славянофильством, которое, как мы увидели, Розен критиковал с просветительских и «западнических» позиций, были и точки сближения, что позволило В. Э. Вацуру заметить, что в историософской концепции Розена совместились «элементы славянофильства и западничества» [2, с. 343]. Так, Розен признавал самобытность исторического пути России, считая русский народ «выразителем всего славянизма», а в статье о творчестве А. А. Бестужева-Марлинского 1848 г. (по-видимому, в связи с известиями о революциях в Европе) вслед за славянофилами рассуждал об особом «жизненном начале» русского народа – «неразмышляющем чувстве нравственности», противостоящем западно-романскому рационализму. При этом мощную цивилизующую роль Розен отводил самодержавному правительству. Можно заключить, что как расхождения, так и схождения Розена со славянофилами объяснялись его специфическим «западничеством», ориентировавшимся на Пушкина и Карамзина, и зерна его идей следует искать скорее в конце 1820-х гг., чем в конце 1840-х гг.. Вместе с тем своеобразие представлений Розена о превосходстве русского народа над народами Западной Европы было обусловлено его собственной концепцией органичного соединения в русском народе «славянского» и «германского» начал.

Не менее показательным представляется и то, что Розен в возражениях на «Московский литературный и ученый сборник», по собственному признанию, «сошелся с мнением публики» [10, с. 26]. Его суждения оценили даже в журнале «Отечественные записки», во всех других сферах враждебном «Сыну отечества» [3, с. 29].

Библиография

1. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891. – 458 с.
2. Вацуру В. Э. Розен Егор Федорович // Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. Т. 5. М.: Большая Рос. энциклопедия, 2007. С. 341-344.
3. <Дудышкин С. С.> Русская литература в 1847 г. // Отечественные записки. 1848. Т. 56. № 1. Отд. 5. С. 1-30.
4. Кацис Л. Ф., Одесский М. П. "Славянская взаимность": Модель и топика. Очерки. М.: Издательский дом "Регнум", 2011. – 314 с.
5. Куц Н. В. Е. Ф. Розен как сотрудник журнала "Московский вестник" и пропагандист русской литературы в Остзейском крае // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 8. С. 2401-2406.
6. Розен Е. Ф. Из статьи "Ссылка на мертвых" // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М.: Художественная литература, 1974. С. 271-278.
7. <Розен Е. Ф.> Московский литературный и ученый сборник. Статья I // Сын отечества. 1847. № 10. Отд. 6. С. 1-16.
8. <Розен Е. Ф.> Московский литературный и ученый сборник. Статья II // Сын

отечества. 1847. № 10. Отд. 6. С. 1-22.

9. Розен Е. Ф. Ответ С. П. Шевыреву // Северная пчела. 1848, № 57 (12 марта). С. 227-228.

10. Розен Е. Ф. Письмо к "Москвитянину" от барона Розена // Сын отечества. 1848. № 7. Отд. 6. С. 19-31.

11. Шевырев С. П. Ответы // Москвитянин. 1848. № 4. Отд. критики. С. 105-125.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Е. Ф. Розен против славянофильства: две статьи о «Московском сборнике» 1847 г.», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к вопросу о славянофильстве в 19 веке, развиваемого в статьях Е. Ф. Розена.

В свете ориентации на Европу в тот период развития нашей страны, данные статьи имели большой общественный резонанс и внесли определенную лепту в становление славянофильства.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом на русском языке. Из текста статьи не совсем ясен практический материал исследования, а именно автор не указывает объем отобранного языкового корпуса, методологию выборки и принципы обора. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье также используются общелингвистические методы наблюдения и описания. Совокупность методов позволила систематизировать наработки предшественников и описать эмпирические данные. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Библиография статьи насчитывает 11 источников, среди которых теоретические работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к трудам зарубежных исследователей по заявленной проблематике, несомненно, обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Не соответствует требованиям ГОСТа оформление источников 3, 7, 8.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные

наработки в дальнейших тематических работах в области отечественного литературоведения. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания филологических дисциплин на профильных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Е. Ф. Розен против славянофильства: две статьи о «Московском сборнике» 1847 г.» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжэнь Ч. — Контент-стратегии китайских реалити-шоу в эпоху конвергенции СМИ // Litera. – 2023. – № 12. – С. 103 - 111. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69298 EDN: SUTHIW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69298

Контент-стратегии китайских реалити-шоу в эпоху конвергенции СМИ

Чжэнь Чэнь

аспирант, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ chenzhen66666@gmail.com

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69298

EDN:

SUTHIW

Дата направления статьи в редакцию:

07-12-2023

Дата публикации:

14-12-2023

Аннотация: Научная статья посвящена исследованию контент-стратегий, применяемых в китайских реалити-шоу в период конвергенции средств массовой информации. В эпоху быстрого развития медиа и слияния различных платформ анализируется эволюция контент-подходов в китайских реалити-программах. Исследование фокусируется на воздействии этой эволюции на зрителей и роль реалити-шоу в культурном и медийном ландшафте Китая. Статья посвящена подробному исследованию контент-стратегий китайских реалити-шоу в условиях современной эпохи конвергенции СМИ. Авторы анализируют влияние технологических инноваций и изменений в медийной среде на разработку и представление реалити-форматов, а также реакцию китайской аудитории на эти изменения. В статье рассматриваются разнообразные стратегии, используемые продюсерами, чтобы адаптироваться к новым требованиям цифровой эры и эффективно

взаимодействовать с зрителями. Статья основывается на анализе контент-стратегий, которые активно используются в современных китайских реалити-шоу в период быстрого развития конвергенции средств массовой информации. Для достижения цели был применен комплексный методологический подход, включающий анализ содержания реалити-программ, обзор соответствующей литературы по теме и проведение интервью с участниками и зрителями. Исследование показало эволюцию контентных стратегий в китайских реалити-шоу, отражая решающее влияние конвергенции СМИ на производство и восприятие контента. Проанализированы современные ключевые тренды и изменения в представлении реальности, а также взаимодействия с аудиторией. Результаты исследования могут быть использованы для улучшения стратегий создания и продвижения контента в современных условиях медийной конвергенции, а также в области культурологии и медиаисследований. Работа вносит вклад в понимание динамики изменений в контенте китайских реалити-шоу в контексте конвергенции СМИ, выявляя уникальные аспекты этого процесса в китайской культуре и обществе. Исследование подтверждает значимость адаптации контентных стратегий под воздействием конвергенции СМИ и выдвигает предложения для развития более эффективных контентных подходов в современной китайской медиасреде.

Ключевые слова:

китайские реалити-шоу, контент-стратегии, конвергенция СМИ, эволюция контента, аудиторская вовлеченность, медийная среда, культурный ландшафт, методология исследования, слияние платформ, тренды в реалити-программах

В эпоху стремительного развития конвергенции средств массовой информации китайские реалити-шоу стали объектом глубокого анализа в контексте их контент-стратегий. Этот подход необходим для понимания того, как эти программы эволюционировали в ответ на изменения в медийной среде.

Одним из ключевых аспектов исследования является анализ эволюции контентных стратегий. Реалити-шоу Китая, будучи чрезвычайно популярными, претерпели изменения в своем контенте, отражая трансформации в представлении реальности. От стандартных конкурсов и игр они переходят к более сложным сценариям, подчеркивая вовлеченность аудитории [\[1, с. 29\]](#).

С учетом конвергенции СМИ, реалити-шоу в Китае также активно взаимодействуют с различными медийными платформами. Слияние платформ позволяет им создавать более комплексный и интерактивный контент, что, в свою очередь, усиливает взаимодействие с аудиторией. Этот тренд важен в контексте современной медийной экосистемы и стремления китайских реалити-шоу поддерживать интерес зрителей на различных онлайн-платформах.

Кроме того, результаты исследования подчеркивают влияние контентных стратегий на культурный ландшафт Китая. Реалити-шоу становятся не только источником развлечения, но и важным элементом формирования общекультурных ценностей. Их контентные стратегии оказывают влияние на мировоззрение и предпочтения аудитории, формируя современные культурные тренды.

Исследование контент-стратегий китайских реалити-шоу в эпоху конвергенции СМИ выявляет не только эволюцию самих программ, но и их важное воздействие на медийную

и культурную сферы. Это позволяет лучше понять, каким образом контентные стратегии адаптируются к современной медийной среде, а также как они формируют и влияют на культурные предпочтения зрителей в современном Китае [\[2, с. 99\]](#).

Специфика китайской аудитории оказывает существенное влияние на тенденции законодательного регулирования китайских реалити-шоу. Китайская культура, со своими уникальными ценностями и нормами, ставит особые требования к контенту, который предоставляется зрителям. В этом контексте законодательное регулирование выступает важным инструментом для поддержания соответствия контента моральным и культурным нормам.

Одним из ключевых аспектов законодательного контроля является контроль за содержанием, который направлен на поддержание положительного образа Китая и сохранение общественной морали. Реалити-шоу подвергаются внимательной проверке, чтобы избежать контента, который может вызвать общественное беспокойство или нарушить культурные ценности.

Тенденции законодательного регулирования в Китае также отражают стремление к более активному взаимодействию с аудиторией. Недавние изменения в законодательстве предусматривают участие общественности в процессе оценки и рецензии реалити-шоу. Это предоставляет зрителям возможность влиять на содержание программ и выражать свое мнение относительно нравственных и этических аспектов [\[3, с. 102\]](#).

Стоит отметить, что регулирование китайских реалити-шоу также направлено на обеспечение информационной безопасности и защиты прав и интересов участников программ. Это включает в себя меры по предотвращению манипуляций с данными и обеспечению честных условий для участия.

Таким образом, специфика китайской аудитории формирует особенности законодательного регулирования китайских реалити-шоу. С учетом уникальных культурных и моральных контекстов, законы направлены не только на поддержание стандартов содержания, но и на активное взаимодействие с общественностью, учитывая мнение зрителей и защищая интересы всех участников процесса создания и потребления контента.

Функциональная и жанрово-форматная специфика китайских реалити-шоу представляет собой уникальный аспект медийной культуры Китая, отражая особенности страны и её аудитории. Эти программы выполняют разнообразные функции, а их формат и жанровое оформление тщательно адаптированы к предпочтениям китайской публики [\[4, с. 37\]](#).

Одной из ключевых функций китайских реалити-шоу является создание развлекательного контента, способного привлечь внимание широкой аудитории. Жанрово-форматная специфика включает в себя разнообразные жанры, начиная от музыкальных и танцевальных шоу до семейных и образовательных программ. Этот широкий спектр форматов обеспечивает разнообразие и позволяет адаптироваться к различным предпочтениям зрителей.

Однако, помимо развлечения, китайские реалити-шоу также выполняют важные социокультурные функции. Они становятся площадкой для выражения таланта, поддержки общественных и культурных инициатив, а также для обсуждения актуальных социальных тем. Эта функциональная многогранность делает реалити-шоу важным инструментом формирования культурных ценностей и идентичности [\[5, с. 82\]](#).

Форматы китайских реалити-шоу часто подвергаются инновациям и эволюции в соответствии с изменениями в обществе и технологиях. Одним из заметных трендов является внедрение интерактивности и социальных медиа в форматы программ. Это усиливает взаимодействие с аудиторией, делая трансляции более участникоориентированными.

Таким образом, функциональная и жанрово-форматная специфика китайских реалити-шоу отражает динамичный характер культуры и медийной индустрии страны. Программы этого жанра выполняют не только развлекательные функции, но и играют важную роль в формировании общекультурных ценностей, поддержке талантливых личностей и обеспечении общественного диалога.

Становление реалити-шоу в Китае было обусловлено комплексом политических, экономических и культурных предпосылок, которые отразились на динамике развития этого медийного формата в стране.

В период экономических реформ и открытия, начиная с конца 1970-х годов, Китай сталкивался с изменениями в политическом ландшафте. Появление реалити-шоу частично соответствовало стремлению кинематографа и телевидения к большей свободе творчества и разнообразию форматов после периода культурной революции. Отмена цензуры в отношении тем и идей также способствовала появлению новых, более открытых форматов, включая реалити-шоу [\[6, с. 94\]](#).

Экономический бум в Китае привел к росту среднего класса и изменениям в образе жизни граждан. В условиях экономического процветания возникла потребность в новых форматах развлекательных программ, что способствовало появлению реалити-шоу. Коммерческие телекомпании видели в этих программах эффективный способ привлечения рекламодателей и расширения аудитории.

Смена культурных ценностей в Китае также оказала влияние на формирование реалити-шоу. Зрители проявляли интерес к программам, которые не только развлекали, но и отражали изменяющиеся социокультурные реалии страны. Реалити-шоу стали площадкой для выражения индивидуальности, таланта и социокультурных взглядов, что вписывалось в новые культурные тренды.

Синергия этих факторов способствовала устойчивому развитию реалити-шоу в Китае. Они стали неотъемлемой частью медийной и развлекательной индустрии страны, отражая не только повседневную жизнь, но и социокультурные изменения, происходящие в Китае на фоне политических и экономических трансформаций.

Жанрово-форматные и функциональные особенности китайских реалити-шоу на универсальных телеканалах являются важным аспектом современной медийной культуры Китая. Эти программы, транслируемые на универсальных телеканалах, представляют собой разнообразные форматы, отражая специфику культурных предпочтений и потребностей аудитории [\[7, с. 51\]](#).

Китайские реалити-шоу, предназначенные для универсальных телеканалов, охватывают различные жанры. Например, музыкальные соревнования, танцевальные битвы, кулинарные шоу и документальные форматы создают богатый мозаичный ландшафт. Эта разнообразность направлений отражает стремление привлечь различные аудитории и предоставить им широкий спектр контента.

Функциональные аспекты китайских реалити-шоу также заслуживают внимания. Эти

программы выполняют ряд функций, начиная от развлечения и разнообразия форматов до поддержки талантов и вовлечения зрителей в интерактивные процессы. Универсальные телеканалы используют реалити-форматы как эффективное средство привлечения внимания аудитории и формирования лояльности к каналу [\[8, с. 62\]](#).

Важным аспектом функциональности китайских реалити-шоу на универсальных телеканалах является их взаимодействие с аудиторией. Через голосования, социальные медиа и другие интерактивные элементы эти программы обеспечивают активное участие зрителей. Это создает ощущение вовлеченности и принадлежности, усиливая популярность реалити-форматов.

С течением времени форматы китайских реалити-шоу на универсальных телеканалах продолжают эволюционировать. Новые технологии, включая виртуальную и дополненную реальность, активно внедряются для улучшения визуального опыта. Эти тенденции отражают стремление к постоянному обновлению и адаптации под ожидания современной аудитории [\[9, с. 112\]](#).

Таким образом, китайские реалити-шоу на универсальных телеканалах представляют собой уникальное сочетание жанрово-форматных и функциональных особенностей. Они не только разнообразны и вовлекают аудиторию, но и являются важным инструментом формирования контентной стратегии универсальных телеканалов в современной медийной среде.

Проблема эффективности китайских реалити-шоу в условиях цифрового многообразия является актуальным вопросом в современной медийной среде Китая. С развитием цифровых технологий и ростом онлайн-платформ появилась новая динамика в потреблении контента, что представляет вызов для традиционных форматов, включая реалити-шоу.

Одной из основных проблем является насыщенность рынка контентом. Цифровое пространство предоставляет огромное количество разнообразных вариантов развлекательных программ, что приводит к конкуренции за внимание зрителей. Китайские реалити-шоу сталкиваются с необходимостью выделиться среди множества контентных предложений и удержать внимание зрителей.

Другой аспект проблемы связан с эффективностью монетизации контента. В условиях цифрового многообразия, традиционные источники доходов, такие как реклама, могут оказаться менее эффективными из-за разбавленности аудитории по различным онлайн-платформам. Китайские реалити-шоу вынуждены искать новые модели монетизации, такие как сотрудничество с онлайн-платформами, продажа лицензий на форматы и другие инновационные подходы [\[10, с. 80\]](#).

Также следует учитывать изменение предпочтений зрителей в условиях цифрового развития. Онлайн-платформы предоставляют возможность индивидуального выбора контента, что подразумевает большую степень персонализации. Китайским реалити-шоу требуется более активное взаимодействие с аудиторией, учет её предпочтений и создание контента, способного конкурировать с персонализированными форматами развлечений.

Для решения этих проблем, китайским реалити-шоу необходимо активно адаптироваться к цифровой среде. Это включает в себя использование технологий, создание уникального и высококачественного контента, а также разработку инновационных стратегий взаимодействия с аудиторией. Продуктивные решения могут включать в себя

сотрудничество с платформами для улучшения распространения, внедрение интерактивных элементов и переосмысление моделей монетизации [\[11, с. 65\]](#).

Таким образом, проблема эффективности китайских реалити-шоу в условиях цифрового многообразия требует не только понимания новых вызовов, но и гибкости в адаптации к быстро меняющимся требованиям аудитории и цифрового рынка контента.

В цифровую эпоху предпочтения китайской аудитории становятся важным фактором, определяющим тенденции развития медийной и развлекательной индустрии в стране. С быстрым развитием технологий и широким доступом к цифровым платформам, китайская публика выражает свои предпочтения в различных сферах, оказывая влияние на форматы контента, платформы потребления и методы взаимодействия.

Одним из ключевых аспектов предпочтений китайской аудитории является активное участие в цифровых платформах и социальных сетях. Возможность долгосрочного взаимодействия и обмена мнениями в реальном времени формирует предпочтения в пользу контента, который способен вызвать обсуждения и вовлечь аудиторию. Реалити-шоу, обладающие интерактивными элементами и возможностью голосования, отвечают на этот запрос аудитории, предоставляя возможность зрителям влиять на ход событий [\[12, с. 43\]](#).

Кроме того, наблюдается увеличение интереса к персонализированным контентам. Китайская аудитория, имея широкий доступ к разнообразным онлайн-платформам, ожидает контент, который соответствует её индивидуальным интересам и потребностям. Это влияет на производителей контента и телекомпании, которые стремятся предоставить более персонализированные и разнообразные программы [\[13, с. 141\]](#).

Важным фактором является также предпочтение к высококачественному контенту. С ростом конкуренции на рынке цифровых развлечений китайская аудитория становится более требовательной к качеству контента. Это влияет на создание национальных и мировых проектов, способных предложить выдающийся сценарий, высокую продакшн-стоимость и впечатляющие визуальные эффекты.

Вместе с тем, увеличивается интерес к технологическим инновациям. Трансляции в виртуальной реальности (VR), дополненной реальности (AR) и другие технологические новинки привлекают внимание китайской аудитории, создавая новые возможности для разнообразия контента и интерактивности.

В целом, предпочтения китайской аудитории в цифровую эпоху формируют ландшафт медийного потребления, подчеркивая важность вовлеченности, персонализации, высокого качества и использования инновационных технологий в контенте. Отслеживание этих тенденций является ключевым для успешного создания и распространения контента в современном медийном пространстве Китая [\[14, с. 83\]](#).

В заключение статьи о контент-стратегиях китайских реалити-шоу в эпоху конвергенции СМИ можно сделать несколько ключевых выводов.

Во-первых, китайские реалити-шоу стали неотъемлемой частью медийной среды, успешно адаптируясь к изменениям в технологической и медийной среде. Эволюция форматов и контентных стратегий свидетельствует о гибкости производителей и их способности адаптироваться к требованиям современной аудитории.

Во-вторых, контент-стратегии этих программ тесно связаны с концепцией конвергенции

СМИ. Использование различных платформ и интеграция технологий становятся ключевыми элементами успешных стратегий. Реалити-шоу не только транслируются по телевизионным каналам, но и активно взаимодействуют с онлайн-платформами, социальными сетями, создавая комплексный контент для аудитории [\[15, с. 49\]](#).

Третий вывод касается важности вовлеченности аудитории. Китайские реалити-шоу активно внедряют интерактивные элементы, позволяя зрителям влиять на развитие программы. Это не только усиливает взаимодействие с публикой, но и обеспечивает высокую степень участия и лояльности зрителей.

Важным аспектом является также воздействие контентных стратегий на культурный ландшафт Китая. Реалити-шоу, выступая не только как развлекательный формат, но и как средство формирования общекультурных ценностей, оказывают влияние на культурные предпочтения и восприятие реальности в обществе [\[16, с. 136\]](#).

Наконец, выводится необходимость постоянного инновационного развития. Быстрое изменение технологий и вкусов аудитории требует от производителей реалити-шоу постоянного поиска новых форматов, тем и идей, чтобы оставаться актуальными и привлекательными [\[17, с. 78\]](#).

Таким образом, анализ контент-стратегий китайских реалити-шоу в условиях конвергенции СМИ позволяет понять и оценить успешные подходы и вызовы, с которыми сталкиваются эти программы в современной медийной среде Китая.

Библиография

1. Вартанова Е.Л., Коломиец В.П. (ред.). Телевидение в России в 2017 году: Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад. М.: Фед. агентство по печати и массовым коммуникациям, 2018. – 107 с.
2. Васильева Т.В., Осинский В.Г., Петров Г.Н. Курс радиотелевизионной журналистики: учеб. пособие. СПб.: Спец. лит., 2004. – 288 с.
3. Долгова Ю.И., Гуленко П.В. Проблемы классификации современных телепередач: сущностные характеристики формата «ток-шоу» // Вестник РУДН. Литературоведение. Журналистика. 2016. № 3. С. 102-110.
4. Долгова Ю.И., Перипечина Г.В. (ред.) Телевизионная журналистика. М: Аспект Пресс, 2019. – 208 с.
5. Новикова А.А. Телевизионная реальность: экранная интерпретация действительности. М.: Изд-во Высш. шк. экон., 2013. – 38 с.
6. Полуэхтова И.А. (ред.) Телевидение глазами телезрителей. М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2012. – 364 с.
7. Уразова С.Л. (ред.) Социокультурная роль российского ТВ в национальном информационном пространстве. М. : ИП Головкин Сергей Борисович, 2014. – 280 с.
8. Шестеркина Л.П., Николаева Т.Д. Методика телевизионной журналистики. М.: Аспект Пресс, 2012. – 382 с.
9. Bignell J. An Introduction to television studies. London; New York : Routledge, 2008. – 336 p.
10. Brian G.R. (ed.) TV Genre: A Handbook and Reference Guide. Westport : Greenwood Press, 1985. – 453 p.
11. Casey B. et al. Television Studies: The Key Concepts. London : Routledge, 2002. – 150 p.

12. Dahlgren P. (1995) Television and the Public Sphere. London : Sage, 1995. – 210 p.
13. Feuer, J. Genre Study and Television // Channels of Discourse, Reassembled: Television and Contemporary criticism. Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1992. P. 138-160.
14. G. Turner, J. Tay (eds) Television studies after TV: Understanding television in the post-broadcast era. London ; New York : Routledge, 2009. – 382 p.
15. Greeber G. The Television genre book. London ; New York : Bloomsbury publishing, 2015. – 118 p.
16. Kilborn R. Mixing and Matching: the hybridising Impulse in today's factual television programming // Genre Matter: Essays in Theory and Criticism. Bristol, Portland : Intellect books, 2006. – 295 p.
17. Lotz A.D. The Television will be Revolutionized. New York ; London : New York University Press, 2014. – 525 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметная область рецензируемой статьи достаточно оригинальна и интересна: автор обращается к анализу контент-стратегий китайских реалити-шоу в эпоху конвергенции СМИ. Как отмечается в начале труда, «в эпоху стремительного развития конвергенции средств массовой информации китайские реалити-шоу стали объектом глубокого анализа в контексте их контент-стратегий. Этот подход необходим для понимания того, как эти программы эволюционировали в ответ на изменения в медийной среде», «китайские реалити-шоу, предназначенные для универсальных телеканалов, охватывают различные жанры. Например, музыкальные соревнования, танцевальные битвы, кулинарные шоу и документальные форматы создают богатый мозаичный ландшафт. Эта разнообразность направлений отражает стремление привлечь различные аудитории и предоставить им широкий спектр контента». Считаю, что выбор темы аналитически обоснован, позиция автора достаточно конкретна и объективна. Суждения по ходу текста правомерны, оценочный ценз не снижается по ходу всего сочинения. Например, «китайские реалити-шоу на универсальных телеканалах представляют собой уникальное сочетание жанрово-форматных и функциональных особенностей. Они не только разнообразны и вовлекают аудиторию, но и являются важным инструментом формирования контентной стратегии универсальных телеканалов в современной медийной среде», или «специфика китайской аудитории оказывает существенное влияние на тенденции законодательного регулирования китайских реалити-шоу. Китайская культура, со своими уникальными ценностями и нормами, ставит особые требования к контенту, который предоставляется зрителям. В этом контексте законодательное регулирование выступает важным инструментом для поддержания соответствия контента моральным и культурным нормам», или «функциональная и жанрово-форматная специфика китайских реалити-шоу отражает динамичный характер культуры и медийной индустрии страны. Программы этого жанра выполняют не только развлекательные функции, но и играют важную роль в формировании общекультурных ценностей, поддержке талантливых личностей и обеспечении общественного диалога. Становление реалити-шоу в Китае было обусловлено комплексом политических, экономических и культурных предпосылок, которые отразились на динамике развития этого медийного формата в стране» и т.д. На мой взгляд, работа является определенным импульсом, который должен далее

расширить спектр изучения указанного вопроса, так как тема продуктивна, ее стоит точно разбирать вообще в связи с трансформацией мировых СМИ. Стиль данного труда соотносится с собственно научным типом: например, «экономический бум в Китае привел к росту среднего класса и изменениям в образе жизни граждан. В условиях экономического процветания возникла потребность в новых форматах развлекательных программ, что способствовало появлению реалити-шоу. Коммерческие телекомпании видели в этих программах эффективный способ привлечения рекламодателей и расширения аудитории», или «синергия этих факторов способствовала устойчивому развитию реалити-шоу в Китае. Они стали неотъемлемой частью медийной и развлекательной индустрии страны, отражая не только повседневную жизнь, но и социокультурные изменения, происходящие в Китае на фоне политических и экономических трансформаций», или «важным аспектом функциональности китайских реалити-шоу на универсальных телеканалах является их взаимодействие с аудиторией. Через голосования, социальные медиа и другие интерактивные элементы эти программы обеспечивают активное участие зрителей. Это создает ощущение вовлеченности и принадлежности, усиливая популярность реалити-форматов» и т.д. Основная цель, на мой взгляд, планомерно достигается по ходу разверстки текста, автор не отвлекается на дополнительную информацию – точно решает задачи. Примечательно, что помимо фактического описания контента китайских реалити-шоу, отмечен и проблемный срез этой формы. В частности, «одной из основных проблем является насыщенность рынка контентом. Цифровое пространство предоставляет огромное количество разнообразных вариантов развлекательных программ, что приводит к конкуренции за внимание зрителей. Китайские реалити-шоу сталкиваются с необходимостью выделиться среди множества контентных предложений и удержать внимание зрителей», или «другой аспект проблемы связан с эффективностью монетизации контента. В условиях цифрового многообразия, традиционные источники доходов, такие как реклама, могут оказаться менее эффективными из-за разбавленности аудитории по различным онлайн-платформам. Китайские реалити-шоу вынуждены искать новые модели монетизации, такие как сотрудничество с онлайн-платформами, продажа лицензий на форматы и другие инновационные подходы» и т.д. Следовательно, работа является как теоретическим, так и практическим исследованием, а это ценно для научного сегмента. Материал можно применять при изучении теории, истории медиа, развития СМИ и т.д. Финально автор подводит ряд выводов, обобщает сказанное, ориентирует на изучение проблемы далее: «важным аспектом является также воздействие контентных стратегий на культурный ландшафт Китая. Реалити-шоу, выступая не только как развлекательный формат, но и как средство формирования общекультурных ценностей, оказывают влияние на культурные предпочтения и восприятие реальности в обществе...», «анализ контент-стратегий китайских реалити-шоу в условиях конвергенции СМИ позволяет понять и оценить успешные подходы и вызовы, с которыми сталкиваются эти программы в современной медийной среде Китая». Таким образом, основная задача, поставленная в начале работы – решена; общие требования издания учтены; материал информативно насыщен, точка зрения автора выражена достаточно аргументировано. Серьезных фактических нарушений не выявлено, текст не нуждается в серьезной правке и коррективе. Рекомендую рецензируемую статью «Контент-стратегии китайских реалити-шоу в эпоху конвергенции СМИ» к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Ц., Шереметьева Е.С. — Производный предлог «в счет»: специфика функционирования // Litera. – 2023. – № 12. – С. 112 - 123. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69296 EDN: RXCJLZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69296

Производный предлог «в счет»: специфика функционирования

Чжан Цяохуа

аспирант, кафедра русского языка и литературы, Дальневосточный Федеральный Университет
690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русский Остров, Аякс, 7.1

✉ qiaohua@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна

ORCID: 0000-0003-1154-1091

доктор филологических наук

профессор, кафедра русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет
690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русский Остров, Аякс, 20

✉ sheremeteva.es@dvfu.ru

[Статья из рубрики "Грамматика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69296

EDN:

RXCJLZ

Дата направления статьи в редакцию:

08-12-2023

Дата публикации:

15-12-2023

Аннотация: Объектом исследования является словоформа В СЧЕТ, выполняющая предложную функцию. Предметом исследования является лексическая сочетаемость данной словоформы. Цель настоящей статьи – представить результаты анализа

сочетаемости данной словоформы и на этой основе показать особенности ее функционирования. Одним из аспектов рассмотрения является анализ лексикографического представления словоформы В СЧЕТ в толковых и аспектных словарях. Основное внимание уделяется специфике лексической сочетаемости словоформы В СЧЕТ, занимающей позицию правого и левого компонентов конструкции, формируемой данной словоформой, в том числе тематическим группам, в которые объединяется лексика в контексте словоформы В СЧЕТ. Значительное внимание уделяется вопросам грамматикализации в аспекте перехода существительных в предлоги. Рассматриваются признаки, позволяющие определить степень грамматикализации описываемой словоформы. Материал исследования собран с помощью Национального корпуса русского языка. Методика сбора материала включала лексико-грамматический поиск по заданным параметрам. Поиск проводился в основном, газетном и панхроническом корпусах. Исследование отобранного материала проводилось с использованием описательного метода, с включением методики контекстного анализа. В результате исследования выявлена типичная лексика в позиции правого и левого компонентов конструкции со словоформой В СЧЕТ, объединенная в тематическую группу «финансы». Это позволило сделать вывод об ограниченной, узкоспециализированной сочетаемости данной словоформы. Новизна исследования заключается в том, что анализ контекстов позволил установить как типизированную сочетаемость словоформы В СЧЕТ, так и явные признаки грамматикализации словоформы. К ним относятся декатегоризация и расширение контекста словоформы. Эти признаки свидетельствуют о заключительной стадии процесса грамматикализации словоформы В СЧЕТ, функционирующей в конструкциях определенного типа. Выявленные признаки позволяют утверждать, что словоформа В СЧЕТ, в случае употребления в предложной функции, уже не является формой существительного «счет» и должна быть включена в класс производных предлогов.

Ключевые слова:

грамматика, синтаксис, грамматикализация, служебные слова, предлог, производный предлог, отыменный релятив, лексическая сочетаемость, тематическая группа, контекст

Вопросы, связанные с процессом приобретения знаменательными словами функций предлогов, обсуждаются в русистике с середины XX века. Фундаментальным трудом в эти годы стала монография Е. Т. Черкасовой [\[21\]](#), в которой были сформулированы условия перехода знаменательных слов в предлоги. В начале XXI века усилилось внимание исследователей к названному процессу. Причиной такого внимания явилось активное вовлечение знаменательных слов в сферу служебных, в частности, развитие предложных функций у имен существительных. В результате сформировались основные научные направления и школы, в рамках которых идет изучение данного явления.

С позиции теории фразеологизации представлен данный процесс в монографии Г. А. Шигановой [\[24\]](#), в диссертационном исследовании И. М. Попериной [\[13\]](#), представляющих Челябинскую фразеологическую школу. В научный обиход вошли термины «лексические» и «фразеологические предлоги», отражающие разный характер «опредложивания» знаменательных слов.

Факт существенного увеличения единиц, выполняющих предложную функцию, привел к необходимости решать проблему квалификации этих единиц. В качестве одного из

возможных решений данного вопроса была предложена идея расширения самого понятия «предлог». Эта идея продвигалась в работах М. В. Всеволодовой (МГУ им. М. Ю. Ломоносова) [\[4\]](#) и М. И. Конюшкевич (Гродненский университет, Беларусь) [\[9\]](#), наряду с другими исследователями работавших в рамках международного проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис», идейным вдохновителем которого была М. В. Всеволодова. Как итог система предлогов и предложных образований разного типа была представлена как полевая структура [\[5, с. 75-78\]](#).

Е. С. Шереметьева, представитель Дальневосточной синтаксической школы, исследуя отыменные предложные новообразования, напротив, предлагает не расширять понятие «предлог», а определять все единицы, выполняющие функцию предлога как функциональный, а не частеречный класс. По отношению к отыменным образованиям предложного типа Е. С. Шереметьева использует термин «отыменные релятивы» [\[22\]](#). Этот термин охватывает как производные единицы, возникшие на базе существительных, уже получившие статус предлога, так и новообразования, находящиеся на разных ступенях грамматикализации

Из сказанного видно, что два последних направления, по существу, разрабатывают одну и ту же научную проблему: как наиболее точно представить в системе все разнообразие единиц, выполняющих предложную функцию.

Поскольку предлог является морфолого-синтаксическим средством связи, для установления специфики каждой предложной единицы, как имеющей статус предлога, так и находящейся на стадии перехода в предлог, первичным и обязательным шагом является выявление морфологических, синтаксических и семантических свойств тех компонентов, которые предлог связывает. В [\[22\]](#) используется понятие «синтагматические свойства» отыменных релятивов, с помощью которых описывается сочетаемость каждой предложной единицы, выявляется их специфика. С учетом разработанной в [\[22\]](#) методики изучения и описания предложных единиц выполнен ряд исследований производных предлогов и предложных новообразований [\[1\], \[6\], \[7\], \[8\], \[23\]](#).

Е. Т. Черкасова основным условием перехода форм знаменательных слов в предлоги называет утрату этими формами категориального значения соответствующей части и развитии у них «категориального значения связующих слов – значения релятивности» [\[21, с. 12\]](#). Такое преобразование знаменательного слова в служебное определяется как грамматикализация.

Вопросам грамматикализации предложных новообразований, в частности, соматизмов посвящены работы Е. Н. Виноградовой [\[3\]](#), последовательно развивающей теоретические положения М. В. Всеволодовой.

В результате процесса грамматикализации расширяется не только класс предлогов, но и другие классы служебных единиц. Механизмы грамматикализации — общие для единиц всех классов, пополняющихся за счет знаменательных слов, они действуют в разных языках (см., например, [\[10\], \[25\]](#)). Е. Н. Виноградова на основе анализа теоретических работ, посвященных вопросам грамматикализации, уточняет суть этих механизмов по отношению к предложным новообразованиям, выделяя следующие факторы, позволяющие судить о степени грамматикализации единиц в названной сфере: (1) семантические (десемантизация), (2) синтаксические (генерализация контекстов), (3) морфологические (декатегоризация, выпадение из морфологической парадигмы), (4)

фонетические (фонетическое упрощение) [\[3, с. 32-34\]](#).

Проверка каждой предложной единицы на наличие / отсутствие названных признаков позволяет сделать вывод о той ступени, на которой находится эта единиц с точки зрения уровня ее перехода в класс предлогов.

Результаты и обсуждение

Обратимся к объекту нашего исследования – словоформе *в счет*.

Лексикографические данные

Предложно-падежная словоформа *в счет* (чего) в толковых словарях представлена в словарной статье существительного *счет* [\[2\], \[12\], \[19\]](#), в аспектных словарях имеет самостоятельную словарную статью [\[11\], \[14\]](#).

Во всех указанных словарях словоформа *в счет* квалифицируется как *предлог с род. падежом* [\[11\], \[12\], \[14\], \[19\]](#) или в значении *предлога* [\[2\]](#).

Однако обращает на себя внимание различие в толкованиях данной единицы.

В толковых словарях: 1. Включая во что-л., относя к чему-л. *Премия в счет директорского фонда / Аванс в счет зарплаты*; 2. В покрытие, в возмещение чего-л. *Работать в счёт четвёртого квартала*. [\[2, с. 1297\]; \[19, с. 772\]](#).

В аспектных словарях: употребляется при указании «1.0. на финансовую операцию, бухгалтерскую статью и т.п., к которым относится приход или расход. 1.1. на временной отрезок, к которому относятся результаты какой-либо деятельности, приписывается что-либо» [\[11, с. 79\]](#); употребляется при указании «1. на источник расхода денежных средств или дохода; 2. на срок, временной отрезок, к которому отнесено действие» [\[14, с. 123\]](#).

Как видно из приведенных толкований, в аспектных словарях дается более конкретная формулировка значения предлога, учитывающая контекстное окружение, а более точно, левую и правую сочетаемость словоформы *в счет*.

В толковых словарях формулировки значения носят более отвлеченный характер, что в большей степени отвечает признанию того, что словоформа *в счет* является предлогом.

Необходимо отметить, что в более ранних толковых словарях, таких как словарь под редакцией Д. Н. Ушакова и Малый академический словарь, словоформа *в счет* не квалифицировалась как предлог, а давалась после «ромба» как устойчивое сочетание.

В словаре под ред. Д. Н. Ушакова (1940 г.) предлагается только одно значение: «**В счет** чего (выдать, получить и т. п.; канц.) — относя расход к какой-н. определенной статье. *Выдать, получить денег в счет гонорара, в счет зарплаты*» [\[20\]](#). В Малом академическом словаре (1961 г.) предлагается три значения: «**В счет** чего – 1) (бухг.) используя денежные средства из какого-л. источника, с какой-л. статьи расхода. *Премия в счет директорского фонда*; 2) по какому-л. плану, обязательствам. *Поставки в счет кредитных соглашений*; 3) по планам, обязательствам какого-л. времени. *Литейщик Афиногенов работал уже в счет будущего года*» [\[17\]](#)

Можно видеть, что толкование первого значения в аспектных словарях очень близки толкованиям, данным в словарях Д. Н. Ушакова и Малом академическом словаре.

Анализ словарных дефиниций позволяет предположить, что словоформа *в счет* функционирует в достаточно ограниченных типах контекстов. Возникает вопрос, какими признаками грамматикализации обладает данная словоформа, что позволяет квалифицировать ее как производных предлог.

Для того чтобы установить, какими из перечисленных выше признаков грамматикализации обладает словоформа *в счет*, необходимо проанализировать ее лексико-семантическую сочетаемость, определить типы контекстов, в которых она функционирует.

В состав предложной конструкции, кроме предлога, входят еще два компонента, один из которых, имя существительное в косвенном падеже, всегда занимает позицию справа от предлога. Поэтому при описании предложной конструкции по отношению к нему используют термин «правый компонент». Главное слово в предложной конструкции, с которым с помощью предлога оформляется связь припредложного существительного, при нейтральном порядке слов занимает позицию слева от предлога. Соответственно по отношению к нему используется термин «левый компонент».

При сборе материала в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) использовалась опция «лексико-грамматический поиск», были заданы параметры поиска: *в счет*, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 1 S & gen, на расстоянии от 1 до 2 от Слова 2. Собранный таким путем материал анализировался с точки зрения того, какая лексика занимает позиции правого и левого компонентов конструкции, формируемой словоформой «в счет», выполняющей предложные функции.

Типичная лексико-семантическая сочетаемость словоформы *в счет*

При классификации типичной лексики, вступающей во взаимодействие со словоформой *в счет*, был использован «Русский семантический словарь» под общей редакцией Н. Ю. Шведовой [15],[16], а также толковые словари русского языка [2],[19].

Правый компонент

Лексика, характерная для позиции правого компонента словоформы *в счет*, объединяется в несколько тематических групп.

Тематическая группа «финансы» включает:

1. Субстантивные словосочетания, называющие разного рода процессы, связанные с финансовой деятельностью государства и человека как субъекта этой деятельности. Главным компонентом в таких словосочетаниях являются отглагольные существительные:

возмещение (вреда/ущерба/убытка/затрат/расходов и т.д.), *компенсация* (затрат/расходов и т.д.), *оплата* (акций/векселей/поставок/услуг и т.д.), *погашение* (долга/задолженности/кредита/процентов/убытка и т.д.), *уплата* (долгов/налогов и под.), *выкуп* (квартиры/земли и т.д.), *исполнение* (договора/обязательств и т.д.), *выполнение* (обязательств /договора и под.), *обеспечение* (исков/кредитов и под.), *обслуживание* (долга).

Примеры:

*Производители, осуществляющие деятельность вдалеке от основных городов-потребителей, вынуждены будут повысить цены, как минимум на сумму платы **в счет возмещения вреда**, на свою продукцию для компенсации дополнительных затрат на*

транспортные услуги. (Парламентская газета, 2014.11.19). Эти деньги были перечислены нашей компании в счет **возмещения затрат** на компенсационные выплаты. (РБК Daily, 2006.10.23). Однако на момент подписания номера никаких денег в счет **выкупа** автомобилей внесено не было (Огонек, 2015). По его словам, с понедельника часть текущих платежей за потребляемое топливо будет засчитываться **в счет долга** авиаперевозчика (РБК Daily, 2008.08.15). Самое парадоксальное – получать государственные рубли **в счет обязательств** банка "СБС-Агро" обманутые вкладчики приходят в еще одну структуру г-на Смоленского (Аргументы и факты, 2001.10.31). <...> поставленные товары должны засчитываться **в счет исполнения договора**, указанного поставщиком при осуществлении поставки либо без промедления после поставки (Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая).

2. Отглагольное существительное *платеж*, в преобладающем большинстве случаев с адъективными распространителями (*будущий / ипотечный / налоговый / плановый*).

Примеры: < ... > комиссия за привлечение новых клиентов в данном случае не выплачивается деньгами, а засчитывается в счет **будущих арендных платежей** той самой компании, которая «привела друга» в «Авилон Плаза» (Известия, 2015.12.22). <...> возникшая переплата по НДС засчитывается **в счет будущих налоговых платежей** («Бизнес-журнал», 2004.03.03).

3. Существительные, называющие:

(а) разного рода финансовые выплаты или обязательства: *аванс, алименты, гонорар, жалованье, зарплата, пенсия, долг (госдолг), задолженность, кредит*;

(б) явления и состояния, связанные с необходимостью денежных выплат: *аренда, акции, репарации, убытки*, а также существительное *стоимость* (чего-либо) в значении «величина затрат на что-либо» [\[2, с.1297\]](#) и ряд других.

Можно видеть, что существительные, выделенные нами в группу (3), либо входят в состав словосочетаний (см. группу 1), либо сочетаются со словоформой *в счет* самостоятельно. В таком случае можно говорить об элиминации компонента словосочетания, называющего финансовый процесс и, следовательно, встраивание семантики элиминированных компонентов в семантику их предикатных актантов: *в счет аванса* = *в счет выплаты аванса*; *в счет аренды* = *в счет выплаты аренды (арендной платы)*, *в счет долга* = *в счет погашения долга* и т.д.

Примеры:

Приемка работ по контракту ведется ежемесячно как **всчета аванса**, так и к фактической оплате, уточнил он (NEW Sru.com, 23.08.2016). Сама генеральша Наседкина спустила по лесенке семь пудов своего веса, купила приживалке шляпу с анютиными глазками и приказала записать за ней, **в счет аренды** за помещение на будущий год (И. Евдокимов. 1925). Все устроилось: она задолжала за квартиру, но хозяйка -- добрая женщина -- охотно согласилась подождать, а потом, когда Елизавета Николаевна написала ее портрет, приняла его **в счет долга** (В. Каверин. Перед зеркалом).

Тематическая группа «отрезок времени» включает:

1. Номинации конкретного года, например: *в счет 1950 года*.

Такие сочетания отражают существовавшую в производственной сфере СССР ситуацию, связанную с плановым хозяйством и возможностью выполнить установленный план

производства чего-либо в более короткие сроки. Эта ситуация хорошо представлена в следующем примере: *Так родился почин: пятидневное задание — в четыре дня, пятилетнее — в четыре года. Вскоре в соревнование включился весь завод. Сейчас на заводе пятнадцать человек **работают в счет 1975 года, более 300 — в счет 1974 года**, а по области — около 10 тысяч рабочих* (Огонек, 1973).

2. Существительное *отпуск*, иногда с распространителями (*будущий / очередной / оплачиваемый*).

Введение

Примеры: *В этом случае можно написать заявление о предоставлении нужного числа рабочих дней в счет **будущего** отпуска* (Труд-7. 2008.09.02.). Отмечается, что нововведение коснется россиян в возрасте от 40 лет — они смогут ежегодно проходить диспансеризацию в счет **оплачиваемого** отпуска (Бизнес. 2019.05.16.)

Левый компонент

Лексика левого компонента предопределена лексико-семантическим типом правого компонента.

1. Если в позиции справа употреблена лексика тематической группы «Финансы», левым компонентом являются глаголы, относящиеся к лексико-семантическому классу «Глаголы приобретения» [\[18\]](#), а также отглагольные существительные – дериваты глаголов данного семантического класса.

Типичная глагольная лексика:

Глаголы получения [\[18, с. 568\]](#): *брать, выбирать /выбрать, взять / взимать, занимать / занять (заем), получать / получить, приобретать / приобрести*

Примеры:

*Самарская областная администрации **получила в счет долга** АО «Самаранефтегаз» перед областным бюджетом 1,5 млн акций предприятия («Дело» (Самара), 26.05.2002). Директор магазина даже созванивался с Парижем, спрашивал, может ли **взять в счет оплаты** чек банка «Лионский кредит».* (В. Михальский. Для радости нужны двое).

Глаголы передачи объекта [\[18, с. 587\]](#): *дать, передать (передача), продавать / продать, вручать/вручить, вносить / внести (взносы), выдавать / выдать (выдача); платить (платеж), выплачивать / выплатить (выплата), оплатить (оплата), уплатить; одалживать /одолжить; обеспечивать / обеспечить (обеспечение); зачесть, зачислить, засчитать /засчитывать(ся); отчислять /отчислить (отчисление) , перечислять / перечислить, поставлять / поставить (поставка), отпускать и ряд других.*

Примеры: *Администрация Самарской области предлагает заводу **передать в счет долга** местному бюджету автомобиля (Совершенно секретно. 06.02.2003.). Это свидетельствовало о том, что облигации всегда гасились (тиражировались) в сумме поступивших срочных **платежей в счет погашения** выданных обществом **кредитов** (Финансы и кредит. 21.04.2003.). Эту сумму < ... > должны **выплатить в счет компенсации затрат** на проведение фоноскопических экспертиз и стоимости билетов свидетелей, вызывавшихся в суд издалека (Газета, 05.01.2003.)*

Глаголы компенсированного приобретения [\[18, с. 567\]](#): *купить, закупать / закупить*

Пример: *В Нарасино иконописный материал на свой счет купили, в прочие места я **покупал** в счет пожертвований из России на нужды военнопленных (архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневник, 1905)*

Кроме того, типична сочетаемость с глаголами *тратить* (глаголы лишения

[\[18, с. 584\]](#)), *конфисковать* (глаголы отчуждения [\[18, с. 573\]](#)).

Примеры: *Опять стали искать капиталистов, а в ожидании их -- **тратить деньги в счет будущих доходов***. (К.С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве). *Фирма Noga подает иски по всему миру, включая США, пытаясь **конфисковать активы в счет долга*** (NEWSru.com, 2005.11.17).

2. В случае, если позицию правого компонента словоформы *в счет* занимает лексика тематической группы «отрезок времени», левым компонентом являются либо глаголы *работать, трудиться* (*работать в счет 1950 / следующего года*), либо глаголы *брать / взять, дать, засчитать* (*взять отгулы в счет отпуска; засчитать отработанное время в счет отпуска*).

Таким образом, словоформа *в счет* обладает типовой сочетаемостью, которая является ограниченной, узкоспециализированной.

Признаки грамматикализации словоформы в счет

Рассмотрим теперь признаки грамматикализации, на основании которых можно судить о переходе словоформы *в счет* в класс предлогов.

1. Выпадение из морфологической парадигмы (декатегоризация) Представленные выше данные, полученные в результате анализа контекстов и сочетаемости словоформы *в счет*, свидетельствуют об утрате словоформой парадигматических свойств существительного «счет» как части речи, ср.:

аванс в счет зарплаты, но: **счет зарплаты /счетом зарплаты; выплаты в счет возмещения ущерба*, но: **счет возмещения ущерба / счетом возмещения ущерба; отпустить товар в счет будущих поставок*, но: **счет /счетом будущих поставок; работать в счет будущего года*, но: **счет будущего года /счетом будущего года; взять отгул в счет отпуска*, но: *счет отпуска* и т.д.

Можно предположить, что именно этот признак позволил определить *в счет* как устойчивое сочетание, что отразилось в толковых словарях на его месте в словарной статье – за ромбом (в Малом академическом словаре и словаре под редакцией Д. Н. Ушакова).

2. Расширение контекста, изменение в сочетаемости справа

Этот признак проявляется у единицы *в счет* следующим образом:

2.1. Для контекстов со словоформой *в счет* характерна элиминация компонента, называющего процессы купли-продажи. Такое сокращение приводит к метонимическому переносу, например:

*Ужинали в кибуцной столовой, большой и роскошной, я **в счет своих картин взял** у И.А. ящик красок, которые производит их кибуц* (М. Я. Гробман. Дневник (1971)) — *в счет продажи / покупки картины – в счет картины*.

Когда Форд переходил на модель А и у него не было наличных денег, он обратился к каждому из этих диллеров с просьбой **дать ему в счет выпускаемых машин** по тысяче долларов (Б. А. Пильняк. О'кэй. Американский роман)— элиминация компонента «продажа» (в счет продажи выпускаемых машин).

Все это **забиралось** у князя **в счет будущих трудов** по будущему его журналу: Лидинька **брала в счет будущих своих переводов**, Анцыфров **в счет будущих корректур**, остальные **в счет будущих статей** и т. д. (В. В. Крестовский. Панургово стадо (Ч. 3-4)).

2.2. Типичны сочетания с существительными с временным значением, наиболее частотна лексема **будущий**. В таких контекстах исчезают или уходят на второй план связи словоформы **в счет** с семантическим полем «финансы». Например:

Костик мечтал о фотоаппарате, и бабушка Аня сделала ему подарок. Точнее, Костик этот подарок выпросил. **Всчетбудущегоднярождения**. До дня рождения было целых три месяца (М.С. Аромштам. Мохнатый ребенок (2010))

2.3. Типичны сочетания со словами *норма* и *квота*. В таких контекстах сохраняется общая идея количества, однако отсутствует семантическая составляющая «финансы».

Примеры: После утомительных переговоров на высшем уровне с ЕС, европейцы пошли на то, чтобы скопившиеся на таможене товары поставить **в счет квот на 2006 год** (РИА Новости, 2006.04.11).

Исполнительный комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся разрешил объявить продажу населению по ноябрьским продовольственным карточкам **всчетмесячныхнорм**: 3 ноября 1942 года Риса — в счет норм по крупе <...>. 4 ноября 1942 года Кондитерских изделий — **всчетнормпосахару** <...> (А. Болдырев. Осадная запись (блокадный дневник))

Такие контексты позволяют давать единице **в счет** широкое, отвлеченное толкование, не включающее сему «финансы», в толковых словарях Ожегова-Шведовой и «Большом толковом словаре» А. С. Кузнецова (см. значение 1 в [\[2\]](#), [\[12\]](#)).

2.4. Зафиксированы редкие употребления с отвлеченными существительными, не имеющими даже имплицитной связи с семантикой «деньги, финансы».

Примеры: Признаться, сегодняшний ужин в ДУ — **в счет надежд** на восстановление талонного баланса грядущей полувырезкой (А.Болдырев. Осадная запись (блокадный дневник)). Он приносил Лесе красную рыбу — рыбку из недорогих, но слабого посола, вкуснейшую и явно **в счет былых знакомств** (В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени)

3. Расширение левой и правой сочетаемости в одном контексте

Примеры: Так поступают с малыми детьми, **поощряя** их незначительные усилия **в счет будущих побед** (Новая газета, 23.01.2003). Кое-что **набросал в счет будущего романа** — общий сюжет, какие-то персонажи (Труд-7, 06.08.2005). Однако, следуя обыкновенью ненависти, Векшину хотелось еще и еще слушать голос предателя, вникать в интонации измены, прикидываться незнайкой, **тешиться в счет будущего разоблачения** (Л. М. Леонов. Вор. Часть 3 (1927-1959)). Я **жалел** Валеру не только ввиду того, что случилось, но и **в счет будущего** — в таможене составили акт о провозе порнографии, копии акта разошлют в Союз писателей, в ленинградское отделение КГБ, в

*Литературный институт, где Валера учился, и в парторганизацию, где он состоял — кандидатом, поступил в партию незадолго до поездки. (Владимир Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами). Пробовал **отоспаться в счет прошедшей ночи**, пока Шура отсутствовала — но днем не могу спать (В. Н. Гельфанд. Дневники 1944-1946 гг).*

По отношению к фактам подобного типа можно говорить именно о генерализации контекстов, поскольку и левый, и правый компоненты с лексико-семантической точки зрения не относятся к типовой сочетаемости словоформы *в счет*.

Расширение сочетаемости, генерализация контекстов приводит к семантическим изменениям в самой словоформе. В контекстах, подобных тем, что приведены в пункте 3, утрачивается связь с семантикой *счета*, с глаголом *считать*, дериватом которого является существительное *счет*. Именно такие контексты позволяют давать толкования, аналогичные толкованиям в «Большом толковом словаре» А. С. Кузнецова и в словаре Н. Ю. Шведовой: *В покрытие, в возмещение чего-л.* [\[2\]](#), [\[19\]](#).

Заключение

Анализ сочетаемости словоформы *в счет* показал, что типовым и преобладающим в количественном отношении контекстом словоформы является контекст, связанный с тематической группой «Финансы». Такой узкоспециализированный контекст свидетельствует о том, что словоформа *в счет* еще сохраняет семантическую связь с существительным *счет*. Однако для производных предлогов такая связь остается всегда, исключения очень редки (например, предлоги *в течение*, *в продолжение*, развившие временное значение). У словоформы *в счет* есть все признаки грамматикализации: декатегоризация, генерализация контекстов, десемантизация. Кроме того, важным признаком является наличие двух значений, из которых только первое непосредственно связано с производящим существительным «счет». Наличие перечисленных признаков позволяет относить словоформу *в счет* к классу производных предлогов.

Библиография

1. Агашина Е. Н. Условия функционирования оtyменного релятива «в зависимости от». Филологические науки // Вопросы теории и практики. 2015. № 4(46). С. 15-19.
2. Большой толковый словарь русского языка / Авт. и сост. С. А. Кузнецов. СПб: Норинт. 1998. 1536 с.
3. Виноградова Е. Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 32-34.
4. Всеволодова М. В. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 3. С. 103-136.
5. Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. М.: ЛИБРОКОМ, 2014. 304 с.
6. Вэй Хуэйминь. Отыменный релятив «по примеру»: конструкция и сочетаемость // Litera. 2021. № 6. С. 144-155.
7. Гавриленко В. В. Предложные новообразования сравнительной семантики, построенные по модели «в+N6»: условия грамматикализации: дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2020. 159 с.

8. Зарубина Е. С. Сочетаемость отглагольного релятива «исходя из»: левый и правый компоненты // Litera. 2023. № 5. С. 277-289.
9. Конюшкевич М. И. К вопросу о предлоге как единице языка // Вопросы функциональной грамматики. Гродно: ГрГУ, 2002. № 4. С. 25-32.
10. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. 478 с.
11. Объяснительный словарь русского языка / Под редакцией В. В. Морковкина. М.: Астрель, АСТ, 2003. 421 с.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М: АЗЪ. 1994. 928 с.
13. Поперина И. М. Типы отношений, выражаемых фразеологическими предлогами с родительным падежом имени: дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2003. 200 с.
14. Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову М.: Астрель: АСТ. 2003. 420 с.
15. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений Т.3. Имена существительные с абстрактным значением / Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2003. 629 с.
16. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений Т.4. Глагол / Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2007, 952 с.
17. Словарь русского языка в четырех томах. Т. IV. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. 1088 с.
18. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. Москва: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.
19. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слова / РАН. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. 963 с.
20. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т.4 / Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. – 1502 стб.
21. Черкасова Е. Т. Переход однозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967. 280 с.
22. Шереметьева Е. С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. 236 с.
23. Шереметьева З. В. Предложные конструкции со значением тождества в русском и французском языках: дисс. ... канд. филол. Владивосток, 2018. 169 с.
24. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. Челябинск: Челябинский гос. пед. ун-т, 2001. 454 с.
25. Traugott E.C. Grammaticalization, constructions and the incremental development of language: Suggestions from the development of Degree Modifiers in English // Variation, Selection, Development – Probing the Evolution Model of Language Change. Berlin: Mouton de Gruyter. 2008. P. 219-250.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Производный предлог «в счет»: специфика

функционирования», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей синтаксического строя русского языка, а именно восполнение лакуны - описание специфики функционирования произвольного предлога «в счет».

Отметим, что данная тема является недостаточно изученной, так как вопросы, связанные с процессом приобретения знаменательными словами функций предлогов, обсуждаются в русистике с середины XX века.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, а именно к методу обобщения и методу семантического анализа.

Практическим материалом явились словарные статьи в словарях: Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова, Малый академический словарь, а также Национальный корпус русского языка. Однако полной информации о корпусе в работе не приведено. К сожалению, автор не уточняет полный объем языкового корпуса и принципы его выборки. Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Вводная часть не содержит историографии изучаемого вопроса, что не позволяет в полной мере выявить авторский вклад в изучение научной проблемы. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 25 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и английском языках.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теоретической грамматике, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Производный предлог «в счет»: специфика функционирования» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Шеховцова Т.А. — Функции корейских пословиц в политическом дискурсе англоязычных СМИ Южной Кореи // Litera. – 2023. – № 12. – С. 124 - 143. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69172 EDN: SALJAP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69172

Функции корейских пословиц в политическом дискурсе англоязычных СМИ Южной Кореи

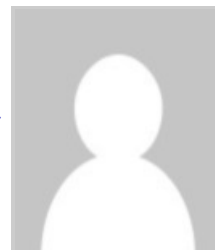
Шеховцова Татьяна Акимовна

ORCID: 0009-0008-7660-7462

старший преподаватель, кафедра межкультурных коммуникаций и переводоведения, Институт педагогики и лингвистики, Владивостокский государственный университет

600011, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Каплунова, 8, кв. 381

✉ ytakim@mail.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69172

EDN:

SALJAP

Дата направления статьи в редакцию:

30-11-2023

Дата публикации:

15-12-2023

Аннотация: Исследование посвящено изучению корейских пословиц, функционирующих в политическом дискурсе англоязычных СМИ Южной Кореи, определению их коммуникативно-прагматических функций. Целью исследования является выявление особенностей использования корейских паремиологических единиц в англоязычных политических медиатекстах. Объектом исследования являются корейские пословицы в англоязычном политическом дискурсе южнокорейских СМИ. Предметом исследования выступают коммуникативно-прагматические функции корейских пословиц в англоязычном политическом масс-медийном дискурсе как инструмент воздействия автора на широкую аудиторию. Для достижения данной цели были поставлены следующие исследовательские задачи: проанализировать базовые классификации функций паремиологических единиц; изучить особенности употребления корейских

паремий в политическом дискурсе; выявить функциональный потенциал корейских паремий в англоязычных статьях. Методологической основой исследования является междисциплинарное сочетание когнитивного, прагматического и дискурсивного подходов. Для решения поставленных задач в работе использовались следующие методы исследования: коммуникативно-прагматический анализ, основанный на интерпретации смысла и функций пословиц в рамках контекстной ситуации; сопоставительный анализ паремий в контексте межъязыковой коммуникации. Для определения роли паремиологических единиц в процессе коммуникации в текстах политической тематики применялись также элементы дискурсивного анализа. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые исследуются функции корейских пословиц в контексте англоязычных современных интернет-СМИ Южной Кореи, разработке методики анализа функционирования коммуникативно-прагматических функций корейских пословиц в политическом массмедийном дискурсе. Согласно полученным результатам, в зависимости от контекста корейские пословицы в англоязычных медиатекстах, выполняющие целый спектр общезыковых и общепаремических функций, редко используются в качестве исключительно директивного высказывания. Исходя из дискурсивной ситуации и персональной интенции автора в выделении определенного уровня содержания пословицы паремия может выполнять различные функции. Полифункциональность корейских пословиц позволяет автору воздействовать на читателя вне зависимости от принадлежности к культуре страны. Материалы исследования могут быть использованы для расширения и углубления содержания практических курсов для студентов филологических и лингвистических специальностей вузов, в прикладной образовательной деятельности.

Ключевые слова:

паремии, корейские пословицы, коммуникация, коммуникативная лингвистика, коммуникативно-прагматические функции, политический дискурс, дискурсивный анализ, англоязычные медиатексты, масс медиа, культурный код

Введение

Пословицы, являясь неотъемлемым атрибутом народного фольклора, отражают культурное своеобразие и неповторимость национального характера. Исследование пословиц и поговорок осуществлялось с различных позиций. Изучению пословиц посвятили свои исследования такие российские ученые, как: Г. Л. Пермяков [\[20\]](#), Н. М. Шанский [\[22\]](#), Ф. И. Буслаев [\[5\]](#), В. П. Аникин [\[3\]](#), Н. Ф. Алефиренко [\[2\]](#), В. А. Маслова [\[15\]](#), В. М. Мокиенко [\[17\]](#) и др. Среди зарубежных исследователей следует отметить В. Мидера [\[23\]](#), В. Караджича [\[8\]](#). Согласно Афанасьеву А. Н., «пословицы по самой форме своей не подвержены искажению и потому являются памятником издавна сложившихся воззрений. Пословицы являются главным источником мудрости предков, хранителями памяти и орудием передачи человеческого опыта» [\[4\]](#).

Несмотря на глубокий интерес ученых к изучению паремий с 70-х годов прошлого века, вопрос о языковом статусе пословиц до конца не решен. Данная проблема также распространяется и на корейские пословицы. В корейском языке нет четкого разграничения между типами изречений: пословицы, поговорки, присловия представляются общим термином «пословичные изречения» или «паремии». Для обозначения понятий пословиц, поговорок, афоризмов и присловий ранее существовала

сложная терминология. Существует десять терминов, соответствующих этим понятиям. Такие термины по их происхождению можно разделить на две категории: а) термины китайского происхождения – «соктам», «иэн», «кийэгэн», «кийэктэм», «кйэньгу», «кымэн», «соксэль»; б) собственно корейские названия – «йэммаль», «саньмаль». В работе известного фольклориста Ко Джонока «Исследование корейских пословиц и поговорок» используются в основном три термина китайского происхождения – «соктам», «иэн», «кийэгэн». Из перечисленных терминов Ко Джонок выделяет «соктам», в русском эквиваленте соответствующий понятию «простонародное выражение» [14]. В данном исследовании корейские пословицы и поговорки будут обозначаться терминами: паремии, пословичные изречения.

Посредством паремий реконструируются основные стереотипы национального сознания. Паремии позволяют глубже изучить особенности быта, традиции, различия во взаимоотношениях людей той или иной культуры. Пословицы и поговорки, как средство хранения и передачи культурного кода, представляют особый интерес для современной науки. Развитие коммуникативной лингвистики позволяет исследовать пословицы в качестве паремиологических единиц языка с широким набором функций. Особый интерес вызывают исследования коммуникативно-прагматических функций паремий. В современном медийном пространстве пословицы, «функционально переориентируясь», обретают новые коммуникативные потенции [12].

Языковой материал в политическом дискурсе представлен материалами СМИ, выступлениями политиков, лозунгами, агитационными материалами и т.д. О. В. Николаева и О. В. Гавриленко впервые рассмотрели проблему употребления китайских пословиц в российском дискурсе на материале газетных статей в рамках лингво-когнитивного и лингво-прагматического подходов [6, с. 1-11]. Изучение коммуникативно-прагматических функций корейских пословиц в материалах англоязычных СМИ Южной Кореи на политическую тематику также требует особого внимания.

Актуальность обусловлена становлением когнитивно-дискурсивной паремиологии; активным использованием пословиц в коммуникации, растущим интересом лингвистов к коммуникативно-прагматическому потенциалу паремий. Изучение функционального назначения анализируемых пословиц определяется значимостью раскрытия культурного кода корейских народных пословиц для многонациональной аудитории посредством английского языка.

В данной работе сопоставительное исследование не ограничивается парадигматическим анализом корейских паремий. Функциональная парадигма расширяет возможности изучения дискурсивного использования корейских пословиц в англоязычных СМИ.

Для достижения данной цели были поставлены следующие исследовательские **задачи**: проанализировать базовые классификации функций паремиологических единиц; изучить особенности употребления корейских паремий в политическом дискурсе; выявить функциональный потенциал корейских паремий в англоязычных статьях;

Методологической основой исследования является междисциплинарное сочетание когнитивного, прагматического и дискурсивного подходов.

Для решения поставленных задач в работе использовались следующие **методы исследования**: коммуникативно-прагматический анализ, основанный на интерпретации смысла и функций пословиц в рамках контекстной ситуации; сопоставительный анализ паремий в контексте межъязыковой коммуникации. Для определения роли

паремиологических единиц в процессе коммуникации в текстах политической тематики применялись также элементы дискурсивного анализа.

Теоретическую базу исследования составили работы таких известных отечественных и зарубежных ученых, как: А. В. Кунин [\[11\]](#), Г. Л. Пермяков [\[20\]](#), Лим Су [\[13\]](#), исследующие пословицы как объект фольклористики и языкознания; Н. Ф. Алифиренко [\[2\]](#), О. Б. Абакумова [\[1\]](#), О. В. Николаева [\[18\]](#), Е. С. Кубрякова [\[10\]](#), опирающиеся на современную когнитивно-дискурсивную парадигму лингвистики в целом и фразеологию в частности.

Материалом исследования послужили англоязычные медиатексты корейского политического дискурса, в которых употребляются корейские пословицы. Количество проанализированных медиатекстов на политическую тематику составляет 120 с 94% неповторяющихся пословиц (109 пословиц). Источниками материала являются онлайн-версии южнокорейских газет Korea Economic Daily, Korea JoongAng Daily, The Korea Herald, The Korea Times и порталы ведущих информационных агентств Южной Кореи с хронологическими рамками выборки по ключевым словам «Korean proverb», «Korean saying» с 2006 по 2023 г. Кроме того, в работе были использованы следующие сборники корейских пословиц на русском и английском языках: Лим Су «Золотые слова корейского народа» [\[13\]](#), Лим Су «Корейские народные изречения» [\[14\]](#), Пермяков Г.Л. «Избранные пословицы и поговорки народов Востока» [\[19\]](#), онлайн-сборник «100 Korean Proverbs with Meanings for TOPIK» [\[25\]](#) и другие интернет-источники.

Объектом нашего исследования являются корейские пословицы в англоязычном политическом дискурсе южнокорейских СМИ.

Предметом исследования выступают коммуникативно-прагматические функции корейских пословиц в англоязычном политическом масс-медийном дискурсе как инструмент воздействия автора на широкую аудиторию.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов в лекционных курсах по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, для расширения и углубления содержания практических курсов для студентов филологических и лингвистических специальностей вузов, в прикладной образовательной деятельности.

Обсуждение и результаты

Современная журналистика с ее новыми характеристиками: интерактивностью, мультимедийностью, гипертекстуальностью приобрела новые возможности воздействия на читателя: предоставление большего объема информации, удержание интереса, взаимодействие. Большая часть печатных газетных издательств предлагают свои сайты с возможностью изучения материала на разных языках, особенно на английском. Так, в Южной Корее основные национальные газеты размещают свои статьи на своих англоязычных сайтах. Тематика публикаций разнообразна, но большая часть посвящена политическим проблемам: внутренним вопросам государства, а также внешнеполитическим интересам и конфликтам. Пословичные выражения представлены во всех жанрах прессы: информационном, аналитическом, художественно-публицистическом. В современном политическом дискурсе авторы широко используют паремиологические единицы как средство воздействия на массовое сознание людей. Сфера функционирования паремий в политическом тексте довольно обширная.

Тенденции современной научной парадигмы нацелены на исследование коммуникативных функций языка. Коммуникативно-прагматический анализ позволяет исследовать текст не только на предмет использования лингвистических методов, но и коммуникативных особенностей текста в определенной коммуникативной ситуации с конкретными прагматическими установками авторов речевого произведения. «Человек использует язык в качестве орудия общения, в языковых единицах отражается сам человек» [21, с. 4]. Паремии в дискурсе репрезентируют отношение, оценку говорящего. В определенной коммуникативной ситуации паремия несет когнитивную и прагматическую нагрузку. Использованием пословиц в процессе коммуникации достигаются разные прагматические цели: привлечение внимания, объяснение изложенного, опровержение, доказывание, убеждение, оправдание и т.д. [7, с. 235]

Пословицы вне конкретной ситуации использования допускают множество интерпретаций. Согласно Абакумовой О. Б., пословица имеет три уровня содержания (смысла): буквальный, переносный, прагматический [11]. В зависимости от дискурсивной ситуации и персональной интенции автора в выделении определенного уровня содержания пословицы паремия может выполнять различные функции.

В настоящее время не существует единой классификации функций паремиологических единиц. Проблема классификаций паремий до сих пор актуальна. Основываясь на классификации функций паремий Пермякова Г. Л. [20, с. 87-94], функции пословиц можно разделить на первичные (общезыковые) и вторичные (общепаремические). Первичными языковыми функциями пословиц являются коммуникативная и номинативная функции. К общепаремическим функциям относят директивную (предписывающую/ регулятивную/ поучительную), моделирующую, кумулятивную (обобщение жизненного опыта народа), оценочную, прогностическую функции.

В данном исследовании мы опираемся на классификацию функций паремий А. В. Кунина, относящего пословицы и поговорки к коммуникативным фразеологическим единицам. А. В. Кунин выделяет «константные» (коммуникативная, номинативная, познавательная) и «вариативные» (семантическая, прагматическая) функции фразеологических единиц в английском языке [11, с. 111]. В семантическую входят волюнтаривная, дейктическая и результативная. Разновидностями прагматической функции являются стилистическая, кумулятивная, директивная, оценочная, контактоустанавливающая (создание непринужденного общения между автором и читателем), резюмирующая и функция подтверждения мысли [11, с. 111-119].

Среди частых прагматических функций Моисеева И. Ю., Чудина Е. В. выделяют следующие: 1) функция привлечения внимания адресата; 2) функция акцентуации (выделения) коммуникативно значимых элементов; 3) функция компрессии информации [16].

Обобщая классификации Г.Л. Пермякова, А. В. Кунина, О. Б. Абакумовой, а также систематизацию функций И.Ю. Моисеевой и Е.В. Чудиной, мы выделяем в англоязычном масс-медийном пространстве Южной Кореи следующие основные прагматические функции корейских пословиц: *контактоустанавливающая; функция привлечения внимания; кумулятивная; эмоционально-экспрессивная функция; резюмирующая; оценочная; предостерегающая; директивная.*

Анализируемый в данной статье политический дискурс предназначен для массового реципиента. Пословицы, как прецедентные высказывания, апеллируют к этическим,

моральным аспектам реальности. Исследование коммуникативно-прагматических функций паремий позволяет определить намерения автора. Отдельная пословица в политическом тексте может выполнять несколько функций. С развитием коммуникативной лингвистики пословицы рассматриваются в качестве полифункциональных фразеологических единиц языка.

Корейские пословицы используются в англоязычных медиатекстах на политическую тематику для описания внутренних и внешних проблем государства и народа. Необходимо отметить, что количество медиатекстов с корейскими пословицами для оценки внутренних политических проблем гораздо выше (80 %- 67 статей).

В целом, статистический анализ отобранных 120 фрагментов политического медийного дискурса показал следующее распределение по коммуникативно-прагматическим функциям упомянутой выше классификации:

- директивная функция - 3 медиатекста (2 %);
- предостерегающая – 5 медиатекстов (4 %);
- эмоционально - экспрессивная функция - 7 медиатекстов (6 %);
- оценочная -8 медиатекстов (7 %);
- резюмирующая - 8 медиатекстов (7 %);
- несколько функций - 89 медиатекстов (74 %).

Необходимо отметить, что в данном исследовании отсутствуют примеры с исключительно контактоустанавливающей, кумулятивной функциями и функцией привлечения внимания. Данные прагматические функции присущи практически всем корейским пословицам в медиатекстах.

Рассмотрим примеры англоязычных медиатекстов с корейскими паремиями, нацеленными на выполнение коммуникативно-прагматических функций. Для начала разберем по уровням содержания корейскую пословицу *"Don't tie a shoelace in a melon field!"*

1.буквальный, прямой перевод: «Не завязывай шнурок на дынном поле»;

2.переносный смысл: «Если не хочешь выглядеть подозрительно, не делай ничего компрометирующего тебя»;

Для понимания прагматического смысла данной пословицы необходимо рассмотреть ее в контексте: Suspensions have arisen over why Yang Jeong-cheol — the head of a think tank of the ruling Democratic Party and an aide for President Moon Jae-in's presidential campaign — met with National Intelligence Service Chief Suh Hoon last week at a restaurant in Seoul. A Korean proverb says, *"Don't tie a shoelace in a melon field!"* if you don't want to trigger unnecessary suspicions [\[26\]](#). / Возникли подозрения по поводу встречи Ян Чон Чхоля, главы аналитического центра правящей Демократической партии и помощника президентской кампании Мун Чжэ Ина, с главой Национальной разведывательной службы Су Хуном в одном из сеульских ресторанов на прошлой неделе. Корейская пословица гласит: «Не завязывай шнурки на бахчевом поле!», если не хочешь вызвать ненужные подозрения. (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Т. Ш.).

3.прагматический (функциональный) смысл:

В данном контексте автор указывает на ситуацию, в которой частная встреча в ресторане трех заинтересованных в выборах представителей власти: главы аналитического центра Правящей демократической партии, советника по Президентской кампании и главы Службы национальной разведки вызывает определенные подозрения. Функциональный смысл данной пословицы позволяет автору выразить свою оценку.

Примером директивной функции является использование корейской пословицы "Specks of dust can form a large mountain" в статье «Молодые корейцы отказываются от образа жизни «Живем Только Раз», чтобы сэкономить свои гроши» издательства Korea JoongAng Daily.

«One Korean proverb says, *"specks of dust can form a large mountain"*. It is supposed to encourage people to save their pennies. However, in today's age of ultra-low interest rates and skyrocketing housing prices, many young Koreans scoff that specks of dust simply remain specks» [\[27\]](#). / «Одна корейская пословица гласит: ««Из пылинок может получиться огромная гора» (1-прямой перевод). Предполагается, что это побудит людей экономить свои деньги (2-переносный смысл). Однако в сегодняшнюю эпоху сверхнизких процентных ставок и стремительного роста цен на жилье многие молодые корейцы смеются над тем, что пылинки просто остаются пылинками» (Молодые корейцы отказываются от образа жизни YOLO (You Only Live Once) (Живем только один раз), чтобы сэкономить свои гроши. Автор рекомендует следовать совету старой корейской пословицы (3-прагматический смысл). В статье утверждается, что современной корейской молодежи необходимо пересмотреть свои расходы и брать пример с тех немногих молодых людей, которые нашли способы оптимально сочетать экономию и достойный образ жизни.

Следующий фрагмент служит примером предостерегающей функции корейских паремий в политическом медиадискурсе.

В статье «Ким Ё Чжон предупреждает США о разочаровании» приводится цитата Ким Ё Чжон о заблуждениях США по поводу диалогов с КНДР.

In her statement Tuesday, Kim Yo-Jong referred to Sullivan's remarks and referred to a Korean proverb, *"In a dream, what counts most is to read it, not to have it,"* seeming to suggest greater analysis is needed on the Americans' part [\[28\]](#). / В своем заявлении во вторник Ким Ё Чжон ссылаясь на замечания Салливана, процитировала корейскую пословицу: «Во сне главное не видеть сон, а правильно его толковать», что, по-видимому, предполагает, что США неправильно интерпретируют действия и заявления КНДР.

Северокорейский политический деятель цитирует корейскую народную пословицу «"In a dream, what counts most is to read it, not to have it" : «Во сне главное не видеть сон, а правильно толковать его» , переносный смысл которой заключается в предостережении США от неверной трактовки ситуации, в результате которой, ошибочные ожидания станут причиной глубокого разочарования. Прагматическая функция данной пословицы в рассмотренном фрагменте – предупреждение.

Интерпретация пословицы обусловлена культурным кодом. К этническим пословицам нередко обращаются иноязычные авторы. В большинстве случаев применение народных пословиц служит попыткой сделать свою аргументацию истинной для адресата. Понятный смысл изречения, выраженный при помощи знакомых образов, позволяет авторам подчеркнуть правоту своей точки зрения. Н. Норрик отмечает, «призывая на помощь

традицию и сообщество в целом, говорящий не только исчезает как индивидуальный директивный агент, но также навязывает слушающему социальные санкции, заставляя реагировать определенным образом» (Norrick, 1994).

В статье The Korea Herald «Критики обрушиваются на Юна за "плохо спланированную" встречу с Кисидой» приводится цитата Президента Южной Кореи об итогах встречи с премьер-министром Японии Фумио Кисидой. « "South Korea-Japan relations aren't resolved with a spoonful of rice," Yoon said, using a proverb to describe the complicated nature of bilateral relations» [29]. / Отношения между Южной Кореей и Японией не решаются одной ложкой риса", - сказал Юн, используя пословицу для описания сложного характера двусторонних отношений. Южнокорейский Президент цитировал корейскую пословицу для описания трудностей, возникающих в непростых дипломатических отношениях между двумя странами. В данном случае, мы можем рассматривать резюмирующую функцию корейской пословицы «Ложкой риса не насытишься»/«Нельзя решить проблему ложкой риса».

Одна из самых распространенных прагматических функций, которые выполняют пословицы, является эмоционально-экспрессивная. Авторы статей и очерков в Южной Корее часто используют этнические паремии для эмоциональной окраски описываемого события или ситуации. Например, в статье издательства THE DONG-A ILBO в колонке Психотерапия автор ярко выражает свою точку зрения по поводу нелогичности приговора Верховного суда в отношении признанного виновным фермера, включающего обязательный психотерапевтический курс. Автор цитирует корейскую пословицу "As a Korean saying goes, *men and melons are hard to know*. This implies the concept of fundamental ego. In short, fundamental ego doesn't mean an ego that appears in response to external conditions, like a customized product» [30]. / Как гласит корейская поговорка: «Мужчин и дыни трудно различить». Это подразумевает концепцию фундаментального эго. Иными словами, фундаментальное эго не означает эго, возникающее в ответ на внешние условия как индивидуальный продукт». «Мужчин и дыни трудно различить» - утверждает автор, говоря о многогранности ЭГО человека.

В статье «Океанский военно-морской флот» издательства The Korea herald автор цитирует народную корейскую пословицу «If a crow-tit walks like a stork, he only breaks his legs» - "Если синица пойдёт дорогой аиста, то сломает ноги" [31]. В зависимости от контекста данная пословица может иметь различные интерпретации. Носители корейского языка называют «синицами» как людей, не обладающих особыми талантами, безуспешно стремящихся к недостижимым для них высотам, так и усердных тружеников, не имеющих возможности достичь быстрого результата, как другие, располагающие большими возможностями или связями. Прагматический смысл данной пословицы заключается в том, чтобы не делать того, что тебе, действительно, не под силу. Автор статьи упоминает, что данная паремия, часто употребляемая для описания чрезмерных амбиций в планировании будущих действий, в медийном пространстве Южной Кореи неоднократно применялась в отношении строительства военно-морской базы на южном побережье острова Чеджу для защиты от возможных провокаций со стороны Северной Кореи. Военно-морской флот Южной Кореи в данном случае сравнивается с Седьмым американским флотом. В заключение статьи автор посредством данной аллегории, но уже по отношению к целому государству, выражает свое личное мнение к сложившейся ситуации: «The Republic of Korea may no longer be a crow-tit, but we should first look at ourselves and the moves of our neighbors before deciding to walk like a stork» / «Республика Корея, возможно, больше уже не синица, но мы должны сначала посмотреть на себя и на действия наших соседей, прежде чем принимать

решение ходить как аист». Таким образом, автор предостерегает читателя от излишнего скептицизма относительно своего военно-морского флота, тем не менее возвращаясь к необходимости поиска рационального решения вопросов в области экономики и безопасности страны. Данная статья служит ярким примером использования пословицы для дополнительной апелляции к эмоциям читателя, более эффективной аргументации своей позиции и рекомендации назидательного характера посредством конструирования одинаковых аллегорических образов для разных реалий. Пословица в анализируемом контексте выполняет несколько функций.

В статье *Thought Development More Important Than Learning English* издательства The Korea times автор, преподаватель английского языка из США, рассуждает о различиях в менталитете представителей западных и восточных культур. Приводя в качестве цитаты корейскую пословицу «*Empty vessels make a lot of noise*» [\[32\]](#). / Пустая повозка создает много шума), автор пытается объяснить общие тенденции в поведенческих стереотипах жителей Южной Кореи, заключающиеся в нежелании задавать много вопросов, перепроверять информацию, даже в рамках безопасности или профессиональной необходимости. Автор отмечает схожесть данной поговорки с английскими пословицами «*Curiosity killed the cat*» (Любопытство убило кошку (русский аналог: «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали»)) и «*Too much knowledge is a dangerous thing*» (Чрезмерное знание опасно (русский аналог: «Много будешь знать – скоро состаришься»). Тем не менее, несмотря на универсальность культурного кода в данном случае, значение народной мудрости национально детерминировано [\[9\]](#). По мнению автора, корейцы излишне следуют постулату «Не задавай много вопросов». В качестве примера, автор связывает проблемы администрации Ли Мен-Бака (Президент Республики Корея с 25 февраля 2008 года по 25 февраля 2013) в решении экономических вопросов с нежеланием или неспособностью заниматься поиском, исследованием истинных причин сложившихся трудностей. Таким образом, автор, используя корейскую пословицу, пытается разъяснить причину недостатка коммуникации в стране на разных уровнях, побудить жителей страны пересмотреть свое отношение к изучению иностранного языка, решению внутренних и внешних политических проблем. Автор использует корейскую пословицу для нескольких целей: обобщения полученного ранее опыта, подведения итогов, привлечения внимания, оценки ситуации и предостережения от возможных негативных последствий.

В связи с тем, что пословица не требует дополнительной аргументации, в большинстве случаев автор использует поговорки для компрессии информации и создания знакомого яркого образа.

Контекстуальные примеры применения корейских пословиц в статьях на политическую тематику в Таблице 1 являются примером полифункциональности корейских пословиц в политическом дискурсе англоязычных СМИ Южной Кореи.

Таблица 1. Примеры функций корейских пословиц в политическом дискурсе англоязычных СМИ Южной Кореи

№	Корейская пословица на английском языке	Буквальный перевод	Русский вариант	Значение	Контекст	Комму прагм функц
1	«Hunger is	«Голод	«Голод илет	Если не	Honorary	конта

	bearable, but not a stomachache»	терпим, но не боль в желудке».	к калачу, а терпенье и боль к врачу»	решать проблемы вовремя, они приведут к более тяжелым последствиям.	President of the American Chamber of Commerce in Korea Jeffrey Johns said in a meeting with officers at Cheong Wa Dae, "For Korea to become rich, Korean attitudes, as seen in the saying, 'Hunger is bearable, but not a stomachache,' should be changed. It is considered to be an accurate diagnosis and treatment for Korea's current situation that anti-rich sentiment and downward equalitarianism have held the ankle of the Korean economy. Jealousy, though, is not something that can be easily ridden if desired." [33]/ Почетный президент Американской торговой палаты в Корее Джеффри Джонс на встрече с сотрудниками Чхон Ва Дэ заявил: "Для того чтобы Корея стала богатой,	функции привлечения внимания кумулятивных эмоций экспрессивных функций резюмирования оценочных предопределений директивных

					необходимо изменить отношение к ней, как в поговорке "Голод терпим, но не боль в животе". Считается, что точный диагноз и выход из нынешней ситуации в Корею заключаются в том, что «анти-богатые настроения» и нисходящий эгалитаризм держат за лодыжку корейскую экономику. Однако зависть - это не то, что при желании можно легко обуздать".	
22	«Eat before touring even Mount Kumgang (in North Korea)»	«И на Кымгансан любят после того, как поедят»; «И Алмазные горы хороши на сытый желудок»	«Война войной, а обед по расписанию»	Какие бы не были важные дела, нужно сначала поесть, а потом делать все остальное. Как бы ни было интересно занятие, его можно оценить только на сытый желудок	The North is spending astronomical amounts of money to develop nuclear weapons and conduct missile tests, with slogans such as, "Politics of a strong military" and "A strong powerful nation." A Korean proverb says, "Eat before touring even Mount Kumgang (in North Korea)." It is impossible to	контакт функции привлечения кумулятив резюме дирек

					understand the North's call for a strong powerful country when its people are starving to death. [34] / Север тратит астрономические суммы на разработку ядерного оружия и проведение ракетных испытаний, используя лозунги "Политика сильных вооруженных сил" и "Сильная мощная нация". Корейская пословица гласит: «И на Кымгансан любуются после того, как поедят». Невозможно понять призыв Севера к созданию сильной могущественной страны, когда его народ умирает от голода.	
33	«The thief turns on the master with a club »	«Вор нападает на хозяина с палкой»; «Вор первый выскакивает с палкой»	«Вор громче всех кричит: "Держи вора!"»	Винный сам участвует в критике, чтобы отвлечь от себя внимание.	They all make out that things are wrong only because the president's term in office hasn't been changed, journalists are acting	конта функц привл внима кумуля резюме оцен

					unethically, the political landscape hasn't been restructured, and the administration isn't socialist enough. It's like an old proverb that goes, "<i>The thief turns on the master with a club.</i>"^[35] / Все они делают выводы, что все не так только потому, что не изменен срок полномочий президента, журналисты ведут себя неэтично, политический ландшафт не перестроен, а администрация недостаточно социалистична. Это как в старой пословице: «Вор первый нападает на хозяина с палкой».	
44	«The pine caterpillar should eat only pine needles to survive»	«Сосновая гусеница должна есть иголки, чтобы выжить»	«Не откусывай больше того, что ты можешь проглотить».	Необходимо трезво оценивать свои возможности, не брать на себя больше, чем можешь позволить.	Translated literally, an old Korean saying reads, "<i>The pine caterpillar should eat only pine needles to survive</i>". Roughly, this means, "Don't bite off more than you can chew." This proverb always reminds me of a former physician,	конта функ привл внима кумуля эмоци экспр функ резюме оцен

					professor, businessman and now politician, with the sentiment of pity [36]. / В буквальном переводе старая корейская поговорка гласит: «Чтобы выжить, сосновая гусеница должна питаться только сосновыми иголками». Грубо говоря, это означает: «Не откусывай больше, чем можешь прожевать». Эта пословица всегда заставляет меня с сожалением вспомнить бывшего врача, профессора, бизнесмена, а теперь политика.	
55	«When arranging a marriage with a third daughter, there is no need to look at her face»	«Устраивая замужество третьей дочери нет нужды смотреть на ее лицо» «Третья дочь всегда самая красивая».	Нет эквивалента В русском народном фольклоре третий сын, обычно, самый удачливый.	Порядок рождения имеет значение.	A Korean proverb says that when arranging a marriage with a third daughter, "there is no need to look at her face as she is supposed to be beautiful". In Korean culture, there is something special about the third daughter. That also seems to be the case for males here	конта функц привл внима кумуля эмоци экспр функц резюме оцен

					because some prominent leaders or their heirs on both sides of the 38th parallel are third sons, who defeated their elder brothers in power struggles [37]. / Корейская пословица гласит, что, устраивая брак с третьей дочерью, «нет необходимости смотреть ей в лицо, так как она скорее всего будет красивой». В корейской культуре есть что-то особенное в третьей дочери. Похоже, то же самое относится и к мужчинам, поскольку некоторые выдающиеся лидеры или их наследники по обе стороны 38-й параллели являются третьими сыновьями, победившими своих старших братьев в борьбе за власть.	
66	«The old friend is a good friend»	«Старый друг - хороший друг»	«Старый друг лучше новых двух»	Дружба проверяется со временем.	We are grateful to call the Republic of Korea one of our	конта функ привл

					closest allies, friends, and steadfast partners — or as the Korean proverb goes, mak-yeok-ji-woo, meaning "the good old friend"— in the past, present, and future [38]. / Мы благодарны Республике Корея за то, что она является одним из наших ближайших союзников, друзей и надежных партнеров - или, как гласит корейская пословица, мак-ёк-джи-у, что означает "старый добрый друг" - в прошлом, настоящем и будущем.	внима кумуля эмоци экспр функци резюме оцен
77	"Compliments can make even a whale dance"	«Похвала заставит и кита танцевать»	«Доброе слово и кошке приятно».	Никто не откажется от похвалы или доброго слова.	"Compliments can make even a whale dance," says a Korean proverb. The magic can work not just on people, but on corporations. The Yoon Suk-yeol government has made them dance in big steps [39]. / «Комплименты заставляют плясать даже кита», — гласит	контакт функци привл внима кумуля эмоци экспр функци резюме оцен

					корейская пословица. Магия может действовать не только на людей, но и на корпорации. Правительство Юн Сок Ёля заставило их танцевать широким шагом.

Итак, мы определили, что корейские пословицы в англоязычных медиатекстах, используемые авторами для достижения различных коммуникативных целей, представляют собой примеры полифункциональных паремиологических единиц, не только расшифровывающие культурный код национального менталитета, но и обеспечивающие широкий спектр форматов и подходов для взаимодействия автора с аудиторией.

Заключение

Процесс порождения и понимания текста предполагает анализ речевых действий не только с учетом психологических и социолингвистических аспектов говорящего, но и особенностей дискурса и функционального потенциала лингвистических средств. Пословицы отражают культурные и ценностные модели, востребованные в языковом обществе. Пословицы позволяют в упрощенной форме объяснить политические реалии, возможно, излишне сложные для читателя.

В зависимости от контекста помимо общеязыковых корейские пословицы в англоязычных медиатекстах выполняют целый спектр общепаремических функций, в частности, разновидности коммуникативно-прагматических функций: оценочную, эмоционально-экспрессивную и компрессионную. Корейские пословицы в англоязычных южнокорейских СМИ полифункциональны, что позволяет автору достигать нескольких целей, воздействуя не только на носителей корейских традиций и культуры, но и на иноязычную аудиторию.

В целом, по результатам данного исследования можно сделать вывод, что в политическом дискурсе англоязычных медиатекстов Южной Кореи преобладают статьи, в которых корейские пословицы выполняют несколько функций. Полифункциональность корейских паремий отмечена в 89 случаях, что составляет 74% от общего числа рассмотренных фрагментов. Наименьшее количество – 3 медиатекста (около 3%) относится к примерам, в которых авторы используют корейские паремии исключительно для осуществления директивной функции.

Творческое и уместное использование этнических корейских пословиц и поговорок в англоязычном политическом медиадискурсе не только придает речи автора особую выразительность, но и позволяет эффективно воздействовать на читателя вне зависимости от принадлежности к культуре страны.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в сопоставительном рассмотрении корейских пословиц на основе медиатекстов других языков.

Библиография

1. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии / сост., вступ. ст. Г. Л. Капчица. – М. : Наука, 1988. – 235 с.
2. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учеб.пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». – изд. 4-е., изд., испр.и доп. СПб.: Специальная Литература, 1996. – 192 с.
3. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства/ Ф.И. Буслаев В 2 т. СПб., 1998. С. 101-125.
4. Аникин В.П. К мудрости ступенька: О русских песнях, сказках, пословицах, загадках, народном языке: Очерки, 1988. – 176 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое знание и концепт // Когнитивная семантика: Материалы Второй Международ. шк. – семинара по когнитивной лингвистике 11–14 сент. 2000 / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; редкол.: Е.С. Кубрякова и др.: В 2 ч. Ч 2. Тамбов: Изд – во Тамб. ун.-та, 2000. 261 с.
6. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
7. Мокиенко В.М. Образы русской речи. – Л., 1986. – 280 с.
8. Mieder W. Sprichwörtliche Schlagzeilen in der Wochenzeitung// Muttersprache, 1977. – Jg.88. – H.2. – S. 93 – 105.
9. Караджич В. Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича / Сост., предисл. и примеч. Ю. И. Смирнова. М., 1987.
10. Афанасьев А.Н. Происхождение мифа// М.: Высшая школа, 1996. – 150 с.
11. Лим Су, Пермяков Г.Л. Корейские народные изречения. На корейском и русском языках. // М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1982. – 359 с. – (Пословицы и поговорки народов Востока).
12. Лазарева Е. И. Коммуникативно-прагматические функции пословиц в социально-критическом дискурсе (на материале немецкоязычных СМИ) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. №8.
13. Гавриленко О.В., Николаева О.В. Интеграция китайских паремий в Российское коммуникативное пространство [текст] / О.В. Гавриленко, О.В. Николаева // Вестник МГОУ. – 2013. – №2. С. 1-11. URL: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2013-2-753> (дата обращения: 6.06.2023).
14. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М.: «Высшая школа». Дубна: издательский центр «Феникс», 1996. – 381 с.
15. Лим Су. Золотые слова корейского народа. [Перевод] / Лим Су. – Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2003. – 357 с. – ISBN 5-288-03241-6 (в пер.)
16. Абакумова О.Б. [Abakumova O.B.] Пословицы в языке, сознании и коммуникации// СПб: Алеф-пресс, 2012.
17. Николаева О.В. Интеркогнитивные взаимодействия в межкультурной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11. Ч. 2. С. 132–136.
18. Кубрякова Е.С. Слово в дискурсе (новые подходы к его анализу) // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования / под ред. Л.А. Манерко. Рязань, 2002. С. 7–11.
19. Пермяков Г.Л., Избранные пословицы и поговорки народов Востока// АН СССР. – Москва: Наука, 1968. – 376 с.
20. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. // М.: Русский язык, 2002. – 216 с.

21. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 268 с.
22. Моисеева, И. Ю., Чудина, Е. В. Прагматические функции пословиц и поговорок// ОГУ, 2004. URL: <http://elib.osu.ru/handle/123456789/11078>
23. Norrick N.R. Proverbial Perlocutions. Ho to do things with proverbs // Wise Words. Essays on the proverb / ed. By W.Mieder. N.Y. 1994. P. 211-252.
24. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. // М.: «Гнозис», 2002. – 284 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Функции корейских пословиц в политическом дискурсе англоязычных СМИ Южной Кореи», предлагаемой в публикации в научном журнале "Litera", несомненно, рассматривается актуальная проблема теории и практики коммуникации, а также теории политического дискурса.

Автор обращается к изучению пословиц, которые являются неотъемлемым атрибутом народного фольклора, отражают культурное своеобразие и неповторимость национального характера. Несмотря на то, что исследование пословиц и поговорок осуществлялось с различных позиций, данная тема не полностью исследована в отечественной науке с учетом предлагаемого автором практического материала – а именно реализации корейских пословиц в дискурсе англоязычных СМИ Южной Кореи. Актуальность обусловлена становлением когнитивно-дискурсивной паремиологии; активным использованием пословиц в коммуникации, растущим интересом лингвистов к коммуникативно-прагматическому потенциалу паремий.

В данной работе сопоставительное исследование не ограничивается парадигматическим анализом корейских паремий. Функциональная парадигма расширяет возможности изучения дискурсивного использования корейских пословиц в англоязычных СМИ.

Материалом исследования послужили англоязычные медиатексты корейского политического дискурса, в которых употребляются корейские пословицы. Количество проанализированных медиатекстов на политическую тематику составляет 120 с 94% неповторяющихся пословиц (109 пословиц). Источниками материала являются онлайн-версии южнокорейских газет Korea Economic Daily, Korea JoongAng Daily, The Korea Herald, The Korea Times и порталы ведущих информационных агентств Южной Кореи с хронологическими рамками выборки по ключевым словам «Korean proverb», «Korean saying» с 2006 по 2023 г. Кроме того, в работе были использованы следующие сборники корейских пословиц на русском и английском языках: Лим Су «Золотые слова корейского народа», Лим Су «Корейские народные изречения», Пермяков Г.Л. «Избранные пословицы и поговорки народов Востока», онлайн сборник «100 Korean Proverbs with Meanings for TOPIK» и другие интернет источники.

Методологией исследования явились коммуникативно-прагматический анализ, основанный на интерпретации смысла и функций пословиц в рамках контекстной ситуации; сопоставительный анализ паремий в контексте межкультурной коммуникации. Для определения роли паремиологических единиц в процессе коммуникации в текстах политической тематики применялись также элементы дискурсивного анализа.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, практическую с описанием методологии исследования и заключительную, в которой представлены

выводы, полученные автором. Однако, автор не приводит в вводной части, традиционной для столь существенных исследований, трудов предшественников по данной тематике для выявления научных лакун. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Постулируемое автором иллюстрируется практическим материалом. Библиография статьи насчитывает 24 источника, среди которых как отечественные работы, так и зарубежные труды.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Отметим, что в статье нарушен общепринятый порядок алфавитного выстраивания источников согласно ГОСТа.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, хорошо структурирована, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Функции корейских пословиц в политическом дискурсе англоязычных СМИ Южной Кореи» положительное, работа может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Юань С. — Концепт «путь» как характеристика образа героя в романе А. А. Фадеева «Разгром» // Litera. – 2023. – № 12. – С. 144 - 153. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69352 EDN: GZRREJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69352

Концепт «путь» как характеристика образа героя в романе А. А. Фадеева «Разгром»

Юань Синьцзе

ORCID: 0009-0005-6658-7646

аспирант, кафедра Кафедра русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет

690000, Россия, приморский край, г. Владивосток, ул. Аякс, 10

✉ iuan.si@dvfu.ru

[Статья из рубрики "Литературный герой"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69352

EDN:

GZRREJ

Дата направления статьи в редакцию:

11-12-2023

Дата публикации:

18-12-2023

Аннотация: Предметом исследования является репрезентация концепта «путь» в романе А. А. Фадеева «Разгром». Цель работы – описать репрезентации концепта «путь» как реального пространства в романе и как метафору изменений его героев. Категория пространства отражает топографические особенности Дальнего Востока, помогая проследить путь отряда в координатах пространства через точку зрения главного героя. Пространственная рамка повествования строится с помощью конкретно-предметных слов и топонимов, которые в основном представляют собой отдаленную сельскую местность и физическую географию Дальнего Востока. Атрибутивы, формирующие природное пространство в романе, соответствуют негативным эмоциональным изменениям персонажей, раскрывая присущую Гражданской войне жестокость. При выражении такого типа пространственных отношений именно глагол играет доминирующую роль, что

основано на разделении по статическому/динамическому проявлению локативной семантики, в то же время глаголы перемещения значительно превосходят глаголы положения. В ходе исследования были использованы следующие методы: метод лингвистического описания, метод контекстного анализа, и метод семантического анализа. Текстовое пространство, как важная часть содержания романа, изображает фрагменты реальности, а через пространственный концепт «путь» выстраивает общую пространственную картину мира. Концепт «путь» в метафорическом понимании является субконцептом концепта «Гражданская война», в соответствии с этим результаты данной работы обогащают образную зону концепта «Гражданская война». Аналитический алгоритм исследования текстового пространства может быть применен к пространственному анализу схожих произведений искусства. Результатом исследования стали выводы о том, что «путь» является одним из центральных концептов романа. Концепт «путь» имеет негативный подтекст, в процессе отступления отряда происходят страдания. Кроме этого, А. Фадеев включает в путь героя-революционера духовные испытания, персонаж завершает внутренние изменения в утверждении социалистических ценностей во внешних кризисах и сложных взаимоотношениях характеров.

Ключевые слова:

концепт путь, концепт Гражданская война, текстовое пространство, типы пространства, диктумное пространство, модусное пространство, динамическое пространство, статическое пространство, языковые маркеры пространства, Фадеев

Пространство обычно понимается как объективная форма существования, форма, в которой существование объекта характеризуется главным образом его протяженностью и объемом. Понятие пространства – базовая категория человеческой жизни, по мнению В. Г. Гака, «пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком» [\[2, с. 127\]](#).

Пространство выступает важным способом и формой познания, является одной из важнейших категорий, отражающих картину мира личности, которая определяет категорию места человека в мире с точки зрения некой реальной субстанции. Как говорит Ю. М. Лотман, «семантика пространства имеет исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной культуры» [\[5, с. 205\]](#). При этом необходимость анализа текста в пространственно-ориентированном исследовательском ракурсе обусловлена тем, что текст воспринимается как пространственное явление, зафиксированное в тексте. С одной стороны, как считает П. А. Флоренский, «художественная суть предмета искусства есть строение его пространства, или формы его пространства» [\[12, с. 71\]](#). С другой стороны, взаимодействие текста и пространства создает многомерную синергетическую систему, которая возникает в результате проекции одних наборов элементов системы на другие наборы элементов той же системы, и поэтому отличается специфическими свойствами, позволяющими изучать текст в пространственной модели. Поэтому понятие текстового пространства используется в исследованиях, изучающих самоорганизацию внутри текстов.

Если говорить о типах пространства, реальное пространство является основой для его построения. Это связано с тем, что сюжет рассказа часто разворачивается в определенной пространственной перспективе, читатель с самого начала «стремится

отождествить его с локальной отнесенностью эпизодов к реальному пространству (например, географическому)» [4, с. 413]. Кроме того, противоположным реальному пространству обязательно является виртуальное пространство, как отмечает Д. С. Лихачев, «пространство, создаваемое автором в его произведении, может обладать своеобразными «географическими» свойствами: быть реальным или воображаемым» [3, с. 335]. Исходя из этого, можно просто разделить объективное (диктумное) и субъективное (модусное) пространство.

Пространство – это не только воплощение объективного бытия, но и субъективное сознание пространственного мышления сознательной реакции, это интерпретация текстового содержания пространственного представления неразрывно связанного с объемом связи: в котором обобщаются текстовые события местоположения, движения и других пространственных координат информации. Таким образом, каждый персонаж в произведении выступает в определенном внешнем пространстве, но при этом в нем присутствует и внутреннее пространство личности (чувственное, психологическое, духовное). Поэтому темы персонажей неизбежно разворачиваются пространственно.

Поскольку объект, представленная вещь существует в состоянии физического пространства, их можно раскрыть «статичность/динамичность текста в локальном отношении» [6, с. 33], что позволяет выделить виды текстового пространства – динамическое и статическое.

При языковом маркировании пространственных текстового пространства различают лексическое, морфологическое и синтаксическое маркирование, и поэтому пространственные отношения не только способны существовать в совокупности пространственных объектов, но и отражаются в языковой картине мира с помощью различных уровней языка – слов с пространственными значениями, морфологических форм с локальными значениями, специальных синтаксических конструкций. Г. В. Матвеева предлагает языковые маркеры текстовой категории пространства: «категориальные лексические единицы место и пространство и другие слова разных частей речи с локальной семантикой; топонимы и географическую терминологию... в частности вся конкретно-предметная лексика» [6, с. 33].

В различных стандартах текстов, непосредственно ориентированных на пространственное представление В. Н. Топоров отметил тексты, посвященные пути и его различным типам: «прямой и кривой, реальный и мысленный, новые (впервые) и повторный, односубъектный и многосубъектный» [9, с. 281]. По его мнению, пространство «определяется через совокупность путей, способных находиться в нем» [9, с. 229], пути служат центром тенденции реорганизации в этом пространстве, в то же время важность самого пути связана с персонажем, который является субъектом пути.

Как считает И. С. Степанова, «путь – один из базовых концептов русской литературы и культуры. Мотив пути-дороги в русской и мировой литературе – устойчивое художественное явление» [8, с. 32]. Кроме этого, когнитивные признаки в пространственном концепте «путь» имеет метафорическое значение, которое напрямую связано с базовыми концептами движения и расстояния, композиции, что способствует его метафоризации, а значит, можно говорить о метафорической репрезентации данного концепта. Н. Д. Арутюнова отмечает динамические свойства пути, которыми обладает путь как пространство в соотношении с персонажами, и это «придает метафоре пути значение внутреннего, духовного становления личности» [1, с. 9]. Концепт «путь»

оказывается связанным с понятием судьбы, предопределенности жизни.

Таким образом, рассматриваем концепт «путь» как отражение текстового пространства романа «Разгром».

Роман А. А. Фадеева «Разгром» посвящен жизни партизанского отряда в условиях военной жизни. Сюжет романа разворачивается на пути отступления отряда. Итак, концепт «путь» является, с одной стороны, маркером текстового пространства романа, с другой стороны, субконцептом концепта «Гражданская война».

Жестокие и реалистичные жизненные переживания сильно повлияли на стиль его произведений. Говоря о своих творческих замыслах, А. А. Фадеев комментировал, что «все поднявшееся из подлинных корней революции, из миллионных масс народа, закаляется, растет, развивается в этой борьбе. Происходит огромнейшая переделка людей» [10, с. 14]. Писатель открывает читателю не только внешнее поведение большевика, но и его внутренний мир. Персонаж, созданный таким образом, более объемлен и убедителен. Эту черту его творчества тоже подчеркивает Созрыко Бритаев, по его мнению, А. А. Фадеев умеет «раскрыть внутренний, духовный мир своих героев, борцов за народную власть, показать процесс становления характера нового человека» [7, 141].

Морозка – один из важнейших персонажей романа, бывший шахтер и представитель рабочего класса в романе. Он приходит в революцию и Гражданскую войну случайно, в конце концов его самопожертвование знаменует собой рождение его революционной личности. Мы будем рассматривать образ Морозки и становление его личности согласно пути гибели партизанского отряда, теснимого белой армией и японцами. Объективно, все события романа выстраиваются в некую линейную составляющую, маркированную понятием пути отряда. Если рассмотреть метафорическое понимание пути, то мы видим развитие персонажа в его духовном становлении. Рассмотрим, как глаголы, маркирующие пространственное понятие пути приобретают статус интерпретирующих, демонстрирующих внутренний мир персонажа.

Путь Морозки в романе включает следующие пять этапов: 1) жизненное пространство ординарца перед отступлением отряда; 2) конфликт с Мечиком; 3) в госпитале; 4) интеграция в коллектив; 5) жертвоприношение в засаде.

Первый этап – жизненное пространство ординарца перед отступлением отряда.

Место расположения партизанского отряда в романе описано глазами Морозки: *«Через несколько минут, опустив поводья, поддерживая ношу обеими руками, он скакал вокруг холма — к деревушке, где стоял отряд Левинсона»* [11, с. 12]. Морозка встретил раненого и потерявшего сознание Мечика на дороге и привел его в партизанский отряд. Глагол действия «скакать» указывает динамическое пространство, а также представляет семантический разряд: глагол перемещения. «Стоять» – статический глагол с локализованным значением, указывающим на местоположение деревушки. Конкретно-предметная лексика «деревушка» имеет уменьшительное значение с локальным лексическим значением. Место расположения отряда было слишком маленьким и удаленным, называют его даже скромно «деревушкой». При отсутствии конкретного названия местности местонахождение отряда Левинсона невозможно обозначить на карте.

На первом этапе Морозка прост и приятен, осознание природы Гражданской войны также смутно: *«он натворил большого переполоху — ворвался из тайги с визгом и гиком,*

вздыбливая жеребца и крича что-то несурзное. Сделал же он это от избытка жизненных сил и... просто для смеху» [11, с. 54]. Пространство диктумное и динамическое. У этого этапа пути есть название природного географического объекта тайга. «Ворваться» – интерпретирующий глагол тут понимается как проникнуть куда-либо силой, преодолевая препятствия; стремительно войти, вбежать куда-либо. Показ его перемещения в пространстве с большой скоростью свидетельствует об озорстве, а также о том, что состояние жизни партизан в это время относительно стабильно.

Второй этап – конфликт с Мечиком. На данном этапе поскольку Мечик вмешивался в его отношения с женой, это вызывало у Морозки необычайную злость. В это время Морозка оставался ординарцем и не проживал с другими партизанами, что углубляло чувство покинутости и одиночества.

Морозка осознал, что его жена Варя влюбилась в мягкого, никчемного Мечика, и был вне себя от гнева: *«— Вот она где, совесть, — вот, вот! — рубил он с остервенением, делая неприличные жесты. Из тайги, с разных сторон, бежали сестра и Пика, крича что-то наперерыв, Морозка вскочил на жеребца и сильно вытянул его плетью, что случилось с ним только в минуты величайшего возбуждения... Из потревоженной чащи доносился бешеный топот удалявшихся копыт»* [11, с. 58]. «Тайга» и «чаща» демонстрируют физическую географию, пространство диктумное и динамическое. «Потревоженная чаща» намекает на то, что автор наделяет природную среду преимуществами хаотичного эмоционального состояния человека. Интерпретирующий глагол «вскочить» тут понимается как быстро, стремительно встать. Сам глагол выражает срочность, показывая его гневное, раздражённое состояние в данный момент.

В романе он впервые переживает одиночество: *«Солнце заглядывало Морозке под козырек — оно еще стояло над хребтом бесстрастным, немигающим глазом, но поля вокруг были тревожно-безлюдны... На покривившемся стогу уныло, по-сиротски, примостилась ворона и молчала... Он почувствовал себя заброшенным и одиноким. Казалось, он сам плывет над огромным вымороженным полем, и тревожная пустота последнего только сильнее подчеркивала его одиночество»* [11, с. 60]. Глагол «плыть» показывает субъективное виртуальное пространство на пути движения, пространство превращается из объективной реальности в субъективную, из статического в динамическое. Состояние солнца кажется лишенным страсти и освещенным, что перекликается с нынешним психологическим состоянием Морозки и подчеркивает бессилие персонажа. Выражения «поля вокруг были тревожно-безлюдны», «огромное вымороженное поле» демонстрируют естественную географию безлюдной пустынной земли, углубляют безмолвную, тоскливую, негативную пространственную атмосферу. Ворона, находящаяся в одиночестве и вне стада, с одной стороны, соответствует положению Морозки в то время, когда он был ординарцем и находился один вдали от своих партизана, с другой – правдиво отражает его нынешние отношения с женой, и его чувство покинутости.

Третий этап – в госпитале. На данном этапе мы видим равнодушие и тяжесть на душе Морозки. Длительный период внутреннего диссонанса привел к тому, что Морозка начал задумываться о влиянии Мечика на его жизнь.

Морозка возвращается со своим отрядом в военный госпиталь, где встречает свою жену. Пространственное перемещение персонажей отражает сложные взаимоотношения между героями и скрытые психологические действия: *«когда он увидел ее — Варя, Сташинский и Харченко стояли возле барака, смеясь и протягивая руки, — все в нем перевернулось»*

Не задерживаясь, он вместе со взводом проехал под клены и долго возился подле жеребца, ослабляя подпруги» [11, с. 100]. «Стоять» – глагол локализирующего значения. «Проехать» – глагол перемещения, движения. Здесь противопоставлены статический «стояли» и динамический «проехал», эти глаголы принадлежат двум персонажам, что свидетельствует о разладе отношений между Морозком и его женой. Наречие «долго» особенно ярко отражает смущение Морозки, так как он может скрыть свое подавленное душевное состояние только тем, что долгое время занимается одним делом.

Окружение становится все теснее. Партизаны были вынуждены покинуть военный госпиталь и отправиться в путь: *«На рассвете Фролова похоронили, и Морозка в числе других равнодушно закапывал его в могилу..... Отряд двинулся вверх по крутому, изъеденному козами гребню. Холодное голубовато-серое небо стлалось над ним. Далеко внизу мерещились синие пади, и туда из-под ног катились с шумом тяжелые валуны. Обнимала их златолистая, сухотравная тайга в осенней ждущей тишине» [11, с. 107-108].* «Закапывать» – динамический глагол конкретного физического действия. Конкретно-предметная лексика «могила» как пространственная локация, способная вызывать негативные эмоции, и использование автором наречия «равнодушно» показывает, во-первых, бесчувствие Морозки к самой смерти, во-вторых, крайнюю негативность его душевного состояния в это время. На этом пути множество природных объектов: «крутой гребень», «синие пади», «златолистая, сухотравная тайга». Пространство является реальным объективным. Динамическое пространство демонстрирует глагол перемещения «двинуться». Контраст между наречиями «вверх» и «внизу» делает акцент на глубине долины и опасности пути. Глагол «мерещились» намекает на расстояние и изображает необъятность пространства. Различные описания окружающей среды определяют сложность пути.

Перепады настроения Морозки на пути отступления вызвали воспоминания: *«когда он ехал по опустевшему полю после ссоры с Мечиком и одинокая бесприютная ворона сидела на покривившемся стогу, — все эти мысли приобрели теперь небывалую мучительную яркость и остроту..... Морозке казалось теперь, что он всю жизнь всеми силами старался попасть на ту, казавшуюся ему прямой, ясной и правильной, дорогу» [11, с. 110].* Здесь «одинокая бесприютная ворона» перекликается с главой 8. «Ехать» – динамический глагол перемещения, движения. В романе концепт «путь» имеет метафорическое значение, связанное с понятием судьбы и жизни, появляется образ пути-дороги, и Морозка ничуть не сомневается в том, что идет по верному пути в жизни. Он также осознал и начал преодолевать свой ментальный блок, после чего негативное влияние с Варей в его субъективном пространстве постепенно рассеялось. Таким образом, пространство субъективно, в нем доминируют воспоминания и эмоции.

Четвертый этап – интеграция в коллектив. В последние дни своей жизни Морозка вновь был интегрирован в коллектив. В ночь перед жертвоприношением в его субъективном пространстве проявилось безразличное отношение к наступлению собственной смерти. В отличие от прежнего равнодушия, к этому времени он завершил свою внутреннюю трансформацию и был готов к самопожертвованию ради других.

Морозка начинает вливаться в коллектив шахтеров на походе: *«Разговор этот происходил на пятый день пути, когда отряд спустился к истокам Хаунихедзы. Ехали они по старой зимней дороге, устланной мягким, засыхающим пырником» [11, с. 120].* На пути отряда появляется река Хаунихедзы, что позволяет нам определить их местонахождение на реальной карте. Название «Хаунихедзы» происходит от китайского слова, обозначающего желтую реку, перемежающуюся с грязью, и является притоком северной

части Приморского края. Глагол «спуститься» указывает на их ориентацию в пространстве. Динамическое пространство представлено глаголом движения «ехать». Причастие «засыхающий» понимается как переносное значение, означает потерю энергии. Тяжелая атмосферность зимы перекликается с состоянием боя и нехваткой продовольствия, в котором сейчас оказались партизаны, создает подавленную пространственную атмосферу.

Отряд пришел в деревню, чтобы отдохнуть после тяжелых боев: *«И они пошли вдоль по улице, шутя и спотыкаясь, распугивая собак, проклиная до самых небес, нависших над ними беззвездным темнеющим куполом, себя, своих родных, близких, эту неверную, трудную землю»* [11, с. 165]. «Пойти» – глагол перемещения, движения демонстрирует динамичность пространства. Звезды символизируют надежду, а здесь темное небо без звезд визуально формирует атмосферу унылого и безрадостного пространства. Наблюдается трансформация объективного пространства в субъективное. «Неверная, трудная земля» была его жалоба на эту неустойчивую объективную пространственную среду. Действительно, в романе партизаны подвергаются ночному нападению врага, и автор использует этот гнетуще-негативный пространственный тон для предвосхищения грядущей трагедии.

Враги совершили налет на лагерь, и Морозка опоздал из-за пьянства: *«мир стал для него еще мрачнее. И эти выстрелы, что трещали во тьме, эта тьма, судьба, что поджидала его за околицей, — казались ему справедливой карой за все, что он совершил в жизни»* [11, с. 172]. В этом пространственном изображении пересекаются субъективное и объективное: внешняя тьма символизирует мрак, и мрачные тона переплетаются с негативными эмоциями героя, которому предстоит жестокая битва. Темный цвет обозначает долгий серый оттенок его субъективного пространства до этого момента, а также объективное пространство существования, где предстоит сражение, несущее для него смертельное испытание. «Во тьме» – пространственное состояние объективной битвы, а выражение «тьма, судьба» может напоминать о смерти.

Пятый этап – жертвоприношение в засаде.

После ночного боя солдаты вырвались из окружения. В результате побега Мечика погиб Морозка: *«И когда внезапно выросли перед ним желтые околыши казачьих фуражек и Иуда попятился назад, всадив его в кусты калины, кроваво затрепетавшие перед глазами, — это радостное видение большой, залитой солнцем деревни так и слилось с мгновенным ощущением неслыханного гнусного предательства, только что совершенного здесь..... Но он так ярко чувствовал их в себе, этих уставших, ничего не подозревающих, доверившихся ему людей, что в нем не зародилось мысли о какой-либо иной возможности для себя, кроме возможности еще предупредить их об опасности... Он выхватил револьвер и, высоко подняв его над головой, чтобы было слышнее, выстрелил три раза, как было условлено... В то же мгновенье что-то звучно сверкнуло, ахнуло, мир точно раскололся надвое, и он вместе с Иудой упал в кусты, запрокинув голову»* [11, с. 183]. Этот абзац представляет собой сочетание модусного и диктумного пространства. Внезапное появление желтых мундиров вражеской армии создает визуальный эффект в пространстве. Прекрасная местность в пространстве его сознания резко контрастирует с врагами, которые появляются в реальном пространстве перед ним. «Чувствовать» – акциональный глагол ментального действия, это означает, что в данный момент Морозка полностью пробудился к осознанию себя революционером. Изображение Морозки с поднятым револьвером напоминает Левинсона, который поднял «в руке зажженный факел». Автор поднимает Морозку на один уровень с Левинсоном по внешнему образу,

что знаменует собой завершение превращения самого героя из растерянного и хаотичного человека в настоящего воина.

«Мир точно раскололся надвое» перекликается высказыванием «мир стал для него еще мрачнее», указывая на то, что его субъективное пространство подходит к концу. «Упасть» – динамический глагол использует движение вниз персонажа для обозначения его жертвенности. Своей жертвой Морозка сохраняет надежду на выживание для своих товарищей.

Итак, мы видим, что употребление предметной лексики для географического пространства: холм, тайга, чаща, хребет, поле, гребень, небо, пади, истоки Хаунихедзы, небеса, мир, темь, и названия используемого участка земли: деревушка, госпиталь, могила, дорога, околица.

На этапе «конфликт с Мечиком» понятие «мир» и «тьма» расширяет образ «пути». На этапе «интеграция в коллектив» появляется конкретизация пространства, то есть истоки Хаунихедзы в приморском крае. В конце концов «большая, залитая солнцем деревня» появляется в субъективном пространстве понимается как его представление о счастье.

При изучении пространства пути глаголы движения значительно превосходят глаголы положения, что создает динамическую картину. Акциональные динамические глаголы перемещения и движения: «скакать», «привезти», «подъезжать», «проехать», «двинуться», «ехать», «пойти». Интерпретирующие глаголы перемещения: «ворваться», «вскочить». «Стоять», «спуститься» – глаголы локализирующего значения участвуют в предложении, сообщающих о пространственной соотнесенности предметов. Слово «плыть» появляется в субъективном пространстве.

В языке писателя, создающем текстовое пространство, атрибутивы могут выражать пространственные признаки. По функционально-семантической классификации прилагательных мы делим слова примерно на четыре группы: 1) наблюдаемые неземные (эмпирические); 2) информативные; 3) эмоциональные; 4) оценочные.

Наиболее распространенными признаками в формировании пространства являются наблюдательный и оценочный. Слова, составляющие в данном контексте неблагоприятную характеристику, показывают, с одной стороны, серо-темные тона видения (*голубовато-серое небо, темнеющий купол*), а с другой – пустоту пространства (*поля вокруг были тревожно-безлюдны, опустевшее поле*). Оценочные характеристики выражают преимущественно негативную информацию (*крутой, изъеденный козами гребень, холодное голубовато-серое небо, старая зимняя дорога, неверная, трудная земля*). Эмоциональная оценка выражает тревогу и пессимизм персонажа (*поля вокруг были тревожно-безлюдны, мир стал еще мрачнее*).

Направление внешнего сюжета и психология героев перекликаются с характеристиками природных явлений в тексте и образуют пространственный колорит, который оказывается холодным и темным. С одной стороны, такое использование соответствует эмоциональным изменениям персонажей. С другой стороны, тематика романа «Разгром» – Гражданская война, ее жестокость вновь акцентируется тоном пространственной атмосферы.

А. Фадеев использует «путь» как художественную структуру, наделенную множеством смыслов. Текстовое пространство, состоящее из пути, это объективная субстанция движения войск и пути героя, а также формирует центральный концепт романа. В романе концепт «путь» имеет негативный окрас, который отражается не только в смысле смерти

при отступлении отряда, но и в духовном кризисе невежественного красноармейца. Писатель включает это испытание в путь героя, что является важнейшей составляющей концепта «путь», причем внешний кризис выступает скорее катализатором внутреннего развития персонажа.

Визуальное состояние пространства отражает муки и одиночество физических и внутренних столкновений Морозки. У него были недоразумения и подозрения, и поначалу он не понимал цели Гражданской войны, однако собственные классовые качества Морозки заставляют его осознать не только ценность личности, но и природу Гражданской войны. Итак, концепт «путь» в романе представляет собой процесс пересмотра социалистических ценностей Морозки.

Таким образом, в личной пространственной трактовке Морозки мы видим не только сопровождение своей команды на реальном пути отступления, но и на пути превращения его личной души из беспорядочного и беспринципного человека в настоящего революционера.

Библиография

1. Арутюнова, Н.Д. Путь по дороге и бездорожью // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. – Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. – С. 13-17.
2. Гак, В. Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств: сб. ст. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 127-135.
3. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – 3-е изд. – М.: Наука, 1979. – 360 с.
4. Лотман, Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Избранные статьи (в 3-х т.). – Таллин: Александра, 1993. – Т. I.- С. 413-447.
5. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера-история. – М.: «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
6. Матвеева, Г. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. – Свердловск: Изд-во Урал, ун-та, 1990. – 172 с.
7. Сабаев, С. Б. Очерки русско-осетинских литературных связей. –Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1982. – с. 150.
8. Степанова, И. С. Концептосфера «путь жизни» в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2016.
9. Топоров, В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; [отв. ред. Т. В. Цивьян]. – М., 1983. – с. 227-284.
10. Фадеев, А. А. Собрание сочинений: в семи томах. Т. 1: Разгром. Повести и рассказы / под общ. ред. В. М. Озерова, Б. Н. Полевого, Е. Ф. Книпович. – Москва: Художественная литература, 1969.
11. Фадеев, А. А. Разгром: роман. – М.: Издательство АСТ, 2023. – 192 с.
12. Флоренский, П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М.: Издатель-ская группа «Професс», 1993. – 324 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Концепт «путь» как характеристика образа героя в романе А. А. Фадеева «Разгром»», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к произведениям советской эпохи, которые в настоящий период подвергаются переосмыслению. В настоящей работе автор обращается к творчеству Александра Фадеева на примере его автобиографического романа «Разгром», вышедшего в свет в 1926 году.

В исследовании автор обращается к реализации концепта «путь» как языковой характеристики образа героя. В работе автор фокусируется на образе главного героя - Морозко и становление его личности согласно пути гибели партизанского отряда, теснимого белой армией и японцами.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии. Статья является новаторской, одной из первых в российском литературоведении, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основными методами явились контент- анализ, логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонів научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем, так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Данный факт не позволяет выделить в полном объеме научное приращение знание и новизну исследования.

Библиография статьи насчитывает 12 источников исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к исследованиям зарубежных ученых, несомненно, обогатило бы работу. Большее количество ссылок на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации усилило бы теоретическую составляющую исследования.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях в области отечественной филологии. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Концепт «путь» как характеристика образа героя в романе А. А. Фадеева «Разгром»» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ян С. — Лексические единицы, номинирующие женщин в паремиях о гендерном неравенстве русского языка // Litera. – 2023. – № 12. – С. 154 - 162. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69367 EDN: HNDWVM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69367

Лексические единицы, номинирующие женщин в паремиях о гендерном неравенстве русского языка

Ян Сюе

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая 7к1, 6

✉ yangxue19960826@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69367

EDN:

HNDWVM

Дата направления статьи в редакцию:

12-12-2023

Дата публикации:

19-12-2023

Аннотация: Объектом исследования являются гендерные стереотипы, отражающие неравенство между мужчиной и женщиной в русском лингвокультурном сообществе, вербализованные паремиями русского языка; предмет исследования – такие компоненты-номинанты, как «женщина», «баба», «жена», «дочь», «теща», «свекровь». Исследуемый материал составляет часть национальной картины мира, частью которой является паремический корпус. Особое внимание уделяется вербализации гендерных стереотипов в исследуемых паремиях. Целью исследования являются описание лексических единиц, которые номинируют женщин и используются в составе паремий русского языка, относящихся тематически к языковым маркерам гендерного неравенства. Актуальность настоящего исследования обусловливается как лингвистическими, так и экстралингвистическими параметрами. К первой группе

относится интерес к лингвокультурному анализу паремиологического фонда, в том числе, в сопоставительном аспекте. Вторая группа факторов включает в себя социальный запрос на удовлетворение потребности в понимании ментальности представителей русской лингвокультуры. В данной статье использовались следующие методы: систематизация, обобщение, описание, семантический анализ, концептуальный анализ, лингвокультурологический анализ. Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые в обобщенном виде представлены гендерные стереотипы, которые имеют место в русском языковом сообществе и которые вербализуются в поговорках с компонентами-номинантами «женщина», «баба», «жена», «дочь», «теща», «свекровь», указывающих на социальную роль женщины (жена, мать, теща, свекровь, дочь). Основными выводами проведения исследования являются следующие заключения: исторически в русском лингвокультурном сообществе сложилось уничижительное представление о женщине как о члене социума. Поговорки русского языка с такими компонентами-номинантами, как «женщина», «баба», «жена», «дочь», «теща», «свекровь» чаще всего актуализируют негативные коннотации, которые выражаются на эксплицитном уровне. Это подтверждается существующими на данный момент российскими гендерными исследованиями, которые показывают, что в русском языке существуют определенные закономерности мужского и женского вербального поведения, различия в котором носят вероятностный характер.

Ключевые слова:

номинация женщины, поговорка русского языка, гендерный стереотип, негативная коннотация, гендерное неравенство, лингвокультура, картина мира, национальная культура, паремиологический фонд, межгендерная коммуникация

Современный уровень развития лингвистики характеризуется антропоцентрическим вектором развития, что предопределяет тенденцию к тому, что все исследовательские объекты изучаются сквозь призму человека. Данная тенденция положила начало новому направлению в рамках лингвистики, где язык стал изучаться как отражение накопленного тем или иным лингвокультурологическим сообществом опыта. Один из ярких примеров вербализации такого опыта — это поговорки.

Разные страны и народности имеют уникальные национальные культуры, которые находят своё отражение в истории, религии, языке, обычаях и традициях носителей определенной лингвокультуры. Как одна из форм языка поговорки неразрывно связаны с языком и культурой нации, они рождаются в народе и передаются из поколения в поколение [1]. Характеризуясь краткими и лаконичными чертами, они в то же время выражают глубокие смыслы простыми и доходчивыми формами, отражая разные этапы исторического развития нации, вбирая и заключая в себе уникальный опыт, который имеет значение именно для носителей той лингвокультуры, в рамках которой они возникли и получили распространение [2]. Исследователи едины во мнении, что поговорки представляют тот языковой пласт, который заключает в себе стереотипные национальные представления и отражают картину мира народа, сформировавшуюся в течение длительного исторического развития [3].

Языковой универсалией является пласт поговорок, которые отражают отношение носителей языка к труду и маркирующие межличностные отношения в семье, в разных исторических и культурных условиях развития, люди имеют разные ценности и

отличающиеся установки [5]. На этом основании можно сделать предположение, что именно паремии заключают в себе тот уникальный опыт, который накоплен этносом на протяжении столетий.

Одновременно с этим в настоящее время мы можем наблюдать рост исследований, посвященных изучению гендерных аспектов в языке и речи. Гендерная лингвистика является одним из перспективных направлений, изучающих язык и его единицы, содержащие гендерные компоненты.

Таким образом, актуальность настоящего исследования обуславливается как лингвистическими, так и экстралингвистическими параметрами. К первой группе относится интерес к лингвокультурному анализу паремиологического фонда, в том числе, в сопоставительном аспекте. Вторая группа факторов включает в себя социальный запрос на удовлетворение потребности в понимании ментальности представителей русской лингвокультуры.

В современном научном пространстве существует множество направлений исследования языковой картины мира. Так, лингвисты Московской семантической школы и прежде всего, Ю.Д. Апресян включают вопрос о языковой картине мира в процесс изучения лексической семантики, и к 1990-м годам сформировался относительно полный семантический ландшафт языковой картины мира [11]. По Московской семантической школе, языковая картина мира — это совокупность простых, донаучных взглядов и мнений на объективный мир, отраженных в определенном естественном языке и присущих этому языку. Целью исследований Московской семантической школы языковой картины мира является фокусирование на лексике языка, исследовании значений слов с целью описания картины мира этноса. В отличие от научной картины мира, языковая картина мира представляет взгляды и мнения людей на объективный мир, выраженные в языковой форме, меняющиеся в историческом развитии. Т.Б. Щепанская предположила, что культуросемантический анализ русских культурных слов (концептов) является наиболее эффективным методом изучения картины мира национальных языков [15].

Паремии представляют особый интерес для исследований в области лингвистической гендерологии, поскольку воплощают культурно-национальное мировоззрение каждого народа. Представления о гендерном неравенстве вербализируются в языке при помощи стереотипа, который изначально является социологическим термином. По мере развития междисциплинарных связей этот термин стал использоваться в том числе в лингвистике. Гендерные стереотипы, как одна из основных теорий гендерной лингвистики, являются продуктом интеграции исследований гендерной лингвистики и исследований теории стереотипов. Социальные гендерные стереотипы представляют собой один из групповых стереотипов, который представляет собой общее представление общества о типичных характеристиках мужских и женских групп и их поведенческих и поведенческих особенностях [6]. В частности, он предполагает два аспекта: во-первых, эти характеристики находятся в данной группе у каждого члена имеет разную степень выраженности; во-вторых, эти характеристики отражаются в разных формах выражения, таких как одежда, еда, жилье, транспорт, речь и поведение членов лингвокультурологической группы.

Исследователи считают, что язык во многом является отражением идеологии. Маленьких девочек часто описывают словами «ангел», «маленькая принцесса», «малышка», тогда как для обращения к мальчикам используют другие языковые паттерны, например «чемпион» или «приятель» [7].

В современном языке формируются социальные гендерные языковые стереотипы, которые также ярко отражаются в поведении социальных индивидов, в том числе в невербальном поведении. Понимание стереотипов помогает людям лучше регулировать свои слова и поступки в межкультурной, особенно межполовой коммуникации, и достигать эффективного общения [7]. И. А. Гусейнова пришла к выводу, что, говоря о взаимосвязи гендерных стереотипов и языка, содержание гендерно-языковых исследований может быть раскрыто только посредством анализа языковой структуры, а значит, при помощи установления того, как в языке вербализируются гендерные отношения [3]. Гендерное неравенство реализуется в языке в культурно связанных стереотипных формах, яркими примерами которых являются паремии, которые фиксируют и личностное поведение, а также языковую социализацию личности [4]. Можно сказать, что язык является важнейшим средством выражения гендерных стереотипов: номинируя конкретные явления, связанные с мужчинами и женщинами, язык определяет также ряд качеств, которыми должны обладать мужчины или женщины в данном обществе. Более того, многие из когнитивных стереотипов приобретаются посредством обучения и посредством языка (письма), и социальные гендерные стереотипы не являются исключением [7].

В реальном общении социальные гендерные неравенства обычно выражаются в форме стереотипного мышления и поведенческих стереотипов мужчин и женщин. По мнению В. А. Масловой, вербальные стереотипы мышления представляют собой мыслеобразы и устойчивые представления людей о вещах или ситуациях, которые, с одной стороны, связаны с объективной реальностью, а с другой, они связаны с языком [9]. Что касается поведенческих стереотипов, то, по пояснению В. А. Рыжкова, это «национальная коммуникативная единица, способная оказывать стилизованное влияние на индивидуальное сознание путем репрезентации потребности в социальном признании» [12].

Что касается социальных гендерных стереотипов, описанных в нашем исследовании, женщины очень подвержены их влиянию, что находит отражение в паремиологическом фонде русского языка.

В рамках данного исследования все отобранные паремии делятся на группы:

- паремии с компонентом *женщина*;
- паремии с компонентом *баба*;
- паремии с компонентом *жена*;
- паремии с компонентом *дочь*;
- паремии с компонентом *теща*;
- паремии с компонентом *свекровь*.

Рассмотрим далее подробно наполнение каждой группы.

В паремиях с компонентом «женщина» фиксируется стереотипное мнение о низких умственных способностях женщины:

Женщины – сети дьявола,

В России женщину не считают личностью:

Кобыла не лошадь, женщина не человек.

В русских пословицах фиксируется представление о том, что внешний вид женщины — не главное, это не самое главное условие красоты. Общество установило рамки «мужественности» и «женственности». Люди, не попавшие в эти рамки, считаются «трансцендентными» по сравнению с нормой и «альтернативными» и будут прямо или косвенно подвергаться социальным санкциям. Идеальный женский образ — это гендерная идеология, построенная на мужецентрированном мышлении. Стремясь заставить женщин сознательно и активно соблюдать это ограничение, умело поддерживается существующая гендерная система. Это фактически своего рода «скрытая гегемония». Женщине гораздо важнее быть хорошей хозяйкой, быть доброй, заботливой и сообразительной. Пословицы русского языка иллюстрируют важность красивой внешности и хороших манер для женщин. Приведенные выше пословицы имеют и культурную семантику, которая унижает женщин, думая, что женщины существуют лишь как своего рода украшение и приукрашивают жизнь мужчин. Мужчины ориентированы на карьеру и имеют активный статус, что имеет положительное значение, тогда как женщины относятся к похотливому типу и имеют пассивный статус, что часто имеет отрицательное значение.

Значительное место в русском языке занимает также группа пословиц, носящих *женоненавистнический* характер. В этих пословицах наблюдается неуважительное отношение к женщине:

Женщина тоже человек.

Курицы не птица, а и женщина не человек.

В русском фольклоре доминируют пословицы о *неверности жены*, при этом русский народ делает акцент на том, что мужья не должны давать чрезмерную свободу и волю своим жёнам:

Муж в тюрьме, а женщина в сурьме.

В русских паремиях фиксируется коннотация осуждения женщин, что выражается на эксплицитном уровне. Принижается и женская лень, ведь женщины не любят выходить замуж, если боятся работы, не хотят трудиться. Некоторые особенно русские пословицы прославляют красоту женщины и ее сокровище — девственность. В так называемых утвердительных пословицах часто формулируется общий совет для мужчин:

Женщина – это не балалайка, которую вешаешь на стену после игры.

Не следует заставлять ждать женщин и суп, иначе они остынут.

Анализ паремий позволил также установить лингвокультурное стереотипное представление о социальной роли женщин:

Бабе дорога — от печи до порога.

В этой паремии транслируется мысль, что диапазон деятельности женщины ограничивается приготовлением пищи для семьи, а также она преимущественно находится дома, т.е. не ступает за порог дома, что на имплицитном уровне выражает значение того, что у женщины не может быть дел, не связанных с бытом.

Мужик да собака на дворе, баба да кошка в избе.

Тем не менее, отметим, что на эксплицитном уровне нет ничего уничижительного и пренебрежительного. Место женщины в избе не потому, что ей нечего делать «в обществе», а потому, что она – добрый дух, хранительница очага, да и украшение дома:

Добрая жена дом сбережет, плохая рукавом растрясет.

В русских пословицах также подчеркивается и общая добродетель женщины, т. е. она является «дополнением» или источником жизни для мужчины:

Крестьянин без жены – что гусь без воды.

Исконно русским считается и то, что *Муж и жена одного поля ягоды:*

У мужа и жены мысли одни.

Муж да жена – одна сатана.

Паремии с компонентом-номинантом «дочь» транслируют значение того, что у родителей с дочерью будет больше хлопот, чем с сыном, что на имплицитном уровне выражает смысл того, что иметь сына предпочтительнее, чем дочь:

Дочку замуж выдать – не пирог испечь.

Дочку в колыбельку – приданное в коромысло.

В русском национальном сознании также закреплена мысль о тесной связи между матерью дочерью, что подразумевает факт того, что те качества, которыми обладает мать, априори, будут переняты дочерью:

Куда мать, туда и дочь.

Глядя на мать, бери дочь.

У хорошей матери и дочь хороша.

Также роль тещи занимает важное место в семейно-бытовых отношениях русского народа. Тёща — мать жены, не кровный (свойственный) родственник, который появляется в результате заключения брака. Она имеет как положительные, так и отрицательные характеристики:

Был у тещи, да рад утекти.

У хорошей тещи зятек – самый любимый сынок.

В отличие от тещи, у которой могут быть и добрые отношения с зятем, свекровь представлена в русских пословицах преимущественно с отрицательной стороны:

От свекровушкиной ласки слезами захлебнешься.

Свекровь злится, что невестка веселится.

С социологической точки зрения гендерная стереотипизация, как особая форма стереотипизации, представляет собой прежде всего разновидность познания, то есть понимание себя и других членами группы мужского и женского пола в конкретном обществе или культуре, принадлежащей к своего рода коллективному сознанию [8]. Выражение существует в сознании человеческого мозга. Каждая социальная культура задает для мужчин и женщин ряд соответствующих норм и оценок, ограничивающих их

поведение. Эти нормы и оценки отражаются в языке в виде устойчивых выражений и влияют на ожидания в отношении моделей поведения, демонстрируемых женщинами [\[10\]](#).

Тем не менее, наибольшее количество пословиц составляют пословицы, отражающие социальные характеристики. Возможное объяснение данного факта может заключаться в том, что в русской культуре тесно поддерживаются взаимоотношения, что выражается номинативной плотностью терминов родства: брат, невестка, невестка, зять, зять, теща, тесть, зять, родители и т. д.

В этой связи можно отметить языковой андроцентризм. Это означает, что большинство паремий отражают мужскую точку зрения и доминирование мужчин. Образ женщины не всегда негативен. Скорее можно сказать о тенденции, чем о негативном отношении. Но определенная степень андроцентризма имеет место.

Изучение гендерных отношений является одним из способов понимания социальных изменений в обществе. Языкознание и его языковая структура более наглядно показывают состояние сознания общества.

Так, в русском языке доминирующим модусом является тот, который указывает на неспособность глубоко мыслить, нелогичность, иррациональность и вообще глупость как основные характеристики женщин. Фактически в языковом сознании многих людей сложились стереотипные представления о женщине как о существе с однонаправленным мышлением. Приведенные примеры дают основание полагать, что для обыденного ума женский интеллект служит примером отсталого несформированного ума. На этом фоне отчетливо видна культурно-национальная трактовка языковых выражений: «женское сознание инфантильно» [\[13\]](#).

Это ядро обыденного менталитета, укоренившееся в лингвокультурном сознании, и оно живет в самосознании народа, являясь языковым и культурным лучом, доминантой национальной самоидентификации. Следует отметить, что все это относится и к паремиям — культурным установкам на восприятие женского интеллекта как недостаточного и недоразвитого. Стереотипное женское сознание противостоит мужскому и воспринимается как «недочеловеческое» сознание, поэтому женская деятельность должна быть ограничена исключительно «приватной» сферой [\[14\]](#). Женщинам нужен мужской разум, чтобы руководствоваться им в своем поведении. Гендерное неравенство воспринимается как аксиома и как факт, что мужчинам отведена роль законодателей лучшего мирового порядка». Как следствие, в рассматриваемом модусе наиболее ярко проявляется противоречивость понятия «женщина» не только по сравнению с понятием «мужчина», но и по сравнению с более широким понятием «человек».

Заключение

Установлено, что фразеологический фонд любого языка представляет собой интересный фактологический материал для гендерных исследований, поскольку отражает такие стороны жизни людей, как история, национальное сознание, мораль, ценности, предпочтения, отношения и образ жизни. Гендерные стереотипы — это общие представления о поведении и роли мужчин и женщин в обществе. Анализ фонда пословиц и поговорок с гендерными компонентами позволил установить следующую тенденцию: значительное количество паремий посвящено женщинам и большинство из них содержат негативную коннотацию представительниц женского пола. В паремиях обозначена социальная роль женщины (жена, мать, теща, свекровь, дочь), а также указано на гендерное неравенство. Можно сказать, что в пословицах относительно

распространены гендерные предубеждения и социальные гендерные идеологии, которые отражают социальные отношения между мужчиной и женщиной.

Библиография

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Просвещение, 1984. 397 с.
3. Гусейнова И. А. О некоторых формах представления гендерного аспекта в коммерческих дескриптивных рекламных текстах (на материале журнальной прессы России и ФРГ): Гендер как интрига познания: Гендерные исслед. в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. М.: Пилотный выпуск., 2002.
4. Денисова А. А. Словарь гендерных терминов. М.: Информация-XXI век, 2002.
5. Доган М. Г. Национально-культурная специфика русских паремий с биоэквивалентной лексикой // Лингвистика в диалоге с другими областями знаний: юрислингвистика и дискурсивная лингвистика, коммуникативная лингвистика и лингвокультурология. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2022. № 15 (6). С. 23-26.
6. Кирилина А. В. Женский голос в русской паремиологии. Женщина в российском обществе. М., 1997.
7. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Тнозис, 2002.
8. Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2005.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр Академия, 2001.
10. Попова Л. А. Ключевые слова современности: аксиологический аспект // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15—17 октября 2019 г.) / Отв. ред. Н. А. Купина. Екатеринбург: Ажур, 2019. С. 97-99.
11. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Человеческий фактор в языке: Язык и картина мира / под ред. Б. А. Серебренникова. М.: Наука, 1988. С. 8-69.
12. Рыжков В. А. Регулятивная функция стереотипов. Знаковые проблемы письменной коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов. Куйбышев: Пединститут, 1985.
13. Сергеева А. В. Русские стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта Наука, 2006.
14. Стернин И. А. Общение с мужчинами и женщинами. Воронеж: Наука, 2002.
15. Щепанская Т. Б. Женщина, группа, символ (на материалах молодежной субкультуры). Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.: Наука, 1991.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Лексические единицы, номинирующие женщин в паремиях о

гендерном неравенстве русского языка» несомненно рассматривается актуальная проблема теории и практики коммуникации с учетом антропоцентризма современной науки.

Актуальность настоящего исследования обуславливается как лингвистическими, так и экстралингвистическими параметрами. Автор обращается также к изучению паремий, представляющих особый интерес для исследований в области лингвистической гендерологии, поскольку воплощают культурно-национальное мировоззрение каждого народа. Таким образом, настоящая работа является междисциплинарной и проведена на стыке нескольких филологических дисциплин.

Автор обращается к идеям отечественных филологов и развивает их в настоящей работе.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, а именно к методу обобщения и методу семантического анализа.

К сожалению, автор не уточняет полный объем языкового корпуса и принципы его выборки.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами на русском языке, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Вводная часть не содержит историографии изучаемого вопроса, что не позволяет в полной мере выявить авторский вклад в изучение научной проблемы. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 15 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к работам зарубежных исследователей несомненно, обогатило бы рецензируемую статью. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по лексикологии и социолингвистике, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Лексические единицы, номинирующие женщин в паремиях о гендерном неравенстве русского языка» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Cheng S. — Экологическое сознание в творчестве писателей малочисленных народов России (на примере Ю. Рытхэу, Е. Айпина, Ю. Шесталова) // Litera. – 2023. – № 12. – С. 163 - 175. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69115 EDN: GVZHUB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69115

Экологическое сознание в творчестве писателей малочисленных народов России (на примере Ю. Рытхэу, Е. Айпина, Ю. Шесталова)

Cheng Shuangting

старший преподаватель, Китайско-российский институт, Хэйлунцзянский университет
150080, Китай, республика Провинция Хэйлунцзян, г. Харбин, ул. Сюй Фулу, номер.74

✉ 190338170@qq.com

[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69115

EDN:

GVZHUB

Дата направления статьи в редакцию:

26-11-2023

Дата публикации:

20-12-2023

Аннотация: В статье анализируется экологическое сознание в творчестве писателей малочисленных народов севера России. Предметом исследования являются произведения Ю. Рытхэу, Е. Айпина и Ю. Шесталова. В отличие от экологических произведений, экологическое сознание в творчестве этих писателей в большей степени связано с национальной преемственностью и культурным наследием. Глобализация и современность оказали огромное влияние на все сферы развития национальных меньшинств, и они были вынуждены интегрироваться в процесс модернизации, будь то путем активного выбора или пассивного принятия. Писатели из малочисленных народов как представители передовой интеллигенции различных этнических групп первыми почувствовали этот кризис и выразили озабоченность в своих произведениях, целью

которых является желание, чтобы национальная культура была признана и принята. В данной статье в основном используется метод текстового анализа, чтобы анализировать экологическое сознание в творчестве писателей из малочисленных народов. Основной вклад автора заключается в том, что он предлагает новые методы исследования литературы малочисленных народов. Экологическое сознание в творчестве писателей национальных меньшинств отличается от других экологических литературных произведений. Экологическое сознание в творчестве писателей этнических меньшинств в конечном счете является вопросом выживания и устойчивости этнической группы. В условиях, когда проблема глобализации и современности становится очевидной, писатели из числа этнических меньшинств используют свои собственные литературные произведения, чтобы поднять эту экологическую тревогу и пробудить внимание читателей к этой проблеме. В статье автор анализирует произведения писателей, принадлежащих к малочисленным народам, указывая на различные средства и способы, с помощью которых писатели выражают свое экологическое знание.

Ключевые слова:

экологическое сознание, творчество, малочисленные народы, Россия, глобализация, современность, писатели, Ю Рытхэу, Е Айпин, Ю Шесталов

Английский социолог Зигмунт Бауман сказал, что современность стала причиной многих катастроф в истории человечества, и экологические катастрофы должны быть наиболее заметными и серьезными из них. Россия – это многонациональная страна, в которой развитие и процветание литературы национальных меньшинств стало важнейшим литературным явлением в русской литературе, а культура этих меньшинств, безусловно, является неотъемлемой частью общей культуры страны. После Октябрьской революции регионы России, где проживали малочисленные народы, хотя они все еще находились на относительно отсталой стадии развития, но так или иначе были вовлечены в современность. Противоречия между традиционными обычаями и современными тенденциями, консервативными устоями и стремлением к открытости, обусловленные экономическим развитием и интенсивной эксплуатацией природных ресурсов, существенно подрывают экологическое равновесие в этнических регионах.

Большинство этнических меньшинств обитает в удаленных районах, расположенных высоко в горах или глубоко в долинах, где обилие тундры, густых лесов и рек окружает их. В этих условиях были сформированы их представления о взаимодействии и понимании окружающей экологической среды, этические концепции и ценностные стандарты, необходимые для решения экологических проблем. В связи со стремительным развитием общества, тенденции модернизации и глобализации, различные культуры сталкиваются, взаимодействуют и объединяются. Это в значительной мере затронуло относительно закрытые и консервативные регионы проживания этнических меньшинств, вынуждая их сознательно или бессознательно включаться в процесс модернизации. Индустриализация, программирование и рационализация ведущих отраслей современной экономики внесли изменения в традиционные способы жизнеобеспечения меньшинств. Одним из значительных последствий неразумного освоения природных ресурсов является негативное влияние на экологическое сознание представителей меньшинств. Вместе с тем, увеличивающееся частое и глубокое взаимодействие между этническими группами, которое приводит к ослаблению уникальных черт собственных ментальных моделей и этических установок этих меньшинств.

В своем исследовании китайский ученый Ван Но высказывает мнение о том, что «экологическая литература отличается от традиционной литературы тем, что она раскрывает отношения между природой и человеком, выражает влияние природы на человека, а также рассматривает вопросы положения человека в природе, связи всех живых существ в природе, разрушения природы человеком, интеграции человека и природы и другие аспекты. Кроме того, экологическая литература уделяет особое внимание исследованию корней напряженности, отчуждения, антагонизма и конфликта между человеком и природой, то есть социальных корней идеологии, культуры, экономики, науки и техники, образа жизни и способа общественного развития, которые приводят к порабощению и разграблению природы человеком.» [\[1, 10 стр.\]](#) В общем, экологическая литература представляет собой пассивное отражение современного экологического кризиса, который обусловлен загрязнением окружающей среды, истощением природных ресурсов и частыми природными катастрофами. Экологическая литература отражает и критикует современность в литературной форме. Поэтому в основных экологических литературных произведениях дискурс описания экологических кризисов, таких как дефицит энергии, загрязнение окружающей среды и утрата гуманизма, часто сопровождается критикой антропоцентризма. В значительной степени экологическое сознание экологических писателей формировалось в контексте проблем современности. Поэтому, литература в области экологии часто отражает моральное сознание и социальную ответственность писателей. С другой стороны, экологическое сознание писателей из этнических меньшинств формируется в процессе взаимодействия с природой, оно проявляется спонтанно и активно. Традиции жизни и опыт выживания этнических меньшинств тесно связаны с природой, они могут быть переданы через среду обитания и стать частью коллективной памяти, формируя таким образом уникальную культурную память, мышление и ценностные убеждения. Природные катастрофы и экологические проблемы передаются от поколения к поколению, так же, как и генетические характеристики жизни. Жизнь этнических групп тесно связана с их национальной идентичностью, культурной жизнью и источником существования в окружающей среде. Исчезновение этой среды создаст трудности для продолжения жизни этнических групп и вызовет боль, которая отличается от того, что описано в основной экологической литературе. В литературе, созданной писателями из малочисленных народов, всегда присутствует глубокое чувство тревоги, беспомощности и потери, связанное с угрозой окружающей среды. Выделяется акцент на экологических элегиях, что свидетельствует о ценностной позиции и этической ориентации этнических меньшинств в отношении потери своей земли и окружающей среды. Даже в устной литературе, такой как легенды, мифы, баллады и другой фольклор этнических меньшинств, всегда выражается любовь к гармонии с природой и страх перед разрушением этой гармонии.

Рассуждения об экологических проблемах, представленные в работах ведущих экологических литераторов, основываются на озабоченности выживанием, вызванным разрушением окружающей среды. Несмотря на то, что эти литераторы раскрыли экологический кризис и обсудили его серьезные последствия, им трудно поднять экологический кризис до уровня культурного кризиса и описать внутреннюю боль и беспокойство героев, вызванные страхом исчезновения культуры своего народа. Согласно антропологическим исследованиям, уникальное эко-культурное природоохранное сознание этнических регионов и соответствующие им системы знаний играют огромную роль.

Основным проявлением отношения к природе является чувство благоговения, которое включает в себя две составляющие - уважение и страх. Уважение к природе

предполагает присвоение ей определенных качеств, аналогичных свойствам человека, и формирование концепции анимизма. Страх перед природой означает соблюдение определенной дистанции и гармоничное взаимодействие с окружающей средой. Одновременно с этим, уважение и страх перед природой вызвали создание системы табу и религиозных верований, которые регулируют поведение людей и ограничивают их действия в соответствии с законом. Данные меры служат для предотвращения негативного воздействия человека на природу и установления гармоничного сосуществования между ними. На основе их экологической значимости и интуитивного осознания необходимости охраны окружающей среды, у меньшинств естественным образом выработались нормы управления межличностными отношениями, основанные на экологических принципах. Национальная культура, выросшая из этой культурной почвы, неизбежно представляет собой гармоничную, экологическую национальную культуру, которая тесно связана с первобытной религиозной идеей восприятия духов во всем живом, придавая всему живому душу и проявляющаяся в формах колдовства, тотемизма, культа природы и т.д. Это в совокупности формирует экологическое сознание меньшинств.

Юрий Рыхтэу:

Основываясь на размышлениях о влиянии утраты традиций в современном обществе, писатели национальных меньшинств используют древние мифы о природе своего народа для передачи тайн природы и восстановления её привлекательности через повествование, насыщенное мифологическими элементами. Они направляют свои усилия на рационализацию понятий и табу древних мифов, стимулируют уважение природы и соблюдение древних экологических обычаев, с целью преодоления недостатков современности, защиты экологической среды от кризиса и спасения будущего человечества. Миф о этническом происхождении является неотъемлемым элементом каждого первобытного народа. В легендах многих этнических меньшинств присутствуют предания об их происхождении от таинственных зверей. Например, в чукотской мифологии распространены рассказы о женщинах, выходящих замуж за морских животных, таких как моржи или киты, и становящихся прародительницами людей.

Юрий Рыхтэу – чукотский автор повести «Когда киты уходят», которая была создана в 1976 году. Работа состоит из трех частей, первая из которых отображает период жизни первобытных людей на галечном пляже, иллюстрируя мифологическую вселенную, существование которой опирается на гармоничные и единые отношения между человеком и природой. Художественное произведение начинается с изображения материального мира, насыщенного звуками, исходящими как от живых, так и от неживых объектов: писк ласки, шумное щебетание под камнями и разливы ручьев, грохот океанских волн острых скал, шелест лесных ветвей, приглушенный и глухой звук черных воронов, шумное карканье песцов и свист китов, поднимающих к свету свои столбы воды. Нау погружена в акустическую среду, ощущая все звуковые воздействия на окружающую среду. Повествование охватывает различные аспекты жизни чукотского народа, включая процесс изготовления нитей из оленьих жил, создание игл из хвостов быков, изготовление одежды из шкур оленей и тюленей, потребление мяса моржа и тюленя, исполнение танца кита, упоминание о древних ритуалах жертвоприношений и другие аспекты. Автор представляет читателям богатые культурные практики чукотского народа. Видно, что «в повести писатель выражает от всей души свою любовь к народу Чукотки и к земле родины, давшей ему вдохновение и культурное наследие.» [\[2, с. 15.\]](#)

Первая часть посвящена взаимосвязи человека и природы, с учетом того, что в мире

природы все элементы - земля, вода, небо и люди - тесно взаимосвязаны. Дева Нау, олицетворяющая мифическое сознание и являющаяся посредником между человеком и природой, считается началом для прибрежных народов в рамках широкого мира. «Нау чувствовала себя одновременно упругим ветром, зеленой травой и мокрой галькой, высоким облаком и синим бездонным небом.» [\[3, с. 6\]](#) Когда Нау переживает чувство «великой любви», она осознает свою отличность от птиц и других животных. Она ощущает великую любовь после знакомства с китом по имени Рэу, и только когда ей удастся оторваться от мира природы, она чувствует новое уникальное внутреннее состояние, осознание себя как родоначальницы человечества и матери обитателей побережья. Автор описывает восприятие окружающего мира молодой девушкой по имени Нау, которая кажется «гостем с небес», подразумевая мифологическое представление чукотского народа о появлении людей на своей земле, а также показывает зарождение и развитие естественных человеческих эмоций (радости, страха, любви) и восприятие людьми окружающего мира и самими собой. «Великая любовь» не только отражает изменения в окружающем мире, но и разворачивает внутренний мир главной героини. Муж Нау, Кит, представляет себя под именем Рэу. Восприятие «Великой любви» Нау ведет к ее переосмыслению мира природы, а также к получению ею новых знаний и эмоционального благополучия. Одновременно же, любовь к Нау дает Рэу возможность обрести человеческое бытие. По мнению автора, любовь является не только источником сохранения рода, но и источником возникновения интеллекта. Мифологическая основа литературного произведения добавляет ему философскую глубину. Нау рождает как китов, так и человеческих младенцев. Во многих этнических обществах существуют мифологические предания о женщинах, выбирающих в женихи животных, что позволяет им стать предками своего рода. Советский исследователь фольклора Сергей Токарев провел сбор информации, в результате чего было обнаружено множество примеров легенд и поверий, связанных с происхождением родов и племен. Токарев также обнаружил историческую связь между этими преданиями и древними тотемическими верованиями. Он отметил, что эти верования укрепили традиции, обычаи и ритуалы, которые считались святыми и неотъемлемыми для человека как представителя рода, создавшего эти обычаи и ритуалы. Исследователи мифов коренных народов Севера России установили, что такие долгожители Сибири, как «обские ханты, уральские манси, нарымские селькупы вели свое происхождение от медведя, зайца, гуся, кедровки, журавля, щуки или лягушки.» [\[4, с. 6\]](#) Тотемизм представляет собой социокультурную систему, характерную для древних и современных варваров, основанную на верованиях и обрядовой практике. Согласно этой системе, племена или общины делятся на группы, каждый член которых считает себя кровным родственником определенного природного объекта, обычно животного, растения или неодушевленного предмета. В рамках тотемизма члены группы проявляют почитание и уважение к своему тотему, не подвергая его опасности. Многие исследователи интерпретируют такое почитание как религиозную веру, согласно которой каждый член клана является родственником или даже потомком тотема. Тотемизм играет значительную роль в религиозной жизни различных культурных групп, включая религию Чукотки, где поклонение тотему рыболовства и охоты имеет важное значение. «В чукотской мифологии главными героями в основном являются белые медведи, киты, моржи и вороны.» [\[5, с. 108\]](#) Персонажи Нау и Рэу представляют собой божественные фантастические фигуры, имеющие высокую значимость в тотемной мифологии в качестве тотемических предков. Помимо этого, они являются первосоздателями определенных видов животных и родовых групп людей. В известных мифах Чукотки Нау выступает в качестве первой женщины на побережье, которая является предком для чукотского народа. По большей части персонажи древней азиатской мифологии обладают двойной антропоморфизацией

животных. Связь с природой и создание общественных уз были установлены путем брака между Рэу и Нау. Процесс эволюции от животной формы к человеческой форме происходит за счет изменений во внешности. Миф объединяет жизненные циклы человека с природой, что представляет собой не только мировоззрение, но и основополагающую философию жизни, рассматривающую все живое как человека, животных и растения - как равноценные субстанции. Общность, единство и родство с миром природы демонстрируются через великую любовь Нау и кита Рэу. Посредством первоначального единства человека и природы Рыхэу приходит к своей проблемной философии, объединяющей вопросы добра, памяти и совести. Образно-художественная структура всей повести насыщена сказочной и аллегорической символикой. В «Великой любви» рождается первое поколение китовых детей, которые становятся основой прибрежных общин и началом формирования чукотского народа, выросшего из самой природы. Рыхэу подчеркивает взаимосвязь природы, животных и человека как единого целого. Дружелюбное отношение к природе, уважение к окружающим и гармония между человеком и окружающей его природой являются мифологической реальностью, которая укрепляет этнические принципы в сознании Нау и Рэу. Нау олицетворяет мать-природу и бережно охраняет своих потомков, что позволяет ей существовать до тех пор, пока будущие поколения будут уважать природный мир. Писатель придает бессмертие Нау, делая её существо мифическим. Она способна пережить века и служить наставником для человечества, хранителем древней памяти и традиций своего рода. Существование Нау становится критерием оценки отношений между человеком и природой, а также морали человечества. Она продолжает переживать в памяти новых поколений легенду о том, что человечество происходит от кита, убеждая их в том, что в каждом человеке пребывает кровь и дух этого древнего тотема. Более того, автор в своей повести говорит о непосредственном влиянии китов на обилие морских животных вблизи галечных пляжей, которое происходило еще в древние времена. Они помогали людям в охоте и обеспечивали их материальную жизнь. В повести Нау намекает на то, что нарушение запрета патриарха может привести к ее смерти. Во второй части произведения будущие поколения относятся скептически к идее о том, что киты - братья человека. Однако люди продолжают жить в гармонии с природным миром, и когда киты спасают охотников, свидетельствуется достоверность истории Нау. В третьей части повести образ разрушителя Армагиргина нарушает гармонию между человеком и природой, нанося ущерб и китам. Это непосредственно приводит к гибели Нау.

В повести Рыхэу призывает к трепетному отношению к природе и уважительному отношению к высоким нравственным нормам. Согласно этическим и экологическим представлениям писателя, без природы не может быть чистой человеческой души. Повесть была опубликована в 1976 году, а в 1982 году ЮНЕСКО приняла решение о приостановке китобойного промысла во всем мире, и можно сказать, что творчество писателя предвосхитило эту гуманитарную меру, направленную на сохранение природы и духовной экологии человечества. Рыхэу был награжден орденами Дружбы народов, Трудового Красного Знамени, Знака Почета, он и является советником ЮНЕСКО по проблемам арктических меньшинств и руководителем Арктического проекта. Задача данного проекта заключается в сохранении уникальной культуры и цивилизации Арктики в условиях технического прогресса, при этом обеспечивая защиту коренных народов данного региона. Для реализации этой цели писатель провел обширные исследования по всей Арктике, охватывая Россию, Скандинавию, Гренландию, США и Аляску в Канаде. Рыхэу, являющийся одним из самых популярных писателей конца XX - начала XXI века, получил прозвище чукотского Флобера и Бальзака, а также был причислен к числу русских Маркса и Джека Лондона. Его произведения отражают быт, национальные

обычаи и чувства чукчей, объединяя исторические и современные сюжеты с древними мифами, раскрывая духовный и нравственный мир чукотского народа.

Еремей Айпин:

В своих произведениях хантыйский писатель Еремей Айпин передает чувство беспокойства и тревоги, используя метафоры животных, чтобы обозначить культурные изменения. В то время как в 1970-е годы активно осваивались северные районы, многие хантыйские семьи лишились своих традиционных земель, что привело к острой утрате оленеводческих пастбищ. Люди вынуждены были переселяться в поселки и бороться за свое выживание. Вследствие этих изменений традиционные ремесла перестали быть востребованными, что привело к вымиранию этических обычаев и традиций, а также предопределило судьбу будущих поколений. Повесть «Волки», написанная в 1973 году, является ранним произведением Айпина. В ней описывается история молодого охотника, который оказывается преследуемым 7 волками. Герой убегает на кедр, чтобы спрятаться, и задумывается о том, как волки забрели в тайгу и что заставило их покинуть свою обыденную среду обитания. Чтобы избежать падения с дерева, охотник привязывает себя к нему ремнем и засыпает. В повести изображается символический образ дерева, спасающего героя. Дерево в мировоззрении народа по концепции трехъярусного мира представляет точку соединения, состоящую из корня, ствола и вершины, находящихся в нижнем, среднем и верхнем мирах соответственно. Описанный в тексте охотник, расположенный на вершине дерева, интерпретируется как находящийся в верхнем мире, мире богов. Писатель использовал здесь сновидение, чтобы отразить тот факт, что герой находится в пограничном пространстве различных слоев мира. В сновидении герой наблюдает разноцветные сцены, в которых он увидел отца, мать, сестру, невесту Анастасию, учительницу Анну Петровну. Каждый из персонажей, сидящих на деревьях, отражает свой социальный статус и различное отношение к волкам. Мать и сестра охотника первыми выбирают место на дереве, под которым волки ломают игрушки и книги девочек. Девочки и мать символизируют будущее хантыйской нации, однако это будущее отвергается и разрушается волками. Во сне охотника меняется образ Митрия Казамкина. Митрий – единственный, кто хочет помочь Микуле, но когда он приезжает к Микуле на буровой установке, он только кричит «Нет, нет, лучше пусть волки его съедят!» [6, с. 50]. После этого Микуль исчез, вместо него появился нечто страшное, похожее на буровую вышку, и со всех сторон к охотнику приближаются чудовища, каждое из которых носит образ волка, усиливая отчаяние от надвигающейся катастрофы.

Влияние многокультурности и необратимый процесс индустриализации привели к значительным изменениям в условиях жизни этнических меньшинств, что вызвало широкое распространение эмоций замешательства, трудностей и тревоги. Символ волка отражает хищническую цивилизацию, а буровая машина стала подобным волку инструментом, оставляя за собой лишь растрескавшуюся землю. Главный герой, Микуль, был готов пожертвовать своей жизнью ради целостности земли. В кульминации повествования он представляет свое видение того, как идти среди волков, что размывает границу между реальностью и воображением, усиливая загадочность произведения и оставляя читателей с открытым финалом, над которым могут задуматься все. С одной стороны, в контексте процесса освоения земель на севере России, волки подвергаются воздействию негативных факторов, что влечет за собой риск уменьшения их численности и гибели. С другой стороны, явное сокращение территорий, на которых может свободно обитать дикая природа, в том числе и волки, можно рассматривать как символ прогрессивной цивилизации. Тем не менее, в контексте творчества Айпина образ

волка выступает метафорой, которая символизирует будущую судьбу персонажей, таких как Микуля, его семья, и другие представители хантыйского народа. В этом контексте использование метафорических образов животных является одной из главных характеристик творчества Айпина, которая связана с его жизненным опытом, включая опыт охотника. Отличительной чертой произведений Айпина от произведений Шесталова и Рытхэу является их более трагический характер. Он проявляет негативное отношение к развитию современной индустриальной цивилизации, воспринимая прогресс данной цивилизации как угрозу и вред для традиционного образа жизни народа. В повести «Бездомная собака» герои Малый Михаил и Микуль двигались на оленях в направлении своего дома и решили провести ночь у своего родственника Демьяна. Во время пути обнаружили, что за их оленями гналась бездомная собака, однако Микуль прогнал её. Однако по пути они узнали от родственницы Матрены, что Демьян переехал на другое место. В планах на отъезд братья встретили снова бездомную собаку и решили взять её с собой на временную стоянку у Демьяна. Прибыв в назначенное место, герои обнаружили, что вместо нового дома Демьяна находилась оборванная и залатанная палатка. Демьян рассказал о своей участи «Кто знает, что нас завтра ждет на этом месте? - спросил Демьян. - В прошлом году выбрал место для нового дома, не успел за топор взяться - там буровую поставили. Разве с таким соседом проживешь?» [\[6, с. 171\]](#) Автор в своем произведении выстраивает параллель между персонажем Демьяном и бездомной собакой, демонстрируя тем самым неразрывную связь судеб этого героя с ситуацией, возникающей у хантыйского народа в процессе развития и индустриализации. «Этнические меньшинства, независимо от того, являются ли они активным выбором или пассивным принятием, должны быть интегрированы в современные тенденции развития, индустриализация, процедурные и рациональные современные экономические средства влияют на традиционный образ жизни этнических меньшинств, в частности, беспорядочная эксплуатация ресурсов еще более серьезно влияет на экологическое сознание в традициях этнических меньшинств.» [\[7, с. 6\]](#) В то время, когда другие литераторы прославляли прогресс индустриальной цивилизации, Айпин отметил, что этот прогресс принес несчастье хантыйскому народу. Добыча и разведка нефти отпугнула животных, а железная дорога стала непреодолимым препятствием для оленеводов, изменяя традиционный образ жизни и менталитет хантов-кочевников. «Кто знает, что нас завтра ждёт на этом месте?» передаёт внутренний голос самого писателя.

Юван Шесталов:

«Языческая поэма» является известнейшим произведением мансийского поэта и писателя Ювана Шесталова. Данный поэтический сборник, созданный автором Шесталовым, представляет собой уникальное сочетание национального эпоса и лирики. В творении присутствует новый тип современного национального эпоса, который ориентирован на пробуждение самосознания и патриотизма народа манси, а также на воспитание веры в лучшее и справедливое будущее. В работе содержится рассуждение об экологической среде и взаимоотношениях между человеком и природой. Общее настроение творения направлено на пробуждение национальной идентичности и развитие этнического самосознания. Поэт в начале поэмы выразил такие опасения: «Сколько звуков, сколько жизни! Неужели все они когда-нибудь станут сказкой? И, проснувшись однажды утром, я увижу вместо солнца яркое электросверло и не гогот гусиный услышу, а рокот железных машин.» [\[8, с. 8\]](#) Поэма состоит из 8 частей. Начало пятой из этих частей - «Песня последнего лебедя» предвещает экологическую катастрофу. «Весной на лесное озеро прилетел один лебедь. В небе веселились другие

птицы-самолёты. И уток стало мало! Раньше охотники любовались лебедями. А этот лебедь плакал. Его плач и записал я ...» [8, с. 103] Поэт слышит крик боли природы и призывает: «Но берегите белые мои озера, ибо почернеет небо без белых лебедей, почернеют ночи без белых лебедей, под зеленою травой проступит черная пустошь.» [8, с. 104] Экологическое сознание, отраженное в литературе малочисленных народов, обусловлено в первую очередь уважением к природе, которая обеспечивает им всем необходимым для существования, а также тем обстоятельством, что представители малочисленных народов не могут существовать вне взаимодействия с природой и всегда живут в равновесии с ней. «В то время именно благодаря уважению и страху перед природой формируется система табу и религиозные убеждения в законном смысле, которые играют нормативную или сдерживающую роль в поведении меньшинств.» [7, с. 121] Многие произведения, написанные писателями из числа этнических меньшинств имеют в названиях слово «последний», например «Последний шаман» Юрия Рытхэу, «Последний рейс» Еремея Айпина, «Последняя дань обычаю» Владимира Санги. «Эти произведения сосредоточены на проблеме "последнего", так как с исчезновением "последнего" исчезают расовые гены, культурные связи, и жизненный опыт, унаследованный "последним", и эта невыразимая боль делает литературу этнических меньшинств всегда пронизанным тяжёлой атмосферой трагизма и сентиментальности.» [7, с. 3] В поэтических произведениях «Думы глухаря», «Песня соболя», «Плач осетра» изобразительно представлены страдания природы, причиной которых автор указывает на молодых людей с хмурыми лицами. Используя тонкий лиризм, он выражает озабоченность и размышления об экологическом кризисе с точки зрения самой природы. По мнению писателя, вторжение в природу и ее уничтожение не является надвигающейся экологической катастрофой, а отражает проблему воспитания. Запах родины ощущается в стихах Шесталова, пропитанных ароматом тайги, тихим плеском волн Оби, а также запахом лугов. Поэзия поэта пронизана эмоциями, неразрывно связанными с родиной, любовью к природе и народу.

В своих произведениях Шесталов стремится изменить традиционное и историческое представление о Сибири и ее народах. Он описывает аборигенов как детей природы, которые любят свою землю и свой дом. По его мнению, народы Севера не должны поддаваться соблазну прогресса индустриальной цивилизации. Это почитание и любовь к природе, скорее всего, уникальны для его произведений. Основной целью поэта является раскрытие поэтической красоты манси. Бурное развитие XX века привело к множеству открытий, но также вызвало ряд проблем для человечества. Беспокой о будущем коренных народов Севера, Ювана Шесталова также вдохновила тема защиты окружающей среды. В его творчестве деревья, цветы, животные и птицы олицетворены как живые существа, обладающие способностью жить, петь, говорить, думать и чувствовать. Его стихи призывают читателей беречь красоту леса, защищать медведей, охранять реки и озера, а также беречь каждую травинку на земле. В стихотворении «Я - человек» человек не рассматривается как беспомощное дитя перед природой, а напротив, сама природа - беспомощное дитя перед человечеством. Поэт размышляет о хрупкости, уязвимости Земли, судьба которой зависит от человечества. В стихотворении «Жить, жить, жить...» звучит беспокойство о своём народе: «Кто говорит что народ мой умрет или растает, как вешний лед, или вода с берегов его смоет? Кто говорит такое? Кто говорит, что под снегом холодным насмерть замерзнет песня народная и даже ветер - странник болтливый - вспомнить не может ни слов, ни мотива?» [8, с. 40], но в конце стихотворения поэт выразил надежду о выживании своего народа: «Буду я жить, жить, жить! Если же так - то умрет ли народ мой, скажите? Буду я жить, жить, жить! Или

растает народная песня, скажите? Вечно ей жить, жить, жить!» [8, с. 41] В повестях Ю. Шесталова наблюдается аналогичная тревога по поводу социально-экономического развития коренных народов. В работах «Синий ветер каслания» и «Большая рыба» автор уделяет внимание жизни оленеводов и рыбаков, проявляя заботу о будущем манси. Фокус писателя сосредоточен не только на традиционных национальных ремеслах, но и на общей перспективе. Несмотря на возможную двусмысленность его творчества, Шесталов в целом позитивно настроен к развитию родной нации. В своей повести «Тайна Сорни-най» он стремится проследить аналогию между нефтью и черным золотом, выражая оптимистическое отношение к освоению нефтяных и газовых ресурсов на родине, однако также выражает беспокойство по поводу экологии.

Сущность экологического сознания в литературе этнических меньшинств заключается в осознании возможности существования культуры, где культурная идентичность является главной целью. Основная особенность этнической экологической литературы заключается в направленности экологического сознания на проблему культурной идентичности, которая тесно связана с проблемами экологии. Экологическое мышление этнических меньшинств тесно связано с их народной культурой, однако за последние пятьдесят лет эта народная культура и традиции, способствовавшие развитию экологического мышления, утрачиваются. Для писателей, уделяющих внимание экологии, процесс спасения экологии представляет собой переживание поиска корней культуры и утраченной цивилизации.

Библиография

1. Ван Но. Европейская и американская экологическая литература. Издательство: издательство Пекинского университета. 2003.
2. Чжоу Цзянбо. Анализ творческой темы повести Рыхэу «Когда киты уходят». Современное и древнее культурное творчество. 2020. №36. С. 15-16.
3. Рыхэу Ю. Когда киты уходят. Перевод: Лу Юнчан. Гуйлинь: Издательство Ли Цзян. 1997.
4. Соколова З. П. Культ животных в религиях. Москва: Наука. 1972.
5. Сунь Юньлай. Обзор истории Чукотского народа. Хэйлунцзянская национальная серия. 2005. № 1. С. 105-108.
6. Айпин Е. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Издательский дом «Новости Югры». 2020.
7. Ли Чанчжун. Экокритика и исследование национальной литературы. Издательство: Китайская социальная наука. 2012.
8. Мансийская литература: хрестоматия для учащихся 10 кл. общеобразовательных учреждений / под ред. С.С. Динимламовой. Тюмень: ООО «ФОРМАТ». 2017.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи достаточно интересен, по-своему нов, оригинален. Автор обращается к т.н. экологическому сознанию в творчестве писателей малочисленных народов России. Работ смежной тематической направленности в круге научных изысканий не так много. Следовательно, материал может занять должное место, вызвать определенную реакцию. Стоит согласиться с позицией Ван Но, что

«экологическая литература – это не просто литература, описывающая природу. Она принципиально отличается от традиционной литературы. То есть в ней раскрываются отношения между природой и человеком, выражается влияние природы на человека, положение людей в природе, связь всех вещей в природе, разрушение природы людьми, интеграцию человека и природы...». Констатирую, сейчас особенно важно в режиме научного знания комментировать художественные тексты, которые, так или иначе, касаются указанного проблемного вектора. Для читателей же ценно приобщению к накопленному опыту, осмысление по новому реалий окружающей нас жизни. Работа информативна, конструктивна, в ней объективно и взвешенно представлена точка зрения исследователя, дан нужный вектор аргументации. Суждения по ходу текста аналитичны: например, «среда, в которой живут этнические группы, тесно связана с их национальной идентичностью, культурной жизнью и источником жизни. Когда среда исчезнет, жизнь этнических групп будет трудно продолжать и она постепенно исчезнет, и боль, вызванная этим, отличается от той, которую испытывает основная этническая экологическая литература. В экологической литературе этнических меньшинств всегда можно затронуть корень сильного чувства тревоги и беспомощности и чувство потери. Акцент на экологических элегиях свидетельствует о ценностной позиции и этической ориентации этнических меньшинств по отношению к утрате своей земли и окружающей среды, и даже в устных легендах, мифах, балладах и другом фольклоре они неизменно выражают свою любовь к гармонии с природой и к разрушению этой гармонии» и т.д. Стиль соотносится с собственно научным типом, сбивов и повторов не выявлено: «на основе своей экологической значимости и стихийного осознания необходимости охраны окружающей среды у меньшинств естественным образом сформировались нормы управления межличностными отношениями на основе экологических принципов. Национальная культура, взращенная на этой культурной почве, неизбежно является гармоничной, экологической национальной культурой, которая, будучи тесно связана с первобытной религиозной идеей существования духов во всем живом, наделяет все живое душой и проявляется в виде колдовства, тотемизма, культа природы и т.д., что в совокупности формирует экологическое сознание меньшинств». Экологическое сознание реконструируется и разбирается на примере текстов Ю. Рытхэу, Е. Айпина и Ю. Шесталова. Выбор, на мой взгляд, оправдан, ибо маркировка вопроса в их произведениях налична. Считаю, что раскрытие темы по ходу работы планомерно, автор останавливается на наиболее важных моментах текстов, дает полновесную картину художественного многообразия. Например, «Когда киты уходят» был написан в 1976 году чукотским писателем Юрием Рытхэу. Повесть состоит из 3 частей. В первой части писатель воссоздает период первобытной жизни на галечном пляже. Он показывает мифологическую вселенную, которая может существовать только в гармоничных и единых отношениях между человеком и природой, Повесть начинается с изображения мира, наполненного материальными звуками, состоящими из живых и неживых объектов: писк ласки, шумное щебетание птиц под камнями, журчание ручья, грохот волн о камни, шелест ветра, журчание волн, приглушенный и глухой звук черных воронов, шумное карканье песцов и свист китов, поднимающих к небу свои столбы воды», или «в отличие от Шесталова и Рытхэу, произведения Айпина более трагичны. Он негативно относится к развитию современной индустриальной цивилизации, считая, что прогресс такой цивилизации несет большую угрозу и вред традиционному укладу жизни народа. В повести «Бездомная собака». Главные герои повести — братья Малый Михаил и Микуль. Они ехали домой на оленях и решили переночевать у своего родственника Демьяна. В деревне за их оленями гналась бездомная собака, Микуль прогнал её, и по дороге они [они – ИСПРАВИТЬ!] узнали от родственницы Матрены, что Демьян переехал на другое место» и т.д. На мой взгляд, работу нужно тщательно вычитать, ибо в тексте встречается

достаточно большое количество ошибок: «Она способна выжить на протяжении веков и существовать как наставник человечества...», или «критерие для проверки взаимоотношений человека с природой...», или «Она продолжает внедрять в память новых поколений легенду о происхождении человечества...», или «увлечения бурной индустриализации. 1970-е годы -- период интенсивного освоения северных районов, многие хантыйские семьи были лишены своих исконных земель, площадь оленьих пастбищ резко сократилась. Люди были вынуждены переселяться в поселки и владеть жалкое существование в естественных условиях...», или «После этого Микуль исчез, на его месте появился нечто страшное, похожее на буровую вышку...», или «В то время как другие литераторы воспевают прогресс индустриальной цивилизации, Айпин заметил что, этот прогресс принеет несчастье хантыскому народу» и т.д. В финальном блоке автор приходит к следующему выводу: «экологическое сознание в литературе этнических меньшинств – это осознание того, может ли культура существовать или нет, т.е. культурная идентичность является основной целью такой литературы. Главная особенность эколитературы этнических меньшинств заключается в том, что экологическое сознание в конечном итоге направлено на проблему культурной идентичности, а экологические проблемы и проблемы культурной идентичности – это одна и та же проблема. Экологическое мышление этнических меньшинств тесно связано с их народной культурой, и за последние полвека эта народная культура и традиции, питавшие экологические ростки, утрачиваются. Для писателей, сознательно относящихся к экологии, процесс спасения экологии – это процесс поиска корней культуры и утраченной цивилизации». Считаю, что методы анализа, которые использованы в работе, достаточно актуальны, хотя и соотносятся с описательной стратегией. Основные требования издания учтены, тема как таковая раскрыта, цель – достигнута. Рекомендую рецензируемую статью «Экологическое сознание в творчестве писателей малочисленных народов России (на примере Ю. Рытхэу, Е. Айпина, Ю. Шесталов)» к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Экологическое сознание в творчестве писателей малочисленных народов России (на примере Ю. Рытхэу, Е. Айпина, Ю. Шесталова)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей реализации экологического сознания в творчестве писателей, представляющих малые народности, проживающие в Российской Федерации.

Автор обращается к узкой тематике, а именно к изучению осознания природы в сознании малых народов, которые ввиду географических особенностей местности долгое время были отделены от других народностей, населяющих нашу страну, что позволило сформироваться уникальной культурной идентичности, живущей в тесной связи с природой, которая была утрачена современными людьми с приходом урбанизации и индустриализации.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, а именно к сравнительно-историческому методу, методу обобщения и методу

семантического анализа. Практическим материалом послужили произведения писателей, пишущих о чукотском, мансийском и хантыйском обществе. Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами на русском языке, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 8 источников, среди которых представлены работы как русских, так и зарубежных (китайских) специалистов. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Отметим, что в статье нарушен общепринятый порядок алфавитного выстраивания источников согласно ГОСТа. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов теории отечественной литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Экологическое сознание в творчестве писателей малочисленных народов России (на примере Ю. Рыхэу, Е. Айпина, Ю. Шесталова)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Куприн А.С. — Поэтическая специфика «О гибели Британии» Гильды и «Гесперийских речений»: прагматический аспект и доминантный анализ. К 135-летию со дня рождения Б. И. Ярхо (1889–1942) // Litera. – 2023. – № 12. – С. 176 - 189. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69344 EDN: DUJQVB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69344

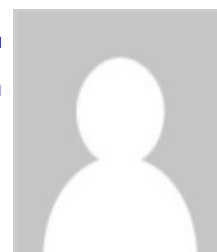
Поэтическая специфика «О гибели Британии» Гильды и «Гесперийских речений»: прагматический аспект и доминантный анализ. К 135-летию со дня рождения Б. И. Ярхо (1889–1942)

Куприн Александр Сергеевич

преподаватель, кафедра древних языков и древнехристианской письменности, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

127051, Россия, г. Москва, пер. Лихов, 6, с. 1

✉ al.kuprin@inbox.ru

[Статья из рубрики "Поэтика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69344

EDN:

DUJQVB

Дата направления статьи в редакцию:

16-12-2023

Дата публикации:

23-12-2023

Аннотация: Предметом рассмотрения в настоящей работе стало послание-проповедь бриттского писателя Гильды Премудрого «О гибели Британии» и поэтический текст «Гесперийские речения», написанный на Британском архипелаге (предположительно в Ирландии). Оба сочинения написаны на латинском языке и представляют собой вехи в истории иробританской словесности поздней античности и раннего Средневековья. Консенсусная датировка с точностью до года или по крайней мере декады для обоих памятников отсутствует. "О гибели Британии" написано предположительно в конце V – начале VI вв.; "Гесперийские речения" обыкновенно относят ко второй половине VII в. Послание "О гибели Британии" содержит краткий исторический очерк и обширную

инвективу бриттским королям и клиру. "Гесперийские речения" отражают литературную практику книжников-латинистов, упражнявшихся в стихосложении. В качестве концептуальной базы для настоящего исследования выступают методологические разработки Б. И. Ярхо (1889–1942), изложенные в его фундаментальном труде «Методология точного литературоведения». На её основе автор статьи выделяет комплексы стилистических признаков, композиционное распределение которых отражает выраженность общих для Гильды и автора "Гесперийских речений" (фаминатора) поэтических доминант. Регулярность превалирования тенденции синтаксического замыкания в "Гесперийских речениях" над той же тенденцией в "О гибели Британии" указывает на то, что специфическое отношение к стилистике синтаксиса, актуальное для фаминатора и его поэтического круга, начало формироваться ещё в эпоху Гильды. Ценностная общность обоих текстов, представленная в превалировании определённых поэтических доминант, может служить одним из наиболее серьёзных аргументов в защиту тезиса о прямой преемственности фаминатора от Гильды или литераторов его круга. Можно предварительно согласиться с тезисом Д. О. Торшилова, типологически сближающим литературу фаминаторов с александрийской поэзией (при всей подразумеваемой разнице культурного фона). Развивая сравнение литературоведения с биологией, проводимое Б. И. Ярхо, можно уподобить формальный анализ произведений разных жанров рассмотрению организма в микроскоп, поскольку метод тщательной выборки («забор материала») в нём предпочтительнее, чем тотальный подсчёт по всему тексту. В последнем случае неизбежно лавинообразное накопление погрешностей подсчёта в силу включения в материал большого числа промежуточных и проблематичных явлений.

Ключевые слова:

О гибели Британии, Гесперийские речения, Раннее Средневековье, Гильда Премудрый, стилистические средства, композиция текста, гесперийская литература, латинский синтаксис, стилометрия, средства цитирования

Введение

Предметом рассмотрения в настоящей работе стало послание-проповедь бриттского писателя Гильды Премудрого «О гибели Британии» (*De excidio Britanniae*, далее DEB) и поэтический текст «Гесперийские речения» (*Hisperica Famina*, далее HF), написанный на Британском архипелаге (предположительно в Ирландии). Оба текста написаны на латинском языке в период смены культурных эпох в Европе (от поздней Античности к раннему Средневековью).

Консенсусная датировка с точностью хотя бы до декады для обоих памятников отсутствует. Т. О'Салливан в монографии, посвящённой датировке DEB, указывал на «ок. 515–30 гг., наиболее вероятной представляется нижняя граница этого периода» [\[1, с. 178\]](#); Н. Найем относит написание DEB к ок. 479–484 гг. [\[2, с. 141\]](#). За период написания HF обычно принимается вторая половина VII в. (краткий обзор датировок: [\[3, с. 41\]](#)), не в последнюю очередь в силу склонности исследователей сближать специфику языка HF со стилистическими особенностями сочинений англосакса Альдхельма (ок. 640–709) ([\[4, с. 96–97\]](#) [\[5, с. 47–49\]](#), особенно см. краткий комментарий П. Гирбренди в связи с 5-м письмом Альдхельма [\[6, с. 62\]](#); тж. [\[7, с. 155–189\]](#)). В настоящей статье рассматривается т. н. А-текст

HF, наиболее цельный и пространный памятник этого корпуса (в ссылках: HF-A).

HF традиционно входят в круг сочинений, с которыми сравнивается DEB (как в силу относительно небольшого объёма корпуса латинской литературы древней Британии, так и в силу специфики языка обоих памятников), наряду с «Церковной историей народа англов» св. Беда Достопочтенного, псевдохроникой «История бриттов» некоего Ненния, «Анналами Камбрии» и сочинениями Гальфрида Монмутского. Особенно примечательна работа Фр. Кэрлуэгана, применявшего количественный анализ при исследовании языка DEB [8], отдельно выделяя *vocabulaire hisperique* 'гесперийскую лексику' [8, с. 227–235]. В то же время сличение DEB и HF не должно приводить к чересчур смелому сближению обоих памятников; как указывал М. Лапидж, «Гильду, в силу сложности его латыни, регулярно относили к определённому кругу раннесредневековых авторов, [пишущих на] узнаваемо сложной латыни <...>. Такое сближение затемняло объективные связи текста Гильды с позднеантичными латинскими авторами» [9, с. 27] (перевод мой — А. К.). Некоторому прояснению области, в которой DEB и HF поэтически сближаются, и посвящена настоящая статья.

В качестве концептуальной базы для настоящего исследования выступают методологические разработки Б. И. Ярхо (1889–1942), изложенные в «Методологии точного литературоведения» ([10]; далее МТЛ). Эта широко разветвлённая понятийная система, разработанная энциклопедически образованным автором, может стать важным методологическим источником для современного литературоведческого анализа древнего текста.

В ссылках для DEB используется деление на главы и параграфы по изданию М. Винтерботтома [11], для HF — на стихи по изданию Д. Б. Шабельникова и Д. О. Торшилова [5]; оригинальный текст также приводится по этим изданиям. Перевод текста Гильды мой. В случаях, когда для HF нужно дать перевод, приводится перевод Д. Б. Шабельникова. Вслед за Р. Эллисом и Д. Б. Шабельниковым я называю автора (или авторов) HF *фаминатором* (см. [5, с. 37]).

Основная часть

Методология Б. И. Ярхо. Основным методологическим достижением Б. И. Ярхо следует признать проработанную номенклатуру понятий, концептуализирующих количественный анализ, что проистекает из эпистемологической направленности произведения (на что указывает уже авторская рубрикация), ориентированного не столько на синтез достижений специальной дисциплины, сколько на выработку аппарата с высокой эвристической мощностью. В частности, для каждого этапа исследования очерчен круг релевантных проблем, выделены объекты исследования для каждой из литературоведческих дисциплин (напр., [10, с. 31–54, 77, 79–81 и др.]). Основным материалом для автора служит европейская драма и лирика (Хросвита, Расин, Шекспир, Пушкин, Лермонтов и др.), в том числе малые стихотворные формы (эпиграммы, частушки). В исследовательском процессе Б. И. Ярхо строго разделяет этапы анализа и следующего за ним синтеза. Одним из основополагающих понятий синтеза является понятие *комплекса*, представляющего собой «не агломерат, а органическое целое», «не сумму признаков, а систему» [10, с. 109]. Хотя оно определено весьма общо («комплексом является <...> всякий объект исследования, ибо в теории всё может быть разделено, всё состоит из частей. На практике же всегда исследованию подвергаются такие явления, сложность которых бросается в глаза» [10, с. 109]), по композиции рассуждения

естественно сделать вывод, что речь идёт о комплексе *признаков*, т. е. «произвольно абстрагированных свойств комплекса» [10, с. 68] (впрочем, при таком определении имеем «круг в определении» (*idem per idem*)). Таким образом, понятие *признака* у Ярхо почти совпадает с таковым в формальной логике. При этом сами комплексы рассматриваются не абстрактно-систематически, а непременно композиционно (категория *сукцессивности*, см. [10, с. 94–95]; см. также у Ярхо очень взвешенную критику композиционной неразборчивости [10, с. 40–41]).

В качестве объекта литературоведческих дисциплин Б. И. Ярхо выделяет звуко сочетания (фоника), грамматические (=морфосинтаксические?) формы (стилистика) и «смысловые формы» (поэтика) [10, с. 73]; литературоведческое «исследование, чтобы быть научным, должно заниматься только объективным составом образа, тщательно выясненным на словесном материале текста» [10, с. 76]. Призывая литературоведение по точности метода приблизиться к биологии [10, с. 28–30 и др.], автор даже уподобляет понятие *произведения* биологическому понятию *индивидуума*, что позволяет ему поднимать вопрос о степени *органичности* тех или иных комплексов и классифицировать их по этому признаку, сравнивая их с полипами, коралловыми колониями, т. н. крысиным королём и т. д. [10, с. 111–117]. Как видно, речь идёт о рассмотрении текста не как дискретной конструкции, в ходе анализа непосредственно разложимой на элементы и связи между ними (метафора кирпичной стены), а как органического целого, между смысловой глубиной и формальной структурой которого имеют место сложные отношения, описываемые путём анализа композиционного распределения доминирующих признаков, *доминант* [10, с. 120–127]. Таким образом, на основании воззрений Б. И. Ярхо тезис о единстве формы и содержания, высказанный ещё Б. В. Томашевским [12, с. 7] между написанием МТЛ и её выходом в свет, получает как более глубокое идейное фундирование, так и непосредственное практическое значение.

Можно сказать, что категориально концепция Б. И. Ярхо отличается от традиционного литературоведения приблизительно так же, как в индоевропеистике теория волн отличается от теории ветвей (ср. с [10, с. 346], где автор обращается к физической теории волн). Умеренную эпистемологическую критику теории Ярхо см. в статье М. Шапира в том же издании [13]. Так как позиции Б. И. Ярхо свойственен биологический позитивизм, что особенно заметно в наполнении литературоведческих категорий «с оглядкой» на биологию (напр. [10, с. 111–113]), обращение к предложенному учёным аналитическому аппарату требует систематической переработки, особенно в случае сравнительного анализа разножанровых текстов.

Рецепция методологии Б. И. Ярхо. В свете вышесказанного ценностное ядро теории Б. И. Ярхо можно свести к следующему: а) рассмотрение всех аспектов структуры произведения строго в свете композиции (ср. с теорией поэтики композиции и «точки зрения» Б. А. Успенского [14]); б) метафора «живого организма», противодействующая безрефлексивному механическому дроблению произведения в ходе анализа; в) высокая компаративистская (а в перспективе – и типологическая) ценность за счёт категориальной концептуализации статистических данных.

Во-первых, следует отметить, что, хотя Б. И. Ярхо в некоторых главках обращается *ad hoc* к материалу романов, его концепция построена в стиховедческом ключе, так что даже весьма несхожие между собой жанры (напр., эпиграммы и трагедии) предстают в ней априорно соизмеримыми по формальному признаку (как минимум метрическому). Во-

вторых, в настоящем исследовании мы сравниваем тексты столь несхожих жанров (притом жанров, по-видимому, синкретических), что количественные показатели становятся применимыми лишь ограниченно — в силу разницы применения формальных стилистических средств в DEB и HF.

Отсюда позиция Ярхо принимается нами как теория, в рамках которой поэтические структурные подсистемы поняты как композиционно данные комплексы признаков, отражающие внутреннее единство целого (метафора организма). В таком случае количественный анализ выступает как подлежащая концептуализации и, как следствие, удобоструктурируемая и удобообозримая процедура. Это необходимое на данном этапе исследования понимание, т. к. нужно прежде определить и описать круг конституирующих произведения комплексов и лишь затем выделять доступные для подсчёта единицы этих комплексов, которые притом могут оказаться разнопорядковыми. На данном этапе анализа есть основания предполагать, что в DEB средства включения несобственного текста (citation devices, Führungsmittel) обладают рядом изоморфических (по отношению к нижеуказанным доминантам) признаков, так что их описание и исчисление проблематично. Последнее будет удобоосуществимо после построения «деревьев» сверхфразовых рядов при цитатах в DEB — наподобие того, что я в общем виде показал в статье о стиле DEB [\[15\]](#). В нижеследующем анализе протяжённые цитаты в DEB описаны только с одной стороны, количественной (как элементы *нагромождения*), но не со структурной.

В ходе исследования оказалось необходимым обращать особенное внимание на выделение соразмерных текстуальных единиц, подлежащих формальному описанию, а равно и на теоретический синтез данных, полученных в ходе количественного формального анализа. Проблема соразмерности не могла быть решена на уровне целого текста: DEB поделено на несоразмерные параграфы — не по произволу издателя, а в силу того, что сами «абзацы» обнаруживают весьма неодинаковую степень парцеллируемости (так, напр., глава 66 примерно в 4,5 раза больше главы 2 и в 2 с лишним раза больше главы 3, однако ни одну из них нельзя разделить в качестве материала анализа). Ввиду этого анализ проводился на избранных отрезках DEB, к которым подбирались соразмерные отрезки HF-A. Притом выделенные ниже формальные стилиевые признаки наблюдаются на протяжении авторского текста обоих памятников (под неавторским текстом я имею в виду обильное цитирование Гильдой Библии), т. е. стиль Гильды в существенной мере единообразен, как и стиль фаминатора.

Вышесказанное не устраняет вопрос *распределения* формальных признаков какой-либо эстетической тенденции. Поэтому мы, хотя и воздержимся от вычисления *пропорций* и коэффициентов, всё же дадим некоторые количественные данные, сосредоточивая анализ на описании частотных признаков. Исчисляемой величиной выступают стилиевые доминанты [\[10, с. 120–127\]](#), а единицей исчисления — *формальные признаки*, входящие в определение доминанты (так как речь идёт о комплексах стилиевых средств, первостепенных для формирования структуры и жанра текста, анализируемые доминанты одинаково релевантно называть как стилиевыми, так и поэтическими). Такой подход (его можно назвать *стилометрическим*) позволит говорить о степени выраженности общей поэтической тенденции (или, проще, о поэтической общности) обоих памятников. Мы не будем специально задаваться вопросом о лексическом (через посредство глоссариев или нет) наследии DEB в HF.

Формулировка требующих исчисления доминант будет выполнена в ходе *прагматического* анализа, т. к. поэтическая структура текста постулируется

прагматическими отношениями. Таким образом, в ходе исследования будет совершён т. н. герменевтический круг: вычлененные в общем виде с позиции прагматики стилевые доминанты будут исчислены и описаны, что даст основание для синтеза формальных данных в проблемном поле эстетической общности DEB и HF.

Об анализе прагматики текста. Согласно Б. Успенскому, «прагматика композиционного построения рассматривает проблемы композиции произведения в связи с его читателем, т. е. тем, кому адресован данный текст. Композиционное построение может специально предусматривать определённое поведение читателя — таким образом, что последнее входит в расчёты автора произведения, как бы специально программируется им» [14, с. 164]. Таким образом, прояснение прагматической специфики текста строится вокруг известной коммуникативной рамки «адресант — сообщение — адресат». Из всего спектра проблем прагматики указанных текстов нас интересуют именно те, которые способны объяснить конкретную поэтическую структуру, исследуемую в рамках анализа доминант.

Адресант и адресат. Тип авторской речи, представленный в DEB и HF, в общем виде можно охарактеризовать как *говорение от коллектива* (или, в психологическом ключе, — *коллективистское мышление*): основными героями изображения как со стороны фаминатора, так и со стороны Гильды выступают *группы* людей (в HF — не только людей), так что любой описываемый конфликт понимается авторами как противостояние не личностей или идей, а в первую очередь групп и представителей групп. Можно сказать, что как Гильде, так и фаминатору не чуждо «партийное» мышление, однако если в DEB в качестве адресатов инвективы действительно вовлечены политические и церковные партии, то в HF речь идёт о литературном «кружке», который, впрочем, подобно партии, мыслится эзотерически (типологически естественное явление, ср. с поэтическими братствами и товариществами в биографии Алкея, Горация, Алкуина, Данте, Е. А. Боратынского, Н. С. Гумилёва и многих др.).

Поэтика количества. В DEB наиболее ярко эти групповые оппозиции формулируются в DEB 27 (инвектива царям, *reges*, и судьям, *iudices*) и DEB 66 (инвектива клиру, *sacerdotes*, *clerici*). Кроме того, среди интересующих Гильду партий особую группу составляют ветхозаветные пророки (*sancti vates* 37.3), подобно политической партии имеющие своего предводителя (*auctor prophetarum* Esaia 42.1). Именно на фоне «партийного мышления», т. е. привычки автора мыслить политико-историческую реальность как арену столкновения коллективных сил, заметно, насколько трагически переживается Гильдой одиночество его манифестации: «в ревности по дому Господню, священному Закону, сподвигаемый ли [собственными] аргументами и соображениями или благочестивыми молитвами братьев, ныне выплачиваю заём, полученный весьма давно» (DEB 1.16). Именно в этом отношении образ автора смыкается с образом ветхозаветного пророка, поставленного на одинокое и неблагодарное служение.

В HF эта поэтизация количества приобретает более тотальный принцип; это не только «партийность» (*cuique adheretis rhetori 'какого держитесь ритор'* HF-A 21), но и перечисление «двенадцати пороков авзонийского неба» (причём числительное *bis senos* HF-A 116 стоит в сильной позиции: не просто в начале стиха, но и в начале самого «каталога» в принципе и, если принимать точку зрения, что «двенадцать пороков» представляют собой отдельный текст, – в начале текста), и «каталог животных» (HF-A 146–184), избыливающий подлежащими во множественном числе (в качестве подлежащего даны и собирательные существительные, такие как *sigia* 'собрание, стая' 146, *coetus* 'сонм' 154, 164), и описание неба (HF-A 358–380; помимо числительного

quinos 'пять' HF-A 366 отметим также изобилие существительных во множественном числе) и т. д. Показательно, что собственное поэтическое творчество также описывается фаминатором в категориях количества (напр., loquelas strues 'груды словесные' HF-A 359), что весьма ярко выражено в описании самих книжников (HF-A 497–512): в нём из 25 существительных 21 употреблено во множественном числе, причём из четырёх оставшихся одно является собирательным (caterva 'рать' 497), а ко второму (ligo 'расцветка' 499) дано прилагательное multigenus 'разнообразный', так что образность количества не передают только 2 существительных (8% от всех существительных фрагмента).

«Эстетика виноградной лозы». «Первым [в гесперийском стихе обычно — А. К.] стоит прилагательное и заставляет ждать существительного, к которому оно относится. Эта энергия ожидания обещанного существительного и есть стержень гесперийского стиха» [5, с. 89]. Это очень тонкое наблюдение Д. О. Торшилова вскрывает собственно поэтико-стилевую специфику HF, которая непосредственно присутствует и в DEB, — удержание внимания читателя за счёт обильного использования интонационного напряжения; последнее достигается с помощью инвертированного порядка слов, так как в письменной записи это едва ли не единственный способ распределить интонационное напряжение. Этот общий для HF и DEB стилистический приём непосредственно регулярно прочитывается в тексте, так что нет никакой нужды доказывать его наличие в обоих текстах; количественный анализ призван лишь оформить и прояснить конкретную структуру этого стиля, с помощью которого Гильда и фаминатор добиваются желаемого психоэмоционального эффекта.

Такое использование синтаксиса представляет собой непосредственное литературное (говоря формально, лингвистическое) приложение эстетической ценности авторов, своеобразную *поэтику количества*, которую с точки зрения психолингвистики можно рассматривать как отражение вышеуказанного «коллективистского мышления».

Поскольку такие эстетические (поэтические) явления, как отмеченная Д. О. Торшиловым «энергия ожидания» члена предложения, легко поддаются метафорической концептуализации, описываемый нами стиль можно назвать *эстетикой виноградной лозы*, поскольку и Гильда, и фаминатор как бы заставляют читателя скользить взглядом по строке (виноградной лозе) с целью отыскать «замыкающее» слово (виноградную кисть), причём у Гильды, в отличие от автора HF, длина «лозы» непредсказуема.

О принципах доминантного анализа. «"Правила" (точнее, принципы) гесперийского стиха не требуют безусловного выполнения — они выполняются в большинстве случаев, и не всегда в подавляющем большинстве. <...> Фаминатор *всегда* волен выбирать между различными типами стиха или даже создавать *ad hoc* новый, более или менее соответствующий общим принципам. Но сами эти *принципы* (не *правила*), вне всякого сомнения, существуют» [5, с. 86] (курсив автора). «Сознательное пренебрежение деталями есть основополагающий принцип "Речений"» [5, с. 131]. Именно эта тенденционная нестрогость является одним из оснований для формального анализа: в случае тотального соблюдения выделяемых нами стиливых средств измерять было бы нечего (как, например, невозможно говорить о более или менее оригинальном лексическом наполнении той или иной части А-текста HF, поскольку оригинальность словаря взята фаминатором как тотальный принцип). Так как настоящий анализ носит сравнительный характер, нас интересуют лишь общие для обоих текстов стиливые доминанты.

Из двух нижепредставленных стилевых доминант, общих для HF и DEB, доминанта замыкания наиболее полно подвергается количественному анализу. Для доминанты нагромождения вкратце дана характеристика и сделана попытка проблематизации её формального описания в будущих работах.

Доминанта замыкания. Замыканием я называю случаи «натяжения» синтаксической связи, когда между двумя носителями синтаксической связи помещаются другие члены предложения или придаточные предложения, а также когда два носителя синтаксической связи (т. е. две пары словосочетаний) употребляются в определённом порядке (см. ниже). Этот синтаксический приём обильно используется обоими авторами. Именно на фоне *регулярности* специфического порядка слов такие приёмы, как анафорическая инверсия сказуемого «**habet Britannia rectores, habet speculatores**» (DEB 1.14) и «синтаксический» охват (*inclusio*; о нём см. [\[16, с. 573\]](#)) «**sciebam misericordiam Domini, sed et iudicium timebam**» (DEB 1.11), становятся особенно выразительными (здесь и ниже члены одного словосочетания обозначены полужирным; члены «переплетённого» с ним или «окольцованного» им другого словосочетания — курсивом).

В ходе анализа специфической проблемой стало определение членов замыкания. В итоге за случай замыкания принимались:

- а) «натяжение», или постановка между подчиняющим и зависимым членами словосочетания более 2 членов предложения;
- б) «вкладывание», или постановка придаточного предложения (не считая вводных конструкций) внутри пары таких членов словосочетания;
- в) «плетение», или употребление членов двух словосочетаний «в шахматном порядке» (типа «**quid insipientibus loquatur pastoribus**» (DEB 80.1); в терминологии Шабельникова — Торшилова *перекрёстный стих* [\[5, с. 91\]](#));
- г) «окольцовка», или употребление одного словосочетания между членами другого (типа «**alienum admovendo altari ignem**» (DEB 1.3); в терминологии Шабельникова — Торшилова *круглый стих* [\[5, с. 91\]](#)).

В во всех указанных случаях сочетание подлежащего и сказуемого считается словосочетанием. Отдельного комментария заслуживает выбор дистанции между членами натяжения (пункт а). Без подсчёта разделяющих члены натяжения членов предложения учитывались бы и предложения, которые соответствовали бы критерию лишь в силу соблюдения классического латинского литературного порядка слов. Действительно, предложение типа *cum* **sciret** eorum **opera** (DEB 59.4) нельзя называть замыкающим в том смысле, в каком мы постулируем это для, напр., **haec** <придаточное предложение, косвенное дополнение, два обстоятельства> **volvens** (DEB 1.13). Отстояние управляющего слова на два члена предложения от управляемого принято за немаркированное, т. к. предполагается, что наличие у этих слов по одному зависимому члену (типа **quis** vestrum sponte **expleverit** DEB 102.2) в общем нестилевая длина предложения. Это предположение косвенно подтверждается синтаксисом цитирования (*citation devices*) у Гильды, где маркер цитирования *inquit/inquiens/ait* 'говорит' отстоит от начала цитирования на 1-2 слова (есть два исключения: DEB 50.2, 97.1)

Так как указанные типы замыкания выражают поэтические тенденции текста не в равной мере, требуется найти способ дифференцировать условную степень выраженности

тенденции. Наиболее релевантным представляется деление на низкую (условное обозначение: +), умеренную (++) и высокую (+++) степени выраженности тенденции. К классу «+» отнесём случаи натяжения (которое можно понимать как незначительную трансформацию обычного порядка слов, одно *соблюдение* которой, впрочем, является стилевым), к классу «++» отнесём случаи типа б-г (в силу их большей выразительности). Описываемые пунктами б-г явления отличаются от натяжения своей «экземпляриальностью», подчёркнуто строгим расположением членов предложения. Подсчёт условных баллов и представляет собой приближённое описание выраженности тенденции.

Важно отметить, что формулировка пункта а, как и определения в прочих пунктах, ориентирована не на длину предложения, а на его специфическую «круглую» структуру: так, напр., короткое придаточное предложение **quem** ille cruda stoliditate caecatus **non viderat** (DEB 1.15) подпадает под его критерий именно потому, что Гильда предпочёл свою любимую конструкцию, не сблизив прямое дополнение quem (равное как и подлежащее ille) со сказуемым non viderat. Другим экспрессивным вариантам типа ***quem non viderat** ille cruda stoliditate caecatus, ***quem** ille **non viderat** cruda caecatus stoliditate был предпочтён именно «замыкающий» вариант. Тем менее стоит признавать за случайное или нестилевое явление такую структуру предложения, как, напр., в DEB 3: главка целиком организована как цепочка именных (причастных) сказуемых при одном подлежащем (формально это конструкция из *participia coniuncta*, полученная эллипсисом глагола *esse* 'быть': *Britannia insula — librata — tenens — vallata — meliorata — decorata — ornata — irrigua*), причём каждому сказуемому, кроме последнего, *предшествует ровно одно* придаточное предложение. Спустя один абзац эта структура повторяется (4.2-4), но уже зеркально (*omittens — nec enumerans — inclamitans — tacens — proferre conabor*); за каждым причастием *следует одно* придаточное предложение, за последним — два (*qui <...> vulgati sunt, ita ut Porphyrius <...> adnecteret*).

Хотя, в отличие от текста Гильды, в HF плетение и окольцовка нередко содержат не 4, а 5 членов (симметрию двух пар словосочетаний «нарушает» сказуемое), на подсчёт это не должно было повлиять: в гесперийском сказуемое как раз играет роль «метрического» стержня, вокруг которого и строятся знакомые нам структуры; иными словами, наличие в стихе сказуемого — первостепенный принцип, конституирующий доминантные признаки типа окольцовки и др., а не искажающий их. Таким образом, например, ситуация типа **titaneus olimphium inflammat arotus tabulatum** (HF-A 133; *inflammat* 'возжигает' — сказуемое) рассматривается как условно эквивалентная ситуации типа **suspecta semper mente credentes** (DEB 25.1), т. к. принципиально наличие специфической синтаксической структуры, а не специфического расстояния между членами. Вкладывание по законам гесперийского стиха если не невозможно, то трудноосуществимо и потому не рассматривалось.

В следующем абзаце в целях наглядности привожу примеры анализа некоторых глав DEB. За ними следует сводная таблица для выборки глав DEB и соответствующих им по объёму отрезков HF-A. Выделение соразмерных отрезков произведено путём подсчёта слов, выбраны только законченные отрезки («абзацы»).

DEB 87.1 (19 слов): 1 случай плетения (**de vestris olim comessoribus disceptaverit**) и 1 случай натяжения (*quid <...> disceptaverit*). Итого: 3 балла. DEB 83.1 (20 слов): 2 случая натяжения (*quod <...> edixit; monens <...> edixit*) и 1 случай окольцовки (**deflens detrimentum populi pro iniquitatibus**). Итого: 4 балла. DEB 61.1 (22 слова): 3 случая натяжения (*Ezechiel <...> edixerit; cui <...> deflenti; dominus <...> ait*), 1 случай

окольцовки (**miserabiliter plagam Israel deflent**). Итого: 5 баллов. DEB 2.1 (87 слов): 1 случай нагромождения (24 дополнения с предлогом *de*), 2 случая вкладывания (*ante promissum <...> conamur; de victoria <...> dicere*), 1 случай натяжения (*quae <...> donata est*). Итого: 8 баллов. DEB 10.1–2 (94 слова): 5 случаев натяжения, 2 случая окольцовки (**crassa atrae noctis caligine; non minimum intuentium mentibus ardorem**), 2 случая вкладывания (*qui <...> accendit; loca <...> incuterent*). Итого: 13 баллов. DEB 3.1–4 (174 слова): 2 случая натяжения, 5 – окольцовки, 5 – вкладывания, 2 – плетения. Итого: 26 баллов.

В ячейках левого столбца через дробь даны ссылки на сравниваемые попарно фрагменты. В скобках при ссылках указано количество слов анализируемого отрезка. В ячейках среднего и правого столбцов слева от двоеточия приведено общее количество баллов для соответствующего отрезка, справа от двоеточия — количество случаев выявления слабой, средней и сильной степени выраженности тенденции (в виде множителя).

DEB / HF-A	DEB	HF
48.1–3 (9) / 331–332 (8)	3+: 1(+), 1(++)	4+: 2(++)
87.1 (19) / 133–136 (18)	3+: 1(+), 1(++)	8+: 4(++)
83.1 (20) / 477–480 (20)	4+: 2(+), 1(++)	7+: 1(+), 3(++)
61.1 (22) / 503–508 (24)	5+: 3(+), 1(++)	8+: 2(+), 3(++)
41.2 (40) / 345–353 (43)	10+: 2(+), 4(++)	15+: 1(+), 7(++)
14.1 (46) / 452–460 (47)	7+: 3(+), 2(++)	16+: 2(+), 7(++)
38.1 (53) / 93–102 (57)	12+: 2(+), 5(++)	20+: 4(+), 8(++)
25.1 (66) / 253–264 (61)	14+: 4(+), 5(++)	20+: 2(+), 9(++)
2.1 (87) / 531–546 (87)	8+: 1(+), 2(++), 1(+++)	23+: 5(+), 9(++)
10.1–2 (94) / 596–612 (99)	13+: 5(+), 4(++)	35+: 5(+), 15(++)
15.1–3 (107) / 1–21 (105)	11+: 5(+), 3(++)	31+: 5(+), 13(++)
3.1–4 (174) / 146–189 (170)	26+: 2(+), 12(++)	74+: 12(+), 31(++)

Приведённые данные подтверждают то, что было предварительно сказано выше в рамках прагматического анализа. Так, у Гильды исследуемые стиливые приёмы служат средством *распределения* интонации и потому для DEB мы не имеем прямой зависимости между нарастанием объёма анализируемого отрезка и количеством баллов, т. е. яркостью стилистической тенденции. Напротив, у фаминатора данные стиливые приёмы формализованы и потому имеют место в тексте более регулярно, хотя и стеснены наличием, например, тернариев. В приведённой выборке (впрочем, теоретически нет препятствий для распространения этих выводов на весь текст HF) гесперийский стих обычно даёт от 0 до 3 баллов (один раз 4 балла: HF-A 503); 0 обычно представляют собой тернарии, а 3 — перекрёстный или круглый стих, больший кватернария; натяжение может иметь место в сенариях и септенариях (изредка в квинариях), плетение обычно встречается в перекрёстных квинариях, окольцовка – в круглых квинариях. В HF предпочтение окончательно отдано готовым конструкциям (см. соотношение множителей в правом столбце), а натяжение встречается реже, притом оно нередко имеет место в одном стихе с плетением или окольцовкой (напр., HF-A 101, 158, 253, 477 и др.). «Нулевые» стихи HF в анализируемом материале: HF-A 4, 6, 13–14, 16, 20–21, 150, 152, 160, 165–166, 172, 177, 183, 255–257, 349, 352, 457, 480, 504, 506–507, 536–537, 542–

543, 546, 598.

Доминанта нагромождения. Нагромождением я называю плеонастический приём, регулярно встречающийся у Гильды, в рамках которого автор перегружает участок текста повторами лексического и/или синтаксического характера, притом столь выразительный, что читателю становится явным интонационное напряжение авторской речи. Эту доминанту можно было бы назвать «доминантой нагромождения сказуемых», однако по меньшей мере для одного яркого случая такая формулировка не оправдывается: в DEB 66 управление сказуемого *habet* 'имеет' распространено практически на весь текст главы, так что имеем дело уже с нагромождением прямых дополнений.

Количественный анализ этой доминанты самой по себе не подвергается концептуализации прежде всего в силу свободы автора использовать его на текстуальном отрезке любого объема («парадокс кучи»): так, если в серии риторических вопросов, начинающихся с форм слова *quis* (DEB 69.2–74.4), отнять или прибавить 10 вопросов, эффект плеонастичности не устраняется. Более того, весь текст Гильды на отрезке 35.4–64.2 можно понимать как одно большое нагромождение – в силу количества и объёма библейских цитат (а также в силу ничтожного в сравнении с ними объёма авторского текста). Весьма схожее явление Б. И. Ярхо усматривал в «Песни о Роланде»: «основная доминантная тенденция автора явно сводилась к предпочтению фигур по признаку плеонастичности без различия грамматической [*sic* — А. К.] природы» [\[10, с. 81\]](#).

Нагромождение является ярчайшим средством вышеуказанной «поэтики количества»; в силу этого оно может быть приравнено к высокой степени проявления тенденции (+++).

В HF трудно найти собственно лингвистическое нагромождение, т. к. в силу формализации синтаксических правил («синтаксического стиха») распределение как частей речи, так и членов предложения (прежде всего глаголов в финитной форме, т. е. сказуемых) приобретает некоторую равновесность и частотность. Однако трудно не усматривать в HF *образного* нагромождения: хотя предложения и повторы не получают такого объёма, как у Гильды, стремление фаминатора к всестороннему рассмотрению поэтического мира кристаллизуется в постоянном переходе от одного образа к другому. В таком случае естественнее говорить о примыкающих друг к другу *разных* нагромождениях на тех отрезках текста, где образы составляют параллельные ряды. Так, например, во «Вступлении» (HF-A 1–115) образные цепочки *рать цветonoсная — распутья — скиптры — схватка — ручьи — члены белые* (похвала книжникам), с одной стороны, и *ворота — стада — посе́вы — плач — супруга — ложе (псого́с)*, с другой, составляют два случая нагромождения (1–19 и 76–86), а не один, так как оба ряда образов конституируются разными топосами поэтической речи. Для обоих случаев можно найти топосы-параллели у Гильды: HF 1–19 = DEB 10.1–2; HF 76–86 = DEB 36.4–6. Отметим, что в первом случае мы имеем не *топос похвалы учёным*, а *топос похвалы товарищам* (ср. со сказанным выше о «партийном мышлении»).

Таким образом, каждый случай нагромождения потенциально проблематичен для сравнительного описания, и, хотя оно незначительно повлияло на вышеприведённые статистические данные, точный количественный анализ нагромождения требует более подробной концептуальной проработки. Так как нагромождение представляет собой явление ни семантического, ни собственно формального порядка, его следует считать формальным явлением с размытыми границами.

Заключение

Трактовка данных анализа. Регулярность превалирования тенденции синтаксического замыкания в HF над той же тенденцией в DEB указывает на то, что специфическое отношение к стилистике синтаксиса, актуальное для фаминатора и его круга литераторов, начало формироваться ещё в эпоху Гильды. Использование определённых синтаксических структур закрепилось в островной (т. е. Британо-Ирландского архипелага) латинской литературе и стало одной из ярчайших черт указанных памятников.

Сводимость стилевых доминант к общим принципам («поэтика количества», «эстетика виноградной лозы»), несмотря на контрастность спектров художественных средств, указывает на возможность эстетического родства HF по отношению к DEB. Постоянство фаминатора и Гильды в соблюдении вышесформулированных поэтических принципов, а также некоторые общие черты т. н. прагматической рамки обоих текстов могут стать основой для проблематизации стилевых и поэтических тенденций островной латинской литературы вообще.

Именно *ценностная общность* обоих текстов, представленная в превалировании определённых стилистических доминант, может служить одним из наиболее серьёзных аргументов в защиту тезиса о прямой преемственности фаминаторов от Гильды или литераторов его круга. Также можно предварительно согласиться с тезисом Д. О. Торшилова, типологически сближающим литературу фаминаторов с александрийской поэзией [\[5, с. 50\]](#) (при всей подразумеваемой разнице культурного фона).

Методологические выводы. Проблематика концептуализации формального сравнительного анализа таких текстов, как DEB и HF, коренится в принципиальной жанровой разнице между памятниками, так что каждый этап анализа необходимо должен предполагать возможность переосмысления критериев подсчёта. Такое переосмысление осуществляется в случае, когда поэтические принципы, присущие одному тексту и чуждые другому, формируют разницу в конкретной структуре проявления одной и той же стилистической тенденции.

Отсюда одной из основных проблем формального анализа становится процедура установления условных эквивалентностей. Действительно, эквивалентность может быть установлена только между формализованными элементами, а формализованность, в свою очередь, выявляется на основании частотности употребления формализуемого автором признака. Поскольку схожие, но не идентичные явления могут иметь одинаковую степень формализации (как, например, окольцовки в HF и вкладывания в DEB), между ними может быть установлена условная эквивалентность (обоим явлениям нами приписано 2 балла), отражающая их функциональную природу.

Развивая сравнение литературоведения с биологией, проводимое Б. И. Ярхо, можно уподобить формальный анализ произведений разных жанров рассмотрению организма в микроскоп, поскольку метод тщательной выборки («забор материала») в нём предпочтительнее, чем тотальный подсчёт по всему тексту. В последнем случае неизбежно лавинообразное накопление погрешностей подсчёта в силу включения в материал большого числа промежуточных и проблематичных явлений. Так, например, в DEB 108.2 (*sane quod sentio proferam*) встречаем вариант промежуточный между окольцовкой и вкладыванием. Более того, даже при наиболее точной формулировке критериев анализа часть стилевых явлений останется за пределами формального описания: так, в качестве самостоятельного члена словосочетания не рассматривался

предлог, хотя есть основания полагать, что Гильда учитывает его в построении указанных конструкций.

Библиография

1. O'Sullivan T. D. The De Excidio of Gildas. Its authenticity and date. Leiden: The Trustees of Columbia University in the City of New York, 1978. 201 p.
2. Nigham N. J. Gildas and Britain in the fifth century. Manchester; New York: Manchester University Press, 1994. 220 p.
3. Carey J. The Obscurantists and the Sea-Monster: Reflections on the *Hisperica Famina* // *Peritia*. № 17–18, 2003–2004. P. 40–60.
4. Orchard A. The Poetic Art of Aldhelm. (Cambridge Studies in Anglo-Saxon England; 8). Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 314 p.
5. Гесперийские речения / замысел, перевод Д. Б. Шабельникова, подготовка текста, статья, комментарии Д. Б. Шабельникова и Д. О. Торшилова, научный редактор А. [И.] Солопов. (Античная библиотека). СПб.: Алетея, 2000. 375 с.
6. Gerbrandy P. The *Hisperica famina* as an *ars poetica*. An interpretation of the A-text // *Journal of Latin Cosmopolitanism and European Literatures*. № 4, 2020. P. 60–79.
7. Stone B. J. The Rhetorical Arts in Late Antique and Early Medieval Ireland. (Knowledge Communities). Amsterdam: Amsterdam University Press, 2022. 275 p.
8. Kerlouégan Fr. Le de excidio Britanniae de Gildas. Les destinées de la culture latine dans l'île de Bretagne au VIe siècle. Paris: Éditions de la Sorbonne, 1987. 574 p.
9. Lapidge M. Gildas's Education and the Latin Culture of Sub-Roman Britain // *Gildas: New Approaches* / ed. by M. Lapidge and D. Dumville. (Studies in Celtic History; 5). Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 1984. P. 27–50.
10. Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы / издание подготовили М. В. Акимова, И. А. Пильщиков и М. И. Шапир; под общей редакцией М. И. Шапира. М.: Языки славянских культур, 2006. 927 с.
11. Gildas: The Ruin of Britain and Other Works / ed. and tr. by M. Winterbottom. London, Chichester: Phillimore & Co. LTD., 1978. 163 p.
12. Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. Ленинградское отделение, 1959.
13. Шапир М. И. «Тебе числа и меры нет»: О возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках // Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы / издание подготовили М. В. Акимова, И. А. Пильщиков и М. И. Шапир; под общей редакцией М. И. Шапира. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 875–905.
14. Успенский Б. А. Поэтика композиции // Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 7–218.
15. Куприн А. С. Стиль сочинения «О гибели Британии»: лексика и синтаксис // Диалог с античностью в междисциплинарном контексте [Коллективная монография] / отв. ред. Т. А. Шарыпина, М. К. Меньщикова. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского, 2023. С. 297–306.
16. Гаспаров М. Л. Античная риторика как система // Гаспаров М. Л. Избранные труды, том I. О поэтах. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 556–589.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Поэтическая специфика «О гибели Британии» Гильды и «Гесперийских речений»: прагматический аспект и доминантный анализ. К 135-летию со дня рождения Б. И. Ярхо (1889–1942)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей текстов прошлых эпох, написанных на латинском языке.

Предметом рассмотрения в настоящей работе стало послание-проповедь бриттского писателя Гильды Премудрого «О гибели Британии» (*De excidio Britanniae*) и поэтический текст «Гесперийские речения» (*Hisperica Famina*), написанный на Британском архипелаге.

Данная работа опирается на постулаты выдающегося отечественного лингвиста Бориса Исааковича Ярхо, изложенные в «Методологии точного литературоведения».

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии,

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Отметим, что теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами на латинском и русском языках, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и на английском языках.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Поэтическая специфика «О гибели Британии» Гильды и «Гесперийских речений»: прагматический аспект и доминантный анализ. К 135-летию со дня рождения Б. И. Ярхо (1889–1942)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Голиков А.А., Акимов Д.А., Романовский М.С., Траценков С.В. — Аспекты создания корпоративной вопросно-ответной системы с использованием генеративных предобученных языковых моделей // Litera. – 2023. – № 12. – С. 190 - 205. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69353 EDN: FSTHRW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69353

Аспекты создания корпоративной вопросно-ответной системы с использованием генеративных предобученных языковых моделей

Голиков Алексей Александрович

аспирант, Отделение филологии и литературы, Кафедра русского языка и литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Елабужский институт)

109316, Россия, Москва, г. Москва, ул. Волгоградский Пр., 42

✉ ag@mastercr.ru

Акимов Дмитрий Андреевич

ORCID: 0009-0004-2800-4430

кандидат технических наук

Аналитик, ООО "Мастерская цифровых решений"

109316, Россия, Москва, г. Москва, Волгоградский пр., 42

✉ akimovdmitry1@mail.ru

Романовский Максим Сергеевич

Sr. Technology Manager, Deutsche Bank AG

10243, Германия, Берлин, г. Берлин, ул. Koppenstraße, 93

✉ maksim.s.romanovskii@gmail.com

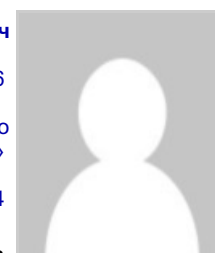
Траценков Сергей Викторович

ORCID: 0000-0001-8786-8336

Заведующий кафедрой программирования и вычислительных технологий Академии цифрового образования, ООО «Мобильное электронное образование»

127018, Россия, Москва, г. Москва, Сушёвский Вал, 16, стр. 4

✉ trashchenkov@gmail.com

[Статья из рубрики "Автоматическая обработка языка"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69353

EDN:

FSTHRW

Дата направления статьи в редакцию:

17-12-2023

Дата публикации:

25-12-2023

Аннотация: В статье описаны различные способы использования генеративных предобученных языковых моделей для построения корпоративной вопросно-ответной системы. Существенным ограничением текущих генеративных предобученных языковых моделей является лимит по числу входных токенов, не позволяющий им работать «из коробки» с большим количеством документов или с документом большого размера. Для преодоления данного ограничения в работе рассмотрена индексация документов с последующим поисковым запросом и генерацией ответа на базе двух наиболее популярных на текущий момент open source решений – фреймворков Haystack, LlamaIndex. Было показано, что применение open source фреймворка Haystack при лучших настройках позволяет получить более точные ответы при построении корпоративной вопросно-ответной системы по сравнению с open source фреймворком LlamaIndex, однако требует использования в среднем несколько большего числа токенов. В статье использовался сравнительный анализ для оценки эффективности использования генеративных предобученных языковых моделей в корпоративных вопросно-ответных системах с помощью фреймворков Haystack и Llamaindex. Оценка полученных результатов осуществлялась с использованием метрики EM (exact match). Основными выводами проведенного исследования по созданию вопросно-ответных систем с использованием генеративных предобученных языковых моделей являются: 1. Использование иерархической индексации на текущий момент чрезвычайно затратно с точки зрения числа используемых токенов (около 160000 токенов для иерархической индексации против 30000 токенов в среднем для последовательной индексации), поскольку ответ генерируется путем последовательной обработки родительских и дочерних узлов. 2. Обработка информации при помощи фреймворка Haystack при лучших настройках позволяет получить несколько большую точность ответов, чем использование фреймворка LlamaIndex (0.7 против 0.67 при лучших настройках). 3. Использование фреймворка Haystack более инвариантно относительно точности ответов с точки зрения количества токенов в чанке. 4. В среднем использование фреймворка Haystack более затратно по числу токенов (примерно в 4 раза), чем фреймворка LlamaIndex. 5. Режимы генерации ответа «create and refine» и «tree summarize» для фреймворка LlamaIndex являются примерно одинаковыми с точки зрения точности получаемых ответов, однако для режима «tree summarize» требуется больше токенов.

Ключевые слова:

генеративные языковые модели, информационная поисковая система, вопросно-ответная система, индексация, Haystack, LlamaIndex, чанк, точность, токен, ретривер

1 Введение

Вопросно-ответные системы появились в 1960-х годах [\[1\]](#), и, как и другие области компьютерной лингвистики, с развитием технологий машинного обучения в последние годы претерпели существенные изменения. Вопросно-ответные системы бывают двух видов – экстрактивные и генеративные [\[2\]](#). Экстрактивные вопросно-ответные системы в общем случае в качестве ответа выдают короткий ответ на заданный вопрос, часто в виде цитаты из поданного на вход набора документов. Например, на вопрос «в каком году родился лорд Байрон?» подобная система может ответить «в 1788 году», если данной системе были поданы для обработки материалы, содержащие биографию лорда Байрона, которые, скорее всего, включали в себя предложение «Лорд Байрон родился в 1788 году». Стоит отметить, что аналогичной функцией обладают и многие поисковые системы: например, «Google» выдаст подобный точный ответ выше различных ссылок на различные сайты.

Интерес к генеративным языковым моделям (и генеративным вопросно-ответным системам, в частности) резко возрос после появления больших предобученных моделей GPT-3 и ChatGPT [\[3\]](#), впечатляющих своей «эрудицией» и способностью к сложным рассуждениям. Генеративные вопросно-ответные системы позволяют отвечать более развернуто на более сложные вопросы. Так, на вопрос «что общего у Лермонтова и Байрона?» экстрактивная вопросно-ответная система, скорее всего, не сможет дать ответ, если в поданных ей материалах не приведено подобное сравнение, в то время как модель ChatGPT (которую в данном контексте можно считать генеративной вопросно-ответной системой) дает развернутый ответ на заданный вопрос: «оба были поэтами-романтиками, имели репутацию бунтарей, в какой-то момент были изгнанниками, известны своим лиризмом и умением передать красоту и природы и т.д.».

На текущий момент (декабрь 2023 г.) ChatGPT-3.5 (бесплатная версия ChatGPT) была обучена на огромном числе общедоступных материалов, существовавших в мире до января 2022 года, поэтому они способны отвечать на большое количество вопросов по тем или иным отраслям знаний и по умолчанию неспособны отвечать на вопросы по событиям после января 2022 года или по тем данным, которые им не предоставлялись для обучения. При этом дополнительным существенным преимуществом была бы возможность подать данным моделям на вход собственные данные – будь то некая корпоративная документация, финансовые отчеты или новые научные статьи – чтобы иметь возможность получать ответы и рассуждения на их основе.

Однако у столь мощных и привлекательных языковых моделей, как GPT-3 и ChatGPT, существует ограничение по числу токенов, которые могут быть поданы им на вход – так, например, подвид модели GPT-3 text-davinci-003 имеет ограничение в 4000 токенов на вход, т.е. около 3000 слов на английском языке. Таким образом, напрямую подать языковым моделям GPT-3 и ChatGPT на вход большое количество документов или документ большого размера (содержащий более 4000 токенов), чтобы получить ответы на вопросы по ним, невозможно. Другим подходом является дообучение модели на собственных дополнительных данных – что, однако, не всегда возможно как с технической точки зрения, так как требует значительных вычислительных ресурсов, так и с организационной, поскольку требует наличия высококлассных специалистов по анализу данных в штате компании. Третьим возможным подходом является суммаризация текстовых данных тем или иным способом до объема менее 4000 токенов, однако, очевидно, что значительная часть информации в таком случае будет потеряна. Во многих случаях наиболее привлекательным способом решения вопроса является индексация

документов с последующим поисковым запросом и генерацией ответа, что возможно выполнить как полностью самостоятельно, так и с использованием популярных open source (с открытым исходным кодом) фреймворков Haystack, LlamaIndex, о чем и пойдет речь в данной статье.

Стоит отметить, что исследованиям в области вопросно-ответных систем посвящено множество публикаций, однако в большинстве своем они посвящены экстрактивным вопросно-ответным системам, поскольку достаточно качественные генеративные большие языковые модели появились позже. Из наиболее свежих и релевантных научных материалов, касающихся в том числе генеративных вопросно-ответных систем, можно выделить статьи [4-6] и диссертацию [7]. Автор вышеупомянутой диссертации даже создал отдельный сервис (<https://demo.caire.ust.hk/>), работающий как генеративная вопросно-ответная система по большому количеству статей о коронавирусе. Однако, отдавая должное автору вышеупомянутой диссертации и сервиса, стоит сказать, что в настоящее время, в частности, за счет появившихся уже после релиза ChatGPT фреймворков LlamaIndex, а также возможности использования фреймворка Haystack совместно с GPT-3 для построения генеративной вопросно-ответной системы, создание подобной системы стало значительно проще и доступнее, а потому сравнение фреймворков и их настроек актуально и представляет значительный интерес.

2 Расширение возможностей применения больших языковых моделей путем использования индексации документов

Основным способом построения вопросно-ответных систем является использование ретривера для определения наиболее релевантных запросу частей текста, а затем синтез ответа из найденных частей текста с использованием т.н. ридера (для экстрактивной вопросно-ответной системы) или генератора (для генеративной вопросно-ответной системы).

При этом для более эффективного поиска целесообразно предварительно провести т.н. индексацию документа или набора документов, по которым предполагается производить поиск. Под индексацией подразумевается выявление и сохранение некоей ключевой информации о частях документов, с помощью которой в дальнейшем удобно определить, насколько та или иная часть текста соответствует поисковому запросу (рисунок 1).

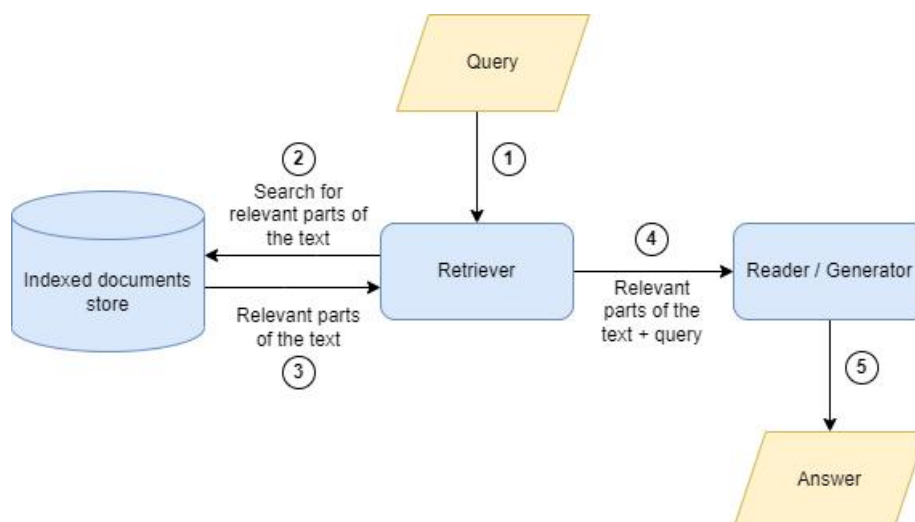

Рисунок 1: Упрощенная схема работы вопросно-ответной системы с использованием индексации

В качестве простого примера можно привести индексацию с использованием ключевых

слов: для каждой части текста сохраняются ключевые термины, о которых идет речь, и далее при поисковом запросе будет выполнено сопоставление терминов запроса и сохраненных ключевых слов участков текста. Так, при поиске по странице «Википедии», посвященной лорду Байрону, при поисковом запросе «В каком году родился лорд Байрон?» по ключевым словам «рождение», «родиться» ретривером может быть найден участок текста «Джордж Гордон Байрон родился 22 января 1788 года». И далее задача ридера будет заключаться в извлечении из найденного участка текста требуемой информации – т.е. «1788 год» в данном случае.

Очевидно, что подобный пример индексации с использованием ключевых слов хотя и несложен, но в то же время не слишком эффективен, поскольку в данном случае не совсем ясно, какие слова считать ключевыми. Одним из более предпочтительных в большинстве случаев способов индексации является индексация с использованием статистической меры TF-IDF, отражающей важность слова в корпусе, или же вариации TF-IDF – алгоритма BM25^[8, 9]. Так, при использовании TF-IDF в приведенном выше вопросе словам «году», «родился», «лорд», «Байрон» автоматически будет назначен бóльший вес при поиске, так как они встречаются реже, чем слова «в» и «каком». Однако и в данном случае имеет место существенный недостаток, связанный с тем, что данные способы игнорируют порядок слов, контекст, возможность замены слова синонимами и т.д.

С изобретением векторных семантических моделей появилась возможность производить индексацию документа, соотнося участку текста определенное представление в векторном пространстве, т.н. эмбединг^[10, 11]. Данный способ индексации позволяет определять смысловой контекст, преодолевая таким образом недостатки способов индексации с использованием ключевых слов, TF-IDF и BM25. С появлением больших языковых моделей, таких как BERT, GPT и их вариаций, появилась возможность построения достаточно точных эмбедингов в векторном пространстве большой размерности. В работе был выбран способ построения эмбедингов с использованием подвида модели GPT-3 – ada-002 от Open AI^[12] – входному тексту сопоставляется вектор в пространстве размерностью 1536.

Также помимо выбора модели для построения индекса может быть выбран способ построения индекса – набор последовательных эмбедингов, соответствующих последовательным частям текста (vector store index^[13]) (рисунок 2) или же иерархическая древовидная структура индекса индексов (tree index) (рисунок 3), заключающаяся в последовательной восходящей суммаризации частей текста.

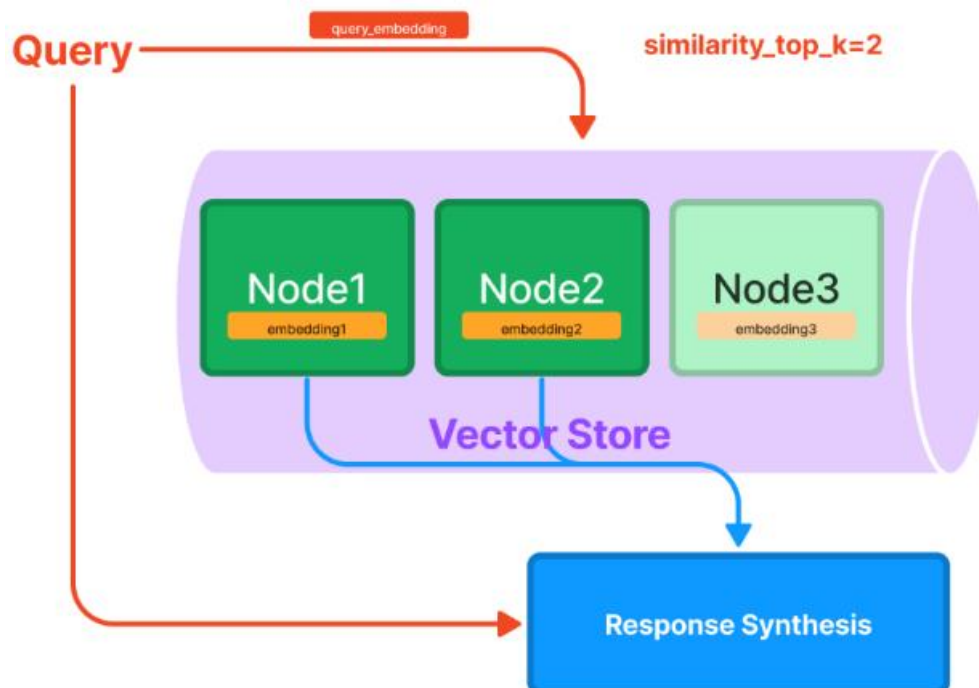

Рисунок 2: Последовательная индексация

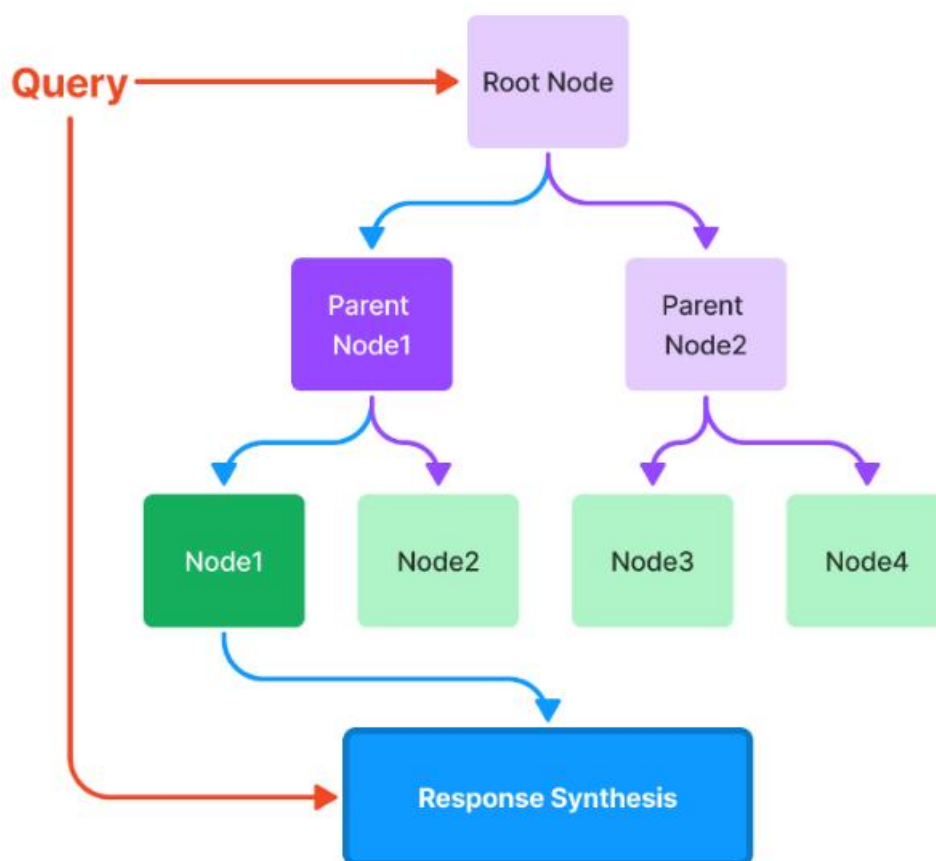

Рисунок 3: Иерархическая индексация

Также в фреймворке LlamaIndex возможны два режима генерации ответа на базе отобранных релевантных частей текста – итерационное улучшение ответа на базе каждой следующей релевантной части текста (режим «create and refine») (рисунок 4) и иерархическая суммаризация ответа на базе релевантных частей текста (режим «tree summarize») (рисунок 5).

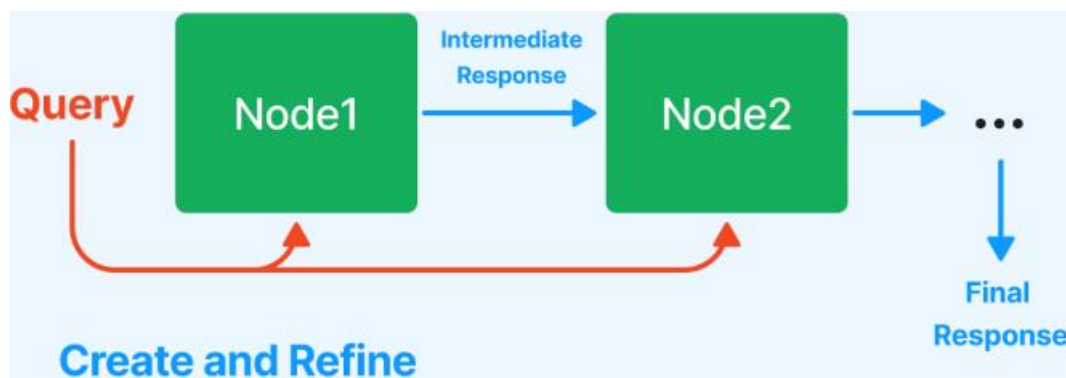

Рисунок 4: Итерационное улучшение ответа

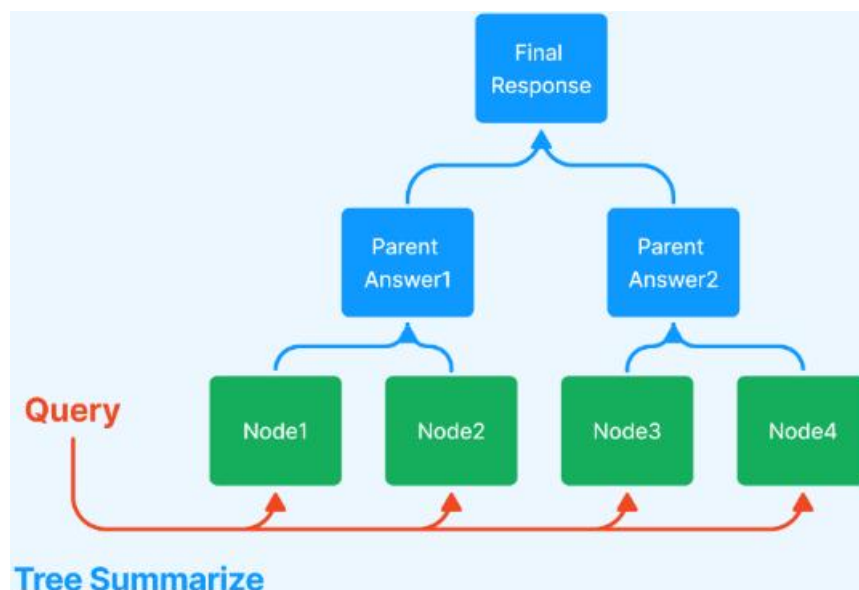

Рисунок 5: Иерархическая суммаризация ответа

Стоит отметить, что второй популярный фреймворк для индексации документов – Haystack – не позволяет настолько гибко выбирать способы индексации и режимы генерации ответа. Фреймворк Haystack по умолчанию использует последовательную индексацию. Оба фреймворка способны обрабатывать различные оптимизированные хранилища векторных представлений, такие как Weaviate, Pinecone, FAISS и прочие [14, 15].

3 Результаты испытания вопросно-ответной системы

Для оценки качества работы описанных выше способов обработки текстовых данных достаточно большого объема был выбран документ от апреля 2022 года – т.н. «Белая книга искусственного интеллекта» от Китайской академии информационно-коммуникационных технологий в переводе на английский язык (https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0442_AI_white_paper_2022_EN.pdf), содержащая около 12 тысяч слов (что составляет около 16 тысячи токенов), что примерно в 4 раза больше лимита на обработку текстовых данных за один раз текущей моделью GPT-3. Для данного документа был составлен вручную датасет вопросов и ответов (ответы человека принимались за эталонные).

Для тестирования использовались open-source фреймворки Haystack и LlamaIndex, исходный текст для различных сценариев тестирования был разбит на части (т.н. чанки) по 20, 100, 200 и 1000 токенов. Для того, чтобы при делении исходного текста на части

потеря информации была минимальной, использовалось наложение одной части текста на соседние части на 3 токена.

Таким образом, полные параметры испытания вопросно-ответной системы с использованием генеративных предобученных языковых моделей следующие (Таблица 1).

Параметр	Значение
Фреймворк	Haystack; LlamaIndex
Ретривер	ada-002 (подвид модели GPT-3)
Генератор	davinci-003 (подвид модели GPT-3)
Структура индекса (только для LlamaIndex)	последовательная; иерархическая
Режим синтеза ответа (только для LlamaIndex)	create and refine; tree summarize
Размер частей текста	20; 100; 200; 1000 токенов
Наложение частей текста друг на друга	3 токена
Метрика	Exact match

Таблица 1: Параметры испытания вопросно-ответной системы

При тестировании вопросно-ответной системы измерялось количество затраченных токенов, которые необходимы для оценки потенциальных расходов на использование моделей OpenAI. При этом, поскольку для создания эмбедингов применялся очень недорогой для использования подвид модели GPT-3 ada-002, то подсчет токенов для построения эмбедингов не производился. В работе учитывались только токены, задействованные при генерации ответа с использованием более дорогого подвида модели GPT-3 davinci-003.

Стоит отметить, что при использовании иерархической древовидной структуры индекса (рисунок 3) на ответы вопросно-ответной системы было затрачено 167510 токенов, что значительно больше среднего расхода токенов на ответы без использования данной индексной структуры (около 30000 токенов). Поэтому далее от иерархической индексации пришлось отказаться, в рамках данного исследования использовалась только последовательная индексация.

В таблице 2 приведен пример ответа вопросно-ответной системы при различных настройках на один из вопросов, заданных по выбранному документу: «By 2025, will there be more data in the world – structured or unstructured – and by how many times?».

Номер модели	Параметры вопросно-ответной системы	Ответ	Верно / неверно

1	Фреймворк: Haystack Чанк: 20 токенов	By 2025, there will be 163ZB of data in the world, with unstructured data accounting for the majority of the data, estimated to be 80%-90%.	Да
2	Фреймворк: Haystack Чанк: 100 токенов	By 2025, there will be more unstructured data, estimated to be 80%-90%, with the global data scale estimated to be 163ZB.	Да
3	Фреймворк: Haystack Чанк: 200 токенов	By 2025, the global data scale is estimated to reach 163ZB, with unstructured data accounting for 80%-90%.	Да
4	Фреймворк: Haystack Чанк: 1000 токенов	By 2025, the global data scale will reach 163ZB, with unstructured data accounting for 80%-90%.	Да
5	Фреймворк: LlamaIndex Индексация: последовательная Чанк: 20 токенов Режим генерации ответа: create and refine	By 2025, it is likely that there will be more unstructured data in the world, potentially up to five times more than there is today. This is due to the fact that unstructured data currently accounts for 80% of the world's data, and this percentage is expected to increase as more data is generated.	Нет

6	Фреймворк: LlamaIndex Индексация: последовательная Чанк: 20 токенов Режим генерации ответа: tree summarize	By 2025, there will likely be more unstructured data in the world, potentially up to five times more than there is today.	Нет
7	Фреймворк: LlamaIndex Индексация: последовательная Чанк: 100 токенов Режим генерации ответа: create and refine	By 2025, there will be more unstructured data in the world, by a ratio of 80%-90%.	Да
8	Фреймворк: LlamaIndex Индексация: последовательная Чанк: 100 токенов Режим генерации ответа: tree summarize	By 2025, there will be more unstructured data in the world, by a ratio of 80%-90%. This means that there will be at least 80% more unstructured data than structured data in the world by 2025.	Да
9	Фреймворк: LlamaIndex Индексация: последовательная Чанк: 200 токенов Режим генерации ответа: create and refine	By 2025, there will be more unstructured data in the world, by a factor of 8-9 times.	Да
10	Фреймворк: LlamaIndex Индексация: последовательная Чанк: 200 токенов Режим генерации ответа: tree summarize	By 2025, there will be more unstructured data in the world, estimated to be 80%-90% of the total data. This is an increase of approximately 163ZB, which is approximately 163 times more data than there is currently.	Да

11	Фреймворк: LlamaIndex Индексация: последовательная Чанк: 1000 токенов Режим генерации ответа: create and refine	It is difficult to predict the amount of data in the world by 2025. However, it is likely that the amount of data will increase significantly, both in terms of structured and unstructured data. The growth of data is expected to be driven by the increasing use of artificial intelligence and machine learning technologies, as well as the increasing availability of data sources.	Нет
12	Фреймворк: LlamaIndex Индексация: последовательная Чанк: 1000 токенов Режим генерации ответа: tree summarize	It is impossible to predict by how many times the amount of data will increase by 2025, but it is likely that there will be more data in the world - both structured and unstructured - by 2025.	Нет

Таблица 2: Пример ответа вопросно-ответной системы на вопрос «By 2025, will there be more data in the world – structured or unstructured – and by how many times?» при различных настройках

Для вопросно-ответной системы при различных настройках из таблицы 2 была определена доля правильных ответов (рисунок 6) – метрика EM (Exact match) [\[16, 17\]](#):

$$EM = \frac{M}{N},$$

где M – количество правильных ответов, N – общее количество вопросов в наборе данных для оценки.

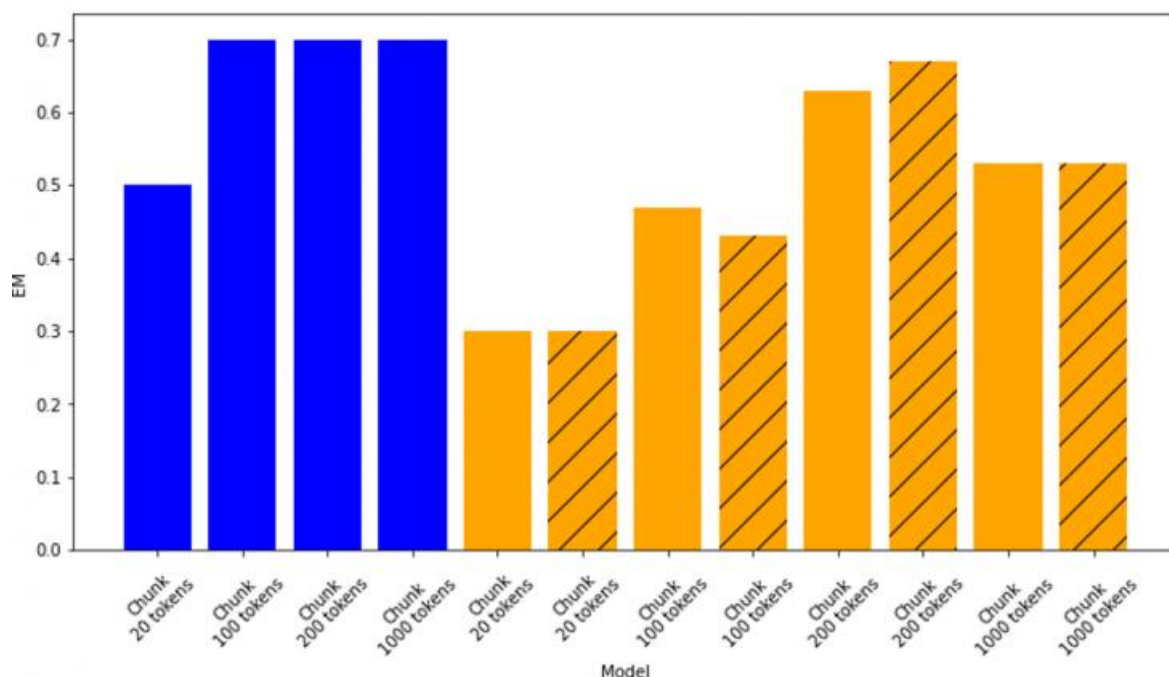

Рисунок 6: Доля правильных ответов при различных настройках вопросно-ответной системы (синий цвет – фреймворк Haystack, оранжевый – LlamaIndex, отсутствие штриховки – режим генерации ответа «create and refine», штриховка – режим генерации ответа «tree summarize»)

Также было определено количество токенов, затраченных при использовании подвида модели GPT-3 – davinci-003 – для генерации ответов на вопросы.

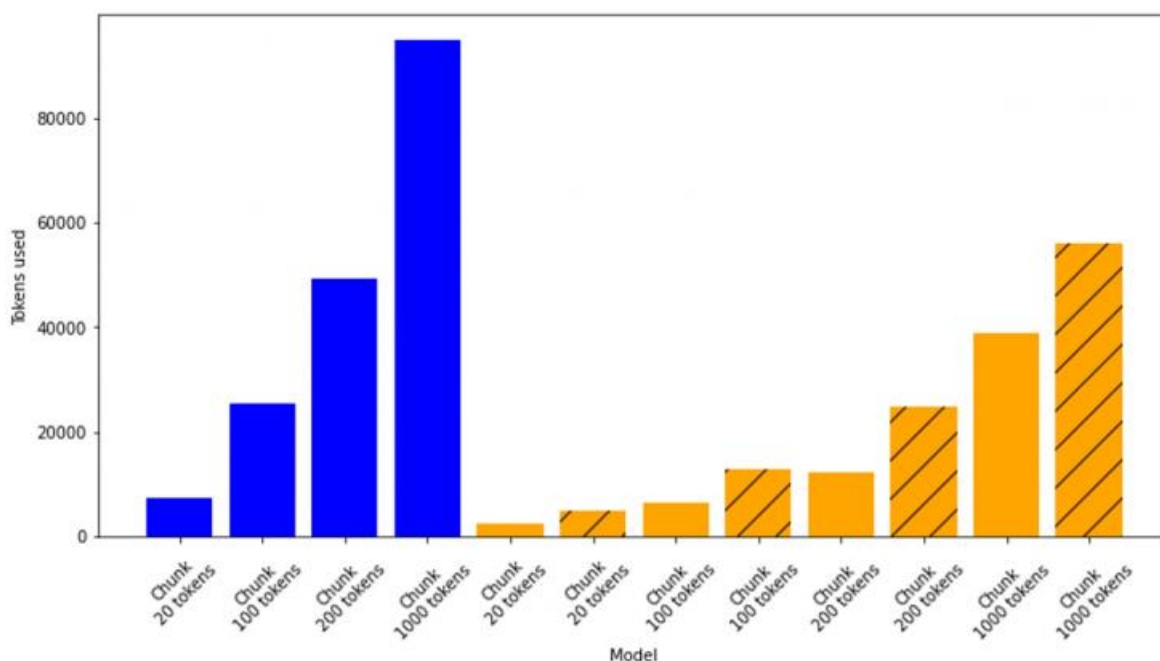

Рисунок 7: Количество затраченных токенов ответов при различных настройках вопросно-ответной системы (синий цвет – фреймворк Haystack, оранжевый – LlamaIndex, отсутствие штриховки – режим генерации ответа «create and refine», штриховка – режим генерации ответа «tree summarize»)

Таким образом, наибольшую точность ответов продемонстрировала вопросно-ответная система, использующая open-source фреймворк Haystack, при количестве токенов в чанке 100, 200, 1000 (для всех трех случаев точность одинаковая и составляет 0.7). При этом, как видим из рисунка 7, чем больше токенов в чанке, тем больше требуется

использовать токенов при генерации ответа – что логично, поскольку генератор создает ответ, обрабатывая отобранные ретривером чанки, которые тем больше по размеру, чем больше токенов в чанке. Для фреймворка LlamaIndex режимы генерации ответа «create and refine» и «tree summarize» являются примерно одинаковыми с точки зрения точности получаемых ответов, однако для режима «tree summarize» требуется больше токенов.

4 Заключение

Генеративные предобученные языковые модели (такие как ChatGPT) произвели революцию в области обработки естественного языка. Однако их существенным ограничением является их лимит по числу входных токенов, который может быть преодолен путем использования индексных структур данных. В работе было рассмотрено создание вопросно-ответной системы с использованием генеративных предобученных языковых моделей на базе двух основных open source фреймворков – Haystack и LlamaIndex. На базе документа «Белая книга искусственного интеллекта» от Китайской академии информационно-коммуникационных технологий, был составлен датасет вопросов и ответов для оценки качества работы вопросно-ответной системы при различных настройках с использованием метрики Exact match.

В качестве результатов проведенного исследования можно привести следующие положения:

1. Использование иерархической индексации на текущий момент чрезвычайно затратно с точки зрения числа используемых токенов (около 160000 токенов для иерархической индексации против 30000 токенов в среднем для последовательной индексации), поскольку ответ генерируется путем последовательной обработки родительских и дочерних узлов.
2. Обработка информации при помощи фреймворка Haystack при лучших настройках позволяет получить несколько бóльшую точность ответов, чем использование фреймворка LlamaIndex (0.7 против 0.67 при лучших настройках).
3. Использование фреймворка Haystack более инвариантно относительно точности ответов с точки зрения количества токенов в чанке – для количества токенов в чанке 100, 200 и 1000 точность ответов была одинакова и составила 0.7.
4. В среднем использование фреймворка Haystack более затратно по числу токенов (примерно в 4 раза), чем фреймворка LlamaIndex.
5. Режимы генерации ответа «create and refine» и «tree summarize» для фреймворка LlamaIndex являются примерно одинаковыми с точки зрения точности получаемых ответов, однако для режима «tree summarize» требуется больше токенов.

Таким образом, применение open source фреймворка Haystack при лучших настройках позволяет получить более точные ответы при построении корпоративной вопросно-ответной системы по сравнению с open source фреймворком LlamaIndex, однако требует использования в среднем несколько бóльшего числа токенов.

Библиография

1. Simmons R. F., Klein S., McConlogue K. Indexing and dependency logic for answering English questions // American Documentation. – 1964. – Т. 15. – №. 3. – С. 196-204.
2. Luo M. et al. Choose your qa model wisely: A systematic study of generative and extractive readers for question answering // arXiv preprint arXiv:2203.07522. – 2022.

3. Zhou C. et al. A comprehensive survey on pretrained foundation models: A history from bert to chatgpt // arXiv preprint arXiv:2302.09419. – 2023.
4. Lewis P. et al. Retrieval-augmented generation for knowledge-intensive nlp tasks //Advances in Neural Information Processing Systems. – 2020. – Т. 33. – С. 9459-9474.
5. Маслюхин С. М. Диалоговая система на основе устных разговоров с доступом к неструктурированной базе знаний // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2023. – Т. 23. – №. 1. – С. 88-95.
6. Евсеев Д. А., Бурцев М. С. Использование графовых и текстовых баз знаний в диалоговом ассистенте DREAM // Труды Московского физико-технического института. – 2022. – Т. 14. – №. 3 (55). – С. 21-33.
7. Su D. Generative Long-form Question Answering: Relevance, Faithfulness and Succinctness //arXiv preprint arXiv:2211.08386. – 2022.
8. Kim M. Y. et al. Legal information retrieval and entailment based on bm25, transformer and semantic thesaurus methods // The Review of Socionetwork Strategies. – 2022. – Т. 16. – №. 1. – С. 157-174.
9. Ke W. Alternatives to Classic BM25-IDF based on a New Information Theoretical Framework //2022 IEEE International Conference on Big Data (Big Data). – IEEE, 2022. – С. 36-44.
10. Rodriguez P. L., Spirling A. Word embeddings: What works, what doesn't, and how to tell the difference for applied research // The Journal of Politics. – 2022. – Т. 84. – №. 1. – С. 101-115.
11. Жеребцова Ю. А., Чижик А. В. Сравнение моделей векторного представления текстов в задаче создания чат-бота // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – Т. 18. – №. 3. – С. 16-34.
12. Digutsch J., Kosinski M. Overlap in meaning is a stronger predictor of semantic activation in GPT-3 than in humans //Scientific Reports. – 2023. – Т. 13. – №. 1. – С. 5035.
13. Kamnis S. Generative pre-trained transformers (GPT) for surface engineering // Surface and Coatings Technology. – 2023. – С. 129680.
14. Khadija M. A., Aziz A., Nurharjadm W. Automating Information Retrieval from Faculty Guidelines: Designing a PDF-Driven Chatbot powered by OpenAI ChatGPT // 2023 International Conference on Computer, Control, Informatics and its Applications (IC3INA). – IEEE, 2023. – С. 394-399.
15. Johnson J., Douze M., Jégou H. Billion-scale similarity search with gpus // IEEE Transactions on Big Data. – 2019. – Т. 7. – №. 3. – С. 535-547.
16. Rajpurkar P. et al. Squad: 100,000+ questions for machine comprehension of text // arXiv preprint arXiv:1606.05250. – 2016.
17. Bai Y., Wang D. Z. More than reading comprehension: A survey on datasets and metrics of textual question answering // arXiv preprint arXiv:2109.12264. – 2021.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи, безусловно, является актуальной; автор данного труда

касается вопроса использования вопросно-ответной системы в рамках платформ генеративных предобученных языковых моделей. Как отмечается в начале исследования, «вопросно-ответные системы появились в 1960-х годах, и, как и другие области компьютерной лингвистики, с развитием технологий машинного обучения в последние годы претерпели существенные изменения. Вопросно-ответные системы бывают двух видов – экстрактивные и генеративные. Экстрактивные вопросно-ответные системы в общем случае в качестве ответа выдают короткий ответ на заданный вопрос, часто в виде цитаты из поданного на вход набора документов», «интерес к генеративным языковым моделям (и генеративным вопросно-ответным системам, в частности) резко возрос после появления больших предобученных моделей GPT-3 и ChatGPT [3], впечатляющих своей «эрудицией» и способностью к сложным рассуждениям». Статья грамотно структурирована, ее наличного объема достаточно для раскрытия темы, обозначения аргументационной базы, манифестации суждений / выводов / умозаключений. Автор подробно рассматривает вопросно-ответный механизм, который является основой генеративных предобученных языковых моделей, таких как ChatGPT, выверяет / систематизирует основной блок критических источников, оценивает продуктивность указанной формы. Стил работы ориентирован на собственно научный тип; статья дифференцирована на смысловые блоки, общая аналитическая логика выровнена на протяжении всего труда. Материал достаточно информативен: «основным способом построения вопросно-ответных систем является использование ретривера для определения наиболее релевантных запросу частей текста, а затем синтез ответа из найденных частей текста с использованием т.н. ридера (для экстрактивной вопросно-ответной системы) или генератора (для генеративной вопросно-ответной системы)». Цитатный пласт сопровождается комментарием; считаю, что работа может быть полезна при формировании новых исследований смежной тематической направленности. Практическая составляющая материала заключается в том, что «для тестирования использовались open-source фреймворки Haystack и LlamaIndex, исходный текст для различных сценариев тестирования был разбит на части (т.н. чанки) по 20, 100, 200 и 1000 токенов. Для того, чтобы при делении исходного текста на части потеря информации была минимальной, использовалось наложение одной части текста на соседние части на 3 токена», «при тестировании вопросно-ответной системы измерялось количество затраченных токенов, которые необходимы для оценки потенциальных расходов на использование моделей OpenAI. При этом, поскольку для создания эмбедингов применялся очень недорогой для использования подвид модели GPT-3 ada-002, то подсчет токенов для построения эмбедингов не производился. В работе учитывались только токены, задействованные при генерации ответа с использованием более дорогого подвида модели GPT-3 davinci-003». Полученные в ходе анализа данные структурированы в табличный вид, сведение данных в единый блок оправдано. Стандарт оформления выдержан, необходимые пометы сделаны: например, «Рисунок 6: Доля правильных ответов при различных настройках вопросно-ответной системы (синий цвет – фреймворк Haystack, оранжевый – LlamaIndex, отсутствие штриховки – режим генерации ответа «create and refine», штриховка – режим генерации ответа «tree summarize»)» и т.д. Итоги работы сведены к следующему: «генеративные предобученные языковые модели (такие как ChatGPT) произвели революцию в области обработки естественного языка. Однако их существенным ограничением является их лимит по числу входных токенов, который может быть преодолен путем использования индексных структур данных. В работе было рассмотрено создание вопросно-ответной системы с использованием генеративных предобученных языковых моделей на базе двух основных open source фреймворков – Haystack и LlamaIndex. На базе документа «Белая книга искусственного интеллекта» от Китайской академии информационно-коммуникационных

технологий, был составлен датасет вопросов и ответов для оценки качества работы вопросно-ответной системы при различных настройках с использованием метрики Exact match...», «применение open source фреймворка Haystack при лучших настройках позволяет получить более точные ответы при построении корпоративной вопросно-ответной системы по сравнению с open source фреймворком LlamaIndex, однако требует использования в среднем несколько большего числа токенов». Список источников отражен в основном тексте, формат отсылки учтен. Считаю, что работа имеет полновесный вид, тема исследования раскрыта, материал может быть полезен заинтересованным читателям / исследователям указанной проблемы. Рекомендую статью «Аспекты создания корпоративной вопросно-ответной системы с использованием генеративных предобученных языковых моделей» к открытой публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Мукабенова Ж.А., Харчевникова Р.П., Монраев М.У., Сусеева Д.А., Биткеев П.Ц. — Лингвокультурологический аспект цвета в калмыцком и корейском языках // Litera. – 2023. – № 12. – С. 206 - 215. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69285 EDN: FTAOCK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69285

Лингвокультурологический аспект цвета в калмыцком и корейском языках

Мукабенова Жанна Алексеевна

ORCID: 0000-0002-7527-7990

старший преподаватель кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики; Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 7

✉ mukabenova.ja@gmail.com

Харчевникова Роза Пюрвеновна

доктор филологических наук

профессор; кафедра калмыцкого языка, монголистики и алтаистики; Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, 7

✉ kharchevnikova_rp@mail.ru

Монраев Михаил Убуцаевич

доктор филологических наук

профессор; кафедра калмыцкого языка, монголистики и алтаистики; Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, 7

✉ mihailmonraev@yandex.ru

Сусеева Данара Аксеновна

доктор филологических наук

профессор, кафедра русского языка и общего языкознания и русской и зарубежной литературы, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, 7

✉ suseeva@gmail.com

Биткеев Петр Цеденович

доктор филологических наук

профессор, кафедра калмыцкого языка, монголистики и алтаистики, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова"

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 7

✉ bipetr37@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69285

EDN:

FTAOCK

Дата направления статьи в редакцию:

10-12-2023

Дата публикации:

25-12-2023

Аннотация: В данной статье рассматриваются семантика и символика основных цветов в калмыцкой и корейской традиционных культурах. Предметом исследования является содержание базовых концептов цветообозначений в языковой картине мира калмыков и корейцев. Лингвокультурологический анализ цветообозначений в рассматриваемых языках позволяет определить универсальные и специфические особенности языковой картины мира, представляющие собой исторический, культурный, социальный опыт двух народов, накопленный в результате их развития. Материалом исследования послужили пословицы, устойчивые выражения калмыцкого и корейского языков. Исследование базовых цветов в данных языках основывается на теории Инь-Ян и Пяти Элементах, которая символизирует противоположности, тесно связанные друг с другом. Сравнительный анализ корейского и калмыцкого материала определил и выявил ценные сведения, связанные с менталитетом, традициями и обычаями этих народов, показал важную роль цвета в языковой картине мира двух народов. Цвет влияет на общественные, религиозные, нравственные, эмоциональные и межличностные отношения людей. Несмотря на то, что каждый народ имеет свой способ видеть мир по-своему, анализируя различные явления окружающей действительности, анализ материала позволил установить, что мировоззрение двух народов по духовно-нравственным ценностям указывает на их родственные культурные связи. В исследовании использованы следующие методы: сравнительный, сравнительно-типологический, структурно-семантический, сравнительно-исторический, этимологический. Известно, что изучение цвета – это способ проникнуть в глубокий пласт не только лексики, но и затронуть этнокультурологический и этнолингвистический аспекты. В данной работе была осуществлена попытка рассмотреть и сравнить цветовую символику в калмыцкой и корейской культурах. Сравнительный анализ показал, что ценные сведения о менталитете этих народов, выраженных в отдельных лексемах, словосочетаниях, идиоматических выражениях и других вербальных средствах, раскрывают важность лингвоцветовой картины мира. Становится понятным, что в этих культурах очень много похожих моментов в обрядах и традициях, которые имеют прямое влияние на общественные, религиозные, нравственные, эмоциональные и межличностные отношения. Калмыцкие и корейские традиции очень близки по духовно-нравственным ценностям и отражают похожие мировоззренческие установки, что может говорить об их родственных культурных связях.

Ключевые слова:

цветообозначение, основные цвета, национальная языковая традиция, лингвокультурология, фольклор, пословицы, устойчивые выражения, мировоззрение, языковая картина мира, сравнительный анализ

Введение

В древней китайской астрологии в теории Инь и Ян выделяют Пять Элементов, которые соответствуют Пяти цветам. В данном контексте к основным цветам относятся синий, красный, желтый, белый, черный, причем первые три цвета включены в цветовую модель субтрактивного синтеза «**RYB**», которая используется в искусстве и в дизайне. ^[1] Путем смешения этих цветов создаются вторичные или дополнительные цвета, где также активно используются ахроматические, белый и черный, позволяющие создавать более широкую гамму цветовых нюансов. Похожую идею о создании цвета с использованием красного, желтого и синего описал в «Теории цветов» немецкий поэт, теоретик цвета Иоганн Вольфганг фон Гете ^[2].

Каждый из пяти основных цветов в теории Инь-Ян нашел свое место в четырех направлениях света, включая центральную часть, которые связаны с цветами, циклами природы, циклами жизни и сменой сезонов года. В теории Пяти Элементов каждому времени года соответствовал определенный цвет: синий – весна, красный – лето, белый – осень, черный – зима, а желтый – центр. Число пять берет свое начало еще с шаманских традиций и рассматривалось как внутреннее течение энергии человека. В народных верованиях также выделены эти пять цветов, которые стали базовыми и сформировали отдельное понятие, имеющее отношение к теории Инь-Ян и Пяти Элементов ^[3].

Пять основных цветов, включающие знания и о пяти органах жизни, представляют взаимосвязанные между собой части, компенсирующие недостатки и являющиеся важным элементом в теории Инь-Ян и Пяти Элементов. Основные цвета, опирающиеся на идеи Инь-Ян, считаются внутренней движущей силой, поддерживающей человека в его жизни (命理) ^[4]. Создание теории цвета, содержащей синий, красный, желтый, белый и черный цвета раскрывает формирование цветового представления народов. Данные Пять цветов считаются самыми первозданными и благородными.

Характеристики Пяти основных цветов в языковой картине мира калмыков и корейцев

Каждый цвет имеет свое значение и характеристики. Со Ю-ри ^[2013] представил описание Пяти основных цветов, разделив их на положительные и отрицательные значения. Это связано с тем, что цвета, которые можно увидеть глазами оказывают очень сильное влияние на эмоции и психику человека в целом ^[5].

В цветовой символике корейцев и монгольских народов, в частности калмыков, цвет связывают с пятью направлениями, четырьмя сторонами света и центром. Синий цвет на востоке, где восходит солнце, означает рождение, а красный цвет на юге, где все процветает, олицетворяет энергичную силу, подобную солнцу. Желтый в центре означает изобилие, белый – цвет запада, олицетворяет невинность, а черный – цвет севера,

управляет мудростью [5]. Все пять цветов наблюдаются не только в космологии, но и в реальной жизни.

Отношение же корейцев и калмыков к цвету было очень бережным и серьезным. Это связано в первую очередь с природой, особенностями быта и традиционными верованиями. Символике цвета уделялось огромное внимание, каждый цвет имел свой сакральный смысл, свое значение. Цветообозначение в фольклорном тексте передает полную картину жизни калмыков на протяжении многих столетий, основываясь на менталитете, общественном укладе, природно-климатических условиях и религии [6].

Подробно рассмотрим характеристики и символические значения каждого из пяти основных цветов в двух языках.

Синий – көк / 청색 [cheongsaek] (青色)

Синий цвет Инь символизирует созидание, бессмертие, новое рождение. Синий цвет – это весна в философии Пяти Элементов и используется как цвет шаманизма и благословения. Синий как вода противопоставлялся красному как огонь, а синий как холод противопоставлялся красному как тепло. В современное время оно используется в значении мира, спокойствия и мужества.

В культуре монгольских народов данное значение передает общемонгольская лексема *көк*, выступающая со значениями 'синий; зеленый; пепельный; небо'. С древних времен у монгольских народов она ассоциируется с небом, что прослеживается в одном из ее значений. Этот цвет воплощает в себе вечность неба и природы. Небо может быть голубым и чистым, что сравнивается у калмыков с прекрасной душой девушки, например: *Көк теңгү аһарарн сән, күүкн күн седкләрн сән*. 'Синее небо прекрасно чистым воздухом, а девушка прекрасна душой' [8]. Однако синий цвет также считается холодным цветом и может характеризовать человека с жестким характером или агрессивным поведением, например: *Киитрх теңгрин көвә көк, керүлч күүнә урл көк*. 'У холодного неба края синие, у скандального человека губы синие' [9]. Это означает, что если края неба синие, то калмыки готовятся к скорым холодам, а злого человека можно узнать по его губам, которые синеют от злости. Синий цвет связывают с состоянием гнева или внутреннего напряжения.

В калмыцком языке часто лексемой *көк* обозначается зеленый цвет: *көк ноһан* 'зеленая трава', *көк девән өвсн* 'трава зеленых лугов'. Например: *Өңг өңгәрн бәэдг уга, өвсн көкәрн бәэдг уга*. 'Цвет изменчив, трава не всегда зеленая' [9]; *Увл зун көкрәд бәэдг харһа көк, үнр-танрһ эңкнәд бәэдг арц көк, адрһ дүүрһ көкрәд бәэдг зергн көк*. 'Зеленеющая зимой и летом сосна, благоухающий можжевельник, наполнившие холмы зеленые кусты ежевики' [9].

В названиях мастей или самих названий животных синий цвет приобретает оттенки серого, например, *көк бор мөрн* 'лошадь тёмно-серой масти', *көк һалзн ажрһ* 'серо-сизый жеребец'; *көдәһин көк чон* 'степной серый волк'; *көк шовун* 'кукушка лесная'; *көк хутн* 'цапля'. Конечно же, это говорит о тесной взаимосвязи природы и цвета в сознании калмыков. [9]

В корейском языке данный цвет называют *чхонсэк* обозначающий 'воскрешение и рождение'. Например, в устойчивом выражении или чэньюй *독야청청* [dokyacheongcheong] синий цвет символизирует свободу, развитие или рост и заключает в себе мудрое напутствие молодым людям добиваться успеха с чистыми помыслами, не

переступая закон, не причиняя вреда. В следующем чэньюй 초록동색 [cho rokdong saek] говорится, что один и тот же синий цвет может по-разному выглядеть в написании, в зависимости от иероглифа в китайском языке [7]. Но это не мешает людям воспринимать этот цвет как один. Смысл же этого высказывания в том, что людей объединяют мысли, образ жизни, ценности, а в основе единства целых народов лежат их история, культура, многовековые традиции.

Красный цвет – улан / 적색 [jeoksaek] (赤色)

В калмыцком языке красный цвет имеет отношение к девичьей красоте и мужеству мужчины. Про степную красавицу могли сказать *цаснас цаһан саңната, цуснас улан халхта* 'у неё лоб белее снега, щёки краснее крови', а про достойного добытчика есть пословица *сэн залуһин ханзһ улан* 'у удалого мужчины торока всегда бывают красной (т. е. он всегда приходит с добычей)' [9].

В калмыцком языке прослеживается разделение красного и синего цветов на мужское и женское начало: *улан торһн унжж, көк торһн делсж* (загадка) 'красный шёлк висит, синий шелк развевается' (*күүк буулһлһн* 'увоз невесты') [8],[9]. Девушку невесту одевали в красное платье, а голову покрывали платком синего цвета, символизирующим чистое небесное начало.

Красный цвет связан с культом солнца. Он семантически отождествляется с птицами, существами небесной сферы, символами солнца и огня. Отметим, что калмыки на головных уборах пришивали кисть из красных шёлковых нитей, что отразилось на самом названии *улан залата хальмг* 'калмык в шапке с красной нитью'. Солнце в калмыцком фольклоре всегда обозначается не привычным желтым цветом, а красным: *өрүн өрүһәр урһх үзгэс улан һалзн бух ирж* (загадка) 'с самого раннего утра идёт с востока красно-лысый бык' (*нарн* 'солнце'). Или: *улан мана татхла, сальклхин темдг, улан нарн һархла, һандхин темдг*. 'когда затягивается красным туманом – к ветру, когда поднимается красное солнце – к засухе' [8].

Красный – самый мощный цвет Ян и в Пяти элементах, символизирует лето, горячую, сильную энергию, способной даже отогнать злых духов [5]. Недаром он считается еще императорским цветом, одежда вана и придворных была именно красного цвета, наделенная властью и мощью.

На щеках молодой невесты красный цвет румян символизирует молодость, а губы ярко красного цвета присущи только энергичным мужчинам. В чэньюй часто красный цвет 홍 [hong] символизирует молодость, например, *녹의홍상* [nokeui hongsang] – так говорили про молодых девушек, потому что в ханбоке [11] из синего или желтого верха (녹[pok]) и красной юбки (홍[hong]) могли ходить только незамужние девушки. Синий считается символом незрелого плода или ягоды, а красный цвет используется для защиты от злых духов [6]. Традиционно ханбок красного цвета могла надевать мать невесты на свадьбу, синий ханбок – мать жениха, символизируя энергию баланса Инь-Ян.

Как уже было сказано выше, красный у корейцев ассоциируется с силой, красотой и качеством, поэтому он встречается в пословицах или устойчивых выражениях как описание товара хорошего качества *동가홍상* [dong ga hongsang] или *같은 값이라면 다홍치마* [kateun kapsiramyeon dahongchima] 'если условия выбора одинаковы, лучше брать качественный товар или продукт'. Или выражение *불고 쓴장* [bulgo sseun jang] 'густая паста из перца красивого красного цвета, но она очень острая' используют, когда

говорят о еде, которая аппетитно выглядит, но не вкусная [7].

Так как красный цвет является самым сильным цветом. Ян нанесение красного перца на золотую нить или нанесение чего-то красного на макушку ребенка также использовалось для защиты от бедствий и злых духов. В буддизме одежда, которую носят поверх рубашки монаха, имеет красноватый оттенок. Это потому, что он символизирует сущность Будды и восходящий праведный закон. В наше время он выражает цвет страсти и имеет негативную сторону, например, проявление чрезмерной интенсивности, ярости и гнева [3],[12].

Желтый цвет– шар / 황색 [hwangsaek] (黃色)

Желтый символизирует позднее лето, что означает яркий и ослепительный свет в философии Пяти Элементов, означает солнце и изобилие, использовался как цвет, символизирующий божественность в буддизме.

Жёлтый цвет у калмыков, прежде всего, символизирует цвет буддийской, жёлтой религии, отсюда его священность, ритуальность, жертвенность и сакральность. Известно, что калмыки исповедуют буддизм, который в своем переводе содержит название желтого цвета шар шажн 'буддизм' [14]. Например:

Илюмжиновин нилчэр олн хурл тосхгдад, хальмг теегт шар шажншинэс делгрлт авсмн. 'По указанию Илюмжинова было построено много хурулов, и буддизм по-новому стал развиваться' [16]; *Тегэд тана таңһчд шар шажн энд улм делгрх гиж иткнэв.* 'Поэтому я верю, что буддизм будет распространяться все больше' [15].

Цвет шар 'желтый' входит в состав устойчивых выражений и словосочетаний: экин алтн шар уург 'материнское молоко, молозиво', өндгнэ шар уург 'яичный желток', шар тосн 'топленое масло'. Например. *Үнн үг шар тосн, үннч күн – эрдни чолун* (поговорка). Слово истинное – масло топленое, искренний человек – драгоценность' [8].

В корейском языке данный цвет символизирует силу и источник всех цветов [12],[13]. В пословице *안질에 노랑 수건* [anjire norang sugeon] 'желтый платок для глазной болезни', желтый цвет ассоциируется с болезнями человека. Так говорят про вещь, которую держат при себе и используют только по важным моментам.

Цвет символизирует достаток, поэтому желтыми называли скупых людей. Желтый цвет часто сравнивали с золотом, поэтому издревле у калмыков и у корейцев монеты связаны с этим цветом: в корейском языке – *노랑전* [norangjeon] 'желтая мелочь'; в калмыцком языке – *шар улан мөнгн* 'желтые красные монеты'. Например: *비상 사먹고 죽으려도 노랑전 한 폰 없다* [bisang sameokgo jukeyeodo norangjeon han pun eopta]. 'Съесть все запасы, не оставив ни одной монеты'. Пословица отражает трудное и бедственное финансовое положение в семье [7].

В буддизме сутры писались на желтой бумаге или шелке, а палочки, которыми сворачивали сутры, были красными, поэтому их называли Хвангвон чжокчук (黃券赤軸). В наше время говорят, что этот цвет символизирует процветание, цвет надежды и обладает энергией окружать и поддерживать все вокруг себя в гармонии и спокойствии.

В корейском языке желтый цвет содержится в словах: *노랑*[norang]: *노랑이* [norangi] 'скряга, скупой человек', *노랑가슴담비* [norang ga seum dam bi] 'желтогрудый барсук', *노랑가재미* [norang gajaemi] 'желтая камбала', *노랑감투* [norang gamtu] 'траурный головной

убор из конопли’, 노랑자 [norangja] ‘яичный желток’.

Белый цвет – цаһан / 백색 [baeksaek] (白色)

Белый символизирует божественность, чистоту и очищение, истину, жизнь. В наше время он символизирует благородный дух и обладает энергией изменения и преобразования. В калмыцком языке цаһан ‘белый’ очень активно употребляется в речи, символизируя разные моменты в жизни людей. Например, серебро или монеты называют белыми – цаһан мөңгн, платину – цаһан алтн (белое золото). Много белого цвета в названиях пищи – цаһан идэн ‘молочные продукты’, цаһан махн (анат.) ‘прямая кишка’. Белый цвет часто встречается в составе ботанических и зоологических названий: цаһан хавстн ‘капуста белая’; цаһан шарлжн ‘полынь белолистная’; цаһан аю ‘белый медведь’; цаһан буудя ‘пшеница’; цаһан өвсн ‘ковыль’; цаһан харһа ‘ель’; цаһан шалхг ‘репа’ [9].

Калмыки, используя белый цвет, говорили о внешности человека: цаһан берэчүд ‘белолицые молодницы’ или цаһан буурл өвгн ‘седоволосый старик’. Например, в пословице өргнэ сахл цаһахла — үклин зэңг ‘седина в бороду – весть о смерти’ мы видим аналогию с корейской пословицей о старости и о времени. Интересно то, что и тема смерти у калмыков тоже связана с белым цветом, например, цаган (өдрэн) күлэх ‘ждать последнего часа своей жизни, доживать последние дни (буквально, ждать белого дня)’. У многих народов в теме души и смерти фигурирует белый цвет. Например, калмыки раньше на похороны приходили в белых одеяниях, веря, что человек после смерти попадает в хорошее и благоприятное место на небесах.

Описывая характер человека, калмыки часто упоминали белый цвет в переносном смысле как незлопамятный, добродушный; добрый. Например, цаһан седклтэ күн ‘добродушный человек’; цаһан седкл ‘прямодушие, чистосердечность’, эрүн цаһан седклэр ‘от чистого сердца, искренне от души’ [17].

В пословицах часто противопоставляются два цвета, черный и белый: хар ишкэ цаһан болдго, хуучн дээсн үр болдго (погов.) ‘чёрный войлок белым не станет, старый враг другом не сделается’; цаһан гихлэ – хар гидг ‘толковать что-либо не так, как есть на самом деле, а наоборот’.

В философии Пяти Элементов белый цвет символизирует поклонение небу и солнцу. Так, например, выражение 검은 구름에 백로 지나가기 [geomeun gureume baengro jinagagi] ‘между тучами пролетела белая цапля’ означает, что и в плохие дни бывают радостные моменты, видна цель среди множества дел.

Одежда белого цвета несет в эту жизнь мир, спокойствие, идиллию. Когда-то корейский простой народ носил только белую одежду, поэтому их стали называть 백의 민족 [baegui minjok] ‘народ в белом’. А цветную имели право носить только королевская знать и высокопоставленные чиновники.

Белый цвет олицетворяет ясный и светлый ум. Выражение 백미 [baengmi] ‘белые брови’ в корейском языке употребляется при характеристике выдающегося человека, умудренного опытом и знаниями. В древности советники или мудрецы при короле окрашивали брови, чтобы их отличали и узнавали. Седина у многих народов ассоциируется с целомудрием и возрастом, например, корейцы говорят: 가는 세월 오는 백발 [ganeun se'wol oneun baekbal] ‘время уходит, старость (букв. белая голова) приходит’.

Черный цвет – хар / 흑색 [heuksaek] (黑色)

Как цвет Инь, черный вместе с белым был когда-то запрещен в представлении о Пяти элементах, и, поскольку он символизирует зиму и воду, он имеет мощный потенциал [18].

«Черный цвет многозначен.... Он передает как отрицательную, так и положительную оценку изображаемого предмета. В обозначении тонических начал слово черный «хар» выступает как характеристика объектов Нижнего мира, демонов зла и враждебных сил...»

[6]. Черный цвет *хар* встречается в составе многих слов в калмыцком языке: *хар цод* 'сильные заморозки (без снега)', *Хар һазр* 'Чёрные земли', *хар чидл* 'физическая сила', *чилм хар мөрн* 'вороной конь', *хар шора* 'чернозём', *хар-яр* парн. 'натуральная оспа', *бээрин хар толһа* 'бранный чёрный курган', *далын бәргр хар махн* (Джангар) 'плотные черные мышцы лопатки' [8]. Идиома *хар санан* 'черные мысли' характеризует человека с неблагоприятными намерениями, неумеющего радоваться за другого человека. Такая черта не красит человека, поэтому она часто отражается в пословицах, например, *хамута мөрн ижлән бардг, хар санан бийән бардг* посл. 'чесоточный конь табун портит, злые намерения губят самого злоумышленника'. Если о людях высшего сословия калмыки говорили *цаһан яста кун* 'люди белой кости', то простых людей могли называть *хар*, то есть 'черными', например: *Хар болсн гелнгяс зааль*. 'Избегай гелюнга, который стал мирянином' [17]. Еду простых бедных людей называли *хар будан*, буквально, 'черный бульон'.

В корейском языке черный цвет, как мрак и темнота, соотносится с неграмотностью людей, олицетворяя бедность и безнадежность будущего. Например, пословица *무식은 암흑이요 지식은 광명이다* [musigeun amheugi'yo jisigeun gwangmyeong-ida] 'неученье тьма, а ученье свет'. Также к черному цвету добавляют смысл несчастливого знака или плохой приметы: *역질 흑함* [yeokjil heukham] (黑陷) *되듯 한다* [doedeut handa] 'несчастье в черном ящике'. Плохой характер также обличают в черный цвет: *검정개 돼지 흥한다* [geomjeonggae dwaegi hyunghanda] 'черная собака ругает свинью'. То есть это выражение про людей, которые в своем характере или поведении не видят ошибок и недостатков, но зато умело могут замечать недостатки окружающих [7].

Как известно, черный цвет сложно изменить на другой, смешивая с другими красками, поэтому в языке как раз сравнивают с черным цветом то, что никогда не может измениться, будь то человек или ситуация. Например, в корейском языке – *검정개 미역 감긴 격* [geomjeonggae mi'yeok gamgin gyeok] 'черная собака, завернутая в морскую капусту'; в калмыцком языке – *хар нүүрс кедү уһавчн, цаган болдг уга* 'сколько черный уголь не отмывай, он не побелеет' [19]; *хар мис цаһан болдг уга, хуучн өшәтн иньг болдг уга* 'черная кошка не сделается белой, старый враг не сделается другом' [8].

Черные волосы символизируют молодость, а белые волосы – старость. Когда человеку желают прожить до глубокой старости, в корейском языке говорят: *검은 머리 파뿌리 되도록* [geomеun теori парри доedorok] 'пусть черные волосы станут похожими на корень луковицы' [7].

Таким образом, языковая традиция подсвечивает нам много интересных и загадочных моментов, где хранятся вековые традиции, основанные на наивной картине мира наших народов.

[1] Традиционный корейский костюм

Библиография

1. Электронный словарь Википедия. RYB – Википедия (wikipedia.org) (дата обращения 1.12.2023)
2. Гете. Теория цветов. пер. Чарльз Лок Истлейк. Кембридж. Массачусетс: MIT Press, 1982.
3. 김백만. 알기 쉬운 기초 음양오행의 원리. 서울:관음출판사, 2005. [Ким Пэкман, «Простые основные принципы Инь-Ян и пяти элементов». Сеул: Издательство Гванеум, 2005.]
4. 장용선. 오행 색채 구조화 연구. 박사학위, 홍익대학교 대학원, 2015. [Чан Ён Сон. Исследование структуризации пяти элементов. Сеул: Высшая школа Университета Хонгик. 2015.]
5. 서유리. 에니어그램 성격유형에 따른 색채인지도 및 선호도 차이: 고등학교 1, 2학년을 대상으로// 한국색채학회논문집 제27권 2호(2013a). pp. 95-108. [Юри Seo. Различия в восприятии цвета и цветовом предпочтении согласно типам личности по энеаграмме: предназначено для учащихся 1-го и 2-го классов старшей школы // Сборник статей конференции о корейских традиционных цветах. № 27 (2). с. 95-108.]
6. Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык (этнолингвистические этюды). Элиста, 1993.
7. Электронный словарь корейских пословиц-한국어 속담 사전/검색: 총 11,278개 (wordrow.kr) (дата обр. 9.12.2023)
8. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Сост. Тодаева Б. Х. Элиста: ЗАО «НПП Джангар», 2007.
9. Калмыцко-русский словарь под ред. Муниева Б. Д., -М.: Изд-во «Русский язык», 1977.
10. Убушиева Ж.А. Символика красного цвета в языковой традиции калмыков // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. № 3. С. 29-35.
11. Шараева Т. И. К проблеме изучения маркеров рода: символика и функции «өлгц». // Монголоведение. Т.2, №1. 2003. 2(1). С. 265-272.
12. 문은배. 한국의 전통 색. 안그래픽스, 2012. [Мун Ынбэ. Традиционные корейские цвета. Сеул: Графика. 2012.]
13. 이재만. 한국의 색. 도서출판 일진사, 2005. [Ли Чжэман. Цвта Кореи. Сеул: изд-во библиотека Ильчжинса, 2005.]
14. Убушиева Ж. А. Символика желтого цвета в языковой традиции калмыков // Вестник Калмыцкого университета. 2022. №3(55). С. 107-113.
15. Калмыцкий национальный корпус. газета «Хальмг үнн». 2006. Калмыцкий корпус (web-corpora.net) (дата обр. 2.12.2023)
16. Калмыцкий национальный корпус. Илюмжинов Николай. Ө-шуһу модна һазрт (В лесу дремучем).1900-2011 Калмыцкий корпус (web-corpora.net) (дата обр. 2.12.2023)
17. Мушаев В. Н., Лиджиев М. А., Шурунгова Б. А., Мукабенова Ж. А. Лингвокультурологический аспект лексем «белый-черный» (на материале калмыцкого языка) // Мир науки. Социология, филология, культурология, <https://sfk-mn.ru/PDF/48FLSK420.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ. №4. 2020.
18. 은남근.『오행의 새로운 이해(이동철 역)』. 법인문화사, 2000 [Ын Намгын. Новая теория Пяти элементов. Пер. Ли Донг Чхоль]
19. Сборник пословиц и поговорок. Хуучн үлгүрт худ луга. Сост.: Б.Э. Чимидов, В. Н. Мушаев, Б. В. Баринаова. – Элиста: изд-во Калм. ун-та, 2022.
20. Хинзеева Д. П. Цветобозначение в бурятском языке: лингвокультурологический

аспект. дис. канд. филол. наук / Улан Удэ, 2011.

21. Аюшова Ц.Н. Этническая картина мира калмыков: лингвокультурологический аспект. Элиста: изд-во Калм. ун-та. 2012. 120 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Лингвокультурологический аспект цвета в калмыцком и корейском языках», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению реализации цветового концепта в языке. Работа ценна тем, что автор обращается к языковому материалу одного из языков народов Российской Федерации – калмыцкому, а также одному из восточных языков – корейского.

Работа носит сопоставительно-сравнительный характер.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью более глубокого изучения языковой репрезентации аспекта цвета в сопоставляемых языках для выяснения общих и специфических черт мировосприятия представителей сопоставляемых лингвокультур, особенностей национально-культурного менталитета.

Изучение языковой картины мира было предметом исследования многих отечественных и зарубежных ученых, но автор в рецензируемой работе обращает внимание на описание характеристики Пяти основных цветов в языковой картине мира калмыков и корейцев.

Автор выбрал интересную и мало исследованную тему, а именно реализация стилистического потенциала цветообозначения.

Работа является существенной как для общей теории стилистики, лингвокультурологии, так вносит вклад практическое изучение языков.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу. Однако, автор не приводит информацию насколько обширен языковой корпус, взятый для изучения, каковы критерии отбора текстового материала, к какому временному периоду относится материал, какими методами проводил отбор: сплошной выборкой или специализированными.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Однако, недостатком является отсутствие информации о разработанности темы в языкознании, что помогло бы понять авторский вклад в решение заявленного вопроса. Библиография статьи насчитывает 21 источник, среди которых представлены труды как на русском языке, так и на корейском. Качество библиографического списка вызывает сомнения (например, включение в список ссылки на Википедию, которая не может быть научным источником). Кроме того, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Однако, данные замечания не являются существенными и не относятся к научному содержанию рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья

написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Лингвокультурологический аспект цвета в калмыцком и корейском языках» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Муталов Р.О. — Постфиксальное выражение категории грамматического класса в атрибутивных формах даргинских языков // Litera. – 2023. – № 12. – С. 216 - 224. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69389 EDN: BEFYMW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69389

Постфиксальное выражение категории грамматического класса в атрибутивных формах даргинских языков

Муталов Расул Османович

доктор филологических наук

профессор, главный научный сотрудник, Институт языкознания РАН

125009, Россия, г. Москва, пер. Большой Кисловский, 1/1

✉ mutalovr@mail.ru[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.12.69389

EDN:

BEFYMW

Дата направления статьи в редакцию:

20-12-2023

Дата публикации:

29-12-2023

Аннотация: Статья посвящена особенностям функционирования классных показателей в суффиксах прилагательных и причастий в южнодаргинских языках (даргинская ветвь нахско-дагестанских языков). Даргинские языки характеризуются сложной и разветвленной системой грамматических категорий, однако в многочисленных даргинских языках и диалектах они остаются неизученными, в чем и заключается актуальность настоящего исследования. Цель работы заключается в выявлении случаев использования изменяющихся классно-числовых показателей даргинских языков в постфиксальной позиции. Для достижения этой цели предстоит решить следующие задачи: а) исследование категории грамматического класса в архаичных южнодаргинских языках; б) изучение особенностей функционирования классно-числовых экспонентов; в) выявление атрибутивных слов, в которых классные

показатели функционируют в постфиксальной позиции; г) сравнительный анализ даргинских словоформ с изменяющимися классно-числовыми элементами. Решение перечисленных задач предполагает использование как методов полевой лингвистики, так и сравнительно-сопоставительного метода и метода синхронического анализа. Новизна работы заключается в том, что сравнительному анализу впервые подвергнуты случаи функционирования классно-числовых показателей в постфиксальной позиции атрибутивных форм. Ранее подобное явление было описано лишь в кубачинском языке. В результате проведенного исследования выявлены все случаи постфиксального использования изменяющихся классных экспонентов в рассматриваемых идиомах. В частности, в чирагском языке данные аффиксы представлены в образованных от основы причастий формах настоящего и прошедшего времени. В ицаринском диалекте они встречаются в атрибутивах, образованных от указательных местоимений, в санжинском – в прилагательных, обозначающих высокую степень качества. В ширинском и амузгинском они функционируют в прилагательных и причастиях. Делается вывод, что постфиксальное использование классно-числовых показателей было характерно для древнедаргинского состояния. Наличие в различных словоформах южнодаргинских языков и диалектов разрозненных случаев постфиксального функционирования классных показателей свидетельствует о процессе угасания категории грамматических классов. Результаты работы могут быть использованы при подготовке сравнительно-исторической грамматики даргинских языков.

Ключевые слова:

нахско-дагестанские языки, даргинские языки, чирагский язык, ицаринский диалект, санжинский диалект, морфология, категория грамматического класса, прилагательное, причастие, классный показатель

Даргинские языки распространены в Центральной части горного Дагестана. Ранее они рассматривались в качестве одного языка, но в последнее время из-за многочисленных расхождений, проявляющихся на всех языковых уровнях, они считаются отдельными языками [\[1, с. 144\]](#). Как и другие восточнокавказские языки, они характеризуются богатой морфологией – в них представлена сложная система именного словоизменения со множеством локативных форм, а также многочисленные глагольные категории; в частности, в них функционирует разветвленная система видо-временных и модальных форм.

Категория грамматических классов является общей для именных частей речи и глагола, она пронизывает всю грамматическую систему языка. Исследованию данной темы в даргинском языкознании посвящено немало работ – она рассматривается и в общих грамматических описаниях, и в отдельных статьях [\[2-9\]](#). Тем не менее, как это будет видно из дальнейшего изложения, остается множество вопросов, связанных с категорией грамматических классов и функционированием классно-числовых элементов в различных словоформах – и пока актуальной остается проблема детального изучения данной категории. Актуальность данной темы заключается еще в том, что очевидным стал ускоряющийся процесс исчезновения малых языков, связанный с массовой миграцией жителей гор на равнинную часть республики и в города со смешанным составом населения. В частности, в большинстве селений, материал которых использован в данной статье (селения Шири, Амузги, Ицари, Санжи Дахадаевского района и Чираг Агульского района), в настоящее время либо никто не живет, либо живет

несколько семей.

Цель работы определена как выявление случаев использования изменяющихся классно-числовых показателей даргинских языков в постфиксальной позиции. Достижение данной цели предполагает решение нескольких задач: а) исследование категории грамматического класса в архаичных южнодаргинских языках; б) изучение особенностей функционирования классно-числовых экспонентов; в) выявление атрибутивных слов, в которых классные показатели функционируют в постфиксальной позиции; г) сравнительный анализ даргинских словоформ с изменяющимися классно-числовыми элементами. Для решения перечисленных задач предполагается использование как методов полевой лингвистики, так и сравнительно-сопоставительного метода и метода синхронического анализа.

Материал исследования собирался в местах непосредственного проживания носителей различных даргинских языков и диалектов, а также извлекался из имеющихся опубликованных работ по ним. Новизна работы заключается в том, что впервые сравнительному анализу подвергнуты случаи функционирования классно-числовых показателей в постфиксальной позиции атрибутивных форм нескольких южнодаргинских идиомов – ранее подобное явление было описано лишь в кубачинском языке.

Теоретической базой исследования стали работы отечественных и зарубежных исследователей Услара П.К., Абдуллаева С.Н., Магометова А.А., Сумбатовой Н.Р., Темирбулатовой С.М., Корякова Ю.Б., Форкер Д., Беляева О.И., Ганенкова Д.С.

Категория грамматических классов является одной из наиболее важных категорий для нахско-дагестанских языков, поскольку она охватывает всю систему языка. В даргинских языках выделяется три грамматических класса: первый (мужской), второй (женский) и третий (средний). Распределение имен основано на семантическом признаке: все лица мужского пола отнесены к первому классу, лица женского пола – ко второму классу, остальные имена относятся к третьему классу [2].

В работе [10] подобное распределение даргинских слов на классы считается близкой к идеальной: «Идеальная родовая система должна была бы распределить все названия живых существ между мужским и женским родами, а все остальное отнести к среднему роду. Близки к такому идеалу системы дравидийских и дагестанских языков (таковы, в частности, трехчленные системы аварских и даргинских диалектов)» [10, с. 101].

В мегебском языке функционирует и четвертый грамматический класс, куда относится лишь одно существительное *дурси* «девочка, девушка» [11, с. 74].

Для согласования существительных с прилагательными, глаголами и наречиями в даргинских языках используются классно-числовые показатели. Показателем первого грамматического класса в акушинском (основе даргинского литературного языка), как и в других даргинских языках, выступает элемент *в*, (алломорф *й*); классно-числовым показателем второго класса является сонорный *р* (в кубачинском *й*); третий грамматический маркируется показателем *б*: *урши в-ак1иб* «мальчик пришел», *рурси р-ак1иб* «девочка пришла», *х1яйван б-ак1иб* «животное пришло». Во множественном числе первый и второй классы оформлены показателями *д* (1-ое и 2-ое лица) и *б* (3-е лицо); третий класс имеет показатель *д*: *нуша д-ак1ира* «мы пришли», *х1уша д-ак1ирая* «вы пришли», *адамти бак1иб* «люди пришли», *кьули д-ак1иб* «коровы пришли». [12, с. 165].

Классно-числовые показатели в даргинских языках функционируют, как правило, в

начале слов: *в-ишт1аси* «маленький», *р-ишт1аси*, *б-ишт1аси*; *в-азес* «искупаться», *р-азес*, *б-азес*; *в-ац1ли* «пусто», *р-ац1ли*, *б-ац1ли*. Имеется также несколько существительных, в которых представлены изменяющиеся классно-числовые показатели: *в-ях1* «лицо», *р-ях1*, *б-ях1*; *вай* «середина», *р-ай*, *б-ай*. В ряде слов классные экспоненты окаменели: *бут1а* «кусок», *биса* «плач».

В нескольких глаголах классные элементы могут встречаться и в конце слов: это вспомогательный глагол со значением бытийности *са-й* «есть», *са-р-и*, *са-б-и* и глагол *ле-в* «имеется», *ле-р*, *ле-б* [13]. В том же глаголе кайтагского языка *б-и* «имеется» классно-числовой показатель занимает префиксальную позицию: *в-и* «имеется» (1 кл.), *р-и*, *б-и*. [14, с. 60].

Во всех даргинских языках и диалектах существует суффикс *-че-в*, который, присоединяясь к существительным, образует формы со значением атрибутивности: *давла* «богатство» + *чев* > «богатый». Данный суффикс содержит в ауслауте изменяющийся классный показатель: *г1якьлу-че-в* *урши* «умный мальчик», *г1якьлу-че-р* *рурси* «умная девочка», *г1якьлу-че-б* *хя* «умная собака». «Суффикс прилагательного *-че-б*, который содержит изменяющийся классный показатель, восходит к краткой формы наречия места *че-ди* (*че-*) «вверх». Выявлено, что данная морфема в даргинских идиомах функционирует в форме эссива, образуемого посредством присоединения к форме латива классных показателей... Предложения с суффиксом прилагательного *-че-б* диахронически являются относительными предложениями; в ходе развития языка данное наречие грамматикализовалось» [15].

Прилагательные и причастия в даргинских языках могут быть полными и краткими; краткие формы в предложениях всегда функционируют с определяемыми словами: *ахь дубура* «высокая гора» (полная форма – *ахьси дубура*). Краткие формы прилагательных совпадают с основой, а краткие формы причастий – с аористом, формой прошедшего времени: *берц1иб кьац1* «испеченный хлеб» (ср.: *берц1иб-си кьац1*). Отличаются они тем, что краткая форма причастия всегда предшествует имени, а форма аориста в предложении занимает конечную позицию: *берц1иб кьац1* «испеченный хлеб» – *нешли кьац1 берц1иб* «Мама испекла хлеб».

Полные формы прилагательных и причастий образуются посредством присоединения к кратким формам атрибутивных показателей. Для оформления полных прилагательных и причастий в даргинских языках и диалектах используются различные суффиксы: *-си* (акушинский д.), *-ци* (сирхинский д.), *-се* (тантынский д.), *-зе* (цудахарский д.), *-ил* (урахинский д.). Формантом множественного числа в них выступает показатель *-ти/-те*.

В кубачинском языке классно-числовые показатели могут функционировать и в конце суффиксов прилагательных, что является одной из ярких отличительных особенностей данного идиома от других. Имя прилагательное «образуется от именной основы посредством суффиксов *-зи-б/й/в* (ед.ч.), *-жу-б/д* (мн.ч.). Наличие изменяющегося классного показателя в суффиксах имен прилагательных является характерной особенностью кубачинского среди даргинских диалектов. Прилагательное согласуется с определяемым им именем в классе и числе: *ара-зи-в адаме* «здоровый мужчина», *ара-зи-й хьхьунул* «здоровая женщина», *ара-зи-б х1яйван* «здоровое животное», *ара-жу-б адамте* «здоровые мужчины», *ара-жу-б хьхьунне* «здоровые женщины», *ара-жу-д х1ааванте* «здоровые животные» [5, с. 144].

Как отмечается в работе [5], в данном идиоме «прилагательные и причастия имеют

суффиксы, заключающие в себе классные показатели: *абдузиб* «чистое», *абдузий*, *абдузив*, *абдузиб*, *абдузид*: *абдузиб к1а* «чистая бумага», *абдузид к1а*ме «чистые бумаги», *абдузий юссе* «опрятная девочка», *абдузив гал* «опрятный (досл. «чистый») мальчик». *Бахьузиб* «идуший», *йахьузий*, *вахьузив*, *бахьузиб*, *дахьузид*: *вахьузив гал* «идуший мальчик», *йахьузий юссе* «идущая девочка» [5, с. 75]. Прилагательное или причастие, употребляемое в атрибутивной функции перед определяемым именем, в кубачинском сохраняет классный показатель.

В кубачинском языке «оформление классным показателем прилагательного и причастия аналогично аварскому языку, в котором классные показатели выступают в суффиксе прилагательного и причастия: *уне-в* «идуший», *уне-й* «идущая», *уне-б* «идущее»» [5, с. 76].

В других диалектах суффиксы прилагательных не имеют классных показателей, поэтому определяющее согласуется с определяемым только в числе. Суффиксы причастий имеют классные показатели, вследствие чего причастия, образованные от переходных глаголов, имеющих классные показатели, являются полиперсональными.

Изменяющиеся классные показатели в суффиксах прилагательных и причастий были выявлены также в ширинском и амугинском диалектах. Как отмечается в работе [16], «кубачинский, аштынский, ширинский и амугинский отличаются от всех прочих описанных на сегодня диалектов тем, что в них суффикс полных форм прилагательных имеет вид *-зи=КП* в единственном числе и *-жу=КП* во множественном, ср. лит. *кьугъа-си рурси* «красивая девочка», кубач., шир., амуг.: *кьугъа-зи-р рурси* «красивая девочка»... Таким образом, образование полных форм прилагательных является чертой, явным образом сближающей ширинский и амугинский с кубачинским» [16, с. 30].

В чирагском языке имеется также несколько форм времени, образованных от причастий, в которых классно-числовые показатели, как и в кубачинском, функционируют в постфиксальной позиции (Д. С. Ганенков, л. с.). Это формы облигатива совершенного и несовершенного вида. Облигатив обозначает предполагаемое действие, которое должно случиться в будущем. В чирагском языке, как и в других даргинских идиомах, данная образуется присоединением к причастию совершенного или несовершенного вида личных показателей. Однако, в отличие от других даргинских языков и диалектов, за исключением кубачинского, в них содержится изменяющийся классно-числовой показатель.

Облигатив несовершенного вида: *биркьанзи-в-да* «я такой, что сделаю» (1 л.) – *биркьанзи-в-аччуда* (отрицательная форма); *биркьанзи-в-де* – *биркьанзи-в-аччутте* (2 л.); *биркьанзи-в* – *биркьанзи-в-акку* (3л.). Форма прошедшего времени не спрягается: *биркьанзи-в-де* – *биркьанзи-в-аччу*. Облигатив совершенного вида (настоящее и прошедшее экспериентивное) образуется от причастия совершенного вида: *баркьибзи-в-да* – *баркьибзи-в-аччуда* (1 л.); *баркьибзи-в-де* – *баркьибзи-в-аччутте* (2 л.); *баркьибзи-в* – *баркьибзи-в-акку* (3 л.). Форма прошедшего времени: *баркьибзи-в-де* – *биркьанзи-в-аччу*.

В ицаринском диалекте цудахарско-сирхинского языка изменяющиеся классные показатели в конце атрибутивных показателей представлены в нескольких случаях. Прежде всего, это формы атрибутивов, которые образованы от указательных местоимений. В данном диалекте функционирует система дейктических местоимений, которая состоит из пяти элементов: *иж* «этот, у говорящего», *ил* «тот, у слушателя», *ик1*

«тот, выше говорящего», *игь* «тот, ниже говорящего», *ит* «тот, в стороне». Посредством присоединения к ним аффикса *-изи-б* образуются атрибутивные формы: *итизи-б* «такой, как тот» (3 кл.); *иж-изи-б*; *ил-изи-б*; *икI-изи-б*; *игь-изи-б*. Дул *итизив дурхIу чиважибда* «Я увидел такого мальчика»; *итизир рирсси* «девочка такая, как та», *итизиб хьал* «дом такой, как тот», *итизиб адамти* «такие люди», *итизид дубурти* «такие горы» [17].

Подобное же явление отмечается и в кубачинском языке. «От указательных местоимений посредством суффиксов прилагательных образуются прилагательные: *идизиб*, «такой», *идижуб* «такие», *илзиб* «такой» (как то, что около тебя), *йизиб* «такой» (как этот), *ихизиб* «такой» (как тот внизу), *икIизиб* «такой» (как тот наверху)» [5, с. 144].

Изменяющиеся классные экспоненты в ицаринском представлены также в вопросительном местоимении: *куу-зи-в-ци?* «какой?», *куу-зи-р-ци?* «какая?», *куу-зи-б-ци?* «какой?», «какой?», *куу-зи-ти?* (от *куу-зи-д-ти?*) «какие?». Широко используются в ицаринской речи сравнительные формы, которые также образованы посредством аффикса *-изиб*: *къаркъауузивци* «такой, как камень», *къаркъаруузирци* «такая, как камень», *къаркъабуузибци* «такое, как камень». Следует отметить, что в данных образованиях класс и число определяемого слова указывается дважды.

Интересный случай функционирования классно-числовых показателей в маркерах атрибутивов выявлен и в санжинском диалекте цудахарско-сирхинского языка. Как отмечается в работе [18], один из типов производных прилагательных «может быть образован из прилагательных, обозначающих реляционные качества... Такие прилагательные выполняют атрибутивную, предикативную и содержательную функции» [18, с. 125]. Они образуются от основ прилагательных посредством элемента *б-ази-б*, содержащего два изменяющихся классно-числовых показателя: *бахъ-б-азиб* «очень много», *кам-б-азиб* «очень мало», *гIяхI-б-азиб* «очень хорошо», *къугъа-б-азиб* «очень красиво» [18, с. 125-126].

В работе [19] случаи функционирования изменяющихся классных показателей отмечены и в других дагестанских языках: аварском *чIегIера-б* «черный», андийском *се-б* «один», ботлихском *хьуъа-б* «хороший», годоберинском *беллара-б* «тонкий», каратинском *бечIатIиро-б* «черный», ахвахском *мацIада-бе* «чистый», багвалинском *гIачу-б* «зеленый», тиндинском *кIоркIалу-б* «круглый», табасаранском *уджу-б* «хороший», арчинском *муту-б* «красивый». Следовательно, постфиксальное использование классных показателей было характерно еще для протодагестанского состояния языка.

Таким образом, в результате проведенного исследования выявлены все случаи постфиксального использования изменяющихся классных экспонентов в даргинских языках и диалектах. В частности, в чирагском языке данные аффиксы представлены в образованных от основы причастий формах настоящего и прошедшего времени. В кубачинском, ширинском и амузгинском они функционируют в прилагательных и причастиях. В ицаринском диалекте они встречаются в атрибутивах, образованных от указательных местоимений, а также в частице сравнения, в санжинском – в прилагательных, обозначающих высокую степень качества.

По всей видимости, постфиксальное использование классно-числовых показателей было характерно для древнедаргинского состояния, что подтверждается материалом других дагестанских языков. Наличие в различных словоформах отдельных архаичных южнодаргинских языков и диалектов разрозненных случаев постфиксального функционирования классных показателей свидетельствует о том, что в даргинских

идиомах налицо процесс постепенного угасания категории грамматических классов. Результаты работы могут быть использованы при подготовке сравнительно-исторической грамматики даргинских и дагестанских языков.

Библиография

1. Коряков Ю.Б. Даргинские языки и их классификация. // Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р.О. Муталова. М.: Буки-Веди. 2021. С. 139-154.
2. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. 5. Хюркилинский язык.– Тифлис : Управление Кавказского учебного округа, 1892.
3. Жирков Л. И. Грамматика даргинского языка. М.: Центральное издательство народов С.С.С.Р., 1926.
4. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). – Махачкала: Дагучпедгиз. 1954.
5. Магомедов А.А. Кубачинский язык. Исследование и тексты. Тбилиси.: Мецниереба, 1963.
6. Мусаев М.-С.М. Словоизменительные категории даргинского языка (категории грамматических классов, абстрактные падежи). Махачкала: Дагучпедгиз, 1987.
7. Абдуллаев З.Г., Абдусаламов А.А., Мусаев М.-С. М, Темирбулатова С. М. Современный даргинский язык. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014.
8. Van den Berg H.E. Dargi folktales. Leiden, 2001. 324 p.
9. Муталов Р.О. Глагол даргинского языка. – Махачкала: Издательско-полиграфический центр ДГУ, 2002.
10. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ. 2011.
11. Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (Eds.) (2019).The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press.
12. Mutalov R.O. 2017 Diachronic changes in the system of noun class markers in Dargwa // Historical linguistics of the Caucasus. Book of abstracts. Paris, 12–14 April, 2017. 165-167.
13. Сумбатова Н.Р., Ландер Ю.А. Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса. – М.: Языки славянской культуры, 2014.
14. Темирбулатова С.М. Хайдакский диалект даргинского языка.- Махачкала: Издательство типографии ДНЦ РАН, 2004.
15. Муталов Р.О. Функционирование классно-числовых показателей в суффиксах прилагательных даргинских языков // Филология: научные исследования. – 2021. – № 12. – С.55-62. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.12.37175
16. Беляев О.И. Место ширинского и амугинского среди диалектов даргинского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, том 2, № 24, Томск, 2019. С. 20-38.
17. Sumbatova N. R., Mutalov R. O. A grammar of Içari Dargwa. München: LINCOM EUROPA. 2003.
18. Forker D. A grammar of Sanzhi Dargwa (Languages of the Caucasus 2). Berlin: Language Science Press. 2020.
19. Алексеев М. Е. Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков: категории имени. – М.: Academia, 2003.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметная область рецензируемой статьи касается постфиксального выражения категории грамматического класса в атрибутивных формах даргинских языков. Как отмечает в начале своего труда автор, «даргинские языки распространены в Центральной части горного Дагестана. Ранее они рассматривались в качестве одного языка, но в последнее время из-за многочисленных расхождений, проявляющихся на всех языковых уровнях, они считаются отдельными языками. Как и другие восточнокавказские языки, они характеризуются богатой морфологией – в них представлена сложная система именного словоизменения со множеством локативных форм, а также многочисленные глагольные категории; в частности, в них функционирует разветвленная система видо-временных и модальных форм». Следовательно, обозначенная магистраль исследования вполне актуальна, нова, конструктивно мотивирована. Основной / структурно-уровневый состав работы соотносится с собственно научным типом. Статьи информативна, содержательна: например, «категория грамматических классов является общей для именных частей речи и глагола, она пронизывает всю грамматическую систему языка. Исследованию данной темы в даргинском языкознании посвящено немало работ – она рассматривается и в общих грамматических описаниях, и в отдельных статьях. Тем не менее, как это будет видно из дальнейшего изложения, остается множество вопросов, связанных с категорией грамматических классов и функционированием классно-числовых элементов в различных словоформах – и пока актуальной остается проблема детального изучения данной категории», или «категория грамматических классов является одной из наиболее важных категорий для нахско-дагестанских языков, поскольку она охватывает всю систему языка. В даргинских языках выделяется три грамматических класса: первый (мужской), второй (женский) и третий (средний). Распределение имен основано на семантическом признаке: все лица мужского пола отнесены к первому классу, лица женского пола – ко второму классу, остальные имена относятся к третьему классу» и т.д. Фактический комментарий-дешифровка позиций дается открыто, полновесно: «материал исследования собирался в местах непосредственного проживания носителей различных даргинских языков и диалектов, а также извлекался из имеющихся опубликованных работ по ним. Новизна работы заключается в том, что впервые сравнительному анализу подвергнуты случаи функционирования классно-числовых показателей в постфиксальной позиции атрибутивных форм нескольких южнодаргинских идиомов – ранее подобное явление было описано лишь в кубачинском языке. Теоретической базой исследования стали работы отечественных и зарубежных исследователей Услара П.К., Абдуллаева С.Н., Магометова А.А., Сумбатовой Н.Р., Темирбулатовой С.М., Корякова Ю.Б., Форкер Д., Беляева О.И., Ганенкова Д.С.». Привлекает в работе точность автора относительно целевой составляющей: «цель работы определена как выявление случаев использования изменяющихся классно-числовых показателей даргинских языков в постфиксальной позиции. Достижение данной цели предполагает решение нескольких задач: а) исследование категории грамматического класса в архаичных южнодаргинских языках; б) изучение особенностей функционирования классно-числовых экспонентов; в) выявление атрибутивных слов, в которых классные показатели функционируют в постфиксальной позиции; г) сравнительный анализ даргинских словоформ с изменяющимися классно-числовыми элементами. Для решения перечисленных задач предполагается использование как методов полевой лингвистики,

так и сравнительно-сопоставительного метода и метода синхронического анализа». По ходу труда все основные задачи решаются профессионально. Помимо теоретической части, объемна в научном сочинении и практическая / иллюстративная составляющая: «для согласования существительных с прилагательными, глаголами и наречиями в даргинских языках используются классно-числовые показатели. Показателем первого грамматического класса в акушинском (основе даргинского литературного языка), как и в других даргинских языках, выступает элемент *в*, (алломорф *й*); классно-числовым показателем второго класса является сонорный *р* (в кубачинском *й*); третий грамматический маркируется показателем *б*: урши *в-ак1иб* «мальчик пришел», рурси *р-ак1иб* «девочка пришла», *х1яйван б-ак1иб* «животное пришло». Во множественном числе первый и второй классы оформлены показателями *д* (1-ое и 2-ое лица) и *б* (3-е лицо); третий класс имеет показатель *д*: нуша *д-ак1ира* «мы пришли», *х1уша д-ак1ирая* «вы пришли», *адамти бак1иб* «люди пришли», *кьюли д-ак1иб* «коровы пришли», или «во всех даргинских языках и диалектах существует суффикс *-че-в*, который, присоединяясь к существительным, образует формы со значением атрибутивности: *давла* «богатство» + *чев* > «богатый». Данный суффикс содержит в ауслауте изменяющийся классный показатель: *г1якьлу-че-в* урши «умный мальчик», *г1якьлу-че-р* рурси «умная девочка», *г1якьлу-че-б* *хя* «умная собака». «Суффикс прилагательного *-че-б*, который содержит изменяющийся классный показатель, восходит к краткой формы наречия места *чеди* (*че-*) «вверх». Выявлено, что данная морфема в даргинских идиомах функционирует в форме эссива, образуемого посредством присоединения к форме латива классных показателей... Предложения с суффиксом прилагательного *-че-б* диахронически являются относительными предложениями; в ходе развития языка данное наречие грамматикализировалось» и т.д. Логика анализа проблемы финально сводится к следующему: «таким образом, в результате проведенного исследования выявлены все случаи постфиксального использования изменяющихся классных экспонентов в даргинских языках и диалектах. В частности, в чирагском языке данные аффиксы представлены в образованных от основы причастий формах настоящего и прошедшего времени. В кубачинском, ширинском и амузгинском они функционируют в прилагательных и причастиях. В ицаринском диалекте они встречаются в атрибутивах, образованных от указательных местоимений, а также в частице сравнения, в санжинском – в прилагательных, обозначающих высокую степень качества...». Материал уместно использовать при изучении даргинских языков, он также может стать образчиком при формировании статей смежной тематической направленности. Основные требования издания учтены, работа не нуждается в серьезной правке и коррективе. Рекомендую статью «Постфиксальное выражение категории грамматического класса в атрибутивных формах даргинских языков» к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжао Я. — Город будущего в романах В.Ф. Одоевского «Русские ночи» и «4338-й год» // Litera. – 2023. – № 12. – С. 225 - 235. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69295 EDN: DLDIHV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69295

Город будущего в романах В.Ф. Одоевского «Русские ночи» и «4338-й год»

Чжао Яо

Специалист, МГУ-ППИ в Шэньчжэнь

518100, Китай, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, ул. Да Юнь, 1

✉ 278250417@qq.com

[Статья из рубрики "Всемирная литература"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69295

EDN:

DLDIHV

Дата направления статьи в редакцию:

11-12-2023

Дата публикации:

30-12-2023

Аннотация: В статье предлагается сопоставительное рассмотрение двух общественных моделей в художественной прозе В.Ф. Одоевского. В центре внимания исследователя оказываются незавершенный роман «4338 год» и новелла «Город без имени» из романа «Русские ночи» Одоевского. При сравнении обоих текстов в статье указывается на смысловое единство культурно-общественных взглядов автора на должное (идеальное) будущее общество. Если «Русские ночи» целиком обращены в настоящее, так что дистопические картины в новеллах «Город без имени» и «Последнее самоубийство» нужны только, чтобы правильно посмотреть на современность 1840-х годов и на следствия ошибок, которые могут быть совершены в настоящем, то «4338-й год» действительно устремляется в будущее и проектирует новый научно-общественный мир. Однако «4338-й год» может считаться утопией только отчасти. В свете сатирической

критики в романе «Русские ночи» и других произведений Одоевского «4338-й год» оказывается не настолько однозначным текстом, как было принято полагать в литературоведении начала XX в. В работе применяются сопоставительный, культурологический и герменевтический метод при осуществлении анализа художественных текстов В.Ф. Одоевского «4338-й год» и «Русские ночи». В статье были скорректированы представления о романе «4338-й год» В.Ф. Одоевского как о романе утопическом. Поставленный в ряду других произведений Одоевского, этот текст, несмотря на свою незавершенность, удачно вписывается в мировоззренческую систему писателя и развивает сатирические тенденции, представленные в его романе «Русские ночи» — в особенности в дистопических новеллах «Город без имени» и «Последнее самоубийство». В результате сопоставительного анализа двух произведений было выявлено, что картина будущего в романе «4338-й год» обнаруживает множество изъянов, которые ставят под сомнение утопическую интерпретацию текста: в нем будущее общество глухо к трагическому мироощущению и "не замечает" катастрофы, надвигающейся на него, не имеет перед собой метафизического горизонта, необходимого, по мысли писателя, для действительного научного прогресса, теряются преемственные связи, цельность человеческого знания, о чем Одоевский настойчиво говорит в «Русских нотах».

Ключевые слова:

романтизм, Одоевский, утопия, дистопия, 4338-й год, Русские ночи, утилитаризм, научно-технический прогресс, будущее, художественная картина

В русской литературе первой трети XIX в. значительное место занимают тексты, содержащие художественные картины будущего. Среди них «Европейские письма» В.Г. Кюхельбекера (1820 г.), «Правдоподобные небылицы, или странствия по свету в двадцать девятом веке» Ф.В. Булгарина (1824 г.), роман А.Ф. Вельтмана «МММCDXLVIII 3448 год: Рукопись Мартына-Задека», опубликованный в 1833 г., а также многие другие. На представленном литературном фоне неоконченный роман В.Ф. Одоевского «4338-й год» не кажется исключением, на что указывает само название — перестановленные цифры из романа Вельтмана «3448 год». Тем не менее роман Одоевского содержательно отличается от работ современников.

«Зрение Одоевского простиралось на целый век вперед!» — восклицал В.В. Розанов в статье «Чаадаев и кн. Одоевский» [6]. А.Г. Гачева не без основания утверждает, что тексты Одоевского обладают «мощной футурологической компонентой» и стремятся прочертить векторы развития не для одного лишь народа и не для какой-то части человечества, разбитого на национальности, а для мира в его единстве» [1]. Как неоднократно указывалось, идеи Одоевского, изложенные в романах «Русские ночи» и «4338-й год», легли в основу «русского космизма» [5] и обладали прогностической ценностью [9]: многие поздние технические изобретения (как-то: телефон, отчасти интернет, фотоаппараты, воздушный транспорт, системы теплоснабжения, газированные напитки и другие) были успешно предсказаны Одоевским. Но роман «4338-й год» не ограничивается только техническим прогнозом. В нем воплощается критическая оценка современной русской культуры и общественно-философская концепция В.Ф. Одоевского. Продуктивным подспорьем при истолковании романа «4338-й год» послужит другой текст Одоевского — «Русские ночи», в котором можно обнаружить образцы негативной утопии (дистопии) в новеллах «Город без имени» и «Последнее самоубийство». Некоторые

дистопические черты из них включены в мнимую идиллическую картину будущего в романе «4338-й год».

Творчество Одоевского обладает синкретическим характером: романтико-фантастическое начало его прозы включает в себя отчетливые научно-технические представления. В связи с этим футурологические модели Одоевского, сочетая в себе романтическое и прагматическое, подтверждаются научными данными (что подтверждается широкой, энциклопедической осведомленностью Одоевского в естественных науках Нового времени и Средневековья). Таким образом, картина будущего в текстах Одоевского может, с одной стороны, поворачиваться к настоящему времени и содержать критику на современное светское общество на романтический манер (например, в новеллах «Бал» и «Бригадир» из «Русских ночей»), с другой стороны, обращаться в будущее, то есть конструировать и определять модель должного, по мнению автора, развития общественных отношений, исходя из данной критики. Одоевский пишет, что человеку «не должно знать одного будущего, забывая о настоящем»: иными словами, будущее нужно определять сквозь настоящее. Роман «4338-й» предполагает именно такой синтез из настоящего и будущего, научного и фантастического, романтической сатиры и научного моделирования, однако воплощенных в единой художественной конструкции.

Роман «4338-й год» был опубликован в 1840 г., за несколько лет до публикации «Русских ночей». Долгое время «4338-й год» имел репутацию утопического романа. Согласно утопической интерпретации, общественная модель, научно-техническое оснащение и политическая обстановка в романе полностью реализуют идеалы самого автора. Такая интерпретация впервые была выдвинута в статье П.Н. Сакулина «Русская Икарзия» за 1912 г. и стала канонической при изучении текста Одоевского. Именно она и подверглась пересмотру в некоторых научных работах последнего времени, в особенности в работе В.В. Сербиненко «Философская проза В.Ф. Одоевского: 4338 год» [6]. При истолковании романа исследование Сербиненко, в отличие от прежних критических работ, учитывает сатирический опыт «Русских ночей», в результате чего утопический характер «4338 года» ставится под вопрос.

В романе «4338-й год» представлена далекая Россия будущего. Она достигает политического, технического и культурного превосходства над другими странами в альтернативной картине Одоевского, хотя и обладает, как ни парадоксально, чертами, не присущими России. Она противопоставлена Китаю, который отстает от России по техническому и культурному развитию, однако в этом отставании именно Китай в большей степени напоминает Россию, в то время как последняя воплощает собой, скорее, Запад, воспринятый из российской оптики 1840-х годов: «Конечно, мы, китайцы, ныне ударились в противоположную крайность – в безотчетное подражание иноземцам; все у нас на русский манер: и платье, и обычаи, и литература; одного у нас нет – русской сметливости, но и ее приобретем со временем» [3, с. 422]. Упоминание же «великого Хун-Гина» далее, правителя, который «пробудил наконец Китай от его векового усыпления» и ввел китайское государство в «общее семейство образованных народов», может косвенно указывать на Петра I и знаменитый поворот русского государства к европейскому просвещению [3, с. 422].

Двойственность положения и успехов России усиливается тем, что общественные и технические достижения российского государства излагаются экзальтированным китайским студентом, то есть, по верному замечанию Сергиненко, преподносятся как взгляд «провинциала» на «столицу» [6]. Следовательно, искажают достоверную

общественную картину.

Таким образом, в романе Одоевского мы встречаем редкий для научно-фантастической литературы прием: писатель вводит в псевдо-утопический роман «ненадежного рассказчика» и таким образом раздваивает образ города на утопический (точка зрения Ипполита Цунгиева, китайского студента) и не-утопический (точка зрения автора). В таком ракурсе большинство из наблюдений Цунгиева теряют прежнюю убедительность и требуют внимательного прочтения. Например, преклонение людей будущего перед «мудростью древних», которыми называются «столоначальники» 1840-х годов (по всей видимости, гоголевского типа), очевидно, пропускается сквозь авторскую иронию. Слово «столоначальник» для людей 4338 года, ввиду утраты сведений о прошлом, остается неизвестным и путается с такими словами, как «градоначальник» и «военачальник» [3, с. 437]. Такое искажение слов и архаичных (в оптике будущего) явлений определенным образом отражается и на остальных наблюдениях, указанных в тексте.

Так, среди различных нововведений заслуживают внимания опыты «животного магнетизма» [8]. Они представляют собой «салонную забаву», которая состоит в том, что несколько человек становятся вокруг «магнетической ванны», берут протянутый от нее «снурок» и погружаются в «сомнамбулический сон» [3, с. 431-432]. Во время него участники произносят свои «тайные помышления», скрытые страхи и недоговоренные желания, что, в целом, отчасти соответствует идеалу Одоевского о том роде коммуникации, когда «ложь» будет преодолена, а «мысль высказана», несмотря на различные социальные и языковые преграды (о чем автор пишет в «Эпilogue» романа «Русские ночи»). Однако в соседстве с употреблением особых психоделических «возбуждающих газов» эти развлечения приобретают противоречивый характер и напоминают плановое употребление психотропных препаратов («сомы») в романе «О дивный новый мир» О. Хаксли. Более того, отказ от «животного магнетизма» табуируется в обществе будущего и оценивается как «порочная наклонность»: тот, кто в этом не участвует, критикуется за утаивание «враждебных мыслей» [3, с. 433]. Другими словами, гипнотические сеансы и употребления газа, несмотря на видимое новшество, обнаруживают неоднозначность авторской оценки.

Разумеется, техническое развитие общества в романе Одоевского не может быть поставлено под сомнение. Люди перемещаются на огромные расстояния в краткий срок при помощи «гальваностатов» (воздушных кораблей), производятся синтетические материалы, новые музыкальные инструменты («гидрофоны») и вещи из «эластичного стекла», осваиваются другие планеты, преодолеваются тяжелые климатические условия по новой системе теплоснабжения, подробно описанной и предсказанной Одоевским, исчезает гужевой транспорт, так что лошади из средства перемещения превращаются в маленьких декоративных животных. Проблема состоит именно в том, что многие из нововведений в «4338 году» приобретают декоративную ценность и становятся только внешними элементами обихода. Так, например, женщины на балу в городе будущего сооружают шляпы из эластичного стекла *à la comète* в честь грядущей катастрофы. Таким образом, даже апокалипсис поглощается салонной культурой и превращается в декоративный аксессуар. Несмотря на ощутимый внешний скачок, нравственно-философское значение многих технических усовершенствований остается неопределенным.

Одоевский пишет в предисловии к роману «4338-й год»: «...люди всегда останутся людьми, как это было с начала мира: останутся все те же страсти, все те же побуждения; с другой стороны, формы их мыслей и чувств, а в особенности их

физический быт должен значительно измениться» [3, с. 417]. Именно эта мысль и демонстрируется в романе. Внешний быт и «формы мыслей» в 4338 году, действительно, радикально изменяются на фоне общественной реальности 1840 года, когда был написан текст. Однако многое из реальности 1840-х годов остается без изменений. Светское общество и искусственность жизни, ставшая мишенью романтической сатиры в первой трети XIX века, отражается и в произведениях Одоевского, занимает значительное место в «Русских ночах» и в романе «4338-й год». Так, сатирическое изображение светского общества имеет сходные черты в новелле «Бал» и романе «4338 год»: вставная новелла начинается восклицаниями об историческом сражении, называются «десять тысяч убитых», объявляется, что «привезены знамена, обрызганные кровь и мозгом», однако — на контрасте — в бальной зале, по словам повествователя, «все веселится, поет и пляшет...» [4, с. 45]. Таким же образом и весть о приближающейся комете и планетарной катастрофе не изменяет обыкновенного порядка вещей в романе «4338-й год».

Название романа, как известно, было выбрано в связи с эсхатологическими ожиданиями: на 4339 год было предсказано разрушительное столкновение с кометой, которое, как представляется, должно было стать импульсом к переосмыслению жизни или по крайней мере вызвать сильнейшие волнения в обществе. Тем не менее, если взглянуть в общественную реальность «4338 года», салонная культура в нем, даже перед катастрофой, ничуть не изменяет ритуала. Во многих отношениях салонные развлечения «4338 года» напоминает пошлые светские разговоры в гостиной Анны Павловны Шерер накануне Отечественной войны 1812 года в романе «Война и мир» Л.Н. Толстого: «Я не без удивления заметил по разговорам, что в высшем обществе наша роковая комета гораздо менее возбуждала внимания, нежели как того можно было ожидать» [3, с. 429].

В системе ценностей В.Ф. Одоевского, сформулированных в «Русских ночах», полная, окончательная сытость и удовлетворение физиологических потребностей не может считаться исторической целью для всего человечества: «Во всех таких случаях организм страдает, как растение без воды или слишком политое» [4, с. 180]. Иными словами, технический прорыв не должен мыслиться как самоцель и ограничиваться бытовыми функциями. Человеческий труд должен всегда иметь перед глазами некий *метафизический горизонт*, куда будут устремлены его усилия; если же то, что считалось средством, оказывается целью, то человечество попадает в тупик. Он пишет в «Третьей ночи», что «полное следствие такой полезной, удобной и расчетливой жизни — есть тоска неодолимая, невыносимая» [4, с. 36]. Об этом же Одоевский говорит устами Фауста (своего альтер-эго) при сопоставлении алхимии и современной европейской химии. Он указывает, что современная естественная наука ограничивается кругом «чистого опыта» и узких (специальных) задач, которые она перед собой ставит, в то время как алхимия, насколько бы курьезным ни казался на современный взгляд предел ее ожиданий («обнаружение философского камня»), была всегда устремлена к цели метафизической, расположенной за пределами науки. Поэтому она была, по мнению Фауста, единой, цельной и значительной в своих задачах. Она не могла остановиться на достигнутых открытиях, потому что алхимия этим не исчерпывается, и не могла ограничиться изобретениями, которые эти открытия могли повлечь, потому что была обращена к трансцендентной цели и ее воплощению на земле разумными средствами. В таком случае науки были едины в устремлении к «общему делу»: «Оттого, — утверждает Фауст, — алхимики открыли так, между делом, все то, без чего мы теперь пошевелиться не можем, — а мы — лишь винты, да колеса для бумажных колпаков...» [4, с. 162].

Подобную интегрирующую метафизическую задачу и ставит перед человечеством Одоевский в футурологических произведениях. Его трансцендентный идеал, в отличие от романтиков его времени, расположен не за пределами мира, но внутри них и, если быть точнее, в будущем, где будет произведена интеграция человеческого знания и последняя творческая регуляция природных стихий. Идеал Одоевского, как и соловьевский и федоровский, существует для того, чтобы его претворить на земле научно-творческими средствами: как предел активно-творческий, нежели пассивно-созерцательный. Отсюда и потребность Одоевского в проектировании художественных моделей по типу романа «4338 год». Однако, несмотря на оптимистические устремления, будущий мир, представленный в его текстах, содержит множество противоречий.

Во-первых, жители будущего общества внутренне ничуть не изменяются и не обогащаются: внешние мелочи заботят их более, чем такие онтологические события, как апокалипсис и крушение мира. Во-вторых, общество в романе «4338 год» оторвано от прошлого, что, по мысли Одоевского, является не меньшим изъяном, чем внутренняя пустота. Примечательно, что Фауст в «Русских ночах» работает над сочинением, призванным «напомнить о позабытых знаниях, — нечто вроде сочинения Панцироля "De rebus deperditis" ("О потерянных вещах")» [\[4, с. 158\]](#). В-третьих, значение технических изобретений в обществе 4338 года ограничивается утилитарными и потребительскими нуждами, которые загоняют человечество в тупик: платья из «эластичного стекла» и хитроумные теплохранилища перестанут ощущаться жителями таким же образом, как печи и рамы в бальной зале в начале «Русских ночей», то есть исчезнут из восприятия в тот момент, когда будут закрыты основные потребности. Таким образом, техника не должна ограничиваться утилитарной функцией и обеспечением комфорта, но должна становиться средством активного, творческого преобразования мира и быть устремлена к дальней цели. Негативные картины в прозе Одоевского, когда общество, несмотря на видимый социально-технический успех, распадается на части и затем исчезает без следа, представлены в дистопических новеллах из «Русских ночей», одна из которых может быть сопоставлена с отрывками из романа «4338-й год». В новелле «Город без имени» мы обнаружим более определенное высказывание насчет будущего общества и выясним фундаментальные недочеты современных для Одоевского социальных теорий.

«Город без имени» возникает как одна из вставных новелл из «Русских ночей». Смысл новеллы поясняет Фауст: «Для моих духоиспытателей фактом было символическое прозрение в происшествии такой эпохи, которая по естественному ходу вещей должна бы непременно образоваться, если б благое провидение не лишило людей способности вполне приводить в исполнение свои мысли» [\[4, с. 72\]](#). Такой «мыслью» в «Городе без имени» является бентамовское учение, очень популярное во времена Одоевского. Фауст уподобляет популярность этого учения хрестоматийной басне Лафонтена «Стрекоза и муравей», в которой трудолюбие и утилитарность оценивается выше, чем «раскаianie и возможность прощения» того, кто позволил себе делать нечто бесполезное [\[4, с. 101\]](#).

В целом, картина будущего в «Городе без имени», который Фауст называет «Бентамией», может считаться предтечей дальнейших утилитаристских рассуждений Д.И. Писарева и их пародического воплощения в текстах Достоевского. Восклицания из «Русских ночей»: «Что бесполезно — то вредно, что полезно — то позволено. Вот единственное твердое основание общества!» [\[4, с. 63\]](#) равносильны лозунгам Петра Верховенского из «Бесов»: «Необходимо только необходимое — вот девиз земного шара отседа!» [\[2, с. 392\]](#).

Кроме того, проповедь личной пользы и выгоды, ставшая основой общественной жизни в

Бентамии, неоднократно оспаривается Достоевским в «Записках из подполья» и «Преступлении и наказании». Высказывания Лужина в комнате Раскольниковва воспроизводят постулаты бентамовского общества практически дословно. Мысль о том, что «общественная польза есть не иное, что собственная выгода» [4, с. 60] и что есть прямая зависимость между пользой частной и всеобщей, лежит в основе известной теории «целого кафтана», которую проповедует Лужин на страницах «Преступления и наказания». Но если в случае Достоевского идея воплощается в типическом герое, охватывающем всех представителей эгоистического утилитаризма 1860-х годов, то Одоевский доводит эту идею до абсурда, как если бы она полностью вступила в силу и определила облик общества.

Всякий житель Бентамии в поступках имеет в виду только собственную пользу и руководствуется принципом, что всякое действие должно извлекать личную выгоду. Базируясь на бентамовской утилитарной философии, люди решают осуществить общественный эксперимент и основать государство на необитаемом острове. «Проникнутые признательностию» к мыслителю, жители возвели «колоссальную статую Бентама и на пьедестале золотыми буквами начертали: польза» [4, с. 64]. В соответствии с утилитарным принципом организуется внутренняя и внешняя политика Бентамии. Когда в городе дебатруется предложение о том, чтобы построить храм, оно встречается вопросом: «Полезно ли это?». Жители приходят к выводу, что возведение храма будет полезно, но только при условии, что храм будет «напоминать обитателям, что польза есть единственное основание нравственности и единственный закон для всех действий человека» [4, с. 64]. Так же и построение театра одобряется администрацией города только при условии, что «все представления на нем будут иметь целью доказать, что польза есть источник всех добродетелей и что бесполезное есть главная вина всех бедствий человечества» [4, с. 65]. Так в городе было отказано даже «материнским колыбелям» ввиду их бесполезности, так что всякая «естественная поэтическая стихия» стерлась «корыстными расчетами пользы» [4, с. 68].

Как и всякая новелла в «Русских ночах», дистопия «Город без имени» гипертрофирует какую-то сторону человеческой деятельности и доводит ее до абсурда: «Односторонность есть яд нынешних обществ и тайная причина всех жалоб, смут и недоумений; когда одна ветвь живет на счет целого дерева — дерево иссыхает» [4, с. 35]. За счет всего «дерева» в случае Бентамии «живет» утилитаризм, который ставится в центр, нанося ущерб всем остальным отраслям человеческой жизни.

Бентамовское общество последовательно доводится Одоевским до состояния распада в целях опровержения основного силлогизма, исходя из которого собственная выгода есть единственное условие выгоды всеобщей. Однако, по мысли писателя, общество, в котором никто не способен пожертвовать собственной выгодой, обречено на гибель. «Противоположные выгоды встречаются» и провоцируют междоусобицы. Желания разделяют и направляют людей друг против друга, показывая центральную логическую ошибку в теории Бентама. Личная удовлетворенность каждого не значит удовлетворенности всех, целое нельзя собрать из обособленных атомов, поскольку целое является синтезом и взаимным расположением каждого к каждому, преодолением эгоцентризма и всякой единичности.

Различные сословия в «Городе без имени» сменяют власть: сначала «купцы», затем «ремесленники» и «землепашцы» берут бразды правления, но свергаются одно за другим, поскольку всякий раз общество поворачивается только *одной* стороной и

обнаруживает свою узость. Сословие мыслит себя единственным и уничтожает все, чем оно не является. Нетрудно заметить, что различные общественные модели грядущего XX века основывались на таком же единственном, «абсолютном», догматическом принципе, в основу которого клались расовые, классовые или иные отличия. Принцип принимал абсолютный характер по отношению к другим отраслям человеческой жизни и исключал их, что приводило к чудовищным катастрофам XX века. Таким, например, стала идеологическая оптика советского марксизма в России, которая исключала другие отрасли человеческого знания. Одоевский, «символически прозревая будущее», обнаруживает корень ошибки, которая действительно станет общественным модусом и повлечет за собой серьезные исторические последствия в социалистических утопиях. Так, Розанов считал, что «на почве же теорий Бентама была построена вся "передовая" журналистика 60-х годов, с "Современником" и "Русским словом" во главе» и что Чернышевский, прочитай он «Русские ночи», «сложил бы крылья и положил перо» [\[6\]](#).

Итак, в обоих случаях Одоевский рисует картину будущего. Как верно указывает Сербиненко, дистопическое повествование в «Городе без имени» осмысляет чужие популярные социально-экономические, в то время как в романе «4338-й год» Одоевский подвергает художественной проверке собственные общественно-философские взгляды [\[7, с. 117-135\]](#). Несмотря на то, что со стороны реальность «4338 года» может напоминать утопию, при внимательном рассмотрении в ней узнаются те фундаментальные несовершенства, которые свидетельствуют о неполноценности воплощения будущих чаяний писателя: отсутствие метафизического горизонта, забвение прошлого, превращение научных открытий в декоративные аксессуары, — все это точно не могло удовлетворить «нравственного чувства» писателя.

Роман «4338-й год» содержит черты, характерные для будущей дистопии «Город без имени». Главным образом, города будущего в обоих текстах сходны в их отношении к техническим изобретениям, поскольку в данных обществах метафизическая цель научно-технических революций теряется в обыденном автоматическом применении тех или иных открытий (приборов, техник, систем). Техника существует только для удовлетворения частных эгоистических потребностей. Кроме того, «Город без имени» как бы предвосхищает культурный нигилизм 1860-х годов, когда любая не-утилитарная активность преследовалась в печати и клеймилась, а вместе с ней «пересматривалось» и культурное наследие. Однако самым важным в двух текстах о будущем остается мельчание человека или то, что можно назвать «забвением трагического». В дистопии из «Русских ночей» человек настолько занят собственной пользой, что остальное не попадет в его кругозор; однако, наоборот, в романе «4338 год» любые катастрофы настолько урегулированы, что человек забывает духовные потребности, он иссякает в том смысле, что всякое катастрофическое событие для него теряет онтологическое содержание.

Иными словами, роман «4338», несмотря на незаконченность, удачно встраивается в мировоззренческую систему Одоевского и является частью его литературного наследия. На романе остается печать и других произведений писателя, так или иначе содержательно включенных в эту квази-утопическую картину. Так, на наш взгляд, невозможно изучать «4338 год» без внимания к «Русским ночам», которые в данном случае могут послужить своеобразным ключом к содержанию романа.

Библиография

1. Гачева А.Г. Философское и художественное творчество В.Ф. Одоевского в контексте традиции русского космизма // Литература и философия: От романтизма к

- XX веку. М.: Водолей, 2019. С. 382–397.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т.7: Бесы. М.: Наука. 617 с.
 3. Одоевский В.Ф. 4338-й год. Петербургские письма // Повести и рассказы. М.: ГИХЛ, 1959. С. 416–448.
 4. Одоевский В.Ф. Русские ночи. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. 320 с.
 5. Писарчик Т.П. Романтические корни русского космизма // Вестник ОГУ. 2014. №7 (168).
 6. Розанов В.В. Полное собрание сочинений в 35 т. Т.7. Чаадаев и кн. Одоевский. СПб.: Росток, 2017. С. 121.
 7. Сербиненко В.В. Философская проза В.Ф.Одоевского: «4338-й год» //Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. 3. М., 1993. С. 117–135.
 8. Ясухико Кюно. В поисках тайны души человека — о повести В. Ф. Одоевского «Космораме» // Acta Slavica Iaponica. 2001. №18. С. 79-98.
 9. Griffiths G. Three tomorrows: America, British and Soviet science fiction. New York: Barnes & Noble. 1980, 217 pp.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема статьи «Город будущего в романах В.Ф. Одоевского «Русские ночи» и «4338-й год»» актуальна и перспективна. В работе рассматриваются произведения, в которых писатель создает свою картину будущего, основанную на глубоком анализе действительности и популярных философских систем. Автор статьи высказывает тезис о том, что в романе «4338-й год» «воплощается критическая оценка современной русской культуры и общественно-философская концепция В.Ф. Одоевского», и обстоятельно обосновывает его, привлекая в качестве доказательной базы новеллу «Город без имени», которую рассматривает как «образец негативной утопии», как ключ к пониманию романа. Автор статьи воспринимает роман «4338-й» как «синтез из настоящего и будущего, научного и фантастического, романтической сатиры и научного моделирования, ... воплощенных в единой художественной конструкции», подробно описывает, каким видит город будущего Одоевский, предсказывает технические достижения, диктат потребления.

Статья интересна, в ней проведен глубокий содержательный анализ, показано, как идеи Одоевского, выраженные в художественной форме в романе и новелле, сказались в последующей русской литературе (произведениях Ф.М. Достоевского, Н.Г. Чернышевского), в общественной мысли. Материалы данного исследования будут востребованы в преподавании истории русской литературы, также они будут интересны философам, культурологам.

Статья заслуживает публикации в журнале, но предварительно надо исправить ряд небрежностей:

- 1) В названии поставить кавычки в конце названия романа «4338-й год».
- 2) Во втором предложении «Среди них: «Европейские письма»...» убрать двоеточие.
- 3) Унифицировать порядок в написании фамилий исследователей: в статье инициалы пишутся то до фамилии, то после нее, где-то вообще выпускаются.
- 3) Убрать запятую в предложении «В связи с этим, футурологические модели...».
- 4) Откорректировать стилистически предложение «Долгое время «4338 год» имел

репутацию утопического романа, согласно которой общественная модель, научно-техническое оснащение и политическая обстановка в романе полностью реализуют идеалы самого автора».

5) Поставить запятую в конце придаточного определительного «Упоминание же «великого Хун-Гина» далее, правителя, который «пробудил наконец Китай от его векового усыпления» и ввел китайское государство в «общее семейство образованных народов» может косвенно...»

6) Убрать запятую в предложении «Однако в соседстве с употреблением особых психоделических «возбуждающих газов», эти...»

7) В предложении «Наиболее интересной кажется параллель между изображением светского общества в новелле «Бал» и романом «4338»...» лучше написать «в новелле ... и романе...», подумать, как избежать формы «между изображением».

8) В предложении «Во многих отношениях салонные развлечения «4338 года» напоминает...» сказуемое требует множественного числа.

9) Сделать правильное согласование в предложении «В системе ценностей В.Ф. Одоевского, сформулированным в «Русских ночах», ...»

10) В предложении про алхимию («...собой ставит; в то время как алхимия, насколько бы курьезным не казался...») надо также внести коррективы: точку с запятой заменить на запятую, частицу не заменить на НИ (здесь усиление, а не отрицание).

11) С предложении «...отказано даже «материнским колыбелям», ввиду их бесполезности...» убрать запятую перед «ввиду».

12) В предложении «...Чернышевский, прочитай он «Русские ночи», «он сложил бы крылья и положил перо»...» убрать «он» в цитате перед сказуемым «сложил».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Город будущего в романах В.Ф. Одоевского «Русские ночи» и «4338-й год», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения репрезентации образа города будущего в художественном произведении 19 века. Увлечение футурологией, образами будущего человека, города и окружающей нас действительности были лейтмотивами творчества многих зарубежных и отечественных писателей той эпохи.

Автор обращается к творчеству Владимира Одоевского, который в своих произведениях намного опередил свое время.

Практическим материалом исследования послужили тексты двух романов писателя: «Русские ночи» и «4338-й год».

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном литературоведении.

Статья является новаторской, одной из первых в российской науке, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно

начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников.

К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Заключение в настоящей работе отсутствует по сути своей, так как в заключении должны быть представлены результаты исследования и его перспективы. Библиография статьи насчитывает 9 источников, среди которых представлены научные труды как на русском, так и на английском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по отечественной литературе. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Город будущего в романах В.Ф. Одоевского «Русские ночи» и «4338-й год» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Корнышева П.Е. — Особенности монетизации интернет-СМИ: на примере интернет-изданий Белгородской области // Litera. – 2023. – № 12. – С. 236 - 245. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.39665 EDN: JUWLKN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39665

Особенности монетизации интернет-СМИ: на примере интернет-изданий Белгородской области

Корнышева Полина Евгеньевна

аспирант, кафедра журналистики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

308000, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, корпус №9

✉ kornysheva_pe@mail.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.39665

EDN:

JUWLKN

Дата направления статьи в редакцию:

25-01-2023

Дата публикации:

30-12-2023

Аннотация: Данная статья посвящена изучению способов монетизации интернет-изданий, исследованию её особенностей, а также анализу интернет-изданий Белгородской области на предмет использования различных подходов к вопросу монетизации. Предметом исследования в статье являются интернет-издания Белгородской области, возглавляющие рейтинг Информационно-аналитического онлайн-сервиса «Медиалогия» за 2020 год, как наиболее цитируемые издания Белгородской области за указанный год. Метод исследования включает контент-анализ и сравнительный анализ используемых приёмов и способов монетизации интернет-СМИ. Основной задачей исследования было выявить актуальные способы монетизации интернет-изданий и обнаружить тенденции их дальнейшего развития. Подобное исследование интернет-изданий Белгородской области выполнено впервые, чем

обусловлена его значимость и новизна. В ходе анализа были сделаны следующие выводы: в настоящее время не существует единой бизнес-модели монетизации интернет-СМИ. Однако дальнейшее расширение спектра предлагаемых рекламных услуг неизбежно: практически любое СМИ имеет электронный аналог в сети Интернет, а значит – конкурировать становится всё сложнее. С целью привлечения рекламодателей и аудитории интернет-изданиям необходимо комплексно подходить к вопросам монетизации и регулярно анализировать обратную связь. Интернет-издания Белгородской области в большинстве своем предлагают рекламодателям именно такой подход, однако преобладающей является баннерная реклама. Наименее используемым способом монетизации является платная подписка на контент.

Ключевые слова:

монетизация, интернет-СМИ, реклама, аудитория, продвижение интернет-СМИ, интернет-издания, особенности монетизации СМИ, СМИ, интернет, размещение рекламы

Монетизация интернет-изданий: анализ особенностей и возможностей

В эпоху стремительно развивающегося интернета и появления все новых возможностей, интернет-СМИ расширяют спектр предлагаемых рекламных услуг. Реклама, размещаемая на страницах интернет-изданий, является одним из крупнейших источников дохода редакций интернет-СМИ. Такая реклама имеет свои специфические особенности. В первую очередь, это возможность отслеживания и контроля обратной реакции от аудитории, а на основании имеющихся данных о реакции – возможность подстраиваться под интересы потенциальных покупателей, гибко изменяя тактику рекламного продвижения. Немаловажным будет подчеркнуть, что монетизация интернет-изданий является одной из важнейших составляющих успешного функционирования интернет-СМИ [\[8\]](#).

Для начала стоит дать определение понятию «монетизация». Монетизация – это извлечение прибыли с функционирования сайта за счет различных рекламных средств. Условно можно разделить монетизацию на три вида:

- Монетизация, когда средства поступают от рекламодателя;
- Монетизация, когда средства поступают от пользователей;
- Монетизация, когда средства поступают от третьих лиц (государственное финансирование, гранты и так далее) [\[9\]](#).

Рассмотрим каждый вид монетизации подробнее.

Монетизация, когда средства поступают от рекламодателя. Данный вид монетизации предполагает получение средств от рекламодателей за размещение различного контента рекламного характера. Следует дать определение понятию «контент». М. Е. Белый определяет контент как «информацию, которая интересна и необходима аудитории в данный момент времени. Примером подобной информации могут служить данные с финансовых рынков либо сообщения о том или ином происшествии» [\[1, с. 286\]](#). Это могут быть баннеры на сайте, контекстная реклама, нативная реклама, заказные статьи, размещение рекламных ссылок, рекомендаций. В этом случае либо рекламодатель сам обращается к редакции, либо ответственный сотрудник редакции занимается поиском

рекламодателей и договаривается о рекламе. Для того чтобы интернет-СМИ было привлекательным для рекламодателей, оно должно отвечать некоторым требованиям, в частности, иметь хорошую статистику посещаемости. Кроме того, у каждого рекламодателя могут быть свои требования к изданию. Например, география аудитории, пол, возраст. Для некоторых брендов крайне важен статус СМИ, в котором они планируют дать рекламу. Все эти показатели могут быть запрошены у редакции. Так, сотрудникам редакции важно отслеживать статистику интернет-СМИ для определения его эффективности и аудитории. Для этого можно использовать специализированные сервисы, так называемые метрики. Такие сервисы, в большинстве своем, бесплатны, и легко настраиваемы. Специальных навыков для установки на сайт таких счетчиков статистики не требуется. Однако они дают редакции возможность получать крайне важные сведения, касаемо аудитории и эффективности публикаций.

Рассмотрим типы рекламных интеграций подробнее.

Баннеры. Это графические изображения различного размера, содержащие текстовую информацию о предлагаемых товарах или услугах. Баннеры размещаются на сайтах с целью привлечь внимание потенциальных пользователей и покупателей. Обычно баннеры кликабельны, то есть содержат в себе встроенную ссылку, ведущую на страницу с подробным описанием продвигаемых товаров или услуг. Некоторые сервисы статистики позволяют отслеживать количество кликов на баннер, то есть – число нажатий на баннер и переходов по ссылке. Эти данные являются показателем эффективности рекламы – люди, которые нажали на баннер, заинтересовались предлагаемой услугой или товаром, и перешли на внешний сайт, чтобы ознакомиться подробнее.

Контекстная реклама. Данный вид рекламы представляет собой текстовые или графические баннеры, которые размещаются в поисковых системах Яндекс и Google, а также на сайтах-партнерах. Такие объявления показываются адресно, с учетом интересов пользователей.

Нативная реклама. Нативная, или скрытая реклама, весьма успешный вид рекламы на данный момент. Пользователи устали от надоедливых баннеров и контекстной рекламы. Отличие же нативной рекламы заключается в том, что подобная реклама подается под видом полезных статей, в которых грамотно встроена рекламная ссылка или упоминание рекламируемого бренда или компании. Так, это могут быть советы врача-ветеринара или список рецептов от шеф-повара. Пользователям нравится такой контент, так как зачастую – он экспертный. В нем присутствует некая проблема и дается решение этой проблемы от эксперта в конкретной области [\[2\]](#).

Заказные статьи. Подобная реклама также носит скрытый характер. Обычно это рекламные статьи, которые призваны сформировать лояльное отношение аудитории к продвигаемому товару или услуге.

Наибольший результат может быть достигнут при использовании различных видов рекламы, то есть их комбинации. Это выгодно и для рекламодателя, так как таким образом повышается охват аудитории, так и для редакций интернет-СМИ, так как увеличивается доход за счет рекламного бюджета рекламодателей.

Поп-апы – это всплывающие рекламные объявления, которые появляются на экране пользователей, зашедших на сайт. Стоит отметить, что данный вид рекламы наименее эффективен, так как вызывает раздражение у пользователей: подобные рекламные баннеры мешают просмотру контента, что не может восприниматься положительно.

Монетизация, когда средства поступают от пользователей. Данный вид монетизации подразумевает случаи, когда интернет-СМИ получают средства от своей аудитории. Монетизация в этом случае доступна с помощью использования специальных сервисов (например, установка сервиса афиши с возможностью приобрести билеты в кино или театр на сайте), размещение частных объявлений и другие сервисы. Еще один способ монетизации от пользователей – это Paywall, иными словами, оформление подписки на издание.

Следует подчеркнуть, что подписка может быть полной – когда на сайте недоступны любые материалы, без подписки, или же частичной: когда на сайте есть анонс статьи, но полную статью нужно купить. Зачастую, подобная модель реализуется редакциями с частично-доступным контентом: часть контента остается на сайте бесплатным, в полном доступе, чтобы читатели понимали, за что платят и имели возможность ознакомиться с политикой издания, темами публикаций, сформировать личное мнение об издании. Справедливо будет отметить, что в нашей стране платная подписка на контент является редкостью, так как российские пользователи не стремятся потреблять платный контент.

Монетизация, когда средства поступают от третьих лиц. Данный вид рекламы подразумевает получение редакцией интернет-СМИ средств от партнеров или финансирование государством. Как правило, в этом случае денежные средства выделяются в фиксированной сумме, которая направлена на достижение определенных целей. Поэтому данный вид рекламы не стоит рассматривать в виде постоянного источника дохода.

В условиях стремительно увеличивающейся конкуренции, оптимальной бизнес-модели интернет-СМИ не существует. Также, как и не существует идеального вида рекламы, который гарантировал бы стабильный и регулярный доход интернет-изданиям.

С точки зрения успешного финансирования, редакции интернет-СМИ необходимо использовать все три вида монетизации с целью получения наибольшей выгоды. Однако, для этого необходимо соответствовать критериям, которые позволят стать привлекательными и для рекламодателей, и для читателей. В первом случае, наиболее важны показатели статистики сайта, во втором – интересный, уникальный и полезный контент, за который пользователи готовы будут заплатить.

Способы монетизации интернет-изданий Белгородской области.

Рассмотрим способы монетизации, используемые интернет-СМИ Белгородской области. Для анализа были выбраны интернет-СМИ, которые возглавили рейтинг Информационно-аналитического онлайн-сервиса «Медialogия» за 2020 год, как наиболее цитируемые издания Белгородской области за указанный год. Это издания: «Белновости», «Фонарь.TV», «Наш Белгород», «мое-belgorod», «ГТРК Белгород», «БелПресса», ИА «Бел.ру», «go31», «Белгородские известия», «Мир Белогорья».

Рассмотрим монетизацию каждого интернет-издания подробнее.

«Белновости». На главной странице данного издания имеется разнообразие рекламных баннеров. Так, первый баннер пользователи могут наблюдать в самом верху сайта. Сбоку страницы располагается целый блок с рекламными баннерами. Рекламные баннеры расположены и среди новостных блоков. Стоит отметить, что большинство баннеров – «сквозные», то есть, размещены сразу на всех страницах сайта. В самом низу главной страницы имеется кликабельная ссылка «Реклама», которая ведет на страницу, где описаны возможные форматы рекламного взаимодействия с интернет-

изданием. Согласно представленной на сайте информации, издание предлагает следующие рекламные услуги:

- Ролики и фильмы;
- Банерная реклама;
- Кейс «Открытие» офиса, магазина, медицинского центра;
- Кейс «Национальный проект» информационное сопровождение;
- Программы о здоровье и спорте;
- Новостной сюжет;
- Интервью в студии;
- Размещение в блоке спонсора «Прогноза погоды».

Редакция интернет-издания также разместила на странице информацию, которая может быть интересна рекламодателям: охваты площадки, партнеры-сайта, среди которых другие онлайн-СМИ и известные блогеры, количество суммарной аудитории в социальных сетях, показатели охвата региональной аудитории и количество интернет-площадок, используемых для размещения рекламы.

В целом, можно отметить высокое качество размещенных баннеров, как статичных, так и анимированных, а также высокие показатели статистики сайта, которые и являются основополагающим фактором при выборе рекламной площадки.

«Фонарь.TV». На сайте «Фонаря» также присутствует баннерная реклама в различных частях главной и других страниц сайта. Аналогично с предыдущим изданием, на сайте имеется кликабельная ссылка на подробные условия рекламы на сайте. Согласно представленной информации, реклама на сайте может быть реализована в следующих форматах:

- размещение баннеров на различных страницах сайта (в том числе – «сквозное»);
- размещение PR-материалов (сюда входят пресс и пост-релизы, размещение рекламного текста на сайте, размещение организации в справочник организаций на сайте, фото-съемка событий или мероприятий, размещение опроса, создание и размещение интерактивного опроса, съемка и размещение видео на сайте);
- спонсорство разделов, рубрик и онлайн-трансляций;
- пакетное размещение рекламы на сайте и в группах издания в социальных сетях;
- реклама в сообществе сайта в социальной сети «ВКонтакте».

Кроме вышеназванных способов, редакция «Фонаря» создала проект «Поддержать», который подразумевает добровольные пожертвования редакции от пользователей. Желаям поддержать издание предлагается оформить разовую или ежемесячную подписку на издание. Размер пожертвований может быть любой.

«Наш Белгород». На сайте издания присутствуют рекламные баннеры, однако их количество существенно меньше, чем у предыдущих анализируемых изданий. Однако «Наш Белгород» предлагает оформить платную подписку на еженедельную газету «Деловое издание».

«moe-belgorod» также использует в качестве монетизации баннерную рекламу на сайте. Однако о других видах рекламы подробно прочитать на страницах издания не получится: пользователям доступна лишь сводка статистики сайта, а также сообщение о том, что издание предлагает услуги фотографа, дизайнера и журналиста.

«ГТРК Белгород». На сайте издания, помимо рекламных баннеров, присутствует и контекстная реклама. Также, согласно информации, размещенной на сайте, возможна реклама и заказная продукция на федеральных теле- и радио каналах.

«БелПресса». На сайте «БелПрессы» также присутствует баннерная реклама, которая размещена в разных частях страницы сайта. Согласно представленной на сайте информации, «БелПресса» предлагает следующие рекламные услуги:

- Текстовая реклама (куда входят: новости, статьи, фоторепортажи, лонгриды, видео, инфографика, тесты, таймлайн, конкурсы, викторины). За дополнительную плату редакция может отключить комментирование продвигаемой публикации;
- Реклама в сообществах сайта в социальных сетях;
- Баннерная реклама;
- Брендированная реклама.

Кроме того, «БелПресса» предлагает на сайте рекламные услуги в печатных изданиях издательского дома.

ИА «Бел.ру». На сайте ИА «Бел.ру» изобилие рекламных баннеров, расположенных как на главной странице сайта, так и на отдельных страницах. В блоке «Реклама» редакция сайта приводит данные статистики посещаемости, а также подчеркивает то, что сайт является №1 по цитируемости среди СМИ Белгородской области в 2020 году. Согласно информации, представленной на сайте, редакция ИА «Бел.ру» предлагает следующие рекламные услуги:

- Новости и пресс-релизы;
- Интервью, мнения экспертов;
- Карточки;
- Тесты;
- Мультиформатные проекты (репортажи, фоторепортажи, расследования, лонгриды);
- Имиджевый проект-презентация;
- Видео-форматы, медиаланч (видеосюжеты);
- Реклама в социальных сетях.

Кроме того, на сайте ИА «Бел.ру» пользователи видят контекстную рекламу. Как мы видим, ИА «Бел.ру» использует различные способы монетизации сайта и выбор достаточно широк.

go31.ru. На сайте издания большое изобилие рекламных баннеров различного размера. Кроме того, существуют специальные рубрики, в которых публикуется реклама, например, рубрика «Новости партнеров», «Промо», «Пресс-релиз», «Партнерский материал», «Политические новости». Среди рекламных услуг, предлагаемых редакцией,

следующие услуги:

- Баннерная реклама;
- Размещение в справочнике предприятий;
- Рекламные статьи;
- Спецпроекты;
- Реклама в социальных сетях;
- Нативная реклама.

«Белгородские известия». На сайте издания полностью отсутствует баннерная реклама, однако есть колонка «Партнеры», где указаны ссылки на партнерские сайты.

«Мир Белогорья». На главной странице сайта отсутствует баннерная реклама. Однако она есть на других страницах, в частности, в блоке «Реклама», где также размещена дополнительная информация о рекламных услугах телерадиокомпании. Согласно данным, на сайте можно разместить:

- PR-статью;
- Пресс-релиз;
- Баннеры;
- Видеосюжет;
- Выполнить таргетирование видеоматериала.

Вывод

Растущая популярность интернет-изданий, обусловленная их специфическими особенностями, привела редакции к поиску всевозможных моделей монетизации своих ресурсов. Однако стоит отметить, что в настоящий момент не существует идеальной или единой бизнес-модели монетизации. Интернет-издания Белгородской области предлагают достаточно широкий выбор способов размещения рекламы на страницах своих интернет-ресурсов.

Прослеживается общая тенденция использования баннерной рекламы: девять из десяти анализируемых изданий используют в целях монетизации именно баннерную рекламу. Из десяти анализируемых изданий только одно предлагает оформить платную подписку на контент – это издание «Наш Белгород».

Наиболее разнообразные рекламные услуги предлагают интернет-СМИ «Белновости», ИА «Бел.ру», «Фонарь.TV», «Мир Белогорья», «БелПресса» и «go.31». Также довольно распространена реклама с помощью пресс-релизов, нативная реклама, фоторепортажи. Карточки и опросы встречаются гораздо реже. Важно отметить, что большинство изданий предлагают комплексный подход к решению задач рекламодателей, что является наилучшим решением с точки зрения привлечения, как рекламодателей, так и аудитории интернет-издания.

Достаточно широкий спектр предлагаемых рекламных услуг, на наш взгляд, будет далее расширяться. Борьба за внимание аудитории и, как следствие, за внимание рекламодателей, неизбежно приведет интернет-издания к расширению возможностей,

обусловленных, в частности, высокой доступностью технических средств. Различные программы для фото и видеомонтажа, специальные метрики для отслеживания реакции аудитории и анализа статистики, в большинстве своем доступны бесплатно и не подразумевают наличие у сотрудников редакций специальных навыков. Такие сервисы могут быть как самостоятельными, так и онлайн-продуктами, что значительно облегчает их установку или использование.

Так как функционирование любого интернет-издания предполагает наличие неких затрат (в частности, оплата хостинга и домена), монетизация необходима для обеспечения непрерывного функционирования интернет-СМИ.

Библиография

1. Акопов, А.И. Некоторые вопросы журналистики: история, теория, практика /А.И. Акопов. – Ростов н/Д.: Терра, 2002. – 368 с. Акопов А.И. Электронные сети как новый вид СМИ // Филологический вестник Ростовского государственного университета. 1998. № 3. С. 43-51.
2. Белый, М. Е. Методологические аспекты обеспечения конкурентоспособности интернет-СМИ на современном медиарынке // Вестн. Чуваш. ун-та. 2008. № 3. - С. 286–291.
3. Брежнева, В. М. Рынок интернет-рекламы // Современные тенденции экономики, управления и образования : Материалы Всероссийской конференции, город Курск, 26 февраля 2015 года / Курский институт кооперации (филиал) БУКЭП. – город Курск: Деловая полиграфия, 2015. – С. 18-20.
4. Воронов, А. Интернет и печатные СМИ. Монетизация контента [Электронный ресурс] // Профессиональный интернет-журнал о медиарынке России и мира PlanetaSMI.RU. URL: <http://planetasmi.ru/blogi/comments/144.html>.
5. Землянова Л. М. О процессах интернетизации медиа и медиатизации Интернета // Вестн. Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2005. № 5. С. 57–71.
6. Ильина Н. П. Трансформация моделей монетизации сайтов деловых СМИ: ретроспективный взгляд // Меди@льманах. 2021. №1 (102).
7. Казакова А. В. Электронные СМИ : понятие и особенности // Наука и современность. – 2013. – № 20. – С. 21-24 ; [Электронный ресурс].
8. Калмыков, А.А. Интернет-журналистика / А.А Калмыков, Л.А. Коханова // URL: <http://www.evartist.narod.ru/text16/022.html> – М., 2005.
9. Каптюхин Р. В. Перспективы развития электронных средств массовой информации / Р. В. Каптюхин, А. А. Романов // Экономика и соврем. менеджмент : теория и практика. – 2014. – № 33. – С. 15-20; [Электронный ресурс].
10. Лебедева Б. В. Проблемы монетизации контента // Вестник ЧелГУ. 2015. №5 (360).
11. Нагаева А.Э. Организация интернет-изданиями обратной связи с аудиторией. // Сборник статей VI Международного научно-исследовательского конкурса. //-2020. – с. 121-123. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44321854>
12. Сафина, А. Р. Монетизация сайтов на примере региональных интернет-СМИ / А. Р. Сафина // Вестн. Самар. гос. экон. ун-та. 2013. № 1 (99). С. 116–122.
13. Струкова Е.В., Стратегии монетизации контента интернет-СМИ // Вестник ЧелГУ. 2015. №5 (360).
14. Трифонова Ю. В., Особенности интернет-СМИ. 2014 – [Электронный ресурс]. – URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/45/90>

15. Шпаковский Ю. Ф., Данилюк М. Д. Формы монетизации интернет-СМИ // Труды БГТУ. Серия 4: Принт-и медиатехнологии. 2015. №9 (182). – [Электронный ресурс].

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Особенности монетизации интернет-СМИ: на примере интернет-изданий Белгородской области», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду важности рассмотрения реалии нашего времени - интернет-СМИ, а также монетизацию контента в глобальной сети интернет.

Действительно, интернет и современные технологии все больше входят в нашу жизнь, и представить себя вне виртуального мира уже невозможно.

В наши дни наблюдается поколение блогеров, живущих только за счет коммерциализации контента.

В статье автор рассматривает типы рекламных интеграций, особенности воздействия на разные типы аудитории, а также особенности использования таргетированной рекламы.

К сожалению, автор не конкретизирует объем текстового корпуса, отобранного для практической части исследования, а также применяемые принципы выборки.

Автором применялся междисциплинарный подход, используются как методы собственно языкознания, так и общенаучные методы анализа. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии.

Статья является новаторской, одной из первых в российской теории журналистики, посвященной исследованию подобной тематики. Автор иллюстрирует классификацию языковыми примерами и статистическими данными. Структурно отметим, что данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования.

Библиография статьи насчитывает 15 источников, среди которых представлены труды исключительно на русском языке. Отсутствие зарубежных публикаций искусственно ограничивает представленную работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории языка, стилистики и основ журналистики.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Особенности монетизации интернет-СМИ: на примере интернет-изданий Белгородской области» может быть рекомендована к

публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Короткевич Д.О. — Языковые средства формирования образа главы зарубежного государства в американских СМИ (на материале The New York Times) // Litera. – 2023. – № 12. – С. 246 - 258. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69273 EDN: KQOEXN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69273

Языковые средства формирования образа главы зарубежного государства в американских СМИ (на материале The New York Times)

Короткевич Дарья Олеговна

ORCID: 0009-0001-2453-4934

старший преподаватель, кафедра английской филологии института иностранных языков, Московский
городской педагогический университет

105064, Россия, Москва область, г. Москва, пер. Малый Казённый, 5Б

✉ korotkevichdo@mgpu.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69273

EDN:

KQOEXN

Дата направления статьи в редакцию:

09-12-2023

Дата публикации:

30-12-2023

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию языковых средств формирования образа бывшего президента Федеративной Республики Бразилии – Жаира Болсонару. Целью данного исследования является изучение языковых средств формирования образа главы зарубежного государства, получающего репрезентацию на страницах The New York Times. Предметом исследования выступают лексико-семантическое поле (ЛСП) Personal Names как модель репрезентации знания о лидере зарубежного государства, а также контексты языковой реализации ядра исследуемого ЛСП. В основные задачи исследования входило изучение структуры и состава лексико-семантического поля Personal Names, а также конкорданс-анализ контекстов языковой реализации ядра ЛСП Personal Names. Материал исследования представлен выпусками

статей о Бразилии газеты The New York Times за 2019 год. Использование метода корпусного анализа текстов статей при помощи компьютерной программы Wmatrix позволило выделить лексико-семантическое поле Personal Names в структуре когнитивной матрицы Бразилия. Конкорданс-анализ контекстов языковой реализации лексической единицы Bolsonaro позволил выделить 3 ведущих типовых аргумента, которые формируются газетой вокруг имени политика. Новизна исследования заключается в выборе материала и предмета исследования: образ президента Жаира Болсонару в американских СМИ до настоящего времени не был исследован лингвистами. Результаты исследования показали, что образ политика формируется в том числе посредством выстраивания контекстуальных связей между ядром исследуемого лексико-семантического поля и единицами, составляющими структуру данного поля, при этом большая часть лексических единиц относится к фигурам политических деятелей Бразилии и зарубежных стран, не поддерживающих политику Ж. Болсонару. Характер типовых аргументов, выявленных путём исследования конкорданса ядра исследуемого ЛСП, позволяет утверждать, что образ данного политика, формируемый газетой The New York Times, имеет тенденцию к отрицательному уклону. Читателям транслируется образ Жаира Болсонару как политика, выступающего за исчезновение лесов Амазонки, являющегося ультраправым популистом и не поддерживающего права коренных народов Бразилии.

Ключевые слова:

американские СМИ, Бразилия, Жаир Болсонару, когнитивная матрица, конкорданс, лексико-семантическое поле, медиаобраз, президент, Имена собственные, Нью Йорк Таймс

Введение

Образ политического лидера в печатных СМИ играет ключевую роль в формировании общественного мнения и влияет на политический дискурс СМИ, которые являются одним из важнейших инструментов по созданию и трансформации имиджа политического лидера в данный период времени [4, с.195]. Формирование медиаобраза политического лидера зависит от многих факторов, начиная от медиастратегии самого политика, политической ориентированности журналистов и редакторов и заканчивая осознанным выбором используемых языковых единиц. Медиаобраз влияет на общественное мнение, стереотипы, эмоциональную реакцию и на политические решения, причём исследователи отмечают наличие «смещения в сторону негативности, при котором негативные новости влияют на популярность политиков, в то время как позитивные новости не оказывают никакого влияния» ('a negativity bias in which negative news affects the popularity of politicians, whereas positive news does not make a difference') [12]. Не в последнюю очередь медиаобраз влияет на выборы, определяя привлекательность и авторитет потенциальных политических кандидатов.

Полноценное исследование языковых средств формирования медиаобраза политического лидера невозможно без понимания социально-политического контекста периода его правления. Избранный в 2018 году с обещанием либерализовать экономику своей страны, бывший президент Бразилии Жаир Болсонару начал терять популярность с первых месяцев своего правления, а к концу президентского срока 45% респондентов отметили, что «не одобряют то, как Жаир Болсонару справляется со своей работой на

посту президента» ('disapprove of the way Jair Bolsonaro is handling his job as president') (Statista. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1027308/approval-brazilian-president-bolsonaro/>).

Своими убеждениями и высказываниями, которые относятся к правому популистскому спектру, Болсонару вызывал в Бразилии как одобрение, так и критику. В ходе своей предвыборной кампании Жаир Болсонару обещал внести радикальные изменения в бразильскую политику и либерализовать экономику, осуществлять жёсткое противодействие коррупции и снизить уровень преступности, однако его президентство широко подвергалось критике за «политику, противоречащую правам человека, в различных областях, включая права коренных народов, права женщин, права инвалидов и свободу выражения мнений» ('policies contrary to human rights in various areas, including indigenous peoples' rights, women's rights, the rights of those with disabilities and freedom of expression') (Reuters. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/human-rights-watch-says-bolsonaro-threat-democracy-brazil-report-2022-01-13/?rpc=401&>). В течение первых двух лет правления Болсонару Бразилия столкнулась с такими проблемами как обширные лесные пожары, угроза разрушения Амазонского дождевого леса, а также пандемия COVID-19, что негативно сказалось на бразильской экономике и системе здравоохранения. Ожидаемые, но не предпринятые президентом Болсонару меры для преодоления этих сложностей сильно ударили не только по уровню его популярности среди населения, но и по его международному образу в СМИ.

Образ лидеров государств в СМИ становился предметом интереса современных исследователей: Л. Г. Винниченко и Е. И. Петрова изучали медийную репрезентацию образа канцлера Германии Олафа Шольца [3], Е. В. Каблуков исследовал практики конструирования образа Иосифа Сталина и Владимира Путина в дискурсе советских и российских СМИ [9], предметом исследования становилось отражение деятельности политических лидеров России и Китая в национальных СМИ [10]. Медиаобраз политического лидера является неотъемлемой частью современной политики и оказывает существенное влияние на политическую ситуацию в стране. Страны Латинской Америки обладают определённой спецификой политических систем: долгая история популистских лидеров тесно связана со значительным влиянием СМИ на президентские выборы, а образ президента Бразилии в газетах оказывает воздействие на общественное мнение и восприятие его политической деятельности читательской аудиторией газет.

Период правления президента Болсонару и его политическая фигура находят отражение в ряде современных лингвистических исследований: анализируется авторитарный популизм как перформативный метод [8], популизм в коммуникативной стратегии Жаира Болсонару [11], роль социальных сетей и мемов как инструментов политической борьбы данного периода [13]. Преимущественно предметом исследований становились высказывания президента, а лингвистический образ Жаира Болсонару, создаваемый американским СМИ, не был исследован в значительной мере.

Материал и методология исследования

В рамках данного исследования при помощи когнитивного подхода был выполнен начальный этап анализа — исследование языковой репрезентации зарубежного государства в СМИ [6, с. 57]. Исследователи отмечают, что «когнитивный компонент представляет собой содержательное наполнение идентичности, знания и

представления», а применение данного подхода позволяет раскрыть взаимосвязь между лексическими единицами, использованными авторами статей и политической идеологией издания [2, С.34]. Более того, на современном этапе развития лингвистики язык интерпретируется как «универсальный когнитивный механизм, что подразумевает исследование способов объективации знаний об окружающем мире человеком, представлений о его месте в этом мире и взаимоотношений с ним» [7, С.5]. В данной работе мы опираемся на понятие «когнитивная матрица», предложенное Н. Н. Болдыревым, где ядром матрицы является объект мышления — Бразилия, а её периферию составляют когнитивные контексты, с помощью которых раскрываются «значения языковых единиц и феноменов» [1, С. 64]. Материалом исследования послужили тексты газеты The New York Times за 2019 год, посвящённые Бразилии. Их количество составило 176 статей общим объёмом 178835 слов. Корпусный анализ текстов был выполнен посредством компьютерной программы *Wmatrix*, с помощью которой, основываясь на частотности употребления и семантической связи лексических единиц, были выделены основные лексико-семантические поля (ЛСП), сформированные вокруг ядра когнитивной матрицы *Бразилия* [6, С. 57]. Была проанализирована структура ЛСП *Personal Names* как одного из самых обширных в составе исследуемой когнитивной матрицы, установлено его ядро — лексическая единица (ЛЕ) *Bolsonaro*. Далее, при помощи конкорданс-анализа были исследованы контексты языковой реализации ядра ЛСП *Personal Names*, были выявлены основные типовые аргументы, реализуемые на страницах The New York Times по отношению к бывшему президенту Бразилии. Таким образом, проблема, решаемая в данной статье, заключается в исследовании взаимосвязей между компонентами ЛСП *Personal Names* как модели репрезентации знания о лидере зарубежного государства, а также анализе основных контекстных реализаций ядра данного ЛСП с целью выявления языковых средств формирования образа лидера зарубежного государства.

Лексико-семантическое поле *Personal Names* как модель представления знания о лидере зарубежного государства

Результаты компьютерного анализа текстов статей газеты The New York Times за 2019 год, когда Жаир Болсонару только вступил на должность президента Бразилии, выявили 167 ЛСП, сформированных вокруг ядра матрицы «Бразилия» [Там же]. На их основе программой было выделено 21 лексико-семантическое поле с наибольшей частотностью составляющих их лексических единиц, самым объёмным из которых стало ЛСП *Personal Names*, насчитывающее 793 лексемы общей частотностью 2634 единицы. Данное лексико-семантическое поле формируют единицы, семантически относящиеся к именам людей, преимущественно политиков: их число составляет 420 единиц, или 52% от общего числа онимов. Таким образом, ЛСП *Personal Names* в газете The New York Times в 2019 году отражает знания о людях, принимавших прямое или косвенное участие в различных событиях жизни Бразилии, преимущественно событиях политических. На основании частотности употребления было выделено ядро данного ЛСП — единица *Bolsonaro*, семантически относящаяся к имени президента Жаира Болсонару. Частотность её употребления составила в общей сложности 496 случаев, что составляет 19% от всех лексических единиц (ЛЕ), составляющих данное ЛСП.

Далее, анализ состава ЛСП *Personal Names* на основании принципа частотности позволил выделить единицы, образующие ближайшую и дальнюю периферию. Было установлено, что ближайшую периферию составляют следующие высокочастотные единицы, встречающиеся в текстах четырёх и более статей, посвящённых Бразилии: *Trump* (199), *Macron* (99), *Silva* (59), *Maduro* (50), *Moro* (47), *Temer* (44). Лексемы

данного уровня делятся на две группы на основании их интегрального признака:

а) Личные имена зарубежных политических деятелей (*Trump, Macron, Maduro*). Упоминание лексем с интегральным признаком «зарубежный политик» формирует знание о международных контактах Бразилии. Данные имена можно разделить на 2 категории на основании их референта: «политики, критикующие Болсонару» (*Macron, Maduro*) и «политики, поддерживающие Болсонару» (*Trump*). Контекстуальная соотнесённость ЛЕ *Bolsonaro* с именами политиков, не поддерживающими действия Ж. Болсонару, формируют представление о президенте как о политике, подвергающемся критике со стороны мирового сообщества. Важно отметить, что единственная ЛЕ, относящаяся к стороннику Ж. Болсонару — *Trump* — чья языковая репрезентация в *The New York Times* не является положительной (Сумарокова, 2020).

б) Личные имена бразильских политических деятелей (*Silva, Moro, Temer*). Упоминание лексем с интегральным признаком «бразильский политик» позволяет формировать суждение о взглядах и течениях, присущих политической арене Бразилии. Данные имена также можно разделить на 2 категории: «политики, критикующие/являющиеся оппонентами Болсонару» (*Silva, Temer*) и «политики, поддерживающие Болсонару» (*Moro*). Как и в предыдущем случае, в данной группе преобладают единицы, относящиеся к политикам, не поддерживающим Ж. Болсонару. Таким образом, анализ состава ближайшей периферии ЛСП *Personal Names* позволил выявить преобладание лексических единиц, относящихся к политическим деятелям, не поддерживающим президента Болсонару. Контекстуальная соотнесённость ЛЕ *Bolsonaro* с именами политиков, не поддерживающих его действия, способствует формированию образа президента как политического деятеля, значительно подвергающегося критике.

Дальнюю периферию образуют 775 лексем, частотность употребления которых составляет менее 10 случаев в исследуемом тексте, встречающихся менее, чем в трёх статьях. Анализ имён, составляющих дальнюю периферию ЛСП *Personal Names*, позволил выделить наличие связи «вхождение», основанный на общности сем. Лексемы данного поля группируются по нескольким семам (Рис. 1/ Fig.1):

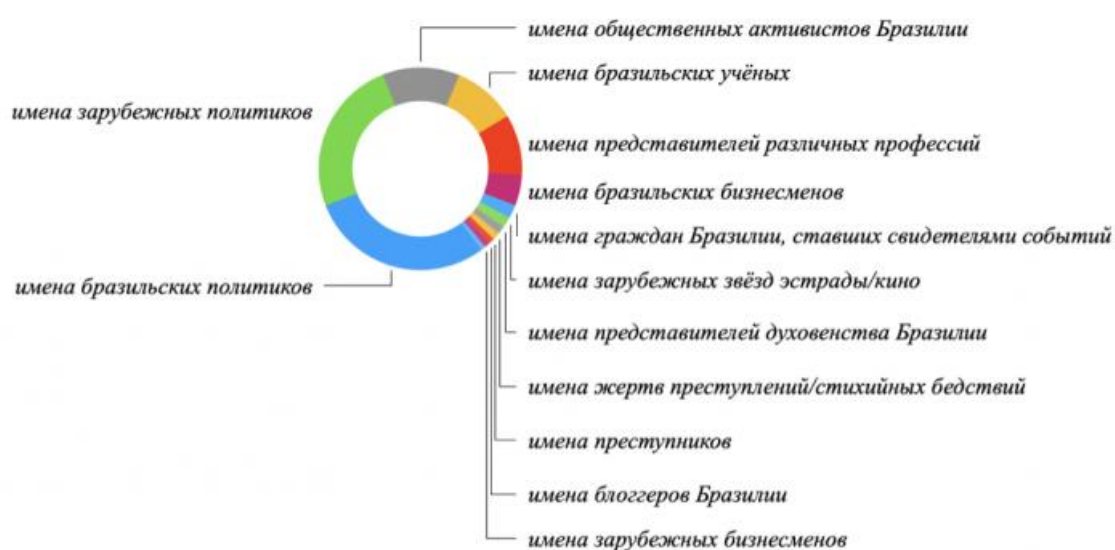

Рис.1/ Fig.1: Лексические единицы, составляющие дальнюю периферию ЛСП *Personal Names* / lexical units constituting the far periphery of the LSF *Personal Names*

а) Личные имена бразильских политических деятелей (227 лексем, или 28,63% от всех

лексем, составляющих ЛСП *Personal Names*) — В исследуемом материале данные имена делятся на две основные категории: «политики, поддерживающие Болсонару» и «политики, критикующие Болсонару», где более количественно выраженной является вторая категория (60% личных имён от всех относящихся к данной группе). Контекстуальная соотнесённость лексем данной группы с ЛЕ *Bolsonaro* формирует представление о президенте как политическом лидере, значительно подвергающемся критике со стороны политических оппонентов;

b) Личные имена зарубежных политиков (193 лексем — 24,34%) — В структуре данной группы прослеживается закономерность, выделенная в группе a — большинство имён относятся к зарубежным деятелям, не поддерживающим действия Ж. Болсонару. Контекстуальная связь с ЛЕ *Bolsonaro*, а также высокий показатель частотности имён данного типа формируют представление о президенте как занимающего важное место на мировой политической арене, но обширно подвергающегося критике;

с) Личные имена общественных активистов Бразилии (95 лексем — 11,98%) — по аналогии с предыдущими группами, в данном случае на страницах The New York Times преобладают имена активистов, критикующих президента. Контекстуальная связь ядра исследуемого ЛСП — лексемы *Bolsonaro* — с данной группой формирует образ Жаира Болсонару как политика, находящего скорее негативный отклик у активной части гражданского населения

d) Личные имена бразильских учёных (78 лексем — 9,84%) — данные имена встречались в текстах статей преимущественно с позиции специалистов, дававших оценку/комментарий произошедшим событиям, в основном — пожарам в Амазонских джунглях. Контекстуальная связь с ЛЕ *Bolsonaro* формирует образ политика, чьи действия критикуются учёным сообществом.

e) Личные имена представителей различных профессий (75 лексем - 9,46%);

f) Личные имена бразильских бизнесменов (38 лексем — 4,79%);

g) Личные имена граждан Бразилии, ставших свидетелями каких-либо событий (17 лексем — 2,14%)

h) Личные имена зарубежных звёзд эстрады и кино (13 лексем — 1,64%);

i) Личные имена представителей духовенства Бразилии (10 лексем — 1,26%);

j) Личные имена жертв преступлений/стихийных бедствий (9 лексем — 1,13%);

k) Личные имена преступников/лиц, находящихся под подозрением (7 лексем — 0,88%);

l) Личные имена популярных блоггеров Бразилии (7 лексем — 0,88%)

m) Личные имена зарубежных бизнесменов (6 лексем — 0,76%);

Анализ наиболее многочисленных групп лексических единиц, выделенных в составе дальней периферии ЛСП *Personal Names*, позволяет говорить о скорее негативном политическом уклоне издания The New York Times при конструировании образа президента: из 775 ЛЕ, формирующих дальнюю периферию, 420 (54,19%) являются именами бразильских и зарубежных политиков, при этом в составе наиболее многочисленных групп большая часть имён, контекстуально связанных с ЛЕ *Bolsonaro*, относится к лицам, не поддерживающими политику Ж. Болсонару.

Помимо лексических единиц, составляющих ближайшую и дальнюю периферии ЛСП *Personal Names*, нами были выделены 11 лексем с относительно высоким уровнем частотности употребления (от 10 до 50 случаев употребления), однако их встречаемость в статьях выражена невысокими показателями и ограничена материалами 1-2 статей: *Ibrahim* (30), *Flávio Bolsonaro* (22), *Veiga* (22), *Greenwald* (21), *Miranda* (17), *Eduardo Bolsonaro* (16), *Mr. Morales* (15), *Ms. Franco* (14), *Guaidó* (13), *Wyllys* (11), *DiCaprio* (10). В данном случае, так же как и в составе дальней периферии анализируемого ЛСП, прослеживается схожая группировка лексических единиц по интегральным семам:

а) Личные имена бразильских политических деятелей (*Flávio Bolsonaro*, *Miranda*, *Eduardo Bolsonaro*) — в данной группе 2 из 3 ЛЕ относятся к сыновьям Болсонару, их имена упоминаются в связи с подозрениями их семьи во взяточничестве. Контекстуальная связь с ЛЕ *Bolsonaro* формирует образ политика, имеющего отношение к коррупции;

б) Личные имена зарубежных политиков (*Morales*, *Guaidó*) — данные имена относятся к венесуэльским политикам и фигурируют в связи с описаниями политического кризиса 2019 года в этой стране. Прямая контекстуальная связь с ЛЕ *Bolsonaro* отсутствует, однако в данном контексте критикуется политика Бразилии, Ж. Болсонару имплицитно, посредством чего формируется образ политика, получающего неодобрение со стороны глав соседних государств;

с) Личные имена преступников/лиц, находящихся под подозрением (*Ibrahim*, *Veiga*) — в данной группе прямая контекстуальная связь с ЛЕ *Bolsonaro* отсутствует, однако упоминание Бразилии в связи с вопросами преступности и наркотрафика откладывает негативный отпечаток и на образ президента этой страны имя президента не упоминается;

д) Личные имена жертв преступлений/стихийных бедствий (*Ms. Franco*) — данная единица относится к имени женщины, убитой наркоторговцами. Как и в предыдущей группе, прямая контекстуальная связь с ЛЕ *Bolsonaro* отсутствует, однако упоминание Бразилии в связи с вопросами преступности и наркотрафика откладывает негативный отпечаток и на образ президента этой страны;

е) Личные имена общественных активистов Бразилии (*Greenwald*, *Wyllys*) — данные имена относятся к борцам за права меньшинств, которые широко критиковали Ж. Болсонару за отсутствие толерантности, а также выражали опасения за свою жизнь. Контекстуальная связь с ЛЕ *Bolsonaro* формирует образ политика, нетерпимого к меньшинствам и опасного для них;

ф) Личные имена зарубежных звёзд эстрады и кино (*DiCaprio*) — имя голливудского актёра Леонардо ДиКаприо встречается в статьях о пожарах в Амазонских джунглях в связи с его крупным пожертвованием для борьбы со стихией. Контекстуальная связь с ЛЕ *Bolsonaro* осуществляется в случаях, повествующих о обвинении актёра в финансировании лесных пожаров президентом Болсонару. Формируется образ популистского политика, способного делать громкие, но беспочвенные высказывания.

Анализ выделенной «пограничной зоны» показал, что имена, составляющие данную зону в ЛСП *Personal Names*, относятся преимущественно к личностям, не поддерживающим политику Ж. Болсонару. Наличие контекстуальной связи ЛЕ *Bolsonaro* в группах а, е, ф (6 лексем), напрямую связанных с политикой, способствует конструированию негативного имиджа президента.

Таким образом, тенденция к политическому уклону прослеживается на всех уровнях ЛСП

Personal Names. Лексические единицы, составляющие ядро данного ЛСП, его ближайшую и дальнюю периферии, а также «переходную» зону между ними, относятся преимущественно к когнитивному контексту *политика*, поскольку имеют своими референтами политические фигуры Бразилии и зарубежных стран. В структуре ядра данного ЛСП на основании частотности употребления и уровне встречаемости в текстах статей нами была выделена 1 ЛЕ (*Bolsonaro*), таким образом 100% состава ядра ЛСП *Personal Names* относится к когнитивному контексту *политика*. Ближайшую периферию составляет 6 лексических единиц, все из них относятся к политическим фигурам, то есть 100% состава ближней периферии ЛСП *Personal Names* также относится к когнитивному контексту *политика*. Анализ выделенной нами «переходной зоны» показал, что семь из одиннадцати составляющих её лексических единиц относятся к личности политиков и политически активных общественных активистов, что равняется 63,64% от общего числа ЛЕ «переходной зоны». Среди лексем, составляющих дальнюю зону исследуемого ЛСП, большинство единиц (54,19%) относятся к фигурам политиков. Формирование негативного образа политика в рамках ЛСП *Personal Names* происходит за счёт преобладающих контекстуальных связей с единицами, относящимися к лицам, не поддерживающим Ж. Болсонару. Обширная связь лексических единиц ЛСП *Personal Names* с когнитивным контекстом *политика*, а также конструирование негативного образа Ж. Болсонару, во многом может быть объяснена политической ориентированностью анализируемого издания. Газета *The New York Times*, одна из самых массовых и влиятельных среди американских СМИ, является широкоформатным изданием с «левым» (демократическим) уклоном и маловероятно будет выражать поддержку правоцентристскому политику Жаиру Болсонару.

Конкорданс ядра ЛСП *Personal Names* как инструмент исследования языкового образа лидера зарубежного государства в СМИ

Анализ контекстной реализации ядра ЛСП *Personal Names* лексической единицы *Bolsonaro* путём исследования её конкорданса позволил выявить основные типовые аргументы, «семантически и прагматически представляющие собой описательную конструкцию идентичности, <...> лингвистическое конструирование политического настоящего и будущего» [5, с. 1518]. На основании количества относимых контекстов были выделены три ведущие группы типовых аргументов, в рамках которых ЛЕ *Bolsonaro* получает реализацию :

1) «*Болсонару выступает за исчезновение лесов*». На основании изучения контекстуальных связей ЛЕ *Bolsonaro* было выявлено 127 случаев языковой реализации данного аргумента, что делает возможным считать его доминантным в статьях *The New York Times* за 2019 год в адрес Ж. Болсонару. Все они связаны с обширными пожарами в Амазонских джунглях в 2019 году и действиями Ж. Болсонару в их отношении:

- 'Many environmentalists directly blame Mr. Bolsonaro for the increase in deforestation, citing his firing of key officials at the main environmental regulator, IBAMA, and his refusal to endorse anti-logging operations.' — анализ конкорданса ЛЕ *Bolsonaro* в данном примере позволяет выделить лексические единицы, при помощи которых подчёркиваются действия Ж. Болсонару, не направленные на улучшение ситуации с бушующими лесными пожарами, а также обвинения экологов в сокращении лесных массивов. Лексемы *blame, firing, refusal*, использованные в непосредственном сочетании с единицей *Bolsonaro* или местоимением *him/his*, относящемуся к фигуре политика и лексемами, относящимся к вопросам экологии (*environmentalists, key officials at the*

main environmental regulator, to endorse anti-logging operations) имплицитно мысля, что Ж. Болсонару повинен в сокращении лесных массивов Амазонки и его действия не направлены на дальнейшее улучшение ситуации.

- 'It soon became clear that *Brazil stood to lose mightily if Mr. Bolsonaro did not take action* to protect the forest: *European leaders said they might walk away from a trade deal* struck in June and calls to boycott Brazilian products were gaining traction on social media. *Mr. Bolsonaro felt compelled* to dispatch the military to put out blazes.' — фразы *if ... did not take action, felt compelled* использованные в сочетании с ЛЕ *Bolsonaro* подчёркивают вынужденность мер, предпринятых президентом по тушению бушующих лесных пожаров. Анализ конкорданса лексем *Brazil, European leaders*, также выступающими агентами в данном контексте, выделяет единицы, при помощи которых имплицитно мысля, что действия были предприняты Ж. Болсонару только из страха потерять экономически выгодных партнёров: *stood to lose mightily, they might walk away from a trade deal*.

2) «Болсонару — ультраправый популист». Изучение контекстуальных связей ЛЕ *Bolsonaro* позволило выявить 34 случая языковой реализации данного аргумента:

- 'Mr. Macron has emerged as one of the world leaders most critical of *Mr. Bolsonaro, a far-right populist and climate change skeptic, who has been accused of encouraging deforestation*.' — анализ конкорданса ЛЕ *Bolsonaro* позволяет выделить лексику *far-right populist*, использованную в непосредственном сочетании с ядром ЛСП *Personal Names* и эксплицитно обозначающую политические взгляды Ж. Болсонару. В данном случае наблюдается пересечение с предыдущим аргументом «Болсонару выступает за исчезновение лесов» через ЛЕ *climate change skeptic*, а также конкорданс местоимения *who*, относящегося к Ж. Болсонару — ЛЕ *has been accused of encouraging deforestation*.

- 'During his campaign for the presidency, *Mr. Bolsonaro, a right-wing populist*, committed to making major changes to the Mais Medicos program, an initiative begun in 2013 when a leftist government was in power. Brazil paid millions of dollars a month to Cuba for the doctors, making them a vital export for the islands coffers. But most of the money went directly to Cubas Communist government, an arrangement *Mr. Bolsonaro warned he would change*. *Our Cuban brothers will be freed*, *Mr. Bolsonaro said* in an official campaign proposal presented to electoral authorities. *Their families will be allowed* to migrate to Brazil. And, if they pass the revalidation, *they will begin to receive* the entire amount that was being robbed by the Cuban dictators! Two weeks after *Mr. Bolsonaro won the presidency* in October, *Cuba ordered all its doctors out*.' — в данном случае анализ конкорданса ЛЕ *Bolsonaro* вновь позволяет выделить единицу *a right-wing populist*, эксплицитно дающую данные о Болсонару как о правом популистском лидере. Глаголы говорения *warned (he would change), said (they will be freed, will be allowed, will begin to receive)* подкрепляют этот аргумент, имплицитно мысля, что данные громкие заявления были ложными, что является типичной чертой популизма. Данная мысль получает подтверждение и в последнем предложении посредством конкорданса ЛЕ *Cuba — ordered all its doctors out*. Данная фраза имплицитно мысля о крахе обещаний Ж. Болсонару, т.к. Куба отозвала своих врачей из Бразилии сразу после вступления Ж. Болсонару в должность президента, не дав ему возможности начать реализовывать свои обещания.

3) «Болсонару не поддерживает права коренных народов Бразилии». Анализ контекстуальных связей ЛЕ *Bolsonaro* позволил выявить 13 случаев языковой реализации данного аргумента.

- '...Mr. Rodrigues, who belongs to an opposition party, said *Mr. Bolsonaro's* views on indigenous territories and the rights of native communities **had put** the descendants of Brazil's original inhabitants in mortal danger.' — в данном примере контекстной реализации ЛЕ *Bolsonaro* анализ конкорданса позволяет сделать вывод, что при помощи лексем *had put* <...> *the original inhabitants in mortal danger* читателю сообщается мысль, что политика Болсонару противоречит интересам коренного населения Бразилии.

- 'Since the *nationalist former army captain* took office in January, **deforestation has increased** sharply across Brazil, including in indigenous territories. *Mr. Bolsonaro* has **pledged to make it easier for industries to gain access to protected areas**, arguing that native communities are in control of unreasonably vast areas that contain enormous wealth.' — анализ конкорданса ЛЕ *Bolsonaro* в данном примере показывает, что при помощи единиц *to make it easier for industries to gain access to protected areas* эксплицируется мысль о действиях Болсонару, противоречащих интересам коренного населения Бразилии. В данном контексте обнаруживается отсылка к типовому аргументу «Болсонару выступает за исчезновение лесов» при помощи использования единиц *deforestation has increased*, а также к аргументу «Болсонару — ультраправый популист» через лексемы *nationalist former army captain*, используемые для описания фигуры президента.

Выводы

Исследование языковых средств, формирующих образ президента Жаира Болсонару в газете *The New York Times*, выполненное при помощи анализа структуры лексико-семантического поля *Personal Names*, позволило установить, что образ данного политика в рамках ЛСП *Personal Names* формируется посредством контекстуальных связей ядра данного поля — ЛЕ *Bolsonaro* — с лексемами, составляющими структуру данного поля, а также при помощи формирования типовых аргументов, в которых ЛЕ *Bolsonaro* получает языковую реализацию. Анализ структуры исследуемого ЛСП показал, что на каждом его уровне прослеживается превалирование связи с когнитивным контекстом *политика*, при этом бо́льшая часть лексем, составляющих структуру ЛСП *Personal Names* на каждом его уровне, относится к лицам, не поддерживающим политику Жаира Болсонару. Было установлено, что группировка лексических единиц по типу связи «вхождение» на основании рода деятельности референта характерна как для онимов дальней периферии, так и для онимов переходной зоны. Анализ контекстной реализации ЛЕ *Bolsonaro* путём исследования её конкорданса позволил выявить ведущие типовые аргументы, реализуемые вокруг ЛЕ *Bolsonaro* в рамках исследуемого ЛСП: 1) «Болсонару выступает за исчезновение лесов»; 2) «Болсонару — ультраправый популист»; 3) «Болсонару не поддерживает права коренных народов Бразилии». Результаты исследования позволяют сделать вывод, что контекстуальные связи, выстраиваемые между ядром ЛСП *Personal Names* и лексемами, составляющими его периферию и переходную зону, а также негативный характер реализуемых типовых аргументов во многом формирует негативный образ Ж. Болсонару в газете *The New York Times*.

Библиография

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций. Тамбов : Изд. дом «Державинский», 2021. 236 с.
2. Викулова Л. Г., Кулагина О. А. Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции "свои" - "чужие" во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака "Чёрная тетрадь") / Л. Г. Викулова, О. А. Кулагина // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое

- образование. – 2013. – № 2(12). – С. 33-42.
3. Виниченко Л. Г., Петрова Е. И. МЕДИЙНАЯ презентация образа канцлера Германии Олафа Шольца в Современных СМИ (на материале публикаций журнала «SPIEGEL») // Политическая лингвистика. 2023. №3 (99). – С. 38-46.
 4. Жумалиев, А. Роль СМИ в актуализации образа политического лидера и деструктивные приемы его формирования / А. Жумалиев // Вестник Кыргызского Национального Университета имени Жусупа Баласагына. – 2022. – № 1(109). – С. 191-199.
 5. Спасская А. С. Типовой аргумент «Йорг Хайдер – правый популист» в системе дискурсивного конструирования немецкими СМИ идентичности австрийцев (на материале публикаций газеты "Der Tagesspiegel" в феврале 2000 г.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. №5. С. 1515-1524.
 6. Чупрына О. Г., Короткевич Д.О. Когнитивно-матричный анализ репрезентации концепта Бразилия в дискурсе СМИ (на материале газет The New York Times и The New York Post) // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 3(62). С. 54-62.
 7. Американская культурно-языковая картина мира XIX века: время, свобода, судьба, одиночество, достоинство / О. В. Афанасьева, К. М. Баранова, В. С. Машошина, О. Г. Чупрына. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Диона», 2019. – 112 с.
 8. Akgemci, E. (2022). Authoritarian Populism as a Response to Crisis: The Case of Brazil // *Uluslararası İlişkiler / International Relations*. 2022. 19(74). P. 37–51.
 9. Kablukov E. Joseph Stalin & Vladimir Putin: practices of the image construction of a political leader in the discourse of Soviet and Russian media // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2020. Vol. 11. P. 73-84.
 10. Lin, Ch. An Analysis of Representation of Activities of Russias and Chinas Political Leaders in Rossijskaja Gazeta and Zhjen'min' Zhibao // *Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 2020. Vol. 9. P. 554-567.
 11. Lima de Sousa, F. S., Gómez Iniesta, P., Herranz de la Casa, J. M. Populism in the Communication Strategy of Lula and Bolsonaro: An Analysis of the Television Debates in Brazil's 2022 General Election // *Communication & Society*. 2023. 36(3). P. 103-118.
 12. Van Remoortere, A., & Vliegenthart, R. The influence of mass media on the popularity of politicians // *Party Politics*. 20230. Vol. 0(0). P. 1-14. URL: <https://edepot.wur.nl/637312> (дата обращения 09.11.2023)
 13. Villanueva, Concepción & Bayarri, Gabriel. Legitimation of hate and political violence through memetic images: the Bolsonaro campaign // *Communication & Society*. 2021. 34 (2). P. 449-468.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет изучения рецензируемой работы достаточно точен – это языковые средства формирования образа главы зарубежного государства в американских СМИ. Как отмечает в начале труда автор, «образ политического лидера в печатных СМИ играет ключевую роль в формировании общественного мнения и влияет на политический дискурс СМИ, которые являются одним из важнейших инструментов по созданию и трансформации имиджа политического лидера», «медиаобраз влияет на общественное

мнение, стереотипы, эмоциональную реакцию и на политические решения, причём исследователи отмечают наличие «смещения в сторону негативности, при котором негативные новости влияют на популярность политиков, в то время как позитивные новости не оказывают никакого влияния». Следовательно, исследование обозначенной проблемы, так или иначе, значимо, актуально и востребовано. Новизной работы является практически выбранный базис – это фигура бразильского лидера – Ж. Болсонару. В частности отмечается, что «избранный в 2018 году с обещанием либерализовать экономику своей страны, бывший президент Бразилии Жаир Болсонару начал терять популярность с первых месяцев своего правления, а к концу президентского срока 45% респондентов отметили, что «не одобряют то, как Жаир Болсонару справляется со своей работой на посту президента». Таким образом, целевая / объяснительная составляющая работы манифестирована и не вызывает сомнений. Автор указывает теоретические принципы рассмотрения вопроса: «в работе мы опираемся на понятие «когнитивная матрица», предложенное Н. Н. Болдыревым, где ядром матрицы является объект мышления — Бразилия, а её периферию составляют когнитивные контексты, с помощью которых раскрываются «значения языковых единиц и феноменов». Материалом исследования послужили тексты газеты The New York Times за 2019 год, посвящённые Бразилии. Их количество составило 176 статей общим объёмом 178835 слов». Статья продумана, концепция оценки объективна, нужный аргументационный блок выявлен. Стиль данного труда соотносится с собственно научным типом; термины, понятия даются в режиме унификации, разночтений не выявлено. Например, «анализ выделенной «пограничной зоны» показал, что имена, составляющие данную зону в ЛСП Personal Names, относятся преимущественно к личностям, не поддерживающим политику Ж. Болсонару. Наличие контекстуальной связи ЛЕ Bolsonaro в группах a, e, f (6 лексем), напрямую связанных с политикой, способствует конструированию негативного имиджа президента». Думаю, что работа нуждается в вычитке, ряд моментов следует поправить: например, «личные имена зарубежных звёзд эстрады и кино (DiCaprio) — имя ГОЛИВУДСКОГО актёра Леонард ДиКаприо встречается в статьях о пожарах в Амазонских джунглях в связи с его крупным пожертвованием для борьбы со стихией» и т.д. Примеров, которые дают основание выявить языковые средства формирования образа главы государства, достаточно: например, «'Since the nationalist former army captain took office in January, deforestation has increased sharply across Brazil, including in indigenous territories. Mr. Bolsonaro has pledged to make it easier for industries to gain access to protected areas, arguing that native communities are in control of unreasonably vast areas that contain enormous wealth.' — анализ конкорданса ЛЕ Bolsonaro в данном примере показывает, что при помощи единиц to make it easier for industries to gain access to protected areas эксплицируется мысль о действиях Болсонару, противоречащих интересам коренного населения Бразилии. В данном контексте обнаруживается отсылка к типовому аргументу «Болсонару выступает за исчезновение лесов» при помощи использования единиц deforestation has increased, а также к аргументу «Болсонару — ультраправый популист» через лексемы nationalist former army captain, используемые для описания фигуры президента». Цель работы достигнута, поставленные задачи решены; фактического текстового объёма достаточно для раскрытия темы. В заключительном блоке отмечено, что «результаты исследования позволяют сделать вывод, что контекстуальные связи, выстраиваемые между ядром ЛСП Personal Names и лексемами, составляющими его периферии и переходную зону, а также негативный характер реализуемых типовых аргументов во многом формирует негативный образ Ж. Болсонару в газете The New York Times». Основные требования издания учтены, библиографический список полновесен. Материал продуктивно использовать при изучении дисциплин лингвистического толка.

Рекомендую статью «Языковые средства формирования образа главы зарубежного государства в американских СМИ (на материале The New York Times)» к открытой публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Tabatabai S., Bulgarova B.A. — The Power of Memes in Crisis: the potential for emotional contagion of memes during a crisis // Litera. – 2023. – № 12. – С. 259 - 280. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69211 EDN: KWHJRX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69211

The Power of Memes in Crisis: the potential for emotional contagion of memes during a crisis / Сила мемов в кризис: потенциал эмоционального заражения мемов во время кризиса

Табатабаи Сара

ORCID: 0009-0003-6165-6978

аспирант, кафедра массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ saratabatabayee@gmail.com

Булгарова Белла Ахмедовна

ORCID: 0000-0001-6005-2505

кандидат филологических наук

доцент, кафедра массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ bulgarova-ba@rudn.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69211

EDN:

KWHJRX

Дата направления статьи в редакцию:

03-12-2023

Дата публикации:

30-12-2023

Аннотация: Предметом исследования является изучение влияния мемов во время

кризисов на эмоциональное заражение пользователей Сети. Интернет-мемы как инструмент коммуникации и новые медияязыки способны создавать и распространять эмоции, которые могут способствовать социальной сплоченности, а также повышать социальную уверенность, что считается жизненно важным во время кризисов. Учитывая важность интернет-мемов как мощного инструмента укрепления социальной сплоченности и доверия в трудные времена, важно дать представление о том, как мемы и эмоциональное заражение могут быть использованы в кризисной коммуникации. Цель исследования - обеспечить более полное понимание роли интернет-мемов, особенно во время таких кризисов, как пандемия COVID-19, в эмоциональном заражении иранских пользователей социальных сетей. Для достижения цели в исследовании был применен подход со смешанными методами, включающий контент-анализ мемов COVID-19 в иранских социальных сетях и количественный опрос с использованием разработанной исследователями анкеты. Статистическая выборка исследования состояла из 150 иранских пользователей социальных сетей, которые были отобраны случайным образом. Новизна исследования заключается в изучении функции мемов в кризисной коммуникации и эмоциональном заражении, особенно в контексте Ирана. Исследование расширяет границы и предлагает новые взгляды на то, как мемы могут быть эффективным инструментом укрепления социальной сплоченности и повышения доверия в трудные времена. Акцент в исследовании на иранском контексте также добавляет ему новизны, поскольку оно дает конкретную информацию, недоступную в существующей литературе. Исследование предоставляет эмпирическую поддержку политикам, особенно иранцам, в отслеживании общественного мнения по важнейшим темам, или в управлении коллективными эмоциями через Интернет и стимулировании и мобилизации публичных действий отдельных лиц. Мемы могут использоваться для коммуникации в кризисных ситуациях и участия общественности. Результаты исследования указывают на широкое использование и признание мемов в Иране в период пандемии COVID-19, в качестве подходящего и эффективного инструмента для выражения чувств и озабоченности. Эмоциональное заражение через мемы умеренное и в основном ментальное, причем респонденты считают, что мемы более эффективны, быстры и желательны, чем другие типы сообщений и постов.

Ключевые слова:

мемы, эмоциональное заражение, Иран, кризисная коммуникация, социальные сети, цифровая культура, вирусный дискурс, зуммеры, COVID-19, анализ

Introduction

We live in the midst of the countless crises and emergencies ongoing in our world today, which have resulted in stress [\[1\]](#), anxiety [\[2, 3, 4\]](#), Boredom [\[4, 5\]](#) and public panic [\[2\]](#). Crisis could give rise to mental and psychological effects [\[6,7\]](#) as well as antisocial behaviors offline [\[8\]](#) and online [\[9\]](#). Studies have pointed out that emotion is a crucial factor that affects individual behavior and decision-making, especially in an emergency [\[10, 11\]](#). Uncertainty and unpredictable factors during emergencies make people panic and more vulnerable to others' emotions, which could influence people's decision-making negatively [\[12, p.2145\]](#). When people catch others' emotions, their judgments and decisions can be influenced via emotional contagion [\[13, 14, 15, 16\]](#). The concept of emotional contagion implies the transmission of emotion from person to person, which is affecting the way

people think and act [17].

Emotions in cyberspace, like in the offline world, can spread from person to person and have been accelerated despite the digital environment, technology, and social media [18]. In other words, the Internet world has provided many channels for the spread of information and emotions that can quickly turn individual fears into collective panic during crises. Liu et al. mentioned that emotional contagion might boost the spread of information among a group [19]. As well as essential information, this mechanism can make fake news and rumors viral, which are problematic in crisis management [20, 21], to the extent that the WHO during the COVID era mentioned the fight against the infodemic [22]. Therefore, studying and understanding emotional contagion as one of the underlying mechanisms of the digital world is very essential for crisis management and communication. Due to the recent COVID-19 crisis, it can thus be considered a case study to research emotional contagion.

The need for emotional communication increases significantly in critical situations [23], such as the COVID-19 pandemic. Therefore, the propagation of emotional content in cyberspace, which was the only option during the COVID-19 quarantine, led to faster emotional contagion. According to Jajarmi shared emotional content via emotional contagious mechanisms leads to empathy, cooperation, and voluntary acceptance of health policies such as staying at home, masking, reducing stress, and maintaining social interactions in Iran [24]. During the COVID-19 crisis in Iran, new media and communication tools can lead to collective actions such as participating in health campaigns and accepting health guidelines voluntarily by establishing extensive online communication while maintaining social bonds [25]. Abdollahi and Rahimi have analyzed the comments during the early peak of the COVID outbreak in Iran and described the performance of the government and the people during the outbreak from the perspective of social media users.

According to respondents, the cause of the intensification and epidemic of COVID in Iran is due to:

- 1) Poor government performance; such as: a) inappropriate communication (lack of information transparency and inconsistency of morbidity and mortality statistics, minimization of disease and uncertainty of disease characteristics); b) weak crisis management (confusion in decision making, poor compliance with government decisions according to medical standards, lack of appropriate policies such as not quarantining Qom city at the beginning of the COVID, no travel restrictions, lack of health facilities and lack of economic support for the people, etc.).
- 2) People's performance: lack of Responsibility and non-compliance with health protocols, lack of cooperation and association with grassroots groups and physicians.

Based on their survey, stay-at-home campaigns have led to increased awareness and public participation, and self-awareness resulting from the spread of online messages is a major factor in preventing virus spread. Based on this research, netizens have been able to invite people to follow health protocols by posting religious, moral, and emotional messages about COVID, focusing on the role of the people and their performance in defeating the virus away from government and policy blame. Their results showed that emotions play an important role in users' attitudes [25]. On the other hand, Farahati believes that the focus on dissemination of media messages on COVID-19, receiving negative statistics about COVID-19, or even showing the facts of COVID-19 and its catastrophes in Iran and around

the world leads to increased anxiety, stress, impatience, frustration, and distrust, which can be explained by emotional contagion as their underlying mechanism [26]. Also, studies by Mokhtari Hesari et al. show that rumors and incomplete and unreliable information on social media can lead to the spread of misunderstandings of COVID-19 disease in Iranian society and endanger their health, which mostly rely on emotional content to go viral [27]. One that accounts for the crisis, particularly the COVID-19 pandemic, is the heavy reliance on online and digital communication evidence, which indicates the effective role of digital emotional content in spreading or limiting the consequences.

Amongst emotional digital content, those that include visuals and humor are able to convey complex emotional concepts easily [28]. Viral captioned images or video prevalently humorous colloquially known as memes defined by Huntington as «a form of visual rhetoric» [29] or so-called «expressive repertoires» by Nissenbaum and Shifman [30] are paragon for emotional communication [31]. There is some evidence to suggest that memes mostly associated with the expression and occurrence of emotions. It would seem that memes are the approach and way of looking at things through emotions. This supports the idea that memes can be considered as the emotional and personal perception and knowledge of something that is basically expressed in the form of humor digital artifacts. Today, memes occupy a large volume of messages sent via cyberspace and have different dimensions for study and analysis. Memes as a repository for the public sharing of opinions, emotions and ideas could be counted as the dissociative reflection of the collective voice. Mandeep & Chanchal Sachdeva in a survey of 112 media users found that respondents mostly sent their favorite memes to relatives and friends. They most liked the educational humor memes about COVID, which led to a change in their behavior [32].

Internet memes, as indispensable and widespread digital artifacts, were used to express and communicate emotions during crises such as the coronavirus pandemic [33, 34]. COVID-19 memes by evoking negative emotion (using stressful content, expressing fear, showing failure in controlling pandemic situations) and humorous expression depicted the situation, government, and people performance during the COVID-19 outbreak. Dynel by studying the COVID-19 mask memes explained that these memes narrate the behavioral patterns and reactions to the basic shortcomings of hygiene items such as masks, tissues, and... in society. Also, he claimed that memes depicted the weakness of the country's policies in protecting their citizens, which led to bewilderment, and as a result, some citizens applied unusual tools such as water bottles, plastic and doll masks, strange clothes, etc. to protect themselves from the virus. These memes have also ridiculed the improper use of masks [35]. However, his research conclusion about the use of images of human subjects as constructive images of memes is a novelty that could inspire new studies about participatory patterns in memes. This suggests that emotional COVID-19 memes' messages, with the help of visual imagery, could evoke people's emotions and convey a story to the audience by establishing emotional communication and, hence, play a prominent role in streamlining news and changing or denigrating collective actions. Some COVID-19 memes are warning messages that convey the emergency situation of society, which could attract a large audience due to their sensitivity and objectivity. There is evidence to suggest that digital humor and memes are the collective defense strategy and coping mechanism suitable for COVID-19 tragic conditions. According to Cancelas-Ouviña (2021), the COVID-19 crisis has ushered in a new era of mass imprisonment and stress for the world, and Spanish citizens were isolated in their homes and unable to physically interact with family members, friends, and their colleagues. People try to deal with stressful

situations differently, and memes (humor) are one of the most common and widely used strategies to deal with the deplorable situation in society. The COVID memes with humor depicted the grief, fear, and suffering of the Spanish people, who are very outgoing and used to spend a lot of time outside their house before the coronavirus outbreak but were locked down because of the COVID-19 pandemic [36]. Motivational messages to increase citizens' tolerance, lifestyle changes, adhering to health principles, and changing behavioral patterns such as attention to keep social distance, using masks in public places, washing hands with antibacterial gels, and vaccinating were the main themes of memes in this era.

In light of what has been discussed, this article's goal is to introduce and define the topic and go on to summarize by investigating the memes impact on emotional contagion during times of crisis, a topic of theoretical and practical significance. Theoretical contribution is to be found in the article's ability of linking Internet memes research, emotional contagion and crisis. Hence COVID-19 as a case of crisis with most online communication is selected to study emotional contagion happened by internet memes about COVID-19 In Iran. Despite studies proving that internet memes have been one of effective communicative artefact in critical situations to cope with stress and express emotions, in Iran, memes are not very familiar concepts. Nonetheless, during COVID-19 pandemic, as a consequence of living in quarantine, as well as Iranians' special interest in humor and satire, COVID-19 memes gained popularity. This research supports the idea that Iranian memes as a part of country oral humor could be indicator for some cultural, political and social issues before they become a reality .Using the aforementioned studies as a basis and taking the COVID-19 situation in Iran as an example, this study regards Internet memes as a captioned image macro unit in online communication and explores the emotional contagion caused by the most viral memes in the early peak of COVID-19 disease in Iran by a survey of Instagram users. In order to pursue said objective, we relied upon three sources of information. First, researches about COVID -19 memes, second, related COVID-19 researches retrieved from the Iranian context, third, an extensive literature review of the three streams that are relevant for the declared purpose: (1) sociology of emotions; (2) emotional contagion stem from virality literature; and (3) Internet memes and the function of humor in memes, which is mainly a kind of 'emotional sharing' that can also consist of a complaint against any issue [37].

Emotion, emotional contagion and Memes

This research could be found at the intersection of virality literature that is interested in memes to investigate the emotional contagion mechanism as an underlying mechanism of online virality [38]. To the best of our knowledge, emotional contagion can be elucidated by the social power of emotions as well as symbolic interaction theory. Therefore, theories of emotion as social phenomena could set out a comprehensive conceptualization for this study. There is a considerable amount of literature on emotions. Various approaches have addressed emotions. Lawler & Thye considered emotion as a negative or positive evaluative state that is relatively low in elements and contains cognitive and neurotic elements that are not completely under human control [39, p.218]. The classical approach to emotional contagion emphasizes its basis in mimicry in individual contacts, including gestures, facial expressions, tone of voice, and laughter as nonverbal signals [38]. The mimicry processes occur based on mirror neurons between humans as social creatures and spreading positive or negative emotions [40].

Along similar lines, one of the main approaches toward the mechanism of emotional contagion argues that all emotions are socially constructed and thus take on different forms and numbers in different societies [41]. In other words, societies can produce as many

different emotions as can function for their social system. According to sociologists, apart from the basic emotions that have a biological basis, some emotions are created and transmitted only through human interaction. On the other hand, in many cases, it is not us who create them, but only we experience them [42]. According to this viewpoint, emotional contagion affects not just individuals but also larger networks and communities by influencing people's emotional states and expressions. People's thoughts and actions are greatly influenced by their emotions [43]. Therefore, emotional contagion can have lasting consequences since group feelings arising from emotional contagion can persist longer than individual emotional responses. Hence, the emotion contagion study aims to shed light on how emotions propagate during social interactions and how being impacted by the emotions of others influences the dynamics of the social interaction.

Social constructivists develop the claim that the number of emotions is dependent on the social processes that produce them in each society. Hochschild writes: «Cultural patterns influence the people of a society in such a way that they express the emotions that they think they should express in society» [44]. In his point of view, emotions are interactive in nature and are formed based on whether they are appropriate or not for the social situation. He develops the claim that humans evaluate the appropriateness of an emotion in relation to the situation, not by examining the emotion in the abstract world. This comparison provides a natural measurement criterion for the evaluator so that he can evaluate the situation and show the appropriate emotion in that situation [44]. In his view, the actor, under circumstances, actively interacts, evaluates, monitors, stimulates, suppresses, and shapes his emotions. In other words, he «works» on his emotions in order to stimulate and display the emotion that is appropriate or, conversely, to suppress and eliminate the emotion that is inappropriate. Thus, his proposed term of «emotional labor» means trying to change the intensity or quality of a particular emotion so that emotion is in harmony with the social situation. Emotional labor also takes on different forms.

There are varieties of techniques for doing emotional labor: 1. Cognitive technique: trying to change images, ideas, or mental thoughts to change the emotions associated with them; 2. Physical technique: trying to change physical states along with emotional experiences such as preventing tremors; 3. Emotional technique: trying to change the observable emotional states in order to change the inner feelings and emotions (such as laughing or crying).

These three techniques are different, but it is possible to use them simultaneously. If the threefold harmony between one's situation, cultural norm, and emotion is lost, emotional labor plays a decisive role in re-establishing the balance between one's social status, cultural norm, and one's observable emotion. In this case, the person tries to focus on the facial expressions, external gestures and small sets of observable images, to present an image of himself that is in line with the requirements of the situation, which Hochschild compares to the English school of acting (surface acting). However, it is possible to try to transform one's emotions in order to create an appropriate emotional adaptation to the situation so that the observable manifestations of one's emotions are in harmony with the emotional requirements of the role (American acting or deep acting) [44].

The main theoretical premise behind social construction theories and symbolic interaction is that emotions are largely dependent on the definition of situations, emotional words, and emotional beliefs, which therefore change over time and space. As a rebuttal to this approach, positivists outline emotions as unchanging, automatic, and patterned reactions to specific groups of social stimuli. For constructivists, one must focus on discourses about

emotions and how to use emotional words. That is, emotions are not material but are constructed or may be negotiated through individuals during interactions [\[45, p.453\]](#). Unlike constructivists, symbolic interactions are more inclined to recognize the influence of primitive emotions on human interactions. The terms symbolic interaction and emotions stand for the common product of «generalized motivations» and «specific socio-cultural factors». The same motivation, depending on the situational symptoms, may be experienced as joy or anger. From both constructivists and symbolic interactions points of view, since definitions and situational labels differ over time and between cultures, likewise, emotional experiences must vary over time and across cultures. In other words, the key characteristics are not psychological emotional experience but socio-cultural; thus, by expanding the meaning within and between cultures, different emotions are created and recognized. Social conditions, goals, and intentions of the actor are very important and fundamental for the emergence of emotional experiences and their quality [\[46, p.320\]](#). Emotion is evoked as a psychological reaction to social stimuli, and humans have the ability to create, manipulate, and modify symbols to guide their behavior and that of others. Love, hate, anger, and sadness are actions that are formed by actors when defining and interpreting a situation. Goffman emphasizes that humans are active in producing their emotions. Humans, according to their definition of an external situation, control and express their emotions [\[47, p.82\]](#). When needed, actors are drawn to cultural logic and vocabulary that determine how and what emotions should be expressed. Goffman is premised on the assumption that individuals are theatrical actors on stage and play roles that are culturally driven. He claimed that people also consciously manipulate their facial expressions, speech, and body movements to «maintain the effect of display rules». Also in interpersonal scenes, they use visual representation tools such as clothes or objects to communicate with people who support ideologies and emotional norms [\[48, p.26\]](#). Some theorists consider emotions to be constructed and dealt with by the dominant cultural elements of society, as Clifford Geertz argues that "not only ideas but also emotions are cultural creatures" [\[49\]](#). Emotions, as the senses that people feel, interpret, reflect, express, and manage, are evoked through social interactions and are influenced by social, cultural, interpersonal, and situational conditions. We often find ourselves in everyday life with surprising emotions and expressions of emotions that are accepted by society and considered appropriate [\[50, p.16\]](#). People observe certain behaviors occurring more frequently in others and modify their own. This creates social influence that has an impact on behavior and also causes emotions to spread. These emotions spread like viruses and are called emotional contagion, in which one person's emotions transfer to another through a social appraisal mechanism. Several studies support the idea that all types of emotions, including anger, sadness, happiness, and joy, get contagious [\[51\]](#). A growing body of studies has examined and proven that emotional contagion occurs in digital communication as well [\[52\]](#). Along similar lines, studies claim that an emotional «arousal hierarchy» followed by the evocation of anger or anxiety are key explanations for the spread of information [\[38\]](#). Thereafter, emotional contagion is attracting considerable interest as an underlying mechanism of viral information in today's digital world.

Turner argues that, in order to create emotional arousal in a person, there must first be certain expectations in his mind about what will or should happen when he enters a situation. These expectations are those that create an individual's interpretation and definition of a situation, and they may have originated from a variety of sources. They influence a person's behavior and reaction to the behaviors of others in the situation [\[53\]](#).

According to him, emotional arousal is influenced by the nature of expectations, inconsistency and unfulfilled expectations, the intensity of emotional arousal, as well as the situation and expectations of others. Human emotions are expressed in an attempt at role-playing and role-making. As Alfred Schutz claims, we have a social interpretation of everything, and that is what we all share and benefit from. The conscience connection between the people of a society brings them together in understanding the issues, and everyone adapts himself to other views and perceptions, because if one stays in its position, one would not be able to understand all aspects of the issue [54, p.79]. Therefore, in order to understand a problem comprehensively and from different angles, it is necessary to participate in others understanding of that issue. This is the basis of common life and common sense that governs society [55, p.375].

Building on this fact, emotional contagion seems to be an adaptive strategy to function in groups for survival. It can enable rapid communication of opportunity and risk, mediate group interaction, and help humans adhere to social rules and norms, such as maintaining harmonious interaction with a powerful ally. Emotions serve to focus human attention and motivate him to take action in a way that helps him survive and thrive. Moreover, for this survival function to operate optimally, humans are highly sensitive to emotional signals in the environment. Regarding the emotion evaluation theory, emotions are a response that reflects a person's evaluation of the importance of something in the environment for his or her well-being. Many studies confirm that emotions play a prominent role in the process of human decision-making and cognition as well as determining factors in their behavior, especially in the face of a crisis. Uncertainty and unpredictable factors during emergencies make people panic and more vulnerable to others' emotions, which could influence people's decision-making negatively [12]. Thus, in critical situations, fear and anxiety are the most prominent emotions, and by sharing them, fear gets contagious among people, and the more irritating the source of the emotion, the greater the possibility of contagion [56]. There are considerable studies published on the dominance of fear and anxiety as emotions responding to the COVID-19 pandemic situation [57, 58]. According to Shahshahani with the rapid growth of the COVID-19 virus, public anxiety and worry have also increased. Lack of proper understanding of the disease has led to stigma, discrimination, and emotional damage to the patient. In the meantime, the media have a dual function. On the one hand, by disseminating the right information, encouraging people to follow the health protocol, and sending health messages, they can make people aware of prevention and treatment methods and thus prevent it from spreading too much. On the other hand, viral dissemination of information and a focus on COVID news lead to fear and anxiety among people [59].

During the COVID-19 pandemic, sharing emotions was limited to online communications due to quarantine, which caused faster emotional contagion, attributable to the new media capacity for virality. Evidence indicates the effective role of new media and communication tools during crises, including the COVID-19 pandemic [60]. Internet Memes, as an emerging example of new communication tools, are paragons for emotional communication [31]. Memes have the ability to arouse emotions in people which is a prominent factor during crisis [61]. There is a body of studies proving memes effectiveness in critical situations to cope with stress and express emotions. They are visual interpretations of simple information, ideas, or thought processes that help convey messages to the general public [62]. In other words, memes can be considered a tool for venting emotions and escaping critical situations. Tsafi Sebba by analyzing 302 memes about COVID-19 in Israel,

considered those memes as disaster jokes. Those memes were initially a reaction to COVID-unknown conditions. Later COVID memes were about new emerging lifestyles, such as online education, the need to stay home, and how the simplest relationships between people have been banned. COVID memes generally represented netizens' responses to confusion, anxiety, uncertainty, and family problems arising from pandemic conditions. COVID memes used nostalgia and local Israeli literature to depict lifestyle changes due to the pandemic. These memes also led to the emergence of new terms. She concluded that humor messages during crises are an important way for people to find creative emotional outlets [63]. Eskandarian claims that, the critical situation caused by the outbreak of coronavirus in Iran has led to changes in lifestyle, values, and attitudes of individuals, as well as how to consume cultural products. Media-generated content about COVID has led to spontaneous or systematic actions and reactions, such as home quarantine, which have been reinforced by various campaigns such as #stayathome #, #nototravel #, and so on. During quarantine, people receive most of their information from the digital space, and the use of social networks has led to a reduction in stress. Messages and jokes created on social media (such as a spouse running away from home) indicate the targeted use of social media by individuals and the roles of messages and cultural consumption in observing quarantine conditions that increase people's life expectancy [60].

Memes and COVID-19 in Iran

Meme is a very emerging phenomenon in Iran and is often known among social media users who are under 30 years old, which refers to generation Z, or digital natives [64]. Therefore, the content of memes mostly expresses the collective views, concerns, and emotions experienced by this age demographic in Iran. Hence, memes can reflect this generation's stereotypes or reinforce them. Correspondingly, this generation's discourse through memes can frame and construct special stereotypes toward other groups. Referring to Rogers theory on diffusion of innovation, this generation in Iran can be considered the innovators or early adaptors who regard new media adaptation and, hence, have the greatest impact on the way new ideas, technologies, or phenomena spread and are perceived among Iranian media users. Therefore, in the case of coronavirus memes, unlike the rest of the world, where memes are about more serious adult issues such as work from home, mothers' issues with household during quarantine, and concern about expenses, most viral and popular Iranian memes were related to the issues of the student generation. Iranian coronavirus memes and their virality time revealed that they were mostly generated from the beginning of March to the end of May 2020, which was the first peak of coronavirus in Iran. In addition, during this period, we witnessed a sudden increase and the start of activity on a large number of pages generating and sharing memes in Iran. Persian meme pages that have been active in Iran before the arrival of the coronavirus and whose average likes per post are more than 500 can be divided into two general categories: 1: Iranians living in Iran; 2: Iranians outside Iran. Due to the differences in the living conditions of these two groups, there are also differences in their memes. Furthermore, Iranian memes about coronavirus have been in line with the general memes in the world, and common coronavirus characters and symbols have been used to make memes or induce common concepts; nevertheless, some coronavirus memes were generated from the distinctive conditions of Iranian life and culture during the pandemic. In March, at the beginning of the pandemic in Iran, Persian memes about COVID-19 mostly were generated in response to the anxiety and fear of occurred critical condition. They tried to relieve and create a sense of mutual empathy and sympathy with the help of natural humor evoked by memes. In the quarantine situation where people's social connections were reduced to online communication and face-to-face

communication was cut off, memes were able to convey a good feeling to Iranian users instantly or briefly by mocking the existing conditions and lead to their encouragement. In other words, at the beginning of March, as people facing a collective concern, they tried to increase optimism and hope along with reduce anxiety by producing memes and messages in social media.

Among the most viral memes in the world, in response to the collective panic at the beginning of the coronavirus outbreak, were memes about toilet paper crises and the empty shelves of supermarkets with essential items. While the Persian version of those memes proudly reflected on the differences in Iranians' styles of hygiene, hence, unafraid of toilet paper shortages. Instead, they depicted Iranian panicked by empty shelves of stores over tea as an Iranian favorite beverage. These types of Persian memes are mostly generated by Iranians outside Iran. At the same time, there were common memes generated about the lack of masks that depicted creative solutions to this problem.

Most Persian memes about the coronavirus were generated in response to quarantine boredom. Iranian quarantine memes focused more on people's concerns and complaints about the long quarantine, uncertainty, monotonous life, and quarantine lifestyle. Memes about quarantine lifestyle included obesity and overeating, changes in sleep patterns and losing time, increased anger of women and mothers, problems with education and online classes, appearance concerns (due to the closure of hairdressers, gyms, etc.), creativity out of inaction, and increasing activity in social media.

There is some evidence in memes that suggests that critical situations such as pandemics have both positive and negative effects on Iranian society. On the positive side, Iranians became aware of the importance of their basic needs, such as food and health, and everyone was the same in this regard. Therefore, people communicated and helped each other in order to overcome the crisis, which could increase solidarity. A negative aspect of the current crisis could be the increasing focus of Iranians on their own values, culture, group, and family. From an evolutionary perspective, it is all about the survival of our own genes. The uncertainty lets us build up a kind of cultural anxiety buffer, i.e., a buffer system that protects us from experiencing an existential threat. To put it simply, we can observe that people have a less positive attitude towards members of outgroups. A number of Iranian memes referred to value change and depicted how new lifestyles changed cultural customs as a consequence of the coronavirus. Due to the coincidence of the Iranian New Year with the national lockdown, a large number of memes were produced about changes in New Year customs and Nowruz celebrations because of quarantine. New year visit as a custom, changed to online visit during Nowruz and holidays, and Eidi (a new year gift) replaced by online deposit. The Haft-Sin table (an arrangement of seven symbolic items whose names start with the «س» letter pronounced as «seen» as a traditional custom in the New Year) items were replaced by detergents, disinfection, masks, etc. As well as changes in the 13-bedar ceremony (the day of reconciliation with nature that is held on the 13th day of the New Year) that is held online.

Figure 1: memes collected from perisan(<https://instagram.com/perisan?igshid=MmVlMjlkMTBhMg==>)

**Case study
design and**

methodology

The research method is quantitative and documentary. The sample for this study consisted of 150 Iranian Instagram users who were selected by a purposive random sampling technique. The research tool is a questionnaire (a researcher-made questionnaire), and the unit of analysis is at the micro level. Regarding the validity and reliability of the

questionnaire, the final questionnaire has been considered for validity with the approval of expert professors in this field. The validity of the indicators is based on their formal validity.

The validity of the main index items of the research was investigated using the internal reliability method, and for this purpose, the Cronbach's alpha coefficient technique was used, where 0.7 Cronbach alpha values indicate acceptable internal consistency. Data analysis was performed by IBM SPSS Statistics 26.

In this paper, the emotional contagion definition grounded in reviewed studies is conceptualized as the transmission of emotions between people during communication, in which each person can send perceived emotions to others and make them widespread. To measure emotional contagion in this study, the transmission of emotion caused by COVID memes among users has been indexed in two dimensions: mental and practical, and has been measured by the items listed in Table 1.

Table 1:Operational definition of emotional contagion

Dependent variable	Dimensions	Items
Emotional contagion	Mental contagion	• I think these memes express my feelings very well • I think memes express what I mean better than words • Most of the time, using memes is more desirable to me than words
	Practical contagion	• How willing are you to share your favorite meme for your friends? • How willing are you to share your favorite meme for your family and relatives • How much do you comment on memes? • Do you have a new idea for making a COVID meme?

COVID-19 Memes: in accordance with our literature review, internet memes are a cultural acronym that, thus, as a form of communication, evolves with those who use them. Memes are informational units that circulate in the collective consciousness through social contact. The ingrained style of thinking is formed by copying this collective mindset. Memes carry codes and information that correspond to social norms and behavior. Thus, memes are actually shared behavioral, normative, and perceptual norms within a culture [65]. Internet memes are popular images, texts, or videos that, in addition to being entertaining, have a message [66]. In this research, COVID-19 memes are Internet memes about COVID-19 that were made during the peak of COVID-19. The following questions about memes have been used:

- Have you ever made a meme?

- Would you like to receive such memes?
- How do you feel most about watching COVID-19 memes?
- Which COVID-19 memes are most appealing to you?

Results

The results of Table 2 identified that, from the majority of respondents' point of view, memes convey emotions to a moderate extent (50%), and according to 78% of the respondents, the emotional contagion by memes is practically moderate. In other words, memes almost cause users to share their favorite memes among friends, relatives, and family, which motivates them to publish and make new memes or comment on memes. According to 62%, most emotional contagion by memes is done mentally. In fact, memes express them well in terms of feelings, and through memes, meaning can be expressed better than words, and memes are more desirable than words, and with immediate mental impact, they convey the message to the audience faster.

Table 2:Percentage distribution table of emotional contagion by memes

Variable	Mean	Median	Mode	SD	Level			Rank
					low	average	high	
Contagion in mental level	11.046	11	11	2.341	1.3	36.7	62	high
Contagion in action level	11.986	12	11	1.942	0.7	78	21.3	average
Emotional contagion	23.03	23	24	3.009	3.3	50	46.7	average

Based on the results in Table 3, 75.3% of respondents are very interested in receiving memes about the coronavirus. The results also show that only 32% of respondents have generated memes on various themes.

Table 3:interest in receiving memes percentage distribution table

Have generated memes		Interested in receiving memes					
No	Yes	Very interested	Somewhat interested	Neutral	Not interested	very interested	Not at all interested
68	32	58	17.3	14.7	6.7		3.3

According to Figure 2, 36% of respondents felt boredom, 23.3% felt dissatisfaction or discontent, 16% felt fear and anxiety, 15.3% felt anger, and 9.3% felt hope and cheerfulness or happiness, respectively, from COVID-19 memes. Most of the coronavirus memes induce feelings of boredom and are fed up with the quarantine situation and the critical conditions of the people and the country.

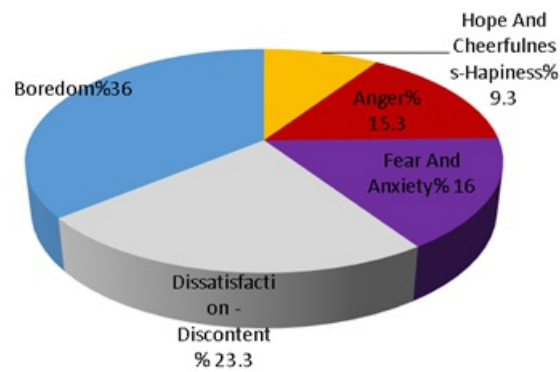

Figure 2:COVID-19 memes' percieved emotion

The results of the ANOVA test in table (4), in the 99% confidence interval with a significance level of $\text{sig} = 0.000$, $F = 29.60$, identified respondents' preferred themes effect on emotional contagion, indicating that differences in respondents' preferred themes have different emotional contagion levels. The results of Dunnett's post-experimental test confirmed that the average emotional contagion varies according to the differences in themes of the memes.

Table 4:F test (analysis of variance) between memes' them and emotional contagion

Emotional contagion	Levene Statistic	Sum of Squares	Df	Mean Square	F	Sig
Between Groups		611.217	4	152.804		
Within Groups	0.287	748.357	145	5.161	29.607	0.000
Total		1359.573	149			

According to Figure 3, memes with the themes of cosmetics and sanitation (referring to the closing of beauty salons) and aggressive and violent behaviors (referring to family conflict due to quarantine conditions) are more emotionally contagion, and religious themes convey the least emotions.

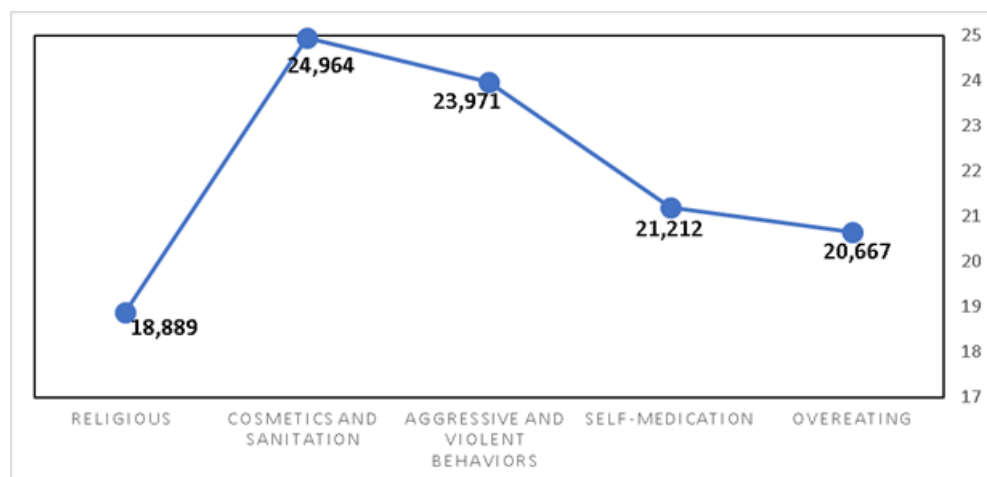

Figure 3: linear diagram of emotional contagion based on theme of memes

The results of the ANOVA test in table (5), in the 99% confidence interval with a significance level of $\text{sig} = 0.000$, $F = 24.750$, identified the effect of users' experienced emotions on emotional contagion, indicating that differences in users' experienced emotions have different contagion levels. The results of Dunnett's post-experimental test confirmed

that average emotional contagion varies according to the perceived emotion.

Table 5: F test(analysis of variance) between users' experienced emotion from meme and emotional contagion

Emotional contagion	Levene Statistic			Sum of Df		Mean Square	F	Sig
Between Groups	Df1	Df2	sig	544.708	4	136.1177	24.555	0.000
Within Groups	4	145	0.316	804.125	145	5.546		
Total				1348.833	149			

Graph in Figure 4 revealed that COVID-19 memes that evoke boredom are more likely to be emotionally contagious, and memes that express hope and cheerfulness-happiness are less likely to be contagious emotionally.

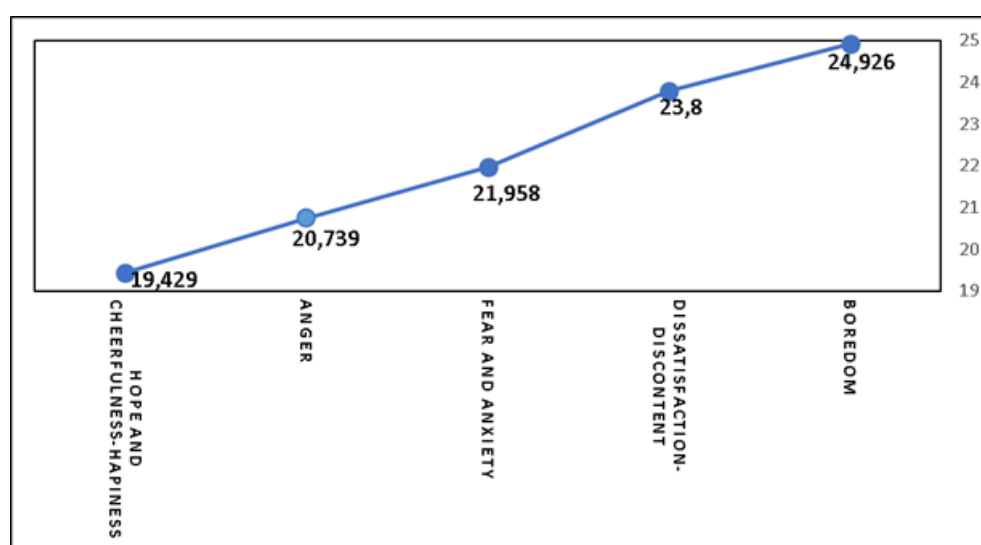

Figure 4: Linear diagram of emotional contagion based on memes emotion

Discussion and conclusion

The present study discussed the effect of memes during crises on emotional contagion among netizens and showed the widespread use and acceptance of memes in Iran, especially in times of crises such as COVID-19. Based on the results of this study, memes released in critical situations in Iran were identified as an appropriate and efficient tool for expressing feelings and concerns. Therefore, sharing these emotions in memes has led to emotional contagion. The results of the study showed a significant difference in the effect of content and emotion components in memes on the tendency to receive and propagate memes, which, due to the dominance of negative charge in most memes, explained the contagiousness of negative emotions during the COVID-19 pandemic in Iran. The negative emotional contagion during the COVID-19 pandemic in Iran was confirmed in line with previous studies [57; 58; 67]. The negative emotional contagion can lead to a negative emotional and behavioral pattern among their Iranian audience. A negative atmosphere may lead to social frustration, passivity, reduced social responsibility, and blaming others, which in turn slows down the crisis management process and even leads to antisocial behaviors [8]. Thus, themes and emotions in memes, which spread the most among other netizens, are an important factor during the crisis.

Based on the conducted research, this paper presents the following findings:

1. The results of this survey and documentary studies showed that the very high level of negative emotional contagion by COVID memes in Iran is due to the low tendency to spread positive memes on the one hand and the very high tendency to share memes with negative content such as boredom, stress, etc. On the other hand, during COVID-19, the most negative contagious emotion among COVID-19 memes among Iranian users has been categorized under the boredom term, which Robert Plutchik has identified as a mild disgust emotion [68, p.1955]. An increase in boredom during the COVID-19 epidemic was also reported by some previous studies [5, 4], which according to recent researches could be the result of social isolation [69, 70]. Therefore, boredom is an appropriate index to represent a large group of COVID-19 memes in Iran. Boredom is sensitive to currently banned actions previously available to the individual, just as in the quarantine situation, in which lots of activities were banned, especially for youth and generation Z, as also depicted in a group of Iranian memes during the pandemic. Boredom leads people toward novelty-seeking behavior, participation in crafting, and surfing online [69] to overcome this feeling. During quarantine in Iran, we have witnessed a sharp increase in the production and consumption of memes, homemade foods, etc. Finally, the adverse consequences of boredom can include eating disorders, depression, and aggression [71]. Therefore, in the present study, all memes with the mentioned themes, such as prohibition of previous activities, too much presence on social media, cooking, eating or sleeping disorders, depression, and aggression, were classified as a general category of boredom. Given that boredom plays a mediating role between self-control and breaking the law and that by increasing boredom, impulsive decision-making and emotional-breaking behaviors increase [72, 69], such as gambling, substance abuse, impulsivity, and risk-taking [71, 73], therefore, it can be assumed that people prone to boredom may not be sensitive to risks due to reduced sensitivity to feedback and may lose control for ignoring health rules and guidelines during COVID-19 conditions and similar crisis.

2. The research findings also confirmed the effect of memes' themes on the level of emotion contagion during crisis. In this survey, the classification of memes based on their theme expresses the main concerns of the Iranian people and particularly Generation Z during the COVID-19 pandemic. Based on the most viral Iranian memes about COVID-19, we found that initially, memes referred to appearance issues such as problems caused by the closure of hairdressers, informal clothes in online classes, or other issues that made people comfortable and reduced their attention to appearance. Some of these memes that attracted our respondents were about the comfort of casual clothes in formal communication, getting rid of the cost of makeup and outdoor clothes, the advantage of the mask in hiding the appearance of ugliness (such as a big nose) and hence the need for cosmetic and beauty treatments (such as rhinoplasty, lip prostheses, etc.), or using masks as a self-decoration and prestigious product, and Iranian creativity when masks were unavailable. Another meme category based on their theme referred to the phase where, due to the increase in patients, the uncertainty for treatment and vaccines, and the widespread dissemination of contradictory news, Iranians turned to home remedies and traditional prescriptions. Therefore, these memes are classified as self-medication, most of which mock mothers as doctors who were constantly prescribed turnips, violet oil, and herbal medicines. Limited memes, also referred to consuming alcohol for treatment and Trump's prescription to consume detergent. The third thematic category of memes in this study referred to the lifestyle created during quarantine. Memes addressed the challenges of living in quarantine

with a sense of humor and a mocking tone. Family conflicts, changing and increasing the duties of mothers due to lockdown, and consequently mothers' frustration, challenges, and concerns about online education, having fun with family, and turning to creative activities at home such as cooking and online life were the contents of this theme. In Iran, the first peak of COVID-19 coincided with the celebration of Nowruz as the Iranian New Year. Due to quarantine, this ancient ritual transformed into an online and individual celebration, and many doctors and nurses celebrated it in hospitals to cheer up patients, as depicted by some memes. Along with pictorial memes, new terms such as «ghorona», «koftvid» etc. were created, which need more sociolinguistic research for future research.

3. It should be emphasized that during the COVID-19 pandemic in Iran, memes about appearance and sanitation had the most general acceptance and contagion among Iranian users. Given that in today's world culture, beauty and youth are highly praised and considered ideal, appearance can be considered a place of cultural dialogue between inside and outside. Everyone's appearance is a kind of flag and symbol of their identity, and it is especially concerning for young people and Generation Z who are in the main stages of identifying themselves and can express themselves through their appearance. But in some societies, appearance becomes more important due to custom, rules, or special laws. Iran is one of those societies. Due to laws and regulations, there are limitations on appearance, including the hijab for all women and the ban on wearing shorts for men in public, which sometimes does not comply with the desires of the Generation Z. Some of them may perceive these laws as a kind of invasion of their privacy that has led to dissatisfaction and their attempt to make changes in order to get closer to their true identities and personal standards. This issue has become an important discourse, even a battlefield in Iran. From another point of view, in societies where social inequalities are high and cannot be manipulated or changed, value and status have been destroyed by all kinds of discrimination and deprivation; therefore, symbolic capital and physical capital become more important. As a result, the desire for hypocrisy and pretending to have physical capital in social communication increases because honesty cannot greatly help people's aspirations; accordingly, we may see the prevalence of pretense.

To summarize, during the COVID-19 crisis, incomplete or gossipy news on social media led to demoralization and despair in Iran, but the humor memes were able to reduce the negative and deplorable burden of the transmitted messages and were able to address the concerns of people. By inviting people to produce content and collaborate online, it made quarantine conditions somewhat easier while also providing appropriate training to its audiences and promoting culturalization. The results of Eskandarian and Shahshahani research also emphasize that cyberspace in Iran is a good platform to create a better feeling and reduce tension [\[59, 60\]](#). In the meantime, COVID-19 memes, as an effective communication tool and language of social media, have an important role in emotional contagion and the formation of collective emotion and public cohesion. Sebba-Elran and Choursia also believe that memes have an effective role in spreading emotions in critical situations [\[63, 32\]](#). Therefore, this study contributes to linking Internet memes with crisis management, especially by clarifying emotional contagion as one of its underlying mechanisms. Hence, it provides empirical support for policymakers, particularly Iranians, to track public opinion, especially regarding critical issues, or to lead collective emotion via the Internet and stimulate and mobilize public behavior in citizens. The high level of dissemination of anti-discourse memes during crises as a result of this study proves that memes can depict the social, cultural, and political landscape of their creators in Iran and further reveal the complex links between new media and political and cultural arenas. Memes depicting Iranian concerns during the COVID-19 pandemic, without bias, can be a

mirror of the general view of Iranian life during the coronavirus situation and could lead to social cohesion and awareness; hence, memes can be used as opportunities. The importance of memes, their function, and their effectiveness have been proven in numerous studies. However, in the Iranian scientific community, memes have been severely ignored. It is hoped that this study could be a starting point and serve as a base for future academic research on internet memes in Iran by proving the effectiveness and function of memes in Iranian society. We limit our empirical analysis to Iran and specific cases of COVID-19 memes. In the interest of findings' transferability, we invite works conducted on a larger sample size as well as research on other crises levels, namely corporate crises. We are aware that our research relied on participants' self-report; inevitably, it could not measure the emotional contagion directly, and further experimental investigations such as fMRI techniques are needed.

Библиография

1. Тейлор С., Лэндри С. А., Палушек М. М., Рейчор Г. С., Асмундсон Г. Дж. Беспокойство, избегание и совладание во время пандемии COVID-19: всесторонний сетевой анализ. Журнал тревожных расстройств. Т. 76, С. 102327, 2020.
2. Не Х., Фенг К., Ван С., Ли. Ю. Факторы, влияющие на общественную панику во время пандемии COVID-19. Границы в психологии. Т. 12, С. 576301, 2021. Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.576301/full> (Дата обращения: 1.11.2023).
3. Ли С. А. Шкала тревожности по поводу коронавируса: краткий анализ психического здоровья на тревожность, связанную с COVID-19. Исследования смертности. Т. 44, № 7, С. 393-401, 2020.
4. Ли Ю., Луан С., Ли Ю., Хертвиг Р. Изменение эмоций в условиях пандемии COVID-19: Четырехволновое лонгитюдное исследование в Соединенных Штатах и Китае. Социальные науки и медицина. Т. 285, С. 114222, 2021.
5. Брукс С., Вебстер Р., Смит Л., Вудленд Л., Вессели С., Гринберг Н., Рубин Г. Психологическое воздействие карантина и способы его уменьшения: краткий обзор фактических данных. Журнал Lancet (Лондон, Англия). Т. 395, № 10227, С. 912-920, 14 марта 2020 г.
6. Сюн Дж., Липсиц О., Насри Ф., Луи Л. М., Гилл Х., Фан Л., Макинтайр Р. С. Влияние пандемии COVID-19 на психическое здоровье населения в целом: систематический обзор. Журнал аффективных расстройств. Т. 277, С. 55-64, 2020.
7. Росс У., Город А., Улиеру М. Социально-физический подход к системному снижению риска при реагировании на чрезвычайные ситуации и обеспечении готовности. Труды IEEE по системам, человеку и кибернетике: Системы. Т. 45, № 8, С. 1125-1137, 2014.
8. О'Коннелл К., Берлутти К., Роудс С. А., Марш А. А. Снижение социального дистанцирования в начале пандемии COVID-19 связано с антиобщественным поведением в онлайн-выборке Соединенных Штатов. Плюс один. Т. 16, № 1, С. e0244974, 2021.
9. Авал М. Р., Цао Р., Митрович С., Ли Р. К. В. Об анализе антиобщественного поведения в условиях пандемии covid-19. Препринт arXiv arXiv, С. 10712, 2020.
10. Ли С., Л. В. П., Маноча Д., Ван Х. Л. Ю., Чжоу Б., Сюй М. ACSEE: Имитационная модель антагонистической толпы с эмоциональным заражением и эволюционной теорией игр. Транзакции IEEE по аффективным вычислениям. Т. 13, № 2, С. 729-745, 2019.

11. Смелзер Н. Дж., Балтес П. Б. Международная энциклопедия социальных и поведенческих наук. Т. 11, Амстердам: Elsevier, С. 26, 2001.
12. Дурупынар Ф., Гюдюкбай У., Аман А., Бадлер Н. И. Психологические параметры для моделирования толпы: от аудиторий к толпам. IEEE transactions on visualization and computer graphics. Т. 22, № 9, С. 2145-2159, 2015.
13. Хси С. К., Хэтфилд Э., Чемтоб С. Оценки эмоциональных состояний других: сознательные суждения против эмоционального заражения. Журнал социальной и клинической психологии. Т. 11, № 2, С. 119-128, 1992.
14. Форгас Дж. П. Настроение и суждение: модель инфузии аффекта (AIM). Психологический бюллетень. Т. 117, № 1, С.39, 1995.
15. Барсаде С. Г. Волновой эффект: эмоциональное заражение в группах. SSRN 250894, С. 68, 2000.
16. Виджаялакшми В., Бхаттачарья С. Эмоциональное заражение и его значение для индивидуального поведения и организационных процессов: документ с изложением позиции. Журнал бизнеса и психологии. Т. 27, № 3, С. 363-374, 2012.
17. Барсаде С. Г., Кутифарис К. Г., Пиллемер Дж. Эмоциональное заражение в жизни организации. Исследования в области организационного поведения. Т. 38, С. 137-151, 2018.
18. Хилл А. Л., Рэнд Д. Г., Новак М. А., Кристакис Н. А. Эмоции как инфекционные заболевания в большой социальной сети: модель SISa. Труды Королевского общества: Биологические науки. Т. 277, № 1701, С. 3827-3835, 2010.
19. Лю Т., Лю З., Чай Ю., Ван Дж., Лин Х., Хуан П. Моделирование толпы эвакуируемых с помощью эмоций и индивидуальности. Искусственная жизнь и робототехника. Т. 24, № 1, С. 59-67, 2019. Режим доступа: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10015-018-0459-5> (Дата обращения: 25.10.2023).
20. Брату С. Социология фейковых новостей о страхе перед пандемией COVID-19: опасные неточные убеждения, эмоциональное заражение и идеи заговора. Лингвистические и философские исследования. Т.19, С. 128-134, 2020.
21. Добсон-Ломан Э., Потковару А. М. Фейковый новостной контент, формирующий страх перед пандемией COVID-19: вирусная тревога, эмоциональное заражение и ответственное освещение в СМИ. Анализ и метафизика. Т. 19, С. 94-100, 2020.
22. Айзенбах Г. Как бороться с инфодемией: четыре столпа управления инфодемией. Журнал медицинских интернет-исследований. Т. 22, № 6, С. 21820, 2020.
23. Нойбаум Г., Реснер Л., Розенталь А. М.-фон дер Пюттен, Кремер Н. С. Психосоциальные функции использования социальных сетей в ситуации бедствия: мультиметодологический подход. Компьютеры в поведении человека. Т. 34, С. 28-38, 2014.
24. Джаджарми Х. Социальные последствия вспышки коронавируса в Иране. Ежеквартальная оценка социального воздействия. Т. 2, № 1, С. 95-103, май 2020 г. Режим доступа: <https://civilica.com/doc/1273521> (Дата обращения: 20.10.2023).
25. Абдоллахи А., Рахими А. О социальном конструировании Corona и политике борьбы с ним На примере пользователей киберпространства. Ежеквартальная оценка социального воздействия: май, Т. 2, № 1, С. 43-63, 2020.
26. Фарахати М. Психологические последствия вспышки коронавируса в обществе. Оценка социального воздействия ежеквартально в мае. Т. 2, № 1, С. 205-225, 2020.
27. Мохтари Хесари, Моэзи М. Али. Коронавирус и чрезмерное информационное воздействие. Журнал мониторинга, июнь. Т. 19, № 3, С. 249-253, 2020.

28. Зарей Ф., Хонарвар А. Исследование ментальной семантической неоднозначности смысла слов (SWSD) по мнениям пользователей Digi Kala для анализа эмоций пользователей. Первый конкурс Международной конференции по инженерным наукам в Иране, С. 12, 20. 12. 2016.
29. Хантингтон Х. Э. Подрывные мемы: Интернет-мемы как форма визуальной риторики. AoIR Избранные статьи интернет-исследований, С. 1-4, 2013. Access mode: <https://spir.aoir.org/ojs/index.php/spir/article/view/8886/pdf> (Date of reference: 10.10.2023).
30. Ниссенбаум А., Шифман Л. Шаблоны мемов как выразительные репертуары в глобализирующемся мире: кросс-лингвистическое исследование. Журнал компьютерно-опосредованной коммуникации. Т. 23, № 5, С. 294-310, 2018.
31. Парк С. К. Понимание использования мемов в социальных сетях с помощью семантики: Опрос на 14-й Международной конференции IEEE по семантическим вычислениям (ICSC). IEEE, С. 387-392, 2020.
32. Чурсия М., Сури С. С. Мемы, связанные с Covid-19 в социальных сетях: исследование. Palarch's Journal of Archaeology of Egypt/Египтология. Т. 17, № 6, С. 2224-2236, 2020.
33. Кертчер С., Турин О. Реакция осадного менталитета на пандемию: израильские мемы во время Covid-19. Постдигитальная наука и образование. Т.2, № 3, С. 581-587, 2020.
34. Пауликс К. Мемы вируса: социальная критика пандемии коронавируса в Интернете. Телевидение. Т. 33, С. 46-49, 2020.
35. Дайнел М. Мемы COVID-19 становятся вирусными: о множестве мультимодальных голосов, скрывающихся за лицевыми масками. Дискурс и общество. Т. 32, № 2, С. 175-195, 2021.
36. Канселас-Увинья Л.П. Юмор во времена COVID-19 в Испании: восприятие коронавируса через мемы, распространяемые через WhatsApp. Границы в психологии. Т. 12, С. 1075, 2021.
37. Папапикко С. и Мининни Г. Мемы воздействия: юмор докторов наук(е). Мультимедийные инструменты и приложения. Т. 79, № 47-48, С. 35973-35994., 2020.
38. Гуаданьо Р. Э., Ремпала Д. М., Мерфи С., Окди Б. М. Что делает видео вирусным? Анализ эмоционального заражения и интернет-мемов. Компьютеры в поведении человека. Т. 29, № 6, С. 2312-2319, 2013.
39. Лоулер Э. Дж., Тай С. Р. Включение эмоций в теорию социального обмена. Ежегодный обзор социологии. Т. 25, № 1, С. 217-244, 1999.
40. Бастиаансен Дж. А., Тиу М., Кейзерс С. Доказательства существования зеркальных систем в эмоциях. Философские труды Королевского общества В. Биологические науки. Т. 364, № 1528, С. 2391-2404, 2009.
41. Хэтфилд Э., Карпентер М., Рэпсон Р. Л. Эмоциональное заражение как предшественник коллективных эмоций. Коллективные эмоции: перспективы психологии, философии и социологии, С. 108-122, 2014.
42. Хохшильд А. Р. Социология эмоций как способ видения эмоций в социальной жизни, Рутледж, 2002, С. 31-44.
43. Тинг К. М., Амин Х. У., Саад М. Н., Малик А. С. Влияние эмоций на обучение и память. Границы в психологии, С.1454, 2017.
44. Хохшильд А. Р. Работа с эмоциями, правила чувствования и социальная структура. Американский журнал социологии, Т. 85, № 3, С. 551-575, 1979.

45. Фрейнд П. Э. Выразительное тело: общая основа для социологии эмоций, здоровья и болезни. Социология здоровья и болезни. Т. 12, № 4, С. 452-477, 1990.
46. Тойтс П. Социология эмоций. Ежегодный обзор социологии. Т. 15, № 1, С. 317-342, 1989.
47. Рафипур Ф. Общество, эмоции, музыка. Первое издание, Тегеран: Sahami-Enteshar Co., 1997.
48. Тернер Дж. Х., Стец Дж. Э. Социологические теории человеческих эмоций. Ежегодное издание Социол. Т. 32, С. 25-52, 2006.
49. Гирц С. Интерпретация культур. Hachette UK, С. 576, 2008.
50. Чу К. Х. Л. Влияние эмоционального труда на результаты работы сотрудников. Политехнический институт Вирджинии и государственный университет, Блэксбург, Вирджиния, С. 199, 2002.
51. Конг Ю. Заразительны ли эмоции? Концептуальный обзор исследований в области языкового образования. Границы в психологии, Т. 13, С. 1048105, 2022.
52. Гольденберг А., Гросс Дж. Дж. Заражение цифровыми эмоциями. Тенденции в когнитивных науках. Т. 24, № 4, С. 316-328, 2020. Access mode: [https://www.cell.com/trends/cognitive-sciences/fulltext/S1364-6613\(20\)30027-9](https://www.cell.com/trends/cognitive-sciences/fulltext/S1364-6613(20)30027-9) (Date of reference: 3.10.2023).
53. Тернер Дж. Х. На пути к общей социологической теории эмоций. Журнал по теории социального поведения. Т. 29, № 2, С. 133-161, 1999.
54. Шутц А. Альфред Шутц о феноменологии и социальных отношениях. Т.360. Издательство Чикагского университета, С. 336, 970.
55. Тавассоли Г. Социологические теории, Тегеран: Samt Publications, С. 552, 2003.
56. Та Х., Гауду Б., Лонгин Д., Хо Т. Модель эмоционального заражения для моделирования групповой эвакуации. Informatica: международный журнал вычислительной техники и информатики. Т. 41, № 2, С. 169-182, 2017.
57. Валенцано С. Г. Социальный мозг и эмоциональное заражение: эффекты COVID-19. Медицина. Т. 56, № 12, С. 640, 2020.
58. Штайнерт С. Корона и изменение ценностей. Роль социальных сетей и эмоционального заражения. Этика и информационные технологии. Т. 23, С. 59-68, 2021. Режим доступа: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10676-020-09545-z> (Дата обращения: 25.09.2023).
59. Шахшахани М. Важность уделения внимания социальной стигматизации после заражения коронавирусом (Covid-19). Журнал Университета медицинских наук Рафсанджани. Т. 5, № 19, С. 657-659, 2020.
60. Эскандарян Г. Оценка влияния вируса короны на образ жизни с акцентом на культурную модель потребления. Ежеквартальная оценка социального воздействия, май. Т. 2, № 1, С. 65-85, 2020.
61. Чоудхури А., Чакраборти П. Мемы, вызывающие эмоции: стратегия нейродизайна для коммуникации бренда и опыт в дизайне завтрашнего дня. Т. 1. iCord 2021. Интеллектуальные инновации, системы и технологии, Сингапур, С. 147-156, 2021.
62. Каур Н. Исследование страниц мемов, посвященных Covid-19, со специальной ссылкой на Instagram. Palarch's Journal of Archaeology of Egypt /Египтология. Т. 17, № 6, С. 1958-1974, 2020.
63. Себба-Элран Т. Пандемия шуток? Израильский мем о COVID-19 и выработка коллективного ответа на риск. Юмор, Т. 34, № 2, С. 229-257, 2021. Режим доступа: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/humor-2021-0012/html> (Дата

- обращения: 24.09.2023).
64. Пренски М. Цифровые аборигены, цифровые иммигранты, Ч.2: Действительно ли они думают по-другому? На горизонте. Т.9, № 6, С. 1-6., 2001.
65. Табатабаи С., Иванова Е. Роль мемов в эмоциональном заражении начального образования онлайн. Т. 20, № 5, С. 6028-6028, 2021.
66. Ахтер Н. Интернет-мемы как форма культурного дискурса: риторический анализ на Facebook, С. 28, 2021.
67. Крокамо С., Вивиани М., Фамильини Л., Бартоли Ф., Паси Г., Карра Г. Наблюдение за эмоциональным заражением COVID-19 в Twitter с помощью анализа настроений. Европейская психиатрия. Т. 64, № 1, С. e17, 2021.
68. Тухи П. Скука: живая история. Издательство Йельского университета, 2011, С. 2-4.
69. Чен И. Превращение домашней скуки во время вспышки COVID-19 в процветание дома и самоуправление карьерой: роль онлайн-организации досуга. Международный журнал современного гостиничного менеджмента. Т. 32, № 11, С. 3645-3663, 2020.
70. Банерджи Д., Рай М. Социальная изоляция при Covid-19: влияние одиночества. Международный журнал социальной психиатрии. Т. 66, № 6, С. 525-527, 2020.
71. Бойлан Дж., Сели П., Шолер А., Данкерт Дж. Скука в условиях пандемии COVID-19: склонность к скуке, желание действовать и нарушение правил. Личность и индивидуальные различия. Т. 171, С. 110387, 2021.
72. Якоби О., Данкерт Дж. Склонность к скуке связана с шумным принятием решений, а не с принятием риска. Exp Brain Res. Т. 239, С. 1807-1825, 2021.
73. Бойлан Дж., Сели П., Шолер А., Данкерт Дж. Скука во время пандемии COVID-19: склонность к скуке, желание действовать и нарушение правил. Индивидуальность индивидуумов различна. Т. 171, С. 110387, 2021.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Сила мемов в кризис: потенциал эмоционального заражения мемов во время кризиса», предлагаемая к публикации в журнале «Litera» на английском языке, несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей мемов, которые были порождены в период пандемии в виртуальном пространстве.

В современных реалиях часть жизни проходит в виртуальном пространстве, а сегодня интернет контент играет большую роль в жизни людей, в особенности после событий 2019 года, когда, ввиду объявленного локдауна; обучение, работа и общение перешли в виртуальную сеть. Автор предпринимает попытку описать новые элементы виртуального пространства, которые стали частью жизни людей, а именно эмоциональный потенциал мемов как части дискурса.

В период пандемии коронавируса мир столкнулся с глобальной угрозой, что привело к нарастанию тревоги и нервозности у людей, что превратило интернет-мемы в один из инструментов преодоления страха и тревоги. В данной статье автор предпринимает попытку рассмотреть развитие Интернет-мема как позиции реализации его эмоционального потенциала в период коронавируса, и его роль в современном мире. Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной

исследованию подобной тематики в 21 веке. Из текста статьи не совсем ясен практический материал исследования, а именно автор не указывает объем отобранного языкового корпуса, методологию выборки и принципы обора. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Кроме того, не понятны задачи и цель исследования, что не позволяет соотнести их с полученными выводами.

Библиография статьи насчитывает 73 источника, среди которых теоретические работы как на русском, так и на английском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Сила мемов в кризис: потенциал эмоционального заражения мемов во время кризиса» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Bulgarova B.A., Tabatabai S. — Leveraging the power of internet memes for emotional contagion as effective strategy for environmental communication // Litera. – 2023. – № 12. – С. 281 - 305. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69398 EDN: KWJXHG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69398

Leveraging the power of internet memes for emotional contagion as effective strategy for environmental communication / Использование возможностей интернет-мемов для эмоционального заражения в качестве эффективной стратегии экологической коммуникации

Булгарова Белла Ахмедовна

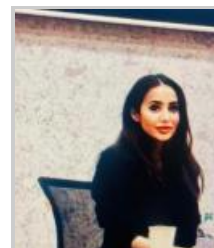
ORCID: 0000-0001-6005-2505

кандидат филологических наук

доцент, кафедра массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ bulgarova-ba@rudn.ru

Табатабаи Сара

ORCID: 0009-0003-6165-6978

аспирант, кафедра массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ saratabatabayee@gmail.com

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69398

EDN:

KWJXHG

Дата направления статьи в редакцию:

21-12-2023

Дата публикации:

30-12-2023

АННОТАЦИЯ: предметом данного исследования выступают вопросы и возможности эмоциональной коммуникации с окружающей средой, взаимодействие между эмоциями, проэкологическим поведением и коммуникацией. Роль эмоций в современной экологической коммуникации особенно важна, поскольку они могут уникальным образом влиять на мысли и действия, часто дополняя когнитивное восприятие. Понимая взаимосвязь между эмоциями и экологической коммуникацией, исследователи и практики могут разрабатывать более эффективные стратегии для решения экологических проблем и поощрения проэкологического поведения. Цель статьи – восполнить пробел в исследованиях в области экологической коммуникации путем интеграции достижений в области наук об эмоциональном заражении для понимания механизмов и путей через социальные сети, с помощью которых эмоции влияют на проэкологическое поведение. Методология работы – обзор исследований эмоций в кризисных ситуациях и экологической коммуникации, роли социальных сетей и интернет-мемов в продвижении проэкологического поведения посредством эмоций и эмоционального заражения. Результаты сгруппированы по трем направлениям: теории эмоционального заражения; анализа основных факторов, влияющих на эмоциональное заражение; изучении эмпирических данных о стратегиях коммуникации. В статье делается вывод о том, что эмоциональное заражение интернет-мемами является правильной стратегией, особенно для новых поколений, в условиях кризиса и экологической коммуникации. Предлагается вирусный эмоционально-экологический дискурс, особенно интернет-мемы в экологических коммуникациях и кампаниях в социальных сетях, в качестве эффективной коммуникационной стратегии, которая может усилить социальные чувства, углубить эмоции, воспитать чувство общности и создать коллективные эмоции, которые могут привести к проэкологическому поведению и совместной деятельности. Это исследование вносит вклад в науку, подчеркивая значительную роль эмоционального заражения и интернет-мемов в экологической коммуникации, подчеркивая их потенциал влиять на общественное отношение и поведение по отношению к экологическим проблемам и обеспечивая всестороннее понимание того, как эти факторы могут быть использованы для разработки эффективных коммуникационных стратегий, которые приводят к экологическим действиям, предлагая ценную информацию для исследователей и практиков в области экологической коммуникации и антикризисного управления.

Ключевые слова:

эмоциональное заражение, интернет-мемы, экологическая коммуникация, проэкологическое поведение, медиакампании, кризисная коммуникация, социальные медиа, цифровой, стратегическая коммуникация, цифровые аборигены

Introduction

Environmental challenges are a growing concern for the planet that have serious consequences for human health and the environment [\[1\]](#). Large challenges like these will need the assistance of millions of individuals, as well as different expertise. As a result, environmental rehabilitation is rapidly becoming a communication and rhetorical challenge as much as a technical one. It is important to raise awareness of these issues and to find solutions to reduce their negative impact.

From the perspective of social psychology, environmental problems are more behavioral and cultural than the result of technological development and the industrialization of societies [\[2, p. 201\]](#). Certainly, these advancements have played a role in the destruction of the

environment, but the individuals' beliefs and values, cultural norms, and social institutions that guide these activities are more significant. Millions of decisions made at the individual, organizational, and national levels by customers, engineers, managers, and others are the root cause of land degradation. Some argue that environmental issues stem from a conflict between personal and communal interests, a concept known as «public tragedy». However, this is not the entire picture because, in many circumstances, individual and community interests are intertwined. Most individuals appear to be concerned about their environmental effects and usually think that the land should be handed down as well as they have inherited it to future generations. Nevertheless, their individual and collective behavior contradicts this belief. Despite widespread concerns about the environment, human behavior remains destructive. That is, regardless of knowing and believing what they «should» do, individuals ultimately make decisions based on what they «want», which may harm the environment. Thus, there seems to be a gap between what they «want» to do and what they think they «should» do. While they know exactly what to do, when they have to make a decision, they show behavior that may be contrary to their values [3].

Several studies have suggested possible solutions to the conflict between individual desires and environmental actions. Appealing to anticipated emotions, increasing self-control, considering the role of emotions, promoting pro-environmental attitudes, providing information, and creating a positive environment are some of the answers [4, p.83],[5]. As stated by Turunen and Halme, at least two major approach may be used to explain how sustainability information turn to decisions. The first is to provide more information and understanding about sustainability, which might elicit cognitive reactions. The second approach is to appeal to emotions, which can activate emotional components that lead to sustainable behaviors [6].

Corral-Verdugo noticed that emotions influence pro-environmental behavior more than intentions, while both accounted for over half of the diversity in pro-environmental behavior [2]. As a result, recognizing the significance of emotions in determining attitudes and behaviors toward the environment is an important aspect of responding to environmental challenges. Hence, more empirical research is needed to understand how environmental emotional messages impact attitude and behavior, as well as to identify strategies to elicit public opinion that lead to actions on environmental issues.

The media can be a powerful tool for shaping emotions and influencing behavior, as it can construct and normalize emotions, shape public opinion, create culturalization, meet educational needs, and influence how individuals perceive and express their emotions [7, p.25]. As it stands, media is an effective tool for regulating pro-environmental behavior and transmitting cultural habits and values that are compatible with the environment via affecting emotion and intentions by using words, music, color, and so on [8, p.38]. Baudrillard's attention to the new dimensions of society and power seen in media and signs is significant [9, p.84]. Social media has become an integral part of the media sphere and is now considered a form of mass communication. It has enabled users to connect with people from all over the world, creating a sense of global community. Social media has emerged as a powerful tool for shaping public opinion on a wide range of issues, from politics to social and environmental issues [10]. Social media influences political opinions, tastes, preferences, cultural standings, and changes in collective behavior, which of course can affect pro-environmental emotions and behavior as well [11, p.3]. Studies have shown that social media can increase conservation funding, incite policy changes, and lead to beneficial

outcomes by promoting pro-conservation human behavior [\[12, p.15\]](#), [\[13, p.377\]](#). It could additionally be deployed to promote ecological campaigns and link individuals locally and worldwide on environmental concerns [\[14\]](#). By sharing information about campaigns and events, social media can help mobilize people to take action and participate in pro-environmental activities. Social media can also be used to build social relations around environmental issues, connecting people who share a common interest in protecting the environment [\[15, p.140\]](#), [\[16\]](#).

On social media, internet memes have become a common practice to convey ideas and emotions [\[17, p.751-752\]](#). Internet memes, a popular kind of social media posts that usually consist of humor with catchy photos and words, have the ability to become viral rapidly, which makes them an especially effective tool for spreading awareness of environmental issues [\[1\]](#). Internet memes that have taken over social media often act as a gateway for the citizen to involve in controversial issues. They are able to condense complex issues into manageable portions, and thereby creating chances for public discussion and help public process serious environmental threats, such as climate change, by making light of the situation and providing a way to manage emotions. Internet memes play a crucial role in environmental communication by educating and shaping perspectives, fostering social interactions and empowerment, and mobilizing users for social action [\[17, p.759\]](#), [\[18, p.234\]](#).

Considering the role and potentials of social media and internet memes as a means of informing and modifying attitudes, emotion and behaviors, and according to the key role of emotions in pro-environmental behavior, we claim that, in order to properly leverage the potential of social media to mobilize pro-environmental action, we need to pay close attention to the mechanisms underpinning emotion elicitation as well as their influence on human mental processes and behavior through these media. This includes expanding our knowledge about the mechanisms and pathways via social media by which emotions impact pro-environmental behavior. Since social media post such as memes can be a channel for emotions to influence pro-environmental attitudes and actions [\[17-19\]](#), digital emotional contagion has been proposed as one of the key social media mechanisms through which emotions impact behavior [\[20, p.316\]](#). Emotional contagion as an effective and appealing communication approach and its influence on group behavior have been studied in various disciplines [\[21, p. 2312\]](#) [\[22, p. 6028\]](#), [\[23\]](#). However, most of the relevant research regarding digital emotional contagion has been done outside the context of environmental communication. We argue that research in the emotional contagion sciences has made considerable progress over the last decades, which has yielded important insights into this mechanism, and that the field of environmental communication could benefit from integrating these advances to a greater extent. Though, due to the specific nature of environmental communication, particularly in social media, the emotional contagion and its impacts may differ from those elicited in other domains. Therefore, before applying these insights to the design of large-scale behavioral interventions, more topical digital emotion contagion research in the environmental communication domain is needed. In short, in this paper, we address this research gap and, via an exploratory review of previous research, demonstrate how social media campaigns and communication strategies particularly internet memes, through emotions and emotional contagion, can improve our environment.

Pro-environmental behavior and emotion

There are several terms in the literature that are equivalent to pro-environmental behavior, such as «pro-ecological behaviors », «environmentally friendly behavior », «green behavior

», and «sustainable behavior », all of which have shared characteristics in numerous aspects and there doesn't appear to be an explicit dispute or argument amongst researchers over its meaning. The prior and commonly employed definition refers to behavior that minimizes the detrimental influence of individual actions on the environment and later expanded to limit environmental harm and even benefit it. Further, considering the standpoint of sustainability, the definition updated to activity that promotes the environment's sustainability by preserving and protecting it [24]. Various approaches have been employed to classify pro-environmental behaviors, such as private and public-sphere pro-environmental behaviors, low and high effort pro-environmental behaviors, on-site and off-site pro-environmental behaviors, and place-specific and general pro-environmental behaviors [24, 25]. Kollmuss and Agyeman introduced a classification for pro-environmental behavior. They identified two types of pro-environmental behavior: direct (recycling, driving less, purchasing organic food) and indirect (money donations, political activity, and educational outreach) [26, p.240].

Environmental behavior is affected by a wide range of factors. External and internal elements, notably demographic and psychological factors, have important influences on pro-environmental behavior. Researchers have presented several categories of factors affecting environmental behavior. Stern proposes four types of causal variables affecting environmental behavior: attitudinal factors, including norms, beliefs and values: these factors provide a general background for pro-environmental intention, which in turn can influence all environmental behaviors of a person. Contextual factors, including interpersonal influences, community expectations, advertising, government laws, other legal and institutional factors, costs and temporary incentives, physical difficulty of some behaviors, capabilities and limitations provided by technology and the artificial environment, the amount access to facilities required for behavior, and various characteristics of the broad social, economic and political context. Personal capabilities including knowledge and skills: having enough time to perform behavior, general capabilities and resources such as literacy, money and power and social position, demographic variables such as age, education, race and income can be good indicators for these personal capabilities. Habit and behavior: habit to the standard performance method is a key factor affecting meaningful and organized environmental behavior [26, 27].

Environmental sociologists and psychologists continuously propose models to explain environmentally responsible behaviors that consider various factors to explain these behaviors; paying attention to emotions and its connection with environmental values is a new issue that has been addressed in some researches [28]. While Ajzen's planned behavior theory (PBT) and the theory of norm activation as the most dominant theories about pro-environmental behavior, propose that attitudes, subjective norms, and perceived behavioral control are the main determinants of behavior [29], Duran et al. Argue that emotional aspects should also be included in the theory. They found that anger was a more important predictor of low usage of vehicle than perceived behavioral control. This suggests that emotional aspects should be considered in addition to the constructs of PBT [30]. Corral-verdugo noticed that emotions influence pro-environmental behavior more than intentions, while both accounted for over half of the diversity in pro-environmental behavior [2].

In short, several studies investigations have emphasized the significance of emotions in pro-environmental behavior [2,4,5,30-36]. Guilt, empathy, and anger are some of the emotions that have been found to be positively associated with pro-environmental behavior

[5],[33-35]. Group emotions and moral beliefs can also influence pro-environmental behavior by creating a shared identity and sense of responsibility among individuals [36]. However, rather than seeing emotions as simple behavioral levers that directly influence behavior, it is necessary to understand the underlying mechanisms in order to leverage emotions via pro-environmental communications to achieve the intended pro-environmental actions.

Emotion, Emotional Contagion and Digital emotional contagion:

Emotions are grounded on values and concerns [37, p.76]. Behaviors rooted in emotion and feeling. Emotion may have considered as a form of language that's extensively spoken and understood. An emotion is an internal and physical state associated with a wide variety of internal or external sense and actions [38, p.76]. An emotion is a physical stimulation with cognitive extent that depend on a particular terrain. As a process in which understanding a series of stimulants allows a cognitive assessment to name and identify a particular state of feeling which lead to emotional, physical and behavioral responses. Emotions are powerful, transitory reactions to certain stimuli in one's surrounding. As a result, in order to experience emotion, something in the environment, such as a natural catastrophe, must have occurred or altered [38]. Emotions, according to scholars, comprise six domains: subjective experience, physiological, neurological, expressiveness, cognition, and motivation, which all alter depending on the emotion [38]. All of this can explain why one of the most significant indications of emotions is their contagiousness, which leads to the transfer of similar feelings and demeanors, a phenomenon known as emotional contagion [20, 22, 39, 40, 41].

In fact, this phenomenon explains that exposition to the other people's emotion could lead to emotional propagation and affects people by the same emotion [39]. Some researchers have likened emotional contagion to contagious of diseases that spread in social networks over a period [42]. One of the important factor in emotional contagion study is that emotional contagion most frequently occurs at a significantly lower consciousness, grounded on automatic processes and physiological responses. In other words, according to what Hatfield has defined« emotional contagion is a process in which through the conscious or unconscious induction of emotion and behavioral, a person or group influences the feelings or demeanors of another person or group» [43]. Hatfield argue, the degree to which emotional contagion occurs is intermediated by attentional processes, with lesser contagion being when further attention is allocated [43]. another important factor mentioned in emotional contagion study is that, there's strong substantiation to anticipate the degree of emotional contagion by two dimensions of emotion, that are, emotional valence (pleasure-displeasure) and emotional arousal (high-low activation/calming-arousing) [20]. There are emotional factors such as intensity, arousal, and pleasure can influence ad sharing intention [44].

In other words, people not only observe others emotions, but those emotions also affect their own emotional expressions and emotional state. Thus, emotional contagion is a type of social influence that can occur between two persons but also in larger groups and social networks. Because emotions impact how people think and behave, emotional contagion has effects that go beyond how individuals feel [45]. Purpose of research on emotional contagion is to explain how emotions are disseminated among people in social interactions and how catching another person's emotions affects the dynamics of the social interaction.

Studies show that emotion on online media such as social media, like in the offline world, can spread from one person to another, which is known as digital emotional contagion [46,20]. Thus, social media platforms contribute to transmit of emotion online and posterior emotional contagion. This digital emotion contagion occurs when a perceiver's feelings come more similar to an expresser's feelings over time due to the influence of expresser's feelings [45]. It should be noted that digital emotion contagion should be understood as intermediated emotion contagion, where the digital media companies serve as its intercessors that lead individualities to be exposed to further intense feelings at an advanced frequency [20]. This additionally pertains to the revenue models of digital media corporations and how their social media systems are structured. For instance, it's legitimate for digital businesses to encourage greater vocalization of emotions since doing so keeps users on the platforms longer, providing more opportunities to display promotions and information collection [20]. A key factor in the explanation of why content charged by emotion spreads quickly on social media is the process by which that emotion attracts attention [47]. It has suggested that ruling of the emotional intensity is vital in the technology emotional system, whereas in the conventional system, emotional traits dominate over all other factors [48].

Social media can facilitate emotional contagion by allowing individuals to share emotional content, such as internet memes, with a large audience. With the rise of user-generated content on social media expressing emotion becoming more intense and on a much wider level, and due to the contagiousness of emotions, faster and on a broader scale of emotional contagion also occurs.

Theoretical Perspectives

As articulated by Habermas, environmental policy, are motivated by both interests and values. Fear of environmental devastation and the decline in the level of well-being are examples of interests. Ideals and moral claims might include a better future for new generations. Furthermore, reciprocal linkages between interests and ideals, culture, and social structure are significant in determining the trajectory of environmental policy [28, p.112]. As a matter of fact, interests and values have the ability to ideologically impact and change moral claims; yet, the advancement of knowledge and ethical concerns might result in a clear redefining of interests and values. This is also true for environmental concerns [49]. From the standpoint of modern social theory, environmental degradation is seen as a critical issue. How humans value, utilize, and think about the environment is becoming a more prominent and significant component of modern social theory. Therefore, in the modern social theory, environmental conservation is only viable if we understand how and why the environment is destruct. To put it another words, in order to intervene and avoid environmental catastrophe, one must understand the conditions under which environmental regulations have been effectively deployed, as well as the constraints and restrictions that have been imposed. One of the conditions that every environmental policy must meet is the presentation of appealing and realistic social and economic alternatives [49].

The media has the ability to influence the people. In other words, through delivering news, the news media influences what the public thinks about. Lippmann (1965) stated that mass media shapes «the images in our minds» [50]. The media, by their persuasive power, are capable of developing and cementing the ideological system in society to the point that the communication elites may be called the producers of the dominant ideology. Indeed,

through conceptualizing and comprehending the dynamics of culture, as well as its interaction with environment and society, the media contribute to the construction of social perceptions and the cognitive process of information. In this regard, conceptualization and role-play through the media involves advancing the society's common values and thoughts, as well as the religious and ideological foundations in the society's belief system, which take place through the processes of construction and production (as a cultural-media action), transfer and distribution (via education), and receiving and consumption of knowledge and thought [51]. As an educational tool along with a special educational method, the media can enhance public knowledge, awareness, empowerment, and information literacy, while conserving the core of culture, promote its sub-layers and build an information society by outlining the skills and capacities required for conscious and independent growth in the new communication environment (digital, global, and multimodal) [52]. The media has a significant impact on people's interpretations of acceptable and unacceptable behavior, their perception of the social and physical environment, and society's attitude regarding moral, emotional, and spiritual values in general, as well as on orienting them toward social judgments and criteria based on roles (gender, age, and status) and behavioral rules [53, p.160]. Such manipulation of public opinion in order to ideologically steer the societal knowledge and the internalization of social values with the aim of creating identity and semantics is a descriptive and interpretative media strategy. As a result, given the importance of the environment and its place in public and social culture, the media strives to teach the necessary skills to protect the environment, as well as how to use and apply new techniques to preserve the ecology, along with helping to form social practices and actions concerning the environment. They encourage people to gain the skills necessary to conserve the environment in their daily lives. By employing art and depending on new cultural foundations, the media foster public interest and excitement for learning, presenting a vision of a better world to the audience and therefore making people believe in their power via education [53, p.178].

The media, according to Gerbner's cultivation theory, fosters and reinforces a culture's attitudes and values while also preserving and promoting these values among its members. They also link these principles together. The media shapes people's opinions and perceptions of the truth in this way. The influence of the media message on the audience is emphasized by cultivation theory. Gerbner thinks that study signs and symbols, as well as how to mix them, offers the foundation for conveying meaning in many social circumstances. Media impacts (the study of behavior and social interaction by exposing the public to messages and altering perceptions, insights, beliefs, attitudes, ideas, and actions) are well known [54]. The cultivation theory idea has also been used to the study of new media. According to Morgan and Shanahan, by changing media technology, classic cultivation analysis approaches need to be adjusted but is still relevant [55]. In addition to their point of view, technologies for pro-environmental action model (TPAM) that was proposed by Ballews et al. Explains how social media's different roles (i.e., informative, social, and immersive) motivate individuals to participate in environmentally responsible behaviors while coordinated with individuals' personal, social and contextual systems [56]. This statement could be conceptualized by Ajzen's theory of planned behavior, whereas, intentions impact behaviors, which are influenced by attitudes, subjective norms, and perceived behavioral control. It is considered that the greater a person's desire to undertake a specific behavior, more success is likely [57]. Therefore, social media by fostering and reinforcing a culture's attitudes and values toward environment could impact intentions and behaviors.

Media could potentially consider to be «affect generators » as well as organizations that develop «feeling rules» [58]. Simultaneously, they generate emotional dynamics that are contagious which in marketing terminology called viral. Emotions are evidently employed to garner attention in public communication, whether in journalism, marketing communication, or any diplomacy. The online interaction, with its dynamics and intensities, is best characterized in terms of «affective flows» [58, 59]. This affective flow could be explained by emotional contagion theory as a specific example of emotional sharing theory [60]. When an emotional experience is shared with a group of individuals, it becomes part of that group's common knowledge, according to the phenomenon of social sharing of emotions [60]. Secondary and tertiary social sharing can spread knowledge of an event experienced by a single person to many others, resulting in the event being a shared part of a rather large group of people. When an event is highly severe or many individuals are experiencing it at the same time, an event can be extended to even bigger groups of people, possibly even nations. This is especially true for emotions spread by mass media, and the internet. In this scenario, shared memory is no longer limited to a particular population, but might extend to a regional, national, or even worldwide scale. As stated by Van Kleef according to social information theory applied to information processing, people interpret the emotions associated with content, which impacts their behavior indirectly [61]. According to these views, humans absorb both information and emotions at the same time through interaction.

Therefore, based on reviewed studies and a theoretical framework, we propose that planning communication based on emotional contagion can lead to a higher speed of message propagation, a wider range of influence, and a more intimate sense of communication. By planning for emotional contagion in communication, a layer deeper than the message is added. This layer contains information about how the sender feels about the message and how the receiver ought to feel as a result. This communication requires the matching of specific words and contents with emotions, which could drive this contagion process.

Emotional contagion in pro-environmental communication

Pro-environmental behaviours, like any other social behaviour, are affected by social interactions. The important function of emotional contagion is that it smoothens social interactions and facilitates mutual involvement and emotional closeness, because it helps to synchronize and coordinate the interaction. Hence, using emotional contagion in communication act as catalyst which can lead to contagion of pro-environmental behaviour. Since emotional contagion imbue a community's socially shared beliefs and values [62], such as pro-environmental principles, with affective meanings, thus making these values salient in everyday life. Emotions have a profound impact on how people think and behave, thus, emotional contagion can have long-term effects on environment. On the other hand, collective emotions resulting from emotional contagion are hypothesized to sustain themselves for longer periods than purely individual emotional reactions [63]. Thus, they may have a more prolonged impact on the behavior of individuals and groups that can be very important for sustainable environment. In a nutshell, emotional contagion lead to collective emotion which is different from individual emotions in terms of their level of analysis, appraisal process, salience, duration, and perceived emotional synchrony [63]. While individual emotions occur within a single person, collective emotions emerge from the emotional contagion among individuals who are responding to the same situation. Overall, a critical part of communicating environmental issues is framing, which includes not only the

message's substance but also the tone of voice and manner of communication [64]. Hence, pro-environmental communication tries to evoke emotions that can motivate people to take action towards a sustainable future [65]. However, the specific emotions used may vary depending on different variables such as target audience or cultural context [39].

In our present day, social media sites such as Facebook and Instagram include discussion sites, and Internet memes prevail in how people acquire, use, and spread content. Hence, digital emotional contagion can be a powerful tool for promoting pro-environmental behavior through this digital media platform. By understanding how emotions spread through these platforms, we can design interventions that use emotional contagion to encourage positive changes in pro-environmental behavior [66].

One of the factors that should be considered in crisis and environmental communication is the valence of emotions in emotional contagion. It was found that the presence of emotions and valence of the messages had a diffusion effect on user comments and engagement [66]. As suggested by Hatfield, positive emotions, such as awe, compassion, gratitude [67, 68], foster prosocial behaviors [69] in which empathy play a mediating role [70]. The studies suggest that usage of positive emotions can be motivational and engaging [71]. Furthermore, self-transcendent emotions, as well as, pleasant emotions can cause pro-environmental behavior [72]. Negative emotions, in contrast, also are infectious and can cause negative emotional contagion on social media [23]. But there are some disputes about the impact of negative emotions. According to some researches, negative emotions make people less optimistic about the possibilities of combating climate change and hence less willing to participate in climate action [70]. On the other hand, there are amount of studies, proved that negative emotions cause more emotional contagion than positive ones [21, 70]. Environment-related tweets are found to engage with collective action, with negative mood resulting from seeing negative tweets making participants more likely to report higher action [71]. Climate fear has been shown to be associated with pro-environmental behavior [72]. Sadness-inducing advertising has been shown to promote the urge to take pro-environmental action more than non-emotional commercials [73]. Emotional contagion strategies based on fear that create urgency and are memorable can be successful at motivating target action [74]. However, fear-based emotional contagion ads can have a detrimental impact on audience behavior if they are very intense or irrelevant to them, or they might interfere with mental health and promote improper conduct [75, 76].

Moreover, there is evidence that more complex emotions such as pride and guilt influence pro-environmental decision-making [5, 34]. According to Ferguson and Branscombe reading that global warming is caused by humans that is preventable to some degree, boosted feelings of collective guilt, which increased stated willingness to perform energy-saving actions and pay green taxes [34]. Pride and guilt are both emotions triggered by feelings of responsibility for an act, where pride can lead to positive feelings of worth and guilt lead to negative feelings of apprehension and tenseness [76]. Also, fear and hope has been studied by some researchers [77]. While fear can be used to communicate the urgency of the climate crisis and motivate people to take action, hope can be used to inspire optimism and a sense of possibility for a better future [78, 79].

Second factor that is determinant in crisis and environmental communication considering

emotional contagion is emotional intensity. Emotional intensity is a measure of arousal that is strongly related to emotional contagion. Emotional arousal is a physiological state that causes intense emotions like anger and fear and influences our behavior. This notion underpins most of the literature on emotional contagion [23]. Emotional contagion campaigns have been demonstrated to be effective on social media platforms, as users are more inclined to engage with information that elicits powerful emotions. [80]. Several academics have claimed that high-arousal emotions, such as surprise and excitement, have a stronger effect on online content sharing than low-arousal emotions, such as satisfaction and happiness, because they elicit a strong emotional reaction from the audience [81, 82]. Previous studies have shown that strong emotions expressed in comments of online news articles and product reviews can positively influence others' judgments and behaviors [83, 84].

Third important factor that should be considered is that, emotional contagion should be tailored to different target audiences by identifying the emotions that resonate with them [39]. Emotional contagion campaigns can be tailored to specific target audiences based on their age, gender, educations, culture, and other demographic factors [85-87]. There are several examples of emotional contagion campaigns that have successfully targeted specific demographics; For example, a study identified different emotional appeals that were effective for different age groups [87]. While, younger audiences responded better to excitement and adventure, older audiences responded better to nostalgia and sentimentality. another study found that younger adults were more likely to experience emotional contagion while watching happy videos, while older adults were more likely to experience emotional contagion while watching sad videos. By tailoring emotional contagion campaigns to specific target audiences, marketers can increase their effectiveness and engagement, leading to positive outcomes and increased brand loyalty. Differences in emotional contagion, interpersonal relationships, and social rewards have been found between males and females, indicating that gender can also affect social connectedness and, therefore, emotional contagion [86, 88]. According to Feldman et al., among people with low education, searching for information about environmental issues alone is more challenging and boring than people with high education, and therefore humorous content and news have a positive effect on their attention to these issues [89]. Cultural differences in emotional expressions and responses can influence empathic accuracy and physiological linkage, potentially affecting the degree to which emotional contagion occurs in intercultural interactions [85, 86]. It worth mentioning that the effectiveness of emotional appeals may depend on the individual's level of concern for the environment. Overall, emotional appeals can be effective in pro-environmental campaigns, but the specific emotions and their timing may need to be carefully considered.

In a nutshell, we can claim that social media campaigns that use emotional contagion to promote pro-environmental behavior are effective, but the specific factors that contribute to their success may vary depending on the context and target audience. It should be noticed that if the emotional response is too intense or not relevant to the audience, it could also be risky. So, it is important to be aware of the potential negative effects of emotional contagion. Therefore, the role of social media as the fastest and most accessible medium for emotional contagion campaigns that can create a strong emotional response in their audiences, leading to behavioral synchrony and positive outcomes, is undeniable.

Empirical Evidence: Emotional contagion and the power of internet memes and

Hashtags in social media environmental campaigns

Emotional contagion facilitates in Social media by allowing individuals to share emotional content, such as internet memes, with a large audience. Studies have shown that emotional content and internet memes in social media posts can influence the emotional state of individuals who read them, increasing the possibility of pro-environmental behavior [32]. In times of crisis, internet memes are employed as a vital practice to emotionally negotiate the crisis [90]. Viewing online memes related to COVID-19 increases positive emotions and could lead to effective action during a natural crisis [91, 92]. Additionally, another survey found that viewing memes about COVID-19 increased people's positive emotions and confidence in their ability to deal with the pandemic [93]. Memes have a way of connecting people with the same interests, allowing the construction of collective identity and norms [93] around environmental issues and leading to effective pro-environmental actions. The findings of Zhang & Pinto (2021) indicate that exposure to memes related to climate change raises people's desire to participate in online pro-environmental engagement related to climate change by mediating the role of empathy [17]. Also, a study on emotional framing in online environmental activism found that tweets with emotional content were more likely to be shared and had a stronger impact on public engagement with activist information campaign [71]. Therefore, social media campaigns, with emotional content particularly internet memes, can promote a variety of pro-environmental behaviors by triggering emotional responses in individuals via emotional contagion. These behaviors can range from recycling to conservation of natural resources and can be influenced by positive or negative emotions, as well as group emotions.

Contagious of positive emotions such as optimism, confidence, humor, and enthusiasm by social media contents could inspire others to take action. Spreading positive emotions lead to collective emotion, enable user to create a sense of community [94] and encourage others to join in their cause [95]. Campaigns against climate change frequently include animal images in their communications and memes because they may arouse emotion and strengthen citizen support for environmental activism. Memes used animal photographs that viewers may find charming and solicit sympathy from its viewer [17]. The prominent example is the world wildlife fund (wwf) that has been known for its effective campaigns that use emotional appeals to raise awareness about environmental issues [96]. In 2015, with the heating of various hashtags and popularity of social media, the world wide fund for nature (wwf) launched a campaign with the hashtag #endangeremoji to encourage audiences to save the lives of endanger species. This campaign has been successful in generating a lot of buzz on social media. The use of emojis as a way to grab people's attention and make them curious about the campaign were significant. In the text of the ad, showing animal emoji, states that «17 emoji animal are in danger», help them by re-tweeting this post." and invited the crowd to assist out by retweeting and registering. For every hashtag #endangeremoji posted on twitter, the institute is offering € 0.10 to support the species. Emoji characters are used over 202 million times on the social networking platform. The wwf sought to dedicate this popularity to environmental beneficially. Therefore, campaign planners came up with the idea of using 17 endangered emoticons to support wildlife and to save the lives of millions of monkeys, dolphins, pandas and so on [97]. This campaign provided a way to inspire the next generation to get involved. Using one of the largest social platforms, and highlighted the life of endangered species led to a lot of help be given to support and raise awareness. This is an example on how planning emotional communication via social media spread the message and by triggering emotional responses

engage people in the cause can lead to great contagion which result in environmental support and awareness. Emotional contagion is used in this campaign to activate interpersonal communication and fostering a sense of community to encouraging to get involved. There are other successful examples for this strategy: the #plasticfreechallenge [98] and #meatlessmonday [99] are two social media campaigns that encourage individuals to reduce their use of single-use plastics and meat. Additionally, the trashtag challenge encourages people to clean up littered public and natural spaces and share their before-and-after photos on social media using the hashtag #trashtag. The challenge encourages people to take action and contribute to a good cause [100]. These examples, shed light the impact that emotional contagion on social media has to increase positive mood, leading to greater cooperativeness and getting communities together to contribute to pro-environmental behavior.

Another process in which emotional contagion via social media help environment is creating a sense of urgency. Emotional contagion can also be used to create a sense of urgency and motivate people to take action. Lots of memes generated during COVID-19 that arise sense of urgency and encourage people to follow the rules. For example, during the COVID-19 pandemic, fear of viral infection put individuals in a sensitive state, which used to motivate people to take action to prevent the spread of the virus [62]. Urgency can be created by emphasizing the limited availability of a product or service, or by highlighting the negative consequences of not taking action [23]. For instance, a campaign might emphasize the negative consequences of not taking action to address a social or environmental issue. The #climatestrike [87], #beatplasticpollution [98], and #climateemergency are three social media campaigns use emotional contagion by fear and using a sense of urgency to encourage individuals and organizations to protect the environment. The fishman ad and the toilet bowl ad are examples of how the wwf uses fear and disgust to create an emotional response in people. These campaigns are designed to shock and scare people into taking action to protect the environment. One of its most horrifying campaigns was the 2010 series of print advertisements that showed an image of a shark, a snake, and a tarantula crawling out of a toilet bowl. The message conveyed was that the world's ecosystems are so fragile that even the most unlikely creatures can be affected by human activities. The campaign aimed to shock and scare people into taking action to protect the environment. The fishman ad by the wwf is another example of an emotional appeal that uses fear as potential driving forces that can make people change. The ad shows a man with a fish head, which represents the frightening consequence of climate change. The goal of creating the poster was to attract the attention of people and have them examine the variety of climate change issues discussed by the fund. Upon seeing the poster, a person was supposed to develop a strong emotional response and thus become more interested in looking up what the wwf has to propose in terms of reducing the negative effects of climate change. The fishman ad, uses disgust and fear to create an emotional response in people. Disgust is linked to fear in the wwf's ad in a sense that fear-driven behaviors are aimed at avoiding frightening consequences. The fishman represents a frightening consequence of climate change, and the ad is designed to make people feel disgusted and afraid. The wwf's campaigns show that emotions can be a powerful tool in raising awareness about important issues.

Beyond the prevalent technique of fear and shock, researchers and communication strategist are looking for new emotional approaches to convey environmental issues. One such option is to use humor. Humorous communication has lately acquired appeal as an emotional approach to addressing environmental challenges such as climate change. Humor

in social media can be an effective tool for promoting environmental awareness and inspiring pro-environmental behavior. Studies have shown that humor can stimulate a reaction to a pro-environmental message on social media, leading to a share or a declared intent to change behavior [101]. Pro-environmental humor is largely successful in influencing proximal cognitive outcomes such as attention, comprehension, and recall [102]. In the Kaltenbacher and Drews review study, humor such as internet memes has been demonstrated to improve message perception by encouraging participation, as a learning tool for disinterested audiences, and as a genuine environmentally important behavioral change. It can also alter people's perceptions of the human causation of climate change and may be used to pull away barriers, break down taboos, and promote awareness. But on the other hand, it may distract from important information or undermine the legitimacy of serious topics [92]. Overall, humor in social media can be a powerful tool for promoting environmental awareness and inspiring pro-environmental behavior. But since, humor can lessen anxiety and risk perceptions, it can limit intentions to engage in risk mitigation measures. Therefore, communicators must be mindful of the risks of utilizing humor and consider the type and communication forms, as well as the intended audience, for the successful application of humorous communication [92].

Furthermore, creativity have a significant positive link with emotional appeal. It means that content that are unique, surprising, unusual, artistic, and interesting had a substantial influence on generating emotional appeal from audiences. Unexpected and surprising content, such as internet memes, are more likely to trigger curiosity and engagement, which might generate positive emotions and motivate people to be more attentive [103]. Therefore, it can be claimed that sharing creative content generate positive emotional contagion and engagement that play an important role in durability of environmental messaging effects.

Based on our review, memes as creative multimodal communication technique that allows users to present and share their emotion, ideas and stories through visual images, which may also be humorous seems to be an effective tool for emotional contagion [22] in environmental communication. Internet memes have known templates that were familiar to its users. Their image, humors and creativities all has a tremendous influence on creating emotional appeal from audiences and engagement that might lead to generate positive emotions and since memes are potentially viral and contagious these positive emotions get contagion. Many studies have demonstrated the importance of visual environmental communication and memes as well, as essential themes for environmental conversation. Through memes, image remixes into cartoons and animations cultivated new audiences and reanimated a classic visual for new generations. Each sort of meme sends a different message to different audiences [104]. These emotional contagious phenomena proved particularly useful in igniting dialog and as a resource for influencing narratives about environmental challenges. The simplicity of developing and distributing material via memes makes it easier and more viable to engage in many types of environmental conversations and debates [105]. For instance, climate-related memes are becoming increasingly popular on Instagram. To raise awareness of systemic climate change challenges, these accounts utilize trendy meme forms with climate change-related messaging. Their anonymous authors try to make the material palatable for an audience unfamiliar with the issue. They recognize that comprehending the context might leave viewers feeling nervous, unhappy, or despairing. These authors feel it exists in the grey region between humor and sorrow, grabbing the public's attention and encouraging them to think about climate change. Their

objective is to overcome indifference and open up the conversation, while also ensuring that the information is easily digested by a larger audience. Users clearly had an emotional reaction to real-world imagery included in memes, however, the perception of these memes was dependent on users' sense-making processes. Users identified portions of the meme to which they related based on their own personal experiences [\[106\]](#).

Discussion

The environmental crisis is a global challenge that cannot be overcome without the presence and assistance of the media. Studies have shown that emotions influence pro-environmental behavior more than intentions, while both account for over half of the diversity in pro-environmental behavior [\[2,3,4\]](#). Hence, due to this ongoing crisis, there is a pressing need for greater comprehension of how emotions influence crises, particularly environmental communication effectiveness. Although there has been much discussion about the use of emotion and social media in environmental communication, research has yet to build a framework for efficiently using various tactics for pro-environmental objectives. Therefore, this paper, by providing an exploratory assessment of prior studies, discusses the potential of social media to mobilize pro-environmental action through emotion, and digital emotional contagion has been highlighted as one of the key social media mechanisms through which emotions impact behavior. Through reviewing empirical evidence, we have outlined some distinct paths for contagion emotional-environmental communication strategies, including positive emotion, humor, creativity, creating urges, and particularly internet memes. Finally, we have offered digital emotional contagion-environmental communication, and internet memes as tools for effective communication strategies to improve our environment by creating an emotional climate in society that environmental communication could benefit from.

Internet memes facilitate contagions of emotion in social media by allowing individuals to share creative, nostalgic, humorous content with a large audience and influence the emotional state of their target group. Internet memes under emotional contagion are a powerful tool for defusing and promoting positive environmental change on social media. By spreading positive emotions, promoting positive values and attitudes, and creating a sense of urgency via emotional contagion, a strong environmental cause can inspire action and encourage positive change. Emotional contagion by internet memes is initiated through the establishment of shared collective emotion regarding environmental issues, and collective emotion leads to pro-environmental actions. Collective emotions resulting from digital emotional contagion are different from individual emotions in terms of their level of analysis, appraisal process, salience, duration, and perceived emotional synchrony. This is where internet memes on social media are able to organize successful campaigns, increase awareness through eliciting emotions, amend environmental policies, and safeguard the environment. Hence, using internet memes in social media can mobilize pro-environmental action through emotional contagion, smooth social interactions, facilitate mutual involvement and emotional closeness, and increase awareness about environmental issues. Studies have shown that exposure to memes related to environmental issues can influence individuals' emotional states, leading to an increased desire to participate in pro-environmental engagement and actions. However, it is essential to be mindful of the risks of utilizing humor and consider the type and communication forms, as well as the intended audience, for the successful application of humorous and generally emotional communication. Overall, our review highlights the powerful impact of emotional contagion in social media on promoting pro-environmental behavior and increasing environmental awareness.

Environmental campaigns that use emotional contagion and particularly internet memes to promote pro-environmental behavior can create more engaging and effective communication strategies, but the specific factors that contribute to their success may vary depending on the context and target audience. The valence and arousal of emotions, also are determining factors in emotional contagion which should be considered for effective environmental communication. Emotional engagement with the audience is necessary to accelerate improvement of environmental problems [30, 70] since, people's influenced by their emotions and feelings, and until they aren't passionate about something they don't do any action [4]. We need feelings and emotions as human innate characteristics for every choice and collective behavior involves strong emotions [38]. Therefore, when an emotion is aroused and experienced, it can be used as a platform for promoting and securing influence and compliance by pro-environmental behaviors [4]. Hence, affecting a target's emotional state, in conjunction with an environmental message, could affect that subject's attitudes. Review of studies have shown that emotional content such as internet memes in social media posts can influence the emotional state of individuals who read them and increase the possibility for taking pro-environmental behavior. In this way, viral emotional-ecological discourse are effective attempts to accelerate the development of ecological civilizing processes and behaviors. Since, social media has a role of funneling emotions which bringing together individuals and intensifying these emotions so that a critical mass is reached that can lead to a pro-environmental joint action. Mass engagement in social media can be used to foster convergence, togetherness, and the strengthening of the collective spirit [107]. People on social media under the effect of perceived collective emotion may change their detrimental environmental behaviors by engaging with or learning about environmental issues. It could additionally be deployed to promote ecological campaigns and link individuals locally and worldwide on environmental concerns [14]. From a sociological perspective, mass engagement in cyberspace has contributed to the evolution of civil society. The sharing of ideas and information in this area has helped to educate and raise awareness about a variety of social, cultural, and even political topics. Such activities may also be used to foster convergence, togetherness, and the strengthening of the collective spirit. People on social media, under the effect of perceived collective emotion, might change their detrimental environmental behaviors by engaging with or learning about environmental issues.

This research contributes to the academic community by shedding light on the importance of emotional contagion, particularly through internet memes in social media, as a powerful tool for effective environmental and crisis communication. The study provides a general overview of how emotions through media affect environmental behaviors and examines the key factors in the spread of emotions in environmental communication, including the emotional arousal and intensity of emotions as well as demographic and social factors. Reviewing empirical evidence on the functions of contagious emotional campaigns confirms emotional contagion, particularly through internet memes, as a successful strategy in environmental and crisis communication that should be considered when designing environmental communication. By understanding the factors that contribute to the success of emotional contagion campaigns, researchers and practitioners can develop targeted approaches to promote pro-environmental behaviors and raise awareness about environmental issues. The study also discusses the use of internet memes in view of their increasing popularity in social media and among new generations and their effective functions in environmental and crisis recommendations. Overall, this research provides comprehensive insights into the role of emotional contagion and internet memes in

environmental communication and helps develop effective strategies for promoting pro-environmental behaviors and raising awareness about environmental issues that can serve as a basis for further research in this area.

This study opens the door for future research to delve deeper into the intricacies of emotional contagion and internet memes and their implications for crises and environmental communication. Emotional contagion in environmental communication is a rich area of research with numerous opportunities for further investigation. Future studies in the field of environmental communication could explore the long-term impact of emotional contagion through social media and internet memes on pro-environmental behaviors. This could involve longitudinal research to understand how emotional contagion influences sustained behavior change and the adoption of environmentally friendly practices. Additionally, future studies could investigate the ethical implications of leveraging emotional contagion in environmental communication, considering factors such as informed consent, privacy, and the potential for unintended emotional manipulation. Furthermore, research could focus on developing guidelines and best practices for the responsible use of emotional contagion and internet memes in environmental communication, ensuring that they are employed in ways that are transparent, respectful, and aligned with the principles of ethical communication. Also, a study on the role of memes in raising awareness about environmental issues and promoting behavior change in different cultural and social contexts is useful.

Conclusion

The environmental crisis is a global challenge that cannot be overcome without the presence and assistance of the media and effective communication. Given the urgent need for public awareness and education in order to adopt appropriate environmental practices, strong professional communication is indispensable to overcoming environmental challenges. While environmental communication and journalism play an essential role in raising awareness and enhancing public understanding of environmental issues, there is an ongoing concern about how to convert this pro-environmental awareness and knowledge into action and behaviors. According to several studies, social media has been proven to be a key platform for culturalization as well as altering public perceptions about environmental concerns. On the other hand, emotions have been demonstrated to play an important role in pro-environmental communication due to their influence on attitudes, intentions, and behavior. But, the present environmental concerns require more than just views and hits; they require active participation. As a result, an efficient strategy for how advocates communicate this information is essential, and emotional contagion and accordingly internet memes are practical option. While simple and quick messages spread quickly, emotional contagion messaging may result in more significant change in our environment. That can increase involvement while also establishing a feeling of community and motivating pro-environmental behaviors. Particularly, for digital natives, Internet memes under emotional contagion in social media is an excellent tool for quickly disseminating information, assist build a deeper understanding of crisis regarding environment and inspire users to take to take pro environmental action. But it also has the potential to make users not take problems seriously. Therefore, it is crucial to carefully consider the content and tone of the memes used to ensure that they are appropriate and effective. Overall, emotional contagion and internet memes can be practical options for crisis and environmental communicating and motivating behavior change, but their use should be approached with caution and consideration.

Библиография

1. Ковачева А., Винер Х. Дж., Кареклас И., Мюлинг Д. Онлайн-взаимодействие с мемами и комментариями об изменении климата. *Устойчивое развитие*, №14 (14), С. 8900, 2022 <https://doi.org/10.3390/su14148900>
2. Корраль-Вердуго В., Гарсия-Кадена К. Х., Фриас-Армента М. Психологические подходы к устойчивому развитию: современные тенденции в теории, исследованиях и приложениях. Nova Science Publishers, Inc. 475 С., 2010.
3. Фатхали Лавасани Ф. Психология разрушения окружающей среды. Краткое описание населения зеленых добровольцев, 2012. Режим доступа: <http://greenvolunteers.ir> (Дата обращения: 19.12.2023).
4. Дитрих Х. Л. Роль эмоций в принятии экологических решений. Университет Небраски-Линкольн. Диссертации и студенческие исследования: Факультет психологии, 131 С., 2013.
5. Шнайдер К. Р., Завал Л., Вебер Э. У., Марковиц Э. М. Влияние ожидаемой гордости и чувства вины на принятие решений в защиту окружающей среды. *Площадь номер один*, 12(11), с. e0188781, 2017.
6. Турунен Л. Л., Минна Халме. Донесение полезной информации об устойчивом развитии до потребителей: Инструмент «Оттенки зеленого» для моды. *Журнал «Чистое производство»*, 297, С. 126605, 2021. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.126605>.
7. Вирт У., Шрамм Х. Медиа и эмоции. Тенденции коммуникационных исследований, № 24 (3), С. 3-39, 2005.
8. Рашиди А., Рашиди М. Исследование роли СМИ в охране окружающей среды и их влияния на поведение людей и менеджеров с точки зрения формирования культуры потребления. *Ежеквартальный журнал «Культурная инженерия»*, № 55, С. 31-43, 2011.
9. Фарах Бахшпур Х., Шайган Н. Исследуем символическую систему притворства согласно Бодрийяру и применяем ее к сфере постмодернистской фотографии с акцентом на работы Шерри Левин. *Рахпур Хонар*, № 3 (4), С. 83-89, 2020.
10. Донг Х., Лиан У. Обзор анализа общественного мнения, основанного на социальных сетях: проблемы и рекомендации. *Технологии в обществе*, №67, С.101724, 2021. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101724>
11. Ван Дейк, Дж., & Поэлл, Т. Понимание логики социальных сетей. *Медиа и коммуникация*, №1 (1), С. 2-14, 2013.
12. Никпур Т., Киа А., Расули М. Влияние виртуальных сетей на продвижение экологической культуры Ирана. *Экологические исследования и технологии*, 12 (7), 1-16, 2022. Режим доступа: <https://journal.eri.acecr.ir/fa/Article/34283> (Дата обращения: 1.12.2023).
13. Бергман Дж. Н., Рэйчел Т., Б., Сянь-Юнг Л., Магдалена Л., Кайла А., Адрианна С., Хайдаш, С. А. Оценка преимуществ и рисков социальных сетей для сохранения дикой природы. *Грани*, №7 (1), С. 360-397, 2022. <https://doi.org/10.1139/facets-2021-0112>
14. Шах З., Вэй, Л., Гани У. Использование сайтов социальных сетей и проэкологическое поведение: модель посредничества и модерации. *Международный журнал экологических исследований и общественного здравоохранения*, № 18 (4), С. 1805, 2021. <https://doi.org/10.3390/ijerph18041805>.
15. Маллик Р., Баджпай С. П. Влияние социальных сетей на экологическую осведомленность. В разделе *Экологическая осведомленность и роль социальных сетей*, С. 140-149, IGI Global, 2019. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-5291->

8.ch007.

16. Сяо Ю., Лю Х., Рен Т. Использование Интернета и поведение в защиту окружающей среды: данные из Китая. PLoS One, №17(1), e0262644, 2022.
17. Чжан Б., Пинто Дж. Меняем мир по одному мему за раз: Влияние мемов об изменении климата на намерения гражданского общества. Экологическая коммуникация, №15 (6), С. 749-764, 2021.
18. Йоханн М., Хенле Л., Домбровски Дж. Пятницы для будущего и понедельники для мемов: Как мемы о климатическом кризисе мобилизуют пользователей социальных сетей. СМИ и коммуникация, №11 (3), С. 226-237, 2023.
<https://doi.org/10.17645/mac.v11i3.6658>.
19. Сегадо-Бой, Ф., Диас-Кампо Дж., Наварро-Сьерра Н. Обмен эмоциями и новостями об изменении климата в социальных сетях. Сдерживающая роль привычек, прежних установок, использования и удовлетворения среди студентов университетов. Обзор латиноамериканского социального сообщества, № 75, С. 245-268, 2020.
20. Гольденберг А., Гросс Дж. Дж. Заражение цифровыми эмоциями. Тенденции в когнитивных науках, №24 (4), С. 316-328, 2020.
<https://doi.org/10.1016/j.tics.2020.01.009>.
21. Гуаданьо Р. Э., Ремпала Д., Мерфи С., Окди Б. М. Что делает видео вирусным? Анализ эмоционального заражения и интернет-мемов. №29(6), С. 2312-2319, 2013.
22. Табатабаи С., Иванова Е. А. Роль мемов в эмоциональном заражении. Начальное образование онлайн, № 20 (5), С. 6028-6028, 2021.
23. Эррандо С., Константиридес Э. Эмоциональное заражение: краткий обзор и направления на будущее. Границы в психологии, №12, С. 2881, 2021.
<https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.712606>.
24. Tian H., Liu X. Исследование поведения в защиту окружающей среды: теоретический прогресс и направления на будущее. Международный журнал экологических исследований и общественного здравоохранения, № 9 (11), С. 6721, 2022. <https://doi.org/10.3390/ijerph911672>.
25. Он М., Блай К.-Дж., Халпенни, Э. Влияние экологической коммуникации на намерения и поведение в защиту окружающей среды: систематический обзор контекста туризма, основанного на природе. Журнал устойчивого туризма, С.1-23, 2022. <https://doi.org/10.1080/09669582.2022.2095392>.
26. Коллмусс А., Эйджеман Дж. Обратите внимание на разрыв: почему люди действуют экологически и каковы барьеры для проэкологического поведения? Исследование экологического образования, №8 (3), С. 239-260, 2002.
27. Стерн, П. С. Новые экологические теории: на пути к последовательной теории экологически значимого поведения. Журнал социальных проблем, № 56 (3), С. 407-424, 2000.
28. Карими Л. Исследование социологических факторов, влияющих на экологическое поведение (на основе поведения в отношении потребления воды. (Диссертация). университет Пайамнур, Тегеран, 2010.
29. Айзен И. Природа и действие установок. Ежегодный обзор психологии, № 52 (1), С. 27-58, 2001.
30. Дюран М., Альзате М., Лопес У., Сабуседо Дж. Эмоции и поведение, связанное с окружающей средой. Обзор латиноамериканской психологии, № 39 (2), С. 287-296, 2007.
31. Смит Н., Лейзеровиц, А. Роль эмоций в поддержке и противодействии политике

- глобального потепления. Анализ рисков, №34 (5), С. 937-948, 2014.
32. Шварц Д., Левенштейн Г. Холод момента: Эмоции и поведение в интересах окружающей среды. 2. Журнал государственной политики и маркетинга, № 36(2), С. 255-268, 2017.
33. Брайт М. Л., Имс К. От апатии через беспокойство к действию: Эмоции как мотиваторы для молодежных лидеров забастовок по изменению климата. Австралийский журнал экологического образования, № 38(1), С. 13-25, 2022. <https://doi.org/10.1017/aee.2021.22>.
34. Фергюсон М. А., Бранском Н.Р. Северная Каролина. Коллективная вина опосредует влияние убеждений о глобальном потеплении на готовность участвовать в поведении по смягчению последствий. Журнал экологической психологии, №30(2), С. 135-142, 2010.
35. Харт Н. С., Лич К. В., Кесслер Т. Вина, гнев и гордость за поведение в группе в отношении окружающей среды: разные эмоции предсказывают разные намерения. Журнал экологической психологии, №34, С. 18-26, 2013.
36. Ли С., Чен Ф., Гу Х. Влияние Групповых Эмоций и Моральных Убеждений на проэкологическое поведение: опосредующая роль психологической кластеризации. Международный журнал экологических исследований и общественного здравоохранения, №19(18), С. 11190, 2022. <https://doi.org/10.3390/ijerph191811190>.
37. Розер С., Тодд С. Эмоции и ценность. Издательство Оксфордского университета. 256 С., 2015.
38. Кабанак М. Что такое эмоции? Поведенческие процессы, № 60(2), С. 69-83, 2002.
39. Барсаде С. Г. Эффект пульсации: Эмоциональное заражение и его влияние на групповое поведение. Ежеквартальный журнал административной науки, № 47(4), С. 644-675, 2002.
40. Мейер, С. Дж. Роль эмоционального заражения в общении с риском. (Дисс). Аспирантура Университета Пердью, 2023.
41. Конг Ю. Заразительны ли эмоции? Концептуальный обзор исследований в области языкового образования. Границы в психологии, №13, С. 1048105, 2022. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1048105>.
42. Хилл А. Л., Рэнд Д. Г., Новак М. А., Кристакис Н.А. Эмоции как инфекционные заболевания в большой социальной сети, модель SISa. Королевское общество, Биологические науки, № 277(1701), С. 3827-3835, 2010.
43. Hatfield E., Cacioppo J. T., Rapson R. L. Эмоциональная зараза. Современные направления в психологической науке, № 2(3), С. 96-100, 1993.
44. Чой К. В. Влияние Эмоциональной Напряженности, Возбуждения и Валентности на Обмен Видеорекламой в Интернете. Южная Каролина. (Докторская диссертация, Университет Южной Каролины), 2022.
45. Штайнерт С. Изменение короны и стоимости. Роль социальных сетей и эмоционального заражения. Этика Inf Technol, 23 (Дополнение 1), С. 59-68, 2021. <https://doi.org/10.1007/s10676-020-09545-z>.
46. Крамер А. Д., Гиллори Дж. Э., Хэнкок Дж. Т. Экспериментальные данные о массовом эмоциональном заражении через социальные сети. Труды Национальной академии наук Соединенных Штатов Америки, №111(24), С. 8788-8790, 2014.
47. Брэди, В. Дж., Гантман, А. П. и Ван Бавель, Дж. Дж. Захват внимания помогает объяснить, почему моральный и эмоциональный контент становится вирусным. Журнал экспериментальной психологии: Общий, №149(4), С. 746, 2020.

48. Серрано Пуче Дж. Интернет и эмоции: новые тенденции в развивающейся области исследований, С. 19-26, 2016.
49. Голдблатт Д. Социальная теория и окружающая среда. Джон Уайли и сыновья, 2013.
50. Северин У. Дж., Танкард Дж. У. Теории коммуникации: истоки, методы и использование в средствах массовой информации. Нью-Йорк: Лонгман, 1997.
51. Хараламбос М., Холборн М. Социология: темы и перспективы. Collins educational. Вебер, М. (1946). Бюрократия. В книге Х. Герта и К.У. Миллса (ред.), из книги Макса Вебера «Очерки социологии», С. 196-244, 2000.
52. Карлссон У., Тайи С., Жакино-Делоне Г. и Перес Торнеро Дж. М. (2008). Расширение прав и возможностей посредством медиаобразования: межкультурный диалог. Nordicom, Гетеборгский университет. 276 С.
53. Пайдар А., Хаджинеджад А., Аллахуддин Ванди А. Оценка роли спутника в культурных изменениях сельских женщин. Женские психологические и социальные исследования, №15 (1), С. 159-188, 2017.
54. Гербнер Г. Наука на телевидении: как это влияет на общественные представления". Вопросы науки и техники, №3 (3), С.109-115, 1987.
55. Морган, М., Шанахан, Дж. Анализ культивирования за два десятилетия: обзор и мета-анализ. Ежегодник коммуникаций, №20, С. 1-45, 1997.
56. Баллью, М. Т., Омото, А. М., Винтер, П. Л. Использование технологий Web 2.0 и социальных сетей для содействия действиям в защиту окружающей среды. Устойчивость, 7 (8), С. 10620-10648, 2015.
57. Айзен И. Теория планируемого поведения. Организационное поведение и процессы принятия решений людьми, № 50 (2), С. 179-211, 1991.
58. Люненбург М., Майер, Т. Поворот к аффекту и эмоциям в исследованиях СМИ. Средства массовой информации и коммуникации, № 6(3), С. 1-4, 2018.
59. Уэдерелл М. Аффект и эмоция: новое понимание социальных наук. Аффект и эмоция, С. 1-192, 2012.
60. Риме Б. Эмоция вызывает социальное распространение эмоций: теория и эмпирический обзор. Обзор эмоций, №1 (1), С. 60-85, 2009.
61. Ван Клиф Г. А. Как эмоции регулируют социальную жизнь: модель эмоций как социальной информации (EASI). Современные направления в психологической науке, №18 (3), С. 184-188, 2009.
62. Лу Д., Хонг Д. Эмоциональное заражение: Исследование факторов, влияющих на негативное эмоциональное общение пользователей социальных сетей во время пандемии COVID-19. Границы в психологии, № 13, С. 931835, 2022. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.931835>.
63. Хэтфилд Э., Карпентер М., Рапсон А. Р. Эмоциональное заражение как предшественник коллективных эмоций. Коллективные эмоции: перспективы психологии, философии и социологии, С. 108-122, 2014.
64. Нисбет М. С. Информирование об изменении климата: почему рамки важны для вовлечения общественности. Окружающая среда: наука и политика в интересах устойчивого развития, №51 (2), С. 12-23, 2009.
65. Доуэлл К., Конте Б., Брош Т. Межиндивидуальные различия в экологически значимых положительных чертах влияют на устойчивое поведение в повседневной жизни. Научные отчеты, №11 (1), С. 20423, 2021. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-99438-y>.

66. Ли З. К., Джи Ю. Г., Тао У., Чен, З. Ф. Вовлекайте свои чувства: заражение эмоциями и вовлечение общественности на сайтах некоммерческих организаций в Facebook. Ежеквартально по некоммерческому и добровольческому сектору, № 51 (6), С. 1281-1303, 2022. <https://doi.org/10.1177/0899764021>.
67. Панг Ю., Сонг С., Ма С. Влияние различных типов эмпатии на просоциальное поведение: Благодарность как посредник. Границы в психологии, 13, 768827, 2022. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.768827>.
68. Бартлетт М. Ю., Дестено, Д. Благодарность и просоциальное поведение: помощь, когда это вам дорого обходится. Психологическая наука, №17 (4), С. 319-325, 2006.
69. Шнайдер К. Р., Завал Л., Марковиц, Э. М. Положительные эмоции и изменение климата. Современное мнение в поведенческих науках, № 42, С. 114-120, 2021. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2021.04.009>.
70. Албуи Дж. Эмоции и просоциальное поведение: исследование эффективности шокирующих благотворительных кампаний. Исследования и приложения в маркетинге (английское издание), № 32 (2), С. 4-25, 2017. <https://doi.org/10.1177/2051570716689241>.
71. Сэнфорд М., Витковска М., Гиффорд Р., Форманович, М. Эмоциональное обрамление в онлайн-экологическом активизме: сочетание исследования Twitter с офлайн-экспериментом. Границы в психологии, №13, С. 1099331, 2023. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.109933>.
72. Зеленский Дж. М., Дероше, Дж. Э. Могут ли положительные и самопревосходящие эмоции способствовать проэкологическому поведению? Современное мнение в психологии, № 42, С. 31-35, 2021.
73. Чен М. Ф. Влияние призывов к страху на проэкологическое поведение и важнейшие детерминанты. Международный журнал рекламы, № 35 (1), С. 74-92, 2016.
74. Шин С., Ки Э. Дж., Гриффин У. Г. Эффективность призывов к страху в 'зеленой' рекламе: анализ креативных, потребительских и исходных переменных. Журнал маркетинговых коммуникаций, № 23 (5), С. 473-492, 2017.
75. Хасфорд Дж., Хардести Д. М., Кидвелл, Б. Больше, чем чувство: эффекты эмоционального заражения в убедительной коммуникации. Журнал маркетинговых исследований, № 52 (6), С. 836-847, 2015. <https://doi.org/10.1509/jmr.13.0081>.
76. Брэдли И. Этические соображения об использовании страха в кампаниях общественного здравоохранения. Клинические корреляции, 2011. Режим доступа: <https://www.clinicalcorrelations.org/2011/11/23/ethical-considerations-on-the-use-of-fear-in-public-health-campaigns/> (Дата обращения: 5.12.2023).
77. Зубайр М., Икбал С., Усман С. М., Авайс М., Ванг Р., Ванг Х. Формирование сообщений и осознанные эмоции помогают понять намерение потребителя совершить покупку в интересах окружающей среды: исследование ERP. Научные отчеты, №10 (1), С. 18304, 2020. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-75343-8>.
78. О'Нил, С., Николсон-Коул С. «Страх этого не сделает» способствует позитивному взаимодействию с изменением климата посредством визуальных и иконических представлений. Научная коммуникация, 30 (3), 355-379, 2009. <https://doi.org/10.1177/1075547008329201>.
79. Чепмен Д. А., Ликел Б., иМарковиц, Э. М. Переоценка эмоций в коммуникации об изменении климата. Изменение климата в природе, № 7 (12), С. 850-852, 2017.
80. Леонхардт, Дж. Становится вирусным на YouTube. Журнал цифрового маркетинга и маркетинга в социальных сетях, № 3 (1), С. 21-30, 2015.
81. Бергер, Дж., Милкман, К. Л. Что делает онлайн-контент вирусным? Журнал

- маркетинговых исследований, № 49 (2), 192-205, 2012.
82. Teeny J., Deng X., Unnava H.R. «Шумиха», стоящая за шумихой, имеет значение: энергичное и напряженное возбуждение как отдельные мотивы для сарафанного радио. Журнал психологии потребителей, 30 (3), 429-446, 2020.
83. Масулло Чен Г., Лу С. Политический дискурс в Интернете: изучение различий в последствиях гражданских и нецивилизованных разногласий в комментариях на новостных сайтах. Журнал вещания и электронных СМИ, № 61 (1), С. 108-125, 2017.
84. Инь Д., Бонд С. Д., Чжан Х. (2017). Сохраняйте хладнокровие или дайте волю чувствам: нелинейные эффекты выраженного возбуждения на восприятие отзывов потребителей. Журнал маркетинговых исследований, № 54 (3), С. 447-463, 2017.
85. Сингелис Т. М. Влияние культуры, гендера и самооценки на эмоциональное заражение. Гавайский университет в Маноа, 1995.
86. Кеврекидис П., Скапинакис П., Дамигос Д., Мавреас В. Адаптация шкалы эмоционального заражения (ECS) и гендерных различий в греческом культурном контексте. Анналы общей психиатрии, № 7, С. 1-6, 2008.
87. Лоренцини Дж., Россет, Дж. Эмоции и участие в климатических забастовках среди молодых и пожилых демонстрантов. Исследования социальных движений, С. 1-17, 2023. <https://doi.org/10.1080/14742837.2023.2178406>.
88. Уайлд Б., Эрб М., Бартельс, М. Заразительны ли эмоции? Вызываемые эмоции при просмотре эмоционально выразительных лиц: качество, количество, течение времени и гендерные различия. Психиатрические исследования, № 102 (2), С. 109-124, 2001.
89. Фельдман Л., Лейзеровиц А., Майбах Э. В. Влияние the daily show и доклада Кольбера на внимание общественности к науке и окружающей среде, С. 25-46, 2011.
90. Уайт Р. Мемы, связанные с изменением климата: анализ теории влияния окружающей среды и Интернета. Диссертация на степень магистра социологии Кембриджского университета, 2021.
91. Нго П. Н. Мемы для преодоления трудностей и общения. Магистерская диссертация, арт-терапия. Доминиканский Калифорнийский университет, 2023. <https://doi.org/10.33015/dominican.edu/2022.AT.08>.
92. Кальтенбахер М., Древис С. Неудобная шутка? Обзор юмора в коммуникации об изменении климата. Экологическая коммуникация, №14 (6), С. 717-729, 2020.
93. Майрик Дж. Г., Наби Р. Л., Энг Н. Дж. (2022). Потребление мемов во время пандемии COVID: влияние мемов и типа мемов на стресс, связанный с COVID, и эффективность преодоления. Психология популярных МЕДИА, № 11 (3), С. 316, 2022. <https://doi.org/10.1037/ppm000037>.
94. Гал Н., Шифман Л., Кампф З. Становится лучше: интернет-мемы и конструирование коллективной идентичности. Новые МЕДИА и общество, №18 (8), С. 1698-1714, 2016.
95. Гербаудо П. Конструирование общественного пространства | возбуждение толпы в Facebook: цифровой энтузиазм и эмоциональное заражение во время протестов 2011 года в Египте и Испании. Международный журнал коммуникаций, №10, С. 20, 2016.
96. Хоссейни Комлекс М., Салехи С. Рекламные кампании и решение экологических проблем, тематическое исследование рекламных кампаний Организации по охране окружающей среды. Письмо о изобразительном и прикладном искусстве, №10 (27),

- С. 5-31, 2021.
97. WWF превращает твиты в пожертвования с помощью твиттер-кампании #EndangeredEmoji. Режим доступа: <https://wwf.panda.org/?246650/WWF-turns-tweets-to-donations--with-EndangeredEmoji-social-campaign> (Дата обращения: 1.12.2023).
 98. Кальдерон У. Критика экологической риторики, используемой во время Всемирного дня окружающей среды. Дипломные работы с отличием. Университет штата Миссисипи, 27 С., 2019.
 99. Сингер Р. Неолиберальный фон, кампания «Постный понедельник» и риторические пересечения еды, природы и культурной идентичности. Коммуникация, культура и критика, № 10 (2), С. 344-364, 2017.
 100. Заушкова А., Ванко М. Звездный хэштег как решение экологических проблем. Мегатенденции в медицине, №1, С. 748-763, 2019.
 101. Бонничи Т., Бригульо М., Спитери Г. В. Юмор помогает: экспериментальный анализ проэкологической коммуникации в социальных сетях. Устойчивое развитие, № 15 (6), С. 5157, 2023. <https://doi.org/10.3390/su15065157>.
 102. Скурка К., Каннингем Дж. Дж. Л. Видеть смешную сторону: юмор в проэкологической коммуникации. Современное мнение в психологии, С. 101668, 2023. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2023.101668>.
 103. Лю Б., Панг Р. Анализ креативности рекламы и психологии аудитории. В 2018 году Международная конференция по экономике, бизнесу, менеджменту и корпоративной социальной ответственности. EBMCSR, С. 378-381, Atlantis Press, 2018.
 104. Джонс М., Беверидж А., Гаррисон Дж. Р., Грин А., Макдональд Х. Отслеживание мемов в дикой природе: визуальная риторика и циркуляция образов в экологической коммуникации. Границы в коммуникации, № 7, С. 883278, 2022.
 105. Росс А. С., Риверс Д. Дж. Интернет-мемы, медийные фреймы и противоречивая логика дискурса об изменении климата. Экологическая коммуникация, №13 (7), С. 975-994, 2019.
 106. Швайнгрубер М. С. Разговор об устойчивом развитии: формирование экологических нарративов на Reddit. Маноа: Гавайский университет в Маноа, С. 60, 2022.
 107. Сегерберг А. Кампании в Интернете и социальных сетях по вовлечению в борьбу с изменением климата. В Оксфордской исследовательской энциклопедии науки о климате, 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228620.013.398>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Использование возможностей интернет-мемов для эмоционального заражения в качестве эффективной стратегии экологической коммуникации», предлагаемая к публикации в журнале «Litera» на английском языке, несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей мемов, которые в той или иной степени связаны с экологической повесткой. Ввиду того, что экологическая повестка становится все острее, а число людей, которые задумываются над сохранением окружающей среды увеличивается, что вызывает необходимость конструктивного дискурса в этой области.

Как известно СМИ являются инструментом влияния на умы людей, кроме того, благодаря

современным средствам связи информация быстро распространяется, а часть контента становится вирусным.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. Из текста статьи не совсем ясен практический материал исследования, а именно автор не указывает объем отобранного языкового корпуса, методологию выборки и принципы обора. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Кроме того, не понятны задачи и цель исследования, что не позволяет соотнести их с полученными выводами.

Библиография статьи насчитывает 107 источников, среди которых теоретические работы исключительно на русском языке, в том числе переводные зарубежные издания.

Считаем, что обращение к оригинальным трудам на иностранном языке, несомненно, обогатило бы настоящую работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Использование возможностей интернет-мемов для эмоционального заражения в качестве эффективной стратегии экологической коммуникации» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Фэн В., Перфильев А.К., Ху П. — Перевод медицинских терминов на китайский язык // Litera. – 2023. – № 12. – С. 306 - 314. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69349 EDN: KWAFAA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69349

Перевод медицинских терминов на китайский язык

Фэн Вэнь

ORCID: 0000-0002-5206-9822

аспирант, кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 15к1, кв. 80а

✉ 1042228133@pfur.ru

Перфильев Алексей Кириллович

аспирант, кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 15к1

✉ 1142221165@pfur.ru

Ху Пэйцэй

кандидат филологических наук

старший преподаватель, кафедра русского языка, Шэньчжэньский политехнический университет

518055, Китай, г. Шэньчжэнь, ул. Люсянь, 2190, оф. 15

✉ hupp1217@163.com

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69349

EDN:

KWAFAA

Дата направления статьи в редакцию:

16-12-2023

Дата публикации:

30-12-2023

Аннотация: Предметом данного исследования являются особенности перевода медицинских терминов на китайский язык. Цель работы – анализ стратегий перевода медицинских терминов на китайский язык, а также выявление наиболее эффективных и частотных способов. Материалом исследования послужили медицинские термины (60 иероглифических наименований лекарственных препаратов и медицинского оборудования) и их перевод на китайский язык. В статье анализируются четыре наиболее часто используемых способа перевода медицинских терминов: фонетический, семантический, графический и смешанный. В фокусе анализа также оказываются алфавитные слова китайского языка: полные алфавитные слова и частичные алфавитно-иероглифические слова. Сравниваются особенности перевода на китайский язык медицинских терминов латинского происхождения и медицинских терминов, заимствованных из английского языка. Для решения поставленной цели были использованы: описательный метод, метод анализа теоретической литературы, а также приемы систематизации материала и классификации. Новизна исследования заключается в том, что с появлением новых лекарственных препаратов и медицинского оборудования, остро встал вопрос о переводе новых понятий на другие языки, в частности, на китайский. В статье приводятся примеры, иллюстрирующие типичные способы перевода медицинских терминов на китайский язык. Авторы приходят к выводу, что при переводе заимствований с латинского языка на китайский предпочтение отдается фонетическому способу, в то время как при переводе английских медицинских терминов преимущественно используется фонетико-семантический, семантический и графический способы. Семантический способ позволяет наиболее полно передать смысл заимствованных слов, а также создать прагматический эффект. Частота использования графического метода перевода значительно ниже, так как английский и китайский языки имеют разные виды письменности, что также вносит ограничения для передачи и интерпретации информации.

Ключевые слова:

термин, перевод, китайский язык, заимствование, алфавитное слово, фонетический способ, семантический способ, смешанный способ, графический способ, фонетико-семантический способ

Заимствования являются распространенным явлением в развитии языка, так что они все чаще становятся объектом анализа в лингвистике [\[4, с. 17\]](#). Китай активно сотрудничает с другими странами в различных областях, что непосредственно приводит к изменению лексического состава, появлению заимствований, которые в первую очередь обусловлены импортом соответствующей продукции, оборудования и новых технологий.

Согласно сложившейся научной традиции, многие медицинские термины представляют собой заимствования из греческого и латинского языков. Медицинская терминология включает в себя лексику, связанную не только с инфекционными, респираторными и другими заболеваниями, но также и со смежными областями, такими как фармакология, иммунология, биохимия и так далее [\[6, с. 271\]](#). В связи с быстрым развитием науки словарь медицинской лексики постоянно пополняется и обновляется, нередко это происходит за счет заимствования лексем из других языков.

Перевод медицинских терминов сопряжен с определенными трудностями,

обусловленными как особенностями самого медицинского дискурса, так и постоянно растущим количеством терминов. Основной целью перевода является не только достижение достоверности и адекватности оригинальному тексту, но также и соответствие нормам языка перевода.

Рассмотрим существующие методы перевода медицинских терминов на китайский язык. В китайском языке частотными способами освоения заимствованных слова являются следующие: графический, фонетический, семантический, полукалька и аббревиация [5, с. 38].

Фонетический способ заимствования медицинских терминов

В ходе анализа материала было выявлено, что для перевода заимствований на китайский язык чаще используются два способа: чисто фонетический и фонетико-семантический. Фонетический способ заключается в том, при переводе названий лекарств и медицинского оборудования употребляются китайские иероглифы, произношение которых полностью или частично совпадает со звучанием заимствуемой единицы, китайские иероглифы передают лишь звуковое сходство, теряя свое первоначальное значение. Приведем примеры (см. таблицу 1).

Таблица 1. Перевод медицинских терминов на китайский язык фонетическим способом

Медицинские термины латинского происхождения	Китайские эквиваленты
Amoxicillin	阿莫西林 [amoxilin]
Aspirin	阿司匹林 [asipilin]
Ribavirin	利巴韦林 [libaweilin]
Penicillin	盘尼西林 [pannixilin]

Проанализируем слова из вышеуказанных примеров:

Лекарственное средство 阿莫西林 [amoxilin], которое используется для лечения бактериальных инфекций. Название лекарства представляет собой перевод латинского наименования *amoxicillin* фонетическим способом, значения иероглифов не несут смысловой нагрузки: 阿 'восклицательная частица'; 莫 'нет'; 西 'западный'; 林 'лес'.

阿司匹林 [asipilin] – лекарственное средство, оказывающее обезболивающее, жаропонижающее, противовоспалительное действие. Название также представляет собой звуковую передачу латинского наименования лекарственного препарата *aspirin*. Рассмотрим значение каждого иероглифа: 阿 'восклицательная частица'; 司 'компания'; 匹 'счётное слово'; 林 'лес'.

Проведенный анализ переводных медицинских терминов, заимствованных в китайский язык с помощью фонетического способа, показал, иероглифы передают звучание, их значение не несет особой смысловой нагрузки. Отметим, однако, частотное использование иероглифа 林 'лес' в наименованиях таблеток, по-видимому, имплицировано ассоциацией с количеством таблеток в упаковке. См. примеры:

ampicillin	氨苄西林 [anbianxilin]
phenylephrine	新福林 [xinfulin]
motilium	吗丁林 [madinglin]
piperacillin	哌拉西林 [pailaxilin]

methicillin

甲氧西林 [jiayangxilin]

Смешанный способ заимствования медицинских терминов

При переводе медицинских терминов на китайский язык также широко используется смешанный метод, представляющий собой сочетание фонетического и семантического способов. При переводе медицинского термина на китайский язык с помощью фонетико-семантического способа китайские иероглифы не только передают произношение заимствованного слова, но и выражают значение. Приведём примеры (см. таблицу 2).

Таблица 2. Перевод медицинских терминов на китайский язык смешанным способом

Медицинские термины	Перевод на китайский язык
Paracetamol	扑热息痛 [purexitong]
Prozac	百忧解 [baiyoujie]
Antisterone	安体舒通 [antishutong]
Prontosil	百浪多息 [bailangduoxi]
Bisacodyl	便塞停 [biansaiting]
Veytalo	胃得乐 [weidele]
Vitamin	维他命 [weitaming]

Проанализируем слова из вышеуказанных примеров:

扑热息痛 [purexitong] от латинского paracetamol – лекарственное средство, анальгетик и антипиретик, оказывает жаропонижающее действие из группы анилидов. Рассмотрим значение каждого иероглифа: 扑 'бить, ударить, броситься'; 热 'жара'; 息 'утихомиривать, успокаивать'; 痛 'боль'. Название данного препарата в переводе на китайский язык буквально означает понижение температуры и облегчение боли.

百忧解 [baiyoujie] от французского prozac – антидепрессивное средство. Проанализируем значение каждого иероглифа: 百 'сто'; 忧 'грусть, печаль, тоска, депрессия'. В китайском языке данное название дословно означает облегчение депрессии.

Таким образом, на основании проанализированных примеров, можно сделать вывод, что медицинские термины, переведенные на китайский язык фонетико-семантическим способом, не только сохраняют звуковые особенности исходного слова, но также указывают на особенности продукта, степень его эффективности, за счет чего выполняется прагматическая функция. Рассмотрим примеры (см. таблицу 3).

Таблица 3. Перевод медицинских терминов на китайский язык фонетико-семантическим способом

Медицинские термины	Иероглиф / сочетание иероглифов, передающих звучание английского слова (не имеют лексического значения)	Смысловой иероглиф
克拉霉素胶囊 от Clarithromycin	克拉霉素 [kelameisu]	胶囊 [jiaonang] 'капсула'

Capsules		
氯雷他定片 от Loratadine Tablets	氯雷他定 [luleitading]	片 [pian] 'таблетка'
利巴韦林颗粒 от Ribavirin Granules	利巴韦林 [libaweilin]	颗粒 [keli] 'гранулы'

Проанализируем слова из вышеуказанных примеров:

克拉霉素 [kelameisu] 'кларитромицин'. Заимствованный медицинский термин состоит из двух частей. Первая часть состоит из четырёх иероглифов: 克 [ke] 'грамм', 拉 [la] 'тянуть', 霉 [mei] 'плесень', 素 [su] 'элемент', сочетание которых передаёт произношение части медицинского наименования, а вторая часть 胶囊 'капсулы' представляет собой перевод английской лексической единицы capsules.

Семантический способ заимствования медицинских терминов

Наряду с фонетическим и фонетико-семантическим способом, семантический способ также широко используется при переводе медицинских терминов на китайский язык. Слова, заимствованные данным способом, позволяют передать значение исходного слова.

Рассмотрим примеры (см. таблицу 4).

Таблица 4. Перевод медицинских терминов на китайский язык семантическим способом

Медицинские термины	Перевод на китайский язык	Значения иероглифов	Перевод на русский язык
isolation mask	隔离面罩 [gelimianzhao]	隔离 'изолировать' 面罩 'маска'	маска
vein visualization instrument	静脉显像仪 [jingmaixianxiangyi]	静脉 'вена' 显像 'визуализация' 仪 'аппарат'	аппарат визуализации вен
nuclear magnetic resonance	核磁共振 [hecigongzhen]	核 'ядерный' 磁 'магнитный' 共振 'резонанс'	ядерный магнитный резонанс
protective clothing	防护服 [fanghufu]	防护 'защитный' 服 'одежда'	защитная одежда
nucleic acid test	核酸检测 [hesuanjiance]	核 'нуклеиновая' 酸 'кислота' 检测 'тест'	тест на нуклеиновую кислоту
novel coronavirus	新型冠状病毒 [xinxingguan]	新型 'новый' 冠状 'корона'	коронавирус

		zhuangbingdu]	病毒 'вирус'	
fish	oil	鱼油胶囊	鱼 'рыба'	капсула с
capsules		[yuyoujiaonang]	油 'жир'	рыбий жиром
			胶囊 'капсула'	

Проанализируем слова из вышеуказанных примеров:

Медицинский термин 新型冠状病毒 [xinxingguanzhuangbingdu] представляет собой перевод английского слова *coronavirus* и состоит из корневой морфемы согопа от латинского слова венец, венчик и корневой морфемы *virus* – от латинского слова яд. Впервые термин был употреблен в статье журнала Nature в ноябре 1968 года и был включен в Большой англо-китайский словарь 1991 года: «Coronavirus [kɔrənə'vairəs] n. [微]日冕形病毒, 冠状病毒» 'микроорганизмы короновидный вирус, коронавирусы' [10]. В 2013 года Викисловарь добавил сокращённую форму CoV от Coronavirus, однако данная аббревиатура была включена в традиционные словари только в 2020 году [6, с. 269].

Семантический метод перевода часто используется при переводе медицинских терминов, заимствованных из английского языка. Он позволяет передать в названии препарата или медицинского прибора принцип его действия.

Графический способ (буквенные слова) заимствования медицинских терминов

Перфильева Н.В. и Ху Пэйпэй в работе «Способы ассимиляции английских заимствований в китайский язык» пишут о том, что «в китайском языке активно используется способ, при котором иероглифическое слово представляет собой синтез иероглифических знаков, цифровых обозначений, символов и английских графем» [1, с. 287]. В китайском языке существует целая группа иероглифических знаков, в состав которых входят английские графемы: X光机 (X-ray machine, 'рентгеновский аппарат'), 移动 DR (Mobile DR, 'мобильная цифровая рентгенография') и т.д. По мнению Ху Пэйпэй, данные представляют собой особый тип слов, который, «несомненно, является частью лексического фонда китайского языка» [1, с. 296].

Китайский лингвист Лю Юнцюань в статье «Мнение о буквенных словах» (1994) пишет о том, что алфавитные слова – это «слова, структура которых предполагает включения из китайских иероглифов и букв иностранных алфавитов (в основном латинского), или слова, полностью состоящие из букв иностранных алфавитов» [7, с. 7]. Позже Лю Юнцюань дополнил свою концепцию алфавитных слов в китайском языке, определив, что «буквенные слова относятся к словам, составленным из латинского алфавита (включая китайский алфавит с системой записи "пиньинь"), греческого алфавита или их комбинации с символами, цифрами или китайскими иероглифами» [8, с. 85]. В современном китайском языке принято выделять два типа алфавитных слов: полные буквенные слова и частичные буквенные слова [9, с. 26].

Таблица 5. Перевод медицинских терминов на китайский язык графическим способом

Медицинские термины	Перевод на китайский язык	Полное/частичное буквенное слово	Перевод на русский язык
X-ray machine	X光机	Частичное буквенное	Рентгеновский аппарат

Латинское слово	Китайское слово	Китайское буквенное слово	Китайское слово с латинскими буквами
Mobile DR	移动DR	Частичное буквенное слово	Мобильная цифровая рентгенография
ECMO	ECMO	Полное буквенное слово	Экстракорпоральная мембранная оксигенация
POCT	POCT	Полное буквенное слово	Тестирование на месте оказания медицинской помощи
CT	CT	Полное буквенное слово	Компьютерная томография
HIV	HIV	Полное буквенное слово	Вирус иммунодефицита человека

Проанализируем вышеуказанные примеры:

ЕСМО 'экстракорпоральная мембранная оксигенация' – усовершенствованное средство жизнеобеспечения и терапии, при котором искусственное кровообращение заменяет или частично заменяет сердечно-легочную функцию, спасая жизнь [2, с. 1966]. Данная аббревиатура переведена на китайский язык с помощью семантического способа: 体外膜肺氧合 [tiwaifeimoyanghe] – экстракорпоральная мембранная оксигенация. Однако, в случае если бы эта аббревиатура была переведена при помощи использования фонетического способа, получилось бы 伊西爱木欧, что буквально можно перевести как 伊 'этот'; 西 'запад'; 爱 'любовь'; 木 'дерево'; 欧 'Европа'. В настоящее время носители китайского языка становятся все более восприимчивы к буквенным словам, к тому же графический метод упрощает процесс перевода названий медицинской продукции и соответствует принципам лаконичности и ясности рекламы.

Таким образом, можно сделать вывод, что при переводе заимствований с латинского языка на китайский предпочтение отдается фонетическому способу, в то время как при переводе английских медицинских терминов преимущественно используется фонетико-семантический, семантический и графический способы. Семантический способ позволяет наиболее полно передать смысл заимствованных слов, а также создать прагматический эффект. Частота использования графического метода перевода значительно ниже, так как английский и китайский языки имеют разные виды письменности, что также вносит ограничения для передачи и интерпретации информации.

Библиография

1. Перфильева Н. В., Ху Пэйпэй. Способы ассимиляции английских заимствований в китайский язык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № С. 287–296. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-287-301
2. Combes A., Hajage D., Capellier G. et al. Extracorporeal membrane oxygenation for severe acute respiratory distress syndrome. N Engl J Med. 2018. № 378 (31). P. 1965–1975.
3. Tyrrell J. Coronavirus // Nature. 1968. № 220. P. 11. Гао Минкай. Теория китайской грамматики. Пекин : изд-во Наука (高明凯. 汉语语法论). 北京:科学出版社, 1957. 17 с.
4. Гао Минкай, Лю Чжэнтань. Исследование заимствований в современном китайском языке. Пекин: изд-во Вэньцзи
5. Гайгэ (高明凯, 刘正琰. 现代汉语外来词研究). 北京:文字改革出版社, 1958. 38 с.

6. Гао Юнвэй. Новое слово в английском языке, рожденное эпидемией коронавируса // Доклад об условиях жизни китайского языка (高永伟.新冠疫情催生的英语新词新义 // 中国语言生活状况报告), Пекин, 2021. С. 269–271.
7. Лю Юнцюань. Мнение о буквенных слов // Языковое образование (刘涌泉. 谈谈字母词// 语文建设). 1994. № 2. С. 7–8.
8. Лю Юнцюань. О проблеме буквенных слов // Употребление речи и письменности (刘涌泉. 关于汉语字母词的问题 // 语言文字应用). 2002. № С. 85–90.
9. Сюй Чжанхэ. Неологизмы английского языка. // Шанхай: изд-во Шанхайского Цзяотун университета. (徐昌和.英语新语新词导论//上海:上海交通大学出版社). 2009. С. 26–29.
10. Большой англо-китайский словарь [Электронный ресурс] 冠状病毒.-URL: <http://www.880114.com/yy/coronavirus/> (дата обращения: 09.12.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Правомерные заимствования являются распространенным явлением в развитии языка. Следовательно, рассмотрение данного процесса вполне целесообразно и актуально. Предметная область рецензируемой статьи связана с переводом медицинских терминов на китайский язык. Как отмечает автор исследования, «Китай активно сотрудничает с другими странами в различных областях, что непосредственно приводит к изменению лексического состава, появлению заимствований, которые в первую очередь обусловлены импортом соответствующей продукции, оборудования и новых технологий», «паеревод медицинских терминов сопряжен с определенными трудностями, обусловленными как особенностями самого медицинского дискурса, так и постоянно растущим количеством терминов. Основной целью перевода является не только достижение достоверности и адекватности оригинальному тексту, но также и соответствие нормам языка перевода». Намеченная цель планомерно достигается по ходу работы, задачи точно решаются, что позволяет говорить о полномасштабном раскрытии темы научного проекта. Считаю, что материал конструктивен, точка зрения автора высказывается убедительно и объективно. Например, «в ходе анализа материала было выявлено, что для перевода заимствований на китайский язык чаще используются два способа: чисто фонетический и фонетико-семантический. Фонетический способ заключается в том, при переводе названий лекарств и медицинского оборудования употребляются китайские иероглифы, произношение которых полностью или частично совпадает со звучанием заимствуемой единицы, китайские иероглифы передают лишь звуковое сходство, теряя свое первоначальное значение», или «проведенный анализ переводных медицинских терминов, заимствованных в китайский язык с помощью фонетического способа, показал, иероглифы передают звучание, их значение не несет особой смысловой нагрузки. Отметим, однако, частотное использование иероглифа 林 'лес' в наименованиях таблеток, по-видимому, имплицировано ассоциацией с количеством таблеток в упаковке», или «проанализируем слова из вышеуказанных примеров: 克拉霉素 [kelameisu] 'кларитромицин'. Заимствованный медицинский термин состоит из двух частей. Первая часть состоит из четырёх иероглифов: 克 [ke] 'грамм', 拉 [la] 'тянуть', 霉 [mei] 'плесень', 素 [su] 'элемент', сочетание которых передаёт произношение части медицинского наименования, а вторая часть 胶囊 'капсулы' представляет собой перевод английской лексической единицы capsules» и т.д. Автор

систематизирует / обобщает наработанный базис в вид таблиц, условных схем. Это облегчает воспринимать работу; думаю, что материал удобно будет использовать в рамках изучения дисциплин гуманитарного / лингвистического цикла. Стиль работы соотносится с собственно научным типом, термины и понятия используются в режиме унификации. Например, «медицинский термин新型冠状病毒 [xinxingguanzhuangbingdu] представляет собой перевод английского слова coronavirus и состоит из корневой морфемы corona от латинского слова венец, венчик и корневой морфемы virus – от латинского слова яд. Впервые термин был употреблен в статье журнала Nature в ноябре 1968 года и был включен в Большой англо-китайский словарь 1991 года: «Coronavirus [kɔrənə'vairəs] n. [微]冕形病毒,冠状病毒» 'микроорганизмы короновирусный вирус, короновирус'. В 2013 года Викисловарь добавил сокращённую форму CoV от Coronavirus, однако данная аббревиатура была включена в традиционные словари только в 2020 году...» и т.д. Методология исследования ориентирована на актуальные аналитические принципы; серьёзных фактических нарушений не выявлено. Наличный текстовый объем достаточен для манифестации и конкретизации проблемы. Заключительный блок содержит следующий вывод: «при переводе заимствований с латинского языка на китайский предпочтение отдается фонетическому способу, в то время как при переводе английских медицинских терминов преимущественно используется фонетико-семантический, семантический и графический способы. Семантический способ позволяет наиболее полно передать смысл заимствованных слов, а также создать прагматический эффект. Частота использования графического метода перевода значительно ниже, так как английский и китайский языки имеют разные виды письменности, что также вносит ограничения для передачи и интерпретации информации». Фактическая составляющая промаркирована, отчасти автор задает и вектор дальнейшей разверстки вопроса. Обязательный стандарт требований издания учтен, список источников не так объемён, но правомерен. Считаю, что статья «Перевод медицинских терминов на китайский язык» может быть допущена к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сунь С., Чжан Ч. — Русская и китайская национальные личности: на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок с концептом «семья» // Litera. – 2023. – № 12. – С. 315 - 327. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69220
EDN: LCRWHH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69220

Русская и китайская национальные личности: на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок с концептом «семья»

Сунь Сюйна

аспирант, кафедра русского языка и лингвокультурологии, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1161799398@qq.com

Чжан Чэнмин

магистр, кафедра журналистики, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198 область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 714726619@qq.com

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69220

EDN:

LCRWHH

Дата направления статьи в редакцию:

04-12-2023

Дата публикации:

30-12-2023

Аннотация: Данная статья посвящена характеристикам русской и китайской национальных личностей на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок с концептом «семья». Предметом данного исследования являются русская национальная

личность (РНЛ) и китайская национальная личность (КНЛ). Объектом исследования являются универсальные и национально-специфические лингвокультурологические особенности русской и китайской национальных личностей. Практическая значимость работы заключается в том, что лексико-семантический и лингвокультурологический анализ фразеологизмов, пословиц и поговорок семейной тематики может быть использован в учебной деятельности в курсах лексикологии, лингвокультурологии, лингвострановедения, социолингвистики. Положения и выводы исследования могут найти применение в лексикографической практике при составлении словарей фразеологизмов, а также в практике преподавания русского языка как иностранного, распространения китайской культуры в России. Для решения поставленной проблемы применяются следующие методы исследования: метод сплошной выборки материала из словарей русского и китайского языка, метод лингвокультурологического комментария и сопоставительно-контрастивный метод. В статье впервые рассмотрена проблема русской и китайской национальных личностей, которая ранее не была описана в сопоставительном аспекте, впервые анализируется традиционная духовно-культурная ценность семьи русской и китайской личностей, указываются их стереотипные представления и отношения к браку, любви, женщине, мужчине, жене, мужу, родителям, детям и отношения к родственникам, которые свидетельствуют об общих или различных культурных установках у представителей обеих лингвокультур. В этом заключается научная новизна данного исследования. В результате исследования показано, что зафиксированные в русских и китайских лексикографических источниках фразеологизмы, пословицы и поговорки с концептом семья отличаются в количественном и содержательном отношении. Русская и китайская личности рассматривают такие традиционные семейные ценности, как брак, любовь, женщина, мужчина, жена, муж, родители, дети, родственники и т.д. по-разному. Для китайцев большой важностью обладают семейно-родственные отношения, сохранение которых осуществляется при помощи таких культурных ценностей, как супружеская гармония, продолжение рода, сыновняя почтительность, братская дружба, мирные родственные отношения.

Ключевые слова:

Лингвокультурология, русская национальная личность, китайская национальная личность, концепт семья, культурные ценности, русский язык, китайский язык, фразеологизм, пословица, поговорка

Данная статья была поддержана Китайским советом по стипендия (China Scholarship Council) в рамках программы «Стипендия Правительства КНР И РФ», No 202107040006

Введение

Как составляющий компонент совокупности когнитивной деятельности национально-духовной культуры семейно-социальные отношения находят своё отражение в системе фразеологических единиц, пословиц и поговорок, главное назначение которой — фиксировать ментальность и картину мира национальной личности. Актуальность темы исследования определяется активным развитием межкультурных связей русского и китайского обществ, их интересом к изучению национальной личности различных представителей лингвокультур.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) определить состав русских и китайских фразеологизмов, пословиц и поговорок, в которых находят отражение традиционные национальные ценности семейных отношений.
- 2) сопоставительно анализировать духовно-ментальные характеристики русской и китайской национальных личностей во фразеологизмах, пословицах и поговорках в отношении к браку, любви, женщине, мужчине, жене, мужу, родителям, детям, и отношения к родственникам.
- 3) выявить общечеловеческие и национально-специфические семейные ценности сопоставляемых национальных личностей.

В качестве материала исследования были использованы 58 русских фразеологизмов, пословиц и поговорок, 125 фразеологизмов, пословиц и поговорок китайского языка, отобранных методом направленной выборки из следующих словарей: «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь» под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова^[22], «Пословицы русского народа» В.И. Даля^[7], «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова^[10], «Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты» В.Н. Телия^[18], «Китайские народные поговорки, пословицы и выражения» А. Тишков^[19], «Китайско-русский фразеологический словарь» К.В. Толмац^[20], «Китайско-русский фразеологический словарь» О.М. Готлиб, Му Хуаин^[5], «Фразеологический словарь Синьхуа» (新华成语词典)^[23].

Теоретической базой исследования послужили публикации российских и китайских авторов, в которых рассматриваются проблемы русской национальной личности в аспекте лингвокультурологии (Воробьев^[3, 4], Рапопорт^[16], Недосугова^[15], Летова^[11], Василюк^[2]), а также проводится анализ китайской культуры, языковой картины мира (Доменак^[8], Абрамова^[1], Тань Аошун^[17], Гурулева^[6], 沙莲香^[24], Е Лан, Чжу Лянчжи^[9], 李磊荣^[12]).

Основная часть

«Семья — это небольшое закрытое сообщество, где все дела решаются вместе, сообща и без свидетелей»^[13, с. 59]. В семье развивается родственная личность, которой передается национальная личность. Строй социально-межличностных отношений определяется и предугадывается семьей.

Семья и для русских, и для китайцев - это несомненная ценность. Но большие различия РНЛ и КНЛ в отношении к семье и в семейно-родственных отношениях существуют.

Для РНЛ ценность семьи, ее незаменимость очевидны:

Вся семья вместе, так и душа на месте.

Своя семейка — свой простор.

В семье и каша гуще.

Лад избу ширит.

Где лад, там и клад.

Для КНЛ судьба отдельного человека, его счастье начинаются со своей семьи,

совершенство личности также проявляется в семейной совершенности и счастье:

书香门第 «Семья, в которой многие поколения поддерживаются традиции литераторов».

家和万事兴 «Если в семье мир, то и все дела процветают».

修身齐家治国平天下 «Добиваться самосовершенствования, в порядке содержать семью, управлять государством и нести Поднебесной мир».

Брак воспринимается русскими как необходимость, как закономерное явление, а для китайского народа необходимо создать семью и открыть дела в соответствующий возраст:

РНЛ:

Всякая невеста для своего жениха родится.

Суженого конем не объедешь.

КНЛ:

成家立业 «Создать семью, организовать свое дело».

男大当婚, 女大当嫁 «Когда мужчина подрастает, он должен жениться; когда девушка взрослеет, она должна выйти замуж».

標梅之年 «Время, когда отцветает слива» — пора выходить замуж.

Одновременно отмечается, что брак — это ограничение свободы, что мало нравится русским мужчинам; а брак помогает китайским мужчинам получить больше свободы без домашних забот, сравним:

Женился на скорую руку, да на долгую муку.

Жениться — не напасть, да как бы, женившись, не пропасть.

Бери, чтобы не каяться, жить в любви да не маяться.

Жена не лапоть: с ноги не сбросишь.

内顾之忧 «Заботы внутренних дел» — не имея жены, заботиться о доме.

Для РНЛ брак по любви — не самое лучшее изобретение на свете:

Горе женится, а нужда замуж идет.

Замуж идет — песни поет, а вышла — слезы льет.

Бедному жениться и ночь коротка.

Китайский народ придает большое значение браку. Для него брак — это дело двух семей (семей мужа, жены), а совсем не только дело супружеских пар:

父母之命, 媒妁之言 «(О традиционных свадьбах) родители решили, а сваха познакомила».

门当户对 «[Пара] одинакового общественного положения и происхождения».

Итак, в традиционном китайском браке важным считается не любовь, а послебрачная гармония, которая является основой гармонии той или иной семьи. Не трудно заметить,

что такая брачная, семейная ценность, в конце концов, в китайском языке отражена очень ярко. Мы можем найти большое количество китайских фразеологизмов на тему супружеская гармония:

凤凰于飞 «Пара фениксов отправилась в полет» — счастливые супруги.

夫唱妇随 «Муж запоет, жена подхватывает» — семейная гармония.

鸾凤和鸣 «Жар-птица и феникс вместе поют» — счастливый брак.

举案齐眉 «Держать поднос (с едой) на уровне бровей» — взаимное уважение супругов.

夫人裙带 «Повязка от юбки жены» — муж, делающий карьеру благодаря жене.

夫荣妻贵 «Мужу почет и жене уважение» — почести мужа достаются и жене.

琴瑟之好 «Гармония цинь и сэ (цитры и гуслей)» — супружеское счастье; семейная гармония.

相敬如宾 «Уважать друг друга, словно гостя» — взаимное уважение супругов.

张敞画眉 «Чжан Чан рисует брови» — прекрасные, нежные отношения между супругами.

执子之手, 与子偕老 «Держась за руки, состариться вместе».

Для РНЛ народный идеал заключается в доброй жене и крепкой дружной семье. Об этом свидетельствует множество пословиц:

Без жены, что без шпаги.

Красота до вечера, а доброта на век.

Добрую жену и муж честен.

Добрая жена да жирные щи — другого добра не ищи.

Не ищи красоты, ищи доброты.

Добрую жену взять ни скуки, ни горя не знать.

Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад.

У русской женщины судьба незавидная, но она славится своим мужеством, стойкостью, преданностью, она и «коня на скаку остановит», и «в горящую избу войдет», правда, остальные пословицы трудно расценивать как «культ женщины»:

У бабы волос долог, да ум короток.

Баба с возу — кобыле легче.

Бабы города недолго стоят.

Где бес не сможет, туда бабу пошлет.

Семь топоров вместе лежат, а две прялки врозь.

Бабыя дорога — от печки до порога.

В старом Китае тоже была традиционная формула требований к женщине:

三从四德 «Троякая покорность: до замужества повиноваться отцу, в замужестве - мужу, после смерти мужа - сыну и целомудрие, владение искусств; и четыре добродетели: супружеская верность, хорошее обхождение, приятная внешность и умение быть хоро».

В русской культуре отношение к женщине проявляется чаще всего, как отношение к жене, и больше всего, как к матери. Отношение к женам в русском языке снисходительное и ироничное. «Наверное, мужчины придумали эти поговорки, чтобы отомстить за свои обиды, причем, судя по всему, русских мужей обижают больше» [\[16, с. 116\]](#).

Будь жена хоть коза, лишь бы золотые рога.

Жена — не рукавица: с руки не сбросишь, за пояс не заткнешь.

Жена — не сапог, с ноги не скинешь.

Сорок лет — бабий век.

В России женщина получает социальный статус только после замужества, а незамужняя женщина все равно что сирота, только с мужем она «как за каменной стеной», и поэтому только в браке женщина может обрести счастье и покой:

Родители берегут дочь до венца, а муж до конца.

Без мужа жена всегда сирота.

Жена без мужа — вдовы хуже.

В традиционной ценности КНЛ, жена и муж составляют "сообщество единой судьбы", иными словами, жена должна следовать за мужем:

嫁出去的女儿, 泼出去的水 «Вышедшая замуж дочь все равно, что пролитая вода».

嫁鸡随鸡, 嫁狗随狗 «За кого замуж выдадут, с тем и живи».

У русских к жене предъявляются самые строгие требования:

Добрая жена дом сбережет, а худая рукавом растрясет.

Не наряд жену красит — домоустройство.

Женою доброю и муж честен.

На хорошую глядеть хорошо, а с умной жить легко.

В китайском языке находим идеальный образ жены:

贤妻良母 «Добродетельная супруга и любящая мать».

相夫教子 «Заботиться о муже и обучать детей».

宜室宜家 «Приносить счастье всей семье».

Неоднократно говорилось о том, что образ женщины в русской культуре ассоциируется с образом матери [\[21\]](#), что подтверждается следующими фразеологизмами:

Дом матерью держится.

Не та мать, что родила, а та, что выходила.

Нет милее дружка, как родная (родимая) матушка.

Жена приласкает, а мать пожалеет.

Любящая мать КНЛ отражается таким образом:

贤妻良母 «Добродетельная супруга и любящая мать».

严父慈母 «Строгий отец и мягкая мать».

父爱如山, 母爱如水 «Отцовская любовь подобна скале, материнская любовь подобна воде».

孟母三迁 «Мать Мэн-цзы трижды переселяется (подальше от кладбища и рынка, но поближе к школе) — хлопоты родителей по поиску хорошего учебного заведения для своих детей.

В русском языке особенно выделяется властная роль мужчины в семье: он глава рода, хозяин и главный кормилец:

Мужик в семье, что матица в избе.

Хозяин в дому, что медведь в бору, как хочет, так и ворочает.

Отец всему голова.

Чти отца своего.

Роль русского мужа в доме трудно переоценить, он должен заботиться о семье, о доме:

Муж дому строитель, нищете отгонитель.

Муж в дому, что глава на церкви.

Традиционная ценность КНЛ уделяет внимание гармоничному разделению труда мужчины и женщины:

男耕女织 «Мужчины пахут, а женщины ткут».

男主外, 女主内 «Мужчина заботится о внешних делах, женщина заботится о внутренних делах».

Таким образом, китайский мужчина в семье и может стать *顶梁柱* "главным столбом", *一家之主* хозяином, и может *妻管严* быть под каблуком у жены.

Как отец, китайский мужчина обязательно и любящий, и строгий:

父慈子孝 «Отец любит, сын почитает».

严父慈母 «Строгий отец и мягкая мать».

子不教, 父之过 «Если ребенок не обучен, это ошибка отца».

父爱如山, 母爱如水 «Отцовская любовь подобна скале, материнская любовь подобна воде».

В русском языке ясно отражена ответственность родителей за правильное воспитание детей и как следствие родительское стремление к жесткому контролю:

Умел дитя родить, умей и научить.

Не тот отец, кто вспоил, вскормил, а тот, кто уму-разуму научил.

Учи дитя, пока поперек лавки укладывается. А во всю вытянется — не научишь.

Детки подросли, отца растрясли. Оттого растрясли, что умел отец родить, а не умел разуму научить.

Это также предусматривает подчинение младших старшим:

Прежде отца (бабки) в петлю не лезь.

Чти отца своего.

Яйца курицу не учат.

Благодарность детей и их уважение к родителям так же имеют для них большое значение:

Бессердечные дети отчий дом хаут.

Из пороков самый большой — распутство, из добродетелей самая высокая — сыновний долг.

Представление о рождении детей и будущих поколениях является одной из важнейших частей традиционной китайской семейной ценности и морали. Об этом ярко свидетельствует фразеологизм *不孝有三, 无后为大* «Есть три вида непочтительности к родителям, из них главный — отсутствие потомства». Сознание КНЛ о будущих поколениях также отражено в следующих фразеологизмах:

传宗接代 «Продолжение рода».

兰薰桂馥 «Орхидея благоухает, коричневое дерево распространяет аромат» — многочисленное потомство.

儿孙满堂 «Полон дом детей и внуков».

人丁兴旺 «Многочисленное потомство».

开枝散叶 «Выпускать ветви и выбрасывать листья» — иметь многочисленное потомство.

В китайском тоже ясно отражены любовь родителей и их ответственность за воспитание детей.

老牛舐犊 «[Как] старая корова лижет своего телёнка» — безоглядная родительская любовь.

昊天罔极 «Великое небо не знает пределов, беспредельность мира» — бесконечность родительской любви, родительского добра.

孟母三迁 «Мать Мэн-цзы трижды переселяется (подальше от кладбища и рынка, но поближе к школе» — хлопоты родителей по поиску хорошего учебного заведения для своих детей.

棒棍之下出孝子 «Палка делает сына почтительным».

子不教, 父之过 «Если ребенок не обучен, это ошибка отца».

过庭之训 «Отцовское наставление».

教子有方 «Знающий толк в воспитании детей».

КНЛ подчеркивает любовь к родителям, и такую главнейшую традиционную добродетель, как сыновняя почтительность.

百善孝为先 «Из всех добродетелей главнейшей является сыновняя почтительность».

菽水承欢 «Бобами и водой радовать родителей».

卧冰求鲤 «Лежать на льду (идеал сыновней любви к родителям; из повествования о том, как некий Ван Сян растопил телом лёд, чтобы поймать рыбу для больной матери)».

先意承志 «Предугадывать мысли и удовлетворять желания [родителей]».

父慈子孝 «Отец любит, сын почитает».

反哺之情 «Отрыгать проглоченное, чтобы накормить своих родителей» — чувство сыновней благодарности.

慈孙孝子 «Любящий внук, образцовый (преданный) сын».

寸草难报 «Травинка под весенними лучами» — быть в неоплатном долгу перед родителями.

风木含悲 «Ветер и дерево хранят печаль» — печаль детей о невозможности содержать родителей после их смерти.

不肖子孙 «Дети не достойны своих предков» — не следовать чести отцов.

В отношении к родственникам (кровным и некровным) выявляется много общего в РНЛ и КНЛ:

РНЛ:

Братская любовь крепче каменных стен.

С сыном бранись — за печку держись, с зятем бранись — за дверь держись.

Свату первая чарка и первая палка.

КНЛ:

血肉相连 «Кровь и плоть взаимно едины» — кровный, родственный.

长枕大被 «Длинная подушка, большое одеяло» — братская дружба.

同盘而食 «Есть из одной чашки» — братские, дружеские отношения.

长嫂如母 «Жена старшего брата подобна матери (для младших братьев и сестёр, если нет матери)».

兄友弟恭 «Старший брат должен быть добрым, а младший — почтительным».

让枣推梨 «Уступать [братьям более крупные] финики и груши» — братская дружба.

手足之情 «Как собственные руки и ноги» — братская дружба.

家有一老如有一宝 «Пожилой человек в семье - это драгоценность».

葭莩之亲 «Родня, как перепонка в стеблях камыша» — дальняя родня.

血浓于水 «Кровь гуще воды».

七大姑八大姨 «Семь старших тёток по отцу и восемь старших тёток по матери» — куча родственников

沾亲带故 «Иметь близкие родственные или приятельские связи».

姑舅亲, 辈辈亲, 打断骨头连着筋 «Двоюродные близко роднятся, обруби кость - жилами соединятся».

Духовная сопринадлежность человека к русской культуре наиболее ярко проявляется именно в семейной жизни, ибо «русский человек без родни не живет», определяется ее родственными отношениями «Всякий мирянин своему брату семьянин»; в России «мир испокон века держится родством и соборностью» [14, с. 224]. Кровное родство обладало для китайцев большой важностью и во многом структурировало всю систему общественных отношений [8]. Некоторые исследователи даже говорят о «культе кровного родства» как о характерной черте китайской культуры [1]. «В Китае нет единой религии, и такой сильной религиозной власти, как на Западе, но клановая власть, семейная власть в Китае очень развиты, они фактически контролируют людей» [24, с. 7].

Заключение

Таким образом, в результате анализа русских и китайских фразеологизмов, пословиц и поговорок с концептом семья установлено, что фразеологических единиц, зафиксированных в русских словарях, значительно меньше, чем китайских — 58 против 125.

Семья и для русских, и для китайцев - это несомненная ценность. В общечеловеческие традиционные семейные ценности РНЛ и КНЛ входят незаменимость семьи, необходимость брака, ответственность родителей за правильное воспитание детей, благодарность детей и их уважение к родителям, братская любовь, важность (кровных и некровных) родственных отношений и др. Но большие различия РНЛ и КНЛ в отношении к семье и в семейно-родственных отношениях существуют. Русская и китайская личности рассматривают такие традиционные семейные ценности, как брак, любовь, женщина, мужчина, жена, муж, родители, дети, родственники и т.д. по-разному, например, для РНЛ брак — это ограничение свободы, что мало нравится русским мужчинам; а брак помогает китайским мужчинам получить больше свободы без домашних забот.

Китайская культура характеризуется клановой и семейной властью. Для китайской личности большой важностью обладают семейно-родственные отношения, сохранение которых осуществляется при помощи таких культурных ценностей, как супружеская гармония, продолжение рода, сыновняя почтительность, братская дружба, мирные родственные отношения и др.

На наш взгляд, дальнейшее исследование в русле данной заявленной проблематики является перспективным не только в плане конкретизации речевого портрета китайской языковой личности, но и в аспекте моделирования системы традиционных культурологических ценностей русской и китайской национальных личностей.

Библиография

1. Абрамова Н.А. Китайский этнос: от традиции к современности. Чита: читГУ, 2006. 15 с.
2. Василюк И.П. Лингвокультурологическое исследование национальной (русской) языковой личности: На материале афористики. дисс. ...к. филол. н. Москва, 2004. 20 с.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: РУДН, 2008. 336 с.
4. Воробьев В.В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии. дисс. ...д-ра филол. н. Москва, 1996. 419 с.
5. Готлиб О.М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 596 с.
6. Гурулева Т.Л. Речевой портрет китайской языковой личности. М.: ИТЦ, 2017. 157 с.
7. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 3 т. М.: Рус. кн., 1993. 10956 с.
8. Доменак Ж. Семейные отношения в Китае. М.: Наука, 1991. 39 с.
9. Е Лан, Чжу Лянчжи. Хрестоматия по культуре Китая. Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков, 2011. 262 с.
10. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус.яз., 1998. 534 с.
11. Летова А.Д. Лингвокультурологический концепт "Английская национальная личность" в сопоставительно-контрастивном описании афористики. дисс. ...к. филол. н. Москва, 2004. 200 с.
12. Ли Лэйжун. Культура Китая. Шанхай: Шанхайское издательство иностранных языков, 2015. 341 с. 李磊荣. 中国文化简明教程. 上海: 上海外语教育出版社, 2015. 341 页.
13. Максимов С.В. Культ хлеба; Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск: Русич, 1995. 59 с.
14. Муравьев В.Н. Рев племени. // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Изд. Моск. ун-та, 1991. 224 с.
15. Недосугова А.Б. Лингвокультурологическое описание национальной личности в русском и китайском языках. дисс. ...к. филол. н. Москва, 2003. 224 с.
16. Рапопорт Н.В. Лингвокультурологический концепт "Французская национальная личность": На материале афористики. дисс. ...к. филол. н. Уфа, 1999. 116 с.
17. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 231 с.
18. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 284 с.
19. Тишков А. Китайские народные поговорки, пословицы и выражения. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 80 с.
20. Толмац К.В. Китайско-русский фразеологический словарь. М.: Восточная книга, 2009. 504 с.
21. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Российская Академия Наук, Институт языкознания, 1996. 139 с.
22. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М.: Рус. яз., 1979. 2692 с.
23. Хао Цзинцзян, Ли Цзин, Чжан Сюфан. Фразеологический словарь Синьхуа. Пекин: Коммерческое издательство, 2009. 369 с. 郝景江, 李靖, 张秀芳. 新华成语词典. 北京: 商务出

版社, 2009. 369 页.

24. Ша Ляньсян. Китайский национальный характер. Пекин: Издательство Китайского университета Жэньминь, 2012. 7 с. 沙莲香. 中国民族性. 北京: 中国人民大学出版社, 2012. 7 页.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Русская и китайская национальные личности: на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок с концептом «семья», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению национальной личности различных представителей лингвокультур, а также ввиду активного развития межкультурных связей русского и китайского обществ, интересом к изучению китайского языка в нашей стране.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

В качестве материала исследования были использованы 58 русских фразеологизмов, пословиц и поговорок, 125 фразеологизмов, пословиц и поговорок китайского языка, отобранных методом направленной выборки из авторитетных словарей.

В работе автор определяет состав русских и китайских фразеологизмов, пословиц и поговорок, в которых находят отражение традиционные национальные ценности семейных отношений; предпринимает попытку сопоставительно анализировать духовно-ментальные характеристики русской и китайской национальных личностей во фразеологизмах, пословицах и поговорках в отношении к браку, любви, женщине, мужчине, жене, мужу, родителям, детям, и отношения к родственникам, а также пытается выявить общечеловеческие и национально-специфические семейные ценности сопоставляемых национальных личностей.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 28 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и китайском языках. Вызывает удивление транслитерация названий китайских источников в библиографическом списке. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

В работе есть технические опечатки, к примеру, «...жене, мужу, родителям, детям, и отношения к родственникам.»,

Повторы в примерах

« Мужик в семье, что матица в избе.

Хозяин в дому, что медведь в бору, как хочет, так и ворочает.

Отец всему голова.

Чти отца своего.

Мужик в семье, что матица в избе...»

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по лингвокультурологии, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Русская и китайская национальные личности: на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок с концептом «семья» может быть рекомендована к публикации в научном журнале

Litera

Правильная ссылка на статью:

Баринаова Б.В., Харчевникова Р.П., Пюрбеев Г.Ц., Биткеев П.Ц., Монраев М.У. Калмыцкая метеорологическая лексика межсезонья в сравнении с близкородственными языками // Litera. 2023. № 12. С. 328-337. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69244 EDN: LEYYJK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69244

Калмыцкая метеорологическая лексика межсезонья в сравнении с близкородственными языками

Баринаова Байрта Валерьевна

ORCID: 0000-0003-4158-3786

старший преподаватель; кафедра калмыцкого языка, монголистики и алтаистики; Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Ас. Пушкина, 7

✉ bbarinova@yandex.ru**Харчевникова Роза Пюрвеновна**

ORCID: 0000-0002-5231-9238

доктор филологических наук

профессор, кафедра калмыцкого языка, монголистики и алтаистики, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова"

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Ас. Пушкина, 7

✉ kharchevnikova-rp@yandex.ru**Пюрбеев Григорий Церенович**

доктор филологических наук

профессор, кафедра калмыцкого языка, монголистики и алтаистики, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова"

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Ас. Пушкина, 7

✉ pyurbeev@yandex.ru**Биткеев Петр Цеденович**

доктор филологических наук

профессор, кафедра калмыцкого языка, монголистики и алтаистики, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова"

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Ас. Пушкина, 7

✉ bipetr37@yandex.ru**Монраев Михаил Убушаевич**

ORCID: 0000-0001-5219-233X

доктор филологических наук

профессор, кафедра калмыцкого языка, монголистики и алтаистики, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова"

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Ас. Пушкина, 7

✉ mihailmonraev@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69244

EDN:

LEYJJK

Дата направления статьи в редакцию:

06-12-2023

Дата публикации:

30-12-2023

Аннотация: Калмыцкая метеорологическая лексика, связанная с образом жизни, окружающей средой и менталитетом, относится к исконному пласту, как и в других близкородственных языках алтайской семьи. Общность грамматических основ данной лексики подтверждается лексикографическими данными, зафиксированными в старописьменных монгольских, калмыцких и тюркских источниках. Объектом исследования являются номинативные единицы (слова, словосочетания и фразеологизмы) в калмыцком языке, обозначающие погодные явления межсезонья. Особое внимание уделяется метеорологической лексике межсезонья промежуточного периода осень-зима. Актуальность данного исследования связана с исследованием метеорологической лексики в калмыцком языке, выявлением особенностей языковой картины мира народа в целом и ее влияние на лексику. Лингвокультурологический анализ метеорологической лексики дает возможность рассмотреть жизнь и культуру калмыцкого народа. В данной статье применяется описательный метод, сравнительный метод, сопоставительный метод, метод лингвокультурологического анализа лексических единиц. Метеорологическая лексика межсезонья, рассматривается в данной статье с учетом современной лингвокультурологической направленности и представлена в аспекте междисциплинарной категории: а) роль данного явления в жизни человека (природные ориентиры и локации человека); б) лексика межсезонья и связанная с ними хозяйственная деятельность человека; в) сравнительно-оценочная особенность использования данной лексики в устных и письменных образцах в рассматриваемых языках. Калмыцкая метеорологическая лексика межсезонья является самостоятельной цельной категорией, которая присутствует во всех монгольских и тюркских языках, зафиксирована в старописьменных источниках и сохранила свое первоначальное значение в современном калмыцком языке. Данная лексика отражает особенности языковой картины мира и мировоззрения, специфику жизненного уклада и внутреннего мира калмыков и является универсальной для других близкородственных народов, относящихся к алтайской языковой общности.

Ключевые слова:

метеорологическая лексика, устойчивое словосочетание, межсезонье, калмыцкий язык, монгольские языки, тюркские языки, прохлада, туман, иней, языковая картина мира

Метеорологическая лексика является одной из интересных малоисследованных тем современного калмыцкого языка и представляет интерес для лингвистов, фольклористов, этнологов.

Данная лексика отличается древним происхождением и относительной стабильностью на протяжении многих веков, а также достаточной репрезентативностью в лексикографических источниках. Изучение лексических единиц, связанных с обозначением природных явлений, позволяет исследовать особенности языковой картины мира, народного мышления.

В последнее время в изучении наименований природных явлений наметилась тенденция к определению роли метеонимов в системе воззрений народа на окружающий мир.

В калмыцком языке специальных трудов по изучению лексики данной тематики нет, но некоторые компоненты метеорологической лексики рассматриваются в отдельных статьях, некоторых разделах научных трудов [\[1, 2\]](#).

Г.Ц. Пюрбеев в своей монографии «Эпос Джангар: культура и язык» выделяет три группы природных явлений, встречающиеся в «Джангаре»: атмосферные осадки (*хур* «дождь», *часн* «снег», *мөндр* «град», *хур часни тоосн* «пыльная буря с дождем и снегом», *бүр-бүр гидг хур* «слегка моросящий дождь», *билгин хар хур* «волшебный, целительный дождь»); погодные условия (*зад* «ненастье, непогода», *һаң* «зной», *һаңду* «засуха», *ширмин ик халун* «испепеляющий зной, невыносимая жара», *серүн* «прохлада, свежесть», *будн* «туман», *манрх* «покрываться туманом», *заһлма киитн салькн* «перекрестный холодный ветер» и др.); небесные явления (*айһһ* «молния, гром», *лууһин дун* «гром» (досл. голос дракона), *солһһ* «радуга») [\[2, с. 35\]](#).

В монографии Э.П. Бакаевой «Добуддийские верования калмыков» автор описывает древний ритуал вызывания дождя, где рассматриваются такие явления природы как *зад* «ненастье», *зад чолун* «специальный камень для вызывания дождя», *задч* «вызыватель дождя» [\[1, с. 76-78\]](#).

Межсезонье – это период времени, приходящийся на конец одного времени года и начало другого. В течение межсезонья погода может быть нестабильной и изменчивой. Особенностью межсезонья является то, что погода может меняться быстро и непредсказуемо. В течение одного и того же дня может быть солнечно и тепло, ветрено и холодно.

В данной статье мы рассматриваем некоторые слова и словосочетания в калмыцком языке, характеризующие погоду в межсезонье, а именно лексику промежуточного периода между осенью и зимой. При подборке калмыцкого языкового материала мы использовали «Калмыцко-русский словарь» [\[3\]](#), «Калмыцкий словарь» Г. И. Рамстедта [\[4\]](#), «Калмыцко-русский словарь» А. Позднеева [\[5\]](#), Словарь языка ойратов Синьцзяна Б.Х. Тодаевой [\[6\]](#), Этимологический словарь монгольских языков [\[7, 8, 9\]](#), Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика [\[11\]](#), «Монгольско-английский словарь» Лессинга [\[10\]](#).

Особенностью межсезонья осень-зима является изменение погоды в сторону

похолодания, выражающемся в лексеме калм. *серүн* «прохлада, свежесть//прохладный, свежий» [3, с. 451], монг. *serigyn* «прохладный, свежий» [11, с. 703]. стп.-калм. *serün, sirün* «прохладный» [4, с. 326], *seriun* «прохлада, прохладный, свежий» [5, с. 152].

В Этимологическом словаре монгольских языков письм.-монг. *serigün* (*seri-gün*) халх. *сэрүүн*, бур. *хэрюун*, даг. *сэрү* имеет значение «свежий, прохладный, нежаркий (о воздухе в жаркое время года)». В маньчж. *serüken* «холодновато, прохладно, свежо»; *serguwen* «холодноватый, прохладный, свежо»; кирг. *серүүн* «прохладный, освежающий» [9, с. 103].

В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика» данное слово в значении «прохладный» отражается почти во всех тюркских языках. Например, Ср.-кыпч. *serovun*, тур., гаг. *serin*, аз. *sarin*; тюрк. *serin, sergin*; кбалк. *seriwiin*; уйг. *siiriin*; хак. *soron*; тув., тоф. *seri:n*; як. *seri.n, soriin* [10, с. 16].

В калмыцком языке также употребляется форма *серүкн* уменьшительное от *серүн* в значении «довольно прохладный». Например, *Һаза зөвэр серүкн бээнэ* «на улице прохладно». В словаре Б.Х. Тодаевой слово *серүүн* (*серүүн*) имеет значение 1. «прохлада, свежесть». Например, *серүүн орхииги күлээхе ждаты, пока наступит прохлада*; 2. прохладный, свежий; прохладно, свежо; Например, *нээмен сарда күрвел уулда серүүн болнаа* когда наступает август, то в горах становится прохладно [6, с. 222-223]. Также присутствуют такие формы, как *серүүкен* (*серүүкен*) уменьш. от *серүүн* «довольно прохладно, довольно свежо»; *герте зөвээр серүүкен* «в доме довольно прохладно»; *серүүвтер* (*серүүбтер*) довольно прохладный; *серүүвтер өдөр болха бээделтээ* «похоже, сегодня будет прохладный день» [6, с. 222].

В современном калмыцком языке лексема *серүн* может употребляться как субстантиват и как адъективат. Прилагательное *серүн* «прохладный» образует словосочетания с существительными: *серүн салькн* «прохладный ветер», *серүн өдр* «прохладный день», *серүн намр* «прохладная осень», *серүн хавр* «прохладная весна», *серүн өрүн* «прохладное утро», *серүн асхн* «прохладный вечер», *серүн аһар* «прохладный воздух», *серүн хур* «прохладный дождь», *серүн цаг* «прохладное время».

Имя существительное *серүн* «прохлада» употребляется с такими глаголами как *ирх*, *орх*, *татх*. Например, *серүн орв* «наступила прохлада», калмыки обычно используют эту фразеологическую единицу в период окончания жаркого лета, в начале осени, когда прохлада только начинается и ощущается по прохладному ветру и прохладным вечерам.

Словосочетание *серүн ирв* «наступила прохлада» показывает наступление полной прохлады, промежуток между началом наступления прохлады и процессом завершения наступления прохлады.

В калмыцком языке все реже стали употребляться такие устойчивые сочетания, как *серү татх* «похолодать», *серүн татв* «похолодало», *серү татчкв* «похолодало». Фразеологизм *серү татх* передает значение не только наступления прохлады, а именно процесс завершения наступления полной прохлады. Эту фразеологическую единицу калмыки обычно используют в межсезонье осень-зима после наступления полной прохлады, и означает то, что тепла уже не будет. Например, *серү татж йовна* «холодает»; *намрин түрүн сард серү татсн бийнь, санамр бээдг улсин гемэр теегин өвсн шатад бээнэ* «несмотря на то, что в первый осенний месяц похолодало, по вине беспечных людей горит степная трава».

От существительного *серун* «прохлада» образуются глаголы *серутрх* «становиться прохладным» и *серуцх* «освежаться, охлаждаться; проветриваться».

Серутрх употребляется для обозначения наступления прохладной погоды. Например, *һаза серутржәнә* «на улице похолодало». *Серуцх* может использоваться и в переносном значении «проветриваться», т.е. прогуляться. Например, *Би һарад, невчк серуцнәв* «Я выйду и немного проветрюсь».

Лексема *серун* также встречается в калмыцких пословицах: *Сед □ күн серүнд, жора мөрн хаврт* «франт любит щеголять в прохладе, а конь-иноходец любит резвиться весной».

К метеорологическому явлению погоды в межсезонье также относится лексема *будн* «туман, мгла». В этимологическом словаре монгольских языков встречаются формы письм.-монг. *budang* [*buda-ng], халх., бур. *будан(г)*, калм. *будн* «туман, мгла» [7, с. 107]; монг. *budang* «туман» [11, с. 129], стп.-калм. *budung* «туман; мрачный, помраченный; глупый» [5, с. 134]; *budn* «туман» [4, с. 57]. В словаре Б.Х. Тодаевой слово *будан* (*будун*) имеет значение 1. «туман, мгла»; *будан талраад һазаа чилгер болва* «туман рассеялся, на улице стало ясно»; *будантаа өндөр уула* «высокая гора, покрытая туманом»; и 2. перен. «мрак, сумрак; мрачный»; *зүркени будан-күдөң болха* «на душе у него стало мрачно» [6, с. 78]. В современном калмыцком языке «туман, мгла» переводится как *будн*, а *будн* имеет значение «неясный, мрачный, помраченный» [3, с. 116]. В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика» это слово в значении «туман» имеет лексическую параллель в якутском языке *budan* ~ *bydan* [10, с. 35].

В калмыцком языке встречаются такие определения, характеризующие *будн* «туман»: *нигт будн* «густой туман», *өткн будн* «густой туман». У калмыков довольно часто употребляется словосочетание *цаһан будн* «букв. белый туман», т.е. густой туман. Например, *нигт цаһан будн* «густой белый туман», *өткн цаһан будн* «густой, белый туман», *цэәсн нигт будн* «белый густой туман» (*Өткн цаһан будн тунад орксн, эрә медг-үлг салыкта, зөвәр зекүн // Густой белый туман рассеялся, незаметный тихий ветерок, довольно холодно*). Беспросветный, очень густой туман калмыки сравнивали с молоком *үснә өңгтә цаһан, нигт будн* «белый, густой туман, как молоко» (*Өдрт нарна герл үвлин сармудт көрч одсн һазриг сәәнәр дуладулж девтәһәд бәәв, тегәд өрүнд һазрас үснә өңгтә цаһан, нигт будн тасрж һардг билә//В зимние месяцы лучи солнца согревая, растапливали подмерзшую землю, и поэтому утром поднимался белый густой туман, подобно молоку*).

В современном калмыцком языке лексема *будн* употребляется с такими глаголами как *деегшлх* «подниматься вверх», *талрх* «рассеиваться», *буух* «спускаться, идти вниз, понижаться», *халһрх* «рябить», *бәәх* «обволакиваться». Например, *будн деегшлв* «туман поднялся»; *будн талржана* «туман рессеивается», *будн буужана* «туман опускается», *будн бәәжәнә* «обволакиваться туманом, покрываться мглой». В современном калмыцком языке также употребляется устойчивое сочетание *будн халһрна* «туман рассеивается». Основное значение глагола *халһрх* «колыхаться, рябить» [3, с. 569]. В сочетании со словом *будн* приобретает значение тумана с просветами, т.е. рассеивающийся местами туман. Например, *ора деегүрнь өрүн болһн өткн будн үмсж халһрна* «каждое утро густой туман, касаясь верхушек, рассеивается».

От существительного *будн* образуются такие части речи, как глагол *буднһрх* «туманиться, мутнеть, темнеть», прилагательное *будта* «туманный». Например, *будта өдр* «туманный день», *будта өрүн* «туманное утро», *будта хаалһ* «туманная дорога».

Со словом *будн* образуются следующие парные слова: *будн ца* «хаос», *будн анда* «сумбур».

У калмыков существуют разные поверья, связанные со словом *будн* «туман». Считается, что *будн буухла*, *дулан болх* «если опускается туман, то к теплу», *будн дораһур буухла*, *дулан болдг* «если туман стелется по низу, то будет тепло», *будн буухла*, *чиигтэ юмн орх* «если опускается туман, то будет дождь».

В калмыцком языке также встречается малоупотребляемое слово *манн* «туман». Это слово фиксируется в монг. яз. *тапапг* (*манан*) «туман» [11, с. 525]; письм.-монг. *тапап* (~ *тапапг*) халх., бур., даг. *манан*, мнгр. *намāн* «туман» *та* [8, с. 159]; стп.-калм. *манаг* «туманный, туман» [4, с. 256]. Это слово широко представлено в тюркских языках: башк. диал. *типаг* «сухой туман, вредный для растительности», ног. *типаг* «мгла, марево», каз. *типаг* «мгла, мираж, белесость воздуха», кирг. *типаг* «легкая мгла, мутная белизна воздуха, дымка, белесое марево»; *типаг* «покрываться легкой дымкой» *тапiјаг* «туман, пар, мгла» [11, с. 528], калм. *тапг* «туманный, матовый», *тапгх* «затуманиваться, подергиваться мглой», бур. *тапаг* «туманность». Тюрк *типаг*, вероятно, восходит к **мана:г*. На *а* > *и* в первом слоге могли повлиять и монгольские синонимы *unar*, *tunar* (см Ram.KWb) [10, с. 35-36].

После наступления прохлады, сезона дождей и туманов, наступает время первых заморозков. Земля покрывается инеем и изморозью. Лексика, относящаяся к этому периоду, также относится к межсезонью.

Калм. *кирү* «иней», письм.-монг. *қирау* [←**qīraу*], халх. *хяруу*, бур. *хюруу* «иней», тюрк.: др.-тюрк. *qīraу* «иней, изморозь» [8, с. 128], монг. *қирау*(н) (хяруу) «иней» [11, с. 470], стп.-калм. *қігү* «иней, замерзшая роса» [4, с. 233].

В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика» слово *қуғау* в значении «иней» представлен во многих тюркских языках. Например: Крх.-уйг. *қуғау*, ср.-кыпч. *қуғав*, вост.-тюрк. *қірау*; тур. *қыра(у)у*, аз. *қуғов*; турк. *қырав* [10, с. 36].

В словаре Б.Х. Тодаевой слово *кирүү* (*кирүү*) имеет значение «иней» [6, с. 200]. Например, *һазарта кирүү буува* «земля покрылась инеем»; *өвсени толһаада зогсогсан мөңген цаһаан кирүү* «серебристо-белый иней, осевший на головки трав».

Родственные природные явления иней и изморозь проявляются по-разному. Изморозь появляется на проводах, вертикальных или наклонных ветках кустов и деревьев. Иней не образуется на тонких поверхностях, ветвистых предметах. Эти различия также находят отражение в калмыцком языке: изморозь обозначается словосочетанием *кирү* + прилагательное *цаһан*.

Слово *кирү* «иней» образует словосочетания с такими глаголами как *буух*, *унх*, *хонх*: *кирү буух* «покрываться инеем», *кирү унх* «покрываться инем». Глагол *хонх* имеет значение «ночевать», но в сочетании со словом *кирү* приобретает значение «образоваться; упасть ночью», т.е. *кирү хонх* «букв. иней переночевал». Например, *сөөднь һазрин көрсн деер мөстсн кирү хондмн, эннь һазриг чолунд тохраж хатурулдмн* «ночью на почву земли опускается иней, который подмораживает землю, превращая в камень». Также в калмыцком языке встречаются такие словосочетания как *мөстсн кирү* «заледеженный иней».

Калмыки огромное значение придавали метеорологическим условиям. Наблюдая за

погодой и за явлениями природы, они могли прогнозировать погоду. Когда на землю опускался иней, то это предвещало похолодание, наступление первых заморозков. Например, *һазр цодрад, киитн догшдад, төгэлндэн цаңтад кирү бээдг болв* «земля замерзла, холод усилился, вокруг все покрылось инеем». Калмыки всегда смотрели на небо и ориентировались по звездам. По появлению на небе скоплений мелких звезд *мөчн одд* «стожары» определяли приближение холода. В обычные дни созвездие мелких звезд на небе не видно, но именно эти звезды *мөчн одд* «стожары», осенью, после наступления прохлады, предвещали первые заморозки [12, с. 51]. По наступлению определенных явлений природы, по атмосферным осадкам калмыки запоминали произошедшие или запланированные события, связанные с хозяйственной, животноводческой деятельностью. Например, *намрлад, серүн орад, кирү унад ирсн цагт һурвдад кичгленә* «в то время, когда наступает осень, приходит прохлада, появляется иней, третий раз приносит приплод».

От существительного *кирү* «иней» образуется глагол *кирүтх* «покрываться инеем, индеветь». В современном калмыцком языке также встречается слово *кору* «иней», которое относится к торгутскому диалекту.

В современном калмыцком языке часто употребляется лексема *цаң*, которое имеет значение «иней, изморозь» [3, с. 625]. В этимологическом словаре монгольских языков эта лексема зафиксирована в письм.-монг. *čang*, халх. *цан(г)*, калм. *цаң* «иней, изморозь» [7, с. 133]. Письм.-монг. *цан(г)* «иней» [11, с. 164]. В словаре Позднеева лексема *цан(г)* имеет значение «изморозь на ветвях дерева» [5, с. 239], *цаң* «иней, изморозь» [6, с. 422].

В современном калмыцком языке слово *цаң* в основном используется в значении «изморозь», о чем свидетельствует значение слова в калмыцко-русском словаре А. Позднеева. Изморозь образуется на тонких предметах, таких как ветви деревьев.

От существительного *цаң* «иней, изморозь» образуются другие части речи, такие как прилагательное *цаңта* «заиндевелый», глагол *цаңтх* «заиндеветь, покрыться изморозью». Например, *модн цаңтад бээж* «на деревьях образовалась изморозь».

Таким образом, калмыцкая метеорологическая лексика межсезонья является самостоятельной цельной категорией, которая отражает роль природных явлений, таких как *серүн* «прохлада», *будн* «туман», *кирү* «иней» в жизни человека, являясь природным ориентиром в его жизненном пространстве, хозяйственной деятельности. Данная лексика присутствует во всех монгольских и тюркских языках, зафиксирована в старописьменных источниках и сохранила свое первоначальное значение в современном калмыцком языке.

Грамматические формы указанных метеорологических лексем по своим словообразовательным и словоизменительным формам достаточно разнообразны и в полной мере используется в языке. Например, от существительных *серүн*, *будн*, *кирү*, *цаң* образуются глаголы *серүтх*, *серүцх*, *буд□һрх*, *кирүтх*, *ца□тх* прилагательные *будта*, *цаңта*.

Метеорологическая лексика межсезонья в калмыцком языке широко используется в фольклорных образцах, художественных произведениях, в которых отражаются особенности языковой картины мира и мировоззрения, специфика жизненного уклада и внутреннего мира калмыков и является универсальной для других близкородственных народов, относящихся к алтайской языковой общности.

Условные сокращения

аз. – азербайджанский

башк. – башкирский

бур. – бурятский

гаг. – гагаузский

даг. – дагурский

др.-тюрк. — древнетюркский

каз. — казахский

кирг. – киргизский

калм. — калмыцкий

кбалк. – карачаево-балкарский

кирг. – киргизский

манчж. – маньчжурский

мнгр – монгорский

монг. - монгольский

ног. — ногойский

письм.-монг. – письменный монгольский

ср.-кыпч. – средне-кыпчакский

стп.-калм. — старописьменный калмыцкий

тоф. – тофаларский

тув – тувинский

тур – турецкий

турк. – туркменский

тюрк. — тюркский

узб. — узбекский

уйг. – уйгурский

хак. - хакасский

халх. — халхаский

як. - якутский

Библиография

1. Бакаева Э.П. Добуддийские верования калмыков. – Элиста, АПП "Джангар", 2003. 358 с.
2. Пюрбеев Г.Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2015. 280 с.
3. Калмыцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1977. 765 с.
4. Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1935. 591 s.
5. Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. С-Пб, Типография императорской Академии наук, 1911. 306 с.
6. Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. с.493.
7. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2015-.Т. I-A-E. / Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. 224 с.
8. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2016-.Т. II-G-P. / Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. 232 с.
9. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2018-.Т. III-Q-Z. / Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. 240 с.
10. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: лексика. М.: Наука, 2001. 882 с.
11. Lessing F.D. Mongolian-english dictionary. Berkeley : University of California Press, 1960. 1218 s.
12. Кичиков А.Ш., Асирова Н.Д. Оюн түлкүр. Элиста: АПП «Джангар», 1997. 79 с.
13. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. М.: Academia, 2001. Т. I / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. 486 с.
14. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. М.: Academia, 2001. Т. II / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. 507 с.
15. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. М.: Academia, 2001. Т. III / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. 438 с.
16. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. М.: Academia, 2002. Т. IV / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. 506 с.
17. Котвич В. Л. Исследования по алтайским языкам / пер. с польск. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 373 с.
18. Русско-калмыцкий словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 803 с.
19. Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание: морфология / пер. с нем. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 254 с.
20. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 767 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Калмыцкая метеорологическая лексика межсезонья в сравнении с близкородственными языками», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению лексических особенностей языка одной из народностей, проживающий в Российской Федерации.

Автор обращается к узкой тематике, а именно метеорологической лексике, которая является одной из интересных малоисследованных тем современного калмыцкого языка

и представляет интерес для лингвистов, фольклористов, этнологов.

Отметим, что изучение лексических единиц, связанных с обозначением природных явлений, позволяет исследовать особенности языковой картины мира, народного мышления.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, а именно к сравнительно-историческому методу, методу обобщения и методу семантического анализа.

Практическим материалом послужили ряд авторитетных словарей. Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и на иностранном языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Отметим, что в статье нарушен общепринятый порядок алфавитного выстраивания источников согласно ГОСТа. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по фразеологии и лексикографии, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Калмыцкая метеорологическая лексика межсезонья в сравнении с близкородственными языками» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Жикулина К.П. — Siri и навык кодирования личностных смыслов в контексте английского речевого этикета // Litera. – 2023. – № 12. – С. 338 - 351. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69345 EDN: KZVBFU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69345

Siri и навык кодирования личностных смыслов в контексте английского речевого этикета

Жикулина Кристина Петровна

ORCID: 0000-0003-2488-4616

аспирант, кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, кафедра, Миклухо-Маклая, 12

✉ christina.zhikulina@gmail.com

[Статья из рубрики "Автоматическая обработка языка"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69345

EDN:

KZVBFU

Дата направления статьи в редакцию:

16-12-2023

Дата публикации:

30-12-2023

Аннотация: Предметом исследования является содержание личностных смыслов в вопросах или вопросах-приветствиях в контексте английских формул общения. Объект исследования – способность голосового помощника Siri к имитации спонтанного диалога с человеком и адаптация искусственного интеллекта к естественной речи. Цель исследования – выявление особенностей и уровня языковых навыков Siri в процессе коммуникации с пользователями на английском языке. Подробно рассматриваются такие аспекты темы, как проблема понимания, существующая в двух типах коммуникации: 1) между человеком и человеком; 2) между машиной и человеком; использование искусственным интеллектом устойчивых формул общения в ответах по теме «Как дела?»; определение уровня и речетворческого потенциала в ответных репликах голосового помощника. В работе использовались следующие методы: описательный, сравнительно-

сопоставительный, контекстуальный, сплошная выборка и лингвистический эксперимент. Научной новизной является то, что проблемы, связанные с пониманием личностных смыслов у голосового помощника Siri, никогда подробно не исследовались в филологии и лингвистике. В связи с широким распространением и использованием голосовых систем в разных сферах социальной и общественной жизни возникает необходимость анализа ошибок в речи и описания коммуникативных неудач в диалогах между голосовыми помощниками и пользователями. Полученные материалы позволяют определить роль и место искусственного интеллекта в XXI веке и сделать прогнозы о его дальнейшем языковом развитии. Основными выводами проведённого исследования являются: 1) машина не способна генерировать ответы, опираясь на опыт прошлых впечатлений; 2) отклонения от норм английского речевого этикета в ответных репликах Siri незначительные, но часто приводят к коммуникативным неудачам; 3) в ответных репликах обнаружено одностороннее кодирование личностного смысла: от машины к человеку, но не наоборот.

Ключевые слова:

голосовой помощник, Сири, искусственный интеллект, личностный смысл, коммуникация, диалог, английский речевой этикет, кодирование, разговорная речь, устойчивые формулы общения

1. Введение

В настоящее время использование *искусственного интеллекта* (ИИ) всё чаще исследуется со стороны лингвистических аспектов, а именно анализа языка и машинной адаптации к естественной речи. Учёные надеются, что полученные результаты в этой области могут помочь в разработке инструментов машинного перевода и методов обучения *машины* языку. Некоторые *языковые технологии* уже широко применяются в голосовых помощниках, текстовых редакторах, онлайн переводчиках; ИИ способен самостоятельно придумывать тексты на разные темы, писать эссе, рефераты и курсовые работы. Популярными в использовании оказываются голосовые помощники или ассистенты, так как они охватывают разные сферы социальной жизни (банки, государственные порталы, сайты университетов) и частной жизни (умный дом, умные часы, умные колонки, ноутбуки и смартфоны).

В последнее десятилетие интерес учёных к искусственному интеллекту сильно вырос. Ведущим направлением в цифровом мире стала идея разработки искусственного разума, способного самостоятельно объяснить человеку, каким образом он пришёл к тем или иным решениям. Дэвид Ганнинг, руководитель программы разработки искусственного интеллекта в оборонных исследованиях, считает, что «любая высокопроизводительная система может оказаться одной из самых труднообъяснимых» [\[16, с. 10\]](#). Его теория заключается в том, что *машины* способны генерировать «сложные модели реального мира, которые сам человек ещё не познал полностью» [\[16, с. 12\]](#), поэтому умение *искусственного интеллекта* изъясняться часто подвергается критике и сомнениям.

Заметим, что сложности, связанные с воспроизведением психических функций как у человека, но на электронной вычислительной машине (ЭВМ), с 1950 г. не ликвидированы. В своей диссертации «Философские проблемы соотношения мышления человека и возможностей ЭВМ в процессах решения задач» философ Ю.В. Орфеев подвергает сомнению возможность решения данной проблемы только в рамках

кибернетики и компьютерных наук [\[12, с. 7\]](#), поэтому существует необходимость анализа возможностей искусственного интеллекта в разных научных областях, включая гуманитарные науки [\[13, с. 3\]](#).

Актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время значительно вырос общественный и научный интерес к возможностям голосовых систем в области имитирования естественной речи. Голосовые помощники выступают в качестве собеседников, ассистентов в разных сферах общественной жизни. Мнения пользователей разделились. Одни обращают внимание на речевые формулы, которые использует искусственный интеллект, подмечают такие достоинства, как речетворчество, грамотность, функции распознавания речи, «рост искусственного интеллекта» [\[14\]](#). Другие критикуют: 1) русские голосовые системы – «наглый и хамский тон общения», «бесполезная трата времени», «...ошибается в своих ответах», «не о чем поболтать» [\[14\]](#); 2) зарубежные голосовые системы – «непонимание русской речи», «для общения с колонкой нужно иметь хорошее произношение на английском языке», «бесполезная» [\[15\]](#). В связи с этим за последние пять лет написано много трудов с анализом языковых возможностей и оценкой умений искусственного интеллекта, а также с поиском различных способов интеграции ИИ в образовательный, переводческий, писательский и другие процессы. Например, в языкознании и литературоведении появились исследования, направленные на определение «коммуникативного потенциала русскоязычных и англоязычных голосовых систем» [\[8, с. 40\]](#); «роли искусственного интеллекта в изучении иностранных языков» [\[9, с. 39\]](#); функций искусственного интеллекта в роли «автора и соавтора литературного произведения» [\[11, с. 109\]](#); сходств и различий «искусственного «интеллекта» и человеческого ума» [\[4, с. 746\]](#) и другие. Считается, что в 2022 г. наступила эпоха искусственного интеллекта, когда был создан первый чат-бот (ChatGPT), использующий глубокое обучение для генерации текста и ответов на вопросы. В статье «Гири и крылья искусственного разума» газеты «Московский Комсомолец» специалисты по ИИ подчёркивают, что «ChatGPT, это всего лишь одна из программ – яркое явление, благодаря которому масса людей узнала, что такое генеративные языковые модели, трансформеры, которые кто-то обучает, и они решают широкий спектр интеллектуальных задач» [\[3, с. 6\]](#). Все эти факторы обуславливают актуальность изучения языковых возможностей по распознаванию естественной речи, обработке пользовательского запроса и кодирования личностных смыслов в формулах общения с человеком у голосовых помощников, так как с недавних пор они работают при помощи встроенных алгоритмов ИИ. Исследования в данном направлении помогут определить перспективы внедрения ИИ не только в частные бизнесы, но и в образовательные процессы, государственное управление и т.д. В будущем необходимость в минимизации ошибок и расширении словарного запаса, устойчивых фраз и выражений в речи голосовых систем будет стремительно возрастать в связи с расширением сфер использования голосовых помощников.

Цель исследования определила следующие задачи:

1. Провести лингвистический эксперимент для возможности описания навыков кодирования *личностных смыслов* голосовым помощником Siri с помощью отобранных нами вопросов и вопросов-приветствий по теме «Как дела?».
2. Провести сопоставление устойчивых формул общения в английском речевом этикете со спонтанно генерируемыми ответными репликами голосового помощника Siri на вопросы или вопросы-приветствия.

3. Определить корректность выдаваемых ответных реплик голосовым помощником Siri и отклонения от норм в английском речевом этикете.
4. Проанализировать понимание *личностных смыслов*, вложенных пользователем, у голосового помощника Siri с помощью контекстуального анализа.
5. Обозначить пределы языковых возможностей голосовой системы в коммуникации типа *машина-человек*.

Материалом исследования послужили 10 ответных реплик на английском языке голосового помощника Siri от компании Apple на 9 вопросов, сгруппированных в соответствии с речевым этикетным нормами в англоговорящей среде. Для сравнительно-сопоставительных аспектов речевых этикетных норм и контекстуального анализа были использованы примеры из онлайн-переводчика Reverso с функцией контекстного словаря; вопросы и вопросы-приветствия для эксперимента и его описания были отобраны из статей популярных онлайн-платформ для изучения английского языка: Puzzle English и Skyeng.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных учёных в области искусственного интеллекта и его развития (Пиковер, 2021); систем преобразования текста в речь (Таулли, 2021); искусственного интеллекта как «продукта технологического прогресса» (Максимов, 2021); философских проблемы соотношения мышления человека и возможностей ЭВМ (Орфеев, 1974); машиной адаптации к естественной речи (Орфеев, 1978); проблем «раскодирования контекста в ходе речевого акта» (Ефремова, 2021); системной лингвистики, где слово является «дискретным сигналом синкретической мысли» (Валентинова, Денисенко, Преображенский, Рыбаков, 2016); норм английского речевого этикета (Галибердова, 2019); бесед на повседневные темы и проблем *понимания* (Трейси, Роблз, 2015); особенностей светского общения (Стернин, 1996); соединения мыслительных операций и функций сознания (Леонтьев, 1975).

Практическая значимость исследования заключается в том, что с помощью полученного материала можно будет определить и проанализировать в будущем стадию прогресса или регресса голосовых помощников в таких направлениях, как имитирование естественной речи и навыки ведения спонтанного диалога у ИИ. Также материал исследования может быть использован в вузовской практике при разработке курса по программе «Прикладная цифровая филология», направленной на подготовку специалистов, использующих совместно IT-технологии и комплексы гуманитарной направленности.

2. Основная часть

2.1 Проблемы понимания личностных смыслов в коммуникациях типа человек-человек и машина-человек

Как известно, одной из ведущих проблем в коммуникации является *понимание*. Слова и их значения в сознании людей всегда «подвергаются неосознаваемым процессам анализа, синтеза и сравнения во время деятельности, взаимодействуя при этом с продуктами ранее воспринятых впечатлений» [19, с. 10]. Отсюда следует, что речевую деятельность и *понимание* можно «связать с психологическим опытом и особенностями индивида» [19, с. 14]. Как видно, даже в коммуникации типа *человек-человек* возникают вопросы, связанные с *личностным смыслом*, то есть с «субъективной окрашенностью,

которая выражает значение отражаемого для самого субъекта» [\[10, с. 74\]](#). Как правило, неверное истолкование *личностного смысла* приводит к коммуникативным неудачам. Следовательно, подобная проблема *понимания* существует и в коммуникации типа *машина-человек*, так как она зависит не только от способности голосового помощника обрабатывать текст, но и от возможности учитывать *контекст*.

Существует ряд исследователей, которые полагают, что искусственный интеллект в скором времени сможет приблизиться к человеческим возможностям. Например, Рэй Курцвейл, директор по инженерии в компании Google и передовой изобретатель систем распознавания текста и синтеза речи, сделал предположение, что к 2045 году произойдёт «компьютерная сингулярность, наступит мир гибридных людей: частично людей, частично машин» [\[18, с. 266\]](#). Учёный публикует свои прогнозы с 1990 года, многие из них уже стали академическими.

Однако существуют и те, кто считает, что *искусственный интеллект* – это лишь технологический процесс, не включающий в себя речетворческий потенциал. Эксперт из Российской государственной академии интеллектуальной собственности придерживается следующего мнения: «Существующие сейчас системы искусственного интеллекта относятся к категории «слабых». Они предназначены для выполнения чётко регламентированных задач и не позволяют нам утверждать о наличии творческого ядра в происходящих внутрисистемных процессах, даже несмотря на непредсказуемость результата» [\[11, с. 109\]](#).

Также важно принять во внимание и то, что «слабое» развитие ИИ и, как следствие этого, описания и исследования в области коммуникации типа *машина-человек* могут сводиться только к анализу сгенерированной *машиной* ответной реплики на запрос или вопрос человека. Важно подчеркнуть, что исследуемый нами голосовой помощник Siri не реагирует на интонацию в звучащей речи, поэтому восприятие интонационных ударений и расставленных акцентов не было протестировано в данной работе.

2.2 Описание лингвистического эксперимента

Для проведения лингвистического эксперимента применялось оборудование, включавшее умную колонку Apple HomePod и планшетный компьютер со встроенными голосовыми помощниками Siri. Голосовым системам были заданы специально отобранные нами вопросы на английском языке. Необходимо уточнить, что использование данного помощника доступно в 36 странах на 20 языках. Однако в настройках Siri больше всего представлено вариантов с использованием *English language: English (Australia), English (Canada), English (India), English (Ireland), English (New Zealand), English (Singapore), English (South Africa), English (United Kingdom), English (United States)*. Выбор языка для проведения лингвистического эксперимента был обусловлен количественным показателем модификаций с английским в конфигурации Siri. Нами был протестирован вариант *English (United Kingdom)* – классический английский язык, или британский вариант английского языка.

В эксперименте один и тот же вопрос задаётся голосовому помощнику до момента, пока у него не начинаются многократные повторения ответов. В ходе лингвистического эксперимента было получено 10 уникальных (неповторяющихся) ответных реплик.

Группы вопросов для Siri подобраны не случайно. В английском обществе в начале разговора принято спрашивать у собеседников «Как дела?». В большинстве случаев этот вопрос является неформальным. Например, у американцев широко распространена

культура *small talk*, что в переводе с английского языка означает *лёгкая беседа, пустой разговор* или *светское общение*. Данная культура подразумевает под собой умение начинать и поддерживать диалоги на непринуждённые темы.

Одна из формулировок понятия *светское общение* принадлежит российскому языковеду И.А. Стернину, трактующему его следующим образом: «Это взаимно приятный, ни к чему формально не обязывающий разговор на общие темы, основная цель которого - провести время с собеседником, оставаясь с ним в вербальном контакте» [17, с. 4]. В поставленном нами лингвистическом эксперименте *вербальный контакт* тоже имеет большое значение, так как необходимо ответить на вопрос: устанавливается ли контакт между *машиной* и человеком с помощью речевых средств – слов? По словам начальника управления экспериментальных систем машинного обучения дивизиона общих сервисов одного из банков Сергея Маркова «в основе моделирования искусственного интеллекта лежит статистическая лингвистика, которая появилась как идея о том, что значение слова связано со статистикой и контекстом» [3, с. 6].

Следует добавить, что в речевом этикете английского языка система речевых формул в общении является устойчивой. В зависимости от ситуации собеседник выбирает конструкции для вопроса или вопроса-приветствия: в формальной и неформальной беседе, в нейтральной обстановке, в беседах со знакомыми и незнакомыми людьми [5, с. 20]. Рассмотрим отобранные нами вопросы или вопросы-приветствия типа «Как дела?», сгруппированные для проведения лингвистического эксперимента:

- (1) «What's up?» / «How is your life?» – вопросы для людей, состоящих в дружеских отношениях;
- (2) «How are things?» / «How goes it?» – вопросы для неформального общения;
- (3) «How are you?» / «How do you do?» – формальные вопросы;
- (4) «How are you doing?» – вопрос вежливости;
- (5) «How have you been?» – вопрос, если давно не виделись друг с другом;
- (6) «How are you holding up?» – вопрос, если у человека произошло что-то неприятное.

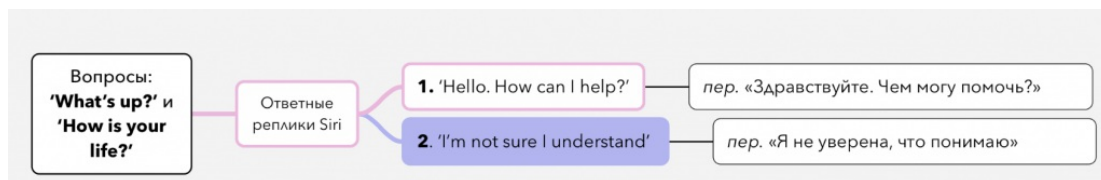
Итак, каждая группа содержит в себе *ситуативный контекст*, включающий в себя прецедентные ситуации, поведенческие сценарии, культурные особенности. Предполагается, что подобная классификация поможет выявить способность к восприятию личностных смыслов у *машины*.

2.3 Анализ результатов лингвистического эксперимента

Зададим вопросы голосовому помощнику Siri и проанализируем: есть ли у него реакции на разные типы вопросов и вопросов-приветствий; учитываются ли *машиной* границы формального и неформального общения, дружеских и деловых отношений; присутствует ли у *машины* понимание контекста при речевом контакте с человеком.

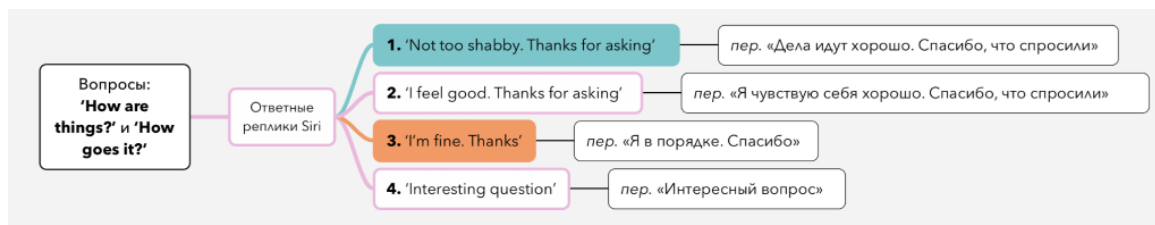
Рис.1. Ответные реплики голосового помощника Siri на группу (1) вопросов «Как дела?» для людей,

состоящих в дружеских отношениях

На вопросы для людей, состоящих в дружеских отношениях, голосовой помощник Siri даёт неоднозначные ответы: *Hello, how can I help?* (Здравствуйте. Чем могу помочь?) (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – К. Ж.) и *I'm not sure I understand* (Не уверена, что понимаю) (Рис. 1). Из полученных результатов видно, что Siri не распознаёт интерес собеседника или расположение человека к дружеской беседе. Например, вопрос *How is your life?* (Как дела? / Как жизнь?) остаётся непонятым системой, и все ответные реплики голосового помощника сводятся к *I'm not sure I understand* (Я не уверена, что понимаю). Также, если Siri не понимает вопрос или не может на него ответить, она добавляет в свою реплику *How can I help?* (Чем я могу помочь?). Стоит проверить, реализуется ли данная функция в следующих группах вопросов и является ли это закономерностью.

Рис.2. Ответные реплики голосового помощника Siri на группу (2) вопросов «Как дела?» для неформального общения

Неформальные формулы общения оказываются для Siri более знакомыми и на вопросы «*How are things?*» (Как дела?) и «*How goes it?*» (Как дела? / Как проходит?) голосовой помощник даёт четыре варианта ответных реплик (Рис. 2). Три из которых (1-3) соответствуют нормам речевого этикета в английском языке – подобные речевые формулы можно встретить в любом учебнике английского для начинающих [7]. Однако ответ *interesting question* (интересный вопрос) не часто встречается в устойчивых речевых этикетных фразах англоговорящего общества и является более употребительной формой в общении на конференциях, собраниях, обсуждениях и т.п. – деловой английский язык. Рассмотрим несколько примеров с *interesting question* из онлайн-переводчика Reverso с функцией контекстного словаря:

(1) «*I think you've raised **an interesting question***» (Я думаю, вы подняли интересный вопрос) [20];

(2) «*President Obama: No, it's **an interesting question***» (Президент Обама: Да нет, прекрасный вопрос) [20];

(3) «*It is indeed **an interesting question**, and the short answer too it would be: freedom*» (Это поистине интересный вопрос, и коротким ответом на него будет: свобода) [20];

(4) «***The interesting question**, then, is not about cognitive dissonance but about faith*» (Интересным вопросом является вопрос не о когнитивном диссонансе, а о вере) [20].

В приведённых примерах можно увидеть ответ бывшего президента США – Барака Обамы (2), то есть политического деятеля; пример использования *an interesting question* в

дискуссиях (3) или научных дебатах (4); а также более универсальную форму ответа, используемую как в формальных, так и в неформальных обстановках (1). В нашем эксперименте голосовой помощник Siri в качестве ответной реплики выдаёт только *interesting question* без пояснения или дополнительных значений – не так, как показывают употребление *an interesting question* примеры из контекстного словаря Reverso. Зададим Siri уточняющий вопрос: «What do you understand when you say *interesting question*?» (Что ты понимаешь, когда произносишь *интересный вопрос*?). Ответ голосового помощника: *Hmm... I don't have an answer for that. Is there something else I can help with?* (Хмм... У меня нет ответа на это. Есть что-нибудь ещё, с чем я могу помочь?). Здесь стоит обратить внимание не только на то, что эта ответная реплика у Siri не привязана ни к какой конкретной речевой ситуации, но и на то, что способность машины объяснить человеку каким образом она пришла к тем или иным решениям (содержание смысловой компоненты её ответа) отсутствует.

Рис.3. Ответные реплики голосового помощника Siri на группу (3) формальных вопросов «Как дела?»

На формальные вопросы у Siri только один ответ – *likewise* (Рис. 3). В диалогах *likewise* часто переводят на русский язык как *взаимно*. В английском языке *likewise* является вводным словом или словом-связкой, выполняющим функцию сравнения или дополнения информации в предложениях. Например, «The meet was delicious. *Likewise*, the dessert was excellent too» (Мясо было очень вкусным. Более того, десерт тоже был превосходным) [1]. В этикетных формах английского языка *likewise* не является частотным, и больше подходит к группе вопросов (1) неформальной обстановки и дружеского общения (Рис. 1). Более того, в онлайн-переводчике Reverso с функцией контекстного словаря *likewise* можно увидеть больше в качестве спорадического и составного ответа, чем частотного и обособленного:

(1) «You could do **likewise** if you wish» (Вы можете сделать то же самое, если хотите) [20];

(2) «And **likewise** for scientists and technologists» (И то же самое для учёных и технологов) [20];

(3) «You can **likewise** be like him» (Вы тоже можете стать таким, как он) [20].

Из вышеописанного следует, что голосовой помощник Siri различает области формальности и неформальности в общении. Однако в ответных репликах появляется непредсказуемый и нетипичный для английского речевого этикета в повседневных беседах – *likewise*.

Рис.4. Ответные реплики голосового помощника Siri на вопрос вежливости «Как дела?», группа (4) и на вопрос группы (5), если давно не виделись друг с другом

Вопросы «How are you doing?» (Как дела?) и «How have you been?» (Как дела? / Как поживаешь?) оказались самыми понятными для Siri (Рис. 4). На них выдалось самое большое количество ответных реплик. Сразу стоит обратить внимание на то, что различия между ситуативным вопросом «How have you been?» (Как дела? / Как поживаешь?) и вопросом вежливости «How are you doing?» (Как дела?) голосовой помощник не видит, поэтому выдаёт одинаковые ответы в обоих случаях.

В исследования статьи нами был поставлен вопрос об установлении *вербального контакта* между *машиной* и человеком с помощью речевых средств – слов. Согласно М.А. Рыбакову: «Слово – дискретный сигнал синкретической мысли. <...> слово, в отличие от мысли, обладает свойством отдельности. Как знак оно вычленимо из потока речи, тогда как его значение передаёт нелинейную, многоплановую, нечленимую на отдельные осязаемые сегменты мысль. Слово – компактный квант информации; знак, способный при изменении формы или даже без него получить дополнительное значение» [2, с. 24]. Если брать за основу слово как *дискретный сигнал синкретической мысли*, то вербальный контакт между *машиной* и человеком устанавливается в границах примитивного мышления, в котором представления разных видов недифференцированно связываются друг с другом. В редких случаях голосовой помощник Siri фиксирует мысли, озвученные человеком. Ответные реплики не всегда соответствуют речевой ситуации, но с помощью фиксирования отдельного слова из потока речи *машина* пытается подбирать контекст в пределах доступного ей языкового корпуса.

Разными цветами отмечены фразы и выражения (Рис. 4), являющиеся повторами ответных реплик в группах вопросов, описанных нами ранее (Рис. 2). Помимо повторяющихся ответов, есть и новые варианты: *I'm happy to be here* (Счастлива быть здесь) и *I'm pretty good, thanks* (Довольно хорошо, спасибо). Здесь в голосовом помощнике заложены устойчивые речевые формулы английского этикета, и они выдаются с соблюдением речевых норм в беседе с англоговорящими пользователями.

Обратимся к более интересной для нас ответной реплике – *Hey, I can't complain. Thanks for asking* (Не жалуясь, спасибо что спросили). Можно сказать, что *искусственный интеллект* будто «намекает», что у него не может быть никаких проблем, поэтому ему не на что жаловаться. Хотя выражение *I can't complain* (Не жалуясь / Мне не на что жаловаться) входит в список устойчивых фраз и выражений в английском языке, чаще всего оно употребляется в ситуациях, где человек обозначает свою осознанную позицию в каком-то деле или вопросе. Рассмотрим несколько примеров с *I can't complain* (Не жалуясь / Мне не на что жаловаться) из онлайн-переводчика Reverso с функцией контекстного словаря:

(1) «***I can't complain*** at my age» (Не жалуясь на свой возраст) [20];

(2) «*Things are going well and I can't complain*» (Всё идёт хорошо, мне не на что жаловаться) [20];

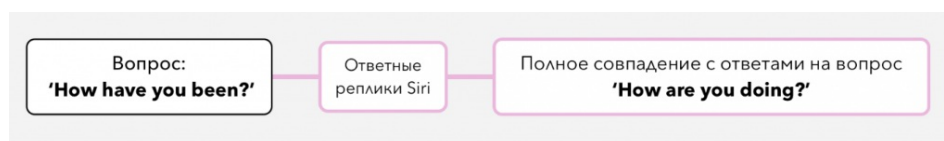
(3) «*Thanks to football I have had success in my life and I can't complain*» (Благодаря футболу я стал успешным в жизни и мне не на что жаловаться) [20];

(4) «*The end result however turned out pretty good so I can't complain*» (Но результатом я в конечном итоге осталась довольна, так что не жалуюсь) [20].

В рассмотренных примерах видно, что люди, чьи высказывания содержат *I can't complain* (Не жалуюсь / Мне не на что жаловаться), ссылаются на разные ситуации в жизни: возраст, карьеру или результаты. Они подчёркивают, что в текущем положении дел жаловаться не на что. Однако в большинстве примеров с участием человека присутствует пояснение – почему он не жалуется, то есть, следует предположить, что при изменении обстоятельств – будет жаловаться. Это подводит нас к мысли о том, что Siri не выдаёт в ответной реплике *I can't complain* (Не жалуюсь / Мне не на что жаловаться) дополнительную информацию с целью подчеркнуть своё искусственное происхождение и отсутствие каких-либо жалоб, а также отсутствие физической возможности принимать участие в действиях, подобных человеческим. Ответ голосового помощника *I can't complain* (Не жалуюсь / Мне не на что жаловаться) без пояснений указывает на то, что ему всегда будет не на что жаловаться.

Таким образом, речевое взаимодействие с человеком у голосового помощника Siri проявляется и на уровне *одностороннего использования* контекста. Под *односторонним использованием* понимается передача информации по принципу от машины к человеку, но не наоборот. В ответной реплике *I can't complain* (Не жалуюсь / Мне не на что жаловаться) (Рис. 4) Siri ссылается на своё искусственное происхождение и отсутствие эмоционального или физического восприятия действительности, вследствие чего не может ни на что жаловаться. На данном этапе исследования можно сделать вывод, что контекстные смыслы и прецедентные тексты можно сохранить в функции генерации ответов на ЭВМ, так как с большой вероятностью они будут расшифрованы пользователем. Однако содержание контекста и *личностных смыслов* в вопросах пользователя, пока что, чаще приводит к коммуникативным неудачам.

Рис.5. Ответные реплики голосового помощника Siri на вопрос «Как дела?» группы (6), подразумевающий, что у человека что-то произошло

Мы видим, что голосовой помощник Siri не распознаёт вопрос группы (6), в которой подразумевается, что у реципиента произошли какие-то неприятные события в жизни, а коммуникатор хочет получить ответ через специальный ситуативный вопрос (Рис. 5). Можно сделать вывод, что в возможностях Siri отсутствуют функции распознавания *личностного смысла* коммуникатора. Так как голосовой помощник – *машина*, а не человек, и у *машины* не могут происходить неприятные события в жизни, данная категория смыслов не предусмотрена в коммуникативных возможностях и генерации ответных реплик у Siri. Это наблюдение возвращает нас к ответной реплике *I can't complain* (Не жалуюсь / Мне не на что жаловаться) (Рис. 4), где у *машины* не могут быть жалобы на то, что с ней никогда не произойдёт. На вопрос группы (6) голосовой помощник отвечает точно так же, как показано в группе вопросов (1) для людей, состоящих в дружеских отношениях (Рис. 1): *I'm not sure I understand* (Я не уверена, что понимаю).

Как пишет в своей работе Е.Н. Ефремова: «На самом деле, успех общения зависит от того, как интерпретирует речевой код слушатель или читатель» [6, с. 2]. В нашем эксперименте слушателем выступает голосовой помощник Siri, поэтому можно сделать вывод, что успех общения не происходит в таких группах вопросов или вопросов-приветствий, в которых заложены *личностные смыслы*, так как машина не может интерпретировать речевой код человека в определённых (нестандартных) ситуациях.

Реплика *How can I help* (Чем я могу помочь?) (Рис. 1) является закономерной в случае, если вопрос был непонятен голосовой системе. С точки зрения *понимания* – Siri находится на «слабом» уровне развития, но с точки зрения соблюдения норм английского речевого этикета – в ней заложен некоторый потенциал на продолжение диалога, так как в ходе эксперимента были выявлены ответные реплики, содержащие дополняющие или уточняющие вопросы, предназначенные для дальнейшего речевого взаимодействия пользователя с голосовым помощником.

3. Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. В ходе проведённого лингвистического эксперимента нами было выявлено, что у голосового помощника Siri практически отсутствует навык кодирования *личностных смыслов*, заложенных человеком в вопросы или вопросы-приветствия в рамках заданной нами темы «Как дела?» на английском языке. Мы видим частичную форму рефлексии со стороны *машины* при осуществлении коммуникации с человеком в этом пределе.

При сопоставлении устойчивых формул общения в англоязычном обществе со спонтанно воспроизводимыми ответными репликами Siri мы обнаружили три уникально сгенерированных ответа, которые отличаются от шаблонов английского речевого этикета. В остальных случаях нормы были частично соблюдены, но не всегда ответные реплики соответствовали ситуативному контексту вопросов или вопросов-приветствий. *Машина* не распознавала смыслы, в которых необходимо учитывать длительность общения или наличие неприятных событий в жизни пользователя, так как у Siri отсутствует эмоциональное и физическое восприятие действительности, а также фиксация ранее воспринятых впечатлений.

Контекстуальный анализ показал, что успех коммуникации между Siri и пользователем происходит только в пределах базовых формул общения английского языка, которые реализуются в формальных и неформальных вопросах, вопросах вежливости. Также было выявлено, что понимание *личностных смыслов* и контекстов, заложенных человеком – не реализуется, но есть случаи *одностороннего использования* контекста, когда передача информации осуществляется по принципу от *машины* к человеку.

Сущность вышеизложенного сводится к тому, что сложности, связанные с воспроизведением и имитацией психических функций как у человека, но на электронной вычислительной машине (ЭВМ), до сих пор остаются неразрешимыми в голосовом помощнике Siri по нескольким причинам: 1) *машина* не способна на неосознаваемый процесс анализа данных; 2) у голосового помощника Siri нет функции запоминания ранее воспринятых впечатлений, и впечатлений в целом.

Для того, чтобы минимизировать существующие проблемы с кодированием *личностных смыслов*, заложенных человеком, у голосового помощника, необходимо: 1) расширить корпус текстов в Siri дальше базовых ответов; 2) распределить по смыслу ответные реплики Siri по каждой тематике отдельно. Данный способ – медленный, но сможет иметь

положительный результат в коммуникации типа *машина-человек*; 3) создать для Siri независимый корпус, в который голосовой помощник сможет самостоятельно записывать все поступающие реплики и вопросы от человека и, на основании этих данных, генерировать ответы, включающие ранее воспринятые впечатления, то есть создать *искусственный контейнер записанных впечатлений*. При реализации последнего пункта вырастет вероятность *индивидуализации* каждого отдельного голосового помощника с ориентиром на личные качества и характеристики, присущие их пользователям.

В качестве перспективы дальнейшего исследования заявленной проблематики можно провести подобные лингвистические эксперименты с разными видами голосовых помощников и описать прогресс и обновления функции ведения диалога, сравнить речевые формулы разных голосовых систем, оценить коммуникативный прогресс во взаимодействии типа *машина-человек* в рамках синхронического и диахронического подходов.

Библиография

1. Большакова А. Вводные слова в английском языке / Skyeng. – 2022. Режим доступа: <https://skyeng.ru/articles/dlya-chego-nuzhny-vvodnye-slova-v-anglijskom-yazyke/?ysclid=Invo34xzxc182407870> (дата обращения: 17.10.2023).
2. Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2016.
3. Веденеева Н. Гири и крылья искусственного разума // Московский комсомолец. – 2023. – 29 ноября. – С.6.
4. Волков В.В. Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2020, Vol. 11, No. 4. – С. 745-759.
5. Галибердова Д.Р. Английский речевой этикет // Russian Journal of Education and Psychology, 2019, Vol. 10, № 5. – С. 19-24.
6. Ефремова Е.Н. Проблема создания и раскодирования контекста в ходе речевого акта. Аспекты существования слова в пространстве русского языка // Журнал «Наука, образование и культура», 2021, №5(60). – С. 1-5.
7. [электронный ресурс] Жданов Ю. How ya doin', или разные способы поприветствовать встречных-поперечных / Puzzle English. Режим доступа: <https://puzzle-english.com/vitamin/how-ya-doing> (дата обращения: 19.10.2023)
8. Жигулина К.П., Перфильева Н.В. Коммуникативный потенциал русскоязычных и англоязычных голосовых систем // Филология: научные исследования. – 2023. – № 7. – С. 39-49.
9. Костюнина С.А. Роль искусственного интеллекта в изучении иностранных языков // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ», 2022, №2(47), Т.1. – С. 38-41.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: 1975.
11. Максимов А.Г. Искусственный интеллект как автор и соавтор литературного произведения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2021, №1. – С. 108-110.
12. Орфеев Ю.В. Философские проблемы соотношения мышления человека и возможностей ЭВМ в процессах решения задач: диссертация кандидата философских наук: 09.00.08. – Москва, 1974.
13. Орфеев Ю.В. Искусственный интеллект: миф и действительность. М.: «Знание», 1978.

14. [электронный ресурс] Отзовик. Голосовой помощник Алиса Яндекс. Режим доступа: https://otzovik.com/reviews/golosovoy_pomoschik_alisa_yandexs/?ysclid=Ipi5bl4gif204749277(дата обращения: 11.11.2023).
15. [электронный ресурс] Отзовик. Колонка Apple Homepod. Режим доступа: https://otzovik.com/reviews/golosovoy_pomoschik_alisa_yandexs/?ysclid=Ipi5bl4gif204749277(дата обращения: 11.11.2023).
16. Пиковер К. Искусственный интеллект / Клиффорд Пиовер / пер. с англ. А. Ефимовой. – М.: Синдбад, 2021.
17. Стернин И.А. Светское общение. Воронеж: ВГУ, 1996.
18. Таулли Т. Основы искусственного интеллекта: нетехническое введение / Пер.с англ. СПб.: БХВ-Петербург, 2021.
19. Трейси К., Роблз Дж. Повседневный разговор. Строение и отражение идентичности / Пер с англ. – Х.: изд-ва «Гуманитарный Центр» / А.В. Коченгин, 2015.
20. [электронный ресурс] Reverso Translator / Reverso Context. URL: <https://www.reverso.net/> (дата обращения: 15.10.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Siri и навык кодирования личностных смыслов в контексте английского речевого этикета», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к развитию искусственного интеллекта и реализации функции голосового помощника на его базе. В настоящей статье автор обращается к личному виртуальному ассистенту, который разрабатывается корпорацией Эпл.

Актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время значительно вырос общественный и научный интерес к возможностям голосовых систем в области имитирования естественной речи.

Материалом исследования послужили 10 ответных реплик на английском языке голосового помощника Siri от компании Apple на 9 вопросов, сгруппированных в соответствии с речевым этикетным нормами в англоговорящей среде. Для сравнительно-сопоставительных аспектов речевых этикетных норм и контекстуального анализа были использованы примеры из онлайн-переводчика Reverso с функцией контекстного словаря; вопросы и вопросы-приветствия для эксперимента и его описания были отобраны из статей популярных онлайн-платформ для изучения английского языка: Puzzle English и Skyeng.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. Автор иллюстрирует постулируемое языковыми примерами.

Структурно отметим, что данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой

представлены выводы, полученные автором. К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования.

Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых представлены труды исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к работам на английском языке, несомненно, обогатило бы работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно оформление ссылок на электронные источники.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в том, что с помощью полученного материала можно будет определить и проанализировать в будущем стадию прогресса или регресса голосовых помощников в таких направлениях, как имитирование естественной речи и навыки ведения спонтанного диалога у ИИ. Также материал исследования может быть использован в вузовской практике при разработке курса по программе «Прикладная цифровая филология», направленной на подготовку специалистов, использующих совместно IT-технологии и комплексы гуманитарной направленности. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Siri и навык кодирования личностных смыслов в контексте английского речевого этикета» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Майкова Т.А. — К вопросу о применимости концепции единица перевода к машинному переводу // Litera. – 2023. – № 12. – С. 352 - 360. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69470 EDN: LAWSMV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69470

К вопросу о применимости концепции единица перевода к машинному переводу

Майкова Татьяна Анатольевна

старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, оф. 502

✉ tatli@mail.ru

[Статья из рубрики "Автоматическая обработка языка"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69470

EDN:

LAWSMV

Дата направления статьи в редакцию:

23-12-2023

Дата публикации:

30-12-2023

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о применимости теоретической концепции единица перевода к машинному переводу в свете современных взглядов на это понятие и влиянии размеров вычленяемой единицы на качество перевода. При том, что современные системы машинного перевода предлагают приемлемый уровень качества, ряд проблем, в основном связанных со структурной организацией текста, остаются нерешенными. Соответственно, целью представленной работы является изучение существующих систем машинного перевода в свете применимости концепции единица перевода и в свете определения ее границ. В статью включено рассмотрение современных прочтений теоретико-переводческого понятия единица перевода и способов вычленения единиц перевода. Особое внимание уделяется вопросу, меняется ли содержание понятия единица перевода в зависимости от того, является ли объектом

исследования конечный текст или процесс перевода. Затрагивается вопрос о способах исследования, принятых в текст-ориентированных и процесс-ориентированных подходах, таких как сравнительный анализ языковых пар и TAP-протокол. На основе обзора существующих моделей машинного перевода, проводится анализ каждой из них для ответа на вопрос, может ли единица перевода быть определена для данной системы и каковы ее размеры. Делается вывод о том, что единица перевода может рассматриваться как единица анализа или единица обработки в рамках текст-ориентированного и процесс-ориентированного подходов к изучению перевода. Единица перевода имеет динамический характер и влияет на качество переводного текста. В рамках машинного перевода единица перевода как единица анализа неприменима для систем, основанных на вероятностных лингвистических методах. Для систем машинного перевода, основанного на правилах, применимы оба прочтения понятия единица перевода. В таких системах понятие единица анализа относится к типам фрагментов исходного текста, которые могут быть идентифицированы системой, а единица обработки – к тому, как алгоритм перевода воздействует на проанализированный исходный текст для создания текста перевода, при этом вычленяемые единицы не выходят за пределы отдельного предложения. Соответственно, по крайней мере один тип переводческих проблем – разрешение внутритекстовых связей – не находит решения на данном этапе развития машинного перевода.

Ключевые слова:

единица перевода, машинный перевод, единица анализа, единица обработки, TAP-протокол, сравнительный анализ, перевод по правилам, статистический машинный перевод, нейронный машинный перевод, гибридные системы

Сложно отрицать, что в переводческой деятельности растущее место занимает машинный перевод. Эта технология изменила глобальную коммуникацию, способствуя установлению связей, сотрудничеству и взаимопониманию во всем мире. Сегодня системы машинного перевода демонстрируют достаточно высокий уровень качества, особенно в рамках информативного перевода для широко распространенных языков. Одновременно с этим, ряд проблем остаются нерешенными. Машинный перевод по-прежнему сталкивается с проблемами при работе с контекстом, внутритекстовыми связями, идиоматическими выражениями и терминологией предметных областей. В рамках рассмотрения двух первых проблем, данная работа исследует применимость теоретической концепции единица перевода к машинному переводу в свете современных взглядов на это понятие, а также влияние размеров вычленяемой единицы на уровень качества перевода.

Существует множество подходов к определению единицы перевода. В отечественном переводоведении этому вопросу посвящены работы В.Н. Комиссарова, Л.С. Бархударова, И.И. Ревзина, В.Ю. Розенцвейга, Ю.Н. Марчука, Я.И. Рецкера, И.С. Алексеевой и др. Термин был предложен Ж. Вине и Ж. Дарбельне для обозначения фрагмента текста, рассматриваемого как единая когнитивная единица для установления эквивалентности.

Л.С. Бархударов рассматривает единицу перевода как наименьший отрезок исходного текста, имеющий эквивалент в тексте перевода, при этом в качестве единиц перевода могут выступать любые языковые единицы – от мельчайших структурных элементов

языковой системы до уровня целых текстов [2, с.3]. М. Шаттлворт и М. Кови [12, с.192] определяют единицу перевода как термин, используемый для обозначения уровня языка (фонемный; морфемный, лексический, синтаксический), на котором исходный текст перекодируется в язык перевода. Комментируя определение Бархударова, Шаттлворт и Кови, отмечают, что размер и лингвистический тип единицы перевода определяется конкретной переводческой задачей, при этом они могут меняться по ходу текста или даже одного предложения [ibid]. По мнению В. Коллера [8, с. 100], размер единиц перевода, может определяться степенью структурной близости между исходным и переводящим языком. Исследователь считает вполне вероятным, что перевод между неродственными языками будет включать в себя более крупные единицы, чем перевод между близкородственными языками.

И.С. Алексеева предлагает четыре способа определения единиц перевода [1, с.149]. В рамках исследования перевода как процесса, единицей перевода считается «минимальный отрезок текста, который выступает в качестве самостоятельного объекта процесса перевода. Чаще всего в этой роли выступает предложение. Второй подход ориентирован на текст перевода, и «за единицу перевода принимается минимальный набор лексем или грамем ИЯ, который можно поставить в соответствие с грамматической категорией ПЯ» [1, с.149]. Третий подход основан на анализе плана содержания, то есть содержание текста членится на элементарные смыслы, рассматриваемые как единицы перевода. Наконец, четвертый способ вычленения единицы перевода использует принцип семантического единства. «Единицей перевода здесь считается минимальная языковая единица текста оригинала, воспринимаемая как единое целое с точки зрения семантики» [ibid]. При этом единица перевода может обладать сложной структурой, однако ее отдельные части непереводимы.

Остановимся подробнее на двух первых подходах. Как следует из их определения, они основаны на двух разных представлениях о том, что такое перевод: текст на ПЯ или деятельность по созданию текста на ПЯ. Исследования перевода как конечного текста затрагивают такие темы как особенности переводных текстов и отношения между исходным и переводным текстами, а исследования перевода как процесса посвящены собственно переводческой деятельности, включая когнитивные процессы, лежащие в основе создания перевода. Соответственно, эти два подхода опираются на совершенно разные методы исследования. Исследования, ориентированные на текст перевода, по большей части используют сравнительный анализ языковых пар, определенных при помощи языковых корпусов или соответствующих поисковых инструментов. Методы исследований процесса перевода, в свою очередь, связаны с методами когнитивных наук, в частности психолингвистики. При этом следует отметить, что исследования, ориентированные на конечный текст и процесс перевода, строго не разграничены. Одни исследователи анализируют конечный текст перевода, уделяя внимание шагам, ведущим от исходного текста к тексту перевода, а другие описывают процесс в некоторой степени в терминах соотношения между оригиналом и переводом [14].

Некоторые зарубежные теоретики перевода считают, что в зависимости от того, является ли объектом исследования конечный текст или процесс перевода, понятие единица перевода фактически меняет свое содержание. В рамках подходов, ориентированных на конечный текст, единица перевода может пониматься как единица анализа, тогда как в исследованиях, ориентированных на процесс, она в первую очередь означает единицу обработки [15, с.254]. В рамках подходов, ориентированных на текст перевода, основными предметами исследования являются характерные особенности переводных текстов, такие

как отношения между исходным и переводным текстами, а также сопоставление различных переводов одних и тех же оригиналов, как на один, так и на несколько языков. Общим для таких исследований является то, что исследователи рассматривают текст перевода в сравнении с исходным, то есть объекты, которые существовали до начала наблюдения.

В процесс-ориентированных исследованиях перевода объектом изучения является деятельность переводчика. А. Хуртадо Альбир и Ф. Алвес утверждают, что «единица перевода должна рассматриваться и как единица понимания, и как единица обработки, то есть как динамический сегмент исходного текста, не зависящий от конкретного размера или формы, на который в данный момент направлено внимание переводчика...» [\[5, с.238\]](#). Таким образом, если понимание переводчиком исходного текста можно рассматривать как своего рода анализ, то из этого следует, что аспект анализа присутствует и в таком представлении о единице перевода. Однако более важным аспектом является динамический характер единицы обработки, то есть ее способность менять длину и лингвистический тип в процессе работы переводчика.

Исследования перевода как процесса не выявили существования строго определенной последовательности шагов, выполняемых в любом акте перевода. Наблюдения с использованием ТАР-протокола (Think-Aloud-Protocol), в рамках которого испытуемых просят проговаривать вслух под аудио- или видеозапись все, что приходит в голову во время выполнения задания по переводу, показали, что на процесс перевода влияет множество факторов, определяемых квалификацией переводчика, ситуацией перевода, типом переводческой задачи, и т.д. Соответственно можно ожидать, что единица перевода или единица обработки также может существенно различаться в ходе выполнения перевода. Так, например, отдельные исследования показывают, что единицей перевода, используемой начинающими переводчиками, как правило, является отдельное слово, а опытные переводчики склонны выделять и переводить единицы смысла, реализуемые во фразах, предикативных оборотах или предложениях [\[9\]](#).

Исследования единицы перевода в контексте процесса перевода позволяют сделать несколько важных выводов. Во-первых, поскольку единица обработки имеет динамический характер и в значительной степени зависит от переводческой задачи и ситуации, трудно дать этому понятию общее определение. Во-вторых, по результату акта перевода невозможно определить, какие именно единицы были использованы в процессе перевода. В-третьих, качество конечного текста показывает, выбрал ли переводчик единицы такого размера, который необходим для создания переводного текста надлежащего качества. Если размер единиц обработки недостаточен, переводчик может оказаться не в состоянии выбрать оптимальные выражения для выходного текста [\[11, с.358\]](#). Как отмечает К. Мальмкьер [\[10, с.286\]](#) «...целевые тексты, в которых единицы [анализа] крупнее, выглядят более приемлемыми, чем те, в которых единицы меньше». Далее исследователь приходит к выводу, что основной единицей перевода является предикация.

Концепция единицы перевода может пролить свет и на некоторые проблемы в области машинного перевода. Машинный перевод (МТ) – это способ обработки текста на ИЯ с целью получения текста на ПЯ помощью вычислительных методов. Машинный перевод является междисциплинарной областью, и к решению этой задачи подходили с различных точек зрения, включая лингвистику и статистику. Системы машинного перевода принято подразделять на перевод, основанный на правилах (RBMТ), и статистический перевод (SMT). В последние годы активное развитие получил новый

подход – нейронный машинный перевод (NMT). SMT и NMT можно охарактеризовать как нелингвистические методы, в отличие от лингвистического подхода RBMT [13].

В рамках лингвистического подхода RBMT понятие единица перевода применяется в качестве аналитической концепции. В процессе создания переводного текста единица перевода становится единицей обработки для алгоритма, используемого системой. Таким образом, в рамках лингвистического машинного перевода единицы перевода являются как единицами анализа, так и единицами обработки [17]. В исторической перспективе типы единиц перевода, применяемые в машинном переводе на основе правил, несколько различаются. Системы первого поколения работали с единицами перевода на уровне слов. Эти системы использовали стратегии прямого перевода, то есть отображения слов исходного текста непосредственно на слова языка перевода. Входной текст преобразовывался в выходной при помощи последовательной замены слов на ИЯ на их эквиваленты в языке перевода в соответствии с основными правилами грамматики, определяющими порядок слов, временные формы глаголов, согласование субъекта и предиката и т.д. Структурный анализ входного текста был минимален [13], анализ контекста и смысла полностью отсутствовал. Системы прямого перевода являлись реализацией двуязычных словарей с определенными правилами синтаксической перестройки для учета структурных различий между исходным и целевым языком и не проводили различий между анализом (обработкой исходного текста) и синтезом (созданием переводного текста).

Системы прямого перевода не могли обеспечить высокое качество перевода и были модифицированы в более продвинутые системы, основанные на трансфере – этапе межъязыковых операций, заключавшемся в построении промежуточного синтаксического представления, адаптированного к структуре предложения на языке перевода. В отличие от стратегии прямого перевода, архитектура САТ-систем, основанных на трансфере, включает отдельные процедуры анализа и синтеза, обслуживаемые отдельными алгоритмами.

Дальнейшее развитие подобных систем привело к появлению машинного перевода, основанного на глубоком лингвистическом анализе исходного текста на всех лингвистических уровнях (морфологическом, синтаксическом, семантическом, прагматическом) и столь же многоуровневой генерации целевого текста. Этот принцип был воплощен в системах машинного перевода, основанных на интерлингве – абстрактном представлении исходного текста, не зависящем от грамматики данной пары языков.

Общей чертой косвенных подходов является, что первым шагом в процедуре перевода является этап анализа, на котором создается формальное, специфическое для данной системы представление синтаксической структуры исходного выражения, то есть основной единицей перевода обычно является предложение как основная единица синтаксиса, которую можно рассматривать как максимальную область грамматического анализа. С другой стороны, работающая на уровне предложений система может выдавать неудовлетворительный перевод, если входные данные не распознаются как синтаксически полное предложение исходного языка. Неудача может быть связана либо с тем, что исходное предложение содержит грамматическую структуру, которая не описана соответствующим правилом в системе, либо с тем, что входные данные не являются полным предложением. Однако среди систем, основанных на правилах, существуют и такие, которые обрабатывают единицы на уровне предикаций, в случае если система не может проанализировать входное предложение полностью, но способна

распознать его части как независимые синтаксические единицы.

Если в RBMT системах перевод осуществляется на основе информации об исходном и переводящем языках и их взаимосвязях, то в статистических системах машинного перевода (SMT) перевод основывается на статистической (вероятностной) информации о повторяющихся паттернах в больших корпусах параллельных текстов. Корпус текстов используется для обучения системы и является источником данных для расчета вероятности, на основе которой и создаются переводы. Перевод производится на основе информации о переводческих соответствиях между последовательностями слов, N-граммами, в двуязычном корпусе. N-граммы – это статистические модели, которые предсказывают следующее слово после N-1 слов на основе вероятности их сочетания. В разных системах максимальное значение N может варьироваться [\[4\]](#).

Необходимо отметить, что для систем SMT N-грамм нельзя считать единицей перевода в буквальном смысле, поскольку в теории перевода единица перевода является в первую очередь лингвистическим понятием, а методы SMT системы работают без использования лингвистической информации об исходном и переводящем языках, поэтому их относят к нелингвистическим методам машинного перевода. Однако, хотя N-грамм не может считаться единицей анализа в теоретико-переводческом смысле, ее можно рассматривать как единицу обработки, определяемую алгоритмом, реализованным в конкретной SMT системе [\[15, с 254\]](#).

Вероятностные методы используются и в системах нейронного машинного перевода (NMT) на основе технологии нейронных сетей, в которой вычислительные системы моделируются по образу и подобию биологических нейронных сетей. Модели NMT обучаются не на N-граммах, а на представлениях законченного предложения на ИЯ и ПЯ. Слова и в этом случае остаются важными единицами в исходном и переводном текстах, но «связи между и целевыми словами, фразами и предложениями исходного текста и текста перевода устанавливаются только неявно, как отображения между их непрерывными представлениями» [\[6, с.1701\]](#).

Тот факт, что ни один из методов в одиночку не позволяет достичь удовлетворительного уровня точности, обусловил появление гибридных систем машинного перевода, основанных на использовании разных подходов к машинному переводу в рамках одной системы, например, комбинации RBMT и SMT. Один из методов предполагает использование RBMT для создания перевода, а затем тонкую настройку результата с помощью SMT. В другом методе этот процесс идет в обратном направлении: статистический перевод используется для анализа текста, а перевод по правилам для корректировки окончательного перевода. Таким образом можно отметить, что и нейронные, и гибридные системы машинного перевода используют вероятностные (нелингвистические) методы, а значит такое теоретико-переводческое понятие как «единица перевода» в системах нейронного и гибридного машинного перевода не представляется релевантным.

Выводы:

Можно выделить два различных подхода к теоретико-переводческому понятию единица перевода, что обусловлено фундаментальными различиями между текст-ориентированным и процесс-ориентированным подходами к исследованию перевода. В рамках текст-ориентированных исследований, единицу перевода можно трактовать как единицу анализа, а в рамках процесс-ориентированных исследований как единицу обработки, когнитивную единицу, на которой фокусируется внимание переводчика.

С точки зрения машинного перевода понятие единица перевода малоприменимо для статистических методов, а тем более для нейронного машинного перевода. Однако к системам машинного перевода, основанного на правилах, применимы оба прочтения понятия единица перевода. В таких системах понятие единица анализа относится к типам фрагментов исходного текста, которые могут быть идентифицированы системой, а единица обработки – к тому, как алгоритм перевода воздействует на проанализированный исходный текст для создания текста перевода.

Качество перевода напрямую зависит от размера отрезка исходного текста, выбранного в качестве единицы перевода: чем крупнее отрезок, тем выше качество. Как следует из сказанного выше, в рамках машинного перевода единицы перевода имеют тенденцию к укрупнению, но не выходят за пределы отдельного предложения, или же неприменимы в пределах вероятностных нелингвистических методов. Соответственно, по крайней мере один тип переводческих проблем – разрешение внутритекстовых связей – не находит решения на данном этапе развития машинного перевода.

Библиография

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. СПб: Академия, 2004, 334 с.
2. Бархударов Л. С. Уровни языковой иерархии и перевод // Тетради переводчика. Вып. 6. 1969. С. 3-12.
3. Бутусова А.С., Бец Ю.В. Машинный и автоматизированный перевод: учебное пособие. Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. 106 с.
4. Гудков В.Ю., Гудкова Е.Ф. N-граммы в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 69–71.
5. Hurtado Albir, A., Alves F. (2009) Translation as a cognitive activity. In Munday J. (ed), *The Routledge Companion to Translation Studies* (54-73). London: Routledge.
6. Hutchins, W.J, Somers, L.H (1992). *An Introduction to Machine Translation*. London: Academic Press.
7. Kalchbrenner, N., Blunsom Ph. (2013) Recurrent continuous translation models. In *Proceedings of the ACL Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP)* (1700–1709). Association for Computational Linguistics.
8. Koller, W. (1992). *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. Heidelberg: Quelle& Meyer.
9. Lörscher, W. (1991). *Translation Performance, Translation Process and Translation Strategies: A Psycholinguistic Investigation*. Tübingen: Günter Narr.
10. Malmkjær, K. (1998). Unit of translation. In Baker M (ed), *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* (286–287). London, New York: Routledge.
11. Sorvali, I. (2004). The problem of the unit of translation // in Kittel H., Frank A.P., Greiner N., Hermans T., Koller W., Lambert J., Paul F. (eds), *Übersetzung – Translation – Traduction. An International Encyclopedia of Translation Studies. Vol. 1* (354-362). Berlin, New York: Walter de Gruyter.
12. Shuttleworth, M., Cowie, M. (1997). *Dictionary of Translation Studies*. Manchester, UK, USA: St. Jerome Publishing.
13. Peng, L. (2013). A Survey of Machine Translation Methods. *TELKOMNIKA Indonesian Journal of Electrical Engineering Vol. 11* (12). 7125-7130. doi:10.11591/telkomnika.v11i12.2780

14. Thunes, M. (2011). *Complexity in Translation. An English-Norwegian Study of Two Text Types*. PhD thesis. University of Bergen. Retrieved from <https://bora.uib.no/bora-xmlui/handle/1956/5179>
15. Thunes, M (2017). The concept of 'translation unit' revisited. *Bergen Language and Linguistics Studies*, №8 (1). 241-259. doi: 10.15845/bells.v8i1.133

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи направлен на дешифровку специфики машинного перевода в рамках преемственности к последнему концепции «единица». Автор не только теоретически уточняет указанную магистраль оценки, но и практически выверяет данное «звено». Актуальность вопроса не вызывает сомнений, комментарий относительно этого дает и сам исследователь: «сложно отрицать, что в переводческой деятельности растущее место занимает машинный перевод. Эта технология изменила глобальную коммуникацию, способствуя установлению связей, сотрудничеству и взаимопониманию во всем мире. Сегодня системы машинного перевода демонстрируют достаточно высокий уровень качества, особенно в рамках информативного перевода для широко распространенных языков. Одновременно с этим, ряд проблем остаются нерешенными. Машинный перевод по-прежнему сталкивается с проблемами при работе с контекстом, внутритекстовыми связями, идиоматическими выражениями и терминологией предметных областей». Считаю, что методология исследования соотносится с рядом последних научных наработок, верификация не вызывает сомнений и нареканий. Диалогический характер статьи наличен: «некоторые зарубежные теоретики перевода считают, что в зависимости от того, является ли объектом исследования конечный текст или процесс перевода, понятие единица перевода фактически меняет свое содержание. В рамках подходов, ориентированных на конечный текст, единица перевода может пониматься как единица анализа, тогда как в исследованиях, ориентированных на процесс, она в первую очередь означает единицу обработки. В рамках подходов, ориентированных на текст перевода, основными предметами исследования являются характерные особенности переводных текстов, такие как отношения между исходным и переводным текстами, а также сопоставление различных переводов одних и тех же оригиналов, как на один, так и на несколько языков. Общим для таких исследований является то, что исследователи рассматривают текст перевода в сравнении с исходным, то есть объекты, которые существовали до начала наблюдения». Эффект контакта замечен и в рамках [читатель – автор], что немаловажно для большей оценки материала. Научная новизна исследования заключается в системной оценке «единицы перевода», сопоставлении данного понятия с контекстом, текстом, ситуацией. Отмечу, что основные блоки работы гармонически выдержаны – стиль – язык – форма подачи – соотносятся с собственно научным типом: «исследования перевода как процесса не выявили существования строго определенной последовательности шагов, выполняемых в любом акте перевода. Наблюдения с использованием ТАР-протокола (Think-Aloud-Protocol), в рамках которого испытуемых просят проговаривать вслух под аудио- или видеозапись все, что приходит в голову во время выполнения задания по переводу, показали, что на процесс перевода влияет множество факторов, определяемых квалификацией переводчика, ситуацией перевода, типом переводческой задачи, и т.д. Соответственно можно ожидать, что единица перевода или единица обработки также может существенно разниться в ходе выполнения перевода. Так, например, отдельные

исследования показывают, что единицей перевода, используемой начинающими переводчиками, как правило, является отдельное слово, а опытные переводчики склонны выделять и переводить единицы смысла, реализуемые во фразах, предикативных оборотах или предложениях», или «системы прямого перевода не могли обеспечить высокое качество перевода и были модифицированы в более продвинутые системы, основанные на трансфере – этапе межъязыковых операций, заключавшемся в построении промежуточного синтаксического представления, адаптированного к структуре предложения на языке перевода. В отличие от стратегии прямого перевода, архитектура CAT-систем, основанных на трансфере, включает отдельные процедуры анализа и синтеза, обслуживаемые отдельными алгоритмами» и т.д. Думаю, что некоторые фрагменты статьи можно было бы упростить / конкретизировать / сделать доступнее, это позволило бы читательскую публику расширить и упрочить. Отмечу, что ссылочный блок унифицирова, правка в данном случае не нужна: «вероятностные методы используются и в системах нейронного машинного перевода (NMT) на основе технологии нейронных сетей, в которой вычислительные системы моделируются по образу и подобию биологических нейронных сетей. Модели NMT обучаются не на N-граммах, а на представлениях законченного предложения на ИЯ и ПЯ. Слова и в этом случае остаются важными единицами в исходном и переводном текстах, но «связи между и целевыми словами, фразами и предложениями исходного текста и текста перевода устанавливаются только неявно, как отображения между их непрерывными представлениями». Структура текста отвечает стандарту научного изыскания, термины и понятия унифицированы, серьезных разночтений не выявлено. Материал, отмечу, информативен, строг, последователен и логичен. Выводы по тексту не противоречат основной части; автор отмечает, что «с точки зрения машинного перевода понятие единица перевода малоприменимо для статистических методов, а тем более для нейронного машинного перевода. Однако к системам машинного перевода, основанного на правилах, применимы оба прочтения понятия единица перевода. В таких системах понятие единица анализа относится к типам фрагментов исходного текста, которые могут быть идентифицированы системой, а единица обработки – к тому, как алгоритм перевода воздействует на проанализированный исходный текст для создания текста перевода...». Список источников, на мой взгляд, можно подкорректировать – см. стандарт издания. Материал имеет практическую направленность, целесообразно использовать его при освоении курсов по теории перевода, прагматике переводческой деятельности. В целом же цель работы достигнута, задачи решены, тема исследования раскрыта. Рекомендую рецензируемую статью «К вопросу о применимости концепции единица перевода к машинному переводу» к публикации в научном журнале «Litera» ИД "Nota Bene".

Litera

Правильная ссылка на статью:

Дуктова Л.Г. — Репрезентация культурных смыслов при использовании национальных культурных кодов в художественной литературе // Litera. — 2023. — № 12. — С. 361 - 371. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.43969 EDN: LJIXKQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43969

Репрезентация культурных смыслов при использовании национальных культурных кодов в художественной литературе

Дуктова Любовь Георгиевна

ORCID: 0009-0003-5401-7932

кандидат филологических наук

доцент, кафедра технологий коммуникации и связей с общественностью, Белорусский государственный университет

220029, Беларусь, г. Минск, ул. Куйбышева, 30, оф. 116

✉ docent2020@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.43969

EDN:

LJIXKQ

Дата направления статьи в редакцию:

05-09-2023

Дата публикации:

30-12-2023

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению репрезентации культурных смыслов при использовании национальных культурных кодов в художественной литературе. Задачи исследования: обосновать использование категории культурного кода при анализе литературного произведения; охарактеризовать особенности функционирования национального культурного кода во взаимосвязи с культурными универсалиями; показать специфику национальных образов, связанных с пространственным и временным культурными кодами. Методы (историко-литературный, структурный, семантический) и методологическая основа работы – труды российских, белорусских и зарубежных ученых в области филологии (Ю. Лотман, Р. Якобсон, М. Эпштейн, Н.

Толстой, С. Толстая и др.), культурологии и социологии (К. Рапай, Дж. Мердок). Результат работы заключается в том, что выявлены основные подходы к определению культурного кода, на примере произведений русской и белорусской литературы обозначены культурные смыслы, транслируемые с помощью национальных культурных кодов, связанные с образами Родины, малой родины, Отчизны. Научная новизна работы заключается в том, что проанализированы особенности репрезентации культурных смыслов при использовании национальных культурных образов в русской и белорусской литературе. Практическая область применения результатов работы видится в возможности использования данного материала для глубокого осмысления и изучения таких учебных дисциплин, как «История русской литературы», «История белорусской литературы», вузовских историко-литературных курсов, при самостоятельной научно-исследовательской работе студентов, при написании курсовых и дипломных работ.

Ключевые слова:

национальный культурный код, национальная картина мира, культурный смысл, пространственный код, временной код, локус, Родина, культурные универсалии, национальный образ, первопонятие

Введение

В произведениях художественной литературы отражены духовные ценности, особенности мировоззрения, идейные установки и стереотипы, функционирующие в социуме, показанные с помощью художественно-изобразительных средств, образов, мотивов. Кодирование и декодирование культурных смыслов, транслируемых в художественном произведении, происходит с помощью культурных кодов. Основой для понимания культурного кода и его роли в тексте стали исследования Ю. Лотмана, Р. Барта и У. Эко. В семиотических моделях Р. Якобсона, Ю. Лотмана и У. Эко код представлен как один из компонентов коммуникации. В 1970 г. в работе «S/Z» Р. Барта размещен текстовый анализ произведения «Сарразин» О. Бальзака, в котором был сделан акцент на функционировании кодов в литературном произведении. Среди пяти кодов, выделенных Р. Бартом, был обозначен культурный код, представляющий собой «суть не что иное, как цитации – извлечения из какой-либо области знания или человеческой мудрости» [\[1, с. 31\]](#). Данная трактовка не получила в дальнейшем широкого использования в научных исследованиях, однако сама дефиниция «культурный код» в настоящее время широко используется в ряде филологических дисциплин. В гуманитарном дискурсе существуют различные подходы к толкованию понятия «культурный код», которые связаны со следующими аспектами:

- с коллективным бессознательным и архетипами (К. Рапай: «Культурный код – это бессознательный смысл той или иной вещи или явления, будь то машина, еда, отношения, даже страна в контексте культуры, в которой мы воспитаны» [\[2, с. 16-17\]](#));
- с коллективным сознанием (М. Эпштейн рассматривает в основе культурного кода первопонятия – древние, универсальные мифологические образы, которые являются общими для всего человечества: «В отличие от юнгианских «архетипов», они принадлежат к сфере коллективного сознания» [\[3, с. 11\]](#));
- с правилами и способами отражения культурного смысла (В. Маслова, М. Пименова: «Коды культуры – специфический для каждой культуры набор способов социальной

практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, выработанная людьми система нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир» [\[4, с. 3\]](#));

– с рассмотрением взаимодействия культурного кода и символов (Д. Гудков, М. Ковшова: культурный код – это «система знаков (знаковых систем) материального и духовного мира, ставшие носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые «прочитываются» в этих знаках» [\[5, с. 8\]](#)).

В литературном произведении авторы могут применять культурные коды разных общностей. Изучение национальных культурных кодов способствует выявлению особенностей миропонимания представителей нации, а порой и государства в целом. Выявлению национальных культурных кодов в литературных произведениях посвящены следующие исследования: «Национальные коды в художественных текстах о войне» Е. Озеровой, «Национально-культурный код и литература Казахстана» А. Байболова, «Проблемы популяризации корейской литературы в мире: к вопросу о специфичности национального культурного кода» М. Солдатовой, «Полярность национальных кодов в рассказе В.В. Набокова «Облако, озеро, башня» О. Ройко, «Аспекты изучения национального кода австрийской литературы» Ю. Цветкова и др.

В основном представленные исследования связаны с выявлением особенностей языковой картины мира, делается акцент на лингвокультурные особенности. Рассмотрение не только языкового, но и художественного уровня национальной картины мира связано с выявлением образов, мотивов, концептов в произведении. В последнее время появился ряд литературоведческих диссертационных работ, где рассматриваются особенности взаимодействия культурных кодов в национальных литературах. В русской литературе – «Типология культурных кодов в драматургии Л.Н. Андреева» Т. Болдыревой, «Морбуальный код русской литературы XX-XXI вв.» Е. Трубецковой, «Поэзия Владимира Высоцкого и западноевропейская литература Средневековья и Возрождения: взаимодействие культурных дискурсов и культурных кодов» Л. Калугиной, в белорусской литературе – «Концептуализация национального в белорусской прозе первой трети XX столетия» А. Мельниковой, в американской литературе – «Национальные культурные коды в романах Дэна Симмонса» Е. Куликова.

Изучение литературных произведений позволяет выявить культурные коды наций, государств.

Взаимодействие культурных кодов и культурных универсалий

В литературоведении исследование культурных кодов, используемых писателями, направлено на выявление специфики национальной картины мира, которую целесообразно рассматривать принимая во внимание категорию культурных универсалий – норм, правил и ценностей, свойственных всем культурам независимо от исторического времени, географического положения и социального строя общества. Озерова Е.Г. отмечает: «Культурные универсалии в лирикопрозаическом тексте оживают в образно-семантическом и ценностно-смысловом аспектах концептосферы лирической прозы как система культурных концептов» [\[6, с. 72\]](#).

Антрополог и исследователь кросс-культурных коммуникаций Дж. Мердок выделил ряд культурных универсалий: религиозные представления, возрастная градация (младенчество, юность, зрелость, старость), особенности питания (приготовление, время

приема, пищевые табу и т. д.), календарь и праздники, институт семьи и брака, специфика быта, языковые особенности и др. Изучение данных параметров, позволяет определить специфику представителей определенного сообщества. Культурные смыслы, транслируемые с помощью культурных кодов, связаны с различными аспектами культурных универсалий, в художественном сознании воплощены с помощью образов, мотивов. Например, представление о добре и зле, отраженное с помощью образов в произведениях фольклора и литературы, позволяет выделить особенности повседневного поведения на основе моральных установок, связанных с понятиями добра и зла. Космологические представления связаны с образами божеств и героев в художественных произведениях как символов величия, с помощью культурного кода могут транслироваться ценности «почетного» происхождения общности.

М. Эпштейн в работе «Первопонятия. Ключи к культурному коду» (2022 г.) предложил рассматривать в основе культурного кода первопонятия – «антропологические универсалии, первоэлементы общечеловеческого опыта, преломленные через национальные языки и культуры» [\[3, с. 11\]](#). Среди первопонятий, М. Эпштейн выделяет 60 позиций. Данный перечень связан с разными аспектами:

- взаимоотношение человека и общества (власть, интеллигенция, народ);
- предметы (книга, вещь, письмо);
- пространство (дом, Родина);
- время (будущее, реальность, событие, вечность);
- физиологические и психологические особенности человека (человек, тело, безумие, гений, возраст, душа, ум, тоска, удивление, умиление, сознание, совесть, мышление, настроение, обаяние, обида, вина, грусть, желание, любовь, мудрость, чувство, ревность);
- тайны жизни и смерти (жизнь, смерть, вера, судьба, бессмертие, чудо);
- действия (игра, чтение, молчание, творчество);
- свойства и характеристики (возможное, интересное, малое, новое, легкость ничто, оболочка, образ, пошлость, поэтическое, чистота, жуткое, глубина, пустота);
- язык (слово).

Налицо стремление к сегментированию, при отражении в произведениях различных явлений действительности репрезентация культурных смыслов может быть организована с помощью разных видов кодов. С семиотизацией пространства связан пространственный код, времени – временной код, животного и растительного мира – биоморфный (животный и растительный) код, действий – акциональный код, физиологических и психологических особенностей человека – соматический и духовный коды, свойства и характеристики – атрибутивный, предметы – предметный и др.

Целесообразно построить рассмотрение культурных кодов в рамках нескольких модулей (например, жизнедеятельность человека, человек и природа, человек и общество, человек и мир), что будет способствовать обобщению и систематизации существующих исследований по функционированию определенных видов культурных кодов в художественном произведении. С жизнедеятельностью человека связаны духовный и соматический коды, а также оперативный (код действий) и морбуальный, который связан

со здоровьем и лечением человека. Важно отметить достаточную относительность границ кодов, например, морбуального и соматического. Модуль «человек и природа» представлен биоморфным и метеорологическим кодами, модуль «человек и общество» – персонажным кодом, модуль «человек и мир» – пространственным, временным, количественным, цветовым, космогоническим, предметным и др.

Рассмотрению вопроса кодификации культурного наследия посвящены исследования «Культурный код в литературном произведении. Интерпретации художественных текстов в русской литературе XIX и XX веков» Г. Халациньска-Виртелак (H. Chałacińska-Wiertelak), «Орнитологический код белорусской традиционной духовной культуры», «Дендрологический код белорусского традиционного фольклора» И. Швед, «Зооморфный код культуры в языковой картине мира» Ф. Гукетловой, «Звериный стиль Евразии» Е. Корольковой, «Анималистический код английской культуры в лингводидактическом аспекте» Х. Розенковой, С. Шустовой, «Соматический код культуры в фразеологических картинах мира : на материале даргинского и арабского языков» А. Омарова, «Растительный код в новогреческом фольклоре» С. Сидневой, «Знаки, символы и коды культур Востока и Запада» С. Махлиной и др.

В литературном произведении могут использоваться коды разных культур, представляет интерес изучение национальных культурных кодов, основе которых находятся национальные образы, презентующие определенные культурные смыслы. Национальные культурные коды заложены в основе национальных образов. В качестве примера рассмотрим национальные образы, связанные с семиотизацией пространства и времени.

Национальные образы, связанные с пространственным и временным культурными кодами

В литературе многих стран мира пространственный код представлен с помощью образа земли, его использование помогает раскрыть исторические, психологические, бытовые особенности определенного этноса. А. Мельникова в работе «Национально-идеологические координаты белорусской литературы первой трети XX века» подчеркивает: «Повествование о народе обязательно базируется на представлениях о пространстве, содержит образ своей земли. Национальный ландшафт является одной из форм конструирования национальной идентичности. В современной науке ландшафт рассматривается как «социальный иероглиф», «система культурных кодов», механизм формирования национальной идентичности. Особенности изображения национального пейзажа в художественной литературе определяются как особенностями реальной территории, пейзажей, так и ее индивидуальным авторским видением. Как правило, реальность раскрывается писателями не конкретно, а о так называемых «базовых символах», которые воспринимаются как репрезентативные для данной территории (А. Почепцов). Специфика национального менталитета, национальный образ мира реконструируется и через расшифровку пространственных символов-кодов культуры» [\[7, с. 70\]](#).

В художественном сознании белорусов широко представлены образы леса, болота, реки, тропинки, перекрестка, дома (хаты), мельницы, поля, неба. Изображения с этими элементами пейзажа удачно подчеркивают белорусский колорит (произведения изобразительного искусства «Мартовская ночь» В. Беляницкого-Бирули, «Особняк на краю Голубицкой пуши» Я. Дроздовича и др.). В монографии «Контуры родного: национальный локус культуры в белорусской прозе эпохи рубежа» А. Белая выделяет такие локусы белорусской культуры, как дом (хата), лес и болото, город, мельница и другие: «Для полноценного существования человеку необходим определенный

факторный «комфорт», который для белорусов обеспечивает модель мира, состоящего из земли, леса и неба» [\[8, с. 191\]](#).

В белорусской литературе разных периодов образ своей земли представлен как центр национальной картины мира белорусов: поэма «Новая земля» Я. Коласа, эссе «Земля под белыми крыльями» В. Короткевича и др. В русской литературе широко представлен образ «Святая Русь» как символ незыблемости и неприкосновенности государства. В русской литературе одним из ярких образов выступает образ града Китежа, символа благородства и непоколебимости русского духа, который представлен в творчестве С. Есенина, М. Горького, Н. Клюева, А. Майкова, П. Мельникова-Печерского, М. Пришвина, И. Северянина, Ф. Сологуба, М. Цветаевой и др.

Декодирование культурного кода предполагает прочтение модели поведения, мировоззренческих установок, ментальных черт нации и населения страны в целом. Л. Хабибуллина, Т. Бреева в работе «Национальный миф в художественной литературе» отмечают: «Специфический пространственный образ национального мира начинает складываться на самых ранних этапах существования национальной литературы, становясь начальной формой репрезентации своеобразных ментальных черт нации: в отношении Англии такой моделью становится «островное мышление», в отношении России эту роль выполняет пространственный тип мышления, в основе которого лежит ощущение бескрайности, порождающее «стремление за горизонт», «жажду запредельного». Однако на этом национализация пространства оказывается попросту невозможной. Как отметил М.Ю. Лотман: «В средневековой системе мышления сама категория земной жизни оценочна – она противостоит жизни небесной. Поэтому земля как географическое понятие одновременно воспринимается как место земной жизни (входит в оппозицию «земля/небо» и, следовательно, получает не свойственное современным географическим понятиям религиозно-моральное. Эти же представления переносятся на географические понятия вообще: те или иные земли воспринимаются как земли праведные и грешные. Движение в географическом пространстве становится перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей, верхняя ступень которой находится на небе, а нижняя – в аду». Именно так выстраивается в древнерусской литературе образ русской земли, по свидетельству Д.С. Лихачева» [\[9, с. 251\]](#). Исследователи подчеркивают, что восприятие русской земли в памятниках письменности базировалось на религиозном принципе. Постулат «Москва – третий Рим», содержащий пространственный и временной коды, имеющий религиозную составляющую, подчеркивает миссионерскую роль русского народа в мировой истории, его ориентир на будущее. Данная идеология, появившаяся ещё в XVI веке и подчеркивающая существование двух мировых христианских центров Древнего Рима и Византии, связана с представлением о России как гаранта справедливости и созидателя будущего гармоничного мира, нашла отражение в публицистике и художественной литературе («Дневник писателя» Ф. Достоевского, «Иван Грозный» А. Толстого и др.). В дальнейшем принцип единства пространства и духовного начала наблюдается при формулировании консолидирующих идей на уровне государства в различные исторические периоды, например, в годы Великой Отечественной войны – призыв «За нами Москва, сердце Родины!». Л. Хабибуллина, Т. Бреева отмечают: «Динамика пространственного образа определяется этапами национализации пространственных представлений; по мнению М.Ю. Тимофеева, национализация пространства представляет собой процесс присвоения национальных смыслов нациоландштам, социоландштам и ландшафтам. Национализация двух первых элементов по-разному протекает в общекультурном и литературном дискурсе. Если в общекультурном дискурсе их

национализация составляет важную часть идеологии становящейся государственности, то в литературном дискурсе национализация данных элементов оказывается отнесена к XX в. Социоландшафты включаются в структуру национального мифа России в первые десятилетия XX в., исторического конструирования; это касается значимых для русской культуры петербургского, московского, провинциального текстов и т.п.» [\[9, с. 252\]](#).

В творчестве русских, белорусских писателей отмечается сакрализация образов Родины, малой родины, родной земли, Отчизны («Благословенна русская земля» Е. Евтушенко, «Моя Отчизна – груди Бога» М. Костюкевича, «Есть край на земле, не обделенный Богом» В. Павлова и др.). Важно также отметить, что чувство гордости связано с образом Родины в произведениях «Родина» Е. Баратынского, «Голос Родины, голос России» Ф. Добранравова, «Кружились белые березки» А. Твардовского, «Родина моя» Р. Рождественского, «Родина слышит» Е. Долматовского, «Родина моя дорогая...» А. Бочилы, «Я не порицаю земли чужие» Г. Буравкина. Ощущение постоянства, своего рода колыбели души, счастливых лет детства в жизни человека, тоска по родным местам – с образом малой родины («Тихая моя родина», «Ночь на родине» Н. Рубцова, «», «Аист» А. Кажедуба, «На новый порог» Г. Долидовича и др.), с образом Отчизны связано отражение в произведениях литературы военной мощи, исторических баталей, а также национальных идеалов, показанных в прошлом, в будущем и настоящем («Родина» («Люблю отчизну я, но странною любовью...») М. Лермонтова, «Отчизне» М. Дуксы и др.).

Взаимодействие пространственного и временного кодов целесообразно показать при рассмотрении образа дома в литературе разных исторических периодов. В русской литературе XIX века с образом дома в произведениях «Старосветские помещики» Н. Гоголя, «Обломов» И. Гончарова связаны культурные смыслы, подчеркивающие статичность времени: время как будто останавливается при описании будней, проходящих в доме. В литературе XX века образ дома связан с судьбой человека, порой воспринимается как начало его жизненного пути, на что обращают внимание исследователи: «Если в романе XIX в. темпоральность истолковывалась как знак уходящего прошлого безотносительно к его ценностному значению, то в литературе XX в. появляется идеализация дома как единственного способа сохранения человеческой индивидуальности. XIX в. постулирует топос дороги как метафоры духовного пути личности, XX в. актуализирует процессуальную значимость топоса дома, который наполняется медиаторным смыслом, либо преодолевая дистанцированность биографического времени героя (И. Шмелев «Солнце мертвых»), либо снимая оппозицию времени – вечности (М. Булгаков «Белая гвардия»)» [\[9, с. 253\]](#).

В белорусской литературе образ дома (белорусской хаты) символизирует малую родину, семейно-родовые связи, служит отражением характера героя. В начале XX века в литературе находит отражение вопрос бездомности во время происходящих трансформаций в политической, экономической, социальной жизни общества, на что обращает внимание А. Белая: «В философском плане начало XX столетия характеризуется великой бездомностью. В художественной литературе это особенное положение конкретизируется соответствующими жизненными обстоятельствами литературных героев. Во время Первой мировой войны абстрактное понятие бездомности воплощается еще более трагично. Это показано в произведениях К. Черного, М. Лынькова, Т. Гартного» [\[8, с. 33\]](#).

Образ дома в произведениях русской, белорусской литературы – многоаспектный. Это своеобразная модель мира, которая рассматривается в диахроническом аспекте, образ дома связан жизненным путем человека (дом детства, старый дом, дом-крепость и др.),

дом символизирует Родину, ее исторический путь.

Выводы

Рассмотрение культурного кода в гуманитарном дискурсе связано с рассмотрением таких аспектов, как взаимодействие культурных кодов и системы символов и знаков (Н. Толстой, С. Толстая, Д. Гудков, М. Ковшова), способ отражения социальной практики, присущей для каждой культуры (В. Маслова, М. Пименова), связь культурного кода и архетипических представлений (К. Рапай), выделение первопонятий как основ культурного кода. Культурный код целесообразно рассматривать как носитель культурных смыслов, отражающих различные аспекты культурных универсалий, использование которого связано с процессом кодирования и декодирования информации, что позволяет при минимальной экспликации добиться определенного эффекта воздействия на реципиента, при этом имплицитность проявляется в релевантности образов, мотивов художественного произведения элементам картины мира, накопленным в памяти читателя. В плане содержания существуют различные виды культурных кодов, которые целесообразно систематизировать с помощью модулей «человек и мир», «человек и природа», «человек и общество», «жизнедеятельность человека», при этом необходимо подчеркнуть условность границ разных видов кодов. Взаимодействие пространственного и временного кодов целесообразно рассмотреть на примере образов дома, Родины в русской и белорусской литературе.

При исследовании культурных кодов в художественном произведении целесообразно обратиться к выявлению особенностей репрезентации культурных смыслов, касающихся разных культурных универсалий. В литературном произведении могут использоваться коды разных культур, представляет интерес изучение национальных культурных кодов, основе которых находятся национальные образы, презентующие определенные культурные смыслы. Образы Родины, малой родины, Отчизны связаны с временными и пространственными отношениями в восприятии представителей нации, государства. В творчестве русских, белорусских писателей чувство гордости связано с образом Родины, ощущение постоянства, своего рода колыбели души – с образом малой родины. В связке с образом Отчизны в художественной литературе находят отражение национальные идеалы, показанные в прошлом, в будущем и настоящем.

В мировой литературе пространственный и временной код используются при отражении представлений о священной территории и «золотом веке» определенного государства. Взаимодействие пространственного и временного кода прослеживается в художественной литературе на ценностно-символическом уровне, когда речь идет об историческом пути государства, идеалах будущего и ценностях прошлого. Чтобы подчеркнуть национальные пространственно-временные особенности в литературном произведении авторами используются образы великих правителей, героев, а также образы город и знаковых мест.

Библиография

1. Барт Р. S/Z. М.: Эдиториал, 2001. 232 с.
2. Рапай К. Культурный код. Как мы живем, что покупаем и почему. М.: Альпина Паблишер, 2019. 232 с.
3. Эпштейн М.И. Первопонятия. Ключи к культурному коду. Москва, КоЛибри, 2022. 718 с.
4. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. М., 2016.
5. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры. М., 2007.

6. Озерова Е.Г. Культурные коды лирикопрозаического текста. М.: Эдитус, 2016, 117 с.
7. Мельнікова А. М. Нацыянальна-светапоглядныя каардынаты беларускай літаратуры першай трэці XX стагоддзя. Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2016. 214 с.
8. Белая А.І. Абрысы роднага : Нацыянальныя локусы культуры ў беларускай прозе «эпохі рубяжа». Баранавічы : БарГУ, 2015. 206 с.
9. Хабибуллина Л.Ф., Бреева Т.Н. Национальный миф в художественной литературе. М.: ФЛИНТА, 2019. 498 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предложенная к публикации работа ориентирована на дешифровку темы «Репрезентации культурных смыслов при использовании национальных культурных кодов в художественной литературе». Заявленная проблема достаточно актуальна, востребована, представляется новой. Однако текст статьи имеет явно усеченный вид, наличного объема явно недостаточно для раскрытия темы. Цель исследования не достигнута, аналитическая составляющая не реализована в полной мере. Стиль тяготеет к собственно научному типу, например, это проявляется в следующих фрагментах: «в произведениях художественной литературы отражены духовные ценности, особенности мировоззрения, идейные установки и стереотипы, функционирующие в социуме, показанные с помощью художественно-изобразительных средств, образов, мотивов. Кодирование и декодирование культурных смыслов, транслируемых в художественном произведении, происходит с помощью культурных кодов», или «антрополог и исследователь кросс-культурных коммуникаций Дж. Мердок выделил ряд культурных универсалий: религиозные представления, возрастная градация (младенчество, юность, зрелость, старость), особенности питания (приготовление, время приема, пищевые табу и т. д.), календарь и праздники, институт семьи и брака, специфика быта, языковые особенности и др. Изучение данных параметров, позволяет определить специфику представителей определенного сообщества. Культурные смыслы, транслируемые с помощью культурных кодов, связаны с различными аспектами культурных универсалий, в художественном сознании воплощены с помощью образов, мотивов. Например, представление о добре и зле, отраженное с помощью образов в произведениях фольклора и литературы, позволяет выделить особенности повседневного поведения на основе моральных установок, связанных с понятиями добра и зла. Космологические представления связаны с образами божеств и героев в художественных произведениях как символов величия, с помощью культурного кода могут транслироваться ценности «почетного» происхождения общности» и т.д. Отмечу также, что автор зависим от «уже сказанного», точка зрения должна быть прописана фактурнее. Удачно в тексте даются ссылки на работы М. Эпштейна, Дж. Мердока, Е. Озеровой, А. Мельниковой и др. На мой взгляд, и дробность текста вполне оправдана, это позволяет читателю пунктирно овладевать проблемой, следить за проекцией развития мысли. Автор, думается, несколько формально подходит к вопросу, не дает должного иллюстративного фона. Часть блоков не прокомментированы должным образом, например, «декодирование культурного кода предполагает прочтение модели поведения, мировоззренческих установок, ментальных черт нации и населения страны в целом. Л. Хабибуллина, Т. Бреева в работе «Национальный миф в художественной литературе» отмечают: «Специфический пространственный образ национального мира начинает складываться

на самых ранних этапах существования национальной литературы, становясь начальной формой репрезентации своеобразных ментальных черт нации: в отношении Англии такой моделью становится «островное мышление», в отношении России эту роль выполняет пространственный тип мышления, в основе которого лежит ощущение бескрайности, порождающее «стремление за горизонт», «жажду запредельного». Однако на этом национализация пространства оказывается попросту невозможной» и т.д. Выводы также необходимо расширить / усложнить: не стоит их представлять так формально: «использование культурных кодов связано с процессом кодирования и декодирования информации, что позволяет при минимальной экспликации добиться определенного эффекта воздействия на реципиента. Имплицитность проявляется в релевантности образов, мотивов художественного произведения элементам картины мира, накопленным в памяти читателя. Обобщая вышеизложенное, стоит отметить следующее. Во-первых, рассмотрение культурного кода в гуманитарном дискурсе связано с рассмотрением таких аспектов, как взаимодействие культурных кодов и системы символов и знаков (Н. Толстой, С. Толстая, Д. Гудков, М. Ковшова), способ отражения социальной практики, присущей для каждой культуры (В. Маслова, М. Пименова), связь культурного кода и архетипических представлений (К. Рапай), выделение первопонятий как основ культурного кода...». Таким образом, с учетом сказанного отмечу: статья нуждается в доработке, желательно расширить текст, увеличить иллюстративный блок, отчасти внедрить и новые исследования по «кодификации культурного наследия», а также сильнее прописать авторский взгляд, не номинируя то, что уже наработано. В данном виде статья «Репрезентация культурных смыслов при использовании национальных культурных кодов в художественной литературе» не может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Репрезентация культурных смыслов при использовании национальных культурных кодов в художественной литературе», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к вопросам репрезентации культуры и национальных особенностей в художественном тексте, что является междисциплинарным направлением, разрабатываемым как в русле литературоведения, так и лингвокультурологии, семиотики и других гуманитарных дисциплин.

В основу исследования легли работы Ю. Лотмана, Р. Барта и У. Эко. К сожалению, автор не обратился к работам Ю. Кристевой и других теоретиков постструктурализма.

Практическим материалом исследования явились художественные произведения русской и белорусской литературы. К сожалению, автор не указывает объем корпуса практического материала, взятого для проведения исследования, а также методику и принципы его отбора.

Отметим, что работа приносит определенный вклад в развитие, в том числе, как общей теории языкознания, так и литературоведения. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются в том числе общелингвистические методы наблюдения и описания, а также методы дискурсивного и

когнитивного анализа, семиотическая методика и методика моделирования языка.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в исследовании недостаточно убедительных выводов, данных, подтверждающих постулируемое автором.

Библиография статьи насчитывает 9 источников, среди которых теоретические работы представлены как на русском языке, так и на белорусском. Считаем, что обращение к современным трудам зарубежных исследователей на иностранном языке по заявленной проблематике, несомненно, обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно алфавитный принцип выстраивания списка источников. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Репрезентация культурных смыслов при использовании национальных культурных кодов в художественной литературе» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Рахманихалилелахи Ж. — Художественный конфликт в рассказе «Принц Ольденбургский» Фазиля Искандера // Litera. – 2023. – № 12. – С. 372 - 383. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69222 EDN: LJYEAM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69222

Художественный конфликт в рассказе «Принц Ольденбургский» Фазиля Искандера

Рахманихалилелахи Жила

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра "Русская и зарубежная литература", Филологический факультет РУДН

117198, Россия, Обручевский область, г. Москва, ул. Миклуха-Маклая, 7, оф. 3

✉ 1042205281@pfur.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69222

EDN:

LJYEAM

Дата направления статьи в редакцию:

04-12-2023

Дата публикации:

30-12-2023

Аннотация: Предметом исследования является изучение художественного конфликта в рассказе «Принц Ольденбургский» Ф. Искандера. Цель исследования заключается в изучении использования литературных средств для передачи эмоций и мыслей персонажей. Актуальность тем, затронутых в рассказе «Принц Ольденбургский» Ф.А. Искандера, проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, рассказ затрагивает вопросы экологии, власти и манипуляций, которые остаются актуальными и в реальном обществе. Автор поднимает проблему конфликта между стремлением к экономическому развитию и прогрессу и защитой природы и традиций. Это актуальная тема в современном обществе, где существует постоянное противостояние между экономическими интересами и сохранением окружающей среды. Во-вторых, рассказ обсуждает вопросы социальных конфликтов и недопонимания. Принц Ольденбургский

сталкивается с недостатком поддержки и недопониманием из Петербурга, а также с сопротивлением местных жителей. Это отражает актуальные проблемы общества, связанные с различиями во взглядах, ценностях и интересах разных социальных групп. Методология исследования основана на аналитическом подходе, включающем детальный анализ текста рассказа и обращение к социокультурным аспектам, подчеркнутым автором. Исследование рассказа «Принц Ольденбургский» Ф.А. Искандера представляет новизну в нескольких аспектах. Во-первых, оно анализирует внутренние конфликты и внешние вызовы, с которыми сталкивается принц, исследуя их взаимосвязь с социальными и экологическими проблемами. Во-вторых, исследование обращает внимание на использование литературных средств, таких как диалоги, внутренние монологи, контрасты и сарказм, для передачи эмоций и мыслей персонажей. Это позволяет более глубоко понять и анализировать характеры и мотивации героев, а также авторскую позицию по отношению к социокультурным и политическим вопросам. В-третьих, исследование раскрывает взаимодействие принца с природой и его стремление к изменению окружающей среды. Это актуальная тема в современном обществе, где существует постоянное противостояние между экономическими интересами и сохранением природы. Таким образом, результаты исследования рассказа «Принц Ольденбургский» Ф.А. Искандера имеют широкую область применения в различных дисциплинах и могут внести вклад в понимание литературы, социальных и экологических проблем, политики и психологии.

Ключевые слова:

Принц Ольденбургский, Фазиль Искандер, внутренние конфликты, внешние вызовы, диалог, внутренние монологии, сарказм, ирония, социальные проблемы, экологические проблемы

Введение

Великие личности часто становятся объектами литературного внимания, где их историческая величина преобразуется под пером талантливых писателей. Фазиль Абдулович Искандер, известный своим тонким чувством юмора и неповторимым стилем, приглашает нас в свой литературный мир, где в центре внимания оказывается Принц Ольденбург – фигура, богатая иронией и неожиданными отклонениями от стандартов.

Этот рассказ будет нашим проводником в ироническое пространство, где Принц Ольденбург встречается с миром, созданным великим Ф. А. Искандером. В статье исследуется, каким образом автор использует свой литературный мастер-класс, чтобы взглянуть на историческую личность Принца с улыбкой, открывая новые грани его характера и придающий свежий взгляд на знакомые события.

Философские исследования иронии и литературы представляют новаторский подход к этому феномену. В различных литературных направлениях, таких как романтизм, модернизм и постмодернизм, ирония рассматривается как сложный феномен, который отражает философские и эстетические аспекты человеческого опыта. Комическое воспринимается как одна из форм выражения иронии, добавляя глубину и многозначность. Иносказание используется для концептуализации окружающего мира через ассоциации между системами понятий [\[1, с. 5\]](#). Ирония, как форма иносказания, включает фиктивное согласие с критикуемым утверждением, выражая скрытую критику или альтернативный взгляд. Она также заменяет значения, внося неожиданный поворот

или контекст, что создает эффект замены или пересмотра значения [\[2, с. 3\]](#). Ирония включает в себя замену или пересмотр значения высказывания, создавая неожиданный поворот или контекст [\[3, с. 158\]](#).

Исторически подтвержденный факт гласит, что Принц Ольденбургский (21 мая 1844 – 6 сентября 1932) – выдающаяся фигура в российской истории, обогатившая общество своими военными и общественными заслугами. С начальной службы прапорщиком в Преображенском лейб-гвардии полку, он успешно продвигался в военной иерархии, руководя различными подразделениями. Важно отметить, что его вклад в жизнь страны превышал рамки военной сферы – принц стал меценатом, создав Институт экспериментальной медицины, и сыграл ключевую роль в формировании Гагрского климатического курорта, способствуя благоустройству гагрских пляжей. Сочетание военных достижений, медицинских инициатив и благотворительности превратили жизнь Принца Ольденбургского в уникальный вклад в общественное развитие России в период с конца XIX по начало XX века [\[4\]](#).

Ирония, пронизывающая каждый абзац, создает остроумные контрасты и раскрывает неожиданные аспекты личности Принца Ольденбурга. Давайте распахнем дверь в этот фантастический мир словесного искусства, в котором ирония Ф. А. Искандера становится зеркалом, отражающим историю с удивительной точностью, но при этом окрашенным юмором и остроумием.

Принц Ольденбургский в Зеркале Литературы

Литературное творчество выступает как уникальный инструмент, через который писатели исследуют свое восприятие мира и себя, воплощая свои размышления в художественных образах. Творческое сознание, направленное на глубокое понимание человеческой сущности, стремится к осмыслению и художественному воплощению человеческой природы. Образ человека в литературе не только отражает общую концепцию, сформированную культурным и историческим контекстом, но также оказывается под влиянием уникальных взглядов, предпочтений и психологии каждого автора. Значительное влияние на формирование образов оказывает модель типизации, представляющая собой эффективный механизм преобразования материала из реальной жизни в художественно-эстетическую форму. Следовательно, персонажи литературных произведений, даже если у них есть реальные прототипы или автобиографические основы, не являются механическими копиями своих источников, а, наоборот, формируются с использованием уникальных моделей и концепций каждого автора.

В литературе термин «тип» относится к стандартному, знакомому изображению персонажа или события, часто сводящемуся к выделению одной характерной черты или образца поведения. Типизация применяется для упрощения и стандартизации литературных образов, что делает их более узнаваемыми и понятными для читателя. Типы представляют собой обобщенные примеры, отражающие общие черты определенных социокультурных групп или явлений [\[5, с. 35\]](#). Принц в рассказе «Принц Ольденбургский» Ф.А. Искандера может рассматриваться как типичный литературный тип, который символизирует и представляет современное общество. Его переживания, внутренние и внешние конфликты служат зеркалом для реальных социальных проблем и трудностей. Внутренний конфликт принца отражает сложности лидеров и общества при стремлении к прогрессу, а его взаимодействие с различными социальными группами подчеркивает конфликты внутри общества. Таким образом, Принц Ольденбургский может рассматриваться как тип, представляющий определенные черты и проблемы

современной эпохи в литературном контексте.

Существует два основных подхода к созданию литературных персонажей: Характер-тип: Основывается на типизации, где персонажи представляют собой стереотипные образцы с выделенной характерной чертой или поведенческим шаблоном. Это упрощает и стандартизирует образы, делая их более узнаваемыми [\[6, с. 92\]](#). Характер-личность: Индивидуализированный и многогранный характер, который не только связан с социальными стереотипами, но также обладает духовной причастностью к бытию. Такие персонажи органично взаимодействуют в межличностном общении и независимы от социальных установок [\[7, с. 9\]](#).

Рассказ «Принц Ольденбургский» Ф.А. Искандера предоставляет читателю углубленный взгляд на жизнь и деятельность принца в парке Гагра. Принц, описанный стоящим у пруда в сопровождении свиты, сталкивается с неожиданным визитом черного австралийского лебедя. Автор умело использует этот эпизод, сравнивая взаимодействие принца с лебедем с нападением пиратского корабля на имперский крейсер, придавая происходящему драматический характер [\[8, с.33\]](#). В рассказе также засвечивается интимная сторона жизни принца, особенно его отношения с массажисткой Элеонорой Картуховой. Скандал с её участием приводит принца к тому, чтобы посадить её под домашние аресты, что приводит к размышлениям о значении массажа и его влияния на его здоровье [\[8, с. 33\]](#). Роль принца в развитии Гагры как курортного города также подробно исследуется. Автор раскрывает тщательную работу принца над созданием мини-монархии в составе Российской империи и подчеркивает его достижения в строительстве и обеспечении безопасности в городе [\[8, с. 35\]](#). Принц перед читателем представляет себя лидером, который предаёт благополучие местных жителей, но и подвергается критикам и трудностям.

Проблемы и вызовы, с которыми сталкивается принц, обозначаются через анонимное письмо, обвинения в планировании отравления и столкновения с разными слоями общества, включая военнопленных и студентов [\[8, с. 36\]](#). Рассказ создает образ принца, находящегося в центре политических и личных вихрей, стремящегося к прогрессу и сталкивающегося с противоречиями на своем пути.

Конфликтология, как научная область, занимающаяся изучением конфликтов и способов их разрешения, стала формироваться в середине XX века [\[9, с. 4\]](#). Интерес к конфликту в художественных произведениях прослеживается на протяжении всей истории литературы. В классическом понимании литературный конфликт представляет собой столкновение различных сил, противоречий, или проблем, создающих напряжение в сюжете произведения. Внутренние разборки играют важную роль сюжетного плана рассказа, облегчая его сложность, добавив глубину героям и насыщая сюжет эмоциональной насыщенностью.

Принц Ольденбургский — сложный и противоречивый персонаж, чьи внутренние переживания добавляют глубину его характеру. Внутри него борются чувство собственного достоинства и эмоции неудовлетворения. С виду он представляет силу и уверенность, однако в его душе таится неопределенность, создаваемая несовершенством окружающего мира. Этот внутренний конфликт выражается в его поступках и решениях.

Стремясь к привлечению чужеродцев разумной целесообразностью русского покровительства, принц демонстрирует свою изощренность в политических интригах.

Однако под этой внешней маской скрывается истинная мечта — создание идеальной монархии на Черноморском побережье. Это стремление отражает его стремление к гармонии и совершенству в управлении, что делает его персональным видением благополучия и порядка. Но, несмотря на свои амбиции, принц сталкивается с недопониманием и недостатком поддержки из Петербурга. Это разочарование подчеркивает трудности, с которыми он сталкивается в реализации своих идеалов. Недопонимание со стороны высших сфер власти формирует внутренний конфликт между его стремлением к переменам и реальностью политических игр [\[36-37\]](#). Таким образом, принц Ольденбургский предстает перед нами как личность, где величие и сомнения, амбиции и разочарования переплетаются, делая его персонажем с насыщенной внутренней жизнью.

Дядя Сандро — фигура, которая, несмотря на свою симпатичность, окутана некоторой загадочностью и вызывает разнонаправленные эмоции у принца и его свиты. Его действия вызывают симпатию у окружающих, но в то же время, они придают некоторую неловкость и смутность обстановке. Дядя Сандро не подчиняется общепринятым нормам и совершает поступок, который, несмотря на свою дерзость, не несет в себе злого умысла. Это создает интересный контраст между его действиями и их восприятием со стороны окружающих. Его симпатичность привлекает внимание, но одновременно с этим возникает некоторая неловкость в отношениях с другими персонажами. Возможно, это связано с тем, что его поступок может восприниматься как нарушение общепринятых норм, что добавляет неопределенности и загадочности в его образ [\[43\]](#). Таким образом, Дядя Сандро предстает перед нами как личность, оставляющая множество вопросов и вызывающая неоднозначные чувства у окружающих. Его дерзость и отсутствие злого умысла делают его персонажем, который, возможно, играет важную роль в динамике сюжета, разнообразив характеры и события в рассказе.

Адъютант принца — темный уголок в драме героев. Принц не скрывает своего отторжения к адъютанту, но, несмотря на это, он удерживает его рядом из чувства гордости. Это создает внутренний конфликт в самом принце, олицетворяя противоречие между его личными чувствами и общественной фасадной гордостью. Отношения между ними становятся невидимым полем борьбы, где гордость и антипатия нарушают тонкий баланс. Однако, несмотря на явное напряжение, принц продолжает держать адъютанта рядом с собой. Возможно, это связано не только с гордостью, но и с какой-то выгодой или стратегическим расчетом. Этот внутренний конфликт обостряет его характер, придавая ему дополнительные слои сложности [\[40\]](#).

Тем временем, в другой части сюжета, взгляд принца обращается к вопросу человеческого отношения к пленным. Принц Ольденбургский придает этому вопросу большое значение, видя в пленных не просто врагов, но людей, заслуживающих уважения и гуманного обращения. Эта его гуманная позиция сталкивается с холодными практическими умыслами инженера Бартмера [\[37\]](#).

Инженер, не разделяя взглядов принца, несет наказание за свои практические решения. Эта динамика добавляет сложности и моральные дилеммы в отношениях между героями. Противостояние их взглядов представляет собой еще один уровень напряжения в рассказе.

Внешние конфликты в художественной литературе играют значительную роль в формировании сюжета, характеров и общей динамики произведения. Эти конфликты могут принимать различные формы, включая столкновения персонажей с внешними

силами, общественными институтами, природой или другими аспектами внешнего мира. Эстетическая сущность конфликта регулярно исследовалась в рамках марксистской «теории отражения», рассматривая его как отражение противоречий реальной жизни в искусстве и литературе при помощи заранее готовых социологических шаблонов. Эти шаблоны включают в себя передового героя и его окружение, либо, наоборот, осознанный коллектив и героя-"отщепенца", город и деревню, новатора и консерватора. Такой подход легко объясняется контекстом советской литературы, где подобные социологические трактовки были распространены. Работа Ю. Кузьменко стала значимой точкой, подчеркивая эволюцию и изменение социального конфликта «личность – среда» или «характер-коллектив» в советской литературе 20-70-х годов [\[9, с. 5\]](#).

В рассказе выявляется, что принц Ольденбургский сталкивается с значительным сопротивлением со стороны делегации старейшин окрестных сел. Это сопротивление связано с неудовлетворением делегации по поводу освящения дедовских лесов «человекоподобными тварями». Этот элемент внешнего конфликта играет ключевую роль в формировании сюжета и характера принца [\[8, с. 37\]](#). Старейшины выражают свою неудовлетворенность, подчеркивая свои традиционные ценности и неготовность принять изменения, предложенные принцем. Такой конфликт создает напряжение в обществе и ставит принца в оппозицию с местными лидерами, что может иметь далеко идущие последствия для хода сюжета. Этот внешний конфликт также отражает тематические аспекты произведения, такие как борьба между старым и новым, традицией и современностью. Кроме того, реакция принца на сопротивление делегации может стать ключевым моментом для раскрытия его характера и ценностей. Принц, несмотря на противостояние, не выбирает путь открытого сопротивления. Он, похоже, принимает позицию смирения и продолжает свою деятельность, стремясь привлечь чужеродцев с помощью разумной целесообразности русского покровительства. Описанный выбор принца Ольденбургского действительно заслуживает внимания. Его стратегический подход к разрешению конфликта свидетельствует о его умении владеть ситуацией и предпочтении избегать открытого сопротивления. Вместо того, чтобы вступать в прямое противостояние, принц решает принять позицию смирения и продолжить свою деятельность, используя разумную целесообразность русского покровительства. Этот выбор иллюстрирует его стратегическую мудрость и умение действовать с учетом контекста и обстоятельств. Вместо того, чтобы рисковать открытым конфликтом, который мог бы повредить и ему, и делегации, принц предпочитает дипломатический путь. Его стратегия подразумевает надежду на понимание со стороны внешних сил, что может обеспечить ему поддержку или, по крайней мере, избежание серьезных противостояний.

Такой характер принца не только демонстрирует его лидерские качества, но и вносит интересные динамические элементы в развитие сюжета. Его стратегия может создать базу для дальнейших перипетий и изменений в отношениях с окружающим миром, что делает произведение более сложным и захватывающим для читателя.

Взаимоотношения принца Ольденбургского с рабочими ремонтных мастерских действительно добавляют интересную динамику к социальным отношениям в городке. Анализ этого аспекта позволяет рассмотреть взаимодействие и потенциальные конфликты в контексте социальной структуры сообщества.

Принц, выделяя рабочих ремонтных мастерских, явно придает им особое значение. Его частые посещения и положительное отношение к их труду указывают на глубокую привязанность к этой группе работников. Возможно, принц видит в них не только исполнителей своих указаний, но и ценных членов сообщества, играющих важную роль

в его планах и увлечениях [\[8, с. 35\]](#). Это социальное взаимодействие может внести значительный вклад в создание гармонии в городке или, наоборот, вызвать потенциальные конфликты с другими жителями. Возможно, остальные обитатели городка могут почувствовать себя недооцененными или ущемленными, что создаст динамичное социальное поле, полное интриг и соперничества. Этот конфликт может возникнуть из-за восприятия неравномерного распределения внимания и благосклонности со стороны принца. Для полноты анализа стоит углубиться в мотивы принца, которые побуждают его придавать особое значение именно этой группе работников. Возможно, в этом кроется не только проявление личных предпочтений, но и стратегическое решение, направленное на поддержание экономического благосостояния городка или создание образа заботливого лидера. Таким образом, анализ взаимодействия принца с рабочими ремонтных мастерских может раскрывать не только социальные динамики внутри городка, но и личные мотивации и стратегические решения главного персонажа. Однако в рассказе обсуждается событие, произошедшее через два года после прибытия принца Ольденбургского в Гагру. В этот период некоторые рабочие восстали, но, что более любопытно, это были не местные аборигены, а сами работники, подчиненные принцу. Появилась потребность в поддержке, и принц обратился с запросом на присылку пехотной роты из Новороссийска. Тем не менее, из-за напряженной обстановки в самом Новороссийске, роту так и не прислали [\[8, с. 36-38\]](#).

Это происшествие бросает свет на противостояние между принцем и его собственными подчиненными, которые подняли бунт против его действий. Однако весьма интересно отметить, что из-за сложившихся обстоятельств в Новороссийске запрос на подавление беспорядков остался без ответа. Эта ситуация подчеркивает напряженность и конфликтные отношения между принцем и рабочими, а также демонстрирует сложности, с которыми сталкивается принц в своих усилиях по развитию Гагры. На фоне внутренних потрясений открывается сложный пейзаж взаимоотношений внутри общества, предоставляя уникальную перспективу на трудности управления и стремления к развитию города.

Взгляд на взаимодействие принца Ольденбургского с природой оголяет интересный аспект его амбиций и поднимает вопросы относительно трудностей, с которыми он сталкивается в этом стремлении. Кажется, что принц не ограничивается простым владением своих владений, но также стремится внести изменения в окружающую среду, возможно, с целью улучшения ее красоты и разнообразия.

Принц выбирает необычный, захватывающий подход, покупая попугайчиков и выпуская их на волю. Однако этот эксперимент сталкивается с неожиданными трудностями в виде местных ястребов, которые представляют угрозу для новых обитателей. Это столкновение принца с природой и ее законами подчеркивает не только его стремление к трансформации окружающей среды, но и непредсказуемость и сложность подобных вмешательств. [\[8, с. 37\]](#). Второй эксперимент с выпуском мартышек привел к еще более трагическим последствиям, так как они были перестреляны местными охотниками. Здесь возникает вопрос о восприятии принца как действующего агента в природной среде и реакции местных обитателей на его вмешательство. Возможно, местные жители реагируют на эти эксперименты с сопротивлением или даже враждебностью, причем это сталкивается с идеей принца об украшении и развитии природы [\[8, с. 37\]](#). Таким образом, анализ подчеркивает не только стремление принца к внесению изменений в природу, но и сложности, с которыми он сталкивается, а также потенциальное недопонимание и сопротивление со стороны окружающего общества. Эти столкновения добавляют глубину и сложность в исследование взаимодействия человека с природой в рассказе.

Сцена между Дядей Сандро и сторожем проливает свет на динамику конфликтных взаимоотношений и взаимодействия с внешними силами в тексте. Этот эпизод не только обогащает характеристики Дяди Сандро, но также подчеркивает воздействие социальных и институциональных элементов на ход сюжета.

На первый взгляд, столкновение между Дядей Сандро и сторожем возникает из-за отказа последнего предоставить информацию о греке, поставляющем товары для принца. Это создает напряженную обстановку и выделяет важность такой информации для Дяди Сандро. Возможно, его стремление узнать о деятельности грека обусловлено желанием внести изменения в развитие сюжета. Однако конфликт переходит на новый уровень, когда Дядя Сандро, столкнувшись с непоколебимостью сторожа, прибегает к физической атаке. Это не только усиливает напряженность отношений между ними, но и приводит к аресту со стороны полиции. Важно отметить, что конфликт не ограничивается только личными взаимоотношениями, но также вступает в контакт с внешней силой - институтом правопорядка [\[8, с. 43\]](#). Анализ этого эпизода позволяет выделить тему конфликта как доминирующую в сюжете. Взаимодействие персонажей с внешними силами, такими как сторож и полиция, добавляет сложности в развитие сюжета и предоставляет читателю интересные моменты напряжения и драмы.

Анализ столкновений героев с внешними силами в рассказе «Принц Ольденбургский» выявляет важные элементы напряжения, конфликта и развития персонажей. Эти столкновения не только создают динамику в сюжете, но и служат ключевыми моментами, формирующими характеры героев и подчеркивающими трудности их стремлений. Каждое столкновение предоставляет возможность для раскрытия личностных черт героев. Например, когда Дядя Сандро вступает в конфликт со сторожем и, впоследствии, с полицией, это не только подчеркивает его решительность в достижении своих целей, но и выявляет его способность использовать силу в стремлении к своей цели. Принц Ольденбургский, взаимодействуя с природой и рабочими ремонтных мастерских, сталкивается с неожиданными трудностями, которые подчеркивают сложности его стремлений улучшить окружающую среду. Эти препятствия поднимают вопросы о сбалансированности между его идеалами и реальностью, что добавляет глубины его характеру. Общий эффект всех этих столкновений – это создание динамичной и насыщенной сюжетной линии, которая удерживает внимание читателя. Кроме того, эти конфликты служат зеркалом для общественных и моральных вопросов, с которыми сталкиваются герои, делая рассказ более многогранным и актуальным.

Подход к диалогу в узком смысле описывается как концепция «языковой конструкции», где каждый компонент играет роль неотъемлемого строительного элемента. Этот метод воспринимает диалог как процесс структурирования, в котором каждый элемент коммуникации важен, чтобы формировать смысл и достичь целей, а также подчеркивает его важность как функциональной и структурной элементы в эффективной связи [\[10, с. 191\]](#). В современных исследованиях подчеркивается диалогическая природа понимания, считая его результатом взаимодействия, выраженного в тексте. Философы называют диалог ключевым свойством мышления, представив теоретическое мышление внутренним диалогом, а действие мышления в социальном акте коммуникации. В соответствии с М.М. Бахтиным, участие в диалоге становится интегральной частью нашего бытия, а диалог рассматривается как акт вопрошания, внимания, ответа и согласия, символизируя жизнь в ее бесконечных взаимодействиях [\[11, с. 318\]](#).

Диалоги и внутренние монологи, представленные в рассказе «Принц Ольденбургский»

Ф.А. Искандера, играют важную роль в развитии сюжета и раскрытии характеров. Автор мастерски использует язык для передачи эмоций и мыслей персонажей, создавая комплексные ситуации, которые обогащают повествование.

В диалогах автор применяет различные языковые приемы для передачи эмоционального состояния персонажей. Примером служит вопрос принца Ольденбургского, который выражает его стремление понять мотивы сторожа, подчеркивая его недоумение относительно поведения других [\[8, с. 36\]](#). Другие персонажи, такие как дядя Сандро и переводчик, также используют диалоги для выражения своих мыслей и эмоций, что придает реализм и глубину их характерам [\[8, с. 43\]](#).

Внутренние монологи служат мощным средством для отображения внутреннего мира персонажей. Например, мысли принца Ольденбургского о значимости личного примера и его роли в развитии Гагры добавляют сложности его характеру. Он выражает свои взгляды на социалистические идеи и мечтает о создании идеальной монархии, что делает его более многогранным и интересным персонажем [\[8, с. 35\]](#).

Использование метафор, сравнений и эмоционально окрашенных слов дополняет богатство повествования. Принц Ольденбургский описывает свою палку как «демократическую», что не только подчеркивает его отношение к власти, но также добавляет сарказм и глубину его характеру [\[8, с. 35\]](#). В целом, автор создает живые и динамичные диалоги, позволяя читателю глубже погрузиться во внутренний мир персонажей.

В рассказе «Принц Ольденбургский» Ф. А. Искандера, литературные средства эффективно применяются для формирования атмосферы конфликта. Эти методы придают тексту глубину, подчеркивая противоречия в поведении персонажей и выражая авторскую позицию. Мастерское использование литературных средств в произведении позволяет автору вкладывать глубокий смысл, обогащая содержание текста и подчеркивая сложность отношений между персонажами.

Применение иронии в произведении свидетельствует о том, что автор оценивает происходящее со сложными чувствами. В своем стремлении к порядку и справедливости принц Ольденбургский иногда совершает поступки, которые противоречат его собственным идеалам. Это создает атмосферу недопонимания и подчеркивает сложность его личности, что, возможно, интерпретируется как авторская критика социальных стереотипов и ожиданий. Например, стремление принца Ольденбургского к порядку и справедливости, выраженное в его использовании палки, порождает иронические ситуации, где средства, выбранные им, приводят к конфликтам с окружающими [\[8, с. 35; 38\]](#).

Комические ситуации, внедренные в рассказе, говорят о том, что автор не лишен чувства юмора и способен рассматривать даже конфликтные ситуации с определенной легкостью. Это может подчеркивать иронический взгляд на реальность и демонстрировать некоторую игривость в обращении с темами конфликта. Например, сцена с арбузом и реакция полицейского создают комическое напряжение, где непонимание приводит к смешным ситуациям и усиливает конфликт [\[8, с. 38\]](#).

Использование контрастов в произведении отражает авторское стремление подчеркнуть различия в ценностях и взглядах персонажей. Такие контрасты могут служить призывом к разнообразию и толерантности в обществе, а также подчеркивать негодование автора

по отношению к деспотическим проявлениям власти и непониманию со стороны общества. Принц Ольденбургский, стремящийся к идеальной монархии, сталкивается с сопротивлением местных жителей, выражающих свою деспотическую душу, осуждая его эксперименты и изменения в дедовских лесах [\[8, с. 37\]](#).

Сарказм, использованный автором, выражает его критическое отношение к некоторым явлениям и идеям, присутствующим в произведении. Это может служить инструментом для акцентирования негативных моментов в поведении персонажей и вызывать у читателя размышления о социокультурных аспектах, на которые обращает внимание автор. Ироническое отношение к попыткам принца создать идеальную монархию и недопонимание его деятельности в Петербурге создают дополнительный уровень конфликта, обогащая текст и усиливая воздействие [\[8, с. 35\]](#).

В рассказе «Принц Ольденбургский» Ф. А. Искандера выявляются общественные проблемы через различные аспекты конфликта, которые служат аллегорией или зеркальным отражением реальных социальных трудностей.

Один из аспектов конфликта, который может рассматриваться как аллегория, представляет собой противостояние между принцем Ольденбургским и местными жителями, выступающими против экспериментов с обезьянами и осквернения дедовских лесов. Этот конфликт символизирует напряженные отношения между современными экологическими проблемами и стремлением к экономическому развитию и прогрессу. Принц, представляющий власть и прогресс, сталкивается с оппозицией со стороны местных жителей, которые защищают свою природу и традиции.

Другой аспект конфликта, возможно, является зеркальным отражением реальных общественных проблем, представляет собой противостояние между принцем Ольденбургским и анонимным прохвостом, который обвиняет принца в планировании отравления посетителей. Этот аспект отражает проблему политических интриг, клеветы и манипуляций, присущих современному обществу. Принц сталкивается с ложными обвинениями и вынужден бороться с ними, чтобы защитить свою репутацию и доброе имя.

Окончание конфликта в рассказе не прослеживается явно или окончательно. Тем не менее принц Ольденбургский проявляет готовность подчинить свою гордость и принять требования местных жителей во имя общего дела. Это может указывать на необходимость компромисса и сотрудничества в решении социальных проблем. Рассказ поднимает важные вопросы, связанные с экологией, властью и манипуляциями, которые остаются актуальными и в реальном обществе.

Заключение

В завершении статьи необходимо привлечь внимание к насыщенности конфликтов в рассказе, представляющих неотъемлемую часть мозаики иронии в характере Принца Ольденбургского. Эти столкновения, будь то внутренние или внешние, не только подчеркивают важность напряжения и динамики сюжета, но и служат ключом к более глубокому пониманию главного персонажа. Принц Ольденбургский, как источник и разрешитель конфликтов, вступает в противоречия с местными жителями, на фоне которых раскрывается символическая борьба между экологической ответственностью и стремлением к экономическому прогрессу. Этот внешний конфликт дает возможность проникнуть в тонкости отношений между современными экологическими вызовами и потребностью в инновациях. Внутренние противоречия Принца, его стремление к

порядку, часто взаимодействуют с иронией, создавая комические сцены, где использование им палки для установления порядка становится источником недопонимания и смеха со стороны окружающих. Эти внутренние борьбы выявляют сложность его личности и разрыв между высокими идеалами и прозаической реальностью. Таким образом, конфликты в рассказе «Принц Ольденбургский» не только придают сюжету напряженность и интерес, но и играют важную роль в раскрытии иронических оттенков личности Принца. Они выделяют многогранный характер главного героя и раскрывают противоречия, делая его персонажем не только интересным, но и глубоким.

Библиография

1. Гончарова Н.Н. Когнитивные основания интерпретации иносказания на уровне дискурса (на материале англоязычных художественных текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 24 с
2. Фархитдинова О.М. Ирония: проблема определения и роль в философском познании: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Екатеринбург, 2004. 28 с.
3. Вольтер. Эстетика. М.: Искусство, 1974. 392 с.
4. Ольденбургский А. П. Биографический указатель // Хронос / ред. Румянцев В. 2000. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_o/oldenburgski.php (дата обращения: 27.11.2023)
5. Хализев В. Е. Теория литературы: Учеб. для вузов, М.: Высш. школа, 1999. 400 с.
6. Лессинг Г. Э. Гамбургская драматургия, М. – Л., 1936. 519 с.
7. Гудонене, В. Искусство психологического повествования (от Тургенева к Бунину). Вильнюс: Изд. Вильн. гос. ун-та, 1998. 120 с.
8. Искандер Ф. Принц Ольденбургский // Сандро из Чегема. Эксмо, 2014. 201 с.
9. Коваленко А. Г. Очерки художественной конфликтологии: Антиномизм и бинарный архетип в русской литературе XX века. М., 2009. 552 с.
10. Глазман М. С. Научное и художественное мышление: Лекции по спецкурсу. Москва, 1973. 117 с.
11. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1986. 444 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Художественный конфликт в рассказе «Принц Ольденбургский» Фазиля Искандера», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей творчества одного из видных русских прозаиков Фазиля Абдуловича Искандера и его произведения об одной из одиозных фигур истории - Принца Ольденбургского.

В статье исследуется, каким образом автор использует свой литературный мастер-класс, чтобы взглянуть на историческую личность Принца с улыбкой, открывая новые грани его характера и придающий свежий взгляд на знакомые события.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой

гипотезы. К сожалению, теоретические измышления не проиллюстрированы языковыми примерами из художественной прозы, а также не представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 11 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к зарубежным источникам по смежной тематике, несомненно, обогатило бы рецензируемую работу.

Отметим, что в статье нарушен общепринятый порядок алфавитного выстраивания источников согласно ГОСТа. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Художественный конфликт в рассказе «Принц Ольденбургский» Фазиля Искандера» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ши Л. — Эмоционально–оценочные коммуникемы в современной прозе // Litera. – 2023. – № 12. – С. 384 - 395.
DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69442 EDN: LRDJIJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69442

Эмоционально–оценочные коммуникемы в современной прозе

Ши Линь

ORCID: 0009-0006-9281-5988

аспирант, кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет

190000, Россия, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, ул. Халтурина, 15, кв. к.503

✉ lin439327393@gmail.com

[Статья из рубрики "Синтаксис"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69442

EDN:

LRDJIJ

Дата направления статьи в редакцию:

23-12-2023

Дата публикации:

30-12-2023

Аннотация: Предметом исследования в данной статье являются эмоционально–оценочные коммуникемы в двух произведениях современной литературы: М. Л. Степновой «Сад» и Е. С. Чижовой «Время женщин». Объектом исследования являются коммуникемы – коммуникативные, непредикативные единицы синтаксиса, относящиеся к уровню синтаксической экспрессивности. Особое внимание уделено структурному составу и семантическим функциональным характеристикам коммуникемы в художественном тексте-диалоге, чтобы отобразить психологические эмоции, состояния и отношения персонажей, тем самым повышая напряженность и реальность ситуации. Цель работы заключается в выявлении связи коммуникем как средств выражения эмоциональной оценки и социально-речевой характеристики персонажей в текстах современной литературы. В статье выявляются основные виды коммуникем, используемые героями произведений «Сад» и «Время женщин», предлагается их

классификация в зависимости от функциональной роли в речи персонажа и в диалоге. Методологическую базу исследования составляют структурно-семантический, описательный, сопоставительный и классификационный методы. Теоретической базой исследования послужили работы в области языкового описания средств выражения эмоциональной оценки, в частности, коммуникативных способов передачи эмоциональной реакции через речь. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе семантической структуры и прагматики эмоционально-оценочных коммуникативных в рамках современных прозаических диалогических контекстов. В результате проведённого исследования выявлено, что коммуникативная как явление живой речи являются одной из форм разговорно-диалогической речи и незаменимы как средство эффективной выразительности автора в литературных произведениях. Результаты исследования могут быть использованы для предоставления информации студентам во время обучения на занятиях, а также для научных исследований. Анализируя диалоговые ситуации в литературных произведениях, можно глубже понять замысел автора и эмоциональные характеристики персонажей. В то же время это помогает студентам улучшить свои способности к литературному чтению и лучше понять подтекст литературных произведений и стоящую за ними культурную и историческую подоплеку.

Ключевые слова:

коммуникативная, живая речь, экспрессивность, художественный текст, частица, междометие, удивление, возмущение, восхищение, сомнение

Введение

Исследователи дают следующие определения понятию коммуникативная: это «слова-предложения, самостоятельная функционально-структурно-семантическая разновидность простого предложения (односоставное), частицы и междометия, нечленимые, междометные предложения, устойчивые фразеологизированные обороты, междометия и словечки, особый разряд слов, слова-коммуникативы, релятивы, коммуникаты, неполные предложения и т.п.» [\[1, с. 195\]](#); «явление живой разговорной речи, созданные как более экономные, краткие и эмоциональные формы выражения отношения, говорящего к объективному миру вокруг него» [\[15, с. 111\]](#); «экономные и краткие формы выражения говорящего к объективному миру» [\[5, с. 8-9\]](#). Одна из важных характеристик коммуникативной – то, что она «является знаком отношений, чувствований и волеизъявлений, а не понятий, суждений или умозаключений» [\[7, с. 12\]](#); коммуникативные передают не только смысловую информацию, но и эмоциональную окраску высказывания. Выражение эмоций является одним из очень важных элементов устного общения. Их эффективное использование в процессе коммуникации должно основываться на глубоком и всестороннем изучении, что и обусловило актуальность выбранной для статьи темы.

С помощью коммуникативной можно усилить и показать чувства, эмоции и отношение к высказываемому. Они включают в себя различные элементы языка и паралингвистические характеристики речи, такие как интонация, громкость, темп речи, использование повторов, вздохи, ритмические акценты и другие выразительные приёмы. Например, повышение голоса и увеличение громкости могут выразить гнев или возбуждение, а медленный и монотонный темп речи может выражать скорбь или усталость. Использование интеръективных выражений, таких как "э-э-э...", "а-а-а-а-а-

а-а-а-а", "ooo", "ой", позволяет выразить удивление, боль, радость и другие эмоции. Кроме того, коммуникемы также включают в себя невербальные элементы выражения, такие как мимика, жесты, позы и другие физические выражения эмоций, которые могут сопутствовать устной речи. Эти невербальные сигналы могут быть очень сильными и эффективными в передаче экспрессивности и ораторской силы высказывания. Коммуникемы позволяют уточнять и усиливать значение, а также риторическую окраску слов, делая высказывания более выразительными и эффективными. Они имеют важное значение для эффективного общения, особенно в ситуациях, когда важно передать свои эмоции и установить эмоциональную связь с собеседником, например, когда мы выражаем эмоции в коммуникации, мы показываем другим свои истинные чувства и эмоциональное состояние. Эта искренность и открытость помогают укрепить доверие и способствуют более глубокому общению и более близким отношениям. Делясь эмоциями, мы лучше понимаем и поддерживаем других, укрепляя наши эмоциональные связи друг с другом.

«Значение коммуникем тесно связано с экспрессивно-эмоциональной и волевой сферой поведения человека» [\[8, с. 12\]](#). Коммуникема передаёт информацию о межличностных отношениях, эмоциональном состоянии и волеизъявлении. Следовательно, чтобы понять значение коммуникемы, нам нужно обратить внимание на её роль в области эмоционального выражения и волеизъявления, а также на межличностный и коммуникативный фон, связанный с этим. В этом смысле коммуникема – важнейшее языковое явление, душа языка, мост эмоциональной коммуникации между людьми. «Человеческие переживания, выражаемые различными способами – такой же объективный факт действительности, как и понятие или суждение о предмете, явлении и т. п., а непосредственная объективно-субъективная вербализация эмоций при помощи коммуникем свидетельствует не только о наличии значения у последней, но и о необычайном его богатстве» [\[9, с. 76\]](#).

Коммуникемы являются, с точки зрения их смысла и функций в речи, очень разнообразными и многофункциональными. Н. И. Гуляева пишет о том, что «основными функциями коммуникем являются выражение коммуникативных намерений (интенций) коммуниканта, его эмоциональной реакции на факты лингвистического и экстралингвистического характера, его отношения к действительности, побуждения, различных этикетных моментов, вопроса, утверждения или отрицания» [\[4, с. 277\]](#). Коммуникемы употребляются в разговорной речи, поэтому большинство из них обладают эмоциональностью и экспрессивностью, то есть они эмоционально окрашены и произносятся с особой интонацией, которая передаёт многообразие человеческих эмоций. «Эмотивные смыслы и есть те специализированные семантические компоненты, которые свойственны коммуникемам» [\[2, с. 111\]](#).

Эмоциональная оценка – субъективная реакция на внешние раздражители, обычно оценка индивида и выражение эмоционального переживания, которое он испытывает, включает положительные и отрицательные эмоциональные переживания. Эмоции и оценка взаимосвязаны. Г. Н. Ленко отмечает, что «оценка является необходимым компонентом эмоциональной реакции, так как определение значимости события или ситуации, а, следовательно, и активизации эмоции, происходит через оценивание» [\[6, с. 89\]](#). Эмоционально-оценочные коммуникемы – очень важный элемент речи, который может помочь людям лучше выражать свои эмоции и непосредственные чувства, а также может помочь людям понять эмоции и настроения других.

Эмоционально-оценочные коммуникемы являются средствами выражения эмоционально-импульсивной реакции говорящего на ситуацию, внешнюю среду, поведение окружающих, а также эмоционально-оценочными репликами-реакциями, содержащими собственно эмоциональную оценку [\[20, с. 91\]](#). Они обладают высоким прагматическим и эстетическим потенциалом благодаря выполнению в тексте целого ряда важных стилистических функций. Коммуникемы придают речи непринуждённость, динамизм, напряжённость, психологизм и т. п., которые обусловлены рядом их языковых свойств. Ю. С. Сорокина указывает, что «эмоционально-оценочные коммуникемы, как правило, привязаны к типичным для обиходно-бытовой сферы общения ситуациям, протекающим в непринуждённой обстановке и не ограничивающим свободу выражения эмоций и оценок» [\[11, с. 41\]](#). Согласно исследованиям по психологии чувств и эмоций, базовые эмоции, которые проявляются в частотных ситуациях жизни человека – это: счастье, печаль, гнев, удивление, страх, боязнь, опаска, счастье, удовлетворение, разочарование и т. д. [\[18; 19\]](#).

Обсуждение

В современных художественных текстах экспрессивность и эмоциональность играют важную роль. «Писатель, выражая в тексте свои чувства и эмоции, пытается привлечь внимание читателя, пробудить в нём те или иные эмоции, воздействовать на его чувства, вызвать чувство сопереживания. Для этого писатель использует разнообразные средства выражения экспрессивности, без которых не обойдётся ни одно художественное произведение» [\[10, с. 4\]](#). В этом процессе использование коммуникем, таких, как параномазия, аллитерация, анафора, ритмика и другие выразительные приёмы, становится особенно значимым. Коммуникемы позволяют усилить эмоциональную нагрузку текста и создать определённую атмосферу. Например, использование повторов и ритмических фраз может придать произведению особую энергию и динамику. Использование неожиданных метафор, символов или гипербол также способствует достижению эффекта шокирования и удивления у читателя. Использование коммуникем в таких случаях помогает автору точнее отразить свои мысли и перенести свои эмоции на страницы текста. Как явление живой разговорной речи они характерны для диалогической и монологической речи персонажей различных художественных произведений.

Мы проанализировали коммуникемы на материале романов М. Л. Степновой «Сад» и Е. С. Чижовой «Время женщин». Марина Степнова и Елена Чижова – талантливые и яркие современные писательницы, которые известны своим красочным и живописным стилем письма. Выбор двух романов в качестве исследовательских материалов обусловлен не только живым языком, но и их содержанием, имеющим глубокое образовательное значение. М. Л. Степновой «Сад» – роман, который писатель Михаил Турбин назвал «живой и смелой книгой о сбывшемся родительском страхе, о любви, которая этот страх затмевает, и долге беречь её до конца своих дней» [\[14, с. 220\]](#). О романе Елены Чижовой «Время женщин» критик Алиса Терентьева пишет, что «работая над книгой, писательница на примере истории своих героинь хотела показать, что человек должен с достоинством переживать даже самые сложные времена. Автор считает, что жизненная история героинь романа поможет современному человеку найти правильные ориентиры в жизни» [\[13\]](#). В этих романах язык героев помогает понимать нестабильность ситуаций, внутреннюю атмосферу взаимоотношений, изменение характеров персонажей. Коммуникемы в данных текстах являются мощным инструментом, который помогает авторам воплотить свои идеи и передать свои эмоции читателям.

Исследуемые нами эмоционально-оценочные коммуникемы мы делим на две группы: оценочные и эмоциональные.

1. Оценочные коммуникемы. Это устойчивые разговорные фразы, содержащие оценку говорящим предмета речи, в которой выражается абсолютная или сравнительная ценность данного предмета.

В романах М. Л. Степновой и Е. С. Чижовой часто встречаются коммуникемы, выражающие хорошую или плохую оценку предмета или ситуации. Эта оценка выражается, прежде всего, с помощью лексических средств, например, словами *прелесть, чудо, очаровательно, прекрасно, душка, браво*. Они передают положительную оценку. Такие слова, как *вздор, ерунда, беда, грех, подлый, подло, дурно* и др., выражают отрицательную оценку. При этом важны не только лексические значения коммуникем. Конечно, важна интонация, с которой они произносятся, которую в тексте могут помочь передать синтаксические конструкции, например конструкции с местоимениями *какой (-ая, -ое, -ие), такой (-ая, -ое, -ие), как, что, что за, что ж/что же* и некоторые другие.

Пример 1: Обиженная таким демонстративным несоблюдением политеса кухарка орала в сторону девиц: – Арбузиха пришла! – и разворачивалась задом, грохая сердито посудой.

– *Фря какая*, ты подумай, а! Никакого уважения! («Сад») [\[12, с. 150-151\]](#).

Коммуникема «*Фря какая*» передает значение презрительного возмущения в ответ на высокомерие, капризность собеседницы. Структура коммуникемы: «существительное + усилительное местоимение».

Пример 2: – Сходила. Назад возвращается. «Ну?» – Евдокия приступает. – «Ох, не могу, – стонет. У самой губы трясутся. – *Что за люди, что за люди...*» – «Это, – окорачивает, – ты брось. Охи да ахи свои. Не в гимназиях. Ты дело говори». («Время женщин») [\[16, с. 143\]](#).

Выражение «*Что за люди*» в этом тексте имеет значение иронии, удивления, неудовлетворенности и гнева, и его конструкция – «вопросительное местоимение *что* + предлог *за* + существительное *люди*»

2. Эмоциональные коммуникемы. Это реакция на предыдущее высказывание с одновременным выражением эмоционального состояния говорящего – негодование, возмущение и удивление одновременно и т. д. К эмоциональным коммуникемам мы отнесли только те устойчивые коммуникативные единицы, в которых выражаются разнообразные чувства и эмоции говорящего, лишённые оценки и каких-либо дополнительных значений. Эмоции человека очень многочисленны, поэтому мы разделяем все эмоциональные коммуникемы на несколько подгрупп в зависимости от вида эмоции:

а) коммуникемы удивления

В нашем материале часто встречаются коммуникемы удивления, употребляющиеся в неожиданных ситуациях. Например, *что вы/, что ты! да что ты?! не может быть! неужели? как так? вот как? Как? зачем же? как же? ах! ох!* и другие.

Пример 1: И действительно придумал – специальное кресло, настоящий родильный трон,

удобный и роженице, и ему самому, с ремнями для ног, великолепным обзором и даже с подлокотниками и мягкой спинкой, так что княгиня в родах могла не только отдохнуть, но и вздремнуть, коли того пожелает. Столяр, которому Мейзель принес чертежи, посмотрел на него с испугом и перекрестился.

– *Это зачем же такое? А сидуха как же? Неужто* вовсе без неё? («Сад») [\[12, с. 163\]](#).

В данном примере коммуникема выражает удивление, при этом и конструкция, и лексика данных речевых единиц показывают, что говорящий не равен по статусу доктору, он использует просторечный язык. В первом случае мы видим лексико-грамматическую конструкцию «указательное местоимение *это* + вопросительное слово + частица *же* + наречие/местоимение *так/такое*», во втором – нейтральную для выражения удивления конструкцию союз «а» + сущ. + вопросительное слово *как же* + частица *же*, в третьем – частицу «*неужто*» (просторечие).

Пример 2: Окошко темное. Вдруг огонек вспыхнул, будто искра. Шире, шире... А из домика – музыка. Как же это? Лебеди рядом стоят, крыльями взмахивают...

– *Боже мой!* – Ариадна руками всплеснула, прижала к груди. – Это же «Лебединое озеро» ... Балет... («Время женщин») [\[16, с. 82\]](#).

В данном случае для выражения удивления и восхищения используется междометие.

б) коммуникемы возмущения

В разговорной речи русских людей часто слышится раздражение, иногда негодование, но чаще всего возмущение. С этой эмоциональной окраской используются различные коммуникемы: *как же! пошла прочь! чёрт подери! к чёрту! чёрт с два! что это такое! да что же это! с ума сошла! бред! вот еще! вон! экая гадость!* и другие.

Пример 1: Гувернантка, которой положено было в этот час читать с девочками из французской истории, обнаружилась в своей комнатке с бездельными пальцами.

– А где, собственно?..

Зажурчала, закартавила, перекатывая в горле соловьиные почти шарики, захлопала розовыми веками.

– *Пошла прочь*, старая дура! («Сад») [\[12, с. 209\]](#).

В приведенном примере коммуникема выражает гнев и отвращение, состоит из глагола + наречия.

Пример 2: *Глупости мелешь!* – Бабушка Евдокия глазом сверкнула. – Всё, мол, кругом одинаковые – на одних правах? Умерли, а всё в одном месте: и грешники, и праведники... И очередь у них одна? («Время женщин») [\[16, с. 35\]](#).

В данном случае коммуникема выражает отношение к сказанному как к чему-то неправильному, неверному, эта коммуникема образуется с помощью существительного и глагола. Но слово «мелешь» – разговорно-просторечного стиля, использованное вместо «говоришь – заставляет нас понять, что героиня очень рассержена.

в) коммуникемы восхищения

Для выражения ощущения сильнейшей радости, восторга в анализируемых

произведениях встречаются коммуникемы, выражающие восхищение.

Пример 1: – *Что за прелесть* эта Наташа!

Надежда Александровна погладила книгу маленькой крепкой рукой и даже зажмурилась от удовольствия. Переплет был кожаный, теплый – все книги в доме Борятинских, включая только что вышедшие, переплетались заново, причем кожу заказывали специально во Флоренции – тонкую, коричневатую, с нежным живым подпалом («Сад») [\[12, с. 9\]](#).

Коммуникема «*Что за прелесть*» используется для выражения восхищения или удивления чем-то приятным или очаровательным. Лексико-синтаксическая структура коммуникемы: частица *Что за* + *сущ.* + *указательное местоимение* + *существительное*.

Пример 2: Мама красивая, платью с маками радуется. Сладким клеем пахнет. Побежала в кухню – показать.

– *Ишь ты*, – бабушка Евдокия восхищается. – Пряма мастерская у неё... Вот и я лоскутков-то найду – всех своих принарядишь: и девочку, и дядьку этого... («Время женщин») [\[16, с. 80\]](#).

Коммуникема «*Ишь ты*» употребляется при выражении изумления, восхищения [\[3\]](#), ее конструкция – *междометие* + *личное местоимение*.

г) коммуникемы раздражения

Во время изучения текста мы часто сталкивались с двумя эмоциями: коммуникемами раздражения и возмущения, которые иностранным студентам отличить от других и различить между собой бывает очень трудно. Раздражение возникает тогда, когда человек начинает сердиться, оно может возникнуть по разным причинам, в различных, не обязательно вызывающих возмущение, ситуациях. Возмущение – это наша реакция на результат/процесс чужих действий, который, как мы ожидали, должен был бы быть совсем другим, часто – противоположным по качеству/количеству и т. д. Возмущение сильнее раздражения.

Пример 1: Барышню – к нам? Да такой фамилии? Чтоб научиться лошадям, простите, руку в задницу по локоть совать? Уж не знаю, милстдарь, кто из вас с ума сошел, вы или ваша протезе, но я вам и как человек скажу, и как врач...

Вы мне лучше как отец скажите, – перебил Мейзель. – У вас же есть дети?

– *Причём тут мои дети?! («Сад»)* [\[12, с. 333–334\]](#).

В приведенном примере коммуникема выражает то, что собеседник не понимает связи между тем, что сказано или сделано в данный момент, и предыдущим событием или ситуацией. Она образована с помощью предлога *при* + местоимения *чём* + наречия *тут*, что усиливает эффект недовольства и раздражения. Эмоциональный фон раздражения помогают создать знаки препинания – сочетание восклицательного и вопросительного знаков.

д) коммуникемы сомнения

В диалогах анализируемых нами произведений часто используются коммуникемы сомнения, выражающие неуверенность в истинности чего-либо, отсутствие твёрдой веры

(в кого-либо или во что-либо).

Пример 1: Как-то в очередной раз, унося тарелки с застывшими битками и нетронутые пирожки, Мария Александровна не выдержала, спросила старшего сына осторожно – *может быть*, твой друг просто не умеет вести себя за столом? Так скажи ему, что мы...

Он просто не голодный, мама. («Сад») [\[12, с. 251\]](#).

Коммуникема «*может быть*» выражает сомнение в возможности и приемлемости чего-либо. Его структура формируется с помощью глагола *может* и инфинитива *быть*.

Пример 2: – Ох, – вздохнула. – Страшно мне. Ведь прав Соломон. Глупость, видать, делаем. А Николай – это он теперь боится. А вселится, никому не простит, не забудет: ни нам, ни Софье... Да где ж она? – вспомнила.

– А она, – Ариадна сидит гордая, – книгу читает.

– *Сама, что ли?* Вот умудрил Господь... Иные жизнь проживут, а всё через пень колоду. А эта, видали-ка – сама... («Время женщин») [\[16, с. 165\]](#).

Коммуникема «*что ли*» образована при помощи конструкции «местоимением + союз», употребленной после указательного местоимения. В данном случае коммуникема выражает неуверенность, растерянность и сомнение.

е) коммуникемы отвращения

В литературных произведениях автор подчеркивает сильные чувства отвращения и омерзения, чтобы выразить эмоции персонажа или крайнее недовольство определенным поведением или вещью, подчеркивая эмоцию и углубляя впечатление читателя от рассказа. Например, *Ах!*, *Тьфу!*, *Фу!*, *Бр-р-р*, *Бе* и другие.

Пример 1: Какая-то лошадь взвизгнула – должно быть, от боли, – стукнула копытом, и Андрей, охнув, замолчал, а потом невнятно, сквозь зубы, сказал – *ах ты*, блядина лютая! – и, не удовлетворившись, обложил сверху по матери – посложнее, с подворотом. Мейзель поморщился, но Туся остановилась, отобрала у него руку – и засмеялась снова («Сад») [\[12, с. 132\]](#).

Коммуникема «*Ах ты*» – это междометие, которое обычно располагается в начале предложения и отделяется от следующих слов запятыми, чтобы подчеркнуть выражение крайней неудовлетворенности, отвращения и желания держаться подальше.

Пример 2: – Болящим, – Ариадна выступает, – ни мяса, ни рыбы не возбраняется.

– *Тьфу*, – с места встала. – Христос-то и от хлебов отрекся... А! Делайте по-своему. Хоть все зараз спустите – и зубы на полку. («Время женщин») [\[16, с. 155\]](#).

Коммуникема «*Тьфу*» используется как модальная частица, чтобы выразить неодобрение и презрение говорящего к вышеуказанному содержанию.

ж) коммуникемы удовлетворения

Коммуникативная цель эмотивного речевого акта, выражающего радость, – дать положительную оценку действию либо предмету, похвалить, восхититься чем-либо, позлорадствовать [\[17, с. 76\]](#). Мы часто слышим следующие примеры выражения коммуникемы удовлетворения: *Здорово!* *Браво!* *молодец!* *Вот так ну!* *Вот оно!* *Вот*

хорошо! ух! и другие.

Пример 1: Мужики на ярмарках хвастались, что наша-то барыня – ух, ей чего в рот ни положь, по самые дальше некуда отхватит, а ваш граф как есть обалдуй, кисель недотепный, тютя! («Сад») [\[12, с. 144\]](#).

Коммуникема «Ух» образована междометием, выражает высокую оценку, восхищение и удовлетворение.

Пример 2: – А они уж тебя послушались! Много она к тебе прислушивалась – Сытина эта? Сидела при ней с поджатым хвостом. Николай-то – ночная кукушка... Ну а ты что? Что, – спрашивает, – присоветовала? Идти али нет.

– Да что я могу... – Гликерия пальцем водит. – Сказала, сама думай – тебе, мол, жить.

– *Уж это ты молоде-ец*, – хвалит. – Верно присоветовала («Время женщин») [\[16, с. 122\]](#).

Коммуникемы «*молоде-ец*» выражена через существительное. Это одно из наиболее часто употребляемых слов в русском языке и в разных случаях имеет разное значение. В приведенном диалоге оно выражает смысл похвалы, одобрения и признания поведения говорящего.

з) коммуникемы страха

Коммуникемы страха, ужаса или испуга также часто встречаются в текстах художественной литературы, ибо эти близкие состояния возникают в ситуациях жизни довольно часто. Это такие слова, как: *А! Ай! Ой-ой-ой! Ужас! Кошмар! Господи боже!* и другие.

Пример 1: Мейзель вытер опоганенный ланцет о сюртучный борт. Взял чью-то руку – не разбирая, мужскую, женскую, детскую. Мертвую или живую. По лестнице застучали быстрые шаги – ближе, еще ближе. Хлопнула дверь. Мейзель втянул голову в плечи. Он боялся, да. *Господи боже*. Он боялся. Еще как. («Сад») [\[12, с. 348\]](#).

Коммуникема «*Господи боже*» — здесь это междометие, которое выражает эмоциональное испуг (но заметим, что часто оно используется для выражения боли, удивления, облегчения, радости или других сильных чувств).

Пример 2: – *Батюшки!* – Гликерия вскрикнула. – Глядите, палец себе распорол!

– Йодом надо, йодом! – Евдокия к шкафчику кинулась. – Елка-то грязная, незнамо где валялась... («Время женщин») [\[16, с. 55\]](#).

Коммуникемы «*Батюшка*» выступает в нашем исследовательском материале как междометная конструкция, выражающая удивление и страх (обычно по поводу происходящего чего-то неожиданного).

Выводы

Мы видим, что в произведениях М. Л. Степновой «Сад» и Е. С. Чижовой «Время женщин» представлены оценочные и эмоциональные коммуникемы. Их можно подразделить на коммуникемы удивления, коммуникемы возмущения, коммуникемы восхищения, коммуникемы раздражения, коммуникемы сомнения, коммуникемы отвращения, коммуникемы удовлетворения. Основными частями речи и конструкциями, которые служат для их выражения, являются междометия и именные и глагольные конструкции с

частицами, наречиями и междометиями. Лексический и синтаксический состав коммуникем дает возможность анализировать как отношение говорящих к ситуации, так и речь героев с точки зрения их социально-речевой характеристики.

Итак, коммуникемы – это слова, выражения или фразы, которые несут в себе не только лексическое значение, но и обладают эмоциональными, стилистическими и смысловыми оттенками. Они могут придавать высказыванию дополнительные качества и делать его более эффективным и запоминающимся. Анализ эмоционально-оценочных коммуникем в художественной литературе позволяет глубже понять и оценить эстетическую ценность произведения, его эмоциональную силу и способность воздействовать на читателя.

Библиография

1. Акимов Г. Н. Синтаксис современного русского языка : хрестоматия с заданиями / сост. Г. Н. Акимов, С. В. Вяткина, В. П. Казаков и др.; отв. ред. С. В. Вяткина. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 712 с.
2. Бо Л. Русские экспрессивные синтаксические конструкции как коммуникативные единицы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2015. 148 с.
3. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка – М.: Русский язык, 2005.
4. Гуляева Н. И. Коммуникемы с отрицательной эмоциональной оценкой в коми языке // Финно- угорский мир. 2019. № 3. С. 277–283.
5. Краснов В. А. Коммуникемы со значением "волеизъявления" в языке и речи: На материале русского языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Рост. гос. пед. Ун-т. – Ростов-на-Дону, 2005. 21 с.
6. Ленёко Г. Н. Анализ категории эмотивности и смежных с нею понятий // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. С. 84–91.
7. Меликян В. Ю. Проблема статуса и функционирования коммуникем: язык и речь: Монография. Ростов н/Д, 1999.
8. Меликян В. Ю. Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М.: Флинта: Наука, 2001. 240 с.
9. Меликян В. Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения: Учебное пособие. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2004. 288 с.
10. Рамазанова Д. А., Хасбулатова Х. М., Курбанова З. Г. Экспрессивность в художественном тексте и способы ее выражения // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2017. №3. С. 86–91.
11. Сорокина Ю. С. Эмоционально-оценочные коммуникемы современного английского и русского языков: национально-культурный аспект//SCI-ARTICLE. 2019. № 70. С. 39–44.
12. Степнова М. Л. Сад. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. 412 с.
13. Терентьева А. Елена Чижова «время женщин»// charla.ru женский журнал – 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.charla.ru/blog/culture/5325.html> (дата обращения: 23.10.2023).
14. Турбин М. Почему кругом колокола звонят? (Рец. на кн.: Сад: роман / М. Степнова) // Знамя. 2021. № 1. С. 218–220.
15. Хныкина Е. А. Коммуникемы в разговорной речи студентов: экспериментальные данные / Е. А. Хныкина // Актуальные проблемы филологии. 2018. № 17. С. 110–115.
16. Чижова Е. С. Время женщин. М.: АСТ: Астрель, 2010. 348 с.

17. Шумило Т. В. Нечленимые высказывания как средство выражения эмоциональности и эмотивности // *Lingua mobilis*. 2011. №5. С. 73–83.
18. Ekman P. Basic emotions. In: Dalgliesh T, Power MJ, eds. *Handbook of Cognition and Emotion*. 1999. Pp. 45–60. doi:10.1002/0470013494.ch3
19. Saberi R. The Psychology of Emotions [Электронный ресурс]. 2010. URL: <https://www.futurehealth.org/articles/The-Psychology-of-Emotions-by-Saberi-Roy-100620-167.html>
20. Weiner B. Social Motivation Justice, and the Moral Emotions: An Attributional Approach (1st ed.). Psychology Press. 2005. 242 p. doi.org/10.4324/978141061574

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Эмоционально-оценочные коммуникемы в современной прозе», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению стилистических особенностей указанного жанра. Так, в современных художественных текстах экспрессивность и эмоциональность играют важную роль. В работе автор обращается к изучению реализации стилистического потенциала коммуникем.

Практическим материалом исследования явились романы М. Л. Степновой «Сад» и Е. С. Чижовой «Время женщин» на русском языке.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

В статье используются в том числе общелингвистические методы наблюдения и описания, а также методы дискурсивного и когнитивного анализа, семиотическая методика и методика моделирования языка. Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых представлены работы как на русском языке, так и иностранном.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории текста, стилистике и русской литературе, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Эмоционально-оценочные коммуникемы в современной прозе» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Захарова Н.В. — Теория китайской повествовательной прозы в начале XX в. // Litera. – 2023. – № 12. – С. 396 - 402. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69355 EDN: LRXYFS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69355

Теория китайской повествовательной прозы в начале XX в.

Захарова Наталья Владимировна

ORCID: 0000-0002-1434-1901

доктор филологических наук

заведующая отделом литературы стран Азии и Африки, Институт мировой литературы им. АМ Горького РАН

121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25-а, оф. Институт мировой литературы

✉ radaeva2002@gmail.com[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.12.69355

EDN:

LRXYFS

Дата направления статьи в редакцию:

17-12-2023

Дата публикации:

30-12-2023

Аннотация: Предметом исследования являются критические статьи китайских литераторов и теоретиков литературы начала XX в., посвященные путям преобразования традиционной словесности. Объектом исследования является эволюция взглядов Ван Говэя, Лу Синя, Ху Ши, Юй Дафу в определении задач, стоящих перед национальной интеллигенцией в процессе создания современной китайской литературы (сяньдай вэньсюэ). На примере теоретических положений авторов исследуемых статей доказано, что при интерпретации основных констант современной китайской литературы китайские теоретики литературы ориентировались на положения западной, в первую очередь, немецкой и английской литературной критики и эстетики. В статье особое внимание уделяется дискуссии между Лу Синем и Ху Ши по вопросу идеологической позиции

литераторов, статьям Юй Дафу о роли рецепции западной эстетики при создании отечественной литературы. Методология исследования базируется на теоретических принципах историко-литературного, историко-культурного, историко-функционального, сравнительно-исторического анализа. Используются элементы интертекстуального и рецептивного подходов. Основным выводом проведенного исследования является сформулированное положение о том, что если переход от литературного языка классических конфуцианских памятников (вэньянь) на разговорный язык (байхуа) стал важным вектором для китайских теоретиков литературы в их поисках путей создания современной национальной словесности, то видение задач, стоявших перед писателями, различалось. Лу Синь настаивал на том, что будущее литературы зависит от классовой принадлежности литераторов. Юй Дафу считал, что писатели, создающие новую отечественную словесность, должны использовать опыт лучших прозаиков классических литератур западных стран, а также учитывать литературные склонности читателей. Новизна исследования заключается в том, что сравнительный анализ критических статей видных китайских писателей и теоретиков литературы в российской синологии впервые становится объектом изучения.

Ключевые слова:

литература Китая, критические статьи, Ван Говэй, Лу Синь, Ху Ши, Юй Дафу, литературные течения, классическая литература, эстетика, рецепция

История письменно зафиксированных исследований по китайской словесности насчитывает столько тысячелетий, столько же, сколько и сами литературные тексты. В первые годы XX в. увлечение литераторов Поднебесной исследовать поэтику текстов, как канонических, так и современных, продолжалось, однако эти штудии постепенно приобретали новые черты. Новации не были революционными, но их отличия от предыдущих проявлялись все заметнее.

Статьи девятисотых годов XX в., авторами которых выступили переводчики, теоретики литературы, писатели Линь Шу (1852-1924), Лян Цичао (1873-1929), У Вояо (1866-1910), Сюй Няньцы (1875-1908), известные своими просветительскими взглядами, еще продолжали традиции предшественников. Как пишет известный советский синолог В.И. Семанов, они еще не задумывались «о творческом методе, который мог бы послужить главным признаком, объединяющим различные произведения» [Семанов, с. 195], а обращались к языковым и тематическим критериям прозы, пробовали дать классификацию жанров.

К наиболее влиятельным теоретикам литературы этого исторического периода следует отнести Ван Говэя (1877-1927), который одним из первых предложил подходить к оценке отечественной прозы на основе опыта зарубежной литературы, например, применить теорию Артура Шопенгауэра (1788-1860) для оценки романа Цао Сюэциня XVIII в. «Сон в Красном тереме». Аппелляция к Шопенгауэру не была случайной: Ван Говэй импонировало увлечение немецкого философа постулатами буддизма. В статьях Ван Говэя прослеживается попытка интерпретировать европейскую эстетическую мысль, соединяя ее с китайской традиционной философией. Так, Ван Говэй заимствует из европейских критических статей по эстетике литературы концепт «трагедия». В статье «Отзыв на роман «Сон в Красном тереме», Ван Говэй в нарушение традиционной критики, рассматривающий роман как образец любовно-бытовой прозы, считал, что «ценность данного романа – «Сон в Красном тереме заключается именно в его

трагическом характере» [Цит. по Дай Чуан, с. 17].

В статьях китайских литераторов начала XX вв., ищущих пути реформирования традиционной литературы Поднебесной, преобладающими становились мысли европейских критических критиков, имеющих опыт перехода классической литературы на разговорный язык. Лу Синь (1881-1936), один из самых влиятельных писателей XX века, повесть которого «Записки сумасшедшего» (опубликована в журнале «Новая молодежь» в 1918 г.) в материковом Китае называют точкой отсчета рождения современной китайской литературы, считал, что «язык, на котором написана книга, должен быть языком соответствующей нации» [цит. по Семанов, с. 202], т.е. разговорным языком. Это требование отказаться от устаревшего классического литературного языка вэньяньи перейти на понятный широкому читателю разговорный язык байхуа стало доминирующим в критических статьях первого и второго десятилетия XX века.

Новое поколение критиков - Чжоу Цзожэнь (1885-1967), Ху Ши (1891-1962), Су Маньшу (1884-1918), Юй Дафу (1896-1945) задумывалось о создании современной национальной литературы (сяньдай вэньсюэ) согласно новым художественным принципам, образцы которых они видели в английской, французской и немецкой беллетристике. В отличие от своих предшественников, молодое поколение писателей и теоретиков литературы читало западных авторов не только в переводах, но и в оригинале. В это время рождения новых подходов к анализу поэтики китайской словесности «происходил процесс накопления новых художественных фактов, осмысления новых явлений» [Воскресенский, с. 612].

Интерес к вопросам теории литературы подтверждается многочисленными статейными публикациями в 20-е гг., свидетельствует о стремлении китайских литераторов заложить теоретическую базу для рождавшейся новой китайской литературы. Многочисленные дискуссии, проходившие в этот период между сторонниками разных теоретических установок, часто носили ожесточенный характер, а авторы различных точек зрения становились идейными врагами. Особенно непримиримую позицию занимал Лу Синь. Его идейным противником стал Ху Ши, который в истории китайской литературы больше фигурирует как автор критических статей, прозаическое наследие его невелико. Один из инициаторов революционных преобразований в языке китайской словесности, он выступал за обновление жанровой системы китайской повествовательной прозы. Так же, как и Лу Синь, Ху Ши среди литературных течений отдавал предпочтение реалистическому художественному стилю.

Эксперименты с разговорным языком, проводимые Ху Ши при написании статей о классической китайской литературе, стали объектом критики не только отечественных писателей, но и выдающегося российского синолога академика В.П. Алексеева, который отмечал: «язык, которым пишет Ху Ши, есть смесь старой лексики с новой, в новом ритмическом укладе. Это так называемый «белый» язык, т.е. как бы: простой, пресный, - язык, лишенный литературной насыщенности и литературной традиционной образности» [Алексеев, с. 130].

Лу Синь обращался к вопросам теории литературы в письмах, адресованных как к редакторам, так и коллегам по писательскому цеху. Для Лу Синя главной в спорах о будущем национальной литературы являлась идеологическая составляющая художественных произведений, он стоял на позиции революционной направленности китайской прозы, как крупный формы (романы, повести), так и рассказов и популярного в эти годы жанра - эссе. В письме «По поводу сюжета рассказа», адресованному писателям Ай У и Ша Тину (25.12.1931), Лу Синь пишет о важности классовой

принадлежности литераторов: «большинство художественных произведений, написанных выходцами из других классов, к борющемуся пролетариату отношения не имеют. Если мелкий буржуа не дышит одним воздухом с пролетарием, то с точки зрения пролетария критика мелкой буржуазией своего класса и даже ненависть к нему является семейной ссорой, когда более умный и талантливый барин ненавидит своего брата неудачника. <...> При описании низов общества <...> так называемая объективность является по существу лишь холодным взглядом с верхнего этажа, а так называемое сочувствие – лицемерной милостыней, помощи пролетариату они не оказывают» [Лу Синь, с. 17].

Лу Синь не соглашался с теми китайскими публицистами, которые полагали, что для создания новой литературы следует обращаться к классическим романам XVIII века, копируя их сюжеты и образы героев. В подтверждение своей правоты он приводил китайскую поговорку: «нельзя влить новое вино в старые меха». Он писал: «Привлечь старое чтобы помочь новому, значит, только поменять имя; обращаться ко «Сну в Красном тереме» чтобы изображать любовные чувства героев XX века, все равно что называть Бао Юя «героем современности», говорить о революционном духе «Речных заводов», но забывать о том времени происходивших событий» (Лу Синь. Послесловие к изданию «Потоку» Бэнлю).

Юй Дафу, в отличие от Лу Синя и Ху Ши в своем творчестве следовавший романтическому направлению, о чем пишет китайский исследователь его творчества [Син Сяньси, с. 70], подчеркивал влияние на сочинения китайских писателей европейской, точнее, английской беллетристики. Он отмечал: «Влияние британской прозы является глубоко укоренившейся потенциальной силой среди нашего интеллектуального класса, которая никогда не исчезнет через десять или двадцать лет [Цит. по Чжоу Бинчэн, с. 83].

В статье «О повествовательной прозе» («Сяошо лунь»), Юй Дафу пишет о генезисе жанра «сяошо», а также исследует истоки современной сюжетной прозы, ее задачи, композицию, персонажей. Юй Дафу прослеживает историко-литературную эволюцию прозы и намечает классификацию классической прозы: простонародная литература, историческая, фантастическая, социальная и психологическая прозы» [Аджимамудова, с. 158]. Полемизируя с авторами классических китайских поэтик, которые относили прозу на разговорном языке к «недостойным занятиям», Юй Дафу пишет: «Начавшееся пять-шесть лет тому назад движение за новую культуру, огромное количество переводов художественных произведений и литературоведческих исследований Запада показали, что чтение романов отнюдь не является безнравственным занятием, точно также как сами романы не являются презренными малыми поучениями» [Цит. по Аджимамудова, с. 159]. Юй Дафу приходит к выводу, что западная литература обусловила особенности содержания, композиции и образной системы современной китайской повествовательной прозы, сделав ее резкой отличной от традиционного романа. Юй Дафу впервые говорит о месте китайской словесности в системе общемировой, он пишет: «По существу, современные сяошо относятся к системе европейской литературы», к такому заключению приходит Юй Дафу [Цит. по Аджимамудова, с. 159].

В статье «Ценность литературных предпочтений» (1923 г.) Юй Дафу классифицирует литературные склонности читателей. Он связывает, достаточно наивно, рождение разных литературных течений собственной трактовкой эволюции типа художественного мышления, проявляющегося, на его взгляд, в смене запросов «простых» людей. «Простые люди выбирают сочинения об удивительном, потому что им надоедает читать в книгах о том, что происходит с ними в обычной жизни» [Юй Дафу, с. 70]. Юй Дафу приходит к выводу, что «появление художественных произведений разных литературных

течений объясняется изменениями в литературных предпочтениях читателей» [Юй Дафу, с. 70]. И далее: «в период расцвета натурализма появилось слишком много примитивных сочинений, которые стали вызывать протест у читателей. Поэтому возникли новые литературные школы – романтическая, декадентская, символизм» [Юй Дафу, с.70].

Классифицируя любителей словесностей по типам предпочтений, Юй Дафу к первому относит тех, у кого «творения Гомера, Шекспира, Мольера» вызывают фанатичный восторг, отвечают их душевным устремлениям. К сожалению, пишет он, таких сочинений немного [Юй Дафу, с.70]. Второй тип предпочтений определяется индивидуальными склонностями читателей. Юй Дафу достаточно критично характеризует предпочтения этого типа, с иронией отмечая: «кто-то из любителей может примитивные французские стихи ценить выше, чем «Божественную комедию» или поэзию Цюй Юаня» . [Юй Дафу, с.71]. И предлагает спорный тезис о том, что «те, чья жизнь полна страданий, любят читать повествования о горестях, а аристократы предпочитают сочинения об изящном» [Юй Дафу, с.70]. Согласно системе предпочтений Юй Дафу, третий тип - это обычные увлечения, он определяется нашим возрастом и окружением.

Так же, как и Ван Говэй, Юй Дафу оценивает трагедии выше, чем комедии, потому что тех, кто радуется жизни, меньше тех, кто испытывает трудности. «Главные темы, что интересны всем читателям, пишет он, - сексуальное влечение и смерть, поэтому если сочинение об этом, востребованность его значительно возрастает. В классической русской прозе много говорится об любви и смерти, поэтому она привлекательна для читателя», пишет он [Юй Дафу, с.71].

Как считает Юй Дафу, «литературные предпочтения определяются возрастом читателя. Подростков привлекают детективы, молодых – любовная проза, читателей среднего возраста – те сочинения, в которых описаны трудности жизни, а пожилые любят читать мемуары, философские и книги о необъяснимом (шэньми). <...> Если говорить о гендерных различиях, женщины отдадут предпочтения тем книгам, где представлена мирная и красивая жизнь, для мужчин в первую очередь важно, чтобы содержание было высоко художественным» («Юй Дафу, с. 72).

В первые два десятилетия XX в. критические статьи китайских литераторов и теоретиков литературы Ван Говэя, Лу Синя, Ху Ши, Юй Дафу были посвящены вопросам создания современной китайской литературы. В этих статьях прослеживается рецепция взглядов европейских, в частности, немецких, мыслителей на пути развития отечественной словесности. Критическое освоение западных литературных теорий способствовало формированию новых литературных направлений и, по сути, возникновению современной литературы Китая. Китайские литературные критики были едины в мнении, что основной вектор в процессе создания современной национальной словесности (сяньдай вэньсюэ) - переход от литературного языка классических конфуцианских памятников (вэньянь) на разговорный язык (байхуа). В то же время видение задач, которые должны были взять на себя писатели, различалось. Лу Синь настаивал на том, что будущее литературы зависит от классовой принадлежности литераторов, Юй Дафу считал, что писатели, создающие новую отечественную словесность, должны учитывать литературные склонности читателей.

Библиография

1. Аджимамудова В.С. Юй Дафу и литературное общество "Творчество". М.: Наука, 1971, 166 с.
2. Алексеев В.М. Реформа китайского поэтического языка. По поводу книги проф. Ху

- Ши "Опыты" (Чан ши цзи) // Труды по китайской литературе. В 2 кн. Кн.2. М.: Вост. лит., 2003. С. 289-319.
3. Воскресенский Д.Н. Китайская литература. Публицистика и художественный перевод // История всемирной литературы в девяти томах. Т. 8. М.: Наука, 1994, С. 912.
4. Дай Чуан. Философско-эстетическая рефлексия в Китае в XX веке: Ван Говэй и Цзун Бэйхуа // Философская мысль, 2022, № 12. С. 15-27.
5. Лу Синь. Собрание сочинений. Том четвертый. Перевод с китайского. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 16-19,17.
6. Семанов В.И. Теория прозы в Китае на рубеже XIX—XX веков // Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока / Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького; [Ред. коллегия: И. С. Брагинский и др.]. – Москва: Наука, 1964. – С. 161-206.
7. 鲁迅.《集外集·〈奔流〉编校后记》. Электронный ресурс:
<https://www.bilibili.com/read/cv11177791/> (дата обращения 12.12.2023).
8. 幸宪锡. 浪漫主义的艺术表现手法 | 郁达夫的小说创作. 北京: 北京出版社, 1986. 70-84页.
9. 郁达夫有前期小说与西方浪漫主义文学. 北京文学出版社, 1985. 83页.
10. 郁达夫. 文艺鉴赏上之偏爱价值. 文集、3. 散文. 北京: 中国广播电视出版社. 1992. 567-72 页.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Теория китайской повествовательной прозы в начале XX в.», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду усиливающихся экономических и культурных связей между нашими странами, усиливающемуся обоюдному диалогу культур.

В рецензируемой работе автор обращается к становлению теории литературоведения в 20 веке в Китае, когда филологи обращались к обобщению накопленной литературной традиции, пытаясь систематизировать и выделить общие черты и особенности национальной литературы.

Практическим материалом исследования послужили тексты критических статей китайских литераторов и теоретиков литературы Ван Говэя, Лу Синя, Ху Ши, Юй Дафу. К сожалению, автор не указывает точный объем корпуса исследования, а также методологию его формирования, к примеру, отношение ученых к определенной научной школе.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии. Статья является новаторской, одной из первых в российской науке, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Так, теоретической базой работы являются комплексные подходы: концепция диалога, положения рецептивной эстетики и историко-функциональный подход.

Теоретические измышления недостаточно проиллюстрированы языковыми примерами, а также не представлены убедительные данные, полученные в ходе работы.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов,

работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 10 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и на китайском языках.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

В статье встречаются опечатки, к примеру, «...критические статьи китайских литераторов и теоретиком литературы Ван Говэя ...».

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, изучению истории китайской литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Теория китайской повествовательной прозы в начале XX в.» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Семёнов В.Б. — Полижанровая структура поэмы Дж. Метэма «Аморий и Клеопа» (1449) и бестиарные мотивы в «энциклопедическом» эпизоде её сюжета // Litera. – 2023. – № 12. – С. 403 - 418. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69469 EDN: LRYIJV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69469

Полижанровая структура поэмы Дж. Метэма «Аморий и Клеопа» (1449) и бестиарные мотивы в «энциклопедическом» эпизоде её сюжета

Семёнов Вадим Борисович

кандидат филологических наук

доцент, кафедра теории литературы, Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, ГСП-1, стр. 51, оф. ауд. 933

✉ vadsemionov@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69469

EDN:

LRYIJV

Дата направления статьи в редакцию:

23-12-2023

Дата публикации:

30-12-2023

Аннотация: Предметом исследования в данной статье является полижанровая композиция, а материалом исследования – средневековая английская поэма «Amoryus and Cleopes», недооцененная современным литературоведением: статьи английских исследователей о ней крайне малочисленны, а работы иностранных исследователей, по-видимому, вообще отсутствуют; за 108 лет с момента её первой публикации она была издана ещё раз на среднеанглийском языке, но так и не была переведена не только на другие языки, но и на современный английский. Также нет ученых, специализирующихся по творчеству её автора – писателя середины XV века Джона Метэма. Между тем это определённо интересное произведение, поскольку варьирует сюжет из Четвертой книги «Метаморфоз» Овидия, историю Пирама и Фисбы, а его

создатель копирует овидиев материал не механически, а вполне творчески, включая его в пеструю в жанровом и стилистическом отношении композицию сюжетных эпизодов. Поэтому объектом исследования явились влияния посторонних жанров на характер сюжета в различных эпизодах. В процессе исследования мы выявили границы эпизодов и сосредоточили внимание на одном из них, в рамках которого поэт вложил в речь героини многие сведения «энциклопедического» типа, очевидно, почерпнутые им из разнообразных бестиариев и трудов средневековых зоологов. Наша цель заключалась в том, чтобы выявить перенесение в поэму связанных с представлениями о драконах и змеях бестиарных мотивов из наиболее известных сочинений этого жанра. Актуальность и новизна работы проявилась в том, что были оценены стиховые формы Джона Метэма и было выявлено его свободное обращение с используемым в поэме чосеровым семистишием, его варьирование и строфотворчество. В результате исследования мы пришли к выводу о том, что традиционное отношение к XV столетию как к «бесплодному веку» не вполне обосновано и что между смертью Чосера и Лидгейта и появлением в конце века шотландских «чосерианцев» на территории Англии существовали авторы с оригинальным стилем и произведения с индивидуальными чертами поэтики.

Ключевые слова:

Джон Метэм, Джеффри Чосер, Овидий, Пирам и Фисба, чосерова строфа, бестиарий, энциклопедия, типология змеев, полижанровая структура, рыцарский роман

Написанная в середине XV столетия поэма «Аморий и Клеопа» (*Amoryus and Cleopes*) необычна в нескольких отношениях. Во-первых, она, как некоторые иные, дошла до нас в единственной рукописи, но та рукопись хранится не на родине автора поэмы, а в фондах американского университета; она известна как *Princeton University Library, MS Garrett 141*. Выпущенный из Принстона в 1897 г. экс-студент Роберт Гарретт несколько десятилетий собирал коллекцию редких рукописей, скупая их в Англии у частных лиц, а 45 лет спустя подарил её альма-матер. И в составе подаренного собрания была указанная рукопись, целиком состоящая из работ писателя, имя которого до начала XX века не было известно даже узкому кругу медиевистов, занимавшихся проблемами истории местной литературы. Только в 1916 г. Хардин Крэйг осуществил первое издание его трудов, тогда-то историки английской литературы познакомились с именем Джона Метэма, что, впрочем, не побудило их впоследствии упоминать этого автора в числе литераторов его времени. Кроме произведений тех, кого можно отнести к первому ряду пишущих в XV веке, остальные сочинения дошли к нам как анонимные. Тем интереснее, что сохранилась рукопись, целиком посвященная работам вынырнувшего из безвестности автора, – и это во-вторых.

В рукописи Гарретта поэме предшествует прозаический трактат Метэма по хиромантии, в котором он упомянул о себе как о «простом ученом-философе», прожившем «двадцать пять зим» (копия этого трактата также хранится в рукописи *Oxford, All Souls College Library, MS 81*), а вслед за поэмой представлена другая проза, а именно трактат «Физиогномика» (его завершает подпись «*Jon Metham, scolere off Cambryg*» – 'Джон Метэм, ученый из Кембриджа') и несколько малых работ. Также в конце самой поэмы (последние стихи были стерты, но при ультрафиолетовом облучении текста оказались различимы отдельные слова и строки) упомянуты покровители автора – сэр Майлз Стэплтон (шериф Норфолка, а в период создания поэмы член Королевского парламента) и его жена, леди Кэтрин (дочь графа Саффолка). Именно Стэплтон, предки которого, как

и предки Метэма, предположительно происходили из Йоркшира и были связаны дальним родством с предками писателя, оказался первым владельцем рукописи. Тут же в стихах 2215-2219 поэт напоминает, что родился в Кембридже, хотя отец его северянин, родившийся в семье рыцаря Александра Метэма. Немногим ранее (ст. 2144-2145) он упоминает о себе как авторе не дошедших до нас сочинений «Alexander Macedo» («Александр Македонский») и «"Josue", or "Josefus"» («Иосиф»).

Наконец, в-третьих, следует не забывать о том, что поэма, о которой пойдет речь, создана в том столетии, которое в 1913 г. получило в «Очерке истории английской литературы» Уильяма Генри Хадсона весьма нелестную оценку. Главку «От Чосера до "Сборника Тоттела" (1400-1557)» он начал так: «С Чосером английская литература положила блестящее начало, но это было только начало, и после его смерти мы вступаем в долгий бесплодный период в ее истории» [1, n/p]. Выражение *a long barren period* врезалось в память местным историкам литературы и задало стереотипическое отношение критикам из века XX к английской словесности века XV (в нашем интернетизированном XXI столетии англоязычные филологи для её описания используют хэштеги *#aBarrenAge* и *#aDullCentury* – 'бесплодная эпоха' и 'пустое столетие'). Ещё в 1987 г. Дэвид Лоутон сокрушался, говоря об исследователях-современниках: «По большей части они склонны соглашаться с литературоведами-предшественниками, которые рассматривали английских поэтов пятнадцатого века как алхимиков наизнанку, превращающих чосерово золото в лидгейтов свинец» [2, p.761].

Очевидно, в этом и находит объяснение то невнимание, с которым английское литературоведение относится к Метэму и его поэме. В свете идеи о «бесплодности» эпохи «Аморий и Клеопа» выглядит сочинением вторичным, которое можно описать, глядя со стороны содержания, лишь как первый пример адаптации овидиева сюжета о Пираме и Фисбе к английской литературной почве (ниже последует объяснение, почему такая точка зрения оказывается неоправданной), а со стороны формы – как унылое и рабское следование очередного «чосерианца» за Чосером. Но данная поэма есть нечто большее, чем проекция чосеровских литературных приемов и чосеровской любви к сюжетам из Овидия.

Начнем с формы. Случайно или нет, но поэму отличает числовой символизм, ибо число стихов, составляющих её пролог и четыре части (в рукописи Гарретта первая и вторая части не разделены), – 2222. С одной стороны, ещё первый публикатор её текста утверждал, что тот состоит из 319 семистиший с регулярной рифмовкой *rhyme royal*, т.е. **ababbcc** [3, pp. VII, XIII], так хорошо знакомых по известным сочинениям Чосера, но, с другой стороны, тогда бы общее число стихов должно было бы достигнуть 2233, а это не так. И прежде всего потому, что «Аморий и Клеопа» состоит не только из твердых строф типа *Chaucerian stanza*. Есть семистишия, варьирующие упомянутую рифмовку, и пусть правильных чосеровых строф в поэме несомненное большинство, но, что важнее, есть достаточное количество строф, отступающих от классического стандарта того времени, которым являлось чосерово семистишие. Ниже указано общее количество отступлений каждого типа:

aa	2 (ст. 246-247, 1345-1346)
ababcc	12 (последний пример, ст. 2193-2198, – упоминание о смерти Лидгейта)
abaabcc	15
ababacc	30
abbaacc	1 (ст. 1961-1967)

abbabcc	1 (ст. 1488-1494)
xaaaabb	1 (ст. 577-583)
aaaaaacc	1 (ст. 1989-1996)
abaabbcc	1 (ст. 1114-1121 – начало «овидиева» разговора через стену)
ababaacc	6 (ст. 926-933, 1233-1240, 1241-1248 – тут начало «энциклопедического» эпизода, 1295-1302, 1331-1338, 1355-1362)
abababcc	1 (ст. 2185-2192 – про «мастера Чосера», рифмовавшего «естественно»)
abab+cdcd+efefgg	1 (ст. 388-401 – NB! первый пример национальной формы сонета в английской поэзии)
Итого	72 отступления

Как видим, отступления составили около четверти от всех строк текста поэмы. Во-первых, можно заметить, что Метэм, хоть и использует в большинстве строф рифмовку чосерова семистишия, не соблюдает ее строго, а поэтому нередки и строфы с близкими к канонической рифмовками **abaabcc** и **ababacc**. Во-вторых, некоторые из отступлений, особенно варьирующие чосерову строфу восьмистишия, маркируют отдельные части текста, содержащие отсылки к известным жанрам, сюжетам или авторам. В третьих удивительным фактом оказалось использование специфической формы английского сонета более чем за сто лет до того, как она будет изобретена «петраркианцем» Генри Ховардом, графом Суррейским, для его сборника «Песни и сонеты», получившим известность как «Сборник Тоттела» («*Tottel's Miscellany*»). Едва ли можно считать такую типичную для итальянского сонета последовательность строф, как два катрена и шестистишие, случайностью. Дело в том, что здесь четырнадцать строк целиком воплощают песню приблизившегося к Аморию юного рыцаря, пропевшего о невзгодах любви, т.е. налицо и тематическая связь с сонетом. И удивляет не сама сонетная форма (петраркизм в XV веке уже болели многие европейцы), а именно рифмовка, по которой в будущем станут опознавать «шекспировский» сонет.

Между прочим, в сюжете этого неожиданного сонета (одиноким молодой рыцарь в майском леске горько оплакивает утраченную возлюбленную, между тем восхваляя её достоинства), да и в фигуре поющего, оплакивающего разлуку с «яркой леди», блиставшей при императорском дворе, можно разглядеть не обязательно шаблонный набор приемов и тем песенной любовной лирики в целом, а, как нам представляется, конкретную проекцию сюжета чосеровской поэмы «Книга Герцогини» и соответствующей фигуры Черного рыцаря. Мотивы из Чосера, в первую очередь из «Троила и Крессиды», действительно, периодически возникают в разных частях сочинения Метэма, но, как правило, это не произвольное заимствование, а осознанная творческая переработка, предпринятая новым автором.

Так, можно было бы определить обращение Метэма к материалу из Овидия как следование в этом за Чосером, ведь тот, в частности, подробно изложил историю Кеика и Алкионы из тех же «Метаморфоз» в упомянутой «Книге Герцогини». Но если Чосер создал в параллель овидиеву сюжету историю, быть может, более трагическую, то Метэм счастливым финалом, следующим за транслируемой сценой самоубийства двух влюбленных из истории Пирама и Фисбы, уничтожает трагизм последней. Обращение к сюжету Овидия пародийно до деталей, например: если Пирама и Фисбы «зола в одной упокоилась урне», то счастливо проживших жизнь Амория и Клеопу хоронят в одной

могиле их многочисленные потомки, выросшие и стяжавшие знатность и славу.

Так что и на обращение Метэма к истории из Четвертой книги «Метаморфоз» невозможно смотреть как на сказочную «кашу из топора», приготовление которой может показаться проявившимся в том, что английский писатель взял общий сюжетный каркас из истории Пирама и Фисбы, а кульминационную сцену подробно пересказал, разместив ее, разумеется, в том месте, где должна была быть кульминация его собственного сюжета. Нет, Метэм поменял не только финал, но и очень многое, чтобы история Амория и Клеопы вышла другой. Пирам и Фисба – жители города легендарной Семирамиды, вавилоняне, события с Аморием и Клеопой разворачиваются, хоть также на Востоке, но в век Нерона, при этом в вымышленном городе Альбинест, названном столицей Персии. Сами имена героев другие, но здесь, очевидно, следствие того, что Метэм создавал картину абстрактного экзотического Востока, потому и имя Клеопы – отсылка к многомудрой Клеопатре. Фантастичен и тот факт, что отцов героев, «римских лордов» (Паламедон – отец Амория, Дид – Клеопы), Нерон поставил соправителями над Персией. Равные права этих властителей подчеркнуты тем, что они даже живут рядом, их владения разделяет старая стена (таким образом, переносимая овидиева сцена разговора влюблённых через стену получает мотивировку, которой не было в первоисточнике).

Но Метэм пошел ещё дальше. Всё, что он добавил к переносимому минимальному по отношению к его целому сюжету материалу из «Метаморфоз» (напомню, что изложение истории Пирама и Фисбы занимает всего 112 гексаметрических строк – и это против 2.222 стихов о паре влюбленных из Альбинеста), он приписал вовсе не Овидию. Метэм в тексте настойчиво упоминает о некоем писателе-предшественнике по имени Fyrage (ст. 45 и др.), авторе книги со странным названием «Grwe» (ст. 59 и др.). А между тем, он должен был бы понимать, насколько Овидий популярен в Западной Европе, значит, осознавать и то, что овидиев материал наверняка будет узан опытыми читателями. Поэтому можно предположить, что переадресация сюжета из Овидия некоему мифическому автору-посреднику могла иметь целью *остранить* чужой материал, дистанцироваться от него, в целом указать на независимый характер своего сочинения.

Если античный читатель сопереживал трагически погибшим влюбленным Пираму и Фисбе, то английским читателям в период Позднего средневековья уже важно знать о героях современной литературы, кто они и что они, чтобы решить, заслуживают ли те эмпатии. Поэтому логический акцент сюжета перенесен со сцены двойного самоубийства на другие сцены, точнее сказать, многие неовидиевы сцены оказались уравнены в правах с двумя овидиевыми – сценой общения влюбленных через стену и сценой, упомянутой выше. Теперь важно показать, что герой заслуживает читательской приязни как настоящий рыцарь, в подтверждение чего в новом сюжете появляются сцены сражения и победы героя на рыцарском турнире, а также тема сражения с чудовищным змеем из драконьего рода. А героиня должна вызвать эмпатию своей интеллектуальной образцовостью и своим совершенно немыслимым для Античности патронажем над героем: именно она обеспечивает героя «методикой» победы над драконами и руководит его подготовкой к бою, как мы увидим далее.

В итоге такой переработки античного материала у частей композиции «Амория и Клеопы» появляются черты того или иного жанра: один фрагмент может быть похож на куртуазный любовный роман и соседствовать с другим, сказочно-легендарным, третий выглядит «исторической» ретроспекцией, между тем как четвертый заимствует из сочинений агиографического жанра мотив чудес, содеянных святым отшельником. И, быть может, далеко не последняя роль отведена тем эпизодам, в рамках которых

сочинитель, «кембриджский ученый», получает возможность воплотить в сюжете разнообразные «энциклопедические» сведения, принадлежащие к разным наукам, например, к астрологии или медицине. С переключением жанровых сценок параллельно меняются и речевые регистры, дискурсы. А упомянутое переключение заметно уже в **синопсисе**.

В прологе указано, что римский император Нерон одержал важные победы в Азии, покорив Медию и Персию. Править Персией он двух римских лордов – Паламедона и Дида, от которых их жены, происходящие из знаменитого рода Дария, родили двух прекрасных детей – Амория и Клеопу. Вышло так, что дети, хотя персидские имена их родителей соседствовали, никогда не видели друг друга.

Основная часть поэмы начинается с того, что Паламедон с сыном находятся при дворе императора, которому Паламедон помогал в очередной битве, а по приказу временно единоправного Дида в персидской столице Альбинесте был заново отстроен храм Венеры, ранее разрушенный молнией. Дид пригласил соправителя приехать на праздник освящения храма. Император отпустил Паламедона, и тот с сыном отправился в путь, но сперва [тут ненадолго включается «учёный» регистр для сообщения «астрономических» сведений] основательно рассмотрел небесные созвездия и помолился античным богам. По дороге [тут включается чосеровский регистр с различными нотками иронии] к путешествующим прибил юный унылый рыцарь, который пропел Аморию сонет о превратностях любви.

Дид встречает Паламедона в Альбинесте и просит посетить новый храм Венеры. На следующий день тот рассматривает храм, восторгается им и хочет внести свою лепту в возвеличивание старых богов. Для этого он пригласил придворного нигроманта [включается сказочный регистр], сильного в таких искусствах магии, как призывы, заклятья и волшба, и поручил ему создать в храме прекрасную золотую сферу, которая бы двигалась и показывала «знаки богов» (очевидно, созвездия). Нигромант, названный «*Venus secretary*» ('секретарем Венеры') и её «*prest*» ('жрецом'), в течение дня колдует: призывая духов, сжигает ветки кедра, угли и благовония в заклинательном кругу, затем сотворяет прямо под кругом яму, в которую кидает золото, серебро, драгоценные камни, а затем много человеческих костей. В яме оказались призванные 700 000 проклятых духов, которые помогли нигроманту создать двуслойную сферу, зависшую над ямой идвигающуюся: первый слой из жидкого золота представлял живой мир, а второй прозрачный слой над ним являл движущиеся звёзды и волшебные знаки, этот слой назывался Коллегией богов. [В связи с этим в ст. 535-625 возвращается «астрономический» регистр.] Потом маг отправляется домой к Паламедону сообщить о готовности сферы, но также и о том, что ему было явлено грядущее падение Венеры...

[Далее – жанровый регистр куртуазного любовного романа.] Через несколько дней храм Венеры освящают. На торжественной церемонии внутри него Аморий впервые встречает Клеопу – и они влюбляются. Героиня при прощании показывает герою иллюстрацию в своем молитвеннике: лань держит сердце, пред ним преклонил колени рыцарь, который также держит сердце в одной из рук, а в другой – кольцо. [Включается регистр жесты.] В честь освящения храма устроен восьмидневный турнир, и Аморий, намотав на руку платок с рисунком, точно копирующим аллегорическое изображение из молитвенника Клеопы, побеждает всех, выбив многих из седел мощными ударами копья. В конце турнира появляется неизвестный странствующий рыцарь, украшенный цветами флагов и гербами разных земель Востока (Египта, Аравии, Индии и др.), который хочет отнять славу у Амория. Они начинают сражение, и Аморий сразу убивает его, попав копьем точно в мозг, после чего приветствует свою даму как победитель турнира.

[Далее – первая «овидиева» сцена, а потому возвращение к регистру любовного романа.] Герои грустят друг о друге. Клеопа отправляется в сад и оказывается у стены, отделяющей владения отца от владений Паламедона. В стене есть прикрытая плющом щель, и героиня, расслышав любовные сетования Амория по ту сторону стены, видит его сквозь щель. Они признаются в любви и через щель обмениваются золотыми кольцами, затем, не имея возможности поцеловать друг друга, целуют стену и, наконец, договариваются встретиться на этом же месте будущей ночью...

Днем к Паламедону прибыли с жалобой посланцы из города Дорестер, около которого бесчинствует чудовищный дракон, съевший уже сотню жителей. Аморий вызывается сразиться с ним, о чем рассказывает Клеопе ночью. Та учит героя, как подготовиться к бою с драконом и обезопасить себя [тут включается очередной «ученый» регистр, но уже «энциклопедического» типа, о чем будет сказано ниже]. Герой обязуется руководствоваться её наставлениями. [Возвращение к регистру жесты.] Герой отправился к драконьему логову и разбудил чудовище, затем ранил его в пасть копьем, мечом выбил глаз, в другой глаз сунул кольцо с волшебным карбункулом, подаренное Клеопой, в разверстую пасть кинул созданное по её совету вредоносное зелье и, наконец, когда дракон попытался улететь, вонзил в его сердце свой меч по рукоять. Герой возвращается с победой в Альбинест и, встретившись с любимой, договаривается о свидании с ним в ближайшем лесу у родника будущей ночью перед рассветом...

[Вторая «овидиева» сцена – кульминационная, поэтому включается трагический регистр.] Клеопа приходит раньше Амория в условленное место. Появляется охотившийся огромный лев, с кровью на морде. Клеопа пугается и убегает, роняя платок, а потом прячется в львиную берлогу. Лев, пришедший попить из ручья, трется окровавленной пастью о платок и вскоре уходит. Появляется Аморий, который видит окровавленный платок и решает, что Клеопу съел хищный зверь. Он ставит меч рукоятью на землю и бросается на него. Стоны умирающего слышит Клеопа, выбирается из берлоги и успевает к тому, чтобы застать последние восклицания и смерть возлюбленного. Она вырывает меч из его тела и таким же образом убивает себя...

[Трагизм подчеркивается «агиографическим» регистром.] Святой отшельник, обитавший неподалёку и в то время усердно молившийся, услышал крик смертельно ранившей себя Клеопы. Окончив молитву он отправился в сторону, откуда крик донесся, и обнаружил тела влюбленных. Обращая многократные призывы к Богородице, он смог вернуть их к жизни. Они удивились чуду воскрешения и попросили об обращении. Крестив их, отшельник отправился с ними в Альбинест, где разрушил статую Венеры и изгнал проклятых духов из сферы, отчего та исчезла. После этого были крещены все жители города, а героев отшельник венчал по христианскому обряду.

[Регистр сказочного счастливого финала.] Аморий и Клеопа жили долго и счастливо и умерли в один день. А их многочисленное потомство похоронило пару в одной могиле под богатым мраморным надгробием.

У Овидия дан явно пунктирный рассказ о любви Пирама и Фисбы, только сцена самоубийств описана относительно подробно. У Метэма та же сцена заняла 166 стихов (1605-1771). Для сравнения: подготовка к бою с драконом, начиная с прихода Амория на ночную встречу с Клеопой и её «энциклопедической» лекции, и само сражение описаны в 326 стихах (1226-1552), и это указывает на меньший удельный вес сцены из Овидия для сюжета Метэма, чем можно было ожидать. Поэма кембриджского книжника – многослойный пирог из авантюры, любви и учености.

Особую роль играет ученость героини: она призвана оправдать необходимость Клеопы для Амория. Соответствующий эпизод здесь назван «энциклопедическим» неспроста, ведь Клеопа последовательно разворачивает демонстрацию познаний из нескольких научных областей. В средневековой словесности эти области были представлены особыми жанрами: бестиарием, лапидарием и гербарием. Так, указание на данные жанры можно увидеть в полном заглавии «Книги секретов» виднейшего германского энциклопедиста Средних веков Альберта Великого: «*Liber secretorum de virtutibus herbarum, lapidum et animalium quorundam*» ('Книга секретов о свойствах трав, камней и некоторых зверей'). В 1491 г. в германском Майнце был издан анонимный трактат «*Ortus Sanitatis*» («Сад здоровья»), который состоял из разделов «*De Herbis*» («О травах»), «*De Animalibus*» («О зверях»), «*De Avibus*» («О птицах»), «*De Piscibus*» («О рыбах») и «*De Lapidibus*» («О камнях»). Это не исключительные примеры, средневековые энциклопедические труды предполагали контаминацию названных жанров.

«Энциклопедический» эпизод представляет собой лекцию героини и вставные реплики реагирующего на неё героя. Лекция Клеопы, услышавшей новость о том, что Аморию предстоит сразиться с драконом, начинается с того, что автор демонстрирует нам такую «ученую» черту девушки, как стремление к типологизации (далее оригинальный текст цитируется по изданию: Page, S.F. (ed.) *Amoryus and Cleopes. Kalamazoo: Medieval Institute Publications, 1999*; в оригинальных строфах курсив и сопутствующий им поэтический перевод мой – В.С.).

«But **qwat serpent ys yt?** qwat do thei yt calle?

For sum more esy be than sum as in fyght,

And lesse hurtyth the venym of one in specyal

Than of anodyr; and wysdam wul that ye schuld be dyght

In sure harnes theraftr; for clerkys wryte, of gret and smal,

Her namys and naturys, and qwerein thei noy be kend natural,

And eke remedyis ayens ther dedly noyauns,

If the case dyd yt reqwire to make wyse purveyauns».

(Ст. 1241-1248: «Но что же там за змей? И как таких зовут? // Среди породы их есть те, с кем легче бой, // Что менее других своей отравой жгут; // Продумай тщательно, что в бой возмёшь с собой. // Ученым ведомы всех гадов имена, // Каков нрав гадины и чем вредна она, // Какие снадобья, чтоб вред тот умять, // И как готовым быть ей противостать».)

Ссылка на труды ученых (их обозначило слово 'clerkys', обычно употребляемое по отношению к церковникам) является прямым указанием на начитанность героини, которой знакомы не только реестр видов змеев, но и те начала медицины, что связаны с лечением ядов и предотвращением отравлений. Таким образом, Клеопа показана не просто знающей теорию, но понимающей, каково может быть её практическое применение.

«For of **summe of thise serpentys**, the eyn so venymmus be

That wyth her loke thei slee yche erthly creature,

As thise **cokatrycys**; and yit remedyi ys ther, perdé.

For wyth a wesyl men yt destroye be kindly nature

And the serpent clepyd **draconia** - that more ys in qwantyté

Than ony best on erthe, thow he be noght venymmus -

The myght of hys tayl the grete elevaunt sleth most mervulus,»

(Ст. 1249-1255: «Но есть средь змеев те, кто слишком ядовит // И взглядом умертвит любое существо, // Да вот хоть Кокатрис; но, к счастью, победит // Зверь Ласка, запахом своим убив его. // А змей Дракония, который знаменит // Не ядовитостью: его хвосту дана // Способность погубить огромного слона!»)

«Ayens hos powere, men for an efectual remedy

A panterys skyn bere; and yf thei therwyth schuld fyght

Wyth the venym of a tode or of arany,

They sone yt slee; and the serpent namyd **jaculus** - in hys flyght

Qwat that he uppon fallyth so venymusly, he doth yt smyght

That forthwyth yt deyth; and yit a ston ys ther

That the serpent may noght hym noght dere».

(Ст. 1256-1262: «Но, чтобы защитить себя наверняка, // Пантеры шкуру ты накинй, идя на бой, // Поможет жабы яд, а также паука – // Они его сразят. Есть змей ещё другой, // Крылатый Якул, он отравленной стрелой // На жертву с высоты бросается стремглав // И обездвигивает, жизнь её прервав».)

Имя и особенность каждого дракона и змея, как и способы борьбы с ним, Метэм не выдумывает, чему свидетельство – множество исторических источников: во-первых, иллюминированные бестиарии, во-вторых, труды признанных натуралистов. **Кокатрис**, или **Василиск**, в виде полужмея-полупетуха, которого атакует Ласка, запечатлен в следующих известных рукописях: *Oxford, Bodleian Library, MS Ashmole 1511*; *Aberdeen, University Library, MS 24* («близнец» предыдущего); *London, British Library, Royal MS 12 C XIX*. Древние считали, что она единственный зверь, способный выстоять против Василиска [4, с. 160], вероятно, потому что до и после боя питалась *рутой* [5, p. 130], так что рута в следующих «энциклопедических» строфах поэмы возникнет как трава-антидот вполне закономерно. В первых двух из указанных рукописей Ласка кусает Василиска в шею, хотя бытовало восходящее к Плинию Старшему поверье, что Ласка, подброшенная в нору к монстру, убивает того своим запахом. Всего сохранилось семь рукописей с драматической сценой боя Ласки с Василиском [6, p. 33]. Альберт Великий в опусе «*De Animalibus*» указывал, что этот монстр уничтожает всё живое не только огненным дыханием, но и своим шипением, и что он – тут Альберт сослался на Плиния – убивает человека и взглядом, но только при условии, что он первым взглянул на человека, а не человек на него [7, p. 1720].

Дракон по имени **Дракония** изображен обвившим слона и кусающим его в спину в той же рукописи *Ashmole 1511*, где он также назван *Draco Major*. Он представлен и в упомянутом «Саде здоровья», где описан как «*per omnes serpentes maximus*»

‘огромнейший из змеев’ [8, n/p]. Двумя веками ранее Альберт Великий также описывал Драко как самого большого из породы змеев и упоминал о том, что от него может пострадать даже слон [7, pp. 1725-1726]. Любовь средневекового мышления к антитетическому восприятию мира, в том числе и животного, приводила к тому, что звери оказывались объединяемыми в пары на основе противопоставления по какому-либо признаку, часто неожиданному, например, дракон и слон противопоставлялись по температуре тела [9, с. 8]. Упоминание о необходимости взять в бой с драконом шкуру пантеры также основано на традиции. Из греческого «Физиолога» распространилось мнение о том, что пантера – аллегория Христа, а дракон – дьявола, поэтому считали, что дракон – это единственный враг пантеры, ее боящийся. Когда пантера рычала, все звери оказывались зачарованы её голосом и шли на сладкий запах, далеко разносившийся по окрестностям из её пасти, лишь дракон, дрожа от страха, немедленно устремлялся в свое укрытие [10, pp. 148-149] [11, pp. 14-15]. Данная сцена изображена в рукописи *London, British Library, MS Sloane 3544* [12, pp. 97-98, plate 3].

Наконец, **Якул** виделся средневековым книжникам небольшим, но опасным крылатым змеем. Альберт Великий возводил его имя к лат. *iaculando* (‘бросательное действие’) и сообщал, что этот змей обитает на деревьях, где отравляет плоды и откуда бросается на своих жертв, так что погибнуть можно от укуса змея или от съеденного плода; Якулу он приписывал свойство убивать быстро, но безболезненным укусом, а его коже – вызывать мучительную смерть при прикосновении к ней [7, p. 1728]. В «Саде здоровья» Якул изображен ведущим охоту с дерева на человека, в рукописи *Paris, Bibliothèque Nationale de France, MS Latin 1173*, известной как «Часослов Карла Ангулемского», он показан двулапым крылатым змеем, прыгнувшим на женщину и кусающим ее в живот, а в рукописи *Oxford, Bodleian Library, MS Bodley 764* он из засады на дереве прыгает на спину какой-то домашней скотины (возможно, овцы) и кусает её.

Далее в поэму входит тема необходимых «*remedyis of erbys and stonys*» (‘снадобий из трав и камней’), которая оправдывает связь объектов, описываемых в гербариях и лапидариях, с существами из бестиариев, а Клеопа обещает вскоре рассказать о снадобьях подробно:

«The name of home serpentyne ys; and eke odyr sundry

Of odyr serpentys so contraryus be to owre nature,

That aftyr summys bytyng or styngyn, men sodenly

Falle starke dede; but thei that fere thise chauncys to endure,

That in desertys must walke, thei purvey wysely

Remedyis of erbys and stonys, as I schal telle yow in hy».

(Ст. 1263-1268: «Обычный змей иль нет, противным быть рождён // Природе он людской природою своей, // Каждый укушенный отравлен ядом, он // Вмиг замертво падёт. Но странникам степей // Противоядие знакомо, чей состав // Из пыли каменной и сбора редких трав».)

После этого она возвращается к типологии, в рамках которой драконы/змеи градуированы по их опасности для человека, и останавливается на излюбленном образе европейских бестиариев – **Аспиде**:

«And besyde thise, ther ys a **dragon huge and cumbrus**,

Namyd aspys, most to be feryd for hys sotelté;

For enchauntement ner sleight most ingenyus

Can noght bryng hym fro hys den for no necessyté;

For wele he knoweth hys blode ys medycynabyl,

He lyith in hys den a-daylyght ever onmevabyl».

(Ст. 1269-1274: «А кроме названных, дракон огромный есть, // Чьё имя Аспид, он коварен как никто; // Нет заклинания, чтобы его извести, // И нет уловки, чтобы приманить, зато, // Коль бросил тьму пещер и пойман, его кровь //Бесценную цеди и снадобья готовь».)

«But at evyn, yf he hap to mete wyth ony creature,

The venym owte of hys tayle into hys mowth

He drawyth anone, be kendly nature,

Thow yt gretly be mervulus and oncowth.

He, or a man beware, throwyth yt fourty fote,

Ayens the qwyche plate of stele may noght bote».

(Ст. 1275-1280: «Но если вечером кто пойман сам – беда, // Яд из конца хвоста поступит змею в рот, // И метко плюнет он далече изо рта // И с сорока шагов в беднягу попадёт. // А жертва скорчится, от пагубы стена, // От коей не спасла железная броня».)

«For as wax ayens the fyre meltyth, on the same wysen

Steele and yryn be dyssolvyd at the touchyng of that corrupcion.

Qwerfore, men this profytabyl gyse

Use: a drynk of jacynctys and orygaun

The qwyche thei drynk for ther salvacion

And anoynte ther skyn, to the qwyche this venym hurtyth no more

Than dothe leuke watyr or the fome of a bore».

(Ст. 1281-1287: «Как расплавляет воск присутствие огня, // Так яд литую сталь дырявит, как таран. // Вот оттого и пьют, в бальзам соединя, // Толченный гиацинт и дикий майоран // И, чтоб предотвратить ущерб грядущих ран, // Втирают в кожу тот бальзам – и жжет тогда // Яд змей не более, чем тёплая вода».)

В поэме Аспид назван огромным драконом и представлен неуловимым, что также является не выдумкой Метэма, а трансляцией известных ему «научных» фактов. Так, всё тот же Альберт характеризует Аспида достаточно подробно. Имя змея он возводит к греч. *aspisis* ('яд') и рисует его длинным, с выдающимися из пасти клыками, похожими на кабаньи. Цвет змеиной кожи – темно-серый, иногда с синим отливом. Аспид поражает человека медленно действующим ядом, и тот впадает в глубокий сон, а тело его

холодеет и меняет цвет. Описание змея Альберт завершает указанием на то, что он носит на голове заколдованный камень, позволяющий ему противостоять заклинаниям волшебника. Но если камень не помогает, тогда ушастый Аспид прижимается одним ухом к земле, а в другое плотно втыкает кончик своего хвоста, чтобы не услышать заклинания вызывающего его из норы противника [7, pp. 1716-1717]. Очевидно, это свойство особенно впечатлило иллюминаторов бестиариев, потому что именно эту сцену мы встречаем и в рукописи *Bodley 764* (здесь змей серого цвета), и в рукописях *Ashmole 1511* и *Aberdeen, University Library, MS 24* (в обеих змей синий и крылатый). А.Е. Махов отмечал, что для авторов средневековых бестиариев свойство зверя обладало большей значимостью, чем сам зверь [13, с. 89].

Клеопа упоминает также **морских драконов**, о которых, кажется, не нужно вспоминать, так как Амория ждет бой с другим, земным. Однако, с одной стороны, это «отступление от темы» способствует её утверждению в статусе всезнающей особы, а с другой стороны – связано с не раскрываемым в данном тексте, но известным автору обстоятельством: образ самого ужасного змея, с которым будет биться герой, является *контаминацией образов двух разных типов драконов* – земного и морского (об этом скажем ниже).

«And besyde thise rehersyd, ther be in the see

Mervulus dragonnys and monstrys also;

As thise **chyldrynys, ydrys**, and **ypotamys** ther be,

Hos bytyngs be curyd wyth the egestyon of bolys; and odyr mo

Dragunnys on erth ther be, but one in specyal most foo

To alle lyvyng thing - but to man most in specyal -

The qwychе an hundred fote ys longe, tayle and alle».

(Ст. 1288-1294: «А кроме названных земных, опасны нам // Морские чудища вдали от берегов, // Как Гидра, например, Хилдрин иль Ипотам, // Против укусов чьих хорош навоз быков. // Драконов много злых, но лишь один таков, // Что зло особое приносит всем живым: // Длиной в сто футов он, с хвостом и остальным...»)

«And **serra cornuta** yt ys namyd be clerkys."

"O!" quod Amoryus, "lady, that same dragun yt ys

That I schuld fyght wyth, orybyl and furyus in werkys."

"In gode feyth," quod Cleopes, "and so hye Jovys me wyss,

I schal noght gab at alle, but telle yow the trwthys:

Strenght of man alone may noght prevayl wythowte charmys

Ayen this serpent; qwerfore, but ye be reulyd be me,

Thow ye were as myghty as Sampson, ded ye schuld be».

(Ст. 1295-1302: «Рогатой Серрою – так в книгах назван он». // Аморий охнул: «Леди, но ведь это тот, // С которым биться мне, ужаснейший дракон!» // Рекла Клеопа: «Пусть Юпитер мне пошлет // Всю крепость духа, чтоб я правду в свой черед // Тебе сказала:

кто лишь с силой в бой пойдет, // Без вредоносных чар, да будь он, как Самсон, // Могучим воином, погибнет, как и он».)

Хилдрин – неправильно расслышанное имя того морского змея, которого называли **Хелидрос** (Chelydros, Celidros, или Chersydros, Cersidros). Фома из Кантимпре (Thomas Cantimpratis, или Thomas Brabantinus), ученик Альберта Великого, в трактате *«Liber de natura rerum»* ('Книга о природе вещей') вторит *«Etymologiae»* Исидора Севильского (кн. XII, разд. IV *«De Serpentibus»*), возводившего имя этой бестии к греческим словам *χέρσων* ('земля') и *ὕδωρ* ('вода'), и описывает змея как обитающего и на суше, и в воде: когда Хелидрос на суше, она дымится, когда он в воде, та кипит. Змей ходит строго по прямой линии, поскольку, если изогнется, раздастся треск [14, p. 281]. В рукописи *Valenciennes, Bibliothèque municipale, MS 320* (книга Фомы здесь в иллюминированном виде) Хелидрос представлен двулапым, хвостатым, ушатым и бескрылым существом. **Гидру** Альберт Великий описывает как самую красивую из змей и указывает, что от её укусов хорошо помогает коровий навоз (Метэм распространил это на всех водных монстров). Он локализует место ее обитания в египетском Ниле и описывает коварную тактику этого змея: Гидра ищет уснувшего у берега реки крокодила с открытой пастью, обмазывается скользкой грязью и проникает внутрь пасти; крокодил пробуждается и захлопывает пасть; а Гидра, находясь внутри, кусает крокодила и прокусывает его кожу, чтобы выбраться наружу [7, p. 1728]. Этот момент поразил воображение иллюминаторов рукописей *Ashmole 1511* и *Aberdeen, University Library, MS 24* и они изобразили эту полную драматизма сцену (Гидра изображена крылатой). Наконец, **Ипотамом** (Ipotamus, Ypotamus, Ipothamus, Ypothamus) называли обыкновенного гиппопотама, но представляли, оправдывая имя «речной лошади», в виде полузмея-полуконя с далеко выступающими кабаньими клыками (такое существо изображено в рукописи *Cambridge, University Library, MS Kk.4.25*).

Последним в ряду драконов Клеопа называет самого опасного змея, имя которому **Серра Корнута**, т.е. Серра Рогатая. Существа с таким именем нет ни в одном известном бестиарии, поэтому можно предположить, что это выдумка за авторством Метэма. Однако части составного имени в бестиариях и энциклопедиях присутствуют. Так, у Альберта Великого обнаруживаем морского змея **Серру**, даже двух типов: Серра – огромная бестия с широкими плавниками и большими плавниками-крыльями, когда она видит корабль, то восстает из воды, расправив «крылья», и истошно кричит, а затем погружается в пучину, где пребывала; Серра Минор – бестия с головой, гребень которой напоминает пилу, она подплывает к кораблям снизу, подпиливает их, а когда корабль тонет, она питается трупами команды [7, pp. 1700-1701]. Но Альберт упоминает и небольшого земного змея **Корнута Аспид**, на голове которой два выступа, напоминающие рога. Змей кусает человека, и тот погибает от медленно действующего яда [7, p. 1722]. Рядом – описание змея **Цераста** (Cereastes, Cerastes, Carastes, Cerastis), вернее маленькой змейки, цвета пыли и с восемью рогами, закрученными, как у барана. Змейка устраивает засаду в пыли, воробы садятся на ее рога, как на ветви, и она их убивает укусом. Опасна для всех существ [7, pp. 1722-1723]. Фома добавляет про **Корнуту** (Cornuta, Cornuto, Cornutis), что у нее очень сильный яд, нейтрализовать последствия от которого можно териакон (напомним, что это самый сложный, «идеальный» лечебный состав из мяса ядовитой змеи, опиагов и прочих компонентов, общим числом до семидесяти) [14, p. 279]. Оба двурогих и двулапых змея изображены в рукописи *Valenciennes, Bibliothèque municipale, MS 320*, а восьмирогий Цераст – и в «Саде здоровья». Авторы бестиариев нередко указывали, что Корнута и Цераст, возможно, являются одним и тем же видом. Действительно, в средневековые бестиарии так попала,

раздвоившись, египетская Рогатая гадюка (*cerastes cornutus*).

А Джон Метэм, по-видимому, объединил рогатых змей с Серрой (за образом которой предположительно скрывается обычный кит), чтобы получить небывалый тип рогатого дракона в сто футов длиной. Этим образом он как ученый демонстрировал свои широкие познания зоологических «научных» источников, а как поэт – свою творческую свободу от установившихся типологий монстров. Кроме того, создание такого дракона придало особую значимость подвигу его героя Амория и особую ценность познаниям помогающей своему возлюбленному Клеопы. В итоге можно было бы отметить, что Метэм, по мере того как использовал овидиев сюжет, глубоко перерабатывал исходный материал, смещая акцент с легендарно-трагического на сказочно-героическое, так же, как он поступил с использованием стиховых форм и приемов Чосера, не копируя их механически, но свободно их варьируя.

Библиография

1. Hudson W.H. An Outline History of English Literature. London: G. Bell & Sons Ltd., 1913.
2. Lawton D. Dullness and the Fifteenth Century // English Literary History. 1987. Vol. 54. №4. Pp. 761-799.
3. Metham J. The Works of John Metham, Including The Romance of Amoryus and Cleopes. / Ed. by H. Craig. London: The Early English Text Society, 1916.
4. Косов И.М. Визуальное и вербальное движение в бестиарии миниатюр NLI MS Giraldus 700 начала XIII в. // Бестиарий движений / Под общ. ред. Львовой А.Л., Довгий О.Л. Тула: Аквариус, 2018. С. 156-166.
5. Topsell E. The Elizabethan Zoo: A Book of Beasts both Fabulous and Authentic. Boston: Nonpareil books, 1979.
6. Hassig D. Medieval Bestiaries: Text, Image, Ideology. Cambridge: The Cambridge Univ. Press, 1995.
7. Albertus Magnus. On Animals: A Medieval Summa Zoologica. Vol.II. / Ed. by K.F. Kitchell and I.M. Resnick. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1999.
8. [Anonym.] Ortus Sanitatis. Mainz: Jacob Meydenbach, 1491.
9. Махов А.Е. Бестиарная антитеза как инструмент средневековой семиотики, или Почему ушел осел // Бестиарий антитез / Под общ. ред. Львовой А.Л., Довгий О.Л. Тула: Аквариус, 2019. С. 7-17.
10. McCulloch F. Medieval Latin and French Bestiaries. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1962.
11. The Bestiary: A Book of Beasts, being a translation from a Latin Bestiary of the Twelfth Century. / Ed. and transl. by T.H. White. New York: Capricorn Books, 2012.
12. Kay, S. The book Animal Skins and the Reading Self in Medieval Latin and French Bestiaries. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2017.
13. Махов А.Е. Свойства зверя: от античной «естественной истории» к эмблематике Ренессанса и барокко // Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве / Под общ. ред. Львовой А.Л., Довгий О.Л. Москва: Intrada, 2012. С. 84-96.
14. Thomas Cantimpratensis. Liber de Natura Rerum. Berlin & New York: De Gruyter, 1973.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемую работу отличает явная конструктивно манифестированная научная новизна, ибо автор обращается к детальной оценке поэмы Дж. Метэма «Аморий и Клеопа» 1449 года. Текст исследования достаточно планомерен, выверен, конструктивен. Вариация оценки последовательна, логически оправдана. Констатация позиций дана в режиме логической разверстки; данные позиционны, материал имеет правомерный толк. Стиль работы соотносится с собственно научным типом: например, «написанная в середине XV столетия поэма «Аморий и Клеопа» («Amoryus and Cleopes») необычна в нескольких отношениях. Во-первых, она, как некоторые иные, дошла до нас в единственной рукописи, но та рукопись хранится не на родине автора поэмы, а в фондах американского университета; она известна как Princeton University Library, MS Garrett 141. Выпущенный из Принстона в 1897 г. экс-студент Роберт Гарретт несколько десятилетий собирал коллекцию редких рукописей, скупая их в Англии у частных лиц, а 45 лет спустя подарил её альма-матер. И в составе подаренного собрания была указанная рукопись, целиком состоящая из работ писателя, имя которого до начала XX века не было известно даже узкому кругу медиевистов, занимавшихся проблемами истории местной литературы», или «поэму отличает числовой символизм, ибо число стихов, составляющих её пролог и четыре части (в рукописи Гарретта первая и вторая части не разделены), – 2222. С одной стороны, ещё первый публикатор её текста утверждал, что тот состоит из 319 семистиший с регулярной рифмовкой rhyme royal, т.е. ababbcc, так хорошо знакомых по известным сочинениям Чосера, но, с другой стороны, тогда бы общее число стихов должно было бы достигнуть 2233, а это не так. И прежде всего потому, что «Аморий и Клеопа» состоит не только из твердых строф типа Chaucerian stanza. Есть семистишия, варьирующие упомянутую рифмовку, и пусть правильных чосеровых строф в поэме несомненное большинство, но, что важнее, есть достаточное количество строф, отступающих от классического стандарта того времени, которым являлось чосерово семистишие...», или «в сюжете этого неожиданного сонета (одинокый молодой рыцарь в майском леске горько оплакивает утраченную возлюбленную, между тем восхваляя её достоинства), да и в фигуре поющего, оплакивающего разлуку с «яркой леди», блиставшей при императорском дворе, можно разглядеть не обязательно шаблонный набор приемов и тем песенной любовной лирики в целом, а, как нам представляется, конкретную проекцию сюжета чосеровской поэмы «Книга Герцогини» и соответствующей фигуры Черного рыцаря. Мотивы из Чосера, в первую очередь из «Троила и Крессиды», действительно, периодически возникают в разных частях сочинения Метэма, но, как правило, это не произвольное заимствование, а осознанная творческая переработка, предпринятая новым автором» и т.д. Продуктивен, на мой взгляд, и диалог с потенциальными оппонентами: «если античный читатель сопереживал трагически погибшим влюбленным Пираму и Фисбе, то английским читателям в период Позднего средневековья уже важно знать о героях современной литературы, кто они и что они, чтобы решить, заслуживают ли те эмпатии. Поэтому логический акцент сюжета перенесен со сцены двойного самоубийства на другие сцены, точнее сказать, многие неовидиевы сцены оказались уравнены в правах с двумя очевидными – сценой общения влюбленных через стену и сценой, упомянутой выше...». Стоит признать этот момент положительной составляющей данного труда, именно он ориентирует на т.н. прогресс в оценке поэмы Дж. Метэма «Аморий и Клеопа». Материал конструктивно сформирован, концепция текста объективна, точка зрения автора прозрачна и верифицирована. Стиль работы соотносится с собственно научным стилем: «в итоге такой переработки античного материала у частей композиции «Амория и Клеопы» появляются черты того или иного жанра: один фрагмент может быть похож на

куртуазный любовный роман и соседствовать с другим, сказочно-легендарным, третий выглядит «исторической» ретроспекцией, между тем как четвертый заимствует из сочинений агиографического жанра мотив чудес, содеянных святым отшельником. И, быть может, далеко не последняя роль отведена тем эпизодам, в рамках которых сочинитель, «кембриджский ученый», получает возможность воплотить в сюжете разнообразные «энциклопедические» сведения, принадлежащие к разным наукам, например, к астрологии или медицине. С переключением жанровых сценок параллельно меняются и речевые регистры, дискурсы. А упомянутое переключение заметно уже в синопсисе». Уровни художественного текста оцениваются грамотно, с учетом современных методологических граней. Фактических нарушений не выявлено, считаю, что автор внимателен к собственным аналитическим канонам. Не исключается в работе и т.н. литературно-исторический контекст, он значим, не формален, объективен: «у Овидия дан явно пунктирный рассказ о любви Пирама и Фисбы, только сцена самоубийств описана относительно подробно. У Метэма та же сцена заняла 166 стихов (1605-1771). Для сравнения: подготовка к бою с драконом, начиная с прихода Амория на ночную встречу с Клеопой и её «энциклопедической» лекции, и само сражение описаны в 326 стихах (1226-1552), и это указывает на меньший удельный вес сцены из Овидия для сюжета Метэма, чем можно было ожидать. Поэма кембриджского книжника – многослойный пирог из авантур, любви и учености». Умозаключения по ходу статьи вариативны, разночтения не выявлены: «в поэме Аспид назван огромным драконом и представлен неуловимым, что также является не выдумкой Метэма, а трансляцией известных ему «научных» фактов. Так, всё тот же Альберт характеризует Аспида достаточно подробно. Имя змея он возводит к греч. *aspisis* ('яд') и рисует его длинным, с выдающимися из пасти клыками, похожими на кабаны. Цвет змеиной кожи – темно-серый, иногда с синим отливом. Аспид поражает человека медленно действующим ядом, и тот впадает в глубокий сон, а тело его холодеет и меняет цвет. Описание змея Альберт завершает указанием на то, что он носит на голове заколдованный камень, позволяющий ему противостоять заклинаниям волшебника. Но если камень не помогает, тогда ушастый Аспид прижимается одним ухом к земле, а в другое плотно втыкает кончик своего хвоста, чтобы не услышать заклинания вызывающего его из норы противника...». Данный материал имеет ярко выраженный практический характер, его можно использовать при изучении мировой истории / культуры / литературы. Основные требования издания учтены, тема как таковая раскрыта; считаю, что цель работы достигнута, а поставленный спектр задач решен. Рекомендую рецензируемую статью «Полижанровая структура поэмы Дж. Метэма «Аморий и Клеопа» (1449) и бестиарные мотивы в «энциклопедическом» эпизоде её сюжета» к открытой публикации в периодическом научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Л. — Специфика условных союзов в современном русском языке // Litera. – 2023. – № 12. – С. 419 - 430.

DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69304 EDN: LTVTOD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69304

Специфика условных союзов в современном русском языке

Ван Лань

аспирант; кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации; Уральский федеральный университет

620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Белинского, 108, кв. 51

✉ wlan2016@163.com[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.12.69304

EDN:

LTVTOD

Дата направления статьи в редакцию:

12-12-2023

Дата публикации:

30-12-2023

Аннотация: Предметом исследования в статье являются союзы, употребляемые в сложном предложении для передачи условных отношений. В русском языке группа союзов, способных выражать значение условия, достаточно объемна, но в научных работах, посвященных данной проблеме, фокус исследования сосредоточен на основных подчинительных союзах (если, если бы и др.). В данной статье мы обращаемся к недостаточно глубоко проработанному вопросу, а именно к анализу союзов, находящихся на периферии средств выражения условия. Цель исследования – с опорой на лексикографические источники и речевые контексты выделить союзы, которые могут выражать условное отношение, и на примере союза 'добро бы' описать семантико-прагматический потенциал. В статье применяются описательный метод, а также метод дефиниционного анализа и элементы компонентного и трансформационного анализа. Научная новизна заключается в том, что 1) дан анализ словарных статей условных

союзов, описана группировка условных союзов; 2) продемонстрирован опыт комплексного анализа союза 'добро бы' и выявлены его дополнительные значения (предположительное условие, условно-противительное), а также модальные оттенки (оценка и желание). Выводы и материалы исследования могут быть использованы в лекциях, спецкурсах и спецсеминарах для студентов филологических и педагогических специальностей, при совершенствовании школьных программ, создании учебников, сборников упражнений. Актуальность исследования заключается в том, что, несмотря на множество научных работ, посвященных конкретным союзам, которые находятся в центральной зоне средств выражения условных отношений, вопрос об интерпретационном потенциале периферийных условных союзов (количество которых весьма велико) проработан недостаточно глубоко.

Ключевые слова:

подчинительный союз, сочинительный союз, отношение условия, модальность, прагматика, стилистическая окраска, словарная статья, семантика, возможный мир, нейтральный союз

Отношение условия в лингвистике может быть представлено такой формулой: «если P, (то) Q», которая доказывает «биситуативность», при этом ситуация P, как правило, помогает осуществлению ситуации Q [\[22\]](#). В русском языке существует несколько способов выражения условных отношений, одним из важнейших является сложноподчиненное предложение (далее – СПП) с придаточным условия [\[3, 9, 23, 25\]](#).

СПП является прототипической условной конструкцией, так в нем, во-первых, выражаются две диктумные пропозиции, или два положения дел, причем одно из двух определенным образом зависит от другого; во-вторых, в таких СПП используется условный союз. Условный союз в качестве специализированного средства выражения условной семантики обладает полным набором и максимальной концентрацией свойственных им признаков.

При описании условных союзов в грамматике отсутствует полный / стабильный список союзных средств. В «Грамматике современного русского языка» представлено 7 подчинительных союзов: *если (если бы), ежели, коли, ли, кабы, раз, раз что* [\[7, с. 715\]](#), а в «Русской грамматике» – 21: *если, если бы, ежели, ежели бы, когда бы, коли (коль), коли бы, добро бы, дивя бы, кабы, как бы, коль скоро, буде, ли ...ли... ли*, в том числе и составной союз *в случае если, в том случае если, при условии если (что), при том условии если (что), на случай если, на тот случай если* [\[14, с. 567\]](#). в «Грамматике современного русского языка» не внесены союзы *как, когда*, однако они квалифицируются как условные союзы в «Толковом словаре» [\[19, с. 225 и 241\]](#) и в других источниках [\[5\]](#). Материалы толковых словарей доказывают, что список союзных средств, выражающих отношения «условия», может быть расширен. Цель нашего исследования – с опорой на лексикографические источники и речевые контексты выделить союзы, которые могут выражать условное отношение.

Мы проанализировали словарные статьи союзов в словарях «Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный» [\[13\]](#) и «Большой толковый словарь русского языка» [\[2\]](#) и выбрали те союзы, в дефиницию которых входят показатели условных отношений: во-первых, лексема *условие* и ее производные (*условно, условиться,*

условленный, обуславливаться и т.п.), во-вторых, союз *если*, который многие ученые относят к числу так называемых семантических примитивов – элементарных терминов, не поддающихся дальнейшему разложению [1, 4].

Приведем примеры союзов, в дефиницию которых входят эти показатели:

Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный		Большой толковый словарь русского языка	
<i>Будто</i> : употребляется при выражении условно-предположительного сравнения;	есть	<i>Будто</i> : союз. 1. = <i>Как, словно</i> . 2. (в придат. предл.). Выражает сомнение, неуверенность в достоверности сообщаемого;	нет
<i>Ведь</i> : употребляется при выражении предположительного или возможного условия (союз)	есть	<i>Ведь</i> . II. союз. 1. Присоединяет предложения, содержащие указание на причину, обоснование предыдущего высказывания. 2. <i>Несмотря на то, что; хотя</i> .	нет
<i>А не то</i> : употребляется при соединении предложений, во втором из которых действие или событие могло бы произойти, если бы препятствием для него не послужило реальное действие или событие первого предложения; <i>а то, в противном случае, иначе</i> (разговорное)	есть	<i>А (не) то</i> , в зн. союза. 1. <i>Иначе, в противном случае</i> . 2. На самом деле, в действительности. 3. Потому что, так как. <i>Закрой окно, а то дует</i> . 4. <i>Или, или же</i> .	нет
<i>Добро бы</i> : употребляется при присоединении придаточной части сложноподчиненного предложения со значением условно-предположительного допущения; <i>если бы еще, пусть бы</i> (разговорное)	есть	<i>Добро</i> : в зн. союза (с частицами <i>бы, б</i>). Разг. Если бы, пусть бы .	есть
<i>Еще</i> : употребляется при указании на предположительность условия или на его сопоставление с чем-либо; соответствует по значению слова: <i>более или менее, в какой-то мере, хоть</i>	есть	<i>Еще</i> : союз. Указывает на предположительность условия или на его соотносительность с чем-л.; <i>в какой-то мере, хоть</i> .	есть
<i>Как</i> : употребляется при выражении условно-предположительного сравнения; употребляется при	есть	<i>Как</i> : союз. (присоединяет условные придат. предл.) Разг. Если, в том случае, когда .	есть

при соединении условных придаточных предложений; соответствует по значению союзам: <i>если</i> (разговорное)			
<i>Коль скоро</i> : употребляется при присоединении придаточной части сложноподчиненного предложения, действие к о т о р о й обуславливает действие главной части; если , <i>поскольку</i>	есть	<i>Коль скоро</i> : союз. Книж. если раз уж.	есть
<i>Пусть</i> : употребляется при выражении предположительного или в о з м о ж н о г о условия (разговорное)	есть	<i>Пусть</i> : союз. (обычно в составе сложноподчинённого предл.) Выражает уступительное допущение при противопоставлении; допустим, положим, готов согласиться.	нет
<i>Разве</i> : употребляется при в ы р а ж е н и и условно-противительного значения; соответствует по значению слова: если только не; в случае, если не (разговорное)	есть	<i>Разве</i> : союз. 1. (обычно со сл.: только, что, лишь я т.п.). Выражает допущение, возможность чего-л.: не считая того, что...; кроме того, что...; может быть, только... 2. Выражает противопоставление: если не...; если только не...	есть
<i>Только</i> : употребляется при присоединении придаточного предложения условия ; соответствует по значению слова: при условии , что	есть	<i>Только</i> : союз. 1. <i>Однако</i> , но. 2. <i>Едва</i> .	нет
<i>Хотя бы</i> : употребляется при присоединении уступительной придаточной части сложноподчиненного предложения со значением условно-предположительного допущения; даже если бы	есть	<i>Хотя бы</i> : 1. По крайней мере, пусть даже. 2. <i>Только бы</i> , хорошо бы.	нет

Часть союзов имеет значение условия в обоих словарях, что позволяет считать данные лексические единицы регулярными выразителями категории условия. Есть союзы, имеющие значение условия только в одном словаре, но они также включены в анализируемый материал.

Опираясь на дефиниции союзов в толковых словарях, мы получили список, включающий 38 единиц: *если, если бы, а не то, а то, аще, буде, будто, в противном случае, ведь, в (том) случае если, диви бы, добро бы, ежели, ежели бы, еще, кабы, как, как будто, как*

бы, какой (бы) ни, когда, когда бы, коли (коль), коли бы, коль скоро, и, ли, на (тот)случай если, не то, при условии если (что), пускай бы, пусть, пусть бы, раз, разве, только, хоть бы, хотя бы.

Так как СПП является основным средством выражения условного значения, в грамматике при описании условных отношений приведены только подчинительные союзы (см. выше), но наши материалы позволили дополнить этот список союзами *будто, ведь, еще, как, какой (бы)ни, пусть, пусть бы, разве, только, хотя бы*, которые не вошли в справочник.

Как показали наши наблюдения, сочинительные союзы тоже могут выражать семантику условия, так как частные значения сложного предложения существуют и организованы в определенную систему «на основе иерархических и парадигматических отношений» [\[21, с. 145\]](#). Условное значение обычно актуализируется сочинительными союзами *а не то, а то, иначе, не то, еще, и*.

Второй признак, по которому различаются условные союзы, – это стилистическая окраска. В наших материалах представлены нейтральные союзы и стилистически окрашенные союзы.

Основной выразитель условных отношений – нейтральный союз *если*, который не имеет ограничений в функционально-стилевом употреблении, выражает условное значение в наиболее общем и недифференцированном виде и потому может употребляться во всех типах условных предложений, при любом модально-временном плане придаточной части. Большая часть условных союзов не имеет стилистического комментария в словарях, т. е. тоже является нейтральными: *если бы, будто, в случае если (что), как, как будто, как бы, какой (бы) ни, когда, когда бы, и, ли, на тот случай если (что), только, при условии если (что), хотя бы*.

Стилистически окрашенные союзы имеют пометы в толковом словаре. В списке условных союзов встретились три типа помет: *книжн.* (книжное) – для слов, которые используются преимущественно в текстах и в сфере интеллектуального общения (**коль скоро**, союз. *книжн. Если, раз уж*); 2. *разг.* (разговорное) – для слов, употребляющихся как средство непринужденного общения, в том числе в деловой или официальной обстановке (**раз**, союз. *разг. Если (1, 4 зн.)*); 3. *устар.* (устарелое) – для слов, вышедших из употребления и используемых как выразительное средство имитации речи прошедших эпох (**ежели бы**, союз, *устар.* То же, что *если бы*).

В качестве книжных отмечены союзы *коль скоро, в противном случае*. Например: *И коль скоро каждый из учеников является Его заместителем, то и отношения начинают складываться между ними (а следовательно, и между людьми вообще) совсем иначе, чем они складывались прежде* (протоиерей Георгий Чистяков, Размышления о Евангелии от Иоанна, 2021).

К разговорным относятся союзы *а не то, не то, ведь, добро бы, пусть бы, пускай бы, раз, разве, еще, не то*. Например: *Все равно, раз писали, то не поставят, – констатировала Даниленко, – побоятся, что Вы и на них напишете* (В. И. Максимов, Дневник научного сотрудника, 2022).

Отдельно выделены союзы *буде, кабы, коли*, имеющие помету *нар.-разг.* (народно-разговорное) или *нар.-поэт.* (народно-поэтическое). Например: *Сколько бы, дескать, добавилось паствы в церквях, **кабы** службу вели на современном русском языке* (Д. Н. Каралис, Дневник, 2005).

*Выплывай, немо-кораблик наутилус, Выдвигай мясной из тела парус, **Кабы** этому и рыба научилась, Взорвалось бы море и распалось!* (О. А. Юрьев, Пэан наутилусу, 2013-2014).

Как устарелые маркированы союзы *аще, ежели, ежели бы, коли бы, диви бы*. Например: *Ну **ежели бы** матушка твоя нажаловалась отцу твоему, вить бы он взбесился и ту минуту увез отсюда и тебя с нею.* (Д. И. Фонвизин. Бригадир, 1783-1786).

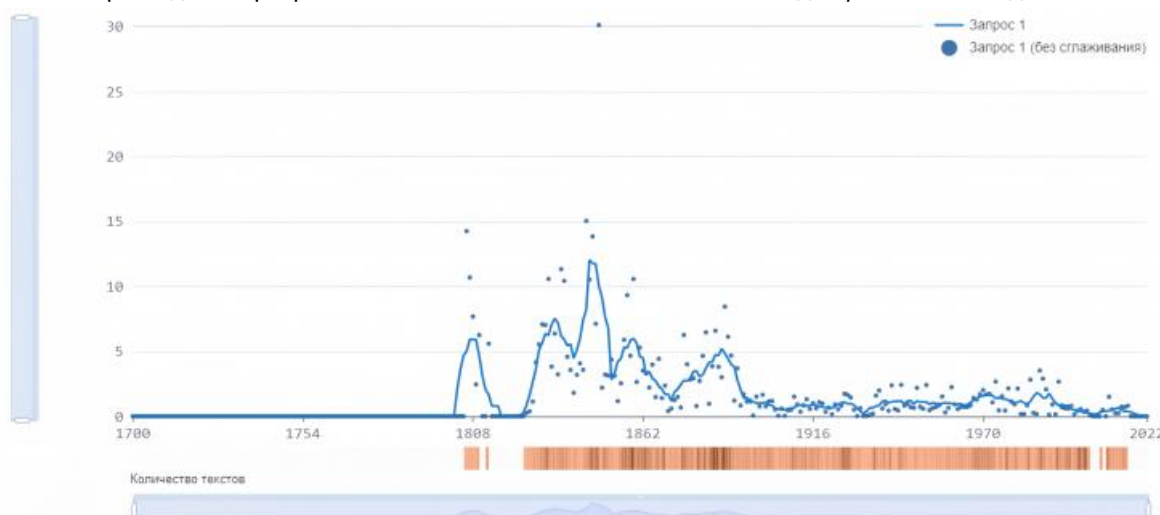
Союзы *аще, диви бы* не входят в современные толковые словари. Они представлены только в старых толковых словарях, таких как «Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.)» [16], «Толковый словарь Даля» [18] и т.п.

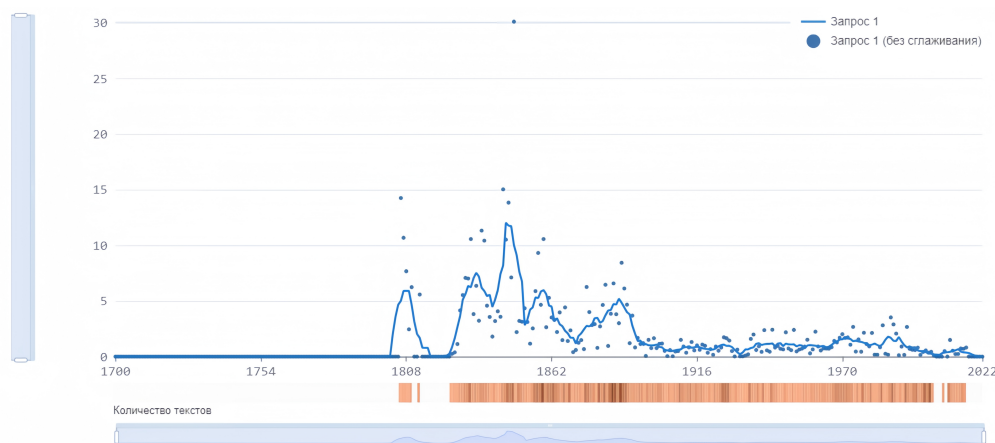
Условные союзы в русском языке имеют различия и в семантическом аспекте. Нейтральный условный союз *если (бы)* выражает сему условия в чистом виде и занимает центральное место среди условных союзов. Этот союз уже был изучен достаточно подробно: выполнены исследования его с точки зрения семантики [4, 6, 12, 20], с исторической точки зрения [17], проведен сравнительный анализ с условными союзами других языков [23], а также были выполнены исследования сочетаемости этого союза с различными модальными частицами [15].

Вместе с тем в группе условных союзов находятся синкретичные союзы, обладающие дополнительными оттенками значений, выражающие различные модальные смыслы. К таким союзам относится периферийный союз *добро бы*, имеющий разговорную окраску [14, с. 563; 8, с. 19; 17, с. 45]. В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) найдено 483 вхождения в основном корпусе и 49 в газетном подкорпусе. Из 483 вхождения основного корпуса только 27 относятся к бытовой сфере, в сфере публицистики – 118, и в художественной сфере – 338, но в книжных стилях этот союз маркирует обычно прямую речь героев в непринужденной ситуации. Например: *Все получалось. Кроме личной жизни. С личной жизнью вышла просто беда. **Добро бы** просто не было следующей «блестящей партии». Дина, как чрезвычайно умная женщина, смирилась бы с этим и продолжала бы искать нечто достойное, но совершенно неожиданно — как удар под дых!* (Татьяна Устинова, 2003).

*Пожав плечами и пробурчав что-то насчет заумных дур, она книгу выдала, но предупредила, что большего занудства свет не видел: «**Добро бы** в университете...» Дома, вынимая из сумки, я думала о том, что, прежде чем звонить, должна прочитать* (Елена Чижова, Звезда, 2002).

Ниже приведен график частоты использования слова *добро бы* по данным НКРЯ.

Видно, что пик его использования пришелся на 19 век, в 20 веке частота употребления этого союза значительно снизилась, так как нормы письменной речи не допускали использования разговорных элементов.

Рассмотрим специфику семантики этого союза в современном русском языке.

1. Союз *добро бы* выражает значение условия, но выражаемые им условные отношения являются предположительными – это гипотетическая ситуация, либо нереально существующее условие, либо условие желательное.

Например: *За килограмм семенного картофеля надо выложить восемь рублей, а покупать-то приходится тонну. Вот и посчитайте, почем нам выходит кило картошки. А еще надо приобрести поросят, цыплят и корм для них. **Добро бы** дали ссуду, мы бы быстро рассчитались с кредитором* (Ивойлова Ирина, Труд-7, 15.03.2001);

*Говорят, например, в банках «Русский Стандарт» и «Хоум Кредит энд Финанс Банк» и вчиняют открытие счета как условие для выдачи кредита. В результате такая услужливость заимодавца обходится заемщику куда дороже процентных выплат по собственно кредиту. Пришел стричься, а сняли голову. И **добро бы** клиент знал об этом заранее, может, развернулся бы да пошел в банк почище* (Банковский навигатор, Коммерсант, 29.04.2007);

СПП с союзом *добро бы* представляют собой негибкую структуру семантической модели «если бы Р, то Q может иметь место». В первой части называется ирреальное условие Р: *если бы дали ссуду; если бы клиент знал об этом заранее*, – во второй части выражена обусловленная ситуация Q: *мы бы быстро рассчитались с кредитором; развернулся и пошел в банк почище*.

В.Н. Мигирин квалифицирует частицу *бы* как «индикатор модальности» [11, с. 68]. В. В. Виноградов указывает на модальные функции частицы *бы*, способность ее к выражению целого спектра оттенков значений условности, возможности, желательности в рамках гипотетической модальности [5, с. 528]. В [10, с.128] отмечается воздействие частицы *бы* на сему гипотетичности.

2. *Добро бы* используется для выражения условия в составе негибких двухместных конструкций с разделительным союзом *а то* со значением «альтернативной мотивации». Значение таких высказываний можно определить как «условно-противительное».

Например: *За недостатком свободного места Бродский переворачивает лист с набранным на машинке текстом и высказывает на полях общее положение, касающееся полученной подборки стихов: «Насчет рифм: неточными они – в лучшем случае могут быть тогда,*

когда на них нет ударения. А тут у тебя и метрическое, и смысловое. **Добро бы** еще фраза продолжалась, а то обрывается» (Звезда, 2023, 5 мая, выпуск 5);

Чего ради мириться с очередными его гастролями, не может и на старости лет уgomониться, пятьдесят человеку стукнуло, а все девочки интересны, и **добро бы** девочки, а то позарился на ровесницу жены (Гоар Маркосян-Каспер, Звезда, 2003);

В Нижегородской области существует даже разделение труда: одни делают заготовки, другие расписывают, третьи лаком покрывают. Работают на своих кухнях, налогов не платят. **Добро бы** конкуренция была честной, а то получается: рынок продукцией наводнен, а предприятие-налогоплательщик поставлено в худшие условия (Агишева Гузель, Труд-7, 30.01.2007).

В приведенных высказываниях структуры с союзным комплексом *добро бы... а то...* первая предикативная часть, вводимая союзом *добро бы*, выражает ирреальное условие «если бы Р» (если бы фраза продолжалась, если бы позарился на девочек, если бы конкуренция была честной), которое говорящий считает наилучшим вариантом положения дел. Тогда как во второй предикативной части, присоединяемой союзом *а то*, представлена реальная ситуация, противоположная желательному условию (фраза обрывается, позарился на ровесницу жены, рынок продукцией наводнен, а предприятие-налогоплательщик поставлено в худшие условия). Говорящий с помощью союза *добро бы* предлагает лучший выбор для развития ситуации, поскольку другие варианты (если не Р) – это нежелательный или плохой результат.

В грамматике указано, что «вне этого соединения союз *добро бы* встречается редко» [14, с. 567]. Е. С. Грецкая также отметила, что при отсутствии *а то* утрачивается союзное значение, и в ее материалах не найдено ни одного предложения без *а то* [8, с. 31]. Однако в наших материалах 166 высказываний из 483 имеют компонент *а то*, тогда как в остальных 317 высказываниях компонент *а то* отсутствует.

3. Близко к предыдущему условно-противительное значение, осложненное субъективно-модальным значением. Например, в таких конструкциях: *Зампред комитета Госдумы по транспорту Виталий Ефимов предложил запретить пассажирам проносить алкоголь в самолеты. Вроде такой законопроект готовится к внесению в Госдуму. Причина ясна: пьяные дебоши в самолетах, экстренные посадки, чудом спасшиеся пассажиры, пережившие стресс экипажи. Добро бы все пьяные на борту были такими, как интеллигентный Женя из «Иронии судьбы» в исполнении актера Мягкова. Но как бы не так* (Наталия ГРАЧЕВА, Комсомольская правда, 04.02.2013)

В пользу "звездной" команды частично "подрезались", секвестировались и другие расходы бюджета: на медицину, сельское хозяйство, образование. Представители других видов спорта могли сколько угодно жаловаться, а депутаты областной Думы — возмущаться. В областном правительстве их просто не слышали. И **добро бы** бюджетные деньги шли действительно на футбол. **Но**, судя по всему, футбольный клуб моментально превратился в организацию по их "распиливанию" и "осваиванию". По версии следствия, на счета фиктивных фирм якобы за страхование болельщиков на матчах "Сокола" гендиректор переводил деньги, которые были впоследствии растащены — всего растрчено около 100 миллионов рублей! (Куликов Андрей, Труд-7, 24.08.2005);

У нас все сделали в одночасье. Результаты плачевные. Страна обнищала, государство оказалось у разбитого корыта. **Добро бы** при этом появился эффективный собственник. **Но** у нас возник собственник, который переводил деньги на Вергинские острова,

покупал виллы на Лазурном берегу и "Челси" (Ухов Евгений, Труд-7, 13.05.2004).

Структурная специфика таких высказываний заключается в том, что вторая пропозиция оформляется, как правило, самостоятельной предикативной конструкцией. Семантическое отличие – в столкновении реального и возможного миров, в актуализированной оценочно-желательной модальности. Такие предложения, когда остается одна диктумная пропозиция, а вторая «уходит» в модус, отмечены в работе Т. В. Шмелевой [24, с. 103].

В приведенных выше предложениях представлены возможный мир и реальный мир. Возможный мир описан в первом высказывании с союзом *добро бы* как желательный: *все пьяные на борту были такими, как интеллигентный Женя из «Иронии судьбы»; бюджетные деньги шли действительно на футбол; появился эффективный собственник.* Второе высказывание, присоединяемое союзом *но*, раскрывает ситуацию в реальном мире (*футбольный клуб моментально превратился в организацию по их "распиливанию" и "осваиванию"; нас возник собственник, который переводил деньги на Вергинские острова, покупал виллы на Лазурном берегу и "Челси"*) либо дает ей прямую оценку (как *бы не так*). Говорящий дает положительную оценку желаемой ситуации, локализованной в возможном мире, противопоставляя ее ситуации в реальном мире, которую он оценивает негативно.

4. Субъективное модальное значение становится ведущим, когда конструкции, вводимые союзом *добро бы*, употребляются изолированно (60% найденных нами материалов). Прогнозируемая вторая предикативная часть отсутствует.

Например: **Добро бы** вы были записной фельетонщик (К.И. Чуковский);

И добро бы вся проблема была только в цене энергии (Vesti.ru, 25.02.2013);

Мать на трех работах пластается, а они с дружкой голые бегают! Добро бы с девкой! (Михаил Успенский, 2003);

Он не мыслил себя вне России и в повторяющемся сне переползал нейтральную полосу «оттуда-сюда». «Алиби в этой стране,/ сиречь, нахождение вне/ ее и себя самого,/ по мне, невозможней всего./ Страна необычная: тут/ убьют – помереть не дадут./ Живой или мертвый – горбать!/ Добро бы на родину-мать...» (Независимая газета: 2023: 7 сентября).

В таких предложениях нет второго события, что не совпадает с характеристикой семантики условия – биситуативностью. Здесь не только ослабляется значение условия, но и устраняется союзная функция *добро бы*. Остается только модус, только чистое модальное значение – субъективная оценка либо желание говорящего.

Таким образом, союз *добро бы* проявляет не только условные отношения в «чистом виде», он обнаруживает способность обозначать и несобственно-условные отношения: предположительное и условно-противительное. Также данный союз способен приобретать дополнительные модальные оттенки желательности и оценочности.

Выводы. Являясь важнейшим маркером выражения условного отношения, союз играет ключевую роль в формировании семантического и модального значения предложений. Диапазон условных союзов широк: помимо основного подчинительного союза *если (бы)*, который представлен в центральной зоне средств выражения, много союзов находятся в периферийной области. Среди них имеются не только подчинительные, но и сочинительные союзы, союзы нейтральные и стилистически окрашенные. Большинство

условных союзов обладает большим синтаксическим и семантико-прагматическим потенциалом.

Библиография

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука, 1974. 367 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1534 с.
3. Боровских Н.Д. Сложноподчиненные предложения с придаточным условным в русском литературном языке XVIII века. М.: 1972. 177 с.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 776 с.
5. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). / отв. ред. Г. А. Золотова. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
6. Гладкий А.В. О значении союза если // Семиотика и информатика. 1982. Вып. 18. С. 43-73.
7. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 767 с.
8. Грецкая Е.С. Роль подчинительных союзов в формировании модальности сложноподчиненных предложений со значением обусловленности: условные и причинные конструкции. Елец, 2004. 205 с.
9. Кузнецова Л.К. Функционирование сложноподчиненного условного предложения в тексте. Л.: 1987. 222 с.
10. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения: К типологии внутритекстовых отношений / отв. ред. И. И. Ковтунова. М.: Наука, 1986. 199 с.
11. Мигирин В.Н. Язык как система категорий отображения. Кишинев: Штиинца, 1973. 237 с.
12. Нерушева Т. В. Выражение категории условия при помощи средств лексической семантики. Орел, 2003. 165 с.
13. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. // <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 12.11.2023)
14. Русская грамматика: В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. Т. 2. М.: Наука, 1980. 709 с.
15. Семенова И.В. Дериваты союза ЕСЛИ (на материале служебных новообразований, возникших на базе ЕСЛИ). Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2015. 130 с.
16. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): В 10 т. / Гл. ред. Р. И. Аванесов. // <https://archive.org/details/SDRJa1114/SDRJa1114-1/> (дата обращения: 12.11.2023)
17. Тараканова Е.К. Изменения в семантике и структуре сложноподчиненных условных предложений в языке русской поэзии XIX-XX веков. Тула, 2005. 183 с.
18. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. // <https://gufo.me/dict/dal?page=2&letter=a> (дата обращения: 12.11.2023)
19. Толковый словарь русского языка / отв. ред. С. И. Ожегов. // <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 12.11.2023)
20. Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов. М.: Языки славянских культур, 2011. 336 с.
21. Холодов Н.Н. Сложносочиненные предложения в современном русском языке. Смоленск: [б. и.], 1975. 163 с.

22. Храковский В.С. Условные конструкции // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Под ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1996. С. 175-214.
23. Храковский В.С. Типология условных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. Санкт-Петербург: Наука, 1998. 582 с.
24. Шмелева Т.В. Условная конструкция в роли текстовой скрепы // Рациональное и эмоциональное в русском языке. М.: Московский государственный областной университет, 2016. С. 103-106.
25. Шустова Ю.В. Функционирование в тексте предложений со значением потенциальной обусловленности. Липецк, 1999. 176 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Специфика условных союзов в современном русском языке», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей синтаксического строя русского языка, а именно восполнение лакуны - описание условных союзов в грамматике. Отметим, что в академических трудах на сегодняшний момент отсутствует полный / стабильный список союзных средств русского языка.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, а именно к методу обобщения и методу семантического анализа.

Практическим материалом явились словарные статьи союзов в словарях «Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный» и «Большой толковый словарь русского языка», а также Национальный корпус русского языка. К сожалению, автор не уточняет полный объем языкового корпуса и принципы его выборки.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Вводная часть не содержит историографии изучаемого вопроса, что не позволяет в полной мере выявить авторский вклад в изучение научной проблемы.

Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 25 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к работам зарубежных исследователей несомненно, обогатило бы рецензируемую статью. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и

целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком.

Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теоретической грамматике, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Специфика условных союзов в современном русском языке» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Костоева А.М. — Жанровые особенности исторических преданий ингушей // Litera. – 2023. – № 12. – С. 431 - 438. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69423 EDN: LZCSSK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69423

Жанровые особенности исторических преданий ингушей

Костоева Айшат Магомедовна

научный сотрудник, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Э.
Ахриева, г. Магас, Россия

386001, Россия, республика Ингушетия, г. Магас, ул. Мальсагова, 11

✉ a-kostoeva1@mail.ru

[Статья из рубрики "Фольклор"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69423

EDN:

LZCSSK

Дата направления статьи в редакцию:

23-12-2023

Дата публикации:

30-12-2023

Аннотация: Автором подробно рассматриваются особенности разновидности ингушской прозы – исторических преданий. В ходе анализа жанровых особенностей устных народных исторических сказаний, основанных на определенных исторических фактах, выявлено, что, несмотря на наличие элементов преувеличения, приукрашивания, в основном в них доминирует установка на достоверность. Ингуши имеют богатую историю и уникальную красочную культуру. Изучение народных традиций и истории Ингушетии – важный способ сохранения исторического наследия, древние корни которого связаны со скифами и племенами Северного Кавказа. Сегодня ингуши сохраняют свои традиции и культуру. Учитывая особенности исторических традиций ингушского народа, анализируются группы исторических преданий, отражающие его историческое прошлое. В исследовании также дается краткое описание некоторых текстов исторических преданий. Методология исследования основана на текстовом анализе с использованием сравнительной типологии, сравнительной истории и вариационных методов. Особым

вкладом автора в изучение темы является то, что он проводит изучение жанра исторического предания в историко-культурном контексте. В статье показано, что идеализация героев этих произведений со временем претерпела существенные изменения и что события концентрируются вокруг исторических героев, которые независимо от своего социального положения предстают чаще всего в идеальном свете. Но на смену почти сказочных богатырей пришли персонажи, близкие к действительности. Здесь очевидна тенденция в художественном творчестве сказителей, стремившихся отобразить события героико-исторического плана с установкой на достоверность. В современных условиях, когда в обществе чрезвычайно возрастает стремление к становлению культуры, обращение к исторической памяти предков приобретает особое значение. Исторические традиции Ингушетии, зафиксированные разными собирателями фольклора в разные эпохи, ценны не только для исследователей устного творчества, но и для историков. Это истории о произошедших важных событиях, о людях с иллюстрированными биографиями или о тех, кто сыграл памятную роль в судьбе народа.

Ключевые слова:

фольклор, ингушский народ, культура, традиции, устная проза, исторические предания, устные рассказы, народные представления, реальные исторические события, реальные действующие лица

Изучение культурного комплекса и истории конкретных народов – одна из главных и постоянных задач этнографической науки. Однако ее решение возможно только при наличии широкой источниковой базы материалов археологических и антропологических исследований, солидного массива письменных источников. К письменным источникам относится и устная народная проза, которая занимает в этом списке особое место, поскольку только благодаря ей можно фиксировать и анализировать этапы развития культуры и истории конкретного народа [\[1; 2; 3, с. 176-195; 4; 5\]](#).

Устная народная проза представляет собой богатый источник знаний о различных аспектах жизни и культуры народа. Она включает в себя разнообразные трактовки исторических, религиозных, мифологических и бытовых явлений. Народная проза является неформальной историей народа, первоисточником всех исторических познаний. Несомненно, произведения устной народной прозы – это прежде всего художественные произведения [\[5; 6, с. 562-564; 7\]](#). Однако велика их роль и в изучении истории народа. Аникин отмечает, что «Область устной прозы характеризуется соединением исторической, бытовой, религиозной (самобытной мирской и христианской) и художественной трактовок жизненных тем» [\[2, стр. 271\]](#). В устной народной прозе можно найти множество исторических сведений, которые зачастую утрачиваются со временем. Многие из них просто не получают должного признания и не фиксируются как исторические факты [\[6, с. 562-564; 8\]](#).

Устная народная проза делится на два основных вида: сказочная и несказочная. Произведения несказочной прозы, это устные рассказы с установкой на достоверность, включающая в себя мифы, легенды, предания, былички, сказы, фабулаты и мемораты, в которых встречаются уже ставшими архаизмами, лексемы – является значимым и содержательным компонентом фольклора [\[6, с. 562-564; 8; 9, с. 26-33; 10, с. 317-322\]](#).

Характер и степень историзма устных рассказов определяется по-разному. В одних – изображаются подлинные исторические люди и события (исторические предания), в других же – ключевая роль отводится отображению жизни и быта народа во все эпохи его существования (социально-бытовые и религиозные предания). Если говорить об историзме несказочной прозы, то, в первую очередь, надо отметить предания. Этот жанр словесного творчества многими фольклористами признан как устный рассказ о достоверных событиях прошлого. Соколова В. К. отмечает, что «предания удовлетворяют потребности народа осмыслить свое прошлое и настоящее» [\[7, с. 9\]](#). Советский ученый С. Н. Азбелев предание определяет как «созданный устно, имеющий установку на достоверность эпический прозаический рассказ, основное содержание которого составляет описание реальных или вполне возможных фактов» [\[11; 11-12\]](#).

Определяя специфику преданий, Аникин В. П. пишет следующее: «В преданиях говорят о достоверных событиях истории, деяниях реально живших людей, происхождении названий городов, сел, урочищ, курганов и пр. Предание дает объяснение событиям и фактам» [\[2; с. 271\]](#). Рассматривая жанровые особенности легенд и преданий, ученый-фольклорист А. О. Мальсагов пишет, что «Народ воспринимает легенду и предание как свою прошлую эпическую историю» [\[12, с.16\]](#).

Историческое предание – это рассказ или повествование, передаваемое из поколения в поколение, которое содержит информацию о прошлых событиях, людях и обычаях, дает интерпретацию тех или иных исторических событий и причин их возникновения. Главная задача исторических преданий – передать информацию, ключевое место в них отводится действиям, событиям, лицам. Художественная составляющая отходит на второй план. Также важным признаком этих преданий является присутствие в них диалога, что придает им живость и драматизм [\[7; 12, с.16; 13; 14, с. 67-71\]](#).

Поводом для возникновения исторических преданий служат конкретные исторические события или лица. Они не основаны на вымышленных сюжетах, к примеру, как сказки, а изображают историческое прошлое, только впоследствии эта историчность теряется. Чем древнее предание, тем менее оно исторично, так как, передаваясь от поколения к поколению, теряет свой первоначальный вид. Происходит это по причине того, что народу свойственно преувеличивать услышанное, вносить какие-то коррективы в сюжет рассказа, как правило, с целью убеждения слушателя в правдивости рассказываемого. Нередко мы сталкиваемся с тем, что сюжет предания искажен полностью, т. е. от начальной версии остались лишь незначительные факты [\[15, 16\]](#).

Предание основывается на реальных фактах и событиях, которые в каждую новую эпоху претерпевают изменения согласно представлениям и потребностям рассказчиков и слушателей.

Исторические предания, как жанр, повествующий о прошлом народа, характеризуются использованием хронологических рамок, этнонимов или указаний на принадлежность героев к определенной группе или местности. Оно является одним из основных источников информации о прошлом и помогает понять, как развивалась и формировалась культура и история народа. Поэтому предания и сказания исторического характера, наряду с другими фольклорными, этнографическими и историческими материалами являются ценным источником информации об особенностях жизни наших предков. Подчеркивая роль фольклора в изучении народов, прежде всего, нужно говорить, об эпических жанрах фольклора, в частности, предания, связанные с историей народа [\[16\]](#).

Дахкильгов И. А. в своей монографии «Исторический фольклор ингушей и чеченцев» произведения исторического характера разделил на три вида: «произведения, в которых отразились конкретные исторические персонажи и события. И, таким образом, более историчные; произведения, в которых историческое отходит на второй план и выдвигается выражение идей и чаяний людей, живших в определенную эпоху; произведения псевдоисторические в нашем понимании, но не представляющие таковыми, по мнению информаторов» [\[17, с. 342\]](#). Далгат У. Б. в монографической работе «Героический эпос чеченцев и ингушей», которая является первым научным трудом об историческом фольклоре вайнахов, анализирует лишь некоторые разновидности преданий: о местных богатырях, о борьбе за землю и о Тамерлане [\[18\]](#).

Если анализировать предания об исторических лицах и событиях, то здесь наиболее известными являются повествования о Тамерлане (Тимуре хромом), царице Тамаре, царе Ираклии, имаме Шамиле, а также о местных исторических лицах (Уциг Малсаге, Зелимхане, Варе, Суламбеке и других).

В фольклорных текстах об исторических личностях определяющей становится народная оценка данного персонажа. В этой оценке зачастую происходит несоответствие исторического факта, действий исторической личности в их реальном проявлении и фольклорной трактовке. Историческое событие, ставшее предметом повествования в этих преданиях, не рассматривается как подлинный, достоверный факт, так как предание, повествующее о древнем историческом событии, подвергается искажению.

Исторические сказания Ингушетии повествуют о множестве войн, которые велись на этой земле. Одной из самых известных битв является сражение под городом между ингушами и амирами в XIV веке. Согласно легенде, амиры обратились к своим дружественным народам для помощи в сражении с ингушами. Однако ингуши умели уникальным образом использовать местность, и благодаря этому они одержали победу, отразив атаки амиров и их союзников.

Еще одно знаменитое сражение – битва над Арштой, происходившая в XVIII веке. По преданию, ингуши потеряли преимущество во время сражения, но благодаря тактическому гению их вождя, они сумели повернуть ход войны в свою пользу и одержать победу.

Традиции, отражающие в своем повествовании мысли и желания людей, их моральные и этические ценности, также являются историческими. Например: Миф о строительстве Башни Цуровых. Оно гласит так:

«Чур и его четверо детей жили в Джерах: Век, Чур, Аршха. Имя вашего четвертого брата забыли. В древности на склонах холмов, на которых стоит Джерах, не было лесов. А на другой стороне ущелья был огромный лес. Сегодня, наоборот, лес растет на другой стороне, а там, где был лес, – пастбища большие раскинулись.

Чур отправился на охоту на склоны этого старого леса. В лесу он увидел мужчину, который доил женщину. Чур стрелял в животное, а не в человека. Стрела попала в оленя, и мужчина убежал в лес, бросив свою доильную кружку. Чур взял его и увидел, что она сделана из золота.

Братья согласились построить боевые башни. Они поставили чашу на землю и начали строить над ней башню. Они исходят от вашего нанятого строителя из галгаевцев. Он согласился построить башню за шестьдесят быков и коров в возрасте от трех до четырех

лет. Мастер, достроив башню, сказал, что не спустится на землю, пока в дополнение к оговоренной плате не подарят еще одну корову. Его просьбу было исполнено, потому что, по обычаю, в таких случаях владельцы несут ответственность за гибель людей во время строительства и могут отомстить кровью. Получив разрешение, хозяин настоял, чтобы все перебрались на другую сторону ущелья, а коровы, выделенные ему для работы, остались с левой стороны. Он выполнил просьбу мастера, и ему было позволено спокойно уйти».

Как видим, данное историческое предание с неясно выраженной исторической основой выполняют, помимо информационной, познавательной, еще и воспитательную функцию. И, возможно, потомки тех людей, которые творили историю в прошлые столетия, имеют право рассказывать и гордиться ими, и передавать из уст в уста. Анализ произведений исторических преданий, позволяет выяснить характер оценки народом определенного исторического события, какой бы противоречивой она не была.

Исторические предания также отображают историческое прошлое народа, но с этнографической точки зрения. В них очень ярко и образно показан национальный колорит. Повествуют они о людях, прославившихся в обществе своими благородными или героическими поступками. К таким можно отнести предание, широко известное в ингушском обществе, об избрании князя у ингушей. Согласно данному преданию, в давние времена ингуши, решив избрать себе князя, созвали самых уважаемых людей на совет. Долго совещались старейшины, но не могли прийти к согласию. Тогда явился на сход уважаемый ингуш по имени Газд, одетый в роскошную шелковую одежду, опоясанную грязным ослиным ремнем. Продемонстрировав тем самым, что раб и князь не идет к ингушам, как этот ослиный пояс не идет к его одежде. Здесь показаны мудрость и величие народа. Надо отметить, что в рассматриваемом цикле преданий встречается гиперболизация личных качеств героев, что делается с целью возвеличивания народа [\[19; 20\]](#).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что главной отличительной особенностью преданий является изображение исторического прошлого. Также отличительной особенностью рассматриваемого жанра является ретроспективность, обращенность в прошлое. Отношение к прошлому выражается по-разному. Если старшее поколение и допускает правдивость описываемого события, то молодежь относится к нему с некоторым недоверием.

Исторические предания, как и другие жанры фольклора, включают в сферу своего художественного изображения историческое прошлое народа, его мировоззрение и духовно-нравственные ценности. Они отражают историческую и духовную жизнь народа. Они ценны не только для изучения фольклористики, но также и для изучения истории и культуры этноса. Основные положения, результаты и выводы диссертации могут быть использованы при разработке теоретических материалов по истории ингушского фольклора и его жанров, в изучении проблем этногенеза, истории, этнографии, истории культуры ингушского народа.

Они могут быть использованы также в курсах вузовских лекций, школьных занятий, при написании учебников и составлении программ по устному народному творчеству. Материалы исследования могут быть полезными в нравственном и патриотическом воспитании молодежи.

Библиография

1. Емельянов, Л. И. (1978) *Методологические вопросы фольклористики*. Л.: Наука,

1978. 206 с.
2. Аникин В. П. (2004) *Русское устное народное творчество*. М., «Высшая школа»: 2004. 271 с.
 3. Азбелев С. Н. (1966) *Проблемы международной систематизации преданий и легенд* // Русский фольклор. М., Л.: Наука, 1966. С. 176-195.
 4. Азбелев С. Н. (1982) *Историзм былин и специфика фольклора*. Л.: Наука, 1982. 327 с.
 5. Криничная Н.А. (1987) *Русская народная историческая проза: Вопрос генезиса и структуры*. Л.: Наука, 1987. 227 с.
 6. Оцомиева-Тагирова З. М., Шихалиева С. Х., Ганиева Ф. А., Темирбулатова С. М. (2019) *Лингвокультурная специфика имени собственного в фольклорных текстах (на материале анализа языков Дагестана)* // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 562-564.
 7. Соколова В. К. (1970) *Русские исторические предания*. Москва: Наука, 1970. 288 с.
 8. Чистов К. В. (1964) К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. М.: Наука, 1964. 176 с.
 9. Оцомиева-Тагирова З. М., Юсупов Х. А. (2023) *Новое в лексикографии архаизмов дагестанских языков – аварского и даргинского* // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2023. № 6. С. 26-33.
 10. Тагирова З. М. (2008) *Диалектный материал в ареальном освещении* // В сборнике: Кавказские языки: генетические, типологические и ареальные связи. Материалы международной научной конференции. 2008. С. 317-322.
 11. Азбелев С. Н. (1965) *Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров)* // Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965 с. 11-12
 12. Мальсагов А. О., Алиева А. И. (1983) *Сказки и легенды ингушей и чеченцев*. М., Изд-во «Наука», 1983. 383 с.
 13. Алимйрзаева З. А. (2004) *Историзм и художественность табасаранцев*. Махачкала, 2004. 164 с.
 14. Гилязутдинов С. М. (1998) *Предания – источник познания* // Научный Татарстан. 1998. № 1. С. 67-71.
 15. Приказчикова Ю. В. (2002) *Историческая проза Вятского края (региональная специфика, мотивы и образы)* // Автореферат дисс. канд. филол. н. Ижевск, 2002. 23 с.
 16. Есин Е. А. (1998) *Принципы и приемы анализа литературного произведения*. М.: Флинта, Наука, 1998. 248 с.
 17. Дахкильгов И. А. (2010) *Исторический фольклор ингушей и чеченцев*. // Антология ингушского фольклора. Нальчик, 2010. Т. 8, вып. 27. 136 с.
 18. Далгат У. Б. (1972) *Героический эпос чеченцев и ингушей*. М., 1972. 467 с.
 19. Дахкильгов И. А. (2013.) *Ингушский нартский эпос*. Нальчик, 2013. 598 с.
 20. Дахкильгов И. А. (2002) *Живительные истоки*. // Ингушские сказки, сказания и предания. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 453 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Приоритет изучения национальных литератур не затмевается, «изучение культурного комплекса и истории конкретных народов – одна из главных и постоянных задач этнографической науки. Однако ее решение возможно только при наличии широкой источниковой базы материалов археологических и антропологических исследований, солидного массива письменных источников». Вариант работы, представленный к публикации, не является исключением, он дополняет сегмент дешифровки исторических преданий ингушей на уровне жанра. Таким образом, предмет исследования актуален, достаточно нов, соотносится с одной из рубрик издания. Отмечу, что стиль данного сочинения соотносится с собственно научным типом: например, это проявляется в следующих фрагментах – «устная народная проза представляет собой богатый источник знаний о различных аспектах жизни и культуры народа. Она включает в себя разнообразные трактовки исторических, религиозных, мифологических и бытовых явлений. Народная проза является неформальной историей народа, первоисточником всех исторических познаний», или «характер и степень историзма устных рассказов определяется по-разному. В одних – изображаются подлинные исторические люди и события (исторические предания), в других же – ключевая роль отводится отображению жизни и быта народа во все эпохи его существования (социально-бытовые и религиозные предания). Если говорить об историзме несказочной прозы, то, в первую очередь, надо отметить предания», или «историческое предание – это рассказ или повествование, передаваемое из поколения в поколение, которое содержит информацию о прошлых событиях, людях и обычаях, дает интерпретацию тех или иных исторических событий и причин их возникновения. Главная задача исторических преданий – передать информацию, ключевое место в них отводится действиям, событиям, лицам. Художественная составляющая отходит на второй план» и т.д. Работа в должной степени информативна, содержательна, ее можно продуктивно использовать на занятиях гуманитарной направленности. Аналитическая составляющая превалирует в данном труде, собственно это и говорит о качественной разверстке темы. Суждения по ходу исследования объективны, серьезных фактических нарушений не выявлено: «если анализировать предания об исторических лицах и событиях, то здесь наиболее известными являются повествования о Тамерлане (Тимуре хромом), царице Тамаре, царе Ираклии, имаме Шамиле, а также о местных исторических лицах (Уциг Малсаге, Зелимхане, Варе, Суламбеке и других). В фольклорных текстах об исторических личностях определяющей становится народная оценка данного персонажа. В этой оценке зачастую происходит несоответствие исторического факта, действий исторической личности в их реальном проявлении и фольклорной трактовке. Историческое событие, ставшее предметом повествования в этих преданиях, не рассматривается как подлинный, достоверный факт, так как предание, повествующее о древнем историческом событии, подвергается искажению». Иллюстративный фон достаточен: «Братья согласились построить боевые башни. Они поставили чашу на землю и начали строить над ней башню. Они исходят от вашего нанятого строителя из галгаевцев. Он согласился построить башню за шестьдесят быков и коров в возрасте от трех до четырех лет. Мастер, достроив башню, сказал, что не спустится на землю, пока в дополнение к оговоренной плате не подарят еще одну корову. Его просьбу было исполнено, потому что, по обычаю, в таких случаях владельцы несут ответственность за гибель людей во время строительства и могут отомстить кровью. Получив разрешение, хозяин настоял, чтобы все перебрались на другую сторону ущелья, а коровы, выделенные ему для работы, остались с левой стороны. Он выполнил просьбу мастера, и ему было позволено спокойно уйти...». Думаю, что основной сегмент задач все же решен, автору удастся аргументировать свою точку зрения на предмет изучения,

промаркировать мысль, что «исторические предания также отображают историческое прошлое народа, но с этнографической точки зрения. В них очень ярко и образно показан национальный колорит...», «главной отличительной особенностью преданий является изображение исторического прошлого. Также отличительной особенностью рассматриваемого жанра является ретроспективность, обращенность в прошлое. Отношение к прошлому выражается по-разному. Если старшее поколение и допускает правдивость описываемого события, то молодежь относится к нему с некоторым недоверием. Исторические предания, как и другие жанры фольклора, включают в сферу своего художественного изображения историческое прошлое народа, его мировоззрение и духовно-нравственные ценности». Следовательно, работа имеет законченный вид, текст не нуждается в дополнении и правке, основные требования издания учтены; цель статьи достигнута, изучаемый вопрос раскрыт. Рекомендую статью «Жанровые особенности исторических преданий ингушей» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Зипунов А.В., Валганов С.В. — От структуры научного текста к генезису авторской песни 1950-80-х гг. // Litera. — 2023. — № 12. — С. 439 - 460. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.43496 EDN: MAAAAK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43496

От структуры научного текста к генезису авторской песни 1950-80-х гг.

Зипунов Андрей Вячеславович

аспирант, кафедра истории журналистики и литературы, Московский университет имени А.С. Грибоедова

111024, Россия, г. Москва, шоссе Энтузиастов, 21

✉ andzip@mail.ru

Валганов Сергей Владимирович

старший научный сотрудник, АНО «Мегалитический клуб»

117292, Россия, г. Москва, пр-т Нахимовский, 52/27

✉ volkman00@ya.ru

[Статья из рубрики "Интерпретация"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.43496

EDN:

MAAAAAK

Дата направления статьи в редакцию:

03-07-2023

Дата публикации:

30-12-2023

Аннотация: Задачей работы является прояснение некоторых спорных вопросов происхождения такого социально-культурного явления, как авторская (самодетельная) песня. При этом явление рассматривается как неразрывная система «авторы-слушатели». Ранее в результате сравнительного анализа различных песенных

направлений СССР было выявлено, что макроструктура диалектической оппозиции «частное-всеобщее» в авторской песне стабильно встречается намного чаще, чем в остальных. Выдвигается гипотеза о порождении авторской песни из набирающей силу среды научно-технической интеллигенции. Для подтверждения гипотезы проводится краткий анализ серии научных текстов в контексте выявления структур «частное-всеобщее». Из современной научной традиции выбрана статья по археологии Кавказа В.А.Трифонов. Для филологического исследования наиболее ранних научных авторских текстов выбраны «История» Геродота, «История Пелопоннесской войны» Фукидида, «Греческая история» и «Лакедемонская политика» Ксенофонта, «Исторические записки» Сыма Цяня, а также «Восьмикнижие» Панини. В итоге показано, что структурная ритмика «частное-всеобщее» характерна для всей научной традиции с самого ее появления и ее наличие является кросс-культурным инвариантом. Более того, она является неотъемлемой частью и проявлением стилистики научного мышления, что отражается на всей социальной общности, определяющей авторскую песню. Влияние искомых структур на выбор текстов сторонних авторов показано на примере творчества А.Мирзаяна. Таким образом, описана условная механика образования культурного явления. Верификация выводов проведена с помощью наложения динамики количества ученых и разработчиков в стране на выявленную ранее динамику порождений произведений авторской песни. Выявленная заметная корреляция после соединения с описанными результатами структурного анализа переводит ее в ранг зависимости. Затем проводится дальнейшее соединение концепции с имеющимися социологическими работами по генезису российской и советской интеллигенции.

Ключевые слова:

авторская песня, системный анализ, структурный анализ, структурная семиотика, научный текст, Панини, Геродот, Сыма Цянь, Лотман, Фукидид

Происхождение любого культурного направления является, безусловно, одним из центральных вопросов комплексного исследования явления. И чем многограннее культурное явление, тем больше дискуссий и разночтений оно вызывает. Не обошла эта проблема и вариаций на тему генезиса авторской (самодетальной, бардовской) песни как со стороны самих авторов произведений, так и со стороны научного сообщества. В силу того, что ранее к текстам авторской песни был достаточно результативно применен новый метод макросемантических категориальных структур [\[14\]](#), возникла идея применить его и здесь, т. е. к проблематике порождения культурного направления как системного явления. Некоторый оптимизм подхода вызывают обнаружение и временная фиксация фундаментальных изменений в означенном направлении с помощью, по сути, чисто филологического инструментария.

Вопрос о происхождении авторской песни был впервые поставлен в диссертационном исследовании искусствоведа М.В.Каманкиной [\[21\]](#) «Самодетальная авторская песня 1950-70-х годов (к проблеме типологии и эволюции жанра)» (1989). На основе анализа произведений В.Высоцкого истоки направления прослеживаются в блатных песнях. Кроме того, касательно формы, отмечалась специфическая театральность направления, заимствованная из творчества А.Вертинского.

В 2000-м году филолог И.А.Соколова в работе «Формирование авторской песни в русской поэзии (1950-1960-е гг.)» [\[41\]](#) добавляет к возможным истокам направления

городской романс, а также русский фольклор [\[11\]](#). Далее культуролог Е.Н.Хомутова в работе «Феномен авторской песни в отечественной культуре середины XX века» (2002) [\[48\]](#) делает акцент на параллели со средневековой песенной традицией, отмечая оппозиционный крен авторского направления. В том же контексте рассматривается и романтическая составляющая авторской песни, создающая своеобразный синтез современных ценностей и так называемых вечных ценностей. В 2008 году филолог И.Б.Ничипоров [\[33\]](#) обращается к чисто русским истокам, пристально анализируя черты элегии, элементы романтизма и фольклора. В 2011 году культуролог О.В.Янковская [\[49\]](#) рассматривает авторскую песню как синтез народной культуры Древней Руси и европейского романса. При этом советские барды интерпретируются как современные юродивые, народные обличители.

Иногда авторская песня рассматривается как чисто молодежное явление, при этом проводятся аналогии с западными движениями, например, хиппи. Так, например, в 1997 году С.П.Распутина рассматривает авторскую песню как движение, основу которого составляла молодежь с либеральными взглядами [\[38\]](#). По мнению исследователя, для данной социальной группы характерны всечеловеческий гуманизм, ценности самостийной частной жизни и некий «деполитизированный патриотизм». Однако параллели с западными социально-культурными молодежными течениями не убедительны, т. к. истинно молодежное движение существует вне контекста уровня образования и всегда захватывает старших школьников, что отсутствовало в конкретике движения авторской песни. В отличие от, например, русского рока. К тому же, можно заметить, что к моменту зарождения авторской песни множество известных бардов вышли даже из студенческого возраста (например, М.Анчаров, Б.Окуджава, А.Галич). Кроме того, некоторые из них придерживались просоветских взглядов (например, Н.Матвеева и родоначальник авторской песни М.Анчаров [\[2; 13\]](#)).

В дополнение отметим, что проходящая красной нитью через многие работы интерпретация авторской песни как исключительно протестного или оппозиционного движения вызывает существенные сомнения. Можно набрать целую серию песен, которые сложно отнести к протестным (например, «Я приглашаю вас в леса» А.Якушевой и Ю.Визбора, «Слово «товарищ» и «Песня о России» М.Анчарова). Причем советская система иногда продвигала творчество некоторых бардов и на официальной основе. Так, общественно-политическая газета «Комсомольская правда» публиковала работы Н.Матвеевой, часть из которых становились бардовскими произведениями (например, «Киплингу») [\[31\]](#). Кроме того, в 1969 году вышла в печать антология авторской песни «Как надежна земля» [\[20\]](#). Также не стоит забывать, что некоторые авторы записывали для кинофильмов песни, вызвавшие резонанс не только в бардовском кругу (например, «Александра» Ю.Визбора, С.Никитина, Д.Сухарева для к/ф «Москва слезам не верит», «Нам нужна одна победа» Б.Окуджавы для к/ф «Белорусский вокзал»). Фактически, если оставить за скобками весьма специфическую вторую половину 80-х, однозначно и бесспорно фрондирующими популярными авторами можно назвать лишь А.Галича и А.Мирзаяна.

Несложно заметить, что, оставляя за скобками некоторую противоречивость перечисленных концепций, все они представляют собой попытку выставить генезис песенного направления как развитие идей. И собственно, обходят стороной вопрос о том, почему данный, весьма неординарный всплеск самодеятельного творчества произошел именно во второй половине 50-х годов прошлого века. Почему он не начался ранее или позднее? Почему он вообще произошел и, симметрично, почему исчез,

растворился как массовое культурное явление? Например, зачинатель направления фронтовик Михаил Анчаров писал и исполнял песни в узком кругу еще в 30-х годах. Однако цепная реакция из новых авторов и исполнителей возникла лишь через двадцать лет. Тогда, чтобы продвинуться дальше, попробуем свести воедино имеющиеся стартовые позиции, полученные к настоящему моменту в наших исследованиях.

1) Ранее с помощью сравнительного текстового анализа авторской песни, русского рока и советской эстрадной песни методом макросемантических категориальных структур была показана принципиально иная реакция на социально-исторические процессы искомого направления [17]. Напомним, что анализ осуществлялся с помощью выявления двух фундаментальных оппозиций «частное-всеобщее» и «порядок-хаос» с элементами тематических характеристик. Иное поведение, прослеживающееся в динамике, отразилось, к примеру, на отсутствии крена авторской песни к параметрам рыночной поп-культуры, что произошло как с самобытным русским роком, так и с изначально советской эстрадой.

2) Акцентированный анализ динамики количества выявленных структур по 487 популярным произведениям позволил определить кризисный, бифуркационный период в авторской песне как в системе «авторы-исполнители-слушатели» [14]. А компаративный анализ по 768 произведениям разных направлений в дальнейшем лишь углубил его интерпретацию [17]. Таким образом была показана возможность применения комплексного структурно-семиотического филологического инструментария к системам культура-социум.

3) Неоднократные высказывания самих акторов движения указывают на некую интеллигенцию или интеллектуалов [35; 28]. Однако интеллектуалы бывают разные, что толкает нас в сторону необходимости сужения потенциального множества. Возможность специфической идентификации, не сводимой к условным возрастным, гендерным или территориальным фильтрам, показывалась ранее на основе принципиально иных реакций диалектических структурных показателей на динамику социальных событий [17].

Напомним некоторые положения применяемого далее нового филологического инструмента. Пусть текст возможно разбить на некоторые блоки, обладающие неким смысловым единством. Присвоим им обозначения, знаки, которые могут принимать только три значения - «да», «нет» и «неопределенность». Тогда, выдвинув гипотезу о наличии в тексте двух противоположных смыслов, тенденций, мы сможем попытаться присвоить каждому знаку одно из названных значений. Таким образом относительно заявленной дихотомии мы получим некую предельно простую структуру текста в виде чередования смыслов, или отсутствие чередования, или же обнаружим полную неопределенность. Исследовав достаточно большую и корректно составленную выборку датированных произведений, мы сможем судить о тех или иных тенденциях в текстовом направлении, жанре или творчестве определенного автора. Описанный подход и был назван методом макросемантических категориальных структур.

Песенное творчество из-за суперпозиции текстовой и музыкальной ритмик оказалось наиболее подходящим полигоном для апробации данного подхода. Еще Ю.М.Лотман [29] отмечал, что выделяемые структурно и ритмически текстовые блоки размером порядка строфы поэтических произведений обладают особым семантическим и эмоциональным единством. Тогда можно попытаться обобщить смыслы этих элементов до уровня философских категорий. В нашем контексте это будет диалектическая пара «частное-всеобщее».

Данный категориальный семантический ритм есть достаточно широкое обобщение, включающее не только диалектические вариации «великое-низкое», «возвышенное-приземленное», «общественное-личное», но и «множественное-единичное», «общее-частное» и прочие. Работа этими оппозициями и есть суть успешной продуктивной научной деятельности (индуктивной и дедуктивной), деятельности конструктора, разработчика. Без нее ученого просто нет. В других же областях человеческой деятельности такое возможно, заставляя использовать данную дихотомию лишь от случая к случаю. Теперь вспомним, что доля резонансных произведений, обладающих структурой «частное-всеобщее», в авторской песне - 43% (из 487 песен), в советской эстраде - 14% (из 181 песен), в русском роке - падение с 55% до 14% (по 100 произведениям) [\[17\]](#).

Тогда сформулируем гипотезу: авторская песня есть плод развития социальной группы ученых и разработчиков, т. е. научно-технической интеллигенции. Такое культурное сообщество есть некий непротиворечивый сплав, симфония авторов, исполнителей и слушателей, поклонников, сильно размытое на краях. Авторы, попавшие в резонанс с сообществом, порождают новых исполнителей и подталкивают новых авторов из той же среды поклонников. При этом размытость множества на краях означает то, что многие поклонники могут радоваться еще и року, джазу, народным мотивам и элементам господствующей в общей системе советской эстрадной песне.

Для простоты разделим искомое культурное поле на две составляющие — авторов и поклонников, т. е. резонирующую среду. Последняя и есть среда ученых и разработчиков. Попробуем применить к этой среде имеющийся филологический структурный инструментарий. Одним из способов, которым данное сообщество общается как с собой, так и с остальным социумом есть тексты научных работ. Поскольку ранее было обнаружено, что структура «частное-всеобщее» в текстах авторской песни в среднем кратно превышает соответствующие значения для других песенных направлений, то попробуем выявить ее и в научных работах.

Для примера возьмем статью из пограничной гуманитарным и естественнонаучным подходам науки — археологии. Пусть это будет полемическая работа В.А.Трифоновой «Происхождение керамического комплекса «дольменной» культуры эпохи бронзы» [\[45\]](#). Заметим, что для нашего категориального структурного анализа нет необходимости погружаться в специфику узкого научного направления. Достаточно понимать русский язык.

В короткой статье по проблеме происхождения известной археологической культуры три больших блока. Первый блок, обозначенный как «введение» — историография и постановка проблемы. Второй блок, занимающий большую часть статьи, и есть само тело работы. Он посвящен раскопкам археолога М.Рысина, специфическим находкам керамики и их аналогам, обсуждению частных предположений как М.Рысина, так и самого автора на эту же тему. Последний блок («Восточно-Причерноморская культурная провинция») есть синтез, обобщение обсуждения и постановка нескольких предположений, которые будут влиять на стратегию дальнейших исследований. Таким образом, в терминологии макросемантической оппозиции «частное-всеобщее» мы можем обозначить имеющуюся структуру как «всеобщее» (блок 1), «частное» (блок 2) и снова «всеобщее» (блок 3).

В принципе, на этом шаге семантический анализ можно было бы и завершить, поскольку структура выявлена. Однако архитектура научных работ явно глубже, чем мы обозначили, и потому для иллюстрации разберем отдельно первый блок, введение.

Блок достаточно очевидно делится на 4 смысловые части. Три первых — это условные текстовые модули, связанные с историей археологических исследований трех археологов — В.И.Марковина, Л.Н.Соловьева и М.Б.Рысина. Последний модуль — собственно обобщение проблематики, связанной с дольменной культурой и постановка задачи для дальнейшего обсуждения. Т. е. последний модуль есть явное «всеобщее». Но вернемся к именным модулям. Каждый из них, несмотря на разный размер, можно условно разделить на две части. Модули первых двух археологов, В.И.Марковина и Л.Н.Соловьева, начинаются с обобщения их достижений и утверждений, а заканчиваются конкретными примерами из раскопок (модуль В.И.Марковина) или конкретной неудачи в обобщениях (модуль Л.Н.Соловьева). Т. е. здесь каждый модуль можно структурно обобщить до связки «всеобщее-частное». Третий авторский модуль М.Б.Рысина, наоборот, начинается с описания относительно новых конкретных результатов раскопок («частное») и завершается кратким обобщением их значения для дольменной культуры Кавказа («всеобщее»). Тогда весь блок введения разбивается на структурные элементы следующим образом: «всеобщее» (блок 1, введение) > («всеобщее»-«частное», модуль Марковина) — («всеобщее»-«частное», модуль Соловьева) — («частное»-«всеобщее», модуль Рысина) — («всеобщее», финальный модуль). Или, с учетом правила поглощения соседних одноименных блоков [\[16\]](#), в укороченном виде можно представить как В-Ч-В-Ч-В.

Как мы видим, современный научный текст достаточно однозначно подвергается простейшему диалектическому структурному разбиению. При этом здесь мы видим новый элемент — структурную вложенность, не характерную для стихотворной песенной формы. Понятно, что мы сейчас рассматривали лишь небольшую полемическую статью, в которой наличествуют только два уровня разбиения. В больших формах научных текстов (монографии, учебники) мы сможем увидеть гораздо больше уровней вложенности. Особое внимание привлекает то, что минимальные, уже неделимые блоки имеют примерно тот же размер в словах, что и стихотворные, т. е. размер порядка строфы.

В принципе, мы только что увидели практически банальность. Логические качели вида «утверждение — набор частных иллюстраций», «общее предположение — частный контрпример», «перебор частных возможностей — обобщенный вывод» и прочее, как частные случаи ритма «частное-всеобщее», являются неотъемлемой структурой коммуникации, принятой в научном сообществе. Мы лишь обобщили эти схемы до самого предела, до уровня философских категорий, не более. Еще раз: любая научная работа даже на первый, мимолетный, взгляд содержит как минимум вступление с элементами историографии и постановки проблемы, самого тела исследования и неких выводов в виде обобщений, новых утверждений, перспектив, т. е. одноуровневая структура «всеобщее-частное-всеобщее» присутствует всегда.

Возникает очевидный закономерный вопрос: когда эта диалектическая макроструктура проявилась? Раз мы уже выяснили, что она неотделима от любой современной научной работы, то имеет смысл обратиться к самым истокам. Если мы определим науку как изучение и осмысление объективной реальности, то приоритет в Древней Греции, по крайней мере, следует отдать историкам, тексты которых дошли до нас не в отрывочном пересказе и не фрагментарно. Иначе, очевидно, филологический анализ станет слишком неоднозначным.

Предварительно заметим, что для обнаружения искомых структур сейчас нет необходимости разбирать весь текст произведения. Для наших целей достаточно эти структуры выявить и, возможно, определить их характер. Более глубокие исследования

до поры можно вынести за скобки. Итак, Древняя Греция, V век до н. э.

Сначала обратимся к «Истории» (или "Истории Древней Греции") Геродота^[8]. С самого начала бросается в глаза блок (Hdt.I.1-5), в котором обсуждается полумифическая история Лидии, причины исторических конфликтов, причем с элементами историографии. Относительно остальной части первой книги «Клио» его можно считать в нашей терминологии «всеобщим», а оставшуюся часть — собственно телом исследования, «частным». Однако, если вчитаться, уже это введение, в свою очередь, разбивается на модули следующего уровня. Самое начало первого параграфа есть краткое изложение целей исследования, тогда как остальная часть посвящена версии похищения Ио, т. е. мы здесь видим связку «всеобщее-частное». Следующие два параграфа (I.2-3) кратко описывают дальнейшие истории взаимных похищений Ио, Медеи и Елены, что позволяет нам обозначить их как относительно «частное». Следующий параграф (I.4) обобщает истории похищений, а дальше (I.5) автор плавно переходит к некоторому обобщению своей позиции как автора истории. В итоге получаем следующее разбиение введения: «всеобщее» (блок 1) > («всеобщее»-«частное», I.1) — («частное», I.2-3) — («всеобщее», I.4-5). Как видим, уже первая историческая научная работа обладает двухуровневой диалектической структурой. Однако она не является устойчивой — далее начинается достаточно линейное повествование с очень редкими блоками обобщений и осмыслений.

Иной, намного более глубокой, многоуровневой семантической архитектурой обладает «История» (или «История Пелопоннесской войны») Фукидида^[47]. Уже первая книга является, по сути, преддверием, обширным введением ко всей истории военных действий. Здесь есть и историографические блоки, описания, характеристики отдельных городов-полисов и обобщения до всей Эллады, истории отдельных личностей, руководителей и снова обобщения на другом уровне. Лишь многократное вдумчивое прочтение позволяет снимать слой за слоем столь же многократные уровни вложенности логических диалектических цепочек. Заметим, что ранее при анализе песен мы удовлетворялись с избытком двухпроходным алгоритмом^[16], и то далеко не во всех случаях.

Несмотря на то, что наличие искомых структур здесь не вызывает сомнений, мы все-таки сделаем небольшой иллюстративный структурный экскурс на самом нижнем уровне иерархии. На уровне параграфов Фукидид часто использует логическую схему «тезис-раскрытие», т. е. некоторое общее утверждение, а затем его обоснование с помощью конкретных примеров и отдельных соображений. Таковым является уже первый параграф первой книги. Здесь тезисом («всеобщим» в нашей интерпретации) можно обозначить два первых предложения «Фукидид афинянин описал войну пелопоннесцев с афинянами ...» (Thus. I. 1), а все остальное — «А рассудил он так, потому что ...» есть его раскрытие («частное»). И далее, во втором параграфе читаем тезис «... страна, называемая ныне Элладой, лишь с недавнего времени приобрела оседлое население ...» (I. 2), а со следующего предложения («Действительно, существующей теперь торговли тогда еще не было ...») видим набор более частных примеров и объяснений. И снова, в третьем параграфе (I. 3) в начале высказывается тезис о слабости Эллады в древности (два первых предложения — «всеобщее»), а затем он раскрывается через исторический экскурс о разобщенности племен, в том числе, с отсылками к Гомеру (более конкретные, частные элементы). Как видим, иногда данная структура вписана явно, через языковые конструкции, иногда приходится самостоятельно вникать в смыслы текста, а иногда она просто отсутствует. Например, локальное заключение «Вот каковы были причины

взаимных ...» (I.146) о предшествующих событиях, где локальное обобщение занимает финальный параграф введения (первая книга) целиком.

В «Греческой истории» Ксенофонта [\[25\]](#) картина совершенно иная. С позиции поиска структур сразу видно, что начало трактата утеряно, что, в общем, известно давно. Но и далее мы видим все более достаточно линейный рассказ без особых отступлений. Однако здесь у Ксенофонта иногда встречаются объемные и очень специфические речи, причем часто расположенные ближе к концу одной из книг. Мы сейчас полностью отстранимся от исторической достоверности или политического смысла этих речей, но с семантических позиций обратим внимание на резко выделяющееся обобщающее начало каждого текста. Например, таковыми являются речи афинянина Евриптолема (Xen. Hell.I.7.16-34), афинянина Фрасибула (II.4.40-42), фиванского посла (III.5.8-15), коринфянина Клителя (VI.5.37-49). Тогда можно утверждать, что как минимум одноуровневая структура «частное-всеобщее» в «Греческой истории» Ксенофонта присутствует.

Для коррекции понимания научной стилистики автора обратимся к другим работам. И сразу видим, что, например, в аналитическом трактате «Лакедемонская полития» [\[26\]](#) структура, иногда даже двухуровневая, просматривается очень отчетливо. А на нижнем уровне иерархии часто находим логические конструкции в стиле Фукидида. Например, глава 13 «Образ жизни царя в военное время» начинается с тезиса «Я изложу значение и честь, предоставленные Ликургом царю...» (Lac.pol.13.1), а заканчивается обобщением (13.10) «При таком образе действий во время похода царю ничего более не остается, как быть жрецом перед богами и полководцем перед людьми». Сами параграфы тоже могут иметь структуру уже следующего уровня. Например, рассказ о жертвах (13.2) имеет явную структуру «всеобщее-частное-всеобщее».

Обратившись теперь к древнему Китаю, мы снова остановимся на историках. Так сложилось, что для Китая первого тысячелетия до н. э. стали характерны так называемые «чунь цю» («вёсны и осени») — достаточно сухие локальные хроники, привязанные к царству или дому, причем, как правило, без авторства. Самым известным трактатом является канонический «Чунь цю», приписываемый Конфуцию. Затем уже стали появляться комментарии к этим хроникам других авторов. Чтобы не углубляться в спорные проблемы авторства или реальных датировок того или иного текста, мы сразу обратим внимание на фундаментальный труд Сыма Цяня «Исторические записки» («Ши Цзи»), написанный на рубеже второго и первого столетий до н. э. Благодаря эпическому труду Р.В.Вяткина и А.Р.Вяткина, а также других переводчиков, мы теперь можем работать с этим текстом на русском языке [\[44\]](#). Для уточнения параллелей с Грецией по масштабу Н.И.Конрад сравнивал работу Сыма Цяня не с первыми историческими хрониками Эллады, а со «Всеобщей историей» Полибия (2-е столетие до н. э.) [\[22\]](#).

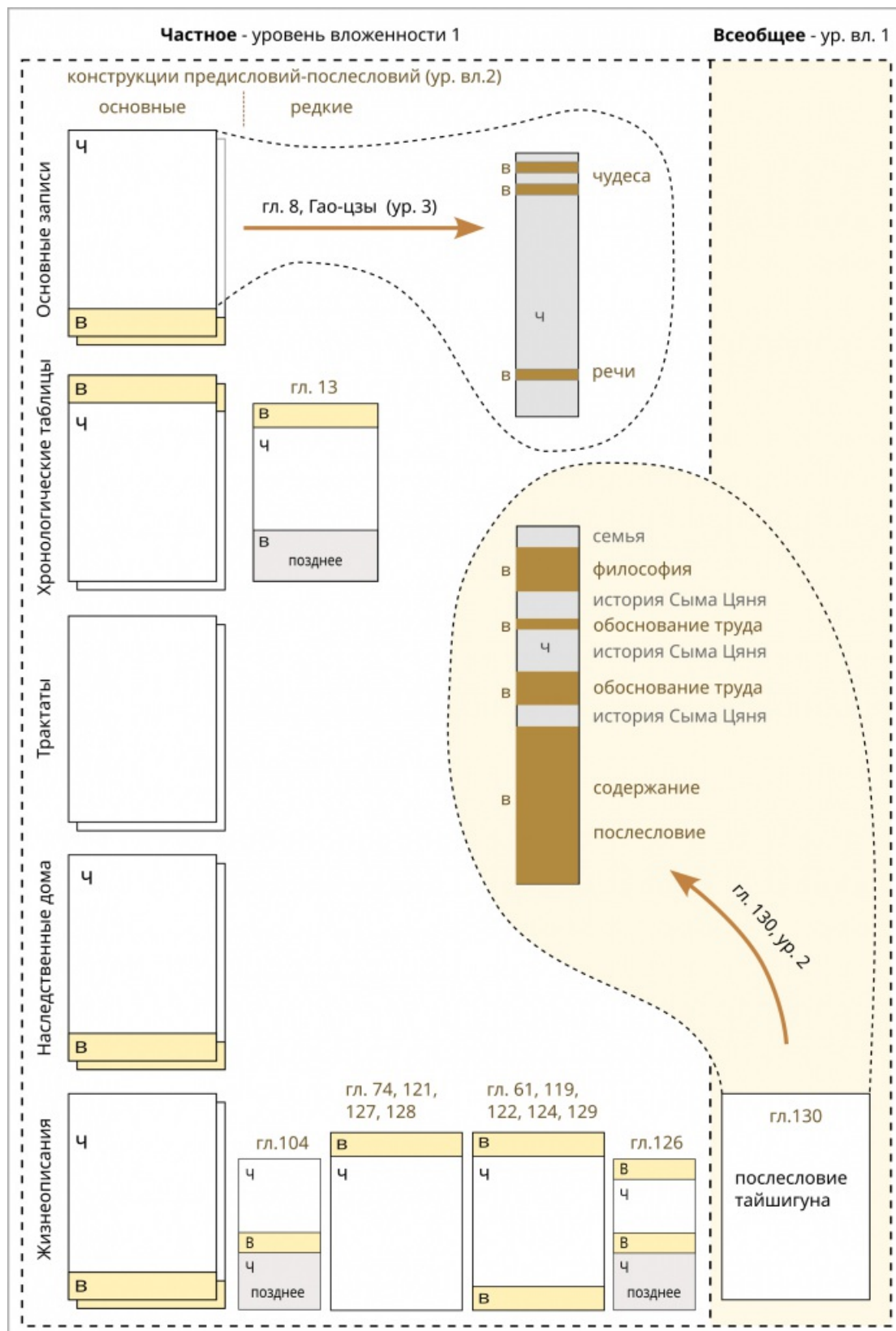

Рисунок 1. Иерархическая архитектура труда Сыма Цяня "Исторические записки" ("Ши цзи") в смысле структур "частное-всеобщее"

Верхний уровень деления в терминах «частное-всеобщее» обнаруживается при чтении финальной главы 130 (рис. 1). На фоне изложения собственной биографии и истории создания «Исторических записок» автор кратко рассказывает о всех имеющихся философских концепциях, а затем скрупулезно перечисляет содержание всех глав труда. Таким образом, имеем: глава 130 — всеобщее, все остальное — частное.

Второй уровень диалектической иерархии на пространстве первых 129 глав (частное от первого уровня) обнаруживается с помощью конструкции «я, тайшигун, Придворный историограф, скажу так ...» или сходной. Практически всегда за ней следуют некие обобщения, замечания исторического, философского, экономического, географического, источниковедческого или иного характера. Это обобщение (послесловие) присутствует в конце каждой главы первого раздела «Основные записи» (главы 1-12). Раздел «Хронологических таблиц» (главы 13 - 22) устроен иначе: в начальной главе 13 есть и предисловие, и послесловие (поздняя вставка), а в остальных главах раздела присутствует только предисловие к таблицам. Раздел «Трактаты» (главы 23 - 30) также имеет свои особенности. Конструкция «я, тайшигун» здесь имеет ранг не обобщения для всей главы, а лишь локального замечания наравне с аналогичными другими отступлениями обобщающего характера. В разделе «Наследственные дома» (главы 31 - 60) автор возвращается к прежней структуре послесловий, кроме главы 60, утраченной и заново написанной позднее [\[24, с.29\]](#). В главах 35, 49 и 59 по два авторских замечания от имени тайшигуна, но обобщениями для всей главы можно считать только последние, остальные — локальные.

Последний раздел «Жизнеописания» (главы 61-130) в контексте частного первого уровня рассматриваем до 129 главы включительно. Здесь опять везде присутствует только послесловие, кроме отдельных исключений. Практически везде обобщения уровня главы связаны с текстом от первого лица в виде все той же конструкции «я, тайшигун». Почти все исключения относятся к последним десяти главам трактата и связаны с изменением формата повествования — перед нами уже не рассказы об одном или двух важных исторических лицах. Предисловием и послесловием обладают главы 61 («Жизнеописание Бо И»), 119 («Жизнеописания достойных чиновников»), 122 («Жизнеописания жестоких чиновников»), 124 («Жизнеописания юся (странствующих героев)'), 129 («Повествование о приумножении богатства»). Только предисловие присутствует в главах 74 («Жизнеописание Мэн-цзы и Сюнь Цина»), 121 («Жизнеописания конфуцианцев»), 127 и 128 про гадателей и о гаданиях. В главе 104 «Жизнеописание Тянь Шу» обобщающая вставка в середине, а в главе 126 «Жизнеописания остроумных [советчиков]» есть и предисловие и обобщающая вставка в середине. Однако срединное положение обусловлено более поздними добавлениями Чу Шао-суня I в. до н. э., заметными по конструкции («я, учитель Чу, скажу так ...»). Иными словами, изначальная структура глав сводится к предшествующим в разделе.

Заметим, что разделы «Трактаты» и «Жизнеописания» являются историко-аналитическими, а потому разбиваются на блоки легко, как и любой современный научный текст. Для глав данных разделов это будет уже разбиение третьего уровня (за вычетом описанных выше предисловий и послесловий). В свою очередь, сами относительно короткие блоки второго уровня («всеобщее» — предисловия и послесловия) часто уже не могут быть разделены в нашей терминологии. Автобиография Сыма Цяня, блок «всеобщего» первого, верхнего уровня (глава 130) без особых изысканий разбивается на переходы от собственно биографии автора («частное») к обобщающим блокам поглавного описания содержания, философских течений и причин написания самого труда.

Особый интерес в опыте выявления искомых структур вызывают собственно хроники, т. е. разделы «Основные Записи» и «Наследственные дома». Мы, конечно, имеем в виду разбиение огромных блоков «частного» второго уровня, сами главы за вычетом структур «я, тайшигун» в виде послесловий и предисловий. Сюжеты здесь описаны автором достаточно линейно, практически без ярко выраженных обобщений и отступлений.

Однако несколько необычных приемов все же были выявлены. Покажем их на примере эпизодов истории императора Гао-цзу, крестьянского сына Лю Бана, основателя династии Хань (глава 8).

В любой истории присутствуют определенные поворотные моменты, эпизоды бифуркации, неопределенности, когда от разрешения ситуации зависит все дальнейшее развитие событий, а в случае императора — и судьбы империи. Между этими событиями жизнь представляется более закономерной, проходящей в окрестностях некой колеи, пусть и непростой. Конечно, историки видят эти моменты, причем каждый — по-разному, что зависит от мировоззрения, опыта и наличия исходных исторических данных.

Итак, эпизод первый, относящийся к рождению будущего императора. С позиции историка рождение будущего основателя династии есть элемент архиважный. И Сыма Цянь выделяет его мистическим образом: «... загремел гром, засверкала молния и вокруг стемнело. Когда Тай-гун вышел взглянуть, где жена, то увидел над ней чешуйчатого дракона. Через некоторое время она понесла, а потом родила [будущего] Гао-цзу» [\[44\]](#).

Эпизод второй относится к истории, в которой будущий император в силу обстоятельств решает бросить карьеру чиновника и уходит в неизвестность, разом приобретая последователей. Нам здесь важен момент со змеей, убитой Лю Баном. Последователи увидели старуху, которая якобы мать якобы превратившегося в змею Белого императора и которая назвала победителя ее сына Сыном Красного императора. Далее «люди посчитали, что старуха лжет, и хотели поколотить ее, но старуха неожиданно исчезла» [\[44\]](#).

Мы могли бы предположить, что Сыма Цянь — мистик, насыщающий хроники сомнительными рассказами. Однако в послесловии историка к главе 123, например, читаем: «... можно ли согласиться с тем, что написано в [Юй] бэнь цзи о Куньлунь? Если Шаншу в основном верно описывает расположение гор и рек девяти областей, то о чудесах, упоминаемых в Юй бэнь цзи и Таньхайцзине, я не решаюсь говорить» [\[44\]](#). Иными словами, автор совершенно не увлекается мистикой и чудесами, даже описанными в относительно авторитетных трудах предшественников. Следовательно, в приведенных выше эпизодах Сыма Цянь таким приемом специально акцентирует чрезвычайную важность, судьбоносность произошедшего. А в нашей терминологии — поднимает их на относительный уровень «всеобщего».

Второй прием, на котором хотелось бы остановиться, это речи. Иногда они исторически более-менее достоверные, т. е. приведены по некоторым источникам. Но, как отмечал Ю.Л.Кроль [\[23\]](#), «Сыма Цянь нередко использовал прямую речь какого-либо «третьего лица», чтобы высказать собственную точку зрения о поднятом вопросе или об историческом деятеле». Если обратиться опять к истории восхождения на престол Гао-цзу (глава 8), то автор приводит очень характерные две речи после окончательной победы в войне за престол, спровоцированные вопросом императора «... почему я приобрел Поднебесную и почему род Сянов потерял ее?». [\[44\]](#)

Итак, мы сейчас выявили три уровня иерархии структуры «частное-всеобщее» (рис.1). И понятно, что, как и в современном научном тексте, они могут локально дополняться, особенно в разделах трактатов и жизнеописаний. Но есть и еще один возможный путь, связанный со специфической древнекитайской канонизацией структур текста, выявленной еще В.С.Спириным [\[42\]](#).

Для полноты охвата первых авторских научных текстов обратимся к Индии. Так сложилось, что начала научной мысли здесь относятся не к историческим трудам, а к лингвистике, к истории формального создания и канонизации санскрита. В первую очередь это «Нирукта» Яски с «Нигханту» — толковый словарь с семантическим анализом языка и теорией морфологии слов, а также «Аштадхьяи» («Восьмикнижие») Панини — строгая формальная грамматика санскрита. Оба труда имеют неоднозначные датировки и относятся, видимо, к интервалу V-IV веков до н. э. Оба труда являются финальными аккордами длительного научного направления, что видно по многочисленным ссылкам на предшественников. В смысле искомых структур работа Яски более удобна и однозначна, но труд Панини особенно интересен из-за его большей научности и вклада в развитие лингвистики вообще [\[18\]](#). А потому мы и остановимся на «Восьмикнижии», точнее, на их английском переводе [\[50; 51\]](#).

Текст Панини читается как строго алгоритмизированный набор определений и правил, практически как современная программа. Например, (Панини, 1.4.2) «Если [между двумя правилами относительно одного явления] возникает противоречие, то к исполнению принимается введенное позже» [\[5\]](#). Или (8.4.50): «Согласно замечанию Шакатаяны, дублирование отсутствует, если согласные следуют подряд в количестве трех и более» [\[51\]](#) (перевод наш — С.В.В.). Однако в самом начале трактата, до всех правил, есть отдельный список из 14 сутр. Блок является функционально упорядоченным списком последовательностей фонем, специализированным алфавитом, который «составил основу и ключ всей грамматической системы Панини» [\[10\]](#). Последователи, впечатленные красотой решения, называли этот блок Шива-сутрами, и этот термин так и вошел в современный научный обиход. Таким образом, самый верхний уровень разбиения в смысле «частного-всеобщего» определим так: Шива-сутры — всеобщее, а все остальное — частное.

Дальнейшее выявление искомых структур «Восьмикнижия» и их иерархий может пойти разными способами. Мы сейчас лишь наметим возможные направления, которые становятся достаточно прозрачными благодаря работам О.А.Волошиной [\[4; 5\]](#). Так, все последовательности правил имеют иерархическую структуру: определения (в основном, первый том), заглавные правила для определения темы, предписания с условиями для создания словоформ и интерпретаторы для разрешения конфликтов [\[4\]](#). Тогда «множество определений *saṁjñā* и остальное» есть следующий уровень разбиения, а конструкции «конкретное заглавное правило *adhikāra* — остальные в последовательности» станут финальным разбиением. Конечно, возможно есть и иные варианты структурирования сутр Панини. Но нам здесь важен лишь сам факт наличия в столь древнем тексте многоуровневой структуры «частное-всеобщее».

Таким образом, мы показали, что структурный ритм «частное-всеобщее» характерен для всего временного пространства существования научной мысли. Обращение к научным истокам существенно разных культурных традиций доказывает, что данная структура есть культурный инвариант, что она не является простым развитием особенностей европейской научной традиции. И тогда она проистекает как из характера самого труда, так и из стилистики представления его результатов на суд социума. Более того, можно утверждать, что сам стиль мышления людей, посвятивших себя исследованиям объективной реальности и созданию, разработке новых элементов этой самой реальности также подвержен этой ритмике. По крайней мере в делах, плотно связанных с наукой.

А теперь нам необходимо перекинуть мостик от стилистики научного мышления к

искусству. Вспомним, что еще Ж.Лакан обратил внимание на то, что «бессознательное структурировано как язык» [27]. Очевидно, что существенно профессиональная, или просто основная деятельность, связанная с постоянными частными конкретными изысканиями, выкладками, конструкциями, чередующимися с поисками аналогий, обобщением, опровержением и снова с погружением в сиюминутную конкретность, накладывает свои особенности на субъективные когнитивные построения, сознательные, а с увеличением профессионализма, и бессознательные. Далее мы можем опереться на структурно-динамическую теорию интеллекта Д.В.Ушакова [46]. Выработанные успешной и повторяемой, в первую очередь, профессиональной деятельностью индивидуальные когнитивные структуры затем применяются поначалу во всех остальных второстепенных областях. И будут применяться, пока эти структуры — алгоритмы успешных ранее решений — не станут систематически приводить к провалам. Отсюда следует:

- 1) автор художественных текстов, в. т. ч. стихов, из научной среды бессознательно будет тяготеть к соответствующей научной структуре своих сочинений;
- 2) социальная группа из научной и конструкторской среды столь же бессознательно будет лучше воспринимать соответствующим образом структурированную информацию, в. т. ч. художественную. И, если эта группа достаточно велика, поднимать, поддерживать, выдвигать соответствующих авторов или их отдельные произведения. Этот резонанс понимания, узнавания, сопереживания и образует неразрывную симфонию авторов, исполнителей и подпевающих (вслух или внутренне) слушателей.

Заметим, что Д.М.Ушаков показывает, как формируется индивидуальная когнитивная структура, которая должна различаться у математика, схемотехника, программиста, физика-ядерщика или геофизика. Но мы специально сформировали максимально обобщенную категориальную структуру, которая покрывает все эти вариации. Следовательно, мы вправе ожидать, что эта структура проявит себя в наибольшей степени именно в текстовой поэтической форме, связанной с сообществом ученых и разработчиков. Что, в общем, и получилось, согласно проведенному анализу наиболее резонансных произведений авторской песни.

По сути, мы сейчас в большей степени показали механику «снизу», т. е. со стороны поклонников с доминирующим профессиональным креном. Которые, впрочем, порождают и формы распространения (цепочки исполнителей), и самих авторов. Напомним, что поскольку авторская песня практически не пересекалась с мейнстримом государственного искусства, а значит, и не распространялась через средства массовой информации того времени, то для популярности, продвижения упомянутые цепочки неизвестных исполнителей определяли все. Однако было бы интересно посмотреть или хотя бы проверить, как условные механизмы искомых структур срабатывают непосредственно в творчестве конкретных авторов.

Для этого напомним и кратко переформулируем результаты исследования творчества А.Мирзаяна [12], расставив необходимые акценты. Особенность автора в том, что около половины произведений создано на стихи других поэтов, абсолютное большинство среди которых составляют работы И.Бродского и В.Сосноры.

Во-первых, сразу обращают на себя внимание проценты структур «частное-всеобщее». Если в собственных текстах процент наличия ЧВ-ритмики всего 30%, что даже ниже среднего значения по всему направлению авторской песни (43%), то в песнях на стихи сторонних авторов картина совершенно другая. Итак, на стихи И.Бродского — 59%, В.Сосноры — 60%, на стихи других поэтов — 47%. Уже здесь мы вправе заподозрить то,

что музыкально одаренного автора по какой-то причине не совсем устраивают тексты собственных песен, и он обращается к текстам с большим значением, по сути, философского диалектического ритма.

В-вторых, еще более значимыми оказываются результаты по измененным текстам. Из опубликованных песен А.Мирзаян изменял тексты сторонних авторов в 25 произведениях. Изменения касались слов, а также перестановок и отбрасывания строк. В итоге в 17 произведениях ритмика после шлифовки проявилась, а 8 остались без структур, как и были. Но нет ни одного примера, где бы структура исчезла. Таким образом, мы установили, что физик-ядерщик А.Мирзаян структуры создавал, делал более отчетливыми или просто сохранял, но никогда не ломал.

Итак, мы воспроизвели структурно-семантический аспект порождения направления самодеятельной песни. Но, безусловно, есть и другие элементы мозаики явления, которые относятся скорее к тематическому анализу. Дело в том, что мы, получается, обозначили элемент альтернативного доминирования социальной группы научно-технической интеллигенции среди всей интеллигенции страны за вычетом партийной и управленческой элиты. Конечно, это было прямым следствием стремительного высокотехнологичного взлета страны — успешные атомные исследования, космос, компьютеры, программирование и многое другое не могли не оказать влияния на умы и настроения общества, особенно образованного. Если взять признанных основателей авторского направления, то первая поэма Б.Окуджавы была о Циолковском [34]. А проза М.Анчарова всегда была жестко связана с дискуссионной темой сплава науки и искусства в том или ином виде. Вспомним также стихи молодой Новеллы Матвеевой про первую автоматическую станцию, достигшую поверхности Луны [32], написанные еще до того, как она была инкорпорирована в систему. Все трое были и оставались предельно далеки от какой-либо самостоятельной технической или научной деятельности.

Добавим также, что многие популярные авторы направления сами являлись учеными. Это доктор биологических наук Д.А.Сухарев (Сахаров), кандидат физико-математических наук А.А.Суханов, доктор физико-математических наук В.С.Берковский, доктор геолого-минералогических наук А.М.Городницкий, кандидат физико-математических наук С.Я.Никитин и многие другие. Кстати, первый Всесоюзный фестиваль авторской песни был проведен в 1968 году под Новосибирском в Академгородке клубом молодых ученых «Под интегралом» [19]. И, что обращает на себя внимание, мы не видим среди наиболее резонансных авторов [14] научной гуманитарной интеллигенции. Первая научная публикация, посвященная авторской песне, как мы помним, была осуществлена искусствоведам М.В.Каманкиной лишь в 1989 году. Т. е. можно утверждать, что само явление до поры прошло мимо научной гуманитарной мысли, хотя и развивалось буквально на глазах потенциальных исследователей.

Ответом на незаданный вопрос, возможно, служат высказывания В.Высоцкого, в которых он сам жестко отрешивается от «бардов», «менестрелей» и вообще от всего движения клубов самодеятельной песни и их концертной деятельности [43]. Несколько пренебрежительное отношение к самодеятельному движению, как к непрофессиональному, вторичному, парадоксально воспроизводило отношение к самому В.Высоцкому со стороны культурной государственной элиты Советского Союза. Что, заметим, не мешало исследовать фольклор и другое народное творчество. И что еще более подчеркивает тезис о том, что исследуемое культурное явление есть производная от взрывного роста — как количественного, так и качественного — естественнонаучной социальной среды ученых, конструкторов и разработчиков.

Сможем ли мы верифицировать данное утверждение, полученное в основном филологическим инструментарием? Для этого возьмем динамику распределения научных сотрудников, конструкторов, работающих в академических, отраслевых институтах, а также конструкторских бюро по Советскому Союзу и России [2]. А затем наложим на него имеющуюся частотную динамику порождения произведений авторской песни, составленную по 5 сборникам разных авторов и коллективов [14; 17]. На графике (рис. 2) виден отчетливый взлет песенного направления в середине 50-х, коррелирующий с аналогичным взлетом численности ученых и разработчиков. В первой половине 70-х виден кризис мировоззрения акторов культурного направления, а в конце 80-х видно его опережающее падение (относительно численности научно-технической интеллигенции). Это опережающее падение несложно объяснить началом развала научного вектора страны и переориентации соответствующего социума на иные социальные стратегии. В 90-е падение быстро вышло на плато, однако здесь следует дополнительно учесть известные резкие качественные изменения в составе научного сообщества. Стремительный рост гуманитарных наук обуславливался уже потребностями рынка новой экономической модели страны. Но авторской песни, как массового культурного явления, как искусства, регулярно собирающего полные залы домов культуры, лекционные аудитории, обширные лесные поляны, уже нет. Что отмечали многие популярные авторы уже тогда [35; 9].

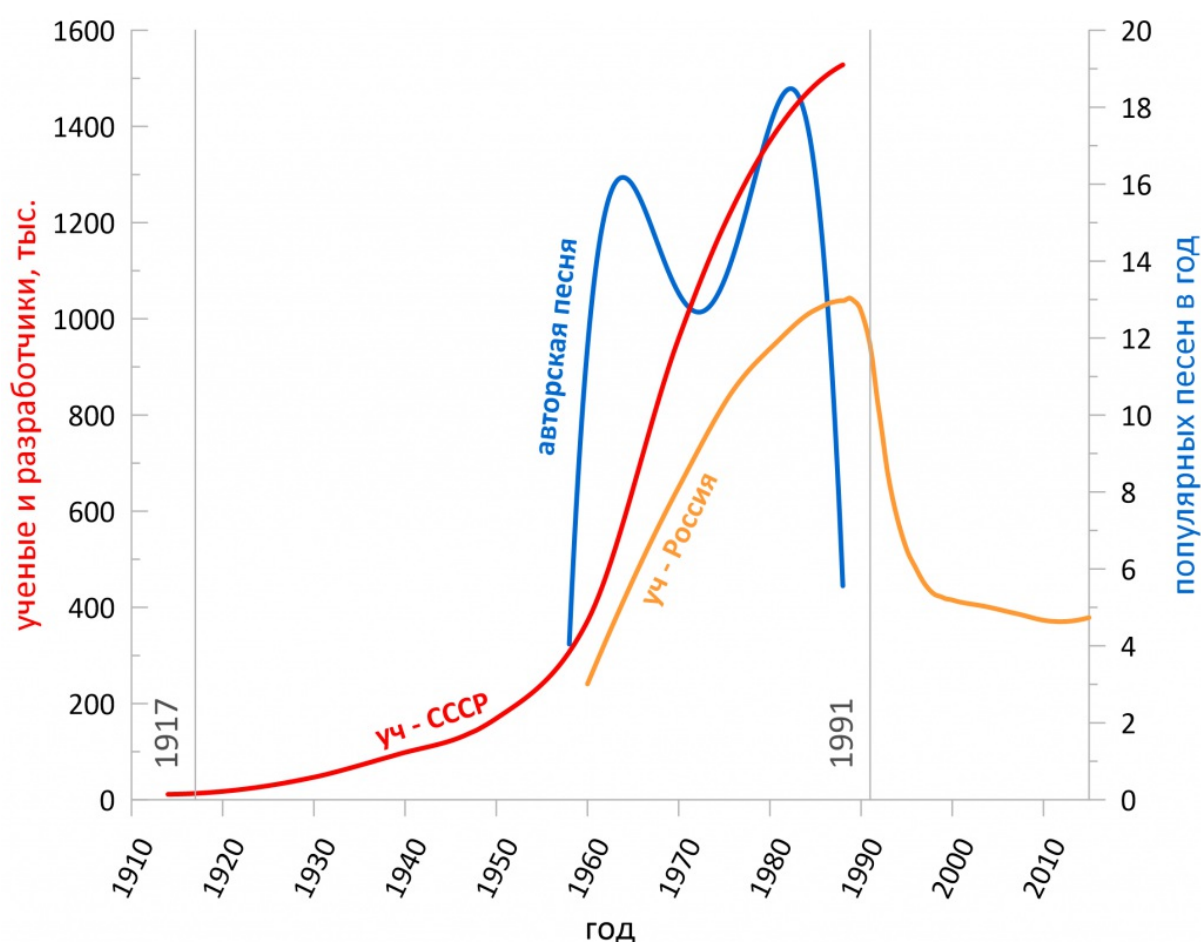

Рисунок 2. Динамика порождения произведений авторской песни и количество научно-технической социальной группы Советского Союза и России

Достаточно явная корреляция двух процессов обязывает нас обратить внимание на монографию белорусского социолога В.Э.Смирнова «Социальные механизмы общественного развития: социологическая и историко-культурная реконструкция» [41].

Рассматривая на протяжении двух веков развитие такого социально-экономического явления как русская интеллигенция, В.Э.Смирнов показывает возникновение в 50-х годах XX-го века особой социальной группы ученых и разработчиков. Автор называет эту группу «неклассом» с собственными особыми интересами, с особой позицией по отношению к имеющейся государственной системе и с собственным образом будущего, созданного произведениями братьев Стругацких и Ивана Ефремова. И мы здесь вправе добавить, что описанный некласс смог создать и собственное песенное искусство, которое и существовало далее под именами авторской, самодеятельной, бардовской песни или просто КСП.

Таким образом, корреляция процессов порождения авторской песни и количества научной элиты посредством метода категориальных макроструктур переходит в ранг зависимости. Причем методиками выявления ЧВ-ритмики показан именно «мотор», сущность процессов. Тогда бифуркационный кризис культурного направления начала 70-х переходит в ранг кризиса настроений советской интеллигенции вообще. И появляются множественные новые следствия, исследовать и проверять которые имеет смысл уже инструментами других наук — истории, социологии, политологии.

Вернемся теперь в самое начало, в самые истоки явления, но уже с учетом полученных результатов. Итак, середина 50-х, вектор наукоемкой индустриализации начинает давать плоды. Организуются новые институты, открываются новые направления, запускаются новые научно-производственные объединения. Специфика советской новой индустриализации стали многочисленные открытые и закрытые наукограды: Дубна, Арзамас-16 (Саров), Черноголовка, Академгородок, Калининград (Королев), Обнинск, Зеленоград и многие другие. В центральных же городах наряду с институтами и предприятиями наполнялись и учебные институты, проводившие, кстати, и свои научные программы. Т. е. рост научно-технический был не только количественный, стремительно росла и концентрация. И существовали немногочисленные авторы песен, которые ни на что особо не претендуя, исполняли их в привычном узком кругу. Как, например, М.Анчаров. Имея интересы несколько отличные от привычного советского мейнстрима, хотелось чего-то большего, другого. К этому потенциальному костру новой культурной общности достаточно было поднести спичку. Этой спичкой стал, видимо, Михаил Анчаров. И произошла цепная реакция, начальная бифуркация или то, что после знакомства с теорией систем И.Р.Пригожина Ю.М.Лотман назвал взрывом [\[30\]](#). Появилось новое искусство новой молодой талантливой общности. Опять же, Ю.М.Лотман справедливо определял самое первое искусство, самое простое как напевы, первичные песни [\[29\]](#). Многие авторы многократно с самого начала говорили и писали в разных формулировках, что их песни — просто стихи под музыку. Например, М.Анчаров [\[1\]](#), Б.Окуджава [\[36\]](#), А.Галич [\[37\]](#), В.Высоцкий [\[7\]](#). Не сразу, но появились и очевидные музыкальные таланты — А.Мирзаян, В.Берковский и другие. А к концу массового явления зажглись мелодические звезды братьев Мишуков и универсального дуэта А.Иващенко и Г.Васильева. Кстати, в нашем построении нет сильного противоречия с теми авторами, кто выводит авторскую песню из Древней Греции, скоморошества или французского шансона. Научно-техническая интеллигенция этого времени была достаточно грамотной и, очевидно, использовала в своем творчестве практически весь накопленный потенциал человечества. Но перерабатывала существенно под своим углом видения, под свои интересы и свои мечты. Таким образом, противоречие имеется скорее в точке обобщений единичных флуктуаций на все культурное направление.

Отдельно в нашем контексте необходимо объяснить феномен В.Высоцкого. Как отмечали

Ю.Ревич и В.Юровский, первичный толчок поэту был дан Михаилом Анчаровым^[39]. Но В.Высоцкий в дальнейшем не волился в круговорот концертов и встреч самодеятельной песни^[3] и стал, благодаря своему таланту и профессии, фактически, поэтом-песенником для всей страны. Вне зависимости от отношения к творчеству, знали его практически все. Слушали и перепевали его, конечно, и в рамках движения авторской самодеятельной песни, но не столь активно. Иными словами, В.Высоцкий зацепил научно-техническую интеллигенцию лишь частью своего творчества. Что выражается в рамках нашего исследования в том, что среди наиболее резонансных авторов по пяти сборникам он лишь на третьем месте после Б.Окуджавы и Ю.Визбора^[14].

В конце 80-х - начале 90-х двадцатого века авторская песня теряет свою социальную опору, несмотря даже на новые технические возможности популяризации, как то сборники, магнитофонные записи, пластинки, радио и телевидение. Можно сказать, что она даже постепенно маргинализируется, возвращаясь к состоянию начала 50-х годов. Но это уже другое искусство, другие люди, другая тематика и другие ритмы, и также тема для новых изысканий.

Итак, исходя из ранее полученных данных о сравнительном доминировании в авторской песне структурного ритма «частное-всеобщее», а также важности такового в научной деятельности, мы построили гипотезу о генезисе авторской песни из социальной группы ученых и разработчиков. Далее мы показали, что эта структура есть неотъемлемая кросскультурная характеристика научного текста на всем протяжении его существования. Затем мы, используя гносеологическую теорию Д.В.Ушакова, перекинули мост от научного текста через основной способ мышления к текстам авторской песни. Как это работает показываем на примере выявления означенных структур в песенном творчестве физика А.Мирзаяна. Далее, используя элементы тематического анализа, усиливаем результат феноменологическими ключевыми примерами других авторов. Таким образом, показано, что структура, используемая всегда в основной профессиональной деятельности, переходит и на вторичную культурную, т. е. самодеятельную песню. Проверяем результат с помощью взаимного наложения частот порождения произведений авторской песни (график получен ранее) и динамики количества ученых и разработчиков в стране. Получаем явное совпадение социального взлета с соответствующим культурным. Таким образом, показан как сам механизм генезиса песен со структурой «частное-всеобщее», так и динамика роста и угасания социально-культурного явления.

В контексте проведенного нами структурного исследования можно уже утверждать, что данный прием имеет некоторую перспективу не только в поэтике, но и в сложных прозаических текстах. При этом акцент имеет смысл делать не только на наличие самих категориальных макроструктур, но и на уровень иерархичности и вариаций вертикальной архитектуры. И, конечно, не стоит забывать о потенциале других диалектических оппозиций, не ограничиваясь лишь структурами «частное-всеобщее» или энтропийной структуры «порядок-хаос», что использовалась нами ранее^[15].

Отдельно хотелось бы обратить внимание еще раз на то, что в зрелых, современных научных работах наименьшие структурные блоки по размерам примерно соответствуют аналогичным в поэтике. Возможно, здесь присутствует некая перспективная закономерность образного-логического минимального описания идеи, мысли автора.

Библиография

1. Анчаров М. Мысли вслух об авторской песне // Неделя. 1988. № 24. С. 16.

2. Валганов С.В. Анчаров и авторская песня: опыт системного анализа // Почему Анчаров? Книга VIII. М. : Издательские решения, 2022. С. 47-63. DOI: 10.5281/zenodo.6455892
3. Визбор Ю. Он не вернулся из боя // Ю. Визбор. Я верю в семиструнную гитару. М.: Аргус, 1994. С. 391-393.
4. Волошина О.А. О структуре и лингвистической терминологии грамматики Панини и ее влиянии на европейскую лингвистику // Вестник РГГУ. Том 12. 2010. С. 161-172.
5. Волошина О.А. Типы правил-суть в грамматике Панини // Индоевропейское языкознание и классическая филология. № 23-1. 2019. С. 170-177. DOI:10.30842/ielcp230690152312.
6. Все, что я делаю – связано с моим отношением к людям... Беседу с Булатом Окуджавой ведет журналист Виталий Амурский // Континент. № 63. 1990. С. 385-396.
7. Высоцкий В. Об авторской песне // Вспоминая Владимира Высоцкого. М.: Советская Россия, 1989. С. 120-126.
8. Геродот. История Древней Греции. Пер. с древнегреч. Ф.Г. Мищенко. М.: АСТ, 2017. 656 с.
9. Городницкий А. Песни нашего века // А. Городницкий «Атланты держат небо...». Воспоминания старого островитянина. М.: Эксмо. С. 369-414.
10. Димри Дж.П. Панини и его «Восьмикнижие» // Народы Азии и Африки, М.: Наука, 1973. № 6. С. 97-103.
11. Зипунов А.В. Авторская песня 1950-80-х гг. как массовое культурное явление: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Издательство «Граммота». 2022. Т. 15, № 10. С. 3019–3030. DOI: 10.30853/phil20220507
12. Зипунов А.В. Макросемантические ритмические структуры в бардовском творчестве А.Мирзаяна // Litera. 2022. № 6. С. 114 - 126. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.38151 [Электронный ресурс] URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38151
13. Зипунов А.В. Системный и индивидуальный кризис в авторской песне на примере творчества М.Анчарова и А.Галича // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. № 1. С. 24-33. DOI: 10.26456/vtfilol/2022.1.024
14. Зипунов А.В., Валганов С.В. Макросемантические ритмические структуры в популярных произведениях авторской песни // Litera. 2021. № 11. С. 106-115. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.11.36848 [Электронный ресурс] URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36848
15. Зипунов А.В., Валганов С.В. Ритмические семантические структуры «порядок-хаос» в текстах авторской песни // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 1. С. 216-222. DOI: 10.26456/vtfilol/2021.1.216
16. Зипунов А.В., Валганов С.В. Ритмические семантические структуры «частное-всеобщее» в текстах авторской песни и алгоритмы их поиска // Litera. 2020. № 12. С. 168-176. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.12.34391 [Электронный ресурс] URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34391
17. Зипунов А.В., Валганов С.В. Сравнительный анализ культурных направлений авторской песни, русского рока и советской песни позднего СССР методом макросемантических структур // Культура и образование. 2021. № 2. С. 122-131 DOI: 10.24412/2310-1679-2021-241-122-131

18. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том VII: Из истории науки. Книга 1. М.: Знак, 2010. 720 с.
19. История «Под интегралом». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.integralmuseum.ru/istoriya-pod-integralom> (дата обращения 12.06.2022)
20. Как надёжна земля / Сост. Д. Соколов. М.: Музыка, 1969. 128 с.
21. Каманкина М.В. Самодеятельная авторская песня 1950-70-х годов (к проблеме типологии и эволюции жанра): дисс. канд. иск. Москва, 1989. 311 с.
22. Конрад Н.И. Полибий и Сыма Цянь // Н.И. Конрад. Запад и Восток: статьи. М.: Наука, 1966. С. 54-88.
23. Кроть Ю.Л. К литературоведческой характеристике «Записей историка» // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов II годичной научной сессии ЛО ИНА март 1966 года. Ленинград: 1966. С. 32-34.
24. Крюков М.В. Сыма Цянь и его «Исторические записки» // С.Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. I. Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина под общей редакцией Р.В. Вяткина. М.: Издательство «Восточная литература» РАН, 2001. С. 12-65.
25. Ксенофонт. Греческая история. Пер. с древнегреч. С.Я. Лурье. Ленинград: Соцэкгиз, 1935. 379 с.
26. Ксенофонт. Лакедемонская полития // Аристотель, Ксенофонт: Афинская полития. Лакедемонская полития. Пер. с древнегреч. Г. А. Янчевецкого. М.: Академический проект, 2021. 215 с.
27. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995. 192 с.
28. Ланбцерг В.И. О потоках в авторской песне [Электронный ресурс]. URL: <https://altruism.ru/sengine.cgi/5/15/8> (дата обращения 07.05.2022)
29. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Ленинград: Просвещение, 1972. 272 с.
30. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, Прогресс, 1992. 272 с.
31. Матвеева Н. Киплингу // Комсомольская правда. № 210 (10842) 4 сентября. 1960. С. 3.
32. Матвеева Н. Ночь на 14 сентября 1959 года // Молодогвардейцы. М.: Молодая гвардия, 1974. С. 256.
33. Ничипоров И.Б. Авторская песня 1950-1970-х гг. в русской поэтической традиции: творческие индивидуальности, жанрово-стилевые поиски, литературные связи: автореф. дисс. д. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 53 с.
34. Окуджава Б. Весна в октябре // Б. Окуджава. Лирика. Калуга: Издательство газеты «Знамя», 1956. С. 45-62.
35. Окуджава Б. Ещё в литавры рано бить // Правда. 1988. 23 сент. (№ 267). С. 4.
36. Окуджава Б. Музыка души // Наполним музыкой сердца, М.: Советский композитор, 1989. С. 3-4.
37. Песня единая и многоликая: Круглый стол «Недели» / Репортаж с пресс-конференции вели А. Асаркан и Ан. Макаров; Выступили Л. Иванова, А. Галич, Ю. Ким, М. Анчаров, Ю. Визбор // Неделя. 1966. № 1 (январь). С. 20-21.
38. Распутина С.П. Социально-ценностное и мотивационное своеобразие советского бардового движения 1960-1980-х годов: автореф. дисс. канд. филос. наук. Москва, 1997. 18 с.
39. Ревич Ю., Юровский В. Михаил Анчаров. Писатель, бард, художник, драматург. М.:

Книга, 2018. 600 с.

40. Смирнов В.Э. Социальные механизмы общественного развития: социологическая и историко-культурная реконструкция. Минск: Беларуская навука, 2016. 293 с.
41. Соколова И.А. Формирование авторской песни в русской поэзии (1950-1960-е гг.): автореф. дисс. канд. филол. наук. 2000. 22 с.
42. Спирин В.С. Построение древнекитайских текстов. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1976. 233 с.
43. Стенограмма выступления Высоцкого в г. Ворошиловграде 25 января 1978 г. (21 ч.) // Биография «Владимир Высоцкий» [Электронный ресурс]. URL: <https://muz-lyrics.ru/about/310-vysockij-vladimir>. (дата обращения 28.04.2022)
44. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 1–9. М.: Издательство «Восточная литература» РАН, 1972–2010.
45. Трифонов В.А. Происхождение керамического комплекса «дольменной» культуры эпохи бронзы // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Том I. Санкт-Петербург-Москва-Великий Новгород, 2011. С. 289-290.
46. Ушаков Д.В. Интеллект: структурно-динамическая теория. М.: Институт психологии РАН, 2003. 264 с.
47. Фукидид. История. Пер. с древнегреч. Г.А.Стратановского. Ленинград: Наука, 1981. 544 с.
48. Хомутова Е.Н. Феномен авторской песни в отечественной культуре середины XX века: автореф. дисс. канд. культурол. наук. Москва, 2002. 22 с.
49. Янковская О.В. Генезис авторской песни как социокультурного феномена 50-70-х годов XX века: автореф. дисс. культурол. наук. Шуя, 2011. 22 с.
50. Vasu S. Ch. The Aṣṭhādhyāyī of Panini. Vol. 1-3. Allahabad, Indian Press, 1891-1894.
51. Vasu S. Ch. The Aṣṭhādhyāyī of Panini. Vol. 4-8. Benares, Sindhu Charan Bose, 1896-1898.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Litera» автор представил свою статью «От структуры научного текста к генезису авторской песни 1950-80-х гг.», в которой проведено исследование песенного текста с позиции порождения культурного направления как системного явления при помощи метода макросемантических категориальных структур.

Автор опирается на свои предыдущие работы, заложившие основу настоящего исследования. С помощью сравнительного текстового анализа авторской песни, русского рока и советской эстрадной песни методом макросемантических категориальных структур была показана принципиально иная реакция на социально-исторические процессы искомого направления. Акцентированный анализ динамики количества выявленных структур по 487 популярным произведениям позволил автору определить кризисный, бифуркационный период в авторской песне как в системе «авторы-исполнители-слушатели», таким образом, была показана возможность применения комплексного структурно-семиотического филологического инструментария к системам культура-социум. Возможность специфической идентификации, не сводимой к условным возрастным, гендерным или территориальным фильтрам, показывалась ранее

на основе принципиально иных реакций диалектических структурных показателей на динамику социальных событий.

Проведя анализ научной обоснованности изучаемой темы, автор отмечает достаточное количество культурологических и филологических исследований, посвященных авторской песне. Однако, по выводам автора, все они представляют собой попытку выставить генезис песенного направления как развитие идей. В изученных работах не рассмотрен вопрос о том, почему данный, весьма неординарный всплеск самостоятельного творчества произошел именно во второй половине 50-х годов прошлого века. Изучение социокультурных причин, обусловивших рост популярности авторской песни именно в указанный период с помощью филологического инструментария и составляет научную новизну исследования. Методологическую базу исследования составил комплексный подход, включающий метод макросемантических категориальных структур, также социокультурный и компаративный анализ. Теоретической основой исследования выступают работы таких исследователей как Лотман Ю.М., Каманкина М.В., Ничипоров И.Б., Соколова И.А., Янковская О.В. и др. Эмпирическую базу исследования составили многочисленные научные и песенные тексты.

Соответственно, цель данного исследования заключается в изучении взаимообусловленности расцвета авторской песни и развития науки в Советском Союзе второй половины XX века.

Автор поясняет выбор песенного текста в качестве предмета исследования тем, что песенное творчество из-за суперпозиции текстовой и музыкальной ритмик оказалось наиболее подходящим полигоном для апробации данного подхода. С точки зрения автора, категориальный семантический ритм есть достаточно широкое обобщение, включающее не только диалектические вариации «великое-низкое», «возвышенное-приземленное», «общественное-личное», но и «множественное-единичное», «общее-частное» и прочие. Работа этими оппозициями и есть суть успешной продуктивной научной деятельности (индуктивной и дедуктивной), деятельности конструктора, разработчика.

Гипотеза исследования, сформулированная автором: авторская песня есть плод развития социальной группы ученых и разработчиков, т.е. научно-технической интеллигенции. Таковое культурное сообщество есть некий непротиворечивый сплав, симфония авторов, исполнителей и слушателей, поклонников, сильно размытое на краях. Авторы, попавшие в резонанс с сообществом, порождают новых исполнителей и подталкивают новых авторов из той же среды поклонников. При этом размытость множества на краях означает то, что многие поклонники могут радоваться еще и року, джазу, народным мотивам и элементам господствующей в общей системе советской эстрадной песне.

Автором детально описан механизм метода макросемантических категориальных структур и показано его функциональное применение на примере научных и исторических текстов (работа В.А.Трифорова «Происхождение керамического комплекса «дольменной» культуры эпохи бронзы», «История» Геродота, «История» Фукидида, «Исторические записки» Сыма Цяня и др.). На основе данного метода автор делает заключение, что структурный ритм «частное-всеобщее» характерен для всего временного пространства существования научной мысли. Обращение к научным истокам существенно разных культурных традиций доказывает, что данная структура есть культурный инвариант, что она не является простым развитием особенностей европейской научной традиции. Сам стиль мышления людей, посвятивших себя исследованиям объективной реальности и созданию, разработке новых элементов этой самой реальности также подвержен этой ритмике.

Особое внимание автор уделяет положению, что в зрелых, современных научных работах наименьшие структурные блоки по размерам примерно соответствуют аналогичным в поэтике. Возможно, здесь присутствует некая перспективная закономерность образного-логического минимального описания идеи, мысли автора.

Используя гносеологическую теорию Д.В. Ушакова, автор переносит исследовательское внимание от научного текста через основной способ мышления к текстам авторской песни, раскрывая механизм действия метода на примере выявления означенных структур в песенном творчестве физика А.Мирзаяна и других авторов. Результаты исследования позволили автору прийти к заключению, что структура, используемая всегда в основной профессиональной деятельности, переходит и на вторичную культурную, а именно самодеятельную песню. Результат проверен автором с помощью взаимного наложения частот порождения произведений авторской песни и динамики количества ученых и разработчиков в стране с выявлением совпадения социального взлета с соответствующим культурным. Таким образом автором показан как сам механизм генезиса песен со структурой «частное-всеобщее», так и динамика роста и угасания социально-культурного явления.

Проведя исследование, автор представляет выводы по изученным материалам.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение предпосылок определенных социокультурных явлений при помощи филологического инструментария представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 51 источника, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Однако автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Language Policy in Portuguese-speaking Countries: Institutional Aspect

Saprykina Olga Aleksandrovna

Doctor of Philology

Professor at the Department of Iberian Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 51

✉ olgasaprykina@mail.ru

Abstract. The article examines the features of language policy in Portuguese-speaking countries. According to the author, language policy is the key to the solution of the linguistic problems of the national community and to the formation of the language environment. Language policy measures can be applied in three areas: institutional, educational and economic ones. In the field of institutional activity, legislative documents, especially the constitutions, are of primary importance. They determine the official or co-official status of the language. This study analyses the texts of the Constitutions and of the key acts of the Commonwealth of Portuguese Language Countries, which are the Declaration of Unification and the Charter. In addition, digital editions of the updated orthographic dictionaries were considered as a means to developing a unified spelling standard, which takes into account the national and territorial differentiation of the Portuguese language. The author notes that the language policy in Portuguese-language countries, being an instrument of nation-building and a symbol of the development of national culture, is at the same time a means to achieving political goals and a manifestation of historically marked identity. Through the analysis of the content of official documents, the author comes to the conclusion that Portuguese-speaking countries, being ethnically heterogeneous, are converging within the framework of language policy. Language policy, in turn, takes into consideration the priorities of youth policy, which involves the integration of young people with the help of the latest technological resources.

Keywords: Lusophony, Community of Portuguese Language Countries, Constitution, co-official language, official language, state language, language policy, language environment, Portuguese Studies, Portuguese

References (transliterated)

1. Bol'shoi yuridicheskii slovar'. / Sost. Dodonov V.N., Ermakov V.D., Krylova M.A. i dr. M.: Infra, 1999.
2. Burd'e P. O proizvodstve i vosproizvodstve legitimnogo yazyka // Otechestvennye zapiski. 2005. № 2 (23). S. 10-21.
3. Marusenko M. A. Yazykovaya politika Evropeiskogo soyuza: institutsional'nyi, obrazovatel'nyi i ekonomicheskii aspekty. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2014.
4. Chirkin V.E. Gosudarstvennyi yazyk / Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya // URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2373578> (data obrashcheniya: 01.10.2023)
5. Shemyakin Ya.G. Metisatsiya kak osnova tsivilizatsionnoi identichnosti latinskoj Ameriki // URL: https://etnos.kunstkamera.ru/science/konferencii_i_seminary/2018/american_simp2/tezisy_dokladov/metisatsiya (data obrashcheniya: 01.10.2023)

6. Bechara E. (coord.) Vocabulário Ortográfico da Língua Portuguesa. 5.ª edição [adaptada ao VOC]. Rio de Janeiro: Academia Brasileira de Letras, 2017.
7. Borba J. E., Melo J. G. dos S., Vieira M. M. da S. Brazil'skii yazyk zhestov – Libras kak opredelyayushchii faktor dostupa glukhikh studentov k rynku truda // Revista Científica Multidisciplinar Núcleo do Conhecimento. 2021. Vol. 06. Pp. 117-128.
8. Constituição da República Federativa do Brasil de 1988 // URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/Constituicao/Constituicao.htm (data obrashcheniya: 01.10.2023)
9. Constituição da República de Angola // URL: http://www.governo.gov.ao/Arquivos/Constituicao_da_Republica_de_Angola.pdf (data obrashcheniya: 01.10.2023)
10. Constituição da República de Cabo Verde // URL: <http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/cvi117271.pdf> (data obrashcheniya: 01.10.2023)
11. Constituição da República de Moçambique // URL: <http://www.portaldogoverno.gov.mz/por/Governo/Legislacao/Constituicao-da-Republica-de-Mocambique> (data obrashcheniya: 01.10.2023)
12. Constituição da República Portuguesa // URL: <https://dre.pt/constituicao-da-republica-portuguesa> (data obrashcheniya: 01.10.2023)
13. Constituição da República Democrática de S. Tomé e Príncipe // URL: <https://www2.camara.leg.br/saotomeeprincipe/constituicao/constituicao-da-republica-democratica-de-s.tome-e#a2> (data obrashcheniya: 01.10.2023)
14. Constituição da República Democrática de Timor Leste // URL: http://timor-leste.gov.tl/wp-content/uploads/2010/03/Constituicao_RDTL_PT.pdf (data obrashcheniya: 01.10.2023)
15. Correia M., Ferreira J. P. (orgs.) VOP – Vocabulário Ortográfico do Português. 2.ª edição. Coimbra: CELGA-ILTEC, Universidade de Coimbra, 2017.
16. Declaração Constitutiva da Comunidade dos Países de Língua Portuguesa – CPLP // URL: <https://www.cplp.org/Files/Filer/Documentos%20Essenciais/DeclaraoConstitutivaCPLP.pdf> (data obrashcheniya: 01.10.2023)
17. Freire G. Casa grande & senzala. Sao Paulo: Global Editora, 2003. // URL: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/229322/mod_resource/content/1/Gilberto%20Freyre%20-%20Casa-Grande%20e%20Senzala.pdf (data obrashcheniya: 01.10.2023)
18. Ley Fundamental de Guinea Ecuatorial // URL: https://www.guineaecuatorialpress.com/pdf/Ley_Fundamental_Guinea_Ecuatorial.pdf (data obrashcheniya: 01.10.2023)
19. República da Guiné-Bissau. Assembleia Nacional Popular. Constituição da República // URL: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/pt/gw/gw001pt.pdf> (data obrashcheniya: 01.10.2023)
20. Vocabulário ortográfico Comum da Língua Portuguesa // URL: <https://voc.cplp.org/> (data obrashcheniya: 01.10.2023)

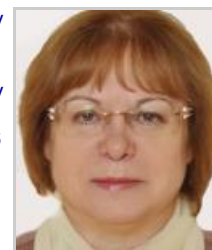
"Visible is a symbol": Nature as an animated creature pictured by Russian and German romantics

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian and Foreign Philology, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

603002, Russia, g. Nizhnii Novgorod, ul. Ul'yanova, 1, kab. 406

✉ ilchenko2005@mail.ru

Chernysheva Elena Gennad'evna

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian Classical Literature, Moscow Pedagogical State University

119991, Russia, Moscow, Malaya Pirogovskaya str., 1, p. 1.

✉ el.chernysheva@yandex.ru

Abstract. The topicality of the research refers to the problem of national identity, national code, embodied among other spheres of spiritual life and in literature. Romantics' worldview was composed on the foundation of folklore, myth and literary tradition. The system of symbolic motifs of 'infancy' and 'pre-earth life', affinity of souls, joining in death and others became significant elements of the works in the Romanticism period. The study object is the collection of writings connected to natural-philosophic ideas of Nature as a living creature. The subject-matter of the research is national identity of Romanticism, manifested in the peculiarities of Nature perception.

In the process of analysis, a comprehensive literary approach was used, combining historical-literary, historical-genetic, comparative-typological methods, which made it possible to establish the specifics of the embodiment of ideas about Nature by writers of Russia and Germany of the Romantic era.

Presenting the natural-philosophic system of life conception, the writers relied on F. Schelling's philosophy. It is demonstrated that Russian romantics associate the origin of ideal female images with Heaven (angel-woman) and German romanticists – with the Earth (flower woman). Angel woman and flower woman help the characters to understand the essence of the existence. Natural symbols used in the works (sky, earth, flower atc.) and other symbolic images (melody, kiss, icon etc.) convey the specific mystic world understanding of the authors. Novelty of the research lies in the analysis of dominant images, that makes it possible to determine 'the independence of the face' of romantics in Russia and Germany, basing on the idea of a man dependent on Nature that existed in the developed national tradition. This approach makes it possible to specify the understanding of the particular characteristics of archetypic female images presented in ethnic-cultural sphere.

Keywords: poetics, flower, angel, heaven, symbol, image, Nature, motif, plot, romanticism

References (transliterated)

1. Shelling F. V. Idei k filosofii prirody kak vvedenie v izuchenie etoi nauki. SPb.: «Nauka», 1998. 518 s.
2. Mikhnevich I. G. Opyt prostogo izlozheniya sistemy Shellinga // Fridrikh Shelling: pro et contra / Sost., vstup. St. V. F. Pustarnakova, primech. M. A. Khodanovich. SPb: RKhGI, 2001. S. 244-276.
3. Vindel'band V. Ot Kanta do Nitsshe / Perevod s nem. A. I. Vvedenskogo. M.: «KANON-press», «Kauchukovo pole», 1998. 496 s.
4. Shelling F. V. Filosofiya iskusstva / Pod obshchei redaktsiei M. F. Ovsyannikova;

- Perevod s nem. P. S. Popova. M.: Izd. «Mysl'», 1999. 608 s.
5. Mikhailov A. V. Esteticheskie idei nemetskogo romantizma // Estetika nemetskih romantikov. SPb: Izdatel'stvo S.-Peterb. Universiteta, 2006. S. 401-435.
 6. Venevitinov D. V. Utro, polden', vecher i noch' // Venevitinov D.V. Stikhotvoreniya. Proza / Izdanie podgotovili E. A. Maimin, M. A. Chernyshev. M.: Nauka, 1980. S. 134-137.
 7. Polevoi N. A. Zhivopisets // Iskusstvo i khudozhnik v russkoi proze pervoi poloviny XIX veka: Sb. proizvedenii / Sost. i avtor kommentariiev Karpov A. A.; avt. vstupit. stat'i Markovich V. M. L.: Izd. Leningradskogo universiteta, 1989. S. 122-236.
 8. Kireevskii I. V. Opal //Russkaya fantasticheskaya proza epokhi romantizma (1820-1840). L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1991. S. 211-222.
 9. Aksakov K. S. Oblako // Russkaya fantasticheskaya proza epokhi romantizma (1820-1840). L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1991. S. 484-496.
 10. Lermontov M. Yu. Stikhotvoreniya // Lermontov M. Yu. Sobranie sochinenii. Tom pervyi. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. 648 s.
 11. Polevoi N. A. Blazhenstvo bezumiya // Polevoi N. A. Izbrannye proizvedeniya i pis'ma / Sost., podg. teksta, vstup. St., primech. A. A. Karpova. L: Khudozhestvennaya literatura, 1986. S. 89-133.
 12. Grech N. I. Chernaya zhenshchina //Tri starinnykh romana. Kniga vtoraya. M.: «Sovremennik», 1990. S.6-318.
 13. Kogan P. Ocherki po istorii zapadnoevropeiskikh literatur. Tom pervyi. Izd. 7-e. Petrograd: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo, 1921. 384 s.
 14. Novalis. Geinrikh fon Ofterdingen / Perevod Z. Vengerovoi i V. Gippiusa. Peterburg: Izdatel'stvo «Vsemirnaya literatura», 1922. 174 s.
 15. Beme Ya. Avrora, ili Utrennyaya zarya v voskhozhdenii / Perevod A. Petrovskogo. SPb: Izdatel'stvo «Azbuka», 2000. 412 s.
 16. Brentano K. Mirochka / Perevod M. Korneevoi // Skazki nemetskih pisatelei / Sost. A. K. Slavinskaya. L.: Lenizdat, 1989. S. 82-94.
 17. Gofman E. T. A. Zolotoi gorshok / Perevod VI. Solov'eva // Gofman E. T. A. Sobranie sochinenii: V 8 t. M: TERRA, 2009. T.1. S. 217-298.
 18. Gofman E. T. A. Zhizn' i tvorchestvo. Pis'ma, vyskazyvaniya, dokumenty / Perevod s nem. Sostav. K. Gyuntselya. M.: «Raduga», 1987. 484 s.
 19. Gofman E. T. A. Korolevskaya nevesta / Perevod A. Sokolovskogo // Gofman E. T. A. Serapionovy brat'ya. Sochineniya v 2-kh tomakh. Minsk: Navia Morionum, 1994. T.2. S. 158-196.
 20. Gofman E. T. A. Epizod iz zhizni trekh družei / Perevod A. Sokolovskogo //Gofman E. T. A. Serapionovy brat'ya. Sochineniya v 2-kh tomakh. Minsk: Navia Morionum, 1994. T.1. S. 85-116.
 21. Odoevskii V. F. Kosmorama // Sil'fida. Fantasticheskie povesti russkikh romantikov. M: Sovremennik,1988. S. 480-524.
 22. Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskii slovar' /Otv. redaktor S.M. Tolstaya. Izd. 2-e. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002. 512 s.
 23. Baeshko L. S., Gordienko A. N., Gordienko A. N. Entsiklopediya simvolov / Pod red. O. V. Perzashkevicha. M.: Eksmo, 2007. 304 s.
 24. Lotman Yu. M. Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka). SPb: «Iskusstva-SPb», 1994. 399 s.
 25. Zhukovskii V. A. Undina // Fuke F. de la Mott. Undina. M.: Nauka, 1990. S. 104-222.

26. Paskvinelli B. Zhest i ekspressiya /entsiklopediya iskusstva/ Perevod s ital'yanskogo I. E. Pruss. M.: «Omena», 2009. 368 s.
27. Gofman E. T. A. Povelitel' blokh / Perevod M. Petrovskogo // Gofman E. T. A. Pesochnyi chelovek / Sost., predislovie primechaniya R. Grishchenkova. SPb: Izdatel'skii dom «Kristall», 2000. S. 747-895.
28. Kireevskii I. V. Rech' Shellinga //Kireevskii I. V. Kritika i estetika. M.: Iskusstvo, 1979. S. 238-248.
29. Gesse G. Iris / Perevod S. Osherova // Skazki nemetskikh pisatelei / Sost. A. K. Slavinskaya. L.: Lenizdat, 1989. S. 352-367.

S.G. Chavain's novel "Elnet": the unity of the Mari language, folklore and traditions

Shkalina Galina Evgen'evna

Doctor of Cultural Studies

Professor, Department of Culture and Arts, Mari State University

424020, Russia, Republic of Mari El, Yoshkar-Ola, 44 Kremlevskaya str., office 302

✉ gshkalina@mail.ru

Abstract. The article contains an analysis of the genre content and poetics of the novel "Elnet" by the classic of Mari literature Sergey Grigoryevich Chavain in the unity of the Mari language, folklore and cultural traditions of the Mari people. The work is considered as a "linguistic metaphor", in the context of ideological issues of the epoch, as an intellectual novel in the Mari national literature. The author's concept associated with the archetypal image of the Elnet River, symbolically placed in the title of the work, is revealed, its connection with the writer's ideological plan, as well as with the Mari national and world cultural tradition, its literary and artistic context is revealed. Considerable attention is paid in the article to the consideration of this image as an expression of the traditional ancestral faith, the core of which is the worship of nature and the cultivation of the human in man in the bosom of the "accommodating and nurturing landscape" (the term of Lev Gumilev). The article is devoted to a comprehensive and interdisciplinary study of the classic novel of Mari literature. The content of the actual literary text of the novel is considered in a broad socio-cultural context, through the prism of the mythological, philosophical, and aesthetic views of the Mari people. 3. The article proves that the name of Sergei Grigoryevich Chavain is one of the most fateful for the Mari nation; the author of the novel "Elnet" was concerned about the state of the intellectual and cultural status of the nation, its world-building horizon; the writer remains today a "singer of the people", a vivid symbol of national life. For the first time in regional science, the question is raised about the main levels of the Mari world created in the novel "Elnet" by Sergei Grigoryevich Chavain, vividly traced in the title image – the image of Elnet; they are defined in the article as follows: 1) Elnet as a tributary of the Volga, one of the most beautiful rivers in the territory of the Mari territory; 2) Elnet as the motherland, the Ecumene; 3) Elnet as the "golden" world of wonderful Mari songs; 4) Elnet as the prophetic Path of the Mari people. The story of Mari, understood by S. Chavain, is a Road leading into the distance behind an open door, at the same time it is a spiritual process fueled by a rich cultural heritage, currents of the present, and a dream of accomplishment.

Keywords: Mari world, An intellectual novel, folklore intertext, Chavain, novel, Mari literature, ethnoesthetics, ethnopoeitics, Cultural context, Archetype

References (transliterated)

1. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let. M.: Khudozh. lit., 1975. 504 s.
2. Lotman Yu. M. Semiosfera. S.-Peterburg: «Iskusstvo-SPB», 2000. 704 s.
3. Vasinkin A. A. «Iznachal'naya pesnya» // Sergei Chavain. Roshcha: stikhotvorenie. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo. 1998. S. 3–12.
4. Domokosh P. Formirovanie literatur malykh ural'skikh narodov. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1993. 288 s.
5. Kudryavtseva R. A. Genezis i dinamika poetiki mariiskogo rasskaza v kontekste literatur narodov Povolzh'ya: monografiya / Mar. gos. un-t. Ioshkar-Ola, 2011. 324 s.
6. Kudryavtseva R. A. Mariiskie narodnye pesni v khudozhestvennoi strukture romana S. G. Chavaina «Elnet» // Litera. 2023. № 3. S. 147–175. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39788 (data obrashcheniya: 4.10.2023).
7. Murav'ev VI. Pervyi mariiskii pisatel' // S. G. Chavain. Elnet: roman / perevod s mariiskogo VI. Murav'eva. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1988. S. 3–12.
8. Nurminskii S. A. Ocherk religioznykh verovanii cheremis // Pravoslavnyi vestnik. 1862. № 3. S. 21–39.
9. Pevets naroda: vospominaniya i dokumental'nye ocherki o S. G. Chavaine. Ioshkar-Ola: Mar. kn. Izd-vo, 1988. 200 s.
10. Put' natsional'nogo samoopredeleniya naroda mari. 100-letiyu obrazovaniya Respubliki Marii El posvyashchaetsya / avt.- sost. E. P. Kuz'min, R. I. Chuzaev. M.: RK «Galeriya», 2019. 112 s.
11. Pushkin A. S. Mednyi vsadnik // URL: <https://www.culture.ru/poems/5072/mednyi-vsadnik> (data obrashcheniya: 13.10.2023).
12. Chavain S. G. Vozymyzho kum tom dene luktaltesh. 3 tom: P'esa-vlak. «Elnet» roman. Ioshkar-Ola: Knigam luksho marii izdatel'stvo, 1981. 428 s.
13. Chavain S. G. Letnee utro: stikhi / perevod s mariiskogo A. Ya. Spiridonova. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo. 1988. 16 s.
14. Chavain S. G. Chumyren lukmo oipogo. I tom / K. K. Vasin den G. S. Chavain chumyrenyt. Ioshkar-Ola: Marii kniga savyktysh, 2008. 336 s.
15. Chavain S. G. Elnet: roman / per. s mar. VI. Murav'eva. Ioshkar-Ola: Mar. kn. Iz-vo, 1988. 259 s.
16. Chavain S. Roshcha: stikhotvorenie / sost. A. V. Selin, A. T. Timirkaev. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo. 1998. 72 s.
17. Shkalina G. E. Svyashchennyi mir mariiskii. Ioshkar-Ola: Izd. dom «Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo», 2019. 303 s.

L. N. Tolstoy's Pattern in the cultural landscape of Crimea

Kotliar Elena Romanovna

PhD in Art History

Associate Professor, Department of Visual and Decorative Art, Crimean Engineering and Pedagogical

University named after Fevzi Yakubov

295015, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, lane. Educational, 8, room 337

✉ allenkott@mail.ru

Reznik Oksana Vladimirovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Library and Information Activities and Interlanguage Communications; Crimean University of Culture, Art and Tourism

295017, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Kievskaya str., 39, office 8

✉ oreznik2005@yandex.ru

Gotsanyuk Natal'ya Yur'evna

Head of the Promotion and Interaction Department at the State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Republic of Crimea "Crimean University of Culture, Arts and Tourism"

295017, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Kievskaya str., 39, office 8

✉ allenkott@mail.ru

Abstract. The cultural landscape as a concept is not a homogeneous formation, but, like a mosaic, includes patterns of cultures, both ethnic groups and state and other entities, religions, professional traditions, art, literature, science. Outstanding personalities who have contributed to the culture of the area have a separate role. The Crimean cultural landscape is rich and diverse, which is natural for a multiethnic region with a rich centuries-old history. Many outstanding figures of culture and art have contributed to the cultural landscape of Crimea, such as artists I.K. Aivazovsky, M.A. Voloshin, K.F. Bogaevsky, poets and writers A. Mickiewicz, A. S. Pushkin, I. Shmelev, architects A. N. Beketov, P.Ya. Saferov and N.P. Krasnov, composer A. Karamanov, ethnographer and sociologist N.Y. Danilevsky and many others. The subject of this article is the contribution to the cultural landscape of Crimea of the outstanding writer, cultural and philosophical figure, Leo Nikolaevich Tolstoy. Research methods used in the article are: the method of historicism in retrospect of the details of the cultural landscape of the Crimea, the method of historiography in clarifying the concept of cultural landscape, the associative-artistic method in comparing what L.N. Tolstoy wrote about the Crimea and its contribution to the cultural landscape. The scientific novelty of the research consists in understanding L. N. Tolstoy's contribution to the cultural landscape of Crimea. The cultural landscape of Crimea is rich and diverse due to both the unique natural and climatic zone and the geographical location of the peninsula on the way from east to west, which since ancient times has led to the polyethnicity, polylingualism, and multi-confessional nature of the Crimean cultural ecumene. The formation of the Crimean cultural landscape was influenced not only by communities, but also by prominent personalities who lived and/or visited the peninsula at different times. The contribution to the Crimean culture of the famous writer, philosopher, educator L. N. Tolstoy consists in his deep philosophical understanding of the local cultural flavor, expressed in the cycle "Sevastopol stories", as well as in the diaries of the writer, where he talks about Crimea as a place whose beauty and harmony embodies the philosophical harmony of thought, understanding by man and his the eternal pursuit of goodness and light as the goal of life.

Keywords: the Crimean text of culture, russian literature, location, topographic realities,

cultural significance, Lev Nikolayevich Tolstoy, Crimea, cultural landscape, Sevastopol, memoirs

References (transliterated)

1. Belkina S.V. Kul'turnoe nasledie Kryma kak faktor razvitiya regional'nogo turizma: dis. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata kul'turologii. Simferopol', 2021. 210 s.
2. Berestovskaya D. S. Kul'turnye landshafty Kryma: kollektivnaya monografiya. Simferopol': IT «Ariol», 2016. 380 s.
3. Danilevskii V. Ya. Rossiya i Evropa. Vzgl'yad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu. M. : Institut russkoi tsivilizatsii, 2011. 813 s.
4. Zamyatin D. N. Gumanitarnaya geografiya: predmet izucheniya i osnovnye napravleniya razvitiya. // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2010. № 4. S. 126-138.
5. Kaganskii V. L. Landshaft i kul'tura // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1997. № 1. S. 160-169.
6. Kur'yanova V. V. Krymskii tekst v tvorchestve L. N. Tolstogo. Simferopol'. Biznes-Inform, 2015. 220 s.
7. Likhachev D. S. Izbrannoe: Mysli o zhizni, istorii, kul'ture M.: Rossiiskii Fond kul'tury, 2006. 336 s.
8. Loseva I. N., Kapustin N. S., Kirsanova O. T., Takhtamyshev V. G. Mifologicheskii slovar'. Rostov-na-Donu: Feniks, 1997. 576 s.
9. Lotman Yu. M. Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2000. 704 s.
10. Lotman Yu.M. Izbrannye stat'i : v 3 t. Tallinn : Aleksandra, 1992. T.1 Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. 450 s.
11. Prokhorov D. A., Khrapunov N. I. Kratkaya istoriya Kryma. Simferopol' : Dolya, 2013. 400 s.
12. Tolstoi L. N. Sevastopol'skie rasskazy // Sobranie sochinenii v 8 t. T. 1. M. : Leksika, 1996.
13. Tolstoi L. N. D'yavol // Sobranie sochinenii v 22 t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1982. T. 12. S. 211-255.
14. Tolstoi L.N.. Dnevnik. 1901 g. // Tolstoi L.N. Sobranie sochinenii v 22 tt. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1985. T. 22. S. 130-141.
15. Shishkina A. A. Kul'turnyi landshaft: osnovnye kontseptsii. Filosofiya. Kul'turologiya. // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. Seriya «Sotsial'nye nauki», 2011. № 1 (21). S. 151-157.

From the search for the "quiet girl" in N. Gumilev's poetry

Porol Polina Vadimovna

PhD in Philology

Senior Lecturer, Department of Russian Language and General Educational Disciplines, Orenburg State University

13 Pobedy Ave., Orenburg, 117198, Russia

✉ olgaporol@mail.ru

Porol Olga Anatolevna

Doctor of Philology

Associate Professor, Department of Russian Philology and Methods of Teaching the Russian Language, Orenburg State University

46000, Russia, Orenburg, Pobedyave., 13

✉ olgaporol@mail.ru

Abstract. N. Gumilev's appeal to the theme of China can be traced in a number of his poetic texts, the pinnacle of which can be called the cycle of poems "Porcelain Pavilion" (1918). The study examines one of the dominant Chinese images in N. Gumilev's poetry – the image of a Chinese girl, clearly visible among the space of poetic texts created by the poet – both Chinese and Russian. Special attention is paid to the interpretation of poetic works, the semantics and functioning of the image of a Chinese girl in the poet's perception are analyzed. During the research, the authors of the article turn to the cultural and historical realities of China, its philosophy and mythology. China and Russia are separated in N. Gumilev's mind and, at the same time, merged into one in a number of works. The reasoning and conclusions of the authors of the article are based on critical research, a comparison of two cultures. The analysis of poetic works was carried out in the semantic aspect using the search for textual parallels. The study was carried out using the structural-semiotic method. What was new in the work was the identification and interpretation of the image of a Chinese girl in N. Gumilev's poetry. During the research, the following poetic works were analyzed: "The Queen" (1909), "I believed, I thought..." (1911), "The Girl" (1912), "The Moon on the Sea" (1918), "The Road" (1918), "The Three Wives of the Mandarin" (1918). In the cycle "Porcelain Pavilion", the image of a Chinese girl occurs nine times. The genesis of the "quiet girl" in the poems under consideration is revealed. It was found that the image of a Chinese girl corresponds to the "canons of the image" of Nothing ("The Queen"). The image of a Chinese girl symbolizes the outcome of human existence in a world without God, without being in its highest sense ("I believed, I thought..."). In the poem "Moon on the Sea", as in the subsequent poems of the cycle "Porcelain Pavilion" ("Connection", "Poet", "House"), N. Gumilev adheres to the Chinese tradition, comparing the female image with the moon.

Keywords: young woman, mythology, interpretation, Chinese tradition, aesthetics, reception, image, China, Gumilev, poetry

References (transliterated)

1. Bronguleev V. V. Posredine stranstviya zemnogo: Dokumental'naya povest' o zhizni i tvorchestve N. Gumileva: Gody 1886-1913. M.: Mysl', 1995. 351 s.
2. Gumilev N. S. Polnoe sobranie sochinenii v 10 t. M.: Voskresen'e, 2001.
3. Gumilev N. S. Stikhotvoreniya i poemy. L.: Sovetskii pisatel', 1988. 632 s.
4. Kovalenko A. G., Porol' P. V. Kitaiskii tekst v stikhotvorenii N. Gumileva // Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. №3, 2021. S. 529-536.
5. Luknitskaya V. Nikolai Gumilev: Zhizn' poeta po materialam domashnego arkhivasem'i Luknitskikh. L.: Lenizdat, 1990. 302 s.
6. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Slovar' russkogo yazyka. M.: AZ''', 1994. 907 s.
7. Porol' O. A. Ideino-smyslovyedominanty v pozdnem tvorchestve A. S. Pushkina // Pushkinskie chteniya - 2020. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoi i novoi slovesnosti: zhanr, avtor, tekst: materialy XXV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2020. S. 73-84.

8. Porol' P. V. Kitai v poezii N. Gumileva // Nikolai Gumilev - "Zolotoe serdtse Rossii". Kollektivnaya nauchnaya monografiya po itogam provedeniya v Sankt-Peterburge 15-17 aprelya 2021 g. Pyatikh mezhdunarodnykh Gumilevskikh chtenii. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga, 2023. S. 264-270.
9. Porol' P. V. Kitai v retseptsii poetov Serebryanogo veka (poetika i estetika): dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. Moskva, 2020. 183 s.
10. Porol' P. V. Retseptsiya obraza Kitaya v tsikle stikhotvorenii N. Gumileva "Farforovyi pavi'on" // Pushkinskie chteniya - 2020. Khudozhestvennye strategii klassicheskoi i novoi slovesnosti: zhanr, avtor, tekst: materialy XXV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2020. S. 194-203.
11. Slobodnyuk S. L. Elementy vostochnoi dukhovnosti v poezii N.S. Gumileva // N. Gumilev. Issledovaniya i materialy. Bibliografiya. SPb.: Nauka, 1994. 678 s.
12. Khanzen-Leve A. Russkii simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Rannii simvolizm. SPb.: Akademicheskii proekt, 1999. 512 s.
13. Owen S. On the discussion of couplets in Chinese verse // Traditional Chinese Poetry and Poetics: Omen of the Word, Madison: The University of Wisconsin Press, 1985. C. 91-96.
14. The Silver Age in Russian Literature. London: Palgrave Macmillan, 1999. 200 p.

Discursive formulas of response in Modern Greek

Onufrieva Elizaveta Sergeevna

PhD in Philology

Lecturer at the Department of Byzantine and Modern Greek Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 51

✉ lisa.onufrieva@gmail.com

Tresorukova Irina Vitalievna

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of Byzantine and Modern Greek Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 51

✉ itresir@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the study of discursive formulas of response in Modern Greek. Discursive formulas of response, i.e. idioms which are used in speech as a reaction to what was previously said by the interlocutor and which reproduce some of the phonetic properties of the previous utterance, constitute one of the most language-specific layers of phraseology and pose a difficulty for a correct decoding and translation. The aim of the article is to describe the little-studied material of Modern Greek formulas of response, to determine their types and specific properties and to identify typical communicative situations in which they are used. The study is based on the instances of use of such structures in literary works, internet texts, movies and series in Modern Greek, along with data from dictionaries. Methods of structural, semantic, contextual and comparative analysis are used. The findings of the study provide evidence that in Modern Greek there exist structures corresponding to the definition of discursive formulas of response. Eight types of such structures can be distinguished based on the type of the initiating utterance: reactions to a question; reactions

to an address; reactions to an expression of agreement or disagreement; reactions to an expression of opinion or an evaluation; reactions to a factual statement; reactions to a greeting, a farewell or a well-wish; reactions to an expression of gratitude; reactions to a directive. It is shown, however, that the key role in every case is played by the actual lexical make-up of the initiating utterances. From the authors' point of view, what is particularly interesting for the comparative analysis of discursive formulas of response in different languages is the fact that some Modern Greek formulas of response have the form of a curse or of an ill-wish.

Keywords: curse, rhyme, phonetic resemblance, initiating utterance, reactive utterance, formulas of response, phraseology, discursive formulas, speech formulas, Modern Greek

References (transliterated)

1. Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. Aspekty teorii frazeologii. M.: Znack, 2008. 656 s.
2. Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. Osnovy frazeologii. M.: FLINTA: Nauka, 2014. 312 s.
3. Roizenzon L. I. Lektsii po obshchei i russkoi frazeologii. Samarkand: [b. i.], 1973. 223 s.
4. Permyakov G. L. Osnovy strukturnoi paremiologii. M.: Nauka, 1988. 235 s.
5. Boitsova O. Yu. «Kon' v pal'to»: struktura i funktsii shutochnykh otvetov // Zhivaya starina. № 3, 2010. S. 9-11.
6. Βαρβούνης Μ. Γ. Υβριστικά, βωμολοχικά και σκωπτικά λαϊκά ανταπαντήματα // Λαογραφία. № 41, 2007. Σ. 139-144.
7. Δουλαβέρας Α. Ν. Λαογραφία του έντεχνου λαϊκού λόγου. Παράδοση και νεωτερικότητα. Τόμος Α'. Θεσσαλονίκη: Κ. & Μ. Σταμούλης, 2020. 396 σ.
8. Bragina N. G., Sharonov I. A. «Pedagogicheskaya» agressiya v russkoi bytovoi kommunikatsii // Russian Journal of Linguistics. T. 23, № 4, 2019. S. 975-993.
9. Chesnokov I. I. Diskursivnaya taktika poruganiya: kosvennye formy ob'ektivatsii // Voprosy psikhologvistik. № 3 (21), 2014. S. 98-107.
10. Khairov Sh. V. – Kto? – Kon' v pal'to! Dialogicheskie idiomy v slavyanskikh yazykakh: yazykovaya igra i rechevaya agressiya // Emotsional'naya sfera cheloveka v yazyke i kommunikatsii: sinkhroniya i diakhroniya – 2019. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. M.: Institut yazykoznaniya RAN, 2019. S. 241-247.
11. Shkapenko T. M. Funktsional'no-pragmaticheskie osobennosti assonansnykh frazeorefleksov // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. № 8, 2014. S. 49-54.
12. Bondarenko V. T. Otvetnye frazeologicheskie repliki russkoi rechi kak ob'ekt leksikograficheskogo opisaniya // Problemy istorii, filologii, kul'tury. №. 2 (24), 2009. S. 644-648.
13. Τραχίλης Σ. Η αντιλαβή εις τας κατάρας και παροιμίας // Λαογραφία. № 8, 1921. Σ. 376-378.
14. Σκαρτσής Σ. Α. Μικρομορφές της λαϊκής λογοτεχνίας. Αθήνα: Ελληνικά Γράμματα, 1999. 230 σ.
15. Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. Printsipy semanticheskogo opisaniya frazeologii // Voprosy yazykoznaniya. № 6, 2009. S. 21-34.
16. Bondarenko V. T. Otvetnye repliki kak istochnik yazykovoi igry // Ucheni zapiski Tavriiskogo natsional'nogo universitetu im. V. I. Vernads'kogo. Seriya: Filologiya. Sotsial'ni komunikatsii. T. 25 (64), № 2 (1), 2012. S. 286-289.

17. Blinova O. V. Dialogicheskii ping-pong: russkie, ukrainskie, pol'skie rifmovannye formuly otveta // Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Soznanie i rechevaya deyatel'nost': sotsio- i lingvokul'turologicheskie aspekty». 26 – 27 fevralya 2014 goda. SPb.: Universitetskie obrazovatel'nye okruga, 2014. S. 113-119.
18. Ortega Madrid J. Fraseología burlesca en el habla de Cartagena // Revista de folklore. Nº 420, 2017. P. 23-44.
19. Luque Nadal L. Sobre los límites de la fraseología. Dichos y locuciones pragmático-conversacionales de carácter burlesco en español // Language Design. Nº 10, 2008. P. 87-106.
20. Salvanyà J. Els jocs de llengua en la infantesa: les rimes // Llengua nacional. Nº 74, 2011. P. 11-12.
21. Onlain-slovar' grecheskogo slenga Slang.gr. URL: <https://www.slang.gr/> (data obrashcheniya 06.12.2023).
22. Κάτος Γ. Λεξικό της λαϊκής και της περιθωριακής μας γλώσσας. Θεσσαλονίκη: Κέντρο Ελληνικής Γλώσσας, 2016. URL: <http://georgakas.lit.auth.gr/dictionaries/index.php/anazitisi/g-katou> (data obrashcheniya 06.12.2023).
23. Δημητράκος Δ. Μέγα λεξικόν όλης της Ελληνικής γλώσσας. Σε 15 τόμ. Αθήνα: Δομή, 1964. 8056 σ.
24. Χρηστικό λεξικό της Νεοελληνικής Γλώσσας / Επιμ.: Χ. Γ. Χαραλαμπίδης. Αθήνα: Εθνικό Τυπογραφείο, 2014. 1819 σ.
25. Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής. Θεσσαλονίκη: Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών του Αριστοτελείου Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης, 2017. URL: https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/ (data obrashcheniya 06.12.2023).
26. Πιοτογιαννάκη Ν. Αν έριχνες κι εσύ αυτές τις «τάπες» στο σχολείο, έχεις ζήσει γαμάτα παιδικά χρόνια! // Neopolis.gr. 10.05.2021. URL: <https://www.neopolis.gr/tapes-sto-scholio/> (data obrashcheniya 06.12.2023).
27. Παπαδέλλης Π. Εισαγωγή στη ντοπιολαλιά της Ανεμώτιας. URL: <https://panagiotispapadellis.blogspot.com/2016/06/h.html> (data obrashcheniya 06.12.2023).
28. Καβαδίας Γ. Ο πρακτικός λόγος. Κέρκυρα: Κάδμος, 1876. 104 σ.
29. Πολίτης Ν. Γ. Μελέται περί του βίου και της γλώσσας του ελληνικού λαού. Παροιμίες. Τόμ. Β'. Αθήνα: Π.Δ. Σακελλάριος, 1900. 701 σ.

The system of characters in the novel «Erenger» by Mari writer M. Shketan

Belyaeva Tatyana Nikolaevna

PhD in Philology

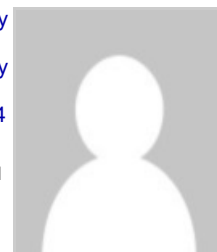
Associate Professor of the Department of Foreign Language Speech Communication, Mari State University

424039, Russia, Republic of Mari El, Yoshkar-Ola, Druzhby str., 77, block 113

✉ beljaeva1978@rambler.ru

Guseva Nadezhda Vasilevna

Abstract. This article is devoted to the analysis of the correlation of characters with each other, their individual characteristics in the novel by Yakov Pavlovich Mayorov (pen name is Shketan) «Erener». The artistic significance of literary characters in revealing the ideological and thematic content of the work, its problems, ways of expressing their character are revealed. Such heroes as Evai Petr, Vanka Savelyev, Verush, Orina, Shamrai Shumat, Klavdia Algaeva, being in the center of the prose writer's attention and having a firm character and strong will, are actively transform the artistic reality. Through actions, deeds performed, external and internal manifestations of the personality of the main character Evai Petyr, the author's basic concept of peace and man in it is expressed. This large art canvas reflects the history, life, culture of the Mari people of the early 20th century; the spiritual appearance and character of the Soviet people.

The writer managed to reveal the individual originality of the character traits of each hero of the work, psychologically subtly outline his inner world, thoughts and experiences. Revealing the fate of typical heroes of different social strata: the social formation of communists, rural intelligentsia, wealthier peasants and merchants, poor peasants who were the first to support Soviet regime, M. Shketan tells about the life of the Mari people in the period before the October Revolution of 1917, in the first decade of Soviet regime. The wide coverage of political, social problems and deep coverage of life processes in all their complexity and versatility, a vivid character system determined the artistic significance of the work. The main feature in the depiction of the novel's characters is that their life is shown in a creative relationship: influencing each other, changing the social system, the way of life, they change the heroes themselves.

Keywords: classic of literature, Mayorov Shketan, internal monologue, class conflict, New economic policy, theme, main hero, character system, novel, Mari literature

References (transliterated)

1. Gor'kii, M. Mat': roman. Moskva: Sovremennik, 1984. 288 s.
2. Ignat'ev, N. V. Savik: myskara roman. Ioshkar-Ola: Knigam luksho marii izdatel'stvo, 1979. 112 s.
3. Ignat'ev, N. V. Stal'noi veter: romany, povest' / Perevod s mariiskogo V. Murav'eva. Ioshkar-Ola: Mariiskoe kn. izd-vo, 1981. 302 s.
4. Istoriya mariiskoi literatury / Otv. redaktory K. K. Vasin, A. A. Vasinkin. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989. 432 s.
5. Marii literatur: ocherk, literaturnyi portret, esse / Nauchnyi redaktor K. K. Vasin. Knigam G. M. Pirogov chumyren. Ioshkar-Ola: Marii kniga savyktysh, 1994. 304 s.
6. Ocherki istorii mariiskoi literatury. Chast' I. Ioshkar-Ola: Mariiskoe kn. izd-vo, 1963. 424 s.
7. Ocherki istorii mariiskoi literatury. Chast' II. Ioshkar-Ola, 1960. 412 s.
8. Pisateli Marii El: biobibliograficheskii spravochnik / Sost. A. Vasinkin, V. Abukaev. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izd-vo, 2008. 752 s.

9. Serafimovich, A. S. Zheleznyi potok: povest'. Moskva: Sov. Rossiya, 1979. 175 s.
10. Fadeev, A. A. Razgrom: roman. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 1983. 159 s.
11. Furmanov, D. A. Chapaev: povest'. Moskva; Leningrad: Gos. izd-vo, 1929. 77 s.
12. Chavain, S. G. Elnet: roman / Per. s mariiskogo A. A. Kremenskogo; Il.: V. M. Koz'min. Ioshkar-Ola: Marknigoizdat, 1959. 104 s.
13. Shabdar Osyp. Ėdyramash korno: roman / Poslesl. S. Chernykh. Ioshkar-Ola: Kn. luksho marii izd-vo, 1975. 223 s.
14. Shketan, M. Roman, povest', oilymash-vlak / V. S. Zakharova yamyden. Ioshkar-Ola: Marii kniga savyktysh, 2001. 368 s.
15. Erykan, A. Kuchedalme tulesh: roman. Ioshkar-Ola: Kn. luksho marii izd-vo, 1958. 187 s.

Special vocabulary of the Russian sublanguage of social work in the stratification aspect

Mezit Anna Eduardovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Siberian Federal University

82a Svobodny ave., office 3-29, Krasnoyarsk Territory, 660041, Russia

✉ prezidentishe@yandex.ru

Kattsina Tatyana Anatolevna

Doctor of History

Associate Professor, Department of Theory and Methodology of Social Work, Siberian Federal University

79 Svobodny str., Krasnoyarsk Territory, 660041, Russia

✉ katsina@list.ru

Abstract. The article examines the vocabulary of the Russian sublanguage of social work from the standpoint of stratification terminology, identifies and characterizes the varieties of terminological vocabulary, as well as special names functioning in the lower case of the sublanguage. The object of the study is the sublanguage of social work employees. The subject of the study is the lexical composition of a special sublanguage of social work. The following methods were used in the course of the study: the method of selective receipt of special texts, the sociolinguistic method, the functional-semantic method and the method of linguistic description. The author considers the studied vocabulary from the standpoint of genesis, formal-structural criterion, motivation, on the basis of correlation with logical categories. The results of the study identified stratification categories of special vocabulary of the Russian sublanguage of social work, carried out the classification of special units by genesis, from the standpoint of formal structural criteria, on the basis of motivation and correlation with logical categories. It is revealed that the key functions of the special vocabulary in the studied sublanguage are nominative and cognitive. In the course of the research, the conclusion is made about the "maturity" of the special vocabulary of the sublanguage of social work and its high linguistic informativeness. The scientific novelty of the research lies in the fact that for the first time (within the framework of the problems of modern linguistics) a comprehensive analysis of the vocabulary of the Russian sublanguage of special work was carried out, stratification categories of professional vocabulary of the sublanguage of social work were identified.

Keywords: professional discourse, motivation, eponym, term, professional jargon, categories of special vocabulary, typology of special vocabulary, special vocabulary, sublanguage, terminology

References (transliterated)

1. Bol'shak A. V. Funktsional'no-semanticheskie osnovy terminologii sotsial'noi raboty: na materiale angliiskogo i russkogo yazykov: diss. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2005. 229 s.
2. Bol'shaya psikhologicheskaya entsiklopediya <https://psychology.academic.ru/> (data obrashcheniya: 10.08.2023).
3. Borkhval'dt O. V. Leksika zolotopromyshlennosti v aspekte istoricheskogo terminovedeniya russkogo yazyka: diss. ... d-ra filol. nauk. Krasnoyarsk, 2000. 517 s.
4. Bursina O. A. Terminologiya sotsial'noi raboty: struktura, semantika i funktsionirovanie: na materiale angloyazychnoi literatury dlya sotsial'nykh rabotnikov: avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2014. 23 s.
5. Glossarii sotsial'noi raboty. Moskva: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K», 2008. 220 s.
6. GOST R 52143 Sotsial'noe obsluzhivanie naseleniya. Osnovnye vidy sotsial'nykh uslug. <https://docs.cntd.ru/document/1200107237> (data obrashcheniya: 10.08.2023).
7. GOST R 52495 Sotsial'noe obsluzhivanie naseleniya. <https://legalacts.ru/doc/gost-r-52495-2005-natsionalnyi-standart-rossiiskoi-federatsii/> (data obrashcheniya: 10.08.2023).
8. GOST R 52884 Sotsial'noe obsluzhivanie naseleniya. Poryadok i usloviya predostavleniya sotsial'nykh uslug grazhdanam pozhilogo vozrasta i invalidam. <https://docs.cntd.ru/document/1200061326> (data obrashcheniya: 10.08.2023).
9. GOST R 57760 Sotsial'noe obsluzhivanie naseleniya. Kommunikativnye reabilitatsionnye uslugi grazhdanam s ogranicheniyami zhiznedeyatel'nosti. <https://docs.cntd.ru/document/1200156935> (data obrashcheniya: 10.08.2023).
10. Zhigunova Zh. G. Angliiskaya terminologiya sotsial'noi raboty v diakhronii i sinkhronii: diss. ... kand. filologicheskikh. Omsk, 2003. 155 s.
11. Komarova Z. I. Semanticheskaya struktura spetsial'nogo slova i ee leksikograficheskoe opisanie. Sverdlovsk: Ural, 1991. 156 s.
12. Korovushkin V. P. Osnovy kontrastivnoi sotsiolektologii: diss.. ... doktora filologicheskikh nauk. Pyatigorsk. 2005. 646 c.
13. Leksikon sotsial'noi raboty. Volog. gos. ped. un-t. Vologda: Rus', 2001. 295 s.
14. Lubozheva L. N. «Professional'naya» ili «terminologicheskaya» leksika // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya. 2008. № 1. S. 210–213.
15. Mamaeva T. V. Pod'yazyk okhotnich'ego promysla XIX – nachala XX vv. v svete teorii polya // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva. 2012. № 3. S. 250–254.
16. Mezit A. E. Pod'yazyk i professional'naya yazykovaya kartina mira rabotnikov gidroenergeticheskoi otrasli (funktsional'nyi i leksikograficheskii aspekty): diss. ... kand. filol. nauk. Krasnoyarsk, 2018. 249 s.
17. Osnovnye terminy i ponyatiya po napravleniyu podgotovki «Sotsial'naya rabota». Slovar'-tezaurus. 2019. 330 s.

18. Psikhologicheskaya entsiklopediya <https://vocabulary.ru/termin/parkinsona-bolezn.html> (data obrashcheniya: 10.08.2023).
19. Rozental' D. E., Telenkova M. A. Spravochnik po russkomu yazyku. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Moskva: ONIKS 21 vek; Mir i Obrazovanie, 2003. – 623 s.
20. Superanskaya A. V., Podol'skaya N. V., Vasil'eva N. V. Obshchaya terminologiya: voprosy teorii. Moskva: Nauka, 1989. – 246 s.
21. Fel'de O. V. Yazyki dlya spetsial'nykh tselei v istoriko-lingvisticheskom aspekte // Vestnik Buryatskogo universiteta. 2013. № 10. S. 50–55.
22. Hoffmann L. Kommunikationsmittel Fachsprache: Eine Einfuhrung. Berlin: Akademie-Verlag. 1976. 498 p.

E. F. Rosen against Slavophilism: two articles on the "Moskovsky sbornik" of 1847

Kuts Nikolai Viktorovich

Postgraduate student, Department of the History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ nikolaikuts@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the perception by Baron E. F. Rosen - poet, playwright and critic, author of the libretto for the opera by M. I. Glinka "Life for the Tsar" (1836) - of the ideas of Slavophilism and pan-Slavism in the second half of the 1840s. The object of the study was two anonymous reviews of the Slavophile "Moscow Literary and Scientific Collection", published in 1847, the authorship of which was announced by Rosen himself during a printed discussion with S. P. Shevyrev about N. V. Gogol's book "Selected passages from correspondence with Friends" published in the same year. Other printed works by Rosen on the pages of the newspaper "Severnaya Pchela" and the magazine "Son of the Fatherland" are also used as material. The main research methods are hermeneutical and cultural-historical. Rosen's texts are considered in connection with the socio-political situation of the 1840s. The scientific novelty of the study lies in the introduction into scientific circulation of two texts not previously attributed to Rosen. The main conclusions of the study are as follows: 1) in 1847 Rosen treated the ideas of Slavophilism and pan-Slavism sharply negatively, but in 1848, apparently, against the background of news about revolutions in Western Europe, he drew closer to the Slavophiles in reasoning about the special beginning of the Russian people, "an unthinking sense of morality" opposed to Western European rationalism; 2) Rosen's differences with the Slavophiles were explained by his enlightening Westernism based on N. M. Karamzin and A. S. Pushkin; 3) the official ideology of the Nicholas reign imposed a certain imprint on Rosen's views; 4) the baron assigned a powerful civilizing role to the autocratic government.

Keywords: Karamzin, Pushkin, controversy, literary criticism, Slavophilism, Khomyakov, Pogodin, Shevyrev, Rosen, Aksakov

References (transliterated)

1. Barsukov N. P. Zhizn' i trudy M. P. Pogodina. Kn. 4. SPb., 1891. – 458 s.
2. Vatsuro V. E. Rozen Egor Fedorovich // Russkie pisateli. 1800-1917: Biograficheskii slovar'. T. 5. M.: Bol'shaya Ros. entsiklopediya, 2007. S. 341-344.
3. <Dudyshkin S. S.> Russkaya literatura v 1847 g. // Otechestvennye zapiski. 1848. T.

56. № 1. Otd. 5. S. 1-30.
4. Katsis L. F., Odesskii M. P. "Slavyanskaya vzaimnost'": Model' i topika. Ocherki. M.: Izdatel'skii dom "Regnum", 2011. – 314 s.
5. Kuts N. V. E. F. Rozen kak sotrudnik zhurnala "Moskovskii vestnik" i propagandist russkoi literatury v Ostzeiskom krae // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. T. 16, № 8. S. 2401-2406.
6. Rozen E. F. Iz stat'i "Ssylka na mertvykh" // A. S. Pushkin v vospominaniyakh sovremennikov. T. 2. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1974. S. 271-278.
7. <Rozen E. F.> Moskovskii literaturnyi i uchenyi sbornik. Stat'ya I // Syn otechestva. 1847. № 10. Otd. 6. S. 1-16.
8. <Rozen E. F.> Moskovskii literaturnyi i uchenyi sbornik. Stat'ya II // Syn otechestva. 1847. № 10. Otd. 6. S. 1-22.
9. Rozen E. F. Otvet S. P. Shevyrevu // Severnaya pchela. 1848, № 57 (12 marta). S. 227-228.
10. Rozen E. F. Pis'mo k "Moskvityaninu" ot barona Rozena // Syn otechestva. 1848. № 7. Otd. 6. S. 19-31.
11. Shevyrev S. P. Otvely // Moskvityanin. 1848. № 4. Otd. kritiki. S. 105-125.

Content strategies of Chinese reality shows in the era of media convergence

Zhen Chen

Graduate student, Peoples' Friendship University of Russia
117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ chenzhen66666@gmail.com

Abstract. The scientific article is devoted to the study of content strategies used in Chinese reality shows during the period of media convergence. In the era of rapid media development and the merging of various platforms, the evolution of content approaches in Chinese reality programs is analyzed. The study focuses on the impact of this evolution on viewers and the role of reality TV in China's cultural and media landscape. The article is devoted to a detailed study of the content strategies of Chinese reality shows in the context of the modern era of media convergence. The authors analyze the impact of technological innovations and changes in the media environment on the development and presentation of reality formats, as well as the reaction of the Chinese audience to these changes. The article examines the various strategies used by producers to adapt to the new demands of the digital era and effectively interact with viewers. The article is based on the analysis of the study of content strategies that are actively used today in modern Chinese reality shows, during the period of rapid development of media convergence. To achieve this goal, a comprehensive methodological approach was applied, including an analysis of the content of reality programs, a review of relevant literature on the topic and interviews with participants and viewers. The study showed the evolution of content strategies in Chinese reality shows, reflecting the decisive influence of media convergence on the production and perception of content. The current key trends and changes in the representation of reality, as well as interaction with the audience, are analyzed.

The results of the study can be used to improve strategies for creating and promoting content in modern conditions of media convergence, as well as in the field of cultural studies and

media research. The work contributes to understanding the dynamics of changes in the content of Chinese reality shows in the context of media convergence, identifying unique aspects of this process in Chinese culture and society. The study confirms the importance of adapting content strategies under the influence of media convergence and puts forward proposals for the development of more effective content approaches in the modern Chinese media environment.

Keywords: platform convergence, research methodology, cultural landscape, media environment, audience engagement, content evolution, media convergence, content strategies, Chinese reality shows, trends in reality programs

References (transliterated)

1. Vartanova E.L., Kolomiets V.P. (red.). *Televidenie v Rossii v 2017 godu: Sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya: Otrasevoi doklad*. M.: Fed. agentstvo po pechaty i massovym kommunikatsiyam, 2018. – 107 c.
2. Vasil'eva T.V., Osinskii V.G., Petrov G.N. *Kurs radiotelevizionnoi zhurnalistiki: ucheb. posobie*. SPb.: Spets. lit., 2004. – 288 s.
3. Dolgova Yu.I., Gulenko P.V. Problemy klassifikatsii sovremennykh teleperedach: sushchnostnye kharakteristiki formata «tok-shou» // *Vestnik RUDN. Literaturovedenie. Zhurnalistika*. 2016. № 3. S. 102-110.
4. Dolgova Yu.I., Peripechina G.V. (red.) *Televizionnaya zhurnalistika*. M: Aspekt Press, 2019. – 208 c.
5. Novikova A.A. *Televizionnaya real'nost': ekrannaya interpretatsiya deistvitel'nosti*. M.: Izd-vo Vyssh. shk. ekon., 2013. – 38 s.
6. Poluekhtova I.A. (red.) *Televidenie glazami telezritelei*. M.: OOO «NIPKTS Voskhod-A», 2012. – 364 s.
7. Urazova S.L. (red.) *Sotsiokul'turnaya rol' rossiiskogo TV v natsional'nom informatsionnom prostranstve*. M. : IP Golovko Sergei Boriel'evich, 2014. – 280 s.
8. Shesterkina L.P., Nikolaeva T.D. *Metodika televizionnoi zhurnalistiki*. M.: Aspekt Press, 2012. – 382 s.
9. Bignell J. *An Introduction to television studies*. London; New York : Routledge, 2008. – 336 r.
10. Brian G.R. (ed.) *TV Genre: A Handbook and Reference Guide*. Westport : Greenwood Press, 1985. – 453 r.
11. Casey B. et al. *Television Studies: The Key Concepts*. London : Routledge, 2002. – 150 r.
12. Dahlgren P. (1995) *Television and the Public Sphere*. London : Sage, 1995. – 210 r.
13. Feuer, J. *Genre Study and Television // Channels of Discourse, Reassembled: Television and Contemporary criticism*. Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1992. P. 138-160.
14. G. Turner, J. Tay (eds) *Television studies after TV: Understanding television in the post-broadcast era*. London ; New York : Routledge, 2009. – 382 r.
15. Greeber G. *The Television genre book*. London ; New York : Bloomsbury publishing, 2015. – 118 r.
16. Kilborn R. *Mixing and Matching: the hybridising Impulse in today's factual television programming // Genre Matter: Essays in Theory and Criticism*. Bristol, Portland : Intellect books, 2006. – 295 r.

17. Lotz A.D. The Television will be Revolutionized. New York ; London : New York University Press, 2014. – 525 r.

The derivative preposition "in the account": the specifics of functioning

ZHANG QIAOHUA

Postgraduate student, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University

690922, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russian Island str., Ayaks, 7.1

✉ qiaohua@mail.ru

Sheremeteva Elena Sergeevna

Doctor of Philology

Professor, Department of the Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University

690922, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russian Island str., Ayaks, 20

✉ sheremeteva.es@dvfu.ru

Abstract. The object of the study is the word form "in the account", which performs a prepositional function. The subject of the study is the lexical compatibility of this word form. The purpose of this article is to present the results of the analysis of the compatibility of this word form and, on this basis, to show the features of its functioning. One of the aspects of the review is the analysis of the lexicographic representation of the word form "in the account" in the dictionaries. The main attention is paid to the specifics of the lexical compatibility of the word form "in the account", which occupies the position of the right and left components of the structure formed by this word form, including the thematic groups into which vocabulary is combined in the context of the word form "in the account". Considerable attention is paid to the issues of grammaticalization in the aspect of the transition of nouns into prepositions. The signs allowing to determine the degree of grammaticalization of the described word form are considered. The research material was collected using the National Corpus of the Russian Language. The method of collecting the material included a lexical and grammatical search according to the specified parameters. The search was conducted mainly in the newspaper and pan-chronicle buildings. The study of the selected material was carried out using a descriptive method, with the inclusion of a contextual analysis technique. As a result of the study, a typical vocabulary was identified in the position of the right and left components of the construction with the word form "in the account", combined into the thematic group "finance". This allowed us to conclude about the limited, highly specialized compatibility of this word form. The novelty of the study lies in the fact that the analysis of contexts allowed us to establish both the typed compatibility of the word form "in the account" and the obvious signs of grammaticalization of the word form. These include decategorization and context expansion of the word form. These signs indicate the final stage of the grammaticalization process of the word form "in the account", functioning in constructions of a certain type. The revealed signs allow us to assert that the word form "in the account", if used in a prepositional function, is no longer a form of the noun "account" and should be included in the class of derived prepositions.

Keywords: thematic group, lexical compatibility, the nameless relativ, derived preposition, preposition, functional words, grammaticalization, syntax, grammar, context

References (transliterated)

1. Agashina E. N. Usloviya funktsionirovaniya otymennogo relyativa «v zavisimosti ot». Filologicheskie nauki // Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 4(46). S. 15-19.
2. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / Avt. i sost. S. A. Kuznetsov. SPb: Norint. 1998. 1536 s.
3. Vinogradova E. N. Grammatikalizatsiya v russkom yazyke: ot formy sushchestvitel'nogo k predlogu (na materiale somatizmov) // Voprosy yazykoznaniya. 2016. № 1. S. 32-34.
4. Vsevolodova M. V. K voprosu ob operatsional'nykh metodakh kategorizatsii predlozhnykh edinits // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 9. Filologiya. 2011. № 3. S. 103-136.
5. Vsevolodova M. V., Kukushkina O. V., Polikarpov A. A. Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniyu real'nogo upotrebleniya. M.: LIBROKOM, 2014. 304 s.
6. Vei Khueimin'. Otymennyy relyativ «po primeru»: konstruktsiya i sochetaemost' // Litera. 2021. № 6. S. 144-155.
7. Gavrilenko V. V. Predlozhnye novoobrazovaniya sravnitel'noi semantiki, postroennye po modeli «v+N6»: usloviya grammatikalizatsii: diss. ... kand. filol. nauk. Vladivostok, 2020. 159 s.
8. Zarubina E. S. Sochetaemost' otglagol'nogo relyativa «iskhodya iz»: levyy i pravyy komponenty // Litera. 2023. № 5. S. 277-289.
9. Konyushkevich M. I. K voprosu o predloge kak edinitse yazyka // Voprosy funktsional'noi grammatiki. Grodno: GrGU, 2002. № 4. S. 25-32.
10. Maisak T.A. Tipologiya grammatikalizatsii konstruktsii s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005. 478 s.
11. Ob'yasnitel'nyi slovar' russkogo yazyka / Pod redaktsiei V. V. Morkovkina. M.: Astrel', AST, 2003. 421 s.
12. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. M: AZ'''. 1994. 928 s.
13. Poperina I. M. Tipy otnoshenii, vyrazhaemykh frazeologicheskimi predlogami s roditel'nykh padezhom imeni: diss. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk, 2003. 200 s.
14. Rogozhnikova R. P. Tolkovyi slovar' sochetanii, ekvivalentnykh slovu M.: Astrel': AST. 2003. 420 s.
15. Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii T.3. Imena sushchestvitel'nye s abstraktnym znacheniem / Pod obshchei red. N. Yu. Shvedovoi. M.: Azbukovnik, 2003. 629 s.
16. Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii T.4. Glagol / Pod obshchei red. N. Yu. Shvedovoi. M.: Azbukovnik, 2007, 952 s.
17. Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh. T. IV. M.: Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1961. 1088 s.
18. Tolkovyi slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Angliiskie ekvivalenty. Sinonimy / Pod red. prof. L. G. Babenko. Moskva: AST-PRESS, 1999. 704 s.
19. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedenii o proiskhozhdenii slova / RAN. Otv. red. N. Yu. Shvedova. M.: Azbukovnik, 2011. 963 s.
20. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T.4 / Pod red. D. N. Ushakova. Moskva: Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1940. – 1502 stb.

21. Cherkasova E. T. Perekhod polnoznachnykh slov v predlogi. M.: Nauka, 1967. 280 s.
22. Sheremet'eva E. S. Otymennye relyativy sovremennogo russkogo yazyka. Semantiko-sintaksicheskie etyudy Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta, 2008. 236 s.
23. Sheremet'eva Z. V. Predlozhnye konstruksii so znacheniem tozhdestva v russkom i frantsuzskom yazykakh: diss. ... kand. filol. Vladivostok, 2018. 169 s.
24. Shiganova G.A. Sistema leksicheskikh i frazeologicheskikh predlogov v sovremennom russkom yazyke. Chelyabinsk: Chelyabinskii gos. ped. un-t, 2001. 454 s.
25. Traugott E.C. Grammaticalization, constructions and the incremental development of language: Suggestions from the development of Degree Modifiers in English // Variation, Selection, Development – Probing the Evolution Model of Language Change. Berlin: Mouton de Gruyter. 2008. P. 219-250.

The functions of Korean proverbs in the political discourse of the English-language media of South Korea

Shekhovtsova Tatyana Akimovna

Senior lecturer, Department of Cross-cultural Communication and Translation Studies, School of Pedagogy and Linguistics, Vladivostok State University

600011, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, ul. Kaplunova, 8, sq. 381

✉ ytakim@mail.ru

Abstract. The research is devoted to the study of Korean proverbs functioning in the political discourse of the English-language media of South Korea, the definition of their communicative and pragmatic functions. The aim of the study is to identify the features of the Korean paremiological units usage in English-language political media texts. To solve the tasks set in the work, the following research methods were used: communicative-pragmatic analysis based on the interpretation of the meaning and functions of proverbs within the context of a contextual situation; comparative analysis of paroemias in the context of interlanguage communication. To determine the role of paremiological units in the political texts in the communication process, elements of discursive analysis were also applied. The scientific novelty of the study is determined by the fact that the functions of Korean proverbs are for the first time analyzed in the context of the English-speaking modern Internet media of South Korea. The development of the methodology for analyzing the functioning of the communicative and pragmatic functions of Korean proverbs in political mass media discourse should also be mentioned. According to the results, depending on the context, Korean proverbs in English-language media texts, performing a wide range of general linguistic and grammatical functions, are rarely used as exclusively directive statements. Based on the discursive situation and the personal intention of the author in highlighting a certain level of content of the proverb, the paremia can perform various functions. The multifunctionality of Korean proverbs allows the author to influence the reader regardless of belonging to the culture of the country. The research materials can be used to expand the content of practical courses for students of philological and linguistic specializations of universities, in applied educational activities.

Keywords: cultural code, mass media, discursive analysis, English-language media texts, political discourse, communication, communicative and pragmatic functions, communicative linguistics, Korean proverbs, paremias

References (transliterated)

1. Permyakov, G. L. Osnovy strukturnoi paremiologii / sost., vstup. st. G. L. Kapchitsa. – M. : Nauka, 1988. – 235 s.
2. Shanskii N.M. Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka: Ucheb.posobie dlya vuzov po spets. « Russkii yazyk i literatura». – izd. 4-e., izd., ispr.i dop. Spb.: Spetsial'naya Literatura, 1996. – 192 s.
3. Buslaev F.I. Istoricheskie ocherki russkoi narodnoi slovesnosti i iskusstva/ F.I. Buslaev V 2 t. SPb., 1998. S. 101-125.
4. Anikin V.P. K mudrosti stupen'ka: O russkikh pesnyakh, skazkakh, poslovitsakh, zagadkakh, narodnom yazyke: Ocherki, 1988. – 176 s.
5. Alefirenko N.F. Frazeologicheskoe znanie i kontsept // Kognitivnaya semantika: Materialy Vtoroi Mezhdunarod. shk. – seminara po kognitivnoi lingvistike 11–14 sent. 2000 / Otv. red. N.N. Boldyrev; redkol.: E.S. Kubryakova i dr.: V 2 ch. Ch 2. Tambov: Izd – vo Tamb. un.-ta, 2000. 261 s.
6. Maslova V.A. Kognitivnaya lingvistika. Mn.: TetraSistems, 2004. – 256 s.
7. Mokienko V.M. Obrazy russkoi rechi. – L., 1986. – 280 s.
8. Mieder W. Sprichwtsrtliche Schlagzeilen in der Wochenzeitung// Muttersprache, 1977. – Jg.88. – H.2. – S. 93 – 105.
9. Karadzhich V. Serbskie narodnye pesni i skazki iz sobraniya Vuka Stefanovicha Karadzhicha / Sost., predisl. i primech. Yu. I. Smirnova. M., 1987.
10. Afanas'ev A.N. Proiskhozhdenie mifa// M.: Vysshaya shkola, 1996. – 150 s.
11. Lim Su, Permyakov G.L. Koreiskie narodnye izrecheniya. Na koreiskom i russkom yazykakh. // M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva "Nauka", 1982. – 359 c. – (Poslovitsy i pogovorki narodov Vostoka).
12. Lazareva E. I. Kommunikativno-pragmaticheskie funktsii poslovits v sotsial'no-kriticheskom diskurse (na materiale nemetskoyazychnykh SMI) // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2012. №8.
13. Gavrilenko O.V., Nikolaeva O.V. Integratsiya kitaiskikh paremii v Rossiiskoe kommunikativnoe prostranstvo [tekst] / O.V. Gavrilenko, O.V. Nikolaeva // Vestnik MGOU. – 2013. – №2. S. 1-11. URL: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2013-2-753> (data obrashcheniya: 6.06.2023).
14. Kunin A. V. Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka / A. V. Kunin. – M.: «Vysshaya shkola». Dubna: izdatel'skii tsentr «Feniks», 1996. – 381 s.
15. Lim Su. Zolotye slova koreiskogo naroda. [Perevod] / Lim Su. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2003. – 357 s. – ISBN 5-288-03241-6 (v per.)
16. Abakumova O.B. [Abakumova O.B.] Poslovitsy v yazyke, soznanii i kommunikatsii// SPb: Alef-press, 2012.
17. Nikolaeva O.V. Interkognitivnye vzaimodeistviya v mezhkul'turnoi kommunikatsii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 11. Ch. 2. S. 132–136.
18. Kubryakova E.S. Slovo v diskurse (novye podkhody k ego analizu) // Tekst i diskurs: traditsionnyi i kognitivno-funktsional'nyi aspekty issledovaniya / pod red. L.A. Manerko. Ryazan', 2002. S. 7–11.
19. Permyakov G.L., Izbrannye poslovitsy i pogovorki narodov Vostoka// AN SSSR. – Moskva: Nauka, 1968. – 376 s.
20. Formanovskaya N. I. Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskii podkhod. // M.: Russkii yazyk, 2002. – 216 s.

21. Karaulov Yu.N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'. – M.: Izd-vo LKI, 2010. – 268 c.
22. Moiseeva, I. Yu., Chudina, E. V. Pragmaticheskie funktsii poslovits i pogovorok// OGU, 2004. URL: <http://elib.osu.ru/handle/123456789/11078>
23. Norrick N.R. Proverbial Perlocutions. Ho to do things with proverbs // Wise Words. Essays on the proverb / ed. By W.Mieder. N.Y. 1994. P. 211-252.
24. Krasnykh V.V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya. Kurs lektsii. // M.: «Gnozis», 2002. – 284 c.

The concept of "way" as a characteristic of the image of the hero in the novel by A. A. Fadeev "The Rout"

Yuan Xinjie

Postgraduate student, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University

690000, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Ajax str., 10

✉ iuan.si@dvfu.ru

Abstract. The subject of the study is the representation of the concept of the "way" in the novel by A. A. Fadeev "The Rout". The purpose of the work is to describe the representations of the concept of "way" as a real space in the novel and as a metaphor for the changes of its characters. The space category reflects the topographical features of the Far East, helping to trace the path of the detachment in the coordinates of space through the point of view of the protagonist. The spatial frame of the narrative is built with the help of specific subject words and toponyms, which mainly represent the remote countryside and the physical geography of the Far East. The attributes that form the natural space in the novel correspond to the negative emotional changes of the characters, revealing the inherent cruelty of the Civil War. When expressing this type of spatial relationship, it is the verb that plays the dominant role, which is based on the separation according to the static/dynamic manifestation of locative semantics, at the same time, verbs of displacement significantly surpass verbs of position. The following methods were used in the course of the study: the method of linguistic description, the method of contextual analysis, and the method of semantic analysis. The text space, as an important part of the content of the novel, depicts fragments of reality, and through the spatial concept of the "way" builds a general spatial picture of the world. The concept of "way" in a metaphorical sense is a subconcept of the concept of "Civil War", in accordance with this, the results of this work enrich the figurative zone of the concept of "Civil War". An analytical algorithm for the study of text space can be applied to the spatial analysis of similar works of art. The result of the study was the conclusion that the "way" is one of the central concepts of the novel. The concept of "way" has a negative connotation, suffering occurs in the process of the detachment's retreat. In addition, A. Fadeev includes spiritual trials in the path of the revolutionary hero, the character completes internal changes in the affirmation of socialist values in external crises and complex character relationships.

Keywords: static space, dynamic space, modus space, dictum space, types of space, textual space, concept Civil War, concept way, linguistic markers of space, Fadeev

References (transliterated)

1. Arutyunova, N.D. Put' po doroge i bezdorozh'yu // Logicheskii analiz yazyka. Yazyki dinamicheskogo mira / Otv. red. N. D. Arutyunova, I. B. Shatunovskii. – Dubna: Mezhdunarodnyi universitet prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna», 1999. – S. 13-

- 17.
2. Gak, V. G. Prostranstvo vne prostranstva // Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv: sb. st. / otv. red. N. D. Arutyunova, I. B. Levontina. – M. : Yazyki russkoi kul'tury, 2000. – S. 127-135.
3. Likhachev, D. S. Poetika drevnerusskoi literatury. – 3-e izd. – M.: Nauka, 1979. – 360 s.
4. Lotman, Yu. M. Problema khudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolya // Izbrannye stat'i (v 3-kh t.). – Tallin: Aleksandra, 1993. – T. I.- S. 413-447.
5. Lotman, Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera-istoriya. – M.: «Yazyki russkoi kul'tury», 1996. – 464 s.
6. Matveeva, G. V. Funktsional'nye stili v aspekte tekstovykh kategorii: Sinkhronno-sopostavitel'nyi ocherk. – Sverdlovsk: Izd-vo Ural, un-ta, 1990. – 172 s.
7. Sabaev, S. B. Ocherki russko-osetinskikh literaturnykh svyazei. – Ordzhonikidze: Izd-vo Ir, 1982. – s. 150.
8. Stepanova, I. S. Kontseptosfera «put' zhizni» v avtobiograficheskoi proze pervoi volny russkoi emigratsii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – M., 2016.
9. Toporov, V. N. Prostranstvo i tekst // Tekst: semantika i struktura / Akad. nauk SSSR, In-t slavyanovedeniya i balkanistiki ; [otv. red. T. V. Tsiv'yan]. – M., 1983. – s. 227-284.
10. Fadeev, A. A. Sobranie sochinenii: v semi tomakh. T. 1: Razgrom. Povesti i rasskazy / pod obshch. red. V. M. Ozerova, B. N. Polevogo, E. F. Knipovich. – Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1969.
11. Fadeev, A. A. Razgrom: roman. – M.: Izdatel'stvo AST, 2023. – 192 s.
12. Florenskii, P. A. Analiz prostranstvennosti i vremeni v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniyakh. – M.: Izdatel'-skayagruppa «Profess», 1993. – 324 s.

Lexical units nominating women in the paremias about the gender inequality of the Russian language

Yang Xue

PhD in Philology

Postgraduate student, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str. 7k1, 6

✉ yangxue19960826@gmail.com

Abstract. Russian linguistic and cultural community gender stereotypes reflecting the inequality between men and women in the Russian linguistic and cultural community, verbalized by the paremias of the Russian language; the subject of the study are such nominating components as "woman", "wife", "daughter", "mother-in-law". The material under study forms part of the national picture of the world, of which the paremic corpus is a part. Special attention is paid to the verbalization of gender stereotypes in the studied parodies. The aim of the study is to describe the lexical units that nominate women and are used as part of the Russian language related thematically to the linguistic markers of gender inequality. The relevance of this study is determined by both linguistic and extralinguistic parameters. The first group includes an interest in the linguistic and cultural analysis of the paremiological fund, including in a comparative aspect. The second group of factors includes a social demand to satisfy the need to understand the mentality of representatives of the

Russian linguistic culture. The following methods were used in this article: systematization, generalization, description, semantic analysis, conceptual analysis, linguistic and cultural analysis. The novelty of the study lies in the fact that for the first time it presents in a generalized form gender stereotypes that take place in the Russian language community and which are verbalized in paremias with nominating components "woman", "wife", "daughter", "mother-in-law", indicating a social role of a woman (wife, mother, mother-in-law, daughter). The main conclusions of the study are the following : historically, the Russian linguistic and cultural community has developed a pejorative view of a woman as a member of society. Russian language parodies with such nominating components as "woman", "wife", "daughter", "mother-in-law" most often actualize negative connotations that are expressed at the explicit level. This is confirmed by currently existing Russian gender studies, which show that there are certain patterns of male and female verbal behavior in the Russian language, the differences in which are probabilistic in nature.

Keywords: national culture, picture of the world, linguistic culture, gender inequality, negative connotation, gender stereotype, paremia of the Russian language, nomination of a woman, paremiological fund, intergender communication

References (transliterated)

1. Apresyan Yu. D. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1995.
2. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu. M.: Prosveshchenie, 1984. 397 s.
3. Guseinova I. A. O nekotorykh formakh predstavleniya gendernogo aspekta v kommercheskikh deskriptivnykh reklamnykh tekstakh (na materiale zhurnal'noi pressy Rossii i FRG): Gender kak intriga poznaniya: Gendernye issled. v lingvistike, literaturovedenii i teorii kommunikatsii. M.: Pilotnyi vypusk., 2002.
4. Denisova A. A. Slovar' gendernykh terminov. M.: Informatsiya-XXI vek, 2002.
5. Dogan M. G. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika russkikh paremii s bioekvivalentnoi leksikoi // Lingvistika v dialogue s drugimi oblastyami znaniy: yurilingvistika i diskursivnaya lingvistika, kommunikativnaya lingvistika i lingvokul'turologiya. Vitebsk: Vitebskii gosudarstvennyi universitet im. P. M. Masherova, 2022. № 15 (6). С. 23-26.
6. Kirilina A. V. Zhenskii golos v russkoi paremiologii. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. M., 1997.
7. Krasnykh V. V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya. M.: Tnozis, 2002.
8. Kreidlin G. E. Muzhchiny i zhenshchiny v neverbal'noi kommunikatsii. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2005.
9. Maslova V. A. Lingvokul'turologiya: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshiikh uchebnykh zavedenii. M.: Izdatel'skii tsentr Akademiya, 2001.
10. Popova L. A. Klyuchevye slova sovremennosti: aksiologicheskii aspekt // Aksiologicheskie aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovaniy: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (UrFU, 15—17 oktyabrya 2019 g.) / Otv. red. N. A. Kupina. Ekaterinburg: Azhur, 2019. S. 97-99.
11. Postovalova V.I. Kartina mira v zhiznedeystel'nosti cheloveka // Chelovecheskii faktor v yazyke: Yazyk i kartina mira / pod red. B. A. Serebrennikova. M.: Nauka, 1988. S. 8-69.
12. Ryzhkov V. A. Regulativnaya funktsiya stereotipov. Znakovye problemy pis'mennoi kommunikatsii: Mezhevuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Kuibyshev: Pedinstitut, 1985.
13. Sergeeva A. V. Russkie stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'. M.: Flinta Nauka,

2006.

14. Sternin I. A. Obshchenie s muzhchinami i zhenshchinami. Voronezh: Nauka, 2002.
15. Shchepanskaya T. B. Zhenshchina, gruppa, simvol (na materialakh molodezhnoi subkul'tury). Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya. SPb.: Nauka, 1991.

Ecological consciousness in the works of writers of small peoples of Russia (on the example of Yu. Rytheu, E. Aipina, Yu. Shestalov)

Cheng Shuangting

Senior Educator, Sino-Russian Institute at Heilongjiang University

150080, China, Republic of Heilongjiang Province, Harbin, Xu Fulu str., room 74

✉ 190338170@qq.com

Abstract. The article analyzes the ecological consciousness in the works of writers of the small peoples of the North of Russia. The subjects of the study are the works of Yu. Rytheu, E. Aipina. Yu. Shestalov. Unlike ecological works, ecological consciousness in the works of these writers is more connected with national continuity and cultural heritage. Globalization and modernity have had a huge impact on all spheres of development of national minorities, and they were forced to integrate into the modernization process, whether through active choice or passive acceptance. Modern economic means of industrialization, programming and rationing have an impact on the traditional ways of supporting ethnic minorities. Writers from small nations, as representatives of the advanced intelligentsia of various ethnic groups, were the first to feel this crisis and expressed their concern in their works. This article mainly uses the method of text analysis to analyze ecological consciousness in the work of writers from small peoples. The main contribution of the author is that he offers new methods of studying the literature of small peoples. Ecological consciousness in the works of writers of national minorities differs from other ecological literary works. Ecological consciousness in the works of writers of ethnic minorities is ultimately a matter of survival and sustainability of an ethnic group. At a time when the problem of globalization and modernity is becoming obvious, writers from ethnic minorities use their own literary works to raise this environmental alarm and arouse readers' attention to this problem. The author analyzes the works of writers belonging to small peoples, pointing out the various means and ways in which writers express their ecological knowledge.

Keywords: Yu Shestalov, E Aipin, Yu Rytheu, writers, modernity, globalisation, Russia, minority peoples, creativity, environmental awareness

References (transliterated)

1. Van No. Evropeiskaya i amerikanskaya ekologicheskaya literatura. Izdatel'stvo: izdatel'stvo Pekinskogo universiteta. 2003.
2. Chzhou Tszyanbo. Analiz tvorcheskoi temy povesti Rytkheu «Kogda kity ukhodyat». Sovremennoe i drevnee kul'turnoe tvorchestvo. 2020. №36. С. 15-16.
3. Rytkheu Yu. Kogda kity ukhodyat. Perevod: Lu Yunchan. Guilin': Izdatel'stvo Li Tszyan. 1997.

4. Sokolova Z. P. Kul't zhivotnykh v religiyakh. Moskva: Nauka. 1972.
5. Sun' Yun'lai. Obzor istorii Chukotskogo naroda. Kheiluntszyanskaya natsional'naya seriya. 2005. № 1. С. 105-108.
6. Aipin E. Sobranie sochinenii v pyati tomakh. Tom 1. Izdatel'skii dom «Novosti Yugry». 2020.
7. Li Chanchzhun. Ekokritika i issledovanie natsional'noi literatury. Izdatel'stvo: Kitaiskaya sotsial'naya nauka. 2012.
8. Mansiiskaya literatura: khrestomatiya dlya uchashchikhsya 10 kl. obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii / pod red. S.S. Dinimlamovoi. Tyumen': OOO «FORMAT». 2017.

The poetic specificity of Gilda's "On the Death of Britain" and the "Hesperica Famina": a pragmatic aspect and a dominant analysis. On the 135th anniversary of the birth of B. I. Yarkho (1889-1942)

Kuprin Aleksandr Sergeevich

Lecturer, Department of Early Christian Literature, Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities

127051, Russia, Moscow, lane Likhov, 6, p. 1

✉ al.kuprin@inbox.ru

Abstract. This article deals with the work of the British writer Gildas the Wise "On the Ruin of Britain" and the poetic text "Hisperica Famina", written in the British archipelago (presumably in Ireland). Both works are written in Latin and represent milestones in the history of the Hiberno-British literature of late antiquity and the early Middle Ages. There is no consensus about dating to a year or at least a decade for both texts. "On the Ruin of Britain" was written presumably in the late V — early VI centuries; the Hisperica Famina are usually attributed to the second half of the VII century. "On the Ruin of Britain" contains a brief historical sketch and an protracted invective against the kings and clergy of Britons. The Hisperica Famina represent the Latin versification practice of Hibernian scribes.

The methodological ideas of Boris I. Yarkho (1889-1942), set out in his fundamental work "A Methodology of Precise Literary Studies", serve as a conceptual basis for this research. On its basis, the author of the article identifies complexes of stylistic features and their compositional distribution which reflects poetic dominants common to Gildas and the author of the Hisperica Famina (so called faminator). The tendency of syntactic interlocking in the Hisperica Famina regularly prevails over the same tendency in "On the Ruin of Britain", it indicates that a specific attitude to the syntactical style, usual for the faminator and his poetic circle, began to form back in the Gildas's era. The common features of both texts show the prevalence of certain poetic dominants and can serve as a serious argument in defense of the thesis of the continuity from Gildas or writers of his circle to the faminator. The stylometry method may be very useful for comparing texts even if they differ in genre and era.

Keywords: Latin syntax, stylometry, Hiberno-Latin literature, text composition, stylistic features, Early Middle Ages, Gildas the Wise, Hisperica Famina, De excidio Britanniae, citation devices

References (transliterated)

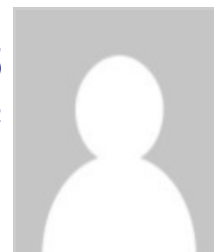
1. O'Sullivan T. D. The De Excidio of Gildas. Its authenticity and date. Leiden: The Trustees of Columbia University in the City of New York, 1978. 201 p.
2. Nigham N. J. Gildas and Britain in the fifth century. Manchester; New York: Manchester University Press, 1994. 220 p.
3. Carey J. The Obscurantists and the Sea-Monster: Reflections on the *Hisperica Famina* // *Peritia*. № 17–18, 2003–2004. P. 40–60.
4. Orchard A. The Poetic Art of Aldhelm. (Cambridge Studies in Anglo-Saxon England; 8). Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 314 p.
5. Gesperiiskie recheniya / zamysel, perevod D. B. Shabel'nikova, podgotovka teksta, stat'ya, kommentarii D. B. Shabel'nikova i D. O. Torshilova, nauchnyi redaktor A. [I.] Solopov. (Antichnaya biblioteka). SPb.: Aleteiya, 2000. 375 s.
6. Gerbrandy P. The *Hisperica famina* as an *ars poetica*. An interpretation of the A-text // *Journal of Latin Cosmopolitanism and European Literatures*. № 4, 2020. P. 60–79.
7. Stone B. J. The Rhetorical Arts in Late Antique and Early Medieval Ireland. (Knowledge Communities). Amsterdam: Amsterdam University Press, 2022. 275 p.
8. Kerlouégan Fr. Le de excidio Britanniae de Gildas. Les destinées de la culture latine dans l'île de Bretagne au VIe siècle. Paris: Éditions de la Sorbonne, 1987. 574 p.
9. Lapidge M. Gildas's Education and the Latin Culture of Sub-Roman Britain // *Gildas: New Approaches* / ed. by M. Lapidge and D. Dumville. (Studies in Celtic History; 5). Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 1984. P. 27–50.
10. Yarkho B. I. Metodologiya tochnogo literaturovedeniya: Izbrannye trudy po teorii literatury / izdanie podgotovili M. V. Akimova, I. A. Pil'shchikov i M. I. Shapir; pod obshchei redaktsiei M. I. Shapira. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. 927 s.
11. Gildas: The Ruin of Britain and Other Works / ed. and tr. by M. Winterbottom. London, Chichester: Phillimore & Co. LTD., 1978. 163 p.
12. Tomashevskii B. V. Stilistika i stikhoslozhenie. L.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR. Leningradskoe otdelenie, 1959.
13. Shapir M. I. «Tebe chisla i mery net»: O vozmozhnostyakh i granitsakh «tochnykh metodov» v gumanitarnykh naukakh // Yarkho B. I. Metodologiya tochnogo literaturovedeniya: Izbrannye trudy po teorii literatury / izdanie podgotovili M. V. Akimova, I. A. Pil'shchikov i M. I. Shapir; pod obshchei redaktsiei M. I. Shapira. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. S. 875–905.
14. Uspenskii B. A. Poetika kompozitsii // Uspenskii B. A. Semiotika iskusstva. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1995. S. 7–218.
15. Kuprin A. S. Stil' sochineniya «O gibeli Britanii»: leksika i sintaksis // *Dialog s antichnost'yu v mezhdistsiplinarnom kontekste [Kollektivnaya monografiya]* / otv. red. T. A. Sharypina, M. K. Men'shchikova. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii gosuniversitet im. N. I. Lobachevskogo, 2023. S. 297–306.
16. Gasparov M. L. Antichnaya ritorika kak sistema // Gasparov M. L. Izbrannye trudy, tom I. O poetakh. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1997. S. 556–589.

Aspects of creating a corporate question-and-answer system using generative pre-trained language models

Postgraduate student, Department of Philology and Literature, Department of Russian Language and Literature,
Kazan (Volga Region) Federal University (Yelabuga Institute)

109316, Russia, Moscow, Volgogradsky Ave., 42

✉ ag@mastercr.ru

Akimov Dmitrii Andreevich

PhD in Technical Science

Analyst, LLC "Digital solutions workshop"

109316, Russia, Moscow, Volgogradsky ave., 42

✉ akimovdmitry1@mail.ru

Romanovskii Maksim

Sr. Technology Manager, Deutsche Bank AG

10243, Germany, Berlin, Koppenstra straÙe, 93

✉ maksim.s.romanovskii@gmail.com

Trashchenkov Sergei

Head of the Department of Programming and Computing Technologies of the Academy of Digital Education, LLC
«Mobile e-Learning»

127018, Russia, Moscow, Sushchevsky Val, 16, p. 4

✉ trashchenkov@gmail.com

Abstract. The article describes various ways to use generative pre-trained language models to build a corporate question-and-answer system. A significant limitation of the current generative pre-trained language models is the limit on the number of input tokens, which does not allow them to work "out of the box" with a large number of documents or with a large document. To overcome this limitation, the paper considers the indexing of documents with subsequent search query and response generation based on two of the most popular open source solutions at the moment – the Haystack and LlamaIndex frameworks. It has been shown that using the open source Haystack framework with the best settings allows you to get more accurate answers when building a corporate question-and-answer system compared to the open source LlamaIndex framework, however, requires the use of an average of several more tokens. The article used a comparative analysis to evaluate the effectiveness of using generative pre-trained language models in corporate question-and-answer systems using the Haystack and Llamaindex frameworks. The evaluation of the obtained results was carried out using the EM (exact match) metric. The main conclusions of the conducted research on the creation of question-answer systems using generative pre-trained language models are:

1. Using hierarchical indexing is currently extremely expensive in terms of the number of tokens used (about 160,000 tokens for hierarchical indexing versus 30,000 tokens on average for sequential indexing), since the response is generated by sequentially processing parent and child nodes.
2. Processing information using the Haystack framework with the best settings allows you to get somewhat more accurate answers than using the LlamaIndex framework (0.7 vs. 0.67 with the best settings).
3. Using the Haystack framework is more invariant with respect to the accuracy of responses in terms of the number of tokens in the chunk.
4. On average, using the Haystack framework is more expensive in terms of the number of

tokens (about 4 times) than the LlamaIndex framework.

5. The "create and refine" and "tree summarize" response generation modes for the LlamaIndex framework are approximately the same in terms of the accuracy of the responses received, however, more tokens are required for the "tree summarize" mode.

Keywords: token, exact match, chunk, LlamaIndex, Haystack, QA-system, indexing, information retrieval system, generative language models, retriever

References (transliterated)

1. Simmons R. F., Klein S., McConlogue K. Indexing and dependency logic for answering English questions // American Documentation. – 1964. – T. 15. – №. 3. – S. 196-204.
2. Luo M. et al. Choose your qa model wisely: A systematic study of generative and extractive readers for question answering // arXiv preprint arXiv:2203.07522. – 2022.
3. Zhou C. et al. A comprehensive survey on pretrained foundation models: A history from bert to chatgpt // arXiv preprint arXiv:2302.09419. – 2023.
4. Lewis P. et al. Retrieval-augmented generation for knowledge-intensive nlp tasks // Advances in Neural Information Processing Systems. – 2020. – T. 33. – S. 9459-9474.
5. Maslyukhin S. M. Dialogovaya sistema na osnove ustnykh razgovorov s dostupom k nestrukturirovannoi baze znaniy // Nauchno-tekhnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki. – 2023. – T. 23. – №. 1. – S. 88-95.
6. Evseev D. A., Burtsev M. S. Ispol'zovanie grafovyykh i tekstovyykh baz znaniy v dialogovom assistente DREAM // Trudy Moskovskogo fiziko-tekhnicheskogo instituta. – 2022. – T. 14. – №. 3 (55). – S. 21-33.
7. Su D. Generative Long-form Question Answering: Relevance, Faithfulness and Succinctness // arXiv preprint arXiv:2211.08386. – 2022.
8. Kim M. Y. et al. Legal information retrieval and entailment based on bm25, transformer and semantic thesaurus methods // The Review of Socionetwork Strategies. – 2022. – T. 16. – №. 1. – S. 157-174.
9. Ke W. Alternatives to Classic BM25-IDF based on a New Information Theoretical Framework // 2022 IEEE International Conference on Big Data (Big Data). – IEEE, 2022. – S. 36-44.
10. Rodriguez P. L., Spirling A. Word embeddings: What works, what doesn't, and how to tell the difference for applied research // The Journal of Politics. – 2022. – T. 84. – №. 1. – S. 101-115.
11. Zherebtsova Yu. A., Chizhik A. V. Sravnenie modelei vektornogo predstavleniya tekstov v zadache sozdaniya chat-bota // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – 2020. – T. 18. – №. 3. – S. 16-34.
12. Digutsh J., Kosinski M. Overlap in meaning is a stronger predictor of semantic activation in GPT-3 than in humans // Scientific Reports. – 2023. – T. 13. – №. 1. – S. 5035.
13. Kamnis S. Generative pre-trained transformers (GPT) for surface engineering // Surface and Coatings Technology. – 2023. – S. 129680.
14. Khadija M. A., Aziz A., Nurharjadmo W. Automating Information Retrieval from Faculty Guidelines: Designing a PDF-Driven Chatbot powered by OpenAI ChatGPT // 2023 International Conference on Computer, Control, Informatics and its Applications (IC3INA). – IEEE, 2023. – S. 394-399.

15. Johnson J., Douze M., Jégou H. Billion-scale similarity search with gpus // IEEE Transactions on Big Data. – 2019. – T. 7. – №. 3. – S. 535-547.
16. Rajpurkar P. et al. Squad: 100,000+ questions for machine comprehension of text // arXiv preprint arXiv:1606.05250. – 2016.
17. Bai Y., Wang D. Z. More than reading comprehension: A survey on datasets and metrics of textual question answering // arXiv preprint arXiv:2109.12264. – 2021.

The linguistic and cultural aspect of color in the Kalmyk and Korean languages

Mukabenoova Zhanna Alekseevna

Senior Lecturer; Department of Kalmyk Language, Mongolian and Altaic Studies; Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

358000, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, Pushkin str., 7

✉ mukabenoova.ja@gmail.com

Kharchevnikova Roza Pyurvenovna

Doctor of Philology

Professor; Department of Kalmyk Language, Mongolian and Altaic Studies; Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

7 Pushkin Street, Elista, 358000, Russia

✉ kharchevnikova_rp@mail.ru

Monraev Mikhail Ubushaevich

Doctor of Philology

Professor; Department of Kalmyk Language, Mongolian and Altaic Studies; Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

7 Pushkin Street, Elista, 358000, Russia

✉ mihailmonraev@yandex.ru

Suseeva Danara Aksenovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian Language and General Linguistics and Russian and Foreign Literature, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

7 Pushkin Street, Elista, 358000, Russia

✉ suseeva@gmail.com

Bitkeev Petr Tsedenovich

Doctor of Philology

Professor, Department of Kalmyk Language, Mongolian and Altaic Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov"

358000, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, Pushkin str., 7

✉ bipetr37@yandex.ru

Abstract. This article discusses the semantics and symbolism of primary colors in Kalmyk and Korean traditional cultures. The subject of our research is the content of the basic concepts of color terms in the linguistic picture of the world of Kalmyks and Koreans. Linguistic and cultural analysis of color terms in the languages under consideration allows us to determine

the universal and specific features of the linguistic picture of the world, which represent the historical, cultural, social experience of two peoples, accumulated as a result of their development. The research material is proverbs and stable expressions of the Kalmyk and Korean languages. The study of basic colors in these languages is based on the theory of Yin-Yang and the Five Elements, which symbolize opposites that are closely related to each other. A comparative analysis of Korean and Kalmyk material identified and revealed valuable information related to the mentality, traditions and customs of these peoples, and showed the important role of color in the linguistic picture of the world of the two peoples. Color affects the social, religious, moral, emotional and interpersonal relationships of people. Despite the fact that each nation has its own way of seeing the world in its own way, analyzing various phenomena of the surrounding reality, the analysis of the material made it possible to establish that the worldview of the two peoples in terms of spiritual and moral values indicates their related cultural ties.

The author examines in detail the power of the influence of color on the worldview of different peoples through the language of folklore, which will bring a fresh perspective to this area. The following methods were used in the study: comparative, comparative-typological, structural-semantic, comparative-historical, etymological and the method of complex conceptual-semantic analysis.

Keywords: comparative analysis, linguistic picture of the world, worldview, folklore, proverbs, set expressions, linguoculturology, national language tradition, primary colors, color designation

References (transliterated)

1. Elektronnyi slovar' Vikipediya. RYB – Vikipediya (wikipedia.org) (data obrashcheniya 1.12.2023)
2. Gete. Teoriya tsvetov. per. Charl'z Lok Istleik. Kembriđzh. Massachusets: MIT Press, 1982.
3. 김백만. 알기 쉬운 기초 음양오행의 원리. 서울:관음출판사, 2005. [Kim Pekman, «Prostye osnovnye printsipy In'-Yan i pyati elementov». Seul: Izdatel'stvo Gvaneum, 2005.]
4. 장용선. 오행 색채 구조화 연구. 박사학위, 홍익대학교 대학원, 2015. [Chan En Son. Issledovanie strukturizatsii pyati elementov. Seul: Vysshaya shkola Universiteta Khongik. 2015.]
5. 서유리. 에니어그램 성격유형에 따른 색채인지도 및 선호도 차이: 고등학교 1, 2학년을 대상으로// 한국색채학회논문집 제27권 2호(2013a). pp. 95-108. [Yuri Seo. Razlichiya v vospriyatii tsveta i tsvetovom predpochtении soglasno tipam lichnosti po enneagramme: prednaznachenno dlya uchashchikhsya 1-go i 2-go klassov starshei shkoly // Sbornik statei konferentsii o koreiskikh traditsionnykh tsvetakh. № 27 (2). s. 95-108.]
6. Pyurbeyev G. Ts. Epos «Dzhangar»: kul'tura i yazyk (etnolingvisticheskie etyudy). Elista, 1993.
7. Elektronnyi slovar' koreiskikh poslovits-한국어 속담 사전/검색: 총 11,278개 (wordrow.kr) (data obr. 9.12.2023)
8. Poslovitsy, pogovorki i zagadki kalmykov Rossii oiratov Kitaya. Sost. Todaeva B. Kh. Elista: ZAO «NPP Dzhangar», 2007.
9. Kalmytsko-russkii slovar' pod red. Munieva B. D.,-M.: Izd-vo «Russkii yazyk», 1977.
10. Ubushieva Zh.A. Simvolika krasnogo tsveta v yazykovo traditsii kalmykov // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2022. № 3. S. 29-35.
11. Sharaeva T. I. K probleme izucheniya markerov roda: simvolika i funktsii «elgts». //

- Mongolovedenie. T.2, №1. 2003. 2(1). S. 265-272.
12. 문은배. 한국의 전통 색. 안그라픽스, 2012. [Mun Ynbe. Traditsionnye koreiskie tsveta. Seul: Grafika. 2012.]
 13. 이재만. 한국의 색. 도서출판 일진사, 2005. [Li Chzheman. Tsvta Korei. Seul: izd-vo biblioteka Il'chzhinsa, 2005.]
 14. Ubushieva Zh. A. Simvolika zheltogo tsveta v yazykovoi traditsii kalmykov // Vestnik Kalmytskogo universiteta. 2022. №3(55). S. 107-113.
 15. Kalmytskii natsional'nyi korpus. gazeta «Khal'mg ynn». 2006. Kalmytskii korpus (web-corpora.net) (data obr. 2.12.2023)
 16. Kalmytskii natsional'nyi korpus. Ilyumzhinov Nikolai. Ø-shuhu modna hazrt (V lesu dremuchem).1900-2011 Kalmytskii korpus (web-corpora.net) (data obr. 2.12.2023)
 17. Mushaev V. N., Lidzhiev M. A., Shurungova B. A., Mukabenova Zh. A. Lingvokul'turologicheskii aspekt leksem «belyi-chny» (na materiale kalmytskogo yazyka) // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya, <https://sfk-mn.ru/PDF/48FLSK420.pdf> (dostup svobodnyi). Zagl. s ekrana. Yaz. rus., angl. №4. 2020.
 18. 은남근.『오행의 새로운 이해(이동철 역)』. 법인문화사, 2000 [Yn Namgyn. Novaya teoriya Pyati elementov. Per. Li Dong Chkhoh']
 19. Sbornik poslovits i pogovorok. Khuuchn ylgirt khud luga. Sost.: B.E. Chimidov, V. N. Mushaev, B. V. Barinova. – Elista: izd-vo Kalm. un-ta, 2022.
 20. Khinzeeva D. P. Tsvetooboznachenie v buryatskom yazyke: lingvokul'turologicheskii aspekt. dis. kand. filol. nauk / Ulan Ude, 2011.
 21. Ayushova Ts.N. Etnicheskaya kartina mira kalmykov: lingvokul'turologicheskii aspekt. Elista: izd-vo Kalm. un-ta. 2012. 120 s.

Postfixal expression of the category of grammatical class in the attributive forms of the Dargin languages

Mutalov Rasul Osmanovich

Doctor of Philology

Professor, Chief Scientific Associate, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

125009, Russia, Moscow, lane. Bolshoy Kislovsky, 1/1

✉ mutalovr@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of class markers functioning in adjective and participial suffixes of the South Dargin languages (Dargin branch of the Nakh-Dagestan languages). The Dargin languages are characterized by a complex and extensive system of grammatical categories, however, the categories in numerous Dargin languages and dialects remain still unstudied, and that is the relevance of this study. The purpose of the study is to identify the cases of usage the changing markers of class and case in the postfixal position in the Dargin languages. To achieve this purpose, the following tasks are followed: a) to study the category of grammatical class in archaic South Dargin languages; b) to study the peculiarities of the functioning of class-numerical exponents; c) to identify the attributive words the class indicators of which function in the postfixal position; d) comparative analysis of Dargin word forms with changing class-numerical elements. The use of both field linguistics methods, as well as the comparative method and the method of synchronic analysis is needed to solve the above-mentioned issues. The novelty of the study is in the first attempt of comparative analysis of class-numerical indicators' functioning in the postfixal position of

attributive forms. A similar phenomenon was described only in the Kubachi language earlier. As a result of the study, all cases of postfixal use of changing class exponents in the South Dargin languages and dialects are identified. In particular, in the Chirag language these affixes are revealed in the present and past tense forms. In the Itzari dialect they are revealed in attributes derived from the demonstrative pronouns, in the Sanzhi dialect - in adjectives denoting a high degree of quality. The results of the study can be useful for compiling a comparative historical grammar of the Dargin languages.

Keywords: the category of grammatical class, morphology, the Sanzhi dialect, the Itzari dialect, the Chirag language, the Dargin languages, the Nakh-Dagestan languages, adjective, participle, class marker

References (transliterated)

1. Koryakov Yu.B. Darginskie yazyki i ikh klassifikatsiya. // Durkh"asi khazna. Sbornik statei k 60-letiyu R.O. Mutalova. M.: Buki-Vedi. 2021. S. 139-154.
2. Uslar P.K. Etnografiya Kavkaza. Yazykoznanie. T. 5. Khyurkilinskii yazyk.– Tiflis : Upravlenie Kavkazskogo uchebnogo okruga, 1892.
3. Zhirkov L. I. Grammatika darginskogo yazyka. M.: Tsentral'noe izdatel'stvo narodov S.S.S.R., 1926.
4. Abdullaev S.N. Grammatika darginskogo yazyka (fonetika i morfologiya). – Makhachkala: Daguchpedgiz. 1954.
5. Magometov A.A. Kubachinskii yazyk. Issledovanie i teksty. Tbilisi.: Metsniereba, 1963.
6. Musaev M.-S.M. Slovoizmenitel'nye kategorii darginskogo yazyka (kategorii grammaticheskikh klassov, abstraktnye padezhi). Makhachkala: Daguchpedgiz, 1987.
7. Abdullaev Z.G., Abdusalamov A.A., Musaev M.-S. M, Temirbulatova S. M. Sovremenniy darginskii yazyk. Makhachkala: IYaLI DNTs RAN, 2014.
8. Van den Berg H.E. Dargi folktales. Leiden, 2001. 324 p.
9. Mutalov R.O. Glagol darginskogo yazyka. – Makhachkala: Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr DGU, 2002.
10. Plungyan V. A. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira. M.: RGGU. 2011.
11. Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (Eds.) (2019). The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press.
12. Mutalov R.O. 2017 Diachronic changes in the system of noun class markers in Dargwa // Historical linguistics of the Caucasus. Book of abstracts. Paris, 12–14 April, 2017. 165-167.
13. Sumbatova N.R., Lander Yu.A. Darginskii govor seleniya Tanty: grammaticheskii ocherk, voprosy sintaksisa. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014.
14. Temirbulatova S.M. Khaidakskii dialekt darginskogo yazyka.- Makhachkala: Izdatel'stvo tipografii DNTs RAN, 2004.
15. Mutalov R.O. Funktsionirovanie klassno-chislovykh pokazatelei v suffiksakh prilagatel'nykh darginskikh yazykov // Filologiya: nauchnye issledovaniya. – 2021. – № 12. – S.55-62. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.12.37175
16. Belyaev O.I. Mesto shirinskogo i amuzginskogo sredi dialektov darginskogo yazyka // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy, tom 2, № 24, Tomsk, 2019. S. 20-38.

17. Sumbatova N. R., Mutalov R. O. A grammar of Icarian Dargwa. München: LINCOM EUROPA. 2003.
18. Forker D. A grammar of Sanzhi Dargwa (Languages of the Caucasus 2). Berlin: Language Science Press. 2020.
19. Alekseev M. E. Sravnitel'no-istoricheskaya morfologiya nakhsko-dagestanskikh yazykov: kategorii imeni. – M.: Academia, 2003.

The City of the Future in the novels by V.F. Odoevsky "Russian Nights" and "The 4338th year"

zhao Yao

Staff, Shenzhen MSU-BIT University

518100, China, Guangdong Province, Shenzhen, Da Yun str., 1

✉ 278250417@qq.com

Abstract. The article offers a comparative consideration of two social models in the fiction of V.F. Odoevsky. The researcher focuses on the unfinished novel "4338" and the insert novella "The City without a Name" from the novel "Russian Nights" by Odoevsky. When comparing both texts, the article points to the indissoluble semantic unity of the author's cultural and social views on the proper (ideal) future society. If "Russian Nights" is entirely turned to the present, so that the dystopian paintings in the short stories "The City without a Name" and "The Last Suicide" are needed only to properly look at the modernity of the 1840s and the consequences of mistakes that can be made in the present, then "4338" really aspires and into the future and projects a new scientific and social world. "4338th year" can only be considered a utopia in part. In the light of satirical criticism in the novel "Russian Nights" and other works by Odoevsky, "The 4338th year" turns out to be not so unambiguous a text as was commonly believed in literary studies of the early twentieth century.

Keywords: future, an artistic painting, scientific progress, utilitarianism, Russian Nights, dystopia, Year 4338, utopia, romanticism, Odoevsky

References (transliterated)

1. Gacheva A.G. Filosofskoe i khudozhestvennoe tvorчество V.F. Odoevskogo v kontekste traditsii russkogo kosmizma // Literatura i filosofiya: Ot romantizma k KhKh veku. M.: Vodolei, 2019. S. 382–397.
2. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: v 15 t. T.7: Besy. M.: Nauka. 617 s.
3. Odoevskii V.F. 4338-i god. Peterburgskie pis'ma // Povesti i rasskazy. M.: GIKhL, 1959. S. 416–448.
4. Odoevskii V.F. Russkie nochi. Russkie nochi. L.: Nauka, 1975. 320 s.
5. Pisarchik T.P. Romanticheskie korni russkogo kosmizma // Vestnik OGU. 2014. №7 (168).
6. Rozanov V.V. Polnoe sobranie sochinenii v 35 t. T.7. Chaadaev i kn. Odoevskii. SPb.: Rostok, 2017. S. 121.
7. Serbinenko V.V. Filosofskaya proza V.F.Odoevskogo: «4338-i god» // Obshchestvennaya mysl': issledovaniya i publikatsii. Vyp. 3. M., 1993. S. 117–135.
8. Yasukhiko Kyuno. V poiskakh tainy dushi cheloveka — o povesti V. F. Odoevskogo

«Kosmorama» // Acta Slavica Iaponica. 2001. №18. S. 79-98.

9. Griffiths G. Three tomorrows: America, British and Soviet science fiction. New York: Barnes & Noble. 1980, 217 pp.

Features of Monetization of Internet Media: on the Example of Internet Periodicals of the Belgorod Region

Kornysheva Polina

Postgraduate Student, Department of Journalism, Belgorod State National Research University

308000, Russia, Belgorod region, Belgorod, Preobrazhenskaya str., 78, building No. 9

✉ kornysheva_pe@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of methods of monetization of online periodicals, the study of its features, as well as the analysis of online periodicals of the Belgorod region for the use of various approaches to the issue of monetization. The subject of the research in the article are the Internet periodicals of the Belgorod region, leading the rating of the Information and analytical online service "Medialogia" for 2020, as the most cited periodicals of the Belgorod region for the specified year. The research method includes content analysis and comparative analysis of the techniques and methods used to monetize online media. The main objective of the study was to identify current ways of monetization of online periodicals and to detect trends in their further development. Such a study of online periodicals of the Belgorod region was carried out for the first time, which explains its significance and novelty. During the analysis, the following conclusions were made: currently there is no single business model for monetization of online media. However, further expansion of the range of advertising services offered is inevitable: almost any media outlet has an electronic analogue on the Internet, which means it is becoming increasingly difficult to compete. In order to attract advertisers and audiences, online publications need to take a comprehensive approach to monetization issues and regularly analyze feedback. Online publications of the Belgorod region mostly offer advertisers exactly this approach, but banner advertising is predominant. The least used way of monetization is a paid subscription to content.

Keywords: media, features of media monetization, online publications, Internet media promotion, audience, advertising, online media, monetization, the Internet, advertising placement

References (transliterated)

1. Akopov, A.I. Nekotorye voprosy zhurnalistiki: istoriya, teoriya, praktika /A.I. Akopov. – Rostov n/D.: Terra, 2002. – 368 s. Akopov A.I. Elektronnye seti kak novyi vid SMI // Filologicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. 1998. № 3. S. 43-51.
2. Belyi, M. E. Metodologicheskie aspekty obespecheniya konkurentosposobnosti internet-SMI na sovremennom mediarynke // Vestn. Chuvash. un-ta. 2008. № 3. - S. 286-291.
3. Brezhneva, V. M. Rynok internet-reklamy // Sovremennye tendentsii ekonomiki, upravleniya i obrazovaniya : Materialy Vserossiiskoi konferentsii, gorod Kursk, 26 fevralya 2015 goda / Kurskii institut kooperatsii (filial) BUKEP. – gorod Kursk: Delovaya poligrafiya, 2015. – S. 18-20.
4. Voronov, A. Internet i pechatnye SMI. Monetizatsiya kontenta [Elektronnyi resurs] //

Professional'nyi internet-zhurnal o mediarynke Rossii i mira PlanetaSMI.RU. URL: <http://planetasmi.ru/blogi/comments/144.html>.

5. Zemlyanova L. M. O protsessakh internetizatsii media i mediatizatsii Interneta // Vestn. Mosk. un-ta. Seriya 10. Zhurnalistika. 2005. № 5. S. 57–71.
6. Il'ina N. P. Transformatsiya modelei monetizatsii saitov delovykh SMI: retrospektivnyi vzglyad // Medi@l'manakh. 2021. №1 (102).
7. Kazakova A. V. Elektronnye SMI : ponyatie i osobennosti // Nauka i sovremennost'. – 2013. – № 20. – S. 21-24 ; [Elektronnyi resurs].
8. Kalmykov, A.A. Internet-zhurnalistika / A.A Kalmykov, L.A. Kokhanova // URL: <http://www.evartist.narod.ru/text16/022.html> – M., 2005.
9. Kaptyukhin R. V. Perspektivy razvitiya elektronnykh sredstv massovoi informatsii / R. V. Kaptyukhin, A. A. Romanov // Ekonomika i sovrem. menedzhment : teoriya i praktika. – 2014. – № 33. – S. 15-20; [Elektronnyi resurs].
10. Lebedeva B. V. Problemy monetizatsii kontenta // Vestnik ChelGU. 2015. №5 (360).
11. Nagaeva A.E. Organizatsiya internet-izdaniyami obratnoi svyazi s auditoriei. // Sbornik statei VI Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa. //-2020. – s. 121-123. [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44321854>
12. Safina, A. R. Monetizatsiya saitov na primere regional'nykh internet-SMI / A. R. Safina // Vestn. Samar. gos. ekon. un-ta. 2013. № 1 (99). S. 116–122.
13. Strukova E.V., Strategii monetizatsii kontenta internet-SMI // Vestnik ChelGU. 2015. №5 (360).
14. Trifonova Yu. V., Osobennosti internet-SMI. 2014 – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/45/90>
15. Shpakovskii Yu. F., Danilyuk M. D. Formy monetizatsii internet-SMI // Trudy BGTU. Seriya 4: Print-i mediatekhnologii. 2015. №9 (182). – [Elektronnyi resurs].

Linguistic means of forming the image of the head of a foreign state in the American media (based on the material of The New York Times)

Korotkevich Daria Olegovna

Assistant Lecturer, Department of English Philology, Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University

105064, Russia, Moscow region, Moscow, Lane Small State-owned, 5B

✉ korotkevichdo@mgpu.ru

Abstract. This article is devoted to the study of linguistic means of forming the image of the former president of the Federative Republic of Brazil – Jair Bolsonaro. The purpose of this study is to study the linguistic means of forming the image of the head of a foreign state, who receives representation on the pages of The New York Times. The subject of the study is the lexical and semantic field (LSF) of Personal Names as a model of representation of knowledge about the leader of a foreign state, as well as the contexts of the linguistic implementation of the core of the studied LSF. The main objectives of the study included the study of the structure and composition of the lexico-semantic field of Personal Names, as well as concordance analysis of the contexts of the linguistic implementation of the Personal Names LSF core. The research material is presented by The New York Times newspaper's 2019 issues of articles about Brazil. Using the method of corpus analysis of the texts of articles

using the Wmatrix computer program made it possible to identify the lexical and semantic field of Personal Names in the structure of the cognitive matrix Brazil. Concordance analysis of the contexts of the linguistic implementation of the Bolsonaro lexical unit allowed us to identify 3 leading typical arguments that are formed by the newspaper around the name of the politician. The novelty of the study lies in the choice of the material and the subject of the study: the image of President Jair Bolsonaro in the American media has not been studied by linguists to date. The results of the study showed that the image of a politician is formed, among other things, by building contextual connections between the core of the lexico-semantic field under study and the units that make up the structure of this field, while the majority of lexical units relate to figures of political figures in Brazil and foreign countries who do not support the policy of J. Bolsonaro. The nature of the typical arguments identified by examining the concordance of the core of the studied LSF allows us to confirm that the image of this politician, formed by The New York Times newspaper, tends to be negatively biased. Readers are being shown the image of Jair Bolsonaro as a politician advocating the disappearance of the Amazon forests, being an ultra-right populist and not supporting the rights of the indigenous peoples of Brazil.

Keywords: media image, lexical-semantic field, concordance, cognitive matrix, Jair Bolsonaro, Brazil, American media, president, Personal Names, The New York Times

References (transliterated)

1. Boldyrev N. N. Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku : kurs lektsii. Tambov : Izd. dom «Derzhavinskii», 2021. 236 s.
2. Vikulova L. G., Kulagina O. A. Natsional'naya identichnost' v kontekste inakovosti: yazykovaya reprezentatsiya oppozitsii "svoi" - "chuzhie" vo frantsuzskoi literature XX veka (na materiale sbornika esse F. Moriaka "Chernaya tetrad") / L. G. Vikulova, O. A. Kulagina // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. – 2013. – № 2(12). – S. 33-42.
3. Vinichenko L. G., Petrova E. I. MEDIINAYa prezentatsiya obraza kantslera Germanii Olafa Shol'tsa v Sovremennykh SMI (na materiale publikatsii zhurnala «SPIEGEL») // Politicheskaya lingvistika. 2023. №3 (99). – S. 38-46.
4. Zhumaliev, A. Rol' SMI v aktualizatsii obraza politicheskogo lidera i destruktivnye priemy ego formirovaniya / A. Zhumaliev // Vestnik Kyrgyzskogo Natsional'nogo Universiteta imeni Zhusupa Balasagyna. – 2022. – № 1(109). – S. 191-199.
5. Cpasskaya A. S. Tipovoi argument «Iorg Khaider – pravyi populist» v sisteme diskursivnogo konstruirovaniya nemetskimi SMI identichnosti avstriitsev (na materiale publikatsii gazety "Der Tagesspiegel" v fevrale 2000 g.) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. №5. S. 1515-1524.
6. Chupryna O. G., Korotkevich D.O. Kognitivno-matrichnyi analiz reprezentatsii kontsepta Braziliya v diskurse SMI (na materiale gazet The New York Times i The New York Post) // Inostrannye yazyki v vysshei shkole. 2022. № 3(62). S. 54-62.
7. Amerikanskaya kul'turno-yazykovaya kartina mira XIX veka: vremya, svoboda, sud'ba, odinochestvo, dostoinstvo / O. V. Afanas'eva, K. M. Baranova, V. S. Mashoshina, O. G. Chupryna. – Moskva : Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Diona», 2019. – 112 s.
8. Akgemci, E. (2022). Authoritarian Populism as a Response to Crisis: The Case of Brazil // *Uluslararası İlişkiler / International Relations*. 2022. 19(74). P. 37–51.
9. Kablukov E. Joseph Stalin & Vladimir Putin: practices of the image construction of a

political leader in the discourse of Soviet and Russian media // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2020. Vol. 11. P. 73-84.

10. Lin, Ch. An Analysis of Representation of Activities of Russias and Chinas Political Leaders in Rossijskaja Gazeta and Zhjen'min' Zhibao // Theoretical and Practical Issues of Journalism. 2020. Vol. 9. P. 554-567.
11. Lima de Sousa, F. S., Gómez Iniesta, P., Herranz de la Casa, J. M. Populism in the Communication Strategy of Lula and Bolsonaro: An Analysis of the Television Debates in Brazil's 2022 General Election // Communication & Society. 2023. 36(3). P. 103-118.
12. Van Remoortere, A., & Vliegenthart, R. The influence of mass media on the popularity of politicians // Party Politics. 20230. Vol. 0(0). P. 1-14. URL: <https://edepot.wur.nl/637312> (data obrashcheniya 09.11.2023)
13. Villanueva, Concepción & Bayarri, Gabriel. Legitimation of hate and political violence through memetic images: the Bolsonaro campaign //Communication & Society. 2021. 34 (2). P. 449-468.

The Power of Memes in Crisis: the potential for emotional contagion of memes during a crisis

Tabatabai Sara

Postgraduate student, Department of Mass Communications, RUDN University named after Patrice Lumumba

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ saratabatabayee@gmail.com

Bulgarova Bella Akhmedovna

PhD in Philology

Associate professor of the Department of Mass Communications, RUDN University named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str.6.

✉ bulgarova-ba@rudn.ru

Abstract. The subject of the research is the study of the influence of memes during crises. Internet memes as a communication tool and new media languages are able to create and spread emotions that can promote social cohesion, as well as increase social confidence, which is considered vital during crises. Given the importance of Internet memes as a powerful tool to strengthen social cohesion and trust in difficult times, it is important to give an idea of how memes and emotional contagion can be used in crisis communication. The aim of the study is to provide a more complete understanding of the role of Internet memes, especially during crises such as the COVID-19 pandemic, in emotionally affected Iranian social media users. To achieve this goal, the study used a mixed-method approach, content analysis including COVID-19 memes on Iranian social networks and a quantitative survey using a questionnaire developed by the researchers. The statistical sample of the study consisted of 150 Iranian social media users who were randomly selected. The novelty of the research lies in the study of the function of memes in crisis communication and emotional contagion, especially in the context of Iran. The study expands the boundaries and offers new insights into how memes can be an effective tool to strengthen social cohesion and increase trust in difficult times. The focus of the study on the Iranian context also adds to its novelty, as it provides specific information that is not available in the existing literature. The study provides

empirical support to politicians, especially Iranians, in tracking public opinion on critical topics, or in managing collective emotions via the Internet and stimulating and mobilizing public action by individuals. Memes can be used for crisis communication and public participation. The results of the study indicate the widespread use and recognition of memes in Iran during the COVID-19 pandemic, in terms of income tax information for expressing feelings and interest. Emotional contagion through memes is moderate and mostly mental, with respondents believing that memes are more effective, fast, and desirable than other types of messages and posts.

Keywords: analysis, COVID-19, generation Z, viral discourse, crisis communication, social media, digital culture, emotional contagion, Iran, memes

References (transliterated)

1. Teilor S., Lendri S. A., Palushek M. M., Reichor G. S., Asmundson G. Dzh. Besspokoistvo, izbeganie i sovladanie vo vremya pandemii COVID-19: vsestoronnii setevoi analiz. Zhurnal trevoznykh rasstroistv. T. 76, S. 102327, 2020.
2. Ne Kh., Feng K., Van S., Li. Yu. Faktory, vliyayushchie na obshchestvennyuyu paniku vo vremya pandemii COVID-19. Granitsy v psikhologii. T. 12, S. 576301, 2021. Rezhim dostupa: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.576301/full> (Data obrashcheniya: 1.11.2023).
3. Li S. A. Shkala trevozhnosti po povodu koronavirusa: kratkii analiz psikhicheskogo zdorov'ya na trevozhnost', svyazannuyu s COVID-19. Issledovaniya smertnosti. T. 44, № 7, S. 393-401, 2020.
4. Li Yu., Luan S., Li Yu., Khertvig R. Izmenenie emotsii v usloviyakh pandemii COVID-19: Chetyrekhvolnovoe longityudnoe issledovanie v Soedinennykh Shtatakh i Kitae. Sotsial'nye nauki i meditsina. T. 285, S. 114222, 2021.
5. Bruks S., Vebster R., Smit L., Vudlend L., Vesseli S., Grinberg N., Rubin G. Psikhologicheskoe vozdeistvie karantina i sposoby ego umen'sheniya: kratkii obzor fakticheskikh dannykh. Zhurnal Lancet (London, Angliya). T. 395, № 10227, S. 912-920, 14 marta 2020 g.
6. Syun Dzh., Lipsits O., Nasri F., Lui L. M., Gill Kh., Fan L., Makintair R. S. Vliyanie pandemii COVID-19 na psikhicheskoe zdorov'e naseleniya v tselom: sistematicheskii obzor. Zhurnal affektivnykh rasstroistv. T. 277, S. 55-64, 2020.
7. Ross U., Gorod A., Ulieru M. Sotsial'no-fizicheskii podkhod k sistemnomu snizheniyu riska pri reagirovanii na chrezvychainye situatsii i obespechenii gotovnosti. Trudy IEEE po sistemam, cheloveku i kibernetike: Sistemy. T. 45, № 8, S. 1125-1137, 2014.
8. O'Konnell K., Berluti K., Rouds S. A., Marsh A. A. Snizhenie sotsial'nogo distantsirovaniya v nachale pandemii COVID-19 svyazano s antiobshchestvennym povedeniem v onlain-vyborke Soedinennykh Shtatov. Plyus odin. T. 16, № 1, S. e0244974, 2021.
9. Aval M. R., Tsao R., Mitrovich S., Li R. K. V. Ob analize antiobshchestvennogo povedeniya v usloviyakh pandemii covid-19. Preprint arXiv arXiv, S. 10712, 2020.
10. Li S., L. V. P., Manocha D., Van Kh. L. Yu., Chzhou B., Syui M. ACSEE: Imitatsionnaya model' antagonisticheskoi tolpy s emotsional'nym zarazheniem i evolyutsionnoi teoriei igr. Tranzaktsii IEEE po affektivnym vychisleniyam. T. 13, № 2, S. 729-745, 2019.
11. Smelzer N. Dzh., Baltes P. B. Mezhdunarodnaya entsiklopediya sotsial'nykh i povedencheskikh nauk. T. 11, Amsterdam: Elsevier, C. 26, 2001.
12. Durupynar F., Gyudyukbai U., Aman A., Badler N. I. Psikhologicheskie parametry dlya

- modelirovaniya tolpy: ot auditorii k tolпам. IEEE transactions on visualization and computer graphics. T. 22, № 9, S. 2145-2159, 2015.
13. Khsi S. K., Khetfild E., Chemtob S. Otsenki emotsional'nykh sostoyanii drugikh: soznatel'nye suzhdeniya protiv emotsional'nogo zarazheniya. Zhurnal sotsial'noi i klinicheskoi psikhologii. T. 11, № 2, S. 119-128, 1992.
 14. Forgas Dzh. P. Nastroyenie i suzhdenie: model' infuzii affekta (AIM). Psikhologicheskii byulleten'. T. 117, № 1, S.39, 1995.
 15. Barsade S. G. Volnovoi effekt: emotsional'noe zarazhenie v gruppakh. SSRN 250894, S. 68, 2000.
 16. Vidzhayalakshmi V., Bkhattachar'ya S. Emotsional'noe zarazhenie i ego znachenie dlya individual'nogo povedeniya i organizatsionnykh protsessov: dokument s izlozheniem pozitsii. Zhurnal biznesa i psikhologii. T. 27, № 3, S. 363-374, 2012.
 17. Barsade S. G., Kutifaris K. G., Pillemer Dzh. Emotsional'noe zarazhenie v zhizni organizatsii. Issledovaniya v oblasti organizatsionnogo povedeniya. T. 38, S. 137-151, 2018.
 18. Khill A. L., Rend D. G., Novak M. A., Kristakis N. A. Emotsii kak infektsionnye zabolvaniya v bol'shoi sotsial'noi seti: model' SISa. Trudy Korolevskogo obshchestva: Biologicheskie nauki. T. 277, № 1701, S. 3827-3835, 2010.
 19. Lyu T., Lyu Z., Chai Yu., Van Dzh., Lin Kh., Khuan P. Modelirovanie tolpy evakuiromykh s pomoshch'yu emotsii i individual'nosti. Iskusstvennaya zhizn' i robototekhnika. T. 24, № 1, S. 59-67, 2019. Rezhim dostupa: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10015-018-0459-5> (Data obrashcheniya: 25.10.2023).
 20. Bratu S. Sotsiologiya feikovykh novostei o strakhe pered pandemiei COVID-19: opasnye netochnye ubezhdeniya, emotsional'noe zarazhenie i idei zagovora. Lingvisticheskie i filosofskie issledovaniya. T.19, S. 128-134, 2020.
 21. Dobson-Loman E., Potkovaru A. M. Feikovi novostnoi kontent, formiruyushchii strakh pered pandemiei COVID-19: virusnaya trevoga, emotsional'noe zarazhenie i otvetstvennoe osveshchenie v SMI. Analiz i metafizika. T. 19, S. 94-100, 2020.
 22. Aizenbakh G. Kak borot'sya s infodemiei: chetyre stolpa upravleniya infodemiei. Zhurnal meditsinskikh internet-issledovaniy. T. 22, № 6, S. 21820, 2020.
 23. Noibaum G., Resner L., Rozental' A. M.-fon der Pyutten, Kremer N. S. Psikhosotsial'nye funktsii ispol'zovaniya sotsial'nykh setei v situatsii bedstviya: mul'timetologicheskii podkhod. Komp'yutery v povedenii cheloveka. T. 34, S. 28-38, 2014.
 24. Dzhadzharmi Kh. Sotsial'nye posledstviya vspyshki koronavirusa v Irane. Ezhekvertal'naya otsenka sotsial'nogo vozdeistviya. T. 2, № 1, S. 95-103, mai 2020 g. Rezhim dostupa: <https://civilica.com/doc/1273521> (Data obrashcheniya: 20.10.2023).
 25. Abdollakhi A., Rakhimi A. O sotsial'nom konstruirovani Corona i politike bor'by s nim Na primere pol'zovatelei kiberprostranstva. Ezhekvertal'naya otsenka sotsial'nogo vozdeistviya: mai, T. 2, № 1, S. 43-63, 2020.
 26. Farakhati M. Psikhologicheskie posledstviya vspyshki koronavirusa v obshchestve. Otsenka sotsial'nogo vozdeistviya ezhekvertal'no v mae. T. 2, № 1, S. 205-225, 2020.
 27. Mokhtari Khesari, Moezi M. Ali. Koronavirus i chrezmernoe informatsionnoe vozdeistvie. Zhurnal monitoringa, iyun'. T. 19, № 3, S. 249-253, 2020.
 28. Zarei F., Khonarvar A. Issledovanie mental'noi semanticheskoi neodnoznachnosti smysla slov (SWSD) po mneniyam pol'zovatelei Digi Kala dlya analiza emotsii pol'zovatelei. Pervyi konkurs Mezhdunarodnoi konferentsii po inzhenernym naukam v Irane, S. 12, 20. 12. 2016.

29. Khantington Kh. E. Podryvnye memy: Internet-memy kak forma vizual'noi ritoriki. AoIR Izbrannye stat'i internet-issledovaniy, S. 1-4, 2013. Access mode: <https://spir.aoir.org/ojs/index.php/spir/article/view/8886/pdf> (Date of reference: 10.10.2023).
30. Nissenbaum A., Shifman L. Shablony memov kak vyrazitel'nye repertuary v globaliziruyushchetsya mire: kross-lingvisticheskoe issledovanie. Zhurnal komp'yuterno-oposredovannoi kommunikatsii. T. 23, № 5, S. 294-310, 2018.
31. Park S. K. Ponimanie ispol'zovaniya memov v sotsial'nykh setyakh s pomoshch'yu semantiki: Opros na 14-i Mezhdunarodnoi konferentsii IEEE po semanticheskim vychisleniyam (ICSC). IEEE, S. 387-392, 2020.
32. Chursiya M., Suri S. S. Memy, svyazannye s Covid-19 v sotsial'nykh setyakh: issledovanie. Palarch's Journal of Archaeology of Egypt/Egiptologiya. T. 17, № 6, S. 2224-2236, 2020.
33. Kertcher S., Turin O. Reaktsiya osadnogo mentaliteta na pandemiyu: izrail'skie memy vo vremya Covid-19. Postdigital'naya nauka i obrazovanie. T.2, № 3, S. 581-587, 2020.
34. Pauliks K. Memy virusa: sotsial'naya kritika pandemii koronavirusa v Internetе. Televidenie. T. 33, S. 46-49, 2020.
35. Dainel M. Memy COVID-19 stanovyatsya virusnymi: o mnozhestve mul'timodal'nykh golosov, skryvayushchikhsya za litsevymi maskami. Diskurs i obshchestvo. T. 32, № 2, S. 175-195, 2021.
36. Kanselas-Uvin'ya L.P. Yumor vo vremena COVID-19 v Ispanii: vospriyatie koronavirusa cherez memy, rasprostranyaemye cherez WhatsApp. Granitsy v psikhologii. T. 12, S. 1075, 2021.
37. Papapikko S. i Mininni G. Memy vozdeistviya: yumor doktorov nauk(e). Mul'timediinnye instrumenty i prilozheniya. T. 79, № 47-48, S. 35973-35994., 2020.
38. Guadan'o R. E., Rempala D. M., Merfi S., Okdi B. M. Chto delaet video virusnym? Analiz emotsional'nogo zarazheniya i internet-memov. Komp'yutery v povedenii cheloveka. T. 29, № 6, S. 2312-2319, 2013.
39. Louler E. Dzh., Tai S. R. Vkl'yuchenie emotsii v teoriyu sotsial'nogo obmena. Ezhegodnyi obzor sotsiologii. T. 25, № 1, S. 217-244, 1999.
40. Bastiaansen Dzh. A., Tiu M., Keizers S. Dokazatel'stva sushchestvovaniya zerkal'nykh sistem v emotsiyakh. Filosofskie trudy Korolevskogo obshchestva V. Biologicheskie nauki. T. 364, № 1528, S. 2391-2404, 2009.
41. Khetfild E., Carpenter M., Repson R. L. Emotsional'noe zarazhenie kak predshestvennik kollektivnykh emotsii. Kollektivnye emotsii: perspektivy psikhologii, filosofii i sotsiologii, S. 108-122, 2014.
42. Khokhshil'd A. R. Sotsiologiya emotsii kak sposob videniya emotsii v sotsial'noi zhizni, Rutledzh, 2002, S. 31-44.
43. Ting K. M., Amin Kh. U., Saad M. N., Malik A. S. Vliyanie emotsii na obuchenie i pamyat'. Granitsy v psikhologii, S.1454, 2017.
44. Khokhshil'd A. R. Rabota s emotsiyami, pravila chuvstvovaniya i sotsial'naya struktura. Amerikanskii zhurnal sotsiologii, T. 85, № 3, S. 551-575, 1979.
45. Freind P. E. Vyrazitel'noe telo: obshchaya osnova dlya sotsiologii emotsii, zdorov'ya i bolezni. Sotsiologiya zdorov'ya i bolezni. T. 12, № 4, S. 452-477, 1990.
46. Toits P. Sotsiologiya emotsii. Ezhegodnyi obzor sotsiologii. T. 15, № 1, S. 317-342, 1989.
47. Rafipur F. Obshchestvo, emotsii, muzyka. Pervoe izdanie, Tegeran: Sahami-Enteshar

- Co., 1997.
48. Terner Dzh. Kh., Stets Dzh. E. Sotsiologicheskie teorii chelovecheskikh emotsii. Ezhegodnoe izdanie Sotsiol. T. 32, S. 25-52, 2006.
 49. Girts S. Interpretatsiya kul'tur. Hachette UK, S. 576, 2008.
 50. Chu K. Kh. L. Vliyanie emotsional'nogo truda na rezul'taty raboty sotrudnikov. Politekhnikheskii institut Virdzhinii i gosudarstvennyi universitet, Bleksburg, Virdzhiniya, S. 199, 2002.
 51. Kong Yu. Zarazitel'ny li emotsii? Kontseptual'nyi obzor issledovaniy v oblasti yazykovogo obrazovaniya. Granitsy v psikhologii, T. 13, S. 1048105, 2022.
 52. Gol'denberg A., Gross Dzh. Dzh. Zarazhenie tsifrovymi emotsiyami. Tendentsii v kognitivnykh naukakh. T. 24, № 4, S. 316-328, 2020. Access mode: [https://www.cell.com/trends/cognitive-sciences/fulltext/S1364-6613\(20\)30027-9](https://www.cell.com/trends/cognitive-sciences/fulltext/S1364-6613(20)30027-9) (Date of reference: 3.10.2023).
 53. Terner Dzh. Kh. Na puti k obshchei sotsiologicheskoi teorii emotsii. Zhurnal po teorii sotsial'nogo povedeniya. T. 29, № 2, S. 133-161, 1999.
 54. Shutts A. Al'fred Shutts o fenomenologii i sotsial'nykh otnosheniyakh. T.360. Izdatel'stvo Chikagskogo universiteta, S. 336, 970.
 55. Tavassoli G. Sotsiologicheskie teorii, Tegeran: Samt Publications, S. 552, 2003.
 56. Ta Kh., Gaudu B., Longin D., Kho T. Model' emotsional'nogo zarazheniya dlya modelirovaniya gruppovoi evakuatsii. Informatica: mezhdunarodnyi zhurnal vychislitel'noi tekhniki i informatiki. T. 41, № 2, S. 169-182, 2017.
 57. Valentsano S. G. Sotsial'nyi mozg i emotsional'noe zarazhenie: efekty COVID-19. Meditsina. T. 56, № 12, S. 640, 2020.
 58. Shtainert S. Korona i izmenenie tsennostei. Rol' sotsial'nykh setei i emotsional'nogo zarazheniya. Etika i informatsionnye tekhnologii. T. 23, S. 59-68, 2021. Rezhim dostupa: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10676-020-09545-z> (Data obrashcheniya: 25.09.2023).
 59. Shakhshakhani M. Vazhnost' udeleniya vnimaniya sotsial'noi stigmatizatsii posle zarazheniya koronavirusom (Covid-19). Zhurnal Universiteta meditsinskikh nauk Rafsandzhani. T. 5, № 19, S. 657-659, 2020.
 60. Eskandaryan G. Otsenka vliyaniya virusa korony na obraz zhizni s aktsentom na kul'turnuyu model' potrebleniya. Ezhekvartal'naya otsenka sotsial'nogo vozdeistviya, mai. T. 2, № 1, S. 65-85, 2020.
 61. Choudkhuri A., Chakraborti P. Memy, vyzyvayushchie emotsii: strategiya neirodizaina dlya kommunikatsii brenda i opyt v dizaine zavtrashnego dnya. T. 1. iCord 2021. Intel'ktual'nye innovatsii, sistemy i tekhnologii, Singapur, S. 147-156, 2021.
 62. Kaur N. Issledovanie stranits memov, posvyashchennykh Covid-19, so spetsial'noi ssylkoi na Instagram. Palarch's Journal of Archaeology of Egypt /Egiptologiya. T. 17, № 6, S. 1958-1974, 2020.
 63. Sebba-Elran T. Pandemiya shutok? Izrail'skii mem o COVID-19 i vyrabotka kollektivnogo otveta na risk. Yumor, T. 34, № 2, S. 229-257, 2021. Rezhim dostupa: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/humor-2021-0012/html> (Data obrashcheniya: 24.09.2023).
 64. Prenski M. Tsifrovye aborigeny, tsifrovye immigranty, Ch.2: Deistvitel'no li oni dumayut po-drugomu? Na gorizonte. T.9, № 6, S. 1-6., 2001.
 65. Tabatabai S., Ivanova E. Rol' memov v emotsional'nom zarazhenii nachal'nogo obrazovaniya onlain. T. 20, № 5, S. 6028-6028, 2021.

66. Akhter N. Internet-memy kak forma kul'turnogo diskursa: ritoricheskii analiz na Facebook, S. 28, 2021.
67. Krokamo S., Viviani M., Famil'ini L., Bartoli F., Pasi G., Karra G. Nablyudenie za emotsional'nym zarazheniem COVID-19 v Twitter s pomoshch'yu analiza nastroenii. Evropeiskaya psikiatriya. T. 64, № 1, S. e17, 2021.
68. Tukhi P. Skuka: zhivaya istoriya. Izdatel'stvo Iel'skogo universiteta, 2011, S. 2-4.
69. Chen I. Prevrashchenie domashnei skuki vo vremya vspyshki COVID-19 v protsvetanie doma i samoupravlenie kar'eroi: rol' onlain-organizatsii dosuga. Mezhdunarodnyi zhurnal sovremennogo gostinichnogo menedzhmenta. T. 32, № 11, S. 3645-3663, 2020.
70. Banerdzhi D., Rai M. Sotsial'naya izolyatsiya pri Covid-19: vliyanie odinochestva. Mezhdunarodnyi zhurnal sotsial'noi psikiatrii. T. 66, № 6, S. 525-527, 2020.
71. Boilan Dzh., Seli P., Sholer A., Dankert Dzh. Skuka v usloviyakh pandemii COVID-19: sklonnost' k skuke, zhelanie deistvovat' i narushenie pravil. Lichnost' i individual'nye razlichiya. T. 171, S. 110387, 2021.
72. Yakobi O., Dankert Dzh. Sklonnost' k skuke svyazana s shumnym prinyatiem reshenii, a ne s prinyatiem riska. Exp Brain Res. T. 239, S. 1807-1825, 2021.
73. Boilan Dzh., Seli P., Sholer A., Dankert Dzh. Skuka vo vremya pandemii COVID-19: sklonnost' k skuke, zhelanie deistvovat' i narushenie pravil. Individual'nost' individuumov razlichna. T. 171, S. 110387, 2021.

Leveraging the power of internet memes for emotional contagion as effective strategy for environmental communication

Bulgarova Bella Akhmedovna

PhD in Philology

Associate professor of the Department of Mass Communications, RUDN University named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str.6.

✉ bulgarova-ba@rudn.ru

Tabatabai Sara

Postgraduate student, Department of Mass Communications, RUDN University named after Patrice Lumumba

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ saratababayee@gmail.com

Abstract. The article aims to address the research gap in the field of environmental communication by integrating the advances in emotional influence sciences to understand the mechanisms and pathways via social media by which emotions impact pro-environmental behavior. This research investigates how environmental communication can integrate research's results to design a more effective communication strategy that leads to environmental actions. Hence, the methodology of the article is an exploratory review of previous research on emotion in crisis and environmental communication, particularly on the role of social media and internet memes in promoting pro-environmental behavior through emotions and emotional influence. The findings are organized into three themes. First, we

present the theory of emotional influence as a lens that can shed light on the underlying mechanisms in social media that awaken users' sentiments to modify or rectify their environmental behavior as well as entice their engagement in environmental preservation. Next, the main factors affecting emotional contagion in environmental communication are analyzed. Finally, we examine the empirical evidence of pro-environmental communication strategies that were successful under emotional contagion mechanisms. The article concludes that emotional influence by internet memes is a proper strategy, particularly for new generations, in crisis and environmental communication. This research contributes to science by highlighting the significant role of emotional influence and internet memes in environmental communication, emphasizing their potential to influence public attitudes and behaviors towards environmental issues, and providing a comprehensive understanding of how these factors can be leveraged to design effective communication strategies that lead to environmental actions, offering valuable insights for researchers and practitioners in the field of environmental communication and crisis management.

Keywords: crisis communication, media campaigns, pro-environmental behavior, environmental communication, internet memes, emotional contagion, social media, digital, strategic communication, digital natives

References (transliterated)

1. Kovacheva A., Viner Kh. Dzh., Kareklas I., Myuling D. Onlain-vzaimodeistvie s memami i kommentariyami ob izmenenii klimata. Ustoichivoe razvitie, №14 (14), S. 8900, 2022 <https://doi.org/10.3390/su14148900>
2. Korral'-Verdugo V., Garsiya-Kadena K. Kh., Frias-Armenta M. Psikhologicheskie podkhody k ustoichivomu razvitiyu: sovremennye tendentsii v teorii, issledovaniyakh i prilozheniyakh. Nova Science Publishers, Inc. 475 S., 2010.
3. Fatkhali Lavasani F. Psikhologiya razrusheniya okruzhayushchei sredy. Kratkoe opisanie naseleniya zelenykh dobrovol'tsev, 2012. Rezhim dostupa: <http://greenvolunteers.ir> (Data obrashcheniya: 19.12.2023).
4. Ditrikh Kh. L. Rol' emotsii v prinyatii ekologicheskikh reshenii. Universitet Nebraska-Linkol'n. Dissertatsii i studencheskie issledovaniya: Fakul'tet psikhologii, 131 S., 2013.
5. Shnaider K. R., Zaval L., Veber E. U., Markovits E. M. Vliyanie ozhidaemoi gordosti i chuvstva viny na prinyatie reshenii v zashchitu okruzhayushchei sredy. Ploshchad' nomer odin, 12(11), s. e0188781, 2017.
6. Turunen L. L., Minna Khalme. Donesenie poleznoi informatsii ob ustoichivom razviti do potrebitelei: Instrument «Ottenki zelenogo» dlya mody. Zhurnal «Chistoe proizvodstvo», 297, S. 126605, 2021. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.126605>.
7. Virt U., Shramm Kh. Media i emotsii. Tendentsii kommunikatsionnykh issledovaniy, № 24 (3), S. 3-39, 2005.
8. Rashidi A., Rashidi M. Issledovanie roli SMI v okhrane okruzhayushchei sredy i ikh vliyanie na povedenie lyudei i menedzherov s tochki zreniya formirovaniya kul'tury potrebleniya. Ezhekvartal'nyi zhurnal «Kul'turnaya inzheneriya», № 55, S. 31-43, 2011.
9. Farakh Bakhshpur Kh., Shaigan N. Issleduem simvolicheskuyu sistemu pritvorstva soglasno Bodriyaru i primenyaem ee k sfere postmodernistskoi fotografii s aktsentom na raboty Sherri Levin. Rakhpur Khonar, № 3 (4), S. 83-89, 2020.
10. Dong X., Lian Y. Obzor analiza obshchestvennogo mneniya, osnovannogo na sotsial'nykh setyakh: problemy i rekomendatsii. Tekhnologii v obshchestve, №67, S.101724, 2021. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101724>

11. Van Deik, Dzh., & Poell, T. Ponimanie logiki sotsial'nykh setei. Media i kommunikatsiya, №1 (1), S. 2-14, 2013.
12. Nikpur T., Kia A., Rasuli M. Vliyanie virtual'nykh setei na prodvizhenie ekologicheskoi kul'tury Irana. Ekologicheskii issledovaniya i tekhnologii, 12 (7), 1-16, 2022. Rezhim dostupa: <https://journal.eri.acecr.ir/fa/Article/34283> (Data obrashcheniya: 1.12.2023).
13. Bergman Dzh. N., Reichel T., B., Syan'-Yung L., Magdalena L., Kaila A., Adrianna S., Khaidash, S. A. Otsenka preimushchestv i riskov sotsial'nykh setei dlya sokhraneniya dikoi prirody. Grani, №7 (1), S. 360-397, 2022. <https://doi.org/10.1139/facets-2021-0112>
14. Shakh Z., Vei, L., Gani U. Ispol'zovanie saitov sotsial'nykh setei i proekologicheskoe povedenie: model' posrednichestva i moderatsii. Mezhdunarodnyi zhurnal ekologicheskikh issledovaniy i obshchestvennogo zdavookhraneniya, № 18 (4), S. 1805, 2021. <https://doi.org/10.3390/ijerph18041805>.
15. Mallik R., Badzhpai S. P. Vliyanie sotsial'nykh setei na ekologicheskuyu osvedomlennost'. V razdele Ekologicheskaya osvedomlennost' i rol' sotsial'nykh setei, S. 140-149, IGI Global, 2019. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-5291-8.ch007>.
16. Syao Yu., Lyu Kh., Ren T. Ispol'zovanie Interneta i povedenie v zashchitu okruzhayushchei sredy: dannye iz Kitaya. PLoS One, №17(1), e0262644, 2022.
17. Chzhan B., Pinto Dzh. Menyaem mir po odnomu memu za raz: Vliyanie memov ob izmenenii klimata na namereniya grazhdanskogo obshchestva. Ekologicheskaya kommunikatsiya, №15 (6), S. 749-764, 2021.
18. Iokhann M., Khenle L., Dombrovski Dzh. Pyatnitsy dlya budushchego i ponedel'niki dlya memov: Kak memy o klimaticheskoy krizise mobilizuyut pol'zovatelei sotsial'nykh setei. SMI i kommunikatsiya, №11 (3), S. 226-237, 2023. <https://doi.org/10.17645/mac.v11i3.6658>.
19. Segado-Boi, F., Dias-Kampo Dzh., Navarro-S'erra N. Obmen emotsiyami i novostyami ob izmenenii klimata v sotsial'nykh setyakh. Sderzhivayushchaya rol' privyчек, prezhnikh ustanovok, ispol'zovaniya i udovletvoreniya sredi studentov universitetov. Obzor latinoamerikanskogo sotsial'nogo soobshchestva, № 75, S. 245-268, 2020.
20. Gol'denberg A., Gross Dzh. Dzh. Zarazhenie tsifrovymi emotsiyami. Tendentsii v kognitivnykh naukakh, №24 (4), S. 316-328, 2020. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2020.01.009>.
21. Guadan'o R. E., Rempala D., Merfi S., Okdi B. M. Chto delaet video virusnym? Analiz emotsional'nogo zarazheniya i internet-memov. №29(6), S. 2312-2319, 2013.
22. Tabatabai S., Ivanova E. A. Rol' memov v emotsional'nom zarazhenii. Nachal'noe obrazovanie onlain, № 20 (5), S. 6028-6028, 2021.
23. Errando S., Konstantinides E. Emotsional'noe zarazhenie: kratkii obzor i napravleniya na budushchee. Granitsy v psikhologii, №12, S. 2881, 2021. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.712606>.
24. Tian H., Liu X. Issledovanie povedeniya v zashchitu okruzhayushchei sredy: teoreticheskii progress i napravleniya na budushchee. Mezhdunarodnyi zhurnal ekologicheskikh issledovaniy i obshchestvennogo zdavookhraneniya, № 9 (11), S. 6721, 2022. <https://doi.org/10.3390/ijerph19116721>.
25. On M., Blai K.-Dzh., Khalpenni, E. Vliyanie ekologicheskoi kommunikatsii na namereniya i povedenie v zashchitu okruzhayushchei sredy: sistemicheskii obzor konteksta turizma, osnovannogo na prirode. Zhurnal ustoichivogo turizma, S.1-23, 2022. <https://doi.org/10.1080/09669582.2022.2095392>.
26. Kollmuss A., Eidzheman Dzh. Obratite vnimanie na razryv: pochemu lyudi deistvuyut

- ekologicheskii i kakovy bar'ery dlya proekologicheskogo povedeniya? Issledovanie ekologicheskogo obrazovaniya, №8 (3), S. 239-260, 2002.
27. Stern, P. S. Novye ekologicheskie teorii: na puti k posledovatel'noi teorii ekologicheskii znachimogo povedeniya. Zhurnal sotsial'nykh problem, № 56 (3), S. 407-424, 2000.
 28. Karimi L. Issledovanie sotsiologicheskikh faktorov, vliyayushchikh na ekologicheskoe povedenie (na osnove povedeniya v otnoshenii potrebleniya vody. (Dissertatsiya). universitet Paiamnur, Tegeran, 2010.
 29. Aizen I. Priroda i deistvie ustanovok. Ezhegodnyi obzor psikhologii, № 52 (1), S. 27-58, 2001.
 30. Dyuran M., Al'zate M., Lopes U., Sabusedo Dzh. Emotsii i povedenie, svyazannoe s okruzhayushchei sredoi. Obzor latinoamerikanskoi psikhologii, № 39 (2), S. 287-296, 2007.
 31. Smit N., Leizerovits, A. Rol' emotsii v podderzhke i protivodeistvii politike global'nogo potepleniya. Analiz riskov, №34 (5), S. 937-948, 2014.
 32. Shvarts D., Levenshtein G. Kholod momenta: Emotsii i povedenie v interesakh okruzhayushchei sredy. 2. Zhurnal gosudarstvennoi politiki i marketinga, № 36(2), S. 255-268, 2017.
 33. Brait M. L., Ims K. Ot apatii cherez bespokoistvo k deistviyu: Emotsii kak motivatory dlya molodezhnykh liderov zabastovok po izmeneniyu klimata. Avstraliiskii zhurnal ekologicheskogo obrazovaniya, № 38(1), S. 13-25, 2022.
<https://doi.org/10.1017/aee.2021.22>.
 34. Fergyuson M. A., Branskom N.R. Severnaya Karolina. Kollektivnaya vina oposreduet vliyanie ubezhdenii o global'nom poteplenii na gotovnost' uchastvovat' v povedenii po smygcheniyu posledstvii. Zhurnal ekologicheskoi psikhologii, №30(2), S. 135-142, 2010.
 35. Khart N. S., Lich K. V., Kessler T. Vina, gnev i gordost' za povedenie v gruppe v otnoshenii okruzhayushchei sredy: raznye emotsii predskazyvayut raznye namereniya. Zhurnal ekologicheskoi psikhologii, №34, S. 18-26, 2013.
 36. Li S., Chen F., Gu X. Vliyanie Gruppykh Emotsii i Moral'nykh Ubezhdenii na proekologicheskoe povedenie: oposreduyushchaya rol' psikhologicheskoi klasterizatsii. Mezhdunarodnyi zhurnal ekologicheskikh issledovaniy i obshchestvennogo zdravookhraneniya, №19(18), S. 11190, 2022.
<https://doi.org/10.3390/ijerph191811190>.
 37. Rozer S., Todd S. Emotsii i tsennost'. Izdatel'stvo Oksfordskogo universiteta. 256 S., 2015.
 38. Kabanak M. Chto takoe emotsii? Povedencheskie protsessy, № 60(2), S. 69-83, 2002.
 39. Barsade S. G. Effekt pul'satsii: Emotsional'noe zarazhenie i ego vliyanie na gruppovoe povedenie. Ezhekvartal'nyi zhurnal administrativnoi nauki, № 47(4), S. 644-675, 2002.
 40. Meier, S. Dzh. Rol' emotsional'nogo zarazheniya v obshchenii s riskom. (Diss). Aspirantura Universiteta Perd'yu, 2023.
 41. Kong Yu. Zarazitel'ny li emotsii? Kontseptual'nyi obzor issledovaniy v oblasti yazykovogo obrazovaniya. Granitsy v psikhologii, №13, S. 1048105, 2022.
<https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1048105>.
 42. Khill A. L., Rend D. G., Novak M. A., Kristakis N.A. Emotsii kak infektsionnye zabolevaniya v bol'shoi sotsial'noi seti, model' SISa. Korolevskoe obshchestvo, Biologicheskii nauki, № 277(1701), S. 3827-3835, 2010.
 43. Hatfield E., Cacioppo J. T., Rapson R. L. Emotsional'naya zaraza. Sovremennyye

- napravleniya v psikhologicheskoi nauke, № 2(3), S. 96-100, 1993.
44. Choi K. V. Vliyanie Emotsional'noi Napryazhennosti, Vozbuzhdeniya i Valentnosti na Obmen Videoreklamoi v Internete. Yuzhnaya Karolina. (Doktorskaya dissertatsiya, Universitet Yuzhnoi Karoliny), 2022.
 45. Shtainert S. Izmenenie korony i stoimosti. Rol' sotsial'nykh setei i emotsional'nogo zarazheniya. *Etika Inf Technol*, 23 (Dopolnenie 1), S. 59-68, 2021.
<https://doi.org/10.1007/s10676-020-09545-z>.
 46. Kramer A. D., Gillori Dzh. E., Khenkok Dzh. T. Eksperimental'nye dannye o massovom emotsional'nom zarazhenii cherez sotsial'nye seti. *Trudy Natsional'noi akademii nauk Soedinennykh Shtatov Ameriki*, №111(24), S. 8788-8790, 2014.
 47. Bredi, V. Dzh., Gantman, A. P. i Van Bavel', Dzh. Dzh. Zakhvat vnimaniya pomogaet ob'yasnit', pochemu moral'nyi i emotsional'nyi kontent stanovitsya virusnym. *Zhurnal eksperimental'noi psikhologii: Obshchii*, №149(4), S. 746, 2020.
 48. Serrano Puche Dzh. Internet i emotsii: novye tendentsii v razvivayushcheisya oblasti issledovaniy, S. 19-26, 2016.
 49. Goldblatt D. Sotsial'naya teoriya i okruzhayushchaya sreda. *Dzhon Uaili i synov'ya*, 2013.
 50. Severin U. Dzh., Tankard Dzh. U. Teorii kommunikatsii: istoki, metody i ispol'zovanie v sredstvakh massovoi informatsii. N'yu-Iork: Longman, 1997.
 51. Kharalambos M., Kholborn M. Sotsiologiya: temy i perspektivy. Collins educational. Veber, M. (1946). Byurokратиya. V knige Kh. Gerta i K.U. Millsa (red.), iz knigi Maksa Vebera «Ocherki sotsiologii», S. 196-244, 2000.
 52. Karlsson U., Taii S., Zhakino-Delone G. i Peres Tornero Dzh. M. (2008). Rasshirenie prav i vozmozhnostei posredstvom mediaobrazovaniya: mezhkul'turnyi dialog. Nordicom, Geteborgskii universitet. 276 S.
 53. Paidar A., Khadzhinedzhad A., Allakhuddin Vandi A. Otsenka roli sputnika v kul'turnykh izmeneniyakh sel'skikh zhenshchin. *Zhenskie psikhologicheskie i sotsial'nye issledovaniya*, №15 (1), S. 159-188, 2017.
 54. Gerbner G. Nauka na televidenii: kak eto vliyaet na obshchestvennye predstavleniya". *Voprosy nauki i tekhniki*, №3 (3), S.109-115, 1987.
 55. Morgan, M., Shanakhan, Dzh. Analiz kul'tivirovaniya za dva desyatiletia: obzor i meta-analiz. *Ezhagodnik kommunikatsii*, №20, S. 1-45, 1997.
 56. Ball'yu, M. T., Omoto, A. M., Vinter, P. L. Ispol'zovanie tekhnologii Web 2.0 i sotsial'nykh setei dlya sodeistviya deistviyam v zashchitu okruzhayushchei sredy. *Ustoichivost'*, 7 (8), S. 10620-10648, 2015.
 57. Aizen I. Teoriya planiruemogo povedeniya. Organizatsionnoe povedenie i protsessy prinyatiya reshenii lyud'mi, № 50 (2), S. 179-211, 1991.
 58. Lyunenborg M., Maier, T. Povорот k affektu i emotsiyam v issledovaniyakh SMI. *Sredstva massovoi informatsii i kommunikatsii*, № 6(3), S. 1-4, 2018.
 59. Uederell M. Affekt i emotsiya: novoe ponimanie sotsial'nykh nauk. *Affekt i emotsiya*, S. 1-192, 2012.
 60. Rime B. Emotsiya vyzyvaet sotsial'noe rasprostranenie emotsii: teoriya i empiricheskii obzor. *Obzor emotsii*, №1 (1), S. 60-85, 2009.
 61. Van Klif G. A. Kak emotsii reguliruyut sotsial'nuyu zhizn': model' emotsii kak sotsial'noi informatsii (EASI). *Sovremennye napravleniya v psikhologicheskoi nauke*, №18 (3), S. 184-188, 2009.
 62. Lu D., Khong D. Emotsional'noe zarazhenie: Issledovanie faktorov, vliyayushchikh na negativnoe emotsional'noe obshchenie pol'zovatelei sotsial'nykh setei vo vremya

- pandemii COVID-19. Granitsy v psikhologii, № 13, S. 931835, 2022.
<https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.931835>.
63. Khetfild E., Carpenter M., Rapson A. R. Emotsional'noe zarazhenie kak predshestvennik kollektivnykh emotsii. Kollektivnye emotsii: perspektivy psikhologii, filosofii i sotsiologii, S. 108-122, 2014.
 64. Nisbet M. S. Informirovanie ob izmenenii klimata: pochemu ramki vazhny dlya вовlecheniya obshchestvennosti. Okruzhayushchaya sreda: nauka i politika v interesakh ustoichivogo razvitiya, №51 (2), S. 12-23, 2009.
 65. Douell K., Konte B., Brosh T. Mezhindividual'nye razlichiya v ekologicheski znachimykh polozhitel'nykh chertakh vliyayut na ustoichivoe povedenie v povsednevnoi zhizni. Nauchnye otchety, №11 (1), S. 20423, 2021. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-99438-y>.
 66. Li Z. K., Dzhi Yu. G., Tao U., Chen, Z. F. Vovlekaite svoi chuvstva: zarazhenie emotsiyami i вовlechenie obshchestvennosti na saitakh nekommercheskikh organizatsii v Facebook. Ezhekvtal'no po nekommercheskomu i dobrovol'cheskomu sektoru, № 51 (6), S. 1281-1303, 2022. <https://doi.org/10.1177/0899764021>.
 67. Pang Yu., Song S., Ma S. Vliyanie razlichnykh tipov empatii na prosotsial'noe povedenie: Blagodarnost' kak posrednik. Granitsy v psikhologii, 13, 768827, 2022. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.768827>.
 68. Bartlett M. Yu., Desteno, D. Blagodarnost' i prosotsial'noe povedenie: pomoshch', kogda eto vam dorogo obkhoditsya. Psikhologicheskaya nauka, №17 (4), S. 319-325, 2006.
 69. Shneider K. R., Zaval L., Markovits, E. M. Polozhitel'nye emotsii i izmenenie klimata. Sovremennoe mnenie v povedencheskikh naukakh, № 42, S. 114-120, 2021. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2021.04.009>.
 70. Albui Dzh. Emotsii i prosotsial'noe povedenie: issledovanie effektivnosti shokiruyushchikh blagotvoritel'nykh kampanii. Issledovaniya i prilozheniya v marketinge (angliiskoe izdanie), № 32 (2), S. 4-25, 2017. <https://doi.org/10.1177/2051570716689241>.
 71. Senford M., Vitkovska M., Gifford R., Formanovich, M. Emotsional'noe obramlenie v onlain-ekologicheskom aktivizme: sochetanie issledovaniya Twitter s oflain-eksperimentom. Granitsy v psikhologii, №13, S. 1099331, 2023. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.109933>.
 72. Zelenskii Dzh. M., Deroshe, Dzh. E. Mogut li polozhitel'nye i samoprevoskhodyashchie emotsii sposobstvovat' proekologicheskomu povedeniyu? Sovremennoe mnenie v psikhologii, № 42, S. 31-35, 2021.
 73. Chen M. F. Vliyanie prizyvov k strakhu na proekologicheskoe povedenie i vazhneishie determinanty. Mezhdunarodnyi zhurnal reklamy, № 35 (1), S. 74-92, 2016.
 74. Shin S., Ki E. Dzh., Griffin U. G. Effektivnost' prizyvov k strakhu v 'zelenoi' reklame: analiz kreativnykh, potrebitel'skikh i iskhodnykh peremennykh. Zhurnal marketingovykh kommunikatsii, № 23 (5), S. 473-492, 2017.
 75. Khasford Dzh., Khardesti D. M., Kidvell, B. Bol'she, chem chuvstvo: efekty emotsional'nogo zarazheniya v ubeditel'noi kommunikatsii. Zhurnal marketingovykh issledovaniy, № 52 (6), S. 836-847, 2015. <https://doi.org/10.1509/jmr.13.0081>.
 76. Bredli I. Eticheskie soobrazheniya ob ispol'zovanii strakha v kampaniyakh obshchestvennogo zdravookhraneniya. Klinicheskie korrelyatsii, 2011. Rezhim dostupa: <https://www.clinicalcorrelations.org/2011/11/23/ethical-considerations-on-the-use-of-fear-in-public-health-campaigns/> (Data obrashcheniya: 5.12.2023).

77. Zubair M., Ikbal S., Usman S. M., Avais M., Vang R., Vang Kh. Formirovanie soobshchenii i osoznannye emotsii pomagayut ponyat' namerenie potrebitelya sovershit' pokupku v interesakh okruzhayushchei sredy: issledovanie ERP. Nauchnye otchety, №10 (1), S. 18304, 2020. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-75343-8>.
78. O'Nil, S., Nikolson-Koul S. «Strakh etogo ne sdelaet» sposobstvuet pozitivnomu vzaimodeistviyu s izmeneniem klimata posredstvom vizual'nykh i ikonicheskikh predstavlenii. Nauchnaya kommunikatsiya, 30 (3), 355-379, 2009. <https://doi.org/10.1177/1075547008329201>.
79. Chepmen D. A., Likel B., iMarkovits, E. M. Pereotsenka emotsii v kommunikatsii ob izmenenii klimata. Izmenenie klimata v prirode, № 7 (12), S. 850-852, 2017.
80. Leonkhardt, Dzh. Stanovitsya virusnym na YouTube. Zhurnal tsifrovogo marketinga i marketinga v sotsial'nykh setyakh, № 3 (1), S. 21-30, 2015.
81. Berger, Dzh., Milkman, K. L. Chto delaet onlain-kontent virusnym? Zhurnal marketingovykh issledovaniy, № 49 (2), 192-205, 2012.
82. Teeny J., Deng X., Unnava H.R. «Shumikha», stoyashchaya za shumikhoi, imeet znachenie: energichnoe i napryazhennoe vozbuzhdenie kak otdel'nye motivy dlya sarafannogo radio. Zhurnal psikhologii potrebitelei, 30 (3), 429-446, 2020.
83. Masullo Chen G., Lu S. Politicheskii diskurs v Internetе: izuchenie razlichii v posledstviyakh grazhdanskikh i netsivilizovannykh raznoglasii v kommentariyakh na novostnykh saitakh. Zhurnal veshchaniya i elektronnykh SMI, № 61 (1), S. 108-125, 2017.
84. In' D., Bond S. D., Chzhan Kh. (2017). Sokhranyaite khladnokrovie ili daite volyu chuvstvam: nelineinye efekty vyrazhennogo vozbuzhdeniya na vospriyatie otzyvov potrebitelei. Zhurnal marketingovykh issledovaniy, № 54 (3), S. 447-463, 2017.
85. Singelis T. M. Vliyanie kul'tury, gendera i samootsenki na emotsional'noe zarazhenie. Gavaiskii universitet v Manoa, 1995.
86. Kevrekidis P., Skapinakis P., Damigos D., Mavreas V. Adaptatsiya shkaly emotsional'nogo zarazheniya (ECS) i gendernykh razlichii v grecheskom kul'turnom kontekste. Annaly obshchei psikhiiatrii, № 7, S. 1-6, 2008.
87. Lorentsini Dzh., Rosset, Dzh. Emotsii i uchastie v klimaticheskikh zabastovkakh sredi molodykh i pozhilykh demonstrantov. Issledovaniya sotsial'nykh dvizhenii, S. 1-17, 2023. <https://doi.org/10.1080/14742837.2023.2178406>.
88. Uaild B., Erb M., Bartel's, M. Zarazitel'ny li emotsii? Vyzyvaemye emotsii pri prosmotre emotsional'no vyrazitel'nykh lits: kachestvo, kolichestvo, techenie vremeni i gendernye razlichiya. Psikhiatricheskie issledovaniya, № 102 (2), S. 109-124, 2001.
89. Fel'dman L., Leizerovits A., Maibakh E. V. Vliyanie the daily show i doklada Kol'bera na vnimanie obshchestvennosti k nauke i okruzhayushchei srede, S. 25-46, 2011.
90. Uait R. Memy, svyazannye s izmeneniem klimata: analiz teorii vliyaniya okruzhayushchei sredy i Interneta. Dissertatsiya na stepen' magistra sotsiologii Kembridzhskogo universiteta, 2021.
91. Ngo P. N. Memy dlya preodoleniya trudnostei i obshcheniya. Magisterskaya dissertatsiya, art-terapiya. Dominikanskii Kaliforniiskii universitet, 2023. <https://doi.org/10.33015/dominican.edu/2022.AT.08>.
92. Kal'tenbakher M., Drevs S. Neudobnaya shutka? Obzor yumora v kommunikatsii ob izmenenii klimata. Ekologicheskaya kommunikatsiya, №14 (6), S. 717-729, 2020.
93. Mairik Dzh. G., Nabi R. L., Eng N. Dzh. (2022). Potreblenie memov vo vremya pandemii COVID: vliyanie memov i tipa memov na stress, svyazannyi s COVID, i effektivnost'

- preodoleniya. Psikhologiya populyarnykh MEDIA, № 11 (3), S. 316, 2022.
<https://doi.org/10.1037/ppm000037>.
94. Gal N., Shifman L., Kampf Z. Stanovitsya luchshe: internet-memy i konstruirovaniye kollektivnoi identichnosti. Novye MEDIA i obshchestvo, №18 (8), S. 1698-1714, 2016.
 95. Gerbaudo P. Konstruirovaniye obshchestvennogo prostranstva | vozbuzhdeniye tolpy v Facebook: tsifrovoy entuziazm i emotsional'noe zarazheniye vo vremya protestov 2011 goda v Egipte i Ispanii. Mezhdunarodnyi zhurnal kommunikatsii, №10, S. 20, 2016.
 96. Khosseini Komlekh M., Salekhi S. Reklamnye kampanii i resheniye ekologicheskikh problem, tematicheskoe issledovaniye reklamnykh kampanii Organizatsii po okhrane okruzhayushchei sredy. Pis'mo o izobrazitel'nom i prikladnom iskusstve, №10 (27), S. 5-31, 2021.
 97. WWF prevrashchaet tvity v pozhertvovaniya s pomoshch'yu twitter-kampanii #EndangeredEmoji. Rezhim dostupa: <https://wwf.panda.org/?246650/WWF-turns-tweets-to-donations--with-EndangeredEmoji-social-campaign> (Data obrashcheniya: 1.12.2023).
 98. Kal'deron U. Kritika ekologicheskoi ritoriki, ispol'zuemoi vo vremya Vsemirnogo dnya okruzhayushchei sredy. Diplomnye raboty s otlichiem. Universitet shtata Missisipi, 27 S., 2019.
 99. Singer R. Neoliberal'nyi fon, kompaniya «Postnyi ponedel'nik» i ritoricheskie peresecheniya edy, prirody i kul'turnoi identichnosti. Kommunikatsiya, kul'tura i kritika, № 10 (2), S. 344-364, 2017.
 100. Zaushkova A., Vanko M. Zvezdnyi kheshteg kak resheniye ekologicheskikh problem. Megatendentsii v meditsine, №1, S. 748-763, 2019.
 101. Bonnich T., Brigul'o M., Spiteri G. V. Yumor pomogaet: eksperimental'nyi analiz proekologicheskoi kommunikatsii v sotsial'nykh setyakh. Ustoichivoe razvitie, № 15 (6), S. 5157, 2023. <https://doi.org/10.3390/su15065157>.
 102. Skurka K., Kanningem Dzh. Dzh. L. Videt' smeshnuyu storonu: yumor v proekologicheskoi kommunikatsii. Sovremennoe mneniye v psikhologii, S. 101668, 2023. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2023.101668>.
 103. Lyu B., Pang R. Analiz kreativnosti reklamy i psikhologii auditorii. V 2018 godu Mezhdunarodnaya konferentsiya po ekonomike, biznesu, menedzhmentu i korporativnoi sotsial'noi otvetstvennosti. EBMCSR, S. 378-381, Atlantis Press, 2018.
 104. Dzhons M., Beveridzh A., Garrison Dzh. R., Grin A., Makdonal'd Kh. Otslezhivaniye memov v dikoi prirode: vizual'naya ritorika i tsirkulyatsiya obrazov v ekologicheskoi kommunikatsii. Granitsy v kommunikatsii, № 7, S. 883278, 2022.
 105. Ross A. S., Rivers D. Dzh. Internet-memy, mediinye freimy i protivorechivaya logika diskursa ob izmenenii klimata. Ekologicheskaya kommunikatsiya, №13 (7), S. 975-994, 2019.
 106. Shvaingruber M. S. Razgovor ob ustoichivom razvitii: formirovaniye ekologicheskikh narrativov na Reddit. Manoa: Gavaiskii universitet v Manoa, S. 60, 2022.
 107. Segerberg A. Kampanii v Internetе i sotsial'nykh setyakh po vovlecheniyu v bor'bu s izmeneniyem klimata. V Oksfordskoi issledovatel'skoi entsiklopedii nauki o klimate, 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228620.013.398>

Translation of medical terms into Chinese

Postgraduate student; Department of General and Russian Linguistics; Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 15k1, sq. 80a

✉ 1042228133@pfur.ru

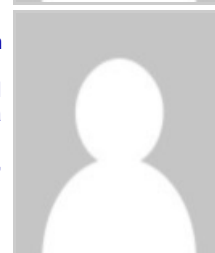

Perfiliev Aleksei Kirillovich

PhD student, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia named
after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 15k,

✉ 1142221165@pfur.ru

Hu Peipei

PhD in Philology

Senior Lecturer, Shenzhen Technology University,

Office 15, Liuxian str., 2190, Shenzhen, 518055, China

✉ hupp1217@163.com

Abstract. The subject of this study is the peculiarities of translating medical terms into Chinese. The purpose of the study is to analyze strategies for translating medical terms into Chinese, as well as to identify the most effective and frequent methods of translation of medical terms. The research material is medical terms (60 hieroglyphic names of medicines and medical equipment) and their translation into Chinese. The article analyzes the four most commonly used ways of translating medical terms: phonetic, semantic, graphic and mixed. The analysis also focuses on alphabetic words of the Chinese language: full alphabetic words and partial alphabetic hieroglyphic words. The features of translating medical terms of Latin origin into Chinese and medical terms borrowed from English are compared. To achieve this goal, the following methods were used: descriptive method, method of analysis of theoretical literature, as well as methods of systematization of material and classification. The novelty of the study lies in the fact that with the advent of new medicines and medical equipment, the question of translating new concepts into other languages, in particular into Chinese, has become acute. The article provides examples illustrating typical ways of translating medical terms into Chinese. The authors conclude that when translating borrowings from Latin into Chinese, preference is given to the phonetic method, while when translating English medical terms, phonetic-semantic, semantic and graphical methods are mainly used. The semantic method allows you to convey the meaning of borrowed words most fully, as well as create a pragmatic effect. The frequency of using the graphical translation method is significantly lower, since English and Chinese have different types of writing, which also introduces limitations for the transmission and interpretation of information.

Keywords: graphic method, mixed method, semantic method, phonetic method, alphabetical word, borrowing, Chinese, translation, term, phonetic-semantic method

References (transliterated)

1. Perfil'eva N. V., Khu Peipei. Sposoby assimilyatsii angliiskikh zaimstvovaniy v kitaiskii yazyk // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2018. T. 9. № C. 287–296. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-

287-301

2. Combes A., Hajage D., Capellier G. et al. Extracorporeal membrane oxygenation for severe acute respiratory distress syndrome. *N Engl J Med.* 2018. № 378 (31). R. 1965–1975.
3. Tyrrell J. Coronavirus // *Nature.* 1968. № 220. R. 11. Gao Minkai. Teoriya kitaiskoi grammatiki. Pekin : izd-vo Nauka (高明凯. 汉语语法论). 北京:科学出版社, 1957. 17 s.
4. Gao Minkai, Lyu Chzhentan'. Issledovanie zaimstvovaniy v sovremennom kitaiskom yazyke. Pekin: izd-vo Ven'tszi
5. Gaige (高明凯, 刘正琰. 现代汉语外来词研究). 北京:文字改革出版社, 1958. 38 s.
6. Gao Yunwei. Novoe slovo v angliiskom yazyke, rozhdennoe epidemie koronavirusa // *Doklad ob usloviyakh zhizni kitaiskogo yazyka* (高永伟. 新冠疫情催生的英语新词新义 // 中国语言生活状况报告), Pekin, 2021. S. 269–271.
7. Lyu Yuntsyuan'. Mnenie o bukvennykh slov // *Yazykovoe obrazovanie* (刘涌泉. 谈谈字母词// 语文建设). 1994. № 2. S. 7–8.
8. Lyu Yuntsyuan'. O probleme bukvennykh slov // *Upotreblenie rechi i pis'mennosti* (刘涌泉. 关于汉语字母词的问题 // 语言文字应用). 2002. № S. 85–90.
9. Syui Chzhankhe. Neologizmy angliiskogo yazyka. // *Shankhai: izd-vo Shankhaiskogo Tszyaotun universiteta.* (徐昌和. 英语新语新词导论//上海:上海交通大学出版社). 2009. C. 26–29.
10. Bol'shoi anglo-kitaiskii slovar' [Elektronnyi resurs] 冠状病毒.-URL: <http://www.880114.com/yy/coronavirus/> (data obrashcheniya: 09.12.2023)

Russian and Chinese National Personalities: Based on the Material of Phraseological Units, Proverbs, and Sayings With the Concept of "Family"

Sun Xuna

Postgraduate student, Department of Russian Language and Linguoculturology, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ 1161799398@qq.com

Chzhan Chenmin

Graduate student, Department of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198 region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ 714726619@qq.com

Abstract. This article is devoted to the characteristics of Russian and Chinese national personalities based on the material of phraseological units, proverbs, and sayings with the concept of "family." The subjects of this study are Russian national personality (RNL) and Chinese national personality (CNL). The object of the study is the universal and national-specific linguistic and cultural features of Russian and Chinese national personalities. The practical significance of the work lies in the fact that the lexical-semantic and linguocultural analysis of phraseological units, proverbs, and sayings of family subjects can be used in educational activities in courses of lexicology, linguoculturology, linguistic and cultural studies, and sociolinguistics. The provisions and conclusions of the study can be applied in

lexicographic practice in compiling dictionaries of phraseological units, as well as in the practice of teaching Russian as a foreign language and spreading Chinese culture in Russia. To solve the problem, the following research methods are used: continuous sampling of material from dictionaries of the Russian and Chinese languages, linguistic and cultural commentary, and comparative-contrastive methods. Russian and Chinese national personalities are considered for the first time in the article, which has yet to previously be described in a comparative aspect. The family's traditional spiritual and cultural values of Russian and Chinese cultures are analyzed for the first time. Their ideas and attitudes toward marriage, love, women, men, wives, husbands, parents, children, and relations to relatives indicate common or different cultural attitudes among representatives of both linguistic cultures. This is the scientific novelty of this study.

This study shows that phraseological units, proverbs, and sayings with the concept of family recorded in Russian and Chinese lexicographic sources differ in quantitative and substantive terms. Russian and Chinese personalities view traditional family values such as marriage, love, women, men, wives, husbands, parents, children, relatives, etc. differently. For the Chinese, family and kinship relations are of great importance, and the preservation of these relations is carried out with the help of cultural values such as marital harmony, procreation, filial piety, fraternal friendship, and peaceful family relations.

Keywords: proverb, phraseologism, Chinese, Russian, cultural values, Chinese national personality, , Russian national personality, linguoculturology, proverbs

References (transliterated)

1. Abramova N.A. Kitaiskii etnos: ot traditsii k sovremennosti. Chita: chitGU, 2006. 15 s.
2. Vasilyuk I.P. Lingvokul'turologicheskoe issledovanie natsional'noi (russkoi) yazykovoi lichnosti: Na materiale aforistiki. diss. ...k. filol. n. Moskva, 2004. 20 s.
3. Vorob'ev V.V. Lingvokul'turologiya. M.: RUDN, 2008. 336 s.
4. Vorob'ev V.V. Teoreticheskie i prikladnye aspekty lingvokul'turologii. diss. ...d-ra filol. n. Moskva, 1996. 419 s.
5. Gotlib O.M., Mu Khuain. Kitaisko-russkii frazeologicheskii slovar'. Okolo 3500 vyrazhenii. M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. 596 s.
6. Guruleva T.L. Rechevoi portret kitaiskoi yazykovoi lichnosti. M.: ITTs, 2017. 157 s.
7. Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda: v 3 t. M.: Rus. kn., 1993. 10956 s.
8. Domenak Zh. Semeinye otnosheniya v Kitae. M.: Nauka, 1991. 39 s.
9. E Lan, Chzhu Lyanchzhi. Khrestomatiya po kul'ture Kitaya. Pekin: Izdatel'svo prepodavaniya i issledovaniya inostrannykh yazykov, 2011. 262 s.
10. Zhukov V.P. Slovar' russkikh poslovits i pogovorok. M.: Rus.yaz., 1998. 534 s.
11. Letova A.D. Lingvokul'turologicheskii kontsept "Angliiskaya natsional'naya lichnost'" v sopostavitel'no-kontrastivnom opisanii aforistiki. diss. ...k. filol. n. Moskva, 2004. 200 s.
12. Li Leizhun. Kul'tura Kitaya. Shankhai: Shankhaiskoe izdatel'stvo inostrannykh yazykov, 2015. 341 s. 李磊荣. 中国文化简明教程. 上海: 上海外语教育出版社, 2015. 341 页.
13. Maksimov S.V. Kul't khleba; Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila. Smolensk: Rusich, 1995. 59 s.
14. Murav'ev V.N. Rev plemeni. // Iz glubiny: Sbornik statei o russkoi revolyutsii. M.: Izd.

Mosk. un-ta, 1991. 224 s.

15. Nedosugova A.B. Lingvokul'turologicheskoe opisanie natsional'noi lichnosti v russkom i kitaiskom yazykakh. diss. ...k. filol. n. Moskva, 2003. 224 s.
16. Rapoport N.V. Lingvokul'turologicheskii kontsept "Frantsuzskaya natsional'naya lichnost'": Na materiale aforistiki. diss. ...k. filol. n. Ufa, 1999. 116 s.
17. Tan' Aoshuan. Kitaiskaya kartina mira: Yazyk, kul'tura, mental'nost'. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2012. 231 s.
18. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996. 284 s.
19. Tishkov A. Kitaiskie narodnye pogovorki, poslovitsy i vyrazheniya. M.: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1962. 80 s.
20. Tolmats K.V. Kitaisko-russkii frazeologicheskii slovar'. M.: Vostochnaya kniga, 2009. 504 s.
21. Ufimtseva N.V. Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniya // Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya. M.: Rossiiskaya Akademiya Nauk, Institut yazykoznaniiya, 1996. 139 s.
22. Felitsyna V.P., Prokhorov Yu.E. Russkie poslovitsy, pogovorki i krylatye vyrazheniya. Lingvostranovedcheskii slovar' / pod red. E.M. Vereshchagina, V.G. Kostomarova. M.: Rus. yaz., 1979. 2692 s.
23. Khao Tszintzyan, Li Tszin, Chzhan Syufan. Frazeologicheskii slovar' Sin'khua. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo, 2009. 369 s. 郝景江, 李靖, 张秀芳. 新华成语词典. 北京: 商务出版社, 2009. 369 页.
24. Sha Lyan'syan. Kitaiskii natsional'nyi kharakter. Pekin: Izdatel'stvo Kitaiskogo universiteta Zhen'min', 2012. 7 s. 沙莲香. 中国民族性. 北京: 中国人民大学出版社, 2012. 7 页.

Kalmyk meteorological vocabulary of the off-season in comparison with closely related languages

Barinova Bairta Valer'evna

Senior Lecturer; Department of Kalmyk Language, Mongolian and Altaic Studies; Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

358000, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, A.C. Pushkin str., 7

✉ bbarinova@yandex.ru

Kharchevnikova Roza Pyurvenovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Kalmyk Language, Mongolian and Altaic Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov"

7 A.S. Pushkin str., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia

✉ kharchevnikova-rp@yandex.ru

Pyurbeev Grigori Tserenovich

Doctor of Philology

Professor, Department of Kalmyk Language, Mongolian and Altaic Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov"

7 A.S. Pushkin str., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia

✉ pyurbeev@yandex.ru

Bitkeev Petr Tsedenovich

Doctor of Philology

Professor, Department of Kalmyk Language, Mongolian and Altaic Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov"

7 AS. Pushkin str., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia

✉ bipetr37@yandex.ru

Monraev Mikhail Ubushaevich

Doctor of Philology

Professor, Department of Kalmyk Language, Mongolian and Altaic Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov"

7 AS. Pushkin str., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia

✉ mihailmonraev@yandex.ru

Abstract. Kalmyk meteorological vocabulary related to lifestyle, environment and mentality belongs to the primordial stratum, as in other closely related languages of the Altai family. The commonality of the grammatical foundations of this vocabulary is confirmed by lexicographic data recorded in old Mongolian, Kalmyk and Turkic sources. The object of the study is nominative units (words, phrases and phraseological units) in the Kalmyk language, denoting the weather phenomena of the off-season.

Special attention is paid to the meteorological vocabulary of the off-season of the autumn-winter intermediate period.

The relevance of this study is related to the study of meteorological vocabulary in the Kalmyk language, the identification of the features of the linguistic picture of the world of the people as a whole and its influence on vocabulary. The linguistic and cultural analysis of meteorological vocabulary makes it possible to consider the life and culture of the Kalmyk people.

This article uses a descriptive method, a comparative method, a method of linguistic and cultural analysis of lexical units. The meteorological vocabulary of the off-season is considered in this article taking into account the modern linguistic and cultural orientation and is presented in the aspect of an interdisciplinary category: a) the role of this phenomenon in human life (natural landmarks and human locations); b) the vocabulary of the off-season and related human economic activity; c) the comparative and evaluative feature of the use of this vocabulary in oral and written samples in the languages under consideration. The Kalmyk meteorological vocabulary of the off-season is an independent integral category that is present in all Mongolian and Turkic languages, recorded in old-written sources and has retained its original meaning in the modern Kalmyk language. This vocabulary reflects the peculiarities of the linguistic picture of the world and worldview, the specifics of the way of life and the inner world of the Kalmyks and is universal for other closely related peoples belonging to the Altai linguistic community.

Keywords: frost, fog, coolness, Turkic languages, Mongolian languages, Kalmyk language, off-season, set phrases, meteorological vocabulary, linguistic picture of the world

References (transliterated)

1. Bakaeva E.P. Dobuddiiskie verovaniya kalmykov. – Elista, APP "Dzhangar", 2003. 358 s.
2. Pyurbeyev G.Ts. Epos «Dzhangar»: kul'tura i yazyk. Elista: ZAO «NPP «Dzhangar»,

2015. 280 s.
3. Kalmytsko-russkii slovar'. M.: Rus. yaz., 1977. 765 s.
 4. Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1935. 591 s.
 5. Pozdneev A. Kalmytsko-russkii slovar'. S-Pb, Tipografiya imperatorskoi Akademii nauk, 1911. 306 s.
 6. Todaeva B.Kh. Slovar' yazyka oiratov Sin'tszyana. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 2001. s.493.
 7. Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t. M.: IV RAN, 2015-.T. I-A-E. / Sanzheev G.D., Orlovskaya M.N., Shevernina Z.V. 224 s.
 8. Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t. M.: IV RAN, 2016-.T. II-G-P. / Sanzheev G.D., Orlovskaya M.N., Shevernina Z.V. 232 s.
 9. Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t. M.: IV RAN, 2018-.T. III-Q-Z. / Sanzheev G.D., Orlovskaya M.N., Shevernina Z.V. 240 s.
 10. Cravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: leksika. M.: Nauka, 2001. 882 s.
 11. Lessing F.D. Mongolian-english dictionary. Berkeley : University of California Press, 1960. 1218 s.
 12. Kichikov A.Sh., Asirova N.D. Oyun tylkyr. Elista: APP «Dzhangar», 1997. 79 s.
 13. Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar': v 4 t. M.: Academia, 2001. T. I / pod red. G. Ts. Pyurbeeva. 486 s.
 14. Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar': v 4 t. M.: Academia, 2001. T. II / pod red. G. Ts. Pyurbeeva. 507 s.
 15. Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar': v 4 t. M.: Academia, 2001. T. III / pod red. G. Ts. Pyurbeeva. 438 s.
 16. Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar': v 4 t. M.: Academia, 2002. T. IV / pod red. G. Ts. Pyurbeeva. 506 s.
 17. Kotvich V. L. Issledovaniya po altaiskim yazykam / per. s pol'sk. M.: Izd-vo inostr. lit., 1962. 373 s.
 18. Russko-kalmytskii slovar'. M.: Sov. entsiklopediya, 1964. 803 s.
 19. Ramstedt G. I. Vvedenie v altaiskoe yazykoznanie: morfologiya / per. s nem. M.: Izd-vo inostr. lit., 1957. 254 s.
 20. Sevortyan E. V. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye. M.: Nauka, 1974. 767 s.

Siri and the skills of encoding personal meanings in the context of English speech etiquette

Zhikulina Christina Petrovna

Postgraduate, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6, department, Mklukho-Maklaya, 12

✉ christina.zhikulina@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the content of personal meanings of greeting questions in the context of English communication formulas of Siri. The object of the study is the ability of the voice assistant to simulate spontaneous dialogue with a person and the adaptation of

artificial intelligence to natural speech. The purpose of the study is to identify the features and level of Siri's language skills in the process of communicating with users in English. Such aspects of the topic as the problem of understanding that exists in two types of communication are considered in detail: 1) between a person and a person; 2) between a machine and a person; the use of stable communication formulas by artificial intelligence as responses to the question «How are you?»; determining the level and speech-making potential in the responses of the voice assistant. The following methods were used in the research: descriptive, comparative, contextual, comparative method and linguistic experiment. The scientific novelty is that the problems related to encoding the personal meanings of the Siri voice assistant have never been studied in detail in philology and linguistics. Due to the prevalence use of voice systems in various spheres of social and public life, there is a need to analyze errors in speech and describe communication failures in dialogues between voice assistants and users. The main conclusions of the study are: 1) the machine is not able to generate answers based on the experience of past impressions; 2) deviations from the norms of English speech etiquette in Siri's responses are insignificant, but often lead to communicative failures; 3) the one-sided encoding of personal meaning was found in the responses: from the machine to the person, but not vice versa.

Keywords: stable communication formulas, colloquial speech, encoding, English speech etiquette, dialogue, communication, personal meaning, AI, Siri, voice assistant

References (transliterated)

1. Bol'shakova A. Vvodnye slova v angliiskom yazyke / Skyeng. – 2022. Rezhim dostupa: <https://skyeng.ru/articles/dlya-chego-nuzhny-vvodnye-slova-v-angliiskom-yazyke/?ysclid=Invo34xzc182407870> (data obrashcheniya: 17.10.2023).
2. Valentinova O.I., Denisenko V.N., Preobrazhenskii S.Yu., Rybakov M.A. Sistemnyi vzglyad kak osnova filologicheskoi mysli. – M.: Izdatel'skii Dom YaSK, 2016.
3. Vedeneeva N. Giri i kryl'ya iskusstvennogo razuma // Moskovskii komsomolets. – 2023. – 29 noyabrya. – S.6.
4. Volkov V.V. Iskusstvennyi «intellekt» i chelovecheskii um: futuristicheskaya sinekdokha i real'nost' (lingvisticheskii i lingvomentalniye aspekty) // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika, 2020, Vol. 11, No. 4. – C. 745-759.
5. Galiberdova D.R. Angliiskii rechevoi etiket // Russian Journal of Education and Psychology, 2019, Vol. 10, № 5. – S. 19-24.
6. Efremova E.N. Problema sozdaniya i raskodirovaniya konteksta v khode rechevogo akta. Aspekty sushchestvovaniya slova v prostranstve russkogo yazyka // Zhurnal «Nauka, obrazovanie i kul'tura», 2021, №5(60). – S. 1-5.
7. [elektronnyi resurs] Zhdanov Yu. How ya doin', ili raznye sposoby poprivetstvovat' vstrechnykh-poperechnykh / Puzzle English. Rezhim dostupa: <https://puzzle-english.com/vitamin/how-ya-doing> (data obrashcheniya: 19.10.2023)
8. Zhikulina K.P., Perfil'eva N.V. Kommunikativnyi potentsial russkoyazychnykh i angloyazychnykh golosovykh sistem // Filologiya: nauchnye issledovaniya. – 2023. – № 7. – S. 39-49.
9. Kostyunina S.A. Rol' iskusstvennogo intellekta v izuchenii inostrannykh yazykov // Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal «VESTNIK NAUKI», 2022, №2(47), T.1. – S. 38-41.
10. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: 1975.
11. Maksimov A.G. Iskusstvennyi intellekt kak avtor i soavtor literaturnogo proizvedeniya

- // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2021, №1. – S. 108-110.
12. Orfeev Yu.V. Filosofskie problemy sootnosheniya myshleniya cheloveka i vozmozhnostei EVM v protsessakh resheniya zadach: dissertatsiya kandidata filosofskikh nauk: 09.00.08. – Moskva, 1974.
 13. Orfeev Yu.V. Iskusstvennyi intellekt: mif i deistvitel'nost'. M.: «Znanie», 1978.
 14. [elektronnyi resurs] Otvovik. Golosovoi pomoshchnik Alisa Yandeks. Rezhim dostupa: [https://otzovik.com/reviews/golosovoy_pomoschik_alisa_yandeks/?ysclid=Ipi5bl4gif204749277\(data obrashcheniya: 11.11.2023\)](https://otzovik.com/reviews/golosovoy_pomoschik_alisa_yandeks/?ysclid=Ipi5bl4gif204749277(data obrashcheniya: 11.11.2023)).
 15. [elektronnyi resurs] Otvovik. Kolonka Apple Homepod. Rezhim dostupa: [https://otzovik.com/reviews/golosovoy_pomoschik_alisa_yandeks/?ysclid=Ipi5bl4gif204749277\(data obrashcheniya: 11.11.2023\)](https://otzovik.com/reviews/golosovoy_pomoschik_alisa_yandeks/?ysclid=Ipi5bl4gif204749277(data obrashcheniya: 11.11.2023)).
 16. Pikover K. Iskusstvennyi intellekt / Klifford Plover / per. s angl. A. Efimovoi. – M.: Sindbad, 2021.
 17. Sternin I.A. Svetskoe obshchenie. Voronezh: VGU, 1996.
 18. Taulli T. Osnovy iskusstvennogo intellekta: netekhnicheskoe vvedenie / Per.s angl. SPb.: BKhV-Peterburg, 2021.
 19. Treisi K., Roblz Dzh. Povsednevnyi razgovor. Stroenie i otrazhenie identichnosti / Per s angl. – Kh.: izd-va «Gumanitarnyi Tsentr» / A.V. Kochengin, 2015.
 20. [elektronnyi resurs] Reverso Translator / Reverso Context. URL: <https://www.reverso.net/> (data obrashcheniya: 15.10.2023)

On the Concept of Translation Unit in a Machine Translation Framework

Maikova Tatyana

Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences at Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, g. Moscow, ul. Mklukho-Maklaya, 10/2, of. 502

✉ tatli@mail.ru

Abstract. The article looks at the question whether the concept of translation unit might apply to the sphere of machine translation and whether the size of the unit influences the quality of translation. While modern machine translation systems offer an acceptable level of quality, a number of problems mainly related to the structural organization of the text remain unresolved, hence the question posed in the paper. The article offers a review of modern readings of the concept and pays special attention to the question whether the scope of the term changes depending on whether the object of research is the target text or the translation process. The paper also provides a quick look on the research methods for both text-oriented and process-oriented approaches, such as comparative analysis of language pairs and Think Aloud Protocol. Based on a review of existing machine translation models, each of them is analyzed to answer the question whether a unit of translation can be defined for a given system and what its size is. It is concluded that a unit of translation can be viewed as either a unit of analysis or a unit of processing with respect to text-oriented and process-oriented perspectives on to the study of translation. The unit of translation has a dynamic character and influences the quality of the target text. In machine translation, the unit of translation as a unit of analysis is not applicable for systems based on probabilistic non-linguistic methods. For rule-based machine translation systems, both readings of the unit of translation concept

are applicable, but hardly go beyond a single sentence. Accordingly, at least one type of translation problem – intra-textual relations resolutions – remains largely unaddressed in the present state of affairs in machine translation.

Keywords: Neural Machine Translation, Statistical Machine Translation, Rule-Based Translation, comparative analysis, Think-Aloud-Protocol, unit of processing, unit of analysis, machine translation, translation unit, hybrid systems

References (transliterated)

1. Alekseeva I.S. Vvedenie v perevodovedenie. SPb: Akademiya, 2004, 334 s.
2. Barkhudarov L. S. Urovni yazykovoi ierarkhii i perevod // Tetradi perevodchika. Vyp. 6. 1969. S. 3-12.
3. Butusova A.S., Bets Yu.V. Mashinnyi i avtomatizirovannyi perevod: uchebnoe posobie. Rostov-na-Donu, Taganrog: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2021. 106 c.
4. Gudkov V.Yu., Gudkova E.F. N-grammy v lingvistike // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 24 (239). Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 57. S. 69–71.
5. Hurtado Albir, A., Alves F. (2009) Translation as a cognitive activity. In Munday J. (ed), *The Routledge Companion to Translation Studies* (54-73). London: Routledge.
6. Hutchins, W.J, Somers, L.H (1992). *An Introduction to Machine Translation*. London: Academic Press.
7. Kalchbrenner, N., Blunsom Ph. (2013) Recurrent continuous translation models. In *Proceedings of the ACL Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP)* (1700–1709). Association for Computational Linguistics.
8. Koller, W. (1992). *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. Heidelberg: Quelle& Meyer.
9. Lörscher, W. (1991). *Translation Performance, Translation Process and Translation Strategies: A Psycholinguistic Investigation*. Tübingen: Günter Narr.
10. Malmkjær, K. (1998). Unit of translation. In Baker M (ed), *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* (286–287). London, New York: Routledge.
11. Sorvali, I. (2004). The problem of the unit of translation // in Kittel H., Frank A.P., Greiner N., Hermans T., Koller W., Lambert J., Paul F. (eds), *Übersetzung – Translation – Traduction. An International Encyclopedia of Translation Studies. Vol. 1* (354-362). Berlin, New York: Walter de Gruyter.
12. Shuttleworth, M., Cowie, M. (1997). *Dictionary of Translation Studies*. Manchester, UK, USA: St. Jerome Publishing.
13. Peng, L. (2013). A Survey of Machine Translation Methods. *TELKOMNIKA Indonesian Journal of Electrical Engineering Vol. 11* (12). 7125-7130. doi:10.11591/telkomnika.v11i12.2780
14. Thunes, M. (2011). *Complexity in Translation. An English-Norwegian Study of Two Text Types*. PhD thesis. University of Bergen. Retrieved from <https://bora.uib.no/bora-xmlui/handle/1956/5179>
15. Thunes, M (2017). The concept of 'translation unit' revisited. *Bergen Language and Linguistics Studies, №8* (1). 241-259. doi: 10.15845/bells.v8i1.133

Representation of cultural meanings when using national

cultural codes in fiction

Duktava Liubou Georgieuna

PhD in Philology

Senior Researcher; Center for Research of Belarusian Culture; Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus

220072, Belarus, Minsk region, Minsk, Surganova str., 1/2

✉ docent2020@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the representation of cultural meanings when using national cultural codes in fiction. Research objectives: to substantiate the use of the category of cultural code in the analysis of a literary work; to characterize the features of the functioning of the national cultural code in relation to cultural universals; to show the specifics of national images associated with spatial and temporal cultural codes. Methods (historical and literary, structural, semantic) and methodological basis of the work are the works of Russian, Belarusian and foreign scientists in the field of philology (Yu. Lotman, R. Jacobson, M. Epstein, N. Tolstoy, S. Tolstaya, etc.), cultural studies and sociology (K. Rapay, J. Murdoch). The result of the work is that the main approaches to the definition of the cultural code are identified, cultural meanings, translated using national cultural codes, associated with images of the Motherland, small homeland, and Fatherland are identified on the example of works of Russian and Belarusian literature. The scientific novelty of the work lies in the fact that the features of the representation of cultural meanings when using national cultural images in Russian and Belarusian literature are analyzed. The practical scope of the results of the work is seen in the possibility of using this material for deep understanding and studying such academic disciplines as "History of Russian Literature", "History of Belarusian Literature", university historical and literary courses, during independent research work of students, when writing term papers and theses.

Keywords: first concept, national image, cultural universals, motherland, locus, time code, spatial code, cultural meaning, national image of the world, national cultural code

References (transliterated)

1. Bart R. S/Z. M.: Editorial, 2001. 232 s.
2. Rapai K. Kul'turnyi kod. Kak my zhivem, chto pokupaem i pochemu. M.: Al'pina Publisher, 2019. 232 s.
3. Epshtein M.I. Pervoponyatiya. Klyuchi k kul'turnomu kodu. Moskva, KoLibri, 2022. 718 s.
4. Maslova V.A., Pimenova M.V. Kody lingvokul'tury. M., 2016.
5. Gudkov D.B., Kovshova M.L. Telesnyi kod russkoi kul'tury. M., 2007.
6. Ozerova E.G. Kul'turnye kody lirikoprozaicheskogo teksta. M.: Editus, 2016, 117 s.
7. Mel'nikava A. M. Natsyyanal'na-svetapoglyadnyya kaardynaty belaruskai litaratury pershai tretsi KhKh stagoddzha. Gomei' : GDU imya F. Skaryny, 2016. 214 s.
8. Belaya A.I. Abrysy rodnaga : Natsyyanal'nyya lokusy kul'tury ŷ belaruskai proze «epokhi rubyazha». Baranavichy : BarGU, 2015. 206 s.
9. Khabibullina L.F., Breeva T.N. Natsional'nyi mif v khudozhestvennoi literature. M.: FLINTA, 2019. 498 s.

Artistic Conflict in the Short Story 'Prince Oldenburg' by Fazil Iskander.

Rakhmanikhalilelakh Zila

PhD in Philology

Postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, Russian Peoples' Friendship University

117198, Russia, Moscow, Mklukh-Maklaya str., 7, office 3

✉ 1042205281@pfur.ru

Abstract. The subject of the study is the examination of artistic conflict in the short story 'Prince Oldenburg' by F. Iskander. The aim of the research is to explore the use of literary devices in conveying the emotions and thoughts of the characters. The relevance of the themes touched upon in the story 'Prince Oldenburg' by F.A. Iskander is manifested in several aspects. Firstly, the narrative addresses issues of ecology, power, and manipulation, which remain relevant in real society. The author raises the problem of the conflict between the pursuit of economic development and progress, and the protection of nature and traditions. This is a topical theme in modern society, where there is a constant confrontation between economic interests and environmental preservation. Secondly, the story discusses issues of social conflicts and misunderstandings. Prince Oldenburg faces a lack of support and understanding from St. Petersburg, as well as resistance from local residents. This reflects the current problems of society related to differences in views, values, and interests among various social groups. The research methodology is based on an analytical approach, involving a detailed analysis of the story's text and reference to the socio-cultural aspects highlighted by the author. The study of the short story 'Prince Oldenburg' by F.A. Iskander introduces novelty in several aspects. Firstly, it analyzes the internal conflicts and external challenges faced by the prince, exploring their interconnection with social and environmental issues. Secondly, the study focuses on the use of literary devices such as dialogues, internal monologues, contrasts, and sarcasm to convey the emotions and thoughts of the characters. This allows for a deeper understanding and analysis of the characters' personalities and motivations, as well as the author's stance on sociocultural and political issues.

Keywords: social issues, irony, sarcasm, internal monologues, dialogue, external challenges, internal conflicts, Fazil Iskander, Prince Oldenburg, environmental issues

References (transliterated)

1. Goncharova N.N. Kognitivnye osnovaniya interpretatsii inoskazaniya na urovne diskursa (na materiale angloyazychnykh khudozhestvennykh tekstov): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2001. 24 s
2. Farkhitdinova O.M. Ironiya: problema opredeleniya i rol' v filosofskom poznanii: Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. – Ekaterinburg, 2004. 28 s.
3. Vol'ter. Estetika. M.: Iskusstvo, 1974. 392 s.
4. Ol'denburgskii A. P. Biograficheskii ukazatel' // Khronos / red. Rumyantsev V. 2000. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_o/oldenburgski.php (data obrashcheniya: 27.11.2023)
5. Khalizev V. E. Teoriya literatury: Ucheb. dlya vuzov, M.: Vyssh. shkola, 1999. 400 s.
6. Lessing G. E. Gamburskaya dramaturgiya, M. – L., 1936. 519 s.
7. Gudonene, V. Iskusstvo psikhologicheskogo povestvovaniya (ot Turgeneva k Buninu).

- Vil'nyus: Izd. Vil'n. gos. un-ta, 1998. 120 s.
8. Iskander F. Prints Ol'denburgskii // Sandro iz Chegema. Eksmo, 2014. 201 s.
9. Kovalenko A. G. Ocherki khudozhestvennoi konfliktologii: Antinomizm i binarnyi arkhetyip v russkoi literature KhKh veka. M., 2009. 552 s.
10. Glazman M. S. Nauchnoe i khudozhestvennoe myshlenie: Lektsii po spetskursu. Moskva, 1973. 117 s.
11. Bakhtin, M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. Moskva : Iskusstvo, 1986. 444 s.

Emotional-evaluative communicemas in contemporary prose

Shi Lin

Postgraduate student, Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Its Teaching, Saint Petersburg State University

190000, Russia, Leningrad region, Saint Petersburg, Khalturina str., 15, sq. k.503

✉ lin439327393@gmail.com

Abstract. The subject of research in this article is emotional and evaluative communicemas in two works of modern literature: M. L. Stepnova's «The Garden» and E. S. Chizhova's «The Time of Women». The object of the study is communicemas – communicative, non-predicative units of syntax related to the level of syntactic expressiveness. Author pays special attention to the structural composition and semantic functional characteristics of the communicemas in a literary text-dialogue in order to display the psychological emotions, states and relationships of the characters, thereby increasing the tension and reality of the situation. The purpose of the work is to identify the connection between communicemas as a means of expressing emotional assessment and social and speech characteristics of characters in texts of modern literature. The article identifies the main types of communicemas used by the heroes of the works «The Garden» and «The Time of Women», proposes their classification depending on the functional role in the character's speech and in the dialogue. The methodological basis of the study consists of structural-semantic, descriptive, comparative and classification methods. The theoretical basis of the study is work in the field of linguistic description of means of expressing emotional assessment, in particular, communicemas as ways of transmitting an emotional reaction through speech. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive analysis of the semantic structure and pragmatics of emotional-evaluative communicemas within the framework of modern prose dialogic contexts. As a result of the study, it was revealed that communicemas as a phenomenon of living speech are one of the forms of conversational and dialogical speech and are indispensable as a means of effective expressiveness of the author in literary works. The results of the study can be used to provide information to students during classroom teaching, as well as for scientific research. By analyzing dialogue situations in literary works, one can better understand the author's intentions and the emotional characteristics of the characters. At the same time, it helps students improve their literary reading abilities and better understand the subtext of literary works and the cultural and historical background behind them.

Keywords: admiration, indignation, surprise, interjection, particle, literary text, expressiveness, live speech, communicema, doubt

References (transliterated)

1. Akimova G. N. Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka : khrestomatiya s zadaniyami

- / sost. G. N. Akimova, S. V. Vyatkina, V. P. Kazakov i dr.; otv. red. S. V. Vyatkina. 2-e izd., ispr. i dop. – SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2013. 712 s.
2. Bo L. Russkie ekspressivnye sintaksicheskie konstruktsii kak kommunikativnye editsy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2015. 148 s.
 3. Efremova T. F. Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka – M.: Russkii yazyk, 2005.
 4. Gulyaeva N. I. Kommunikemy s otritsatel'noi emotsional'noi otsenkoi v komi yazyke // Finno–ugorskii mir. 2019. № 3. S. 277–283.
 5. Krasnov V. A. Kommunikemy so znacheniem "voleiz"yavleniya"v yazyke i rechi: Na materiale russkogo yazyka: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.19 / Rost. gos. ped. Un–t. – Rostov-na-Donu, 2005. 21 s.
 6. Len'ko G. N. Analiz kategorii emotivnosti i smezhnykh s neyu ponyatii // Vestnik LGU im. A. S. Pushkina. 2015. S. 84–91.
 7. Melikyan V. Yu. Problema statusa i funktsionirovaniya kommunikem: yazyk i rech': Monografiya. Rostov n/D, 1999.
 8. Melikyan V. Yu. Slovar': Emotsional'no–ekspressivnye oboroty zhivoi rechi. M.: Flinta: Nauka, 2001. 240 s.
 9. Melikyan V. Yu. Sovremennyi russkii yazyk. Sintaksis nechlenimogo predlozheniya: Uchebnoe posobie. Rostov n/D: Izd-vo RGPU, 2004. 288 s.
 10. Ramazanova D. A., Khasbulatova Kh. M., Kurbanova Z. G. Ekspressivnost' v khudozhestvennom tekste i sposoby ee vyrazheniya // Izvestiya DGPU. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki. 2017. №3. S. 86–91.
 11. Sorokina Yu. S. Emotsional'no–otsenochnye kommunikemy sovremennogo angliiskogo i russkogo yazykov: natsional'no–kul'turnyi aspekt//SCI-ARTICLE. 2019. № 70. S. 39–44.
 12. Stepnova M. L. Sad. M.: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2020. 412 s.
 13. Terent'eva A. Elena Chizhova «vremya zhenshchin»// charla.ru zhenskii zhurnal – 2012. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.charla.ru/blog/culture/5325.html> (data obrashcheniya: 23.10.2023).
 14. Turbin M. Pochemu krugom kolokola zvonyat? (Rets. na kn.: Sad: roman / M. Stepnova) // Znamya. 2021. № 1. S. 218–220.
 15. Khnykiina E. A. Kommunikemy v razgovornoj rechi studentov: eksperimental'nye dannye / E. A. Khnykiina // Aktual'nye problemy filologii. 2018. № 17. S. 110–115.
 16. Chizhova E. S. Vremya zhenshchin. M.: AST: Astrel', 2010. 348 s.
 17. Shumilo T. V. Nechlenimye vyskazyvaniya kak sredstvo vyrazheniya emotsional'nosti i emotivnosti // Lingua mobilis. 2011. №5. S. 73–83.
 18. Ekman P. Basic emotions. In: Dalgliesh T, Power MJ, eds. *Handbook of Cognition and Emotion*. 1999. Pp. 45–60. doi:10.1002/0470013494.ch3
 19. Saberi R. The Psychology of Emotions [Elektronnyi resurs]. 2010. URL: <https://www.futurehealth.org/articles/The-Psychology-of-Emotions-by-Saberi-Roy-100620-167.html>
 20. Weiner B. Social Motivation Justice, and the Moral Emotions: An Attributional Approach (1st ed.). Psychology Press. 2005. 242 p. doi.org/10.4324/978141061574

The theory of Chinese narrative prose in the early twentieth century.

Doctor of Philology

Head of Department of Literatures of Asian and African Countries, AM Gorky Institute of World Literature. RAS

25-a Povarskaya str., Moscow, 121069, Russia, of. Institute of World Literature

✉ radaeva2002@gmail.com

Abstract. The subject of the study is critical articles by Chinese writers and literary theorists of the early twentieth century. They are dedicated to ways of transforming traditional literature. The object of the study is the evolution of the views of Wang Guowei, Lu Xun, Hu Shi, Yu Dafu, who in the process of creating modern Chinese literature (Xiandai Wenxue) set tasks for the national intelligentsia. The article proves that the interpretation of the main constants of modern Chinese literature was based on the ideas of Western, primarily German and English literary criticism and aesthetics. The article pays special attention to the discussion between Lu Xun and Hu Shi on the issue of the ideological position of writers, and Yu Dafu's articles on the role of the reception of Western aesthetics. The research methodology is based on the theoretical principles of historical-literary, historical-cultural, historical-functional, comparative-historical analysis. Elements of intertextual and receptive approaches are used. The main conclusion of the study is that the transition from the literary language of classical Confucian monuments (wenyan) to the spoken language (baihua) has become an important vector for Chinese literary theorists. However, their views on the future of modern national literature differed. Lu Xun insisted that the future of literature depended on the class affiliation of the literati. Yu Dafu believed that writers should use the experience of the best prose writers of classical literature in Western countries, and also take into account the literary inclinations of readers. The novelty of the study lies in the fact that for the first time in Russian Sinology, a comparative analysis of critical articles by prominent Chinese writers and literary theorists becomes the object of study.

Keywords: reception, aesthetic, classical literature, literature movements, Yu Dafu, Lu Xun, Hu Shi, Wang Guowei, critical articles, Chinese literature

References (transliterated)

1. Adzhimamudova V.S. Yui Dafu i literaturnoe obshchestvo "Tvorchestvo". M.: Nauka, 1971, 166 s.
2. Alekseev V.M. Reforma kitaiskogo poeticheskogo yazyka. Po povodu knigiprof. Khu Shi "Opyty" (Chan shi tshi) // Trudy po kitaiskoi literature. V 2 kn. Kn.2. M.: Vost. lit., 2003. S. 289-319.
3. Voskresenskii D.N. Kitaiskaya literatura. Publitsistika i khudozhestvennyi perevod // Istoriya vsemirnoi literatury v devyati tomakh. T. 8. M.: Nauka, 1994, S. 912.
4. Dai Chuan. Filosofsko-esteticheskaya refleksiya v Kitae v KhKh veke: Van Govei i Tszun Beikhua // Filosofskaya mysl', 2022, № 12. S. 15-27.
5. Lu Sin'. Sobranie sochinenii. Tom chetvertyi. Perevod s kitaiskogo. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1956. S. 16-19,17.
6. Semanov V.I. Teoriya prozy v Kitae na rubezhe XIX—XX vekov // Problemy teorii literatury i estetiki v stranakh Vostoka / Akad. nauk SSSR. In-t mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo; [Red. kollegiya: I. S. Braginskii i dr.]. – Moskva: Nauka, 1964. – S. 161-206.
7. 鲁迅.《集外集·〈奔流〉编校后记》. Elektronnyi resurs: <https://www.bilibili.com/read/cv11177791/> (data obrashcheniya 12.12.2023).

8. 幸宪锡。浪漫主义的艺术表现手法| / 郁达夫的小说创作。北京：北京出版社，1986。70-84页。
9. 郁达夫有前期小说与西方浪漫主义文学。北京文学出版社，1985。83页。
10. 郁达夫。文艺赏鉴上之偏爱价值。文集、3。散文。北京：中国广播电视出版社。1992。567-72 页。

The multi-genre structure of J. Metham's poem "Amoryus and Cleopes" (1449) and bestiary motifs in the "encyclopedic" episode of its plot

Semenov Vadim Borisovich

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Literary Theory, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gorystr., GSP-1, p. 51

✉ vadsemionov@mail.ru

Abstract. The subject of research in this article is a multi-genre composition, and the research material is the medieval English poem "Amoryus and Cleopes", underestimated by modern literary criticism: essays by English researchers about it are extremely few, and works by foreign researchers, apparently, are completely absent; in the 108 years since its first publication, it was published once again in Middle English, but was never translated not only into other languages, but also into modern English. There are also no scholars specializing in the work of its author, the mid-15th century writer John Metham. Meanwhile, this is definitely an interesting work, since it varies the plot from the Fourth Book of Ovid's *Metamorphoses*, the story of Pyramus and Thisbe, and its creator copies Ovid's material not mechanically, but quite creatively, including it in a genre- and stylistically variegated composition of plot episodes. In the process of research, we identified the boundaries of these episodes and focused attention on one of them, within the framework of which the poet Metem put into the heroine's speech a lot of information of the "encyclopedic" type, obviously gleaned from various bestiaries and works of medieval zoologists. Our goal was to identify motifs transferred into the poem from the most famous of these works. Along the way, Metham's verse forms were described, and his free handling of the Chaucerian heptath used in the poem was revealed. Our article shows that the traditional attitude to the 15th century as a "barren age" is not entirely justified and that between the death of Chaucer and Lydgate and the appearance of the Scottish "Chaucerians" at the end of the century, there were English authors with an original style and works with individual poetic features.

Keywords: typology of serpents, encyclopedia, bestiary, Chaucerian stanza, Pyramus and Thisbe, Ovid, Geoffrey Chaucer, John Metham, multigenre structure, chivalric romance

References (transliterated)

1. Hudson W.H. An Outline History of English Literature. London: G. Bell & Sons Ltd., 1913.
2. Lawton D. Dullness and the Fifteenth Century // English Literary History. 1987. Vol. 54. №4. Pp. 761-799.
3. Metham J. The Works of John Metham, Including The Romance of Amoryus and Cleopes. / Ed. by H. Craig. London: The Early English Text Society, 1916.
4. Kosov I.M. Vizual'noe i verbal'noe dvizhenie v bestiarii miniatyur NLI MS Giraldus 700 nachala XIII v. // Bestiarii dvizhenii / Pod obshch. red. L'vovoi A.L., Dovgii O.L. Tula:

- Akvarius, 2018. S. 156-166.
5. Topsell E. The Elizabethan Zoo: A Book of Beasts both Fabulous and Authentic. Boston: Nonpareil books, 1979.
 6. Hassig D. Medieval Bestiaries: Text, Image, Ideology. Cambridge: The Cambridge Univ. Press, 1995.
 7. Albertus Magnus. On Animals: A Medieval Summa Zoologica. Vol.II. / Ed. by K.F. Kittell and I.M. Resnick. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1999.
 8. [Anonym.] Ortus Sanitatis. Mainz: Jacob Meydenbach, 1491.
 9. Makhov A.E. Bestiarnaya antiteza kak instrument srednevekovoi semiotiki, ili Pochemu ushel osel // Bestiarii antitez / Pod obshch. red. L'vovoi A.L., Dovgii O.L. Tula: Akvarius, 2019. S. 7-17.
 10. McCulloch F. Medieval Latin and French Bestiaries. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1962.
 11. The Bestiary: A Book of Beasts, being a translation from a Latin Bestiary of the Twelfth Century. / Ed. and transl. by T.H. White. New York: Capricorn Books, 2012.
 12. Kay, S. The book Animal Skins and the Reading Self in Medieval Latin and French Bestiaries. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2017.
 13. Makhov A.E. Svoistva zverya: ot antichnoi «estestvennoi istorii» k emblematike Renessansa i barokko // Bestiarii v slovesnosti i izobrazitel'nom iskusstve / Pod obshch. red. L'vovoi A.L., Dovgii O.L. Moskva: Intrada, 2012. S. 84-96.
 14. Thomas Cantimpratensis. Liber de Natura Rerum. Berlin & New York: De Gruyter, 1973.

The specifics of conditional conjunctions in modern Russian

Wang Lan

Postgraduate student; Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication; Ural Federal University

620000, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ul. Belinsky, 108, sq. 51

✉ wlan2016@163.com

Abstract. The subject of research are the conjunctions used in a complex sentence to convey conditional relations. In the Russian language, the group of conjunctions capable of expressing the meaning of a condition is quite voluminous. In this article we turn to an insufficiently deeply developed issue, namely, the analysis of conjunctions located on the periphery of the means condition expressions. The purpose of the study is to identify conjunctions based on lexicographic sources and speech contexts that can express a conditional relation, and, using the example of a conjunction "добро бы", describe its semantic and pragmatic potential. The article uses the descriptive method, as well as the method of definitional analysis and elements of component and transformational analysis. The scientific novelty lies in the fact that 1) the analysis of dictionary entries of conditional conjunctions is given, the grouping of conditional conjunctions is described; 2) the experience of a comprehensive analysis of the conjunction of "добро бы" is demonstrated and its additional meanings (presumptive condition, conditionally opposed), as well as modal shades (assessment and desire) are revealed. The conclusions and materials of the study can be used in lectures, special courses and special seminars for students of philological and pedagogical specialties, in improving school curricula, creating textbooks, collections of exercises. The relevance of the study lies in the fact that, despite the many scientific papers devoted to specific conjunctions that are located in the central zone of the means of expressing

conditional relations, the question of the interpretative potential of peripheral conditional conjunctions (the number of which is very large) has not been worked out deeply enough.

Keywords: dictionary entry, stylistic coloring, pragmatics, modality, condition, coordinating conjunction, subordinating conjunction, semantics, possible world, neutral conjunction

References (transliterated)

1. Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka). M.: Nauka, 1974. 367 s.
2. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. / gl. red. S. A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2000. 1534 s.
3. Borovskikh N.D. Slozhnopodchinennye predlozheniya s pridatochnym uslovnym v russkom literaturnom yazyke XVIII veka. M.: 1972. 177 s.
4. Vezhbitskaya A. Semanticheskie universalii i opisanie yazykov / per. s angl. A. D. Shmeleva. M.: Yaz. rus. kul'tury, 1999. 776 s.
5. Vinogradov V.V. Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove). / otv. red. G. A. Zolotova. M.: Vysshaya shkola, 1986. 640 s.
6. Gladkii A.V. O znachenii soyuza esli // Semiotika i informatika. 1982. Vyp. 18. S. 43-73.
7. Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / otv. red. N. Yu. Shvedova. M.: Nauka, 1970. 767 s.
8. Gretskeya E.S. Rol' podchinitel'nykh soyuzov v formirovanii modal'nosti slozhnopodchinennykh predlozhenii so znacheniem obuslovlennosti: uslovnye i prichinnye konstruksii. Elets, 2004. 205 s.
9. Kuznetsova L.K. Funktsionirovanie slozhnopodchinennogo uslovnogo predlozheniya v tekste. L.: 1987. 222 s.
10. Lyapon M.V. Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya: K tipologii vnutritekstovykh otnoshenii / otv. red. I. I. Kovtunova. M.: Nauka, 1986. 199 s.
11. Migirin V.N. Yazyk kak sistema kategorii otobrazheniya. Kishinev: Shtiintsa, 1973. 237 s.
12. Nerusheva T. V. Vyrashenie kategorii usloviya pri pomoshchi sredstv leksicheskoi semantiki. Orel, 2003. 165 s.
13. Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi / T. F. Efremova. // <https://gufo.me/dict/efremova> (data obrashcheniya: 12.11.2023)
14. Russkaya grammatika: V 2-kh t. / Redkol.: N. Yu. Shvedova (gl. red.) i dr. T. 2. M.: Nauka, 1980. 709 s.
15. Semenova I.V. Derivaty soyuza ESLI (na materiale sluzhebnykh novobrazovaniy, vznikshikh na baze ESLI). Khabarovsk: Izd-vo TOGU, 2015. 130 s.
16. Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI-XIV vv.): V 10 t. / Gl. red. R. I. Avanesov. // <https://archive.org/details/SDRJa1114/SDRJa1114-1/> (data obrashcheniya: 12.11.2023)
17. Tarakanova E.K. Izmeneniya v semantike i strukture slozhnopodchinennykh uslovnnykh predlozhenii v yazyke russkoi poezii XIX-XX vekov. Tula, 2005. 183 s.
18. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka / V. I. Dal'. // <https://gufo.me/dict/dal?page=2&letter=a> (data obrashcheniya: 12.11.2023)
19. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka / otv. red. S. I. Ozhegov. // <https://gufo.me/dict/ozhegov> (data obrashcheniya: 12.11.2023)

20. Uryson E.V. Opyt opisaniya semantiki soyuzov. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011. 336 s.
21. Kholodov H.H. Slozhnosochinennye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke. Smolensk: [b. i.], 1975. 163 s.
22. Khrakovskii B.C. Uslovnye konstruktсии // Teoriya funktsional'noi grammatiki. Lokativnost'. Bytiinost'. Possessivnost'. Obuslovlennost' / Pod red. A.B. Bondarko. L.: Nauka, 1996. S. 175-214.
23. Khrakovskii V.S. Tipologiya uslovnykh konstruktсии / otv. red. V. S. Khrakovskii. Sankt-Peterburg: Nauka, 1998. 582 s.
24. Shmeleva T.V. Uslovnaya konstruktсия v roli tekstovoi skrepy // Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke. M.: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet, 2016. S. 103-106.
25. Shustova Yu.V. Funktsionirovanie v tekste predlozhenii so znacheniem potentsial'noi obuslovlennosti. Lipetsk, 1999. 176 s.

Genre features of historical legends of the Ingush

Kostoeva Aishat Magometovna

Researcher, Ingush Research Institute of Humanities, Magas, Russia

386001, Russia, Republic of Ingushetia, Magas, Malsagova str., 11

✉ a-kostoeva1@mail.ru

Abstract. The author examines in detail the features of the variety of Ingush prose – historical legends. In the analysis of the genre features of oral folk tales about historical legends based on certain historical facts, it is demonstrated that, despite the hype and the presence of elements of exaggeration, embellishment, they are mainly dominated by the attitude of authenticity. The Ingush have a rich history and a unique colorful culture. Studying the folk traditions and history of Ingushetia is an important way to preserve the historical heritage, the ancient roots of which are associated with the Scythians and tribes of the North Caucasus. Today, the Ingush preserve their traditions and culture.

Taking into account the peculiarities of the historical traditions of the Ingush people, the groups of historical legends reflecting the historical past of the people are analyzed. The study also provides a brief description of the most important texts of historical legends. The research methodology is based on textual analysis using comparative typology, comparative history and variational methods. The author's special contribution to the study of the topic is the fact that the idealization of the heroes of historical legends has undergone significant changes over time. The almost fabulous heroes were replaced by characters close to reality. There is an obvious trend in the artistic work of storytellers, who sought to depict the events of the heroic-historical plan with a focus on authenticity. In modern conditions, when the desire for the formation of culture is extremely increasing in society, the appeal to the historical memory of ancestors acquires special importance.

The historical traditions of Ingushetia, written by different collectors of folklore and recorded in different eras, are valuable not only for researchers of oral creativity, but also for historians. These are stories about important events that have happened, about people with illustrated biographies or about those who played a memorable role in the fate of the people.

Keywords: folk representations, oral stories, historical legends, oral prose, traditions,

culture, Ingush people, folklore, real historical events, real characters

References (transliterated)

1. Emel'yanov, L. I. (1978) *Metodologicheskie voprosy fol'kloristiki*. L.: Nauka, 1978. 206 s.
2. Anikin V. P. (2004) *Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo*. M., «Vysshaya shkola»: 2004. 271 s.
3. Azbelev S. N. (1966) *Problemy mezhdunarodnoi sistematizatsii predanii i legend // Russkii fol'klor*. M., L.: Nauka, 1966. S. 176-195.
4. Azbelev S. N. (1982) *Istorizm bylin i spetsifika fol'klora*. L.: Nauka, 1982. 327 s.
5. Krinichnaya N.A. (1987) *Russkaya narodnaya istoricheskaya proza: Vopros genezisa i struktury*. L.: Nauka, 1987. 227 s.
6. Otsomieva-Tagirova Z. M., Shikhalieva S. Kh., Ganieva F. A., Temirbulatova S. M. (2019) *Lingvokul'turnaya spetsifika imeni sobstvennogo v fol'klornykh tekstakh (na materiale analiza yazykov Dagestana) // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2019. № 2 (75). S. 562-564.
7. Sokolova V. K. (1970) *Russkie istoricheskie predaniya*. Moskva: Nauka, 1970. 288 s.
8. Chistov K. V. (1964) *K voprosu o printsipakh klassifikatsii zhanrov ustnoi narodnoi prozy*. M.: Nauka, 1964. 176 s.
9. Otsomieva-Tagirova Z. M., Yusupov Kh. A. (2023) *Novoe v leksikografii arkhaizmov dagestanskikh yazykov – avarskogo i darginskogo // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. 2023. № 6. S. 26-33.
10. Tagirova Z. M. (2008) *Dialektnyi material v areal'nom osveshchenii // V sbornike: Kavkazskie yazyki: geneticheskie, tipologicheskie i areal'nye svyazi. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. 2008. S. 317-322.
11. Azbelev S. N. (1965) *Otnoshenie predaniya, legendy i skazki k deistvitel'nosti (s tochki zreniya razgranicheniya zhanrov) // Slavyanskii fol'klor i istoricheskaya deistvitel'nost'*. M., 1965 s. 11-12
12. Mal'sagov A. O., Alieva A. I. (1983) *Skazki i legendy ingushei i chechentsev*. M., Izd-vo «Nauka», 1983. 383 s.
13. Alimirzaeva Z. A. (2004) *Istorizm i khudozhestvennost' tabasarantsev*. Makhachkala, 2004. 164 s.
14. Gilyazutdinov S. M. (1998) *Predaniya – istochnik poznaniya // Nauchnyi Tatarstan*. 1998. № 1. S. 67-71.
15. Prikazchikova Yu. V. (2002) *Istoricheskaya proza Vyatskogo kraia (regional'naya spetsifika, motivy i obrazy) // Avtoreferat diss. kand. filol. n. Izhevsk*, 2002. 23 s.
16. Esin E. A. (1998) *Printsipy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniya*. M.: Flinta, Nauka, 1998. 248 s.
17. Dakhkil'gov I. A. (2010) *Istoricheskii fol'klor ingushei i chechentsev. // Antologiya ingushskogo fol'klora*. Nal'chik, 2010. T. 8, vyp. 27. 136 s.
18. Dalgat U. B. (1972) *Geroicheskii epos chechentsev i ingushei*. M., 1972. 467 s.
19. Dakhkil'gov I. A. (2013.) *Ingushskii nartskii epos*. Nal'chik, 2013. 598 s.
20. Dakhkil'gov I. A. (2002) *Zhivitel'nye istoki. // Ingushskie skazki, skazaniya i predaniya*. Nal'chik: El'-Fa, 2002. 453 s.

From the structure of the scientific text to the 1950s-80s bard

song genesis

Zipunov Andrey

Postgraduate student, Department of History of Journalism and Literature, Griboyedov Moscow University

111024, Russia, Moscow, highway Enthusiasts, 21

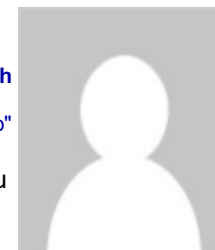
✉ andzip@mail.ru

Valganov Sergei Vladimirovich

Senior Scientific Associate, Independent Nonprofit Organization "Megalithic Club"

✉ volkman00@ya.ru

Abstract. The main purpose of this article is to clarify some controversial questions about the genesis of the bardic songs. This cultural phenomenon is seen as a system of "author-listeners". It has already been noted that the macro-structure of the dialectical opposition "private-universal" manifests itself much more often in bardic song than in other cultural directions. The hypothesis that the bardic song originated in the scientific intelligentsia is put forward in this article. In order to confirm the hypothesis, a brief analysis of scientific texts in the context of the identification of "private-universal" structures is carried out. As a result, it is shown that the structural rhythm "private-universal" is originally characteristic of the scientific tradition. Its presence is an invariable factor across all cultures. Moreover, it is also an integral part of the style of scientific thinking. This way of thinking affects the whole social community and defines the bardic song of listeners and authors. The mechanics of the emergence of this cultural phenomenon have been the subject of research. The verification of the results was carried out by applying the scientists number dynamics in the country to the creation dynamics of the bard songs. Once linked to the structural analysis results, the identified correlation was converted into a dependency rank. Thus, the hypothesis of how the Bard's Song got started was confirmed.

Keywords: Thucydides, Lotman, Sima Qian, Herodotus, scientific text, Panini, structural semiotics, structural analysis, system analysis, bard song

References (transliterated)

1. Ancharov M. Mysli vslukh ob avtorskoi pesne // Nedelya. 1988. № 24. S. 16.
2. Valganov S.V. Ancharov i avtorskaya pesnya: opyt sistemnogo analiza // Pochemu Ancharov? Kniga VIII. M. : Izdatel'skie resheniya, 2022. S. 47-63. DOI: 10.5281/zenodo.6455892
3. Vizbor Yu. On ne vernulsya iz boya // Yu. Vizbor. Ya veryu v semistrunnuyu gitaru. M.: Argus, 1994. S. 391-393.
4. Voloshina O.A. O strukture i lingvisticheskoi terminologii grammatiki Panini i ee vliyaniy na evropeiskuyu lingvistiku // Vestnik RGGU. Tom 12. 2010. S. 161-172.
5. Voloshina O.A. Tipy pravil-sutr v grammatike Panini // Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya. № 23-1. 2019. S. 170-177. DOI:10.30842/ielcp230690152312.
6. Vse, chto ya delayu – svyazano s moim otnosheniem k lyudyam... Besedu s Bulatom

- Okudzhavoi vedet zhurnalist Vitalii Amurskii // Kontinent. № 63. 1990. S. 385-396.
7. Vysotskii V. Ob avtorskoi pesne // Vspominaya Vladimira Vysotskogo. M.: Sovetskaya Rossiya, 1989. S. 120-126.
 8. Gerodot. Istoriya Drevnei Gretsii. Per. s drevnegrech. F.G. Mishchenko. M.: AST, 2017. 656 s.
 9. Gorodnitskii A. Pesni nashego veka // A. Gorodnitskii «Atlanty derzhat nebo...». Vospominaniya starogo ostrovityanina. M.: Eksmo. S. 369-414.
 10. Dimri Dzh.P. Panini i ego «Vos'miknizhie» // Narody Azii i Afriki, M.: Nauka, 1973. № 6. S. 97-103.
 11. Zipunov A.V. Avtorskaya pesnya 1950-80-kh gg. kak massovoe kul'turnoe yavlenie: sistematicheskii obzor // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Izdatel'stvo «Gramota». 2022. T. 15, № 10. S. 3019–3030. DOI: 10.30853/phil20220507
 12. Zipunov A.V. Makrosemanticheskie ritmicheskie struktury v bardovskom tvorchestve A.Mirzayana // Litera. 2022. № 6. S. 114 - 126. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.38151 [Elektronnyi resurs] URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38151
 13. Zipunov A.V. Sistemnyi i individual'nyi krizis v avtorskoi pesne na primere tvorchestva M.Ancharova i A.Galicha // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2022. № 1. S. 24-33. DOI: 10.26456/vtfilol/2022.1.024
 14. Zipunov A.V., Valganov S.V. Makrosemanticheskie ritmicheskie struktury v populyarnykh proizvedeniyakh avtorskoi pesni // Litera. 2021. № 11. S. 106-115. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.11.36848 [Elektronnyi resurs] URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36848
 15. Zipunov A.V., Valganov S.V. Ritmicheskie semanticheskie struktury «poryadok-khaos» v tekstakh avtorskoi pesni // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2021. № 1. S. 216-222. DOI: 10.26456/vtfilol/2021.1.216
 16. Zipunov A.V., Valganov S.V. Ritmicheskie semanticheskie struktury «chastnoe-vseobshchee» v tekstakh avtorskoi pesni i algoritmy ikh poiska // Litera. 2020. № 12. S. 168-176. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.12.34391 [Elektronnyi resurs] URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34391
 17. Zipunov A.V., Valganov S.V. Sravnitel'nyi analiz kul'turnykh napravlenii avtorskoi pesni, russkogo roka i sovetskoi pesni pozdnego SSSR metodom makrosemanticheskikh struktur // Kul'tura i obrazovanie. 2021. № 2. S. 122-131 DOI: 10.24412/2310-1679-2021-241-122-131
 18. Ivanov Vyach. Vs. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. Tom VII: Iz istorii nauki. Kniga 1. M.: Znak, 2010. 720 s.
 19. Istoriya «Pod integralom». [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.integralmuseum.ru/istoriya-pod-integralom> (data obrashcheniya 12.06.2022)
 20. Kak nadezhna zemlya / Sost. D. Sokolov. M.: Muzyka, 1969. 128 s.
 21. Kamankina M.V. Samodeyatel'naya avtorskaya pesnya 1950-70-kh godov (k probleme tipologii i evolyutsii zhanra): diss. kand. isk. Moskva, 1989. 311 s.
 22. Konrad N.I. Polibii i Syma Tsyani' // N.I. Konrad. Zapad i Vostok: stat'i. M.: Nauka, 1966. S. 54-88.
 23. Krol' Yu.L. K literaturovedcheskoi kharakteristike «Zapisei istorika» // Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. Tezisy dokladov II godichnoi nauchnoi sessii LO INA mart 1966 goda. Leningrad: 1966. S. 32-34.

24. Kryukov M.V. Syma Tsyas' i ego «Istoricheskie zapiski» // S.Tsyas'. Istoricheskie zapiski (Shi tszi). T. I. Per. s kit. i komment. R.V. Vyatkina i V.S. Taskina pod obshchei redaktsiei R.V. Vyatkina. M.: Izdatel'stvo «Vostochnaya literatura» RAN, 2001. S. 12-65.
25. Ksenofont. Grecheskaya istoriya. Per. s drevnegrech. S.Ya. Lur'e. Leningrad: Sotsekgiz, 1935. 379 s.
26. Ksenofont. Lakedemonskaya politiya // Aristotel', Ksenofont: Afinskaya politiya. Lakedemonskaya politiya. Per. s drevnegrech. G. A. Yanchevetskogo. M.: Akademicheskii proekt, 2021. 215 s.
27. Lakan Zh. Funktsiya i pole rechi i yazyka v psikhooanalize. M.: Gnozis, 1995. 192 s.
28. Lanbtserg V.I. O potokakh v avtorskoi pesne [Elektronnyi resurs]. URL: <https://altruism.ru/sengine.cgi/5/15/8> (data obrashcheniya 07.05.2022)
29. Lotman Yu.M. Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha. Leningrad: Prosveshchenie, 1972. 272 s.
30. Lotman Yu.M. Kul'tura i vzryv. M.: Gnozis, Progress, 1992. 272 s.
31. Matveeva N. Kiplingu // Komsomol'skaya pravda. № 210 (10842) 4 sentyabrya. 1960. S. 3.
32. Matveeva N. Noch' na 14 sentyabrya 1959 goda // Molodogvardeitsy. M.: Molodaya gvardiya, 1974. S. 256.
33. Nichiporov I.B. Avtorskaya pesnya 1950-1970-kh gg. v russkoi poeticheskoi traditsii: tvorcheskie individual'nosti, zhanrovo-stilevye poiski, literaturnye svyazi: avtoref. diss. d. filol. nauk. Ekaterinburg, 2008. 53 s.
34. Okudzhava B. Vesna v oktyabre // B. Okudzhava. Lirika. Kaluga: Izdatel'stvo gazety «Znamya», 1956. S. 45-62.
35. Okudzhava B. Eshche v litavry rano bit' // Pravda. 1988. 23 sent. (№ 267). S. 4.
36. Okudzhava B. Muzyka dushi // Napolnim muzykoi serdtsa, M.: Sovetskii kompozitor, 1989. S. 3-4.
37. Pesnya edinaya i mnogolikaya: Kruglyi stol «Nedeli» / Reportazh s press-konferentsii veli A. Asarkan i An. Makarov; Vystupili L. Ivanova, A. Galich, Yu. Kim, M. Ancharov, Yu. Vizbor // Nedelya. 1966. № 1 (yanv.). S. 20-21.
38. Rasputina S.P. Sotsial'no-tsennostnoe i motivatsionnoe svoeobrazie sovetskogo bardovogo dvizheniya 1960-1980-kh godov: avtoref. diss. kand. filos. nauk. Moskva, 1997. 18 s.
39. Revich Yu., Yurovskii V. Mikhail Ancharov. Pisatel', bard, khudozhnik, dramaturg. M.: Kniga, 2018. 600 s.
40. Smirnov V.E. Sotsial'nye mekhanizmy obshchestvennogo razvitiya: sotsiologicheskaya i istoriko-kul'turnaya rekonstruktsiya. Minsk: Belaruskaya navuka, 2016. 293 s.
41. Sokolova I.A. Formirovanie avtorskoi pesni v russkoi poezii (1950-1960-e gg.): avtoref. diss. kand. filol. nauk. 2000. 22 s.
42. Spirin V.S. Postroenie drevnekitaiskikh tekstov. M.: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1976. 233 s.
43. Stenogramma vystupleniya Vysotskogo v g. Voroshilovgrade 25 yanvarya 1978 g. (21 ch.) // Biografiya «Vladimir Vysotskii» [Elektronnyi resurs]. URL: <https://muz-lyrics.ru/about/310-vysockij-vladimir>. (data obrashcheniya 28.04.2022)
44. Syma Tsyas'. Istoricheskie zapiski (Shi tszi). T. 1-9. M.: Izdatel'stvo «Vostochnaya literatura» RAN, 1972-2010.
45. Trifonov V.A. Proiskhozhdenie keramicheskogo kompleksa «dol'mennoi» kul'tury epokhi

bronzy // Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda. Velikii Novgorod – Staraya Russa. Tom I. Sankt-Peterburg-Moskva-Velikii Novgorod, 2011. S. 289-290.

46. Ushakov D.V. Intellect: strukturno-dinamicheskaya teoriya. M.: Institut psikhologii RAN, 2003. 264 s.
47. Fukidid. Istoriya. Per. s drevnegrech. G.A.Stratanovskogo. Leningrad: Nauka, 1981. 544 s.
48. Khomutova E.N. Fenomen avtorskoi pesni v otechestvennoi kul'ture serediny XX veka: avtoref. diss. kand. kul'turol. nauk. Moskva, 2002. 22 s.
49. Yankovskaya O.V. Genezis avtorskoi pesni kak sotsiokul'turnogo fenomena 50-70-kh godov XX veka: avtoref. diss. kul'turol. nauk. Shuya, 2011. 22 s.
50. Vasu S. Ch. The Aṣṭhādhyāyī of Panini. Vol. 1-3. Allahabad, Indian Press, 1891-1894.
51. Vasu S. Ch. The Aṣṭhādhyāyī of Panini. Vol. 4-8. Benares, Sindhu Charan Bose, 1896-1898.